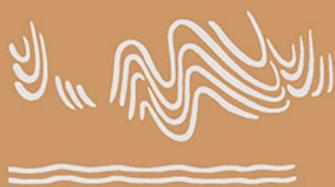

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ

VI

выпуск

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**ESSAYS
ON THE HISTORY
OF RUSSIAN
ARCHAEOLOGY**

Issue VI

Moscow

2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

Выпуск VI

Москва

2022

УДК 902/904
ББК 63.4
О95

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина (ответственные редакторы),
Д.С. Коробов, С.В. Кузьминых, И.А. Сорокина

Ответственный редактор выпуска
И.А. Сорокина

Рецензенты: А.А. Масленников, Ю.Б. Цетлин

Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VI. –
М.: ИА РАН, 2022. 532 с.: ил.

Сборник статей «Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VI» продолжает серию изданий по истории археологической науки в российском/советском государстве. Он содержит материалы конференции «Советская археология до и после Великой Отечественной (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов)», организованной Отделом теории и методики Института археологии РАН (Москва), состоявшейся 06–08 апреля 2021 г. Авторы статей анализируют археологические реалии 2-й половины 1930–1940-х гг. Красной нитью проходит тезис о значительной роли в развитии археологии регионов РСФСР специалистов и экспедиций центральных учреждений: ГАИМК/ИИМК, ГИМ и ряда других. Особое внимание уделено перипетиям развития археологической науки и образования, сохранению музейных коллекций, да и просто выживанию археологов во время Великой Отечественной войны. Освещены и проблемы послевоенного восстановительного периода. Участники сборника – 30 авторов, доктора и кандидаты наук из 17 городов Российской Федерации, а также Беларуси, Украины и Узбекистана. Они представляют научно-исследовательские учреждения, музеи и вузы. Согласно тематике статьи размещены в 3-х разделах: «Археология в регионах», «Общие вопросы развития археологической науки», «Personalia».

Сборник будет интересен археологам, историкам и преподавателям истории, краеведам, всем, интересующимся судьбами археологического наследия.

ISBN 978-5-94375-386-2

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2022
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Д.С. Коробов, И.А. Сорокина).....	11
---	----

АРХЕОЛОГИЯ В РЕГИОНАХ

<i>Вайтович А.В.</i> У истоков белорусского археологического образования (1921–1944).....	22
<i>Вдовин А.С., Макаров Н.П.</i> Археология Енисейской Сибири: 30–40-е годы XX века	40
<i>Евгеньев А.А.</i> Особенности организации археологических исследований в Оренбургском Приуралье в 1920–1930-е годы.....	56
<i>Жукова Е.Н.</i> Археологические исследования в Калининской области в 1930–1940-е годы.....	69
<i>Захарова Е.Ю.</i> «...Когда марксистско-ленинское направление одержало победу в исторической науке...» (воронежская археология 1930–1940-х годов).....	86
<i>Каргин Ю.Ю.</i> «С чистого листа» или археология в Сталинградском областном краеведческом музее в период пребывания в Камышине (1946–1954).....	105
<i>Китова Л.Ю.</i> Сибирская археология во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х годов.....	120
<i>Левченко В.В.</i> Деятельность археологических институций в Одессе во второй половине 1930-х – 1940-х годах.....	137
<i>Мельникова О.М.</i> У истоков пермской научной археологической школы (по материалам переписки О.Н. Бадера).....	157
<i>Руденко К.А.</i> Археология в ТАССР во второй половине 1930-х – конце 1940-х годов.....	175
<i>Савенко С.Н.</i> Тенденции и особенности развития северокавказской археологии во второй половине 1930-х – 1940-е годы.....	196
<i>Ткачёв А.Н.</i> Археология Кубани в 1930–1940-е годы.....	223
<i>Шамукарамова Ф.Ш.</i> Институциональные и организационные процессы в развитии археологии Узбекистана (1920–1930-е годы).....	236

<i>Юрочкин В.Ю., Кизилов М.Б.</i> Экспедиции, которых не было: иностранцы в Крымской Готии (1920–1940-е гг.).....	263
---	-----

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Канторович А.Р.</i> Лекционные курсы А.В. Арциховского на историческом факультете МГУ как один из важнейших этапов археологического образования.....	288
<i>Медведева М.В., Застрожнова (Панкратова) Е.Г.</i> «Изъятые документы ГАИМК»: проблема интерпретации и перспективы изучения.....	301
<i>Сорокина И.А.</i> Организация и регламентация полевых исследований до и после Великой Отечественной войны (1930–1940-е годы).....	311
<i>Тихонов И.Л.</i> «Его поведение профессора, а не большевика»: к истории партийной организация ГАИМК в 1930-е годы (по архивным материалам).....	330

PERSONALIA

<i>Белозёрова И.В.</i> Александр Яковлевич Брюсов в 1930–1940-е годы (по материалам Отдела письменных источников ГИМ).....	350
<i>Бессуднов А.Н., Щавелёв С.П.</i> Петр Николаевич Черменский: жизненный путь, музейно-краеведческая и археологическая деятельность.....	369
<i>Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А.</i> Артемий Владимирович Арциховский в период Великой Отечественной войны (по материалам переписки с коллегами и учениками).....	381
<i>Галкин Т.О.</i> Ангелина Васильевна Дмитриевская: непростая судьба ученицы В.А. Городцова.....	389
<i>Ганенок В.Ю.</i> Константин Эдуардович Гриневич в 1933–1948 годах: перипетии биографии.....	398
<i>Зоря Р.С.</i> Казанская археология в лицах: Николай Филиппович Калинин.....	407

<i>Медведева М.В.</i> Подготовка национальных кадров в ГАИМК: судьба аспиранта А.Х. Маргуланова.....	420
<i>Непомнящий А.А.</i> Организатор советского крымоведения Николай Эрнст.....	431
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	454
SUMMARY.....	458
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	476
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	485

CONTENTS

INTRODUCTION (*D.S. Korobov, I.A. Sorokina*)..... 11

ARCHEOLOGY IN THE REGIONS

<i>Vaitovich A.V.</i> At the origins of Belarusian archaeological education (1921–1944).....	22
<i>Vdovin A.S., Makarov N.P.</i> Archeology of the Yenisei Siberia: ‘30s – ‘40s of the 20 th	40
<i>Evgeniev A.A.</i> Special aspects of archaeological research organization in the Orenburg Cis-Urals in the 1920s–1930s.....	56
<i>Zhukova E.N.</i> Archeological research in the Kalinin region in the 1930s – 1940s.....	69
<i>Zakharova E.Yu.</i> «...When the Marxist-Leninist trend prevailed in historical science...» (Voronezh archeology of the 1930s – 1940s).....	86
<i>Kargin Yu.Yu.</i> «From a clean slate», or, Archeology in the Stalingrad Regional Museum of Local Lore during its stay in Kamyshin (1946–1954).....	105
<i>Kitova L.Yu.</i> Siberian archeology in the second half of the 1930s – the first half of the 1940s.....	120
<i>Levchenko V.V.</i> The archaeological institutions’ activities in Odessa in the second half of the of the 1930s – 1940s.....	137
<i>Melnikova O.M.</i> At the origins of the Perm scientific archaeological school (based on O.N. Bader’s correspondence).....	157
<i>Rudenko K.A.</i> Archeology in the TASSR in the second half of the 1930s – late 1940s.....	175
<i>Savenko S.N.</i> Trends and features of development of North Caucasian archeology in the second half of the 1930s – 1940s.....	196
<i>Tkachev A.N.</i> Archeology of the Kuban in the 1930s–1940s.....	223
<i>Shamukaramova F.Sh.</i> Institutional and organizational processes in the development of archeology in Uzbekistan (1920s – 1930s).....	236
<i>Yurochkin V.Yu., Kizilov M.B.</i> Expeditions that never happened: foreigners in Crimean Gothia (1920s–1940s).....	263

GENERAL QUESTIONS OF THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

<i>Kantorovich A.R.</i> Lecture courses by A.V. Artsikhovsky at the Faculty of History of Moscow State University as one of the most important stages of archaeological education.....	288
<i>Medvedeva M.V., Zastrozhnova (Pankratova) E.G.</i> «Withdrawn documents of State Academy of the History of Material Culture»: the problem of interpretation and prospects of study.....	301
<i>Sorokina I.A.</i> Organization and regulation of field research before and after the Great Patriotic War (1930s–1940s).....	311
<i>Tikhonov I.L.</i> «He behaves as a professor, not as a Bolshevik»: to the history of the party organization of State Academy of the History of Material Culture in the 1930s (based on archival materials).....	330

PERSONALIA

<i>Belozerova I.V.</i> Alexander Yakovlevich Bryusov in the 1930–1940s (according to the materials of the Department of Written Sources of the State Historical Museum).....	350
<i>Bessudnov A.N., Shchavlev S.P.</i> Pyotr Nikolaevich Chermensky: life path, museum, local history and archaeological activities.....	369
<i>Gaidukov P.G., Kudryavtsev A.A.</i> Artemy Vladimirovich Artsikhovsky during the Great Patriotic War (based on correspondence with colleagues and students).....	381
<i>Galkin T.O.</i> Angelina Vasilievna Dmitrievskaya: the difficult life of V.A. Gorodtsov's student...../.....	389
<i>Ganenok V.Yu.</i> Konstantin Eduardovich Grinevich in 1933–1948: twists and turns in his biography.....	398
<i>Zorya R.S.</i> Kazan archeology in persons: Nikolai Filippovich Kalinin.....	407
<i>Medvedeva M.V.</i> Training of national personnel in GAIMK: the fate of postgraduate student A.Kh. Margulanov.....	420
<i>Nepomnyashchy A.A.</i> Organizer of the Soviet Crimean studies Nikolay Ernst.....	431

ABOUT THE AUTHORS.....	454
SUMMARY.....	458
ABBREVIATIONS.....	476
ILLUSTRATIONS.....	485

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемъй вниманию сборник «Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VI» продолжает серию изданий по истории археологической науки в российском/советском государстве. Он содержит материалы конференции «Советская археология до и после Великой Отечественной (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов)», организованной Отделом теории и методики Института археологии РАН (Москва), состоявшейся 6–8 апреля 1921 г. Эта конференция – пятая в череде аналогичных по тематике форумов, уже традиционно проводимых Отделом.

Первым таким мероприятием был состоявшийся в феврале 2013 г. круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего». В нем участвовали ученые из ведущих научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ижевска, Красноярска, Курска, Самары, Киева. Материалы круглого стола опубликованы в IV выпуске «Очерков истории отечественной археологии» (Очерки истории..., 2015). Так после долгого перерыва возобновилась традиция выпусков «Очерков»¹. В феврале 2015 г. состоялась уже более представительная по составу участников конференция «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания». Количество докладов существенно возросло. Часть их была опубликована в виде статей в «Кратких сообщениях Института археологии РАН» (КСИА, 2015. Вып. 240, 241; КСИА, 2016. Вып. 242, 243). Также к конференции был выпущен сборник материалов (Ученые и идеи..., 2015). Огромный интерес к истории археологии способствовал организации международной конференции «1917 год: российская археология на переломе эпох» (Москва, апрель 2017 г.), тем более что нельзя было не отметить коренной перелом, произошедший в развитии археологии (да и других наук) в результате двух российских революций. На конференции были представлены свыше 30 докладов ученых из почти двух десятков учреждений России и Украины, в которых дан анализ опубликованных и ранее неизвестных документов, как из центральных, так и региональных архивов (1917 год..., 2017).

¹ Издание серии было инициировано в 1991 г. сотрудником Отдела теории и методики А.А. Формозовым. С этого года по 1998 г. вышло 3 выпуска (Очерки..., 1991; 1998; 2002). Изданием 2015 г. нумерация продолжилась.

Перемены затронули, прежде всего, область организации науки: исчезали старые и появлялись новые археологические институты, изменился порядок регламентации полевых исследований. Освещению разных сторон этого сложного процесса была посвящена конференция «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях». Она прошла в стенах Института археологии РАН в феврале 2019 г. Хронологический диапазон опубликованных в двух изданиях докладов и статей: 1920-е – первая половина 1930-х гг. (У истоков..., 2019; Очерки истории..., 2019).

В 2021 г., как отмечалось в начале, состоялась очередная конференция по истории археологической науки. Темой ее стало развитие нашей науки в один из наиболее тяжелых периодов российской/советской истории: «Советская археология до и после Великой Отечественной (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов». Примечательным стало участие представителей трех новых регионов: Беларуси, Узбекистана и на территории России – Южного Приуралья. К началу конференции был издан сборник материалов (Советская археология..., 2021). Сборник статей «Очерки истории отечественной археологии. Выпуск VI» отражает содержание докладов, заявленных для участия в конференции, и является более полным, чем упомянутый сборник материалов, не только по объему, но и по содержанию, поскольку часть тем в то издание не вошла. Авторы статей анализируют археологические реалии второй половины 1930-х – 1940-х гг. Красной нитью проходит тезис о значительной роли в развитии археологии регионов РСФСР специалистов и экспедиций центральных учреждений: ГАИМК/ИИМК, ГИМ и ряда других. Это время первых крупных новостроечных экспедиций, которые благодаря масштабам исследований не только способствовали многократному увеличению количества разведанных и раскопанных объектов археологического наследия, но и явились базой для повышения квалификации и научного роста кадров региональных археологов.

Не обойдены молчанием трагические события, затронувшие российских ученых и краеведов в 1930-е гг.: разгром краеведческого движения и его последствия; политические репрессии среди сотрудников центральных и региональных учреждений. Особое внимание уделено перипетиям развития археологической науки и образования, сохранению музейных коллекций, да и просто выживанию археологов во время Великой Отечественной войны.

Согласно тематике статьи размещены в трех разделах.

Первый раздел («Археология в регионах») включает статьи, традиционные для тематики конференций и хорошо представленные в выпуске V «Очерков истории отечественной археологии». В них рассматриваются реалии развития археологии в разных частях огромной страны и отчасти за ее пределами. Основной период – вторая половина 1930-х – 1940-е гг. Однако, поскольку появились материалы из регионов, ранее на конференциях не обсуждавшихся (Беларусь, Узбекистан, Южное Приуралье), авторам этих статей было предложено расширить хронологические рамки до начала 1920-х гг., чтобы была видна и предыстория описываемых событий.

В статье **А.В. Вайтович** дана картина становления и развития археологического образования на территории современной Беларуси с 1920-х гг. до конца Великой Отечественной войны. Рассмотрены основные проблемы, прежде всего, нехватка кадров и средств. Показана роль отделений Московского археологического института, а также охарактеризованы деятели, усилиями которых специализация по археологии вышла на новый уровень. Отмечено, что главные достижения в развитии археологического образования в Беларуси пришлись на вторую половину 1930-х гг., но работа была прервана Великой Отечественной войной и не без труда продолжилась в 1943–1944 гг.

Первая статья в сборнике, посвященная археологии Сибири, принадлежит перу **А.С. Вдовина** и **Н.П. Макарова**. Они рассматривают развитие археологии в огромном регионе – Красноярском крае. Отмечено, что после активной археологической работы 1920-х гг. наступает некоторый застой, в 1930-х гг. профессиональных археологов практически не остается. Немаловажную роль в этом сыграл поиск «вредителей» среди музейных сотрудников. Та же ситуация сложилась и в деле охраны археологического наследия. Основными организациями, где как-то проводились археологические исследования, были Красноярский и Минусинский музеи. Ситуация меняется с началом строительства ГЭС Ангарского каскада (с 1936 г.). Несколько увеличиваются и возможности проведения экспедиций с бюджетным финансированием.

Тема Сибири продолжена в статье **Л.Ю. Китовой**, давшей обзор работ археологов из центральных учреждений (С.В. Киселёв, Г.П. Герасимов, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, М.П. Грязнов), усилиями которых в тот период и поддерживались исследования

в сибирских регионах: Иркутской области, Хакасии, на Алтае, в Минусинской котловине, в бассейне Амура и в Якутии.

В статье **А.А. Евгеньева** рассмотрено развитие археологии в Оренбургском Приуралье в 1920–1930-е гг. Здесь в это время нет учреждения, которое смогло бы организовать исследование. Некоторую роль могло бы играть Оренбургское отделение МАИ, но помешало отсутствие нужных специалистов. Вся активность легла на плечи отдельных исследователей. Это В.В. Гольмстен, Б.Н. Граков, К.В. Сальников. Единственной местной организацией, как-то занимавшейся археологией в 1920–1930-е гг., был Оренбургский музей. В статье рассмотрена его роль в изучении памятников Оренбуржья.

Археологическая активность в Калининской (совр. Тверской) области в 1930–1940-е гг. представлена в статье **Е.Н. Жуковой**. Автор указывает, что в связи с усилением государственного контроля в сфере изучения древностей и ликвидацией общественных институций на смену краоведам-любителям пришли археологи-профессионалы. Ведущая роль теперь принадлежала государственным учреждениям: Калининскому пединституту и Тверскому музею. С 1920-х гг. для работы в регионе привлекались столичные ученые. В 1930–1940-е гг., помимо местных археологов, начали работать крупные новостроечные экспедиции ИИМК и МОИИМК. Эти факторы оказали огромное влияние как на степень изученности археологических памятников Калининской области, так и на подготовку специалистов.

В статье **Е.Ю. Захаровой**, освещающей рассматриваемый период в истории воронежской археологии, также подчеркивается роль столичных учреждений для продолжения археологических исследований в регионе. Прежде всего, это раскопки и разведки памятников эпохи палеолита в Костёнковско-Боршевском районе, связанные с именами сотрудников ГАИМК/ИИМК П.П. Ефименко, П.И. Борисковского, В.И. Равдоникаса, А.Н. Рогачёва и др. Работали и крупные новостроечные экспедиции. Сотрудничество ленинградских археологов с воронежскими продолжалось и во время Великой Отечественной войны: профессор В.И. Равдоникас в 1943/1944 учебном году преподавал в эвакуированном Воронежском университете. Дальнейшее развитие археологии в регионе связано с именем его ученицы А.Н. Москаленко.

Тема выживания региональных учреждений во время войны затронута в статье **Ю.Ю. Каргина**. Он характеризует деятель-

ность Сталинградского областного краеведческого музея, бывшего с 1920-х гг. основной организацией археологического профиля в регионе и оказавшегося в эвакуации в г. Камышине. Археологическая и этнографическая коллекции были утрачены в ходе боевых действий, поэтому основной задачей стало пополнение фондов. Вместе с этим активно велись и археологические разведки, шло выявление памятников археологии. На рубеже 1940–1950-х гг. в регионе начинается работа одной из самых крупных новостороечных экспедиций ИИМК АН СССР – Сталинградской. Это также сыграло положительную роль в дальнейшем развитии археологии региона.

Работа археологических учреждений в Одессе, образовательных и научно-исследовательских, представлена в публикации **В.В. Левченко**. Охарактеризованы непростые взаимоотношения археологической общественности с властью, состояние материально-технической и финансовой базы музеев и вузов, полевые исследования 1930–1940-х гг. Трагична судьба коллекций Одесского музея во время немецко-румынской оккупации, описаны героические усилия его сотрудников по спасению оставшегося и возвращению вывезенного в Румынию материала.

Ведущую роль экспедиций ГАИМК/ИИМК в становлении региональной археологии отмечает и **О.М. Мельникова**. Она подробно анализирует процесс становления пермской археологической школы. Смена политического курса на рубеже 1920–1930-х гг. привела к репрессиям в отношении многих местных исследователей. Их место постепенно заняли специалисты из Москвы и Ленинграда, продолжившие изучение археологических памятников уральского региона. В дальнейшем оно было связано с именами М.В. Талицкого, А.П. Смирнова, Н.А. Прокошева и др. Подлинным создателем пермской школы явился О.Н. Бадер. Автор вводит в научный оборот новые архивные документы – переписку К.В. Сальникова, посвященную II Уральскому совещанию археологов.

В статье **К.А. Руденко** рассматривается ситуация в казанской археологии в предвоенные и первые послевоенные годы. Сосредоточением археологических сил в те годы стал Центральный музей Татарии. Проводились совместные экспедиции этого музея, ГИМ и ГАИМК/ИИМК. Огромную роль в этом начинании сыграл один из крупнейших советских археологов А.П. Смирнов (ГИМ, ИИМК), с 1933 г. работавший в ТАССР (Сувар, Болгар и т.д.). Рассмотрена также деятельность татарских археологов: Н.Ф. Калинина и др. Развитие татарской археологии в это время

тесно связано с работой Куйбышевской новостроечной экспедиции. Все планы прервала Великая Отечественная война. После ее окончания исследования продолжились на новом организационном и научном уровне.

Истории местных учреждений археологического профиля и некоторым персоналиям, внесшим существенный вклад в развитие археологии Северного Кавказа, посвящена публикация **С.Н. Савенко**. Автор подробно освещает судьбу местных музеев, высших учебных заведений и общественных организаций, работу руководителей археологических экспедиций. Автор также отмечает большую роль планомерной работы экспедиций ГАИМК/ИИМК. В обзор включены территории Западного Кавказа (Верхнее Прикубанье), Центрального и Восточного Кавказа. Перемены идеологии в руководстве наукой, произошедшие в 1930-е гг., прервали поступательное развитие археологии в северокавказском регионе, как и по всей стране. Еще тяжелее отразилось военное время (помимо боевых действий – депортация народов). Многие позже пришлось восстанавливать. Однако полевые работы успешно продолжались после войны. Появились в северокавказской археологии и новые яркие исследователи.

Процессы, происходившие в развитии археологии среднего и нижнего течения Кубани, да и во всем обширном Краснодарском крае и Адыгее (за исключением античных экспедиций на Тамани) рассмотрены в статье **А.Н. Ткачёва**. Он останавливается преимущественно на деятельности местных археологов, поскольку в это время Краснодарский музей становится крупнейшим научно-исследовательским центром региона и ведет научную работу в соответствии с утвержденным планом работ по большей части на новостройках. Полевые исследования проводятся в основном под руководством Н.В. Анфимова, с именем которого связана целая эпоха в кубанской археологии.

Отрадно отметить, что появилась возможность включить в «Очерки» материал еще по одному сопредельному с РФ региону – Узбекистану. Статья **Ф.Ш. Шамукарамовой** посвящена деятельности организаций по охране памятников (Туркомстарис, Средкомстарис, Узкомстарис) с 1920-х по начало 1940-х гг. Дана картина полевого исследования археологических памятников Узбекистана в этот период, подробно проанализирована работа вышеназванных организаций по сохранению археологического наследия, отмечены контакты с центром – ГАИМК/ИИМК.

Интересна и деятельность отдельных персоналий, и их роль в становлении узбекской археологии.

Совершенно новым сюжетом и для конференций, и для «Очерков» явилось участие иностранцев (точнее попытки такового) в археологическом изучении Крыма до немецко-фашистской оккупации и во время нее. Эти материалы представлены в статье **В.Ю. Юрочкина** и **М.Б. Кизилова**. Подобные действия были связаны с «готской проблемой». В этой же связи охарактеризована деятельность советских археологов (Н.И. Репников и др.), а также немцев, в том числе Г. Гиммлера, побывавшего в Крыму в 1942 г.

Второй раздел («Общие вопросы развития археологической науки») открывается статьей **А.Р. Канторовича**, посвященной проблеме развития археологического образования в стране. В 1934 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», ликвидировавшее очевидный пробел в образовательной системе и вернувшее историю как обязательную дисциплину в школах и вузах. В двух ведущих университетах страны – Московском и Ленинградском, открылись исторические факультеты, а во второй половине 1930-х гг. – и специализированные археологические подразделения в их составе. Остро встал вопрос о создании курсов по основам археологии и ее историографии. Поистине выдающимся вкладом в процесс подготовки профессиональных археологов стали соответствующие лекционные курсы профессора **А.В. Арциховского** (зав. кафедрой археологии истфака МГУ), анализ которых и дан в статье.

Трагические события середины – второй половины 1930-х гг., наложившие отпечаток на дальнейшее развитие археологии как науки, также не оставлены без внимания в настоящем сборнике. В статье **М.В. Медведевой** и **Е.Г. Застрожной (Панкратовой)** рассматриваются проблемы, связанные с архивно-документальной базой. В результате масштабной «чистки» кадрового состава Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) часть делопроизводства, письма, научные отчеты, фотографии и пр., имеющие отношение к репрессированным сотрудникам, были изъяты в спецхран и засекречены. Процесс доступа к ним контролировался НКВД. Только в настоящее время открывается доступ к сохранившимся в архивах документам, что позволяет хотя бы частично восстановить реальную картину произошедшего в те тревожные годы.

Тема смены руководства наукой в целом и археологией в частности и, как следствие, репрессий в отношении ее представителей, иной раз весьма далеких от политики, продолжена в статье **И.Л. Тихонова**. Процесс перевода археологии на марксистские идеологические установки рассмотрен на примере той же ГАИМК (с 1937 г. ИИМК АН СССР). Показано усиление роли ее партийной организации, постепенно захватившей руководство научной деятельностью и влиявшей на ученое сообщество несмотря на то, что ее члены сами были далеки от археологии и значимых научных достижений после себя не оставили. Большая «чистка» ГАИМК была инспирирована именно партийцами, многие из которых со временем сами попали под каток репрессий.

В статье **И.А. Сорокиной** рассмотрена система организации полевой археологии во второй половине 1930-х – 1940-х гг. Речь идет об изменении порядка выдачи открытых листов, которые с 1935 г. выдает не Наркомпрос РСФСР, а ГАИМК. Это повлекло за собой упорядочивание процесса регламентации, формирование в ГАИМК/ИИМК специальных подразделений, ведущих учет полевых работ и обеспечивающих научную оценку их качества. Именно с целью повышения качества работ издаются инструкции по проведению полевых исследований памятников разных типов, подготовке научных отчетов, работе с находками, написанные на высоком научном уровне и во многом актуальные до сих пор.

Третий раздел («Personalia») содержит ряд статей, посвященных жизни и деятельности как очень знаковых, так и совсем мало известных археологов. Показано, как тесно судьбы людей связаны с историей страны, ее светлыми и трагическими страницами.

В статье **И.В. Белозёровой** рассматривается определенный период жизни и работы одного из крупнейших советских археологов – А.Я. Брюсова, ученика выдающегося ученого В.А. Городцова. Вводятся в научный оборот недавно разобранные документы из его личного фонда в Отделе письменных источников ГИМ. Показана его разнообразная активность в 1930–1940-е гг. на музейном, организационном (особенно в годы Великой Отечественной войны) и научном поприще.

1940-е годы были непростыми и в жизни другого ученика В.А. Городцова – А.В. Арциховского. Он сам прошел через фронтные испытания и после демобилизации во время войны подерживал контакты со своими собственными учениками и колле-

гами, оказавшимися на фронте и в тылу. В статье **П.Г. Гайдукова** и **А.А. Кудрявцева** впервые вводятся в научный оборот письма Артемия Владимировича – знаковой фигуры как для советской археологии в целом, так и для системы археологического образования в стране.

В статье **А.Н. Бессуднова** и **С.П. Щавёлева** описывается долгий и непростой жизненный путь одного из самых известных краеведов Центрального Черноземья – П.Н. Черменского. Он был исследователем многих археологических памятников, сотрудником краеведческих организаций, автором более 80 научных работ и свыше 140 популярных статей по истории родного края в разные эпохи, спасал в годы войны коллекции Курского музея, был создателем Лебедянского краеведческого музея, носящего его имя.

Подавляющему большинству российских археологов не только современности, но и недавнего прошлого ничего не говорит имя еще одной ученицы В.А. Городцова – А.В. Дмитриевской. Ее жизнь и деятельность рассмотрена в статье **Т.О. Галкина**. Она закончила 1-й МГУ вместе с рядом впоследствии более известных археологов (А.П. Смирнов, В.П. Левашёва, П.А. Дмитриев и др.), исследовала ряд памятников в Коми, центре европейской части РСФСР, в Украине. Пережила блокаду Ленинграда. К сожалению, не известны документы о самом раннем и заключительном периодах ее жизни, но автор не оставляет надежду их найти.

В статье **В.Ю. Ганенка** представлен определенный период жизненного пути археолога-античника К.Э. Гриневича, оказавшегося в результате репрессий в Томске и внесшего значительный вклад как в изучение памятников региона, так и в развитие археологического образования в томских вузах. Затронут и предшествующий крымский период жизни ученого, и обстоятельства его ареста.

Статья **Р.С. Зори** посвящена Н.Ф. Калинин – одному из создателей современной казанской археологии. Рассмотрена его преподавательская, музейная, научная деятельность с молодых лет до кончины. Работа построена на архивных материалах. Дана характеристика многочисленных научных трудов. Н.Ф. Калинин воспитал плеяду учеников, активно работал в Центральном музее Республики Татарстан, в Институте языка, литературы и истории. Постоянно проводил археологические разведки, в том числе в зонах затопления водохранилищ; исследовал Казанский кремль и участвовал в раскопках Болгарского городища. Перечисленное – лишь небольшая часть его работ.

Ранее неизвестные архивные документы вводятся в научный оборот в статье **М.В. Медведевой**. Они характеризуют ленинградский период жизни А.Х. Маргуланова (Маргулана), основателя казахстанской археологии. В середине 1930-х гг. он состоял в аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры. Некоторые трагические обстоятельства не помешали ему в дальнейшем стать выдающимся ученым.

Завершает раздел III обширный очерк **А.А. Непомнящего** об «организаторе советского крымоведения» Н.Л. Эрнсте. Его имя было широко известно в археологических кругах с начала 1920-х гг. Получивший прекрасное образование исследователь начал свой научный путь на библиотечном поприще в Киеве, позже работал в Центральном музее Тавриды (Симферополь). Вел раскопки памятников Крыма, в том числе палеолитических стоянок (с Г.А. Бонч-Осмоловским), Неаполя Скифского, пещерных городов. К сожалению, он не избежал репрессий, что и предопределило его безвременный уход.

Шестой выпуск «Очерков истории отечественной археологии» охватывает события одного из самых тяжелых периодов истории России. Многие начинания 1930-х гг. были резко прерваны Великой Отечественной войной. Археологи уходили на фронт, организовывали спасение музейных ценностей в тылу, терпели лишения, но продолжали работать, во всяком случае, возвращались к активной научной деятельности при первой возможности. Были в их рядах и фронтовые потери, ломались судьбы в трагическое время репрессий. Но археологическая наука развивалась. Полевые исследования в значительном объеме возобновились уже в 1945 г., да и во время войны не всюду прекращались. Археологи были привлечены государством к определению ущерба культурному наследию, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками. Послевоенный период знаменовал новую фазу во всех сферах археологической деятельности.

Надеемся, что сборник вызовет интерес как специалистов-археологов, так и всех, интересующихся российской историей, и будет способствовать углублению знаний об истории нашей страны пусть и в достаточно узком сегменте, но очень важном для понимания процессов, происходящих в науке археологии сегодня.

Д.С. Коробов, И.А. Сорокина

Литература

- Ученые и идеи..., 2015. Ученые и идеи: страницы истории археологического знания / Тезисы докл. межд. научн. конф. 24–25 февраля 2015, Москва / Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 72 с.
- Очерки..., 1991. Очерки истории русской и советской археологии / Отв. ред. В.И. Гуляев, А.А. Формозов. М.: Наука. 162 с.
- Очерки..., 1998. Очерки истории отечественной археологии. Вып. II / Сост. А.А. Формозов / Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М.: ГИМ. 232 с.
- Очерки..., 2002. Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Сост. А.А. Формозов / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Формозов. М.: ИА РАН. 196 с.
- Очерки истории..., 2015. Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 266 с.
- 1917 год..., 2017. 1917 год: российская археология на переломе эпох / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы межд. научн. конф. 4–6 апреля 2017, Москва. М.: ИА РАН. 92 с.
- У истоков..., 2019. У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы межд. научн. конф. 26–27 февраля 2019, Москва. М.: ИА РАН. 64 с.
- Очерки истории..., 2019. Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 456 с.
- Советская археология..., 2021. Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов) / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы межд. научн. конф. 6–8 апреля 2021, Москва. М.: ИА РАН. 84 с.

АРХЕОЛОГИЯ В РЕГИОНАХ

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2.22-39

А.В. Вайтович

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1921–1944)

Резюме. В статье рассматривается история становления археологического образования в Беларуси в 1920–1940-е гг. После реорганизации археологических институтов дисциплины археологического профиля изучались только в Белорусском государственном университете. Студентам преподавались отдельные вопросы археологии и истории первобытной культуры. В 1920-е гг. на качестве преподавания негативно отражались нехватка кадров и ограниченность университетской материальной базы. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. главным сдерживающим фактором стала идеологизация науки и образования. Положительная динамика развития университетской археологии наметилась в середине 1930 г., однако она была прервана репрессиями 1937 г. В годы Великой Отечественной войны БГУ продолжал свою работу в эвакуации. Занятия по археологии и истории первобытного общества были поручены московским ученым. В статье показано, что общий вектор развития белорусской университетской археологии в целом соответствовал тенденциям становления советского археологического образования.

Ключевые слова: археология, история первобытного общества, образование, археологический институт, университет, Беларусь.

Важнейшим показателем уровня развития археологии как научной дисциплины является состояние профессионального археологического образования. На территории Беларуси сложение археологии как науки началось в XIX в. Процессы институциона-

лизации белорусской археологии активизировались после 1919 г. Целенаправленную деятельность по археологическому изучению территории республики развернули сотрудники Инбелкульта, основанного в 1922 г., и Белорусской академии наук, созданной на основе Инбелкульта в 1928 г. На протяжении всего межвоенного времени ключевая роль в деле подготовки кадров принадлежала Белорусскому государственному университету, открытому в 1921 г. Трагические события июня 1941 г. прервали работу по изучению и преподаванию археологии. Тем не менее, в октябре 1943 г. на подмосковной железнодорожной станции Сходня БГУ возобновил свою деятельность. В июне 1944 г. в Москве был воссоздан академический Институт истории. В том же году, вскоре после освобождения территории современной Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, ведущие научный и образовательный центры вернулись из эвакуации. Эти события знаменовали собой начало нового, послевоенного, этапа истории белорусской археологии.

В данной статье рассматривается развитие археологического образования в Беларуси в период 1921–1944 гг. Отдельные вопросы, касающиеся организации преподавания археологии и смежных дисциплин, неоднократно затрагивались в литературе. Объектом изучения становились учебно-методические аспекты подготовки историков в БГУ (*Вайтовіч, Курловіч-Бяляўская, 2015; Зуева, Курловіч-Бяляўская, 2015; Яновский, Ходин, Прохоров, 2015; Вайтович, 2019б; 2021*). Представительная библиография посвящена археологическим исследованиям, проводившимся сотрудниками и студентами БГУ в рамках краеведческого движения (см., напр.: *Вяргей, 1992. С. 21; Гужалоўскі, 2016. С. 183; Вайтовіч, 2020*). Специалистами проанализированы подготовительные этапы и результаты проведения первой археологической практики 1939 г. (*Ходин, 2009; Сідаровіч, 2016; Вайтовіч, 2019б*).

Многие авторы обращались к истории университетских музеев исторического профиля, фонды которых уже начиная с 1920-х гг. пополнялись археологическими коллекциями, а экспозиции использовались в учебном процессе (см., напр.: *Яноўскі, 2008; Ходин, 2009; Сідаровіч, 2016; Прыгодзіч, 2018; Вайтовіч, 2019б*). Тем не менее, задача осмысления ранних этапов создания системы воспроизводства кадров для белорусской археологии далека от своего разрешения. В отечественной историографии недостаточно раскрыта проблема преемственности между Витебским и Смоленским отделениями Московского археологического института и БГУ в об-

ласти археологии. До настоящего времени слабо изучено содержание дисциплин археологического профиля, преподававшихся в ведущем учебном заведении республики в 1921–1944 гг. Особого внимания заслуживает и вопрос о соответствии уровня университетского археологического образования требованиям профессии и запросам государства и общества. Указанные обстоятельства определяют актуальность предложенной работы.

Роль Витебского и Смоленского отделений МАИ в развитии археологического образования на территории Беларуси

В белорусской археологической литературе утвердилось мнение об отсутствии на территории современной Беларуси в первые два десятилетия XX в. высших учебных заведений, которые бы готовили кадры для различных отраслей науки, в том числе археологии (*Вяргей*, 1992. С. 10). Подобное утверждение вызывает возражение. В 1911 г. в Витебске начал свою работу региональный филиал МАИ, являвшийся «единственной высшей школой на территории Беларуси» вплоть до 1921 г., когда был открыт БГУ (*Касьянович*, 1927. С. 114, 124; *Шумейко*, 2011а, 2011б). Следует заметить, что в 1910 г. было создано Смоленское отделение МАИ, также ставшее альма-матер для многих уроженцев белорусских земель. В 1922 г. все археологические институты и их отделения были упразднены.

На протяжении всего времени своего функционирования Смоленское и Витебское отделения готовили «ученых архивистов» и «ученых археологов». Центральное место в учебном процессе отводилось изучению специальных исторических дисциплин (архивоведения, археографии, генеалогии, эпиграфики и др.) (*Шумейко*, 2011б; *Столярова*, 2017). Предметы археологического цикла занимали более скромное место. В учебные планы Смоленского отделения МАИ входили такие дисциплины, как «История археологических открытий», «Христианская археология», «Первобытная археология». Курсы вели московские ученые: В.К. Мальмберг, М.И. Успенский, В.А. Городцов (*Столярова*, 2017. С. 75–76). В Витебском отделении МАИ преподавали не только столичные профессора, но и местные ученые и интеллектуалы. Студенты и вольнослушатели посещали лекции В.А. Городцова по первобытной археологии. Занятия, посвященные памятникам «времен давнейших и новейших в Витебской губернии», проводил А.П. Сапунов (*Шумейко*, 2011б. С. 104, 112).

Несмотря на то, что учебные заведения были призваны осуществлять подготовку прежде всего профессионалов-архивистов, из их стен вышли и специалисты, в дальнейшем внесшие немалый вклад в развитие археологии. Роль выпускников отделений МАИ в деле неоднократно рассматривалась в литературе (Шумейко, 2011б. С. 103–104; Столярова, 2017. С. 79; Віцязь, Мядзведзева, Дучыц, 2020. С. 11). Необходимо также подчеркнуть, что многие воспитанники региональных филиалов МАИ (И.А. Сербов, И.И. Василевич, А.Н. Лявданский, В.Р. Тарасенко) стояли у истоков преподавания археологии и смежных дисциплин в главном образовательном центре республики – БГУ.

В 1920-е гг. научное сообщество обсуждало возможность создания институциональной преемственности между уже закрытыми к тому времени археологическими институтами и минским «рассадником высшего образования». В 1924 г. последний руководитель Витебского отделения МАИ Б.Р. Брежго, выступая на Первой всебелорусской конференции архивных работников, предлагал «при Белорусском государственном университете <...> открыть <...> археологический институт, который, распадаясь на два отделения: археографическое и археологическое, готовил бы и архивистов и археологов, в которых также ощущается в Белоруссии нужда» (цит. по: Шумейко, 2011а. С. 102–103). Это предложение, однако, поддержки «в верхах» не получило.

Преподавание археологии и истории первобытного общества в БГУ в 1921–1931 гг.

БГУ начал отсчет своей деятельности в 1921 г. Университет был открыт в составе трех факультетов: рабочего, медицинского и ФОН. В 1922 г. в структуру БГУ вошел педагогический факультет, насчитывавший четыре отделения, в том числе социально-историческое. В 1924 г. ФОН был упразднен, а на его основе был создан факультет права и хозяйства. В 1931 г. в результате «разукрупнения» университета педагогический факультет был преобразован в самостоятельный Минский высший педагогический институт. На протяжении первого десятилетия работы БГУ археологическая проблематика изучалась в рамках целого ряда учебных дисциплин, читавшихся на разных факультетах.

Еще в 1921 г. руководство университета, хорошо понимая, что археология и история первобытного общества занимают важное место в системе подготовки специалистов многих областей гума-

нитарного знания, включило в первые учебные планы ФОН различные курсы археологического профиля: доисторическую археологию, археологию Беларуси, археологию Древнего Востока, археологию Польши, историю первобытного общества, первобытное искусство. Также было запланировано открытие кафедры археологии и кафедры первобытной культуры (при этом следует учитывать, что кафедры 1920-х гг. отличались от современных структурных подразделений высшей школы: в первые годы существования БГУ кафедру фактически олицетворял собой профессор, преподававший отдельную дисциплину). Выполнению намеченных планов помешало отсутствие квалифицированных кадров (*Вайтовіч, Курловіч-Бяляўская*, 2015. С. 241–242).

Вместе с тем, студенты БГУ не были лишены возможности изучать археологию и историю первобытного общества. В 1923 г. будущим учителям читался курс по археологии и палеографии, для ведения которого был приглашен известный общественный деятель И.И. Василевич (*Вайтовіч, Курловіч-Бяляўская*, 2015. С. 244).

Проблемы археологии затрагивал в обобщающих работах, посвященных истории Беларуси, первый ректор БГУ В.И. Пичета (*Пичета*, 1918. С. 1–6; *Пічэта*, 1924. С. 6–8). На протяжении 1920-х гг., в условиях отсутствия учебной литературы, книги В.И. Пичеты выступали в качестве университетских учебников (*Карев*, 2016. С. 46). В связи с этим обращение к указанным текстам дает возможность реконструировать те представления об археологии, которые получали студенты на занятиях по белорусской истории. Известный историк-славист подчеркивал, что «археологические памятники – материал большой исторической ценности. Они дают возможность как проникнуть далеко в прошлое территории, так и наметить основные вехи в ее исторической эволюции, одновременно с этим археологические памятники дают богатый материал, на основе которого можно выявить бытовой уклад жизни населения» (*Пічэта*, 1924. С. 6). В археологическом прошлом территории Беларуси В.И. Пичета выделил два периода: эпоху каменного века и металлическую эпоху. Каменный век он делил на два этапа: палеолит (время использования изделий из «неотесанного камня») и неолит (время распространения шлифованных изделий). Металлическая эпоха была соотнесена с бронзовым и железным веками (Там же. С. 6–8). Стоит отметить, что в категорию памятников «эпохи металлического века» были вклю-

чены и раннесредневековые курганы. При составлении характеристики первобытных памятников В.И. Пичета опирался главным образом на труды Е.Р. Романова, В.Я. Данилевича и Е.Ф. Карского (*Вайтович*, 2019а).

Выразительную археологическую составляющую содержали курсы «Генетическая социология» и «История первобытной культуры», в первой половине 1920-х гг. читавшиеся на педагогическом факультете и ФОН. Внедрение этих курсов в учебный процесс было связано с именем С.З. Каценбогена (рис. 1) – заместителя ректора БГУ, декана ФОН. Еще до революции он изучал политэкономия, историю первобытной культуры и социологию в Петербургском психоневрологическом институте. В 1917 г. С.З. Каценбоген увлекся общественно-политической деятельностью. В 1921 г. он занял высокие административные должности в БГУ, а вскоре стал профессором по кафедре генетической социологии и истории первобытной культуры. В 1924 г. он возглавил Музей истории первобытной культуры и религии БГУ (*Память и слава...*, 2019. С. 9–31).

За недолгое время работы в БГУ (С.З. Каценбоген уехал из Минска в 1925 г.) он подготовил программу дисциплины «Генетическая социология» (*Каценбоген*, 1923), курс лекций (*Каценбоген*, 1925), а также ряд публикаций (*Каценбоген*, 1924; *Очерки...*, 1923а; 1923б; 1924). Анализ разножанровых материалов позволяет определить воззрения философа и социолога на задачи и методы археологии и смежных наук.

Ученый исходил из чрезвычайной актуальности этих областей человеческого знания для своего времени – «времени, когда по всему миру утверждается теория и практика марксизма» (*Каценбоген*, 1924. С. 159). Главное значение истории первобытной культуры, с точки зрения исследователя, заключается в том, что она служит основой «для намечения законов общественного развития» и является «базой для построения <...> социологии» (*Очерки...*, 1924. С. VIII). Сама генетическая социология, писал ученый, исследует те законы, по которым развивается исторический процесс, и при этом «требует изучения в первую очередь материального фундамента социальных отношений. Вот почему <...> археология столь незаменима» (*Очерки...*, 1923б. С. III). Таким образом, археология воспринималась как вспомогательная историческая дисциплина, задача которой – изучение исключительно материальной культуры человечества (*Каценбоген*, 1924. С. 159–160; *Каценбоген*, 1925. С. 22). Реконструкцией социальной структуры и духовной куль-

туры древнейших обществ, по мнению С.З. Каценбогена, должна была заниматься этнография (Каценбоген, 1925. С. 22). История первобытной культуры, или доистория, трактовалась как наука, которая «восстанавливает картину доисторической жизни человечества» (Очерки..., 1923б. С. VII).

Основоположник белорусской социологии выделил и охарактеризовал основные методы археологических исследований: «геолого-археологический и стратиграфический», типологический, сравнительный. Особое внимание он уделял вопросам археологической периодизации, в первую очередь – периодизации («классификации») каменного века. Этот наиболее продолжительный период истории человечества был разделен С.З. Каценбогеном на четыре эпохи: эолитическую, палеолитическую, мезолитическую и неолитическую. Исследователь предложил перечень «типических орудий» и дал описание «техники», распространенной на каждом из выделенных этапов. В своих рассуждениях он опирался на работы Г. Мортилье, Г. Обермайера, Д.А. Анучина, В.А. Городцова (Очерки..., 1923а. С. III–XI, XXIX; Очерки..., 1923б. С. V).

Рассматривая историю первобытной культуры, С.З. Каценбоген затрагивал и вопросы эволюции общественных форм. Он выделил три этапа, которые прошло в своем развитии человечество: первобытно-коммунистический, феодальный и капиталистический. Первобытно-коммунистическая ступень, в свою очередь, делилась на две «фазы»: тотемическую и родового общества (Каценбоген, 1925. С. 35). Эта схема социальной эволюции представляла собой синтез отдельных положений марксистской теории, приобретших в начале 1920-х гг. идеологическую актуальность (см., напр.: Цеунов, 2016; Метель, 2018), и идей К.М. Тахтарёва, внесшего в первые десятилетия XX в. немалый вклад в изучение генетической социологии (Попов, 2010. С. 19).

В контексте рассматриваемой темы следует особо подчеркнуть некоторую парадоксальность ситуации: именно С.З. Каценбоген, специалист в области «марксистской социологии», первым из ученых Советской Беларуси занялся обсуждением общетеоретических вопросов археологии и истории первобытной культуры. Подход к пониманию предмета и задач археологии, предложенный С.З. Каценбогеном в рамках университетского курса по социологии, не получил в Беларуси дальнейшего развития. Сама концепция «генетической социологии» в целом соответствовала парадигме «истории развития общественных форм», популярной в СССР

в 1920-е гг. (см., напр.: *Алымов*, 2006). Тем не менее, за несколько лет работы в БГУ философ не сумел заложить основы собственной научной школы. Отъезд ученого из Минска поставил точку в реализации социологического уклона в изучении древнейшего прошлого человечества.

В 1926 г. к преподаванию истории первобытной культуры на педагогическом факультете приступил известный библеист и востоковед профессор Н.М. Никольский (*Вайтовіч, Курловіч-Бяляўская*, 2015. С. 245). В своей программе он отвел главное место «истории материальной культуры, только коротко останавливаясь на развитии общественных институтов». Такое содержание курса ученый объяснял нехваткой времени, а также тем, что некоторые вопросы студенты уже изучали на занятиях по генетической социологии (НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 863. Л. 1).

В 1926 г. в учебных планах БГУ появилась дисциплина «Источники и источниковедение Беларуси». Важный для историков предмет читался до 1929 г., и на протяжении всего этого времени занятия вел выдающийся белорусский историк и архивист Д.И. Довгялло. Первая лекция (всего их было 24) была посвящена материальным памятникам «доисторического» периода. Исследователь высоко оценил вклад М.Ф. Кусцинского, В.З. Завитневича, Н.П. Авенариуса, Г.Х. Татура, Е.Р. Романова, А.А. Спицына, К.М. Поликарповича в изучение древнейшего прошлого (*Шумейко*, 2002. С. 90–100). Фактически Д.И. Довгялло опроверг устоявшиеся представления о том, что в «старое время» на территории современной Беларуси в области археологии было сделано «совсем мало» (*Байкоў*, 1923. С. 64; *Кацэнбоген*, 1924. С. 162; *Пічэта*, 1927. С. 192).

Отличительной особенностью учебного процесса первого десятилетия работы БГУ была постоянная борьба с «многопредметностью». В 1929 г. студентам был предложен только один курс, хотя бы частично связанный с археологией или смежными науками, – «История первобытной культуры и древнего мира». Ведение этого предмета обеспечивал профессор Н.М. Никольский (*Вайтовіч, Курловіч-Бяляўская*, 2015. С. 246).

В сложных материально-технических условиях 1920-х гг. учебные археологические практики не проводились. Тем не менее, сотрудники и студенты БГУ смогли внести немалый вклад в развитие белорусской археологии. Самой яркой страницей в истории университетской археологии межвоенного времени явля-

лась деятельность Краеведческого научно-исследовательского общества БГУ. Это общество, организационно оформившееся в 1925–1927 гг., возглавил сам ректор В.И. Пичета. На протяжении 1926–1928 гг. участники краеведческого движения организовали ряд экспедиций. Летом 1926 г. студенты Н.Н. Улащик и С.С. Шутов провели археологические разведки в бассейне реки Свислочь. Три последующие экспедиции, активными участниками которых также являлись студенты-краеведы, возглавили сотрудники университета и члены Центрального бюро краеведения (в том числе И.А. Сербов и С.К. Журавский). В 1927 г. было проведено обследование Туровского района Мозырской округи, в 1928 г. изучались Ушачский район Полоцкой округи и Дубровенский район Оршанской округи. Экспедиции носили комплексный характер, но центральное место в исследовательских программах было отведено археологическим разведкам (см., напр.: *Вяргей*, 1992. С. 21; *Гужалоўскі*, 2016. С. 183; *Вайтовіч*, 2020).

В новых общественно-политических условиях конца 1920-х гг. краеведческое движение в БГУ пошло на спад. В 1930/1931 учебном году из учебных планов полностью исчезли все дисциплины, затрагивавшие археологическую проблематику (*Вайтовіч, Курловіч-Бяляўская*, 2015. С. 246). Произшедшие в 1931 г. «разукрупнение» БГУ и преобразование педагогического факультета в самостоятельный вуз завершили первую главу истории университетской археологии.

Становление археологического образования в БГУ в 1934–1941 гг.

Важнейшим событием в сфере советского гуманитарного образования довоенного времени стало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», опубликованное 16 мая 1934 г. Спустя восемь дней вышло Постановление СНК БССР «О работе Белорусского государственного университета», согласно которому в ведущем учебном заведении создавался исторический факультет. Эти события стали отправной точкой в возобновлении преподавания археологии и истории первобытного общества в БГУ.

Учебный план был рассчитан на пять лет. Он предусматривал подготовку специалистов-историков, при этом включал целый ряд дисциплин археологического профиля. Студенты должны были прослушать общий курс по истории доклассового общества

и, в зависимости от будущей специальности, один из курсов по выбору: «Историю археологических открытий», «Русскую археологию», «Белорусскую археологию», «Изучение вещественных памятников средневековой Европы». Нехватка квалифицированных кадров не способствовала успешному налаживанию учебного процесса, и на протяжении 1934–1937 гг. в БГУ преподавалась только дисциплина «История доклассового общества». В 1934–1937 гг. ее читал заведующий секции археологии Института истории БАН А.Н. Лявданский (рис. 2), приглашенный на должность доцента, а затем профессора кафедры общей истории (единственной на тот момент кафедры исторического факультета) (*Вайтовіч*, 2019б).

Известный археолог разработал подробную учебную программу курса, согласно которой на занятиях должны были разбираться семь тем: «Источники для изучения доклассового общества», «Периодизация истории доклассового общества», «Состояние изучения истории доклассового общества до Октябрьской революции и после», «Проблемы происхождения человека», «Первобытное стадо», «Первобытная коммунистическая орда», «Родовое общество». Учебный курс, предложенный А.Н. Лявданским, был построен с опорой на археологические материалы, в том числе полученные на территории Беларуси. В соответствии с духом времени рассматривались и политизированные вопросы, например: «Археологические и другие смежные дисциплины на службе у империализма», «Археология на службе у белорусских нацдемов» (*Зуева, Курловіч-Бяляўская*, 2015).

Программа курса дополнялась обстоятельным списком литературы. В него входили работы классиков марксизма, публикации П.П. Ефименко, В.И. Равдоникаса, В.К. Никольского, М.Н. Покровского, посвященные общим вопросам истории первобытного общества, а также монография декана исторического факультета и директора БАН В.К. Щербакова «Очерк истории Беларуси». Последняя из упомянутых книг (*Щербакоў*, 1934) заслуживает более детального рассмотрения.

В 1934 г. академику В.К. Щербакову (рис. 3), специалисту по истории крестьянского движения и истории Октябрьской революции на территории Беларуси, специальным решением СНК и ЦК КП(б) Б было поручено написать общий курс белорусской истории в свете сталинских установок. В том же году вышла первая и, как показало время, последняя часть запланированного двухтомника. «Очерк» стал первым в белорусской историографии опытом

использования учения об социально-экономических формациях для рассмотрения истории страны, в том числе ее начальных этапов (Белозорович, 2018).

В.К. Щербаков охарактеризовал древнейшую эпоху как «период первобытно-коммунистического общества» и датировал ее временем от 25 тыс. л. до н.э. до начала II тыс. н.э. «Период первобытно-коммунистического общества» был разделен на три этапа: родового коммуны, родовой коммуны, разложения родового общества (Шчарбакоў, 1934. С. 24–50). Фактологическую базу работы составили итоги исследований, проведенных в 1920-х – начале 1930-х гг. белорусскими археологами (Вайтовіч, Курловіч, 2020). В методологическом плане труд В.К. Щербакова представлял собой типичный пример публикации «школы Покровского» (см., напр.: Белозорович, 2018; Вайтовіч, Курловіч, 2020). Эта школа, которой был присущ «социологизаторский схематизм», в 1930-х гг. была объявлена антинаучной и антисоветской (см., напр.: Клейн, 1993. С. 23). За основу своей концепции декан исторического факультета БГУ взял трехчленную социологическую периодизацию «истории доклассового общества». Такой подход, так же как предложенная историком привязка выделенных этапов к археологической периодизации (датирование родового общества палеолитом, отнесение времени формирования родового строя к неолиту и т.д.), находился в русле разработок 1920-х гг. и к 1934 г. был признан неудовлетворительным (см., напр.: Равдоникас, 1934).

В 1935 г. работа В.К. Щербакова была подвергнута разгромной критике (Хроніка..., 1935). Можно предположить, что А.Н. Лявданскому пришлось корректировать содержание и программу преподаваемой дисциплины. Вскоре попал под каток репрессий и сам выдающийся белорусский археолог. В августе 1937 г. он был расстрелян. Курс по истории доклассового общества в 1937/1938 учебном году читал академик Н.М. Никольский (Вайтовіч, 2019б. С. 25). В 1938 г. был утвержден новый учебный план специальности «История». В соответствии с ним студенты исторического факультета должны были изучать два предмета археологического профиля: «Основы археологии» и «Историю доклассового общества и Древнего Востока». Чтение этих курсов должны были осуществлять сотрудники кафедры истории древнего мира и средних веков, а после ее реорганизации в 1939 г. – кафедры истории древнего мира. «История доклассового общества и Древнего Востока» была поручена заведующему кафедрой

Н.М. Никольскому, однако он передал нагрузку своим аспирантам Н.С. Мохначу и Р.А. Поссе. Именно они обеспечивали преподавание дисциплины на протяжении всего предвоенного времени (Там же. С. 26).

Более сложной задачей для руководства БГУ стал поиск специалиста в области археологии. После репрессий 1937 г. в республике осталось только два археолога: старший научный сотрудник Института истории БАН К.М. Поликарпович и старший научный сотрудник Могилевского государственного исторического музея, доцент Могилевского пединститута В.Р. Тарасенко. В 1938 г. для чтения лекций был приглашен В.Р. Тарасенко (Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 104. Л. 2 об.). Могилевский ученый провел положенные занятия, но в Минск не переехал. В связи с этим в том же 1938 г. дисциплина «Основы археологии» была передана доценту кафедры древнего мира и средних веков БГУ историку-антиковеду В.И. Шевченко. В условиях нехватки кадров ему пришлось преподавать археологию вплоть до 1941 г. (Вайтовіч, 2019б. С. 27–31). Именно В.И. Шевченко выпала честь организовать первую археологическую практику в истории БГУ (рис. 4). В 1939 г. он возглавил группу студентов исторического факультета, командированных в историко-археологические музеи Феодосии, Керчи и Херсонеса. Практиканты не только знакомились с музейными фондами, но и участвовали в раскопках. Экспедиция прошла чрезвычайно успешно. Крымские музеи передали в дар будущему Историко-археологическому музею БГУ, созданием которого также занимался В.И. Шевченко, античные монеты, фрагменты керамики и надмогильные памятники (Там же. С. 30).

Страницы биографии исследователя, связанные с организацией университетского музея, неоднократно рассматривались в литературе (Ходин, 2009; Сідаровіч, 2016; Прыгодзіч, 2018; Вайтовіч, 2019б). Представляется целесообразным подчеркнуть роль заведующего университетским историко-археологическим собранием в деле популяризации археологии. Коллекции музея, открытого в феврале 1940 г., включали как недавние поступления из музеев Крыма, Ленинграда, Минска, так и материалы, приобретенные БГУ еще в 1920-е гг. Музей, по словам В.И. Шевченко, являлся «хорошим подспорьем в студенческих занятиях <...> по курсам истории древнего мира, основ археологии и истории греческих колоний» (Шэўчэнка, 1940. С. 2). Сотрудники музея регулярно проводили экскурсии для разных категорий посетителей. В.И. Шевченко

не ограничивался только музейно-просветительской работой. Во второй половине 1930-х гг. он опубликовал ряд научно-популярных статей, посвященных преимущественно археологии Причерноморья (Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 24. Л. 13–14).

Н.М. Никольский высоко оценивал «методические способности» В.И. Шевченко и отмечал, что он «хорошо знаком с археологическим материалом – памятниками искусства, бытовой культурой и подписями Причерноморья» (Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 24. Л. 68). Вместе с тем, заведующий кафедрой истории древнего мира признавал, что В.И. Шевченко «не может обеспечить ведение <...> курса [«Основы археологии». – А.В.] на высоком университетском уровне» (НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 737. Л. 92). Зимой 1940/1941 гг. было решено пригласить на следующий учебный год одного из «археологов-практиков»: К.М. Поликарповича или В.Р. Тарасенко. Реализации намеченных планов помешало начало Великой Отечественной войны.

Возрождение университетского археологического образования в 1943–1944 гг.

В первые дни войны Минск был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. Академическая жизнь прервалась. Однако уже 11 октября 1943 г. на железнодорожной станции Сходня под Москвой БГУ официально возобновил свою работу. Ключевую роль в развитии археологической составляющей исторического образования сыграли штатные сотрудники и совместители кафедры истории древнего мира. Для хотя бы минимального налаживания учебного процесса осенью 1943 г. в университет были приглашены почасовики, в том числе профессор МГУ доктор исторических наук Б.А. Рыбаков. Именно он в 1943/1944 учебном году проводил занятия по курсу «Основы археологии». Лекции Б.А. Рыбакова по «славянской и древнерусской археологии» стенографировались и весной 1944 г. были подготовлены к изданию. Предполагалось также привлечь к преподавательской деятельности В.К. Никольского – специалиста в области истории первобытного общества и истории религии, заведующего кафедрой истории древнего мира Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской (Вайтович, 2021. С. 81–83).

Тем временем ситуация на фронте постепенно изменялась. Летом 1944 г. белорусские земли были освобождены от оккупан-

тов, и уже в августе началась реэвакуация БГУ на Родину. Ученые, сотрудничавшие с университетом на станции Сходня, остались в Москве, и руководство исторического факультета столкнулось с кадровыми проблемами. В 1944/1945 учебном году предметы археологического профиля в БГУ не преподавались (Вайтович, 2021. С. 83).

Только в 1945 г. сотрудники кафедры истории древнего мира смогли приступить к созданию стройной системы подготовки профессиональных историков, в которой важное место отводилось изучению археологии и истории первобытного общества.

Заключение

Уже в первые послереволюционные годы на территории современной Беларуси началось становление системы воспроизводства кадров для различных отраслей науки и народного хозяйства. После закрытия Витебского отделения МАИ преподавание дисциплин археологического профиля осуществлялось исключительно в БГУ. Многие выпускники региональных отделений МАИ активно включились в обучение молодежи, опираясь, в том числе, на опыт, полученный в стенах альма-матер.

Развитие белорусского археологического образования в 1921–1944 гг. в БГУ носило противоречивый характер. На протяжении 1920-х гг. студенты изучали только отдельные вопросы археологии и истории первобытной культуры. На качестве преподавания дисциплин археологического цикла негативно отражались нехватка кадров и ограниченность университетской материально-технической базы. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. главным сдерживающим фактором стала идеологизация науки и образования. Археология и смежные дисциплины были полностью исключены из учебных планов. В 1934 г., в условиях изменившейся общественно-политической конъюнктуры, в БГУ был открыт исторический факультет. Курсы по истории доклассового общества и основам археологии вошли в обязательную программу высшего исторического образования. После репрессий 1937 г. налаживание учебного процесса осложнилось отсутствием в штате квалифицированных специалистов. Результаты трудов всех поколений университетских сотрудников были уничтожены в июне 1941 г. Несмотря на трудности военного времени, в 1943 г. БГУ возобновил свою работу. В сложных условиях эвакуации неоценимую помощь университету оказали исследователи, работавшие в московских высших учебных заведениях.

Курсы по археологии и истории первобытного общества, читавшиеся в БГУ в 1921–1944 гг., в значительной степени опирались на конкретный археологический материал. Преподаватели неоднократно обращались к рассмотрению теоретико-методологических вопросов этой науки. Вплоть до конца 1930-х гг. в БГУ не предусматривалось проведение учебных археологических практик. Археологическое изучение территории Беларуси осуществлялось только во второй половине 1920-х гг. силами членов университетского краеведческого общества.

Завершая рассмотрение истории белорусского археологического образования 1920–1940-х гг., следует отметить, что особенности становления белорусской университетской археологии в целом соответствовали общесоюзным тенденциям (см., напр.: *Тихонов*, 2019). Методологические наработки профессорско-преподавательского состава БГУ также вписывались в контекст развития советской науки (см., напр.: *Клейн*, 1993. С. 18–19, 22–24; *Алымов*, 2006. С. 32, 64–66; *Метель*, 2018. С. 273–274). И хоть в силу разных причин сотрудники университета не сумели сохранить преемственность научно-методических традиций и не всегда могли обеспечить высокий уровень преподавания и изучения археологии, они внесли неоценимый вклад в просвещение широких народных масс и тем самым содействовали строительству белорусского государства.

Литература

- Алымов С.*, 2006. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН. 278 с.
- Асоба і помнік*, 2021. Асоба і помнік. Беларуская археалогія ў фотааздымках 1920–1930-х гг. / склад.: В. Тарасевіч, Д. Грынь. Мінск: Белмытсервіс. 120 с.
- Байкоў М.*, 1923. Пазнаньне Беларусі, як навуковая і рэвалюцыйна-грамадзянская праблема // *Польмя*. № 3–4. С. 63–68.
- Белозорович В.А.*, 2018. Концепция истории Беларуси в трудах В.К. Щербакова // *История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. по материалам междунауч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В.И. Пичеты* / Под ред. А.Д. Короля. Минск: БГУ. С. 5–9.
- Вайтовіч А.У.*, 2019а. «Архэалёгічнае мінулае» тэрыторыі Беларусі ў працах У.І. Пічэты // *Роль университетского образования и науки в современном обществе: Материалы междунауч. конф.*, Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Ред. А.Д. Король [и др.]. Минск: БГУ. С. 63–71.

- Вайтовіч А.У., 2019б. Станаўленне археалагічнай адукацыі на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1934–1941 гг. // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. № 1. С. 23–33.
- Вайтовіч А.У., 2020. «Краязнаўчае ўра»: дзейнасць Краязнаўчага таварыства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта паводле матэрыялаў газеты «Савецкая Беларусь» // Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой радзімы. Т. 1 / Укл.: П.М. Сапоцька, Ю.В. Юшкевіч. Мінск: Чатыры чвэрці. С. 80–85.
- Вайтовіч А.В., 2021. «Советские ученые были на своем посту»: изучение и преподавание археологии и истории первобытного общества в БГУ в военные и первые послевоенные годы // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2021. № 4. С. 80–90.
- Вайтовіч А.У., Курловіч-Бяляўская П.С., 2015. «Если бы на мою долю выпала честь преподавать первобытную культуру и археологию в Белгосунiversитете...», Або ўніверсітэцкая археалогія ў 1921–1931 гг. // Российские и славянские исследования. Вып. 10. С. 240–248.
- Вайтовіч А.У., Курловіч П.С., 2020. «Першабытна-камуністычнае грамадства і яго распад»: дагістарычнае мінулае тэрыторыі Беларусі паводле В.К. Шчарбакова // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. № 3. С. 54–63.
- Віцязь С.П., Мядзведзева В.У., Дучыц Л.У., 2020. Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі: біябібліяграфічны даведнік. Мінск: Беларуская навука. 504 с.
- Вяргей В.С., 1992. Археалагічная навука ў Беларускай ССР. 1919–1941 гг. Мінск: Навука і тэхніка. 144 с.
- Гужалоўскі А.А., 2016. Вывучэнне і ахова ў БССР помнікаў археалогіі (па матэрыялах часопіса «Наш край». 1925–1930 гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 11. С. 180–188.
- Зуева А.У., Курловіч-Бяляўская П.С., 2015. А.М. Ляўданскі і Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 26. С. 15–19.
- Карев Д.В., 2016. Белорусская историография и формирование исторического сознания белорусов в 1914–1945 гг. (основные тенденции развития в геополитическом контексте эпохи). Гродно: ЮрСаПринт. 112 с.
- Касцяровіч М.І., 1927. Беларуская навука да Кастрычніка і пасля яго // Маладняк. № 10. С. 111–129.
- Каценбоген С.З., 1923. Белорусский государственный университет. За 1922–1923 академический год. Итоги и перспективы // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. № 4/5. С. 230–281.
- Каценбоген С.З., 1924. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі // Польша. № 1. С. 156–162.
- Каценбоген С.З., 1925. Марксистская социология: курс лекций, читанных в 1924–25 академическом году на Педагогическом факультете БГУ профессором С.З. Каценбогеном. Ч. 1. Минск: Издание профкома рабпрос БГУ. 82 с.
- Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Максимчик А.Н., 2017. Соломон Захарович Каценбоген. Пионер социологии в Беларуси // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С.В. Абламейко, науч. ред. О.А. Яновский. Минск: БГУ. С. 75–90.

- Метель О.В.*, 2018. О пользе истории докапиталистических формаций для социалистического строительства: дискуссия о первобытном коммунизме в советской историографии // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». № 1 (17). С. 272–282.
- Очерки...*, 1923а. Очерки по истории первобытной культуры: в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш / Пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С.З. Каценбогена. Минск: Белтрестпечатъ. Ч. 1. 124 с.
- Очерки...*, 1923б. Очерки по истории первобытной культуры: в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш / Пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С.З. Каценбогена. Минск: Белтрестпечатъ. Ч. 2. 86 с.
- Очерки...*, 1924. Очерки по истории первобытной культуры: в 3 ч. / Г. Кунов, Г. Левин-Дорш / Пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С.З. Каценбогена. Минск: Белтрестпечатъ. Ч. 3. 82 с.
- Память и слава...*, 2019. Память и слава: Солонзон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / Ред. А.Г. Кохановский [и др.] / Сост. А.Н. Максимчик. Минск: БГУ. 263 с.
- Пичета В. И.*, 1918. История белорусского народа // Курс белоруссоведения: лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М.: Друкарня А. П. Яроцкого. С. 1–86.
- Пічэта У. І.*, 1924. Гісторыя Беларусі. М.-Л.: Дзяржвыд, 1924. 134 с.
- Пічэта Ул.*, 1927. Новае ў археалогіі // Польша. № 5. С. 192–195.
- Попов А.С.*, 2010. Генетическая социология в России: теоретические поиски // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. № 16 (20). С. 16–22.
- Прыгодзіч Д.І.*, 2018. Стварэнне і дзейнасць музеяў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1921–1941 гг. // Софія. № 2. С. 74–78.
- Равдонікас В.И.*, 1934. О периодизации истории классового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 7–8. С. 72–87.
- Сідаровіч В.*, 2016. «Паўсталая з пелелу?» (Лёс даваеннай нумізматычнай калекцыі музея БДУ) // Банкаўскі веснік. Вып. 3. С. 51–57.
- Столярова Т.В.*, 2017. «Это в высшей степени симпатичное и культурное дело». История Смоленского отделения Московского археологического института (1910–1917 гг.) // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке / Ред. Л.А. Беляев [и др]. Смоленск: Свиток. С. 69–81.
- Тихонов И.Л.*, 2019. Археологическое образование в российских университетах в 1920-е годы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. / Отв. ред. И.А. Сорокина. С. 361–379.
- Ходин С.Н.*, 2009. В.И. Шевченко – декан исторического факультета БГУ в эвакуации (1943–1944 гг.) // Российские и славянские исследования. Вып. 4. С. 187–190.
- Хроніка...*, 1935. Хроніка. Над чым працавалі Інстытуты БелАН у 1934 г. Запіскі Беларускай Акадэміі навук. Кн. 4. С. 181–186.
- Цеунов И.*, 2016. Поняття «первісний комунізм» у радянскай археалогіі 20–30-х рр. XX ст. // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий / Ред. В.Н. Гурьянов [и др.]. Брянск: РИО БГУ. С. 86–94.
- Шумейко М.Ф.*, 2002. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск: БелНИИДАД. 161 с.
- Шумейко М.Ф.*, 2011а. Предшественники Белгосуниверситета по гуманитарному направлению: точка зрения архивоведа (к 100-летию открытия Витеб. отделения Московск. археолог. ин-та и 90-летию Белорус. гос. ун-та) // Архівы і справаводства. № 5. С. 100–116.

- Шмейко В.Ф.*, 2011б. Предшественники Белгосуниверситета по гуманитарному направлению: точка зрения архивоведа (к 100-летию открытия Витеб. отделения Московск. археолог. ин-та и 90-летию Белорус. гос. ун-та). Окончание // *Архівы і справаводства*. № 6. С. 98–113.
- Шчарбакоў В.К.*, 1934. Нарыс гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск: Выд. БАН. 240 с.
- Шэўчэнка В.*, 1940. Год работы // *За ленинскія кадры*. 29 снежня. С. 2.
- Яновский О.А.*, 2017. Василий Карпович Щербаков. Организатор исторического образования в Беларуси // *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941)* / под общ. ред. С.В. Абламейко, науч. ред. О.А. Яновский. Минск: БГУ. С. 197–209.
- Яновский О.А., Ходин С.Н., Прохоров А.А.*, 2015. 21-й учебный год белорусского университета – возрождение в условиях Великой Отечественной войны // *Российские и славянские исследования*. Вып. 10. С. 9–30.
- Яноўскі А.А.*, 2008. І прафесар, і кіраўнік: некаторыя радкі з біяграфіі Мікалая Міхайлавіча Нікольскага // *Працы гістарычнага факультэта БДУ*. Вып. 3. С. 166–174.

А.С. Вдовин, Н.П. Макаров

**АРХЕОЛОГИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ:
30–40-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Резюме. Представленные новые архивные материалы позволяют взглянуть на историю археологии Енисейской Сибири в широком социокультурном контексте. Определены формы взаимодействия Центра и провинции в организации археологических исследований в условиях сталинских политических репрессий. Показаны наиболее значимые результаты работ экспедиций С.В. Киселёва, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова, В.П. Левашёвой, Э.Р. Рыгдылона на территории Красноярского края. Особое внимание уделяется деятельности Красноярского и Минусинского музеев.

Ключевые слова: археология, Енисейская Сибирь, Красноярский край, Левашёва В.П., Окладников А.П., Киселёв С.В., Сосновский Г.П., политические репрессии, Красноярский музей, Минусинский музей.

История археологии огромной территории Красноярского края в 30–40-е гг. XX столетия освещена в десятках публикаций. Прежде всего, это масштабные исследования, обобщающие накопленные материалы по периоду палеолита (*Ларичев, 1969, 1972*) и культурам эпохи металла (*Вадецкая, 1973, 1986; Китова, 2007*).

Неоднократно к истории археологических исследований региона обращались и авторы (*Макаров, 1989; Вдовин, Макаров, 2017; Макаров, Вдовин, 2018; Вдовин, Макаров, 2019*). Несмотря на достаточную изученность периода, постоянно выявляются все новые и новые материалы, что дает основание вновь обратиться к теме.

После активных археологических исследований и открытий 1920-х – начала 1930-х гг. в регионе наступает период застоя. Из местных научных центров в Красноярском крае в этот период кадры археологов были лишь в Минусинском и Красноярском музеях. Но к середине 1930-х годов активная археологическая деятельность в Красноярском музее прерывается. В.Г. Карцов в 1934 г. возвращается в Москву и становится сотрудником ГИМ (*Конохов,*

Макаров, Вдовин, 2015. С. 27–29). В 1935 г. трагически погибает в археологической экспедиции музея А.Ф. Катков.

На смену профессионалам приходят «археологи от комсомола». Первым таким «археологом», после гибели А.Ф. Каткова, становится П.Ф. Кожуховский, который был командирован на работу в краевой музей решением Оргбюро ЦК ВЛКСМ и занимал эту должность более года. Но какие-либо коллекции этого «исследователя», как и документы о проведении хотя бы одной экспедиции, в фондах и архиве Красноярского музея так и не обнаружены (НА ККМ. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–2).

Таким образом, на несколько лет на огромной территории Средней Сибири остается единственный профессиональный археолог – В.П. Левашёва. Центр археологических исследований переместился в Минусинский музей. Но и ей приходилось работать в тяжелейших условиях уже начавшихся сталинских репрессий. На территории Красноярского края было сфабриковано «Дело музейев», затронувших как Минусинский, так и Красноярский музеи. «Орудовавшие враги народа в нашем крае не обошли и такой важный участок соц. строительства, как музей. Следы вредительской работы чувствуются еще и сейчас» (ГАКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 700. Л. 114).

Начало было положено письмом Ф. Кона, направленным в январе 1937 г. зав. культпросвет-отделом Красноярского крайкома ВКП(б): «Уважаемый товарищ! Посылаю Вам копию заключения музейного отдела [Наркомпроса. – А.В., Н.М.] по отчету [Красноярского] Краевого музея за 1936 год, я очень прошу обратить свое внимание на этот музей и обязать КрайОНО заняться им. Из отчета видно, что никакой серьезной работы там не велось, и я опасаюсь, не допущены ли экспозицией музея какие-либо политические ошибки, которые следует немедленно устранить» (ГАКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 532. Л. 30).

В результате обследования Красноярского краевого краеведческого музея 24–27 августа и 12–17 сентября 1938 г. сделано заключение: «Вредительская работа, и уже изъятых органами НКВД врагов народа, привело Красноярский музей к тому, что фонды музея были разрушены <...> Необходимо: <...> 4. Для определения археологических материалов и разработки экспозиционного плана – вызвать специалиста археолога <...> Музей до сих пор не имеет своего единого производственного плана. Директор Краевого музея т. Глусская совмещает обязанности руководителя

всего музея, зам. директора по научной, административной, хозяйственной части, завед. отделом истории, руководит отделом соц. строительства, ведя педагогическую работу. Второй научный сотрудник исторического отдела т. Калачёв является одновременно инспектором музеев КрайОНО. Отдел соц. строительства до настоящего времени не был обеспечен заведующим. Подобраный на эту должность работник послан на курсы в Москву. Археологии в музее нет» (ГАКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 700. Л. 75, 79, 115).

В результате подбора кадров по партийному принципу и репрессий в Красноярском музее с середины 1930-х годов место археолога оказалось вакантным. Этим «вынуждена» была заниматься зав. отделом истории З.К. Глусская, к слову сказать, еще один представитель «комсомольской» археологии.

Не менее сложно развивались события в Минусинске. «Бывшее вредительское руководство Минусинского музея умышленно отодвигало эту основную задачу на задний план и все силы и средства бросило на второстепенные вопросы. Охотно занимались изучением глубокой древности и совсем не изучали и не показывали яркую действительность сегодняшнего дня. Такие важные темы, как ссылка Ленина и Сталина в бывшей Енисейской губернии до последнего времени отсутствовали в экспозиции музея. Только в ноябре месяце 1937 года эти разделы были [созданы] в Минусинском и Красноярском музеях. Бывшее руководство не разрешало открывать эти отделы» (ГАКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 700. Л. 115).

В письме «О ликвидации последствий вредительства в музее», адресованному Минусинскому Райисполкому для направления Правительству РСФСР от 25 августа 1939 г. сообщалось: «В 1937 г. в [Минусинском] музее была разоблачена группа врагов народа, возглавляемая директором музея. Эта враждебная группа стремилась превратить музей в орудие контрреволюционной пропаганды, вызвать недовольство, ненависть к партии, советской власти, к ее вождям, с тем, чтобы на этой основе спланировать и готовить все недовольные контрреволюционные элементы к борьбе против партии, против победы коммунизма <...> Отдела соцстроительства не существовало, деньги исключительно тратили на раскопки археологические...» (АМКМ. Оп. 1. Д. 468. Л. 1–2).

Минусинский музей только к концу 1938 г. укомплектовала научными сотрудниками и «закрепили партийными, комсомольскими работниками». Из 8 новых сотрудников 3 были с высшим образованием. После ареста в октябре 1937 г. дирек-

тора Минусинского музея А.В. Харчевникова, директором стал А.Н. Устинов. Археологическая экспозиция претерпела дополнения – была открыта экспозиция по рабовладельческой формации, которая, по настоянию В.П. Левашёвой, была в 1938 г. закрыта (Китова, Дэвлет, 2010. С. 54–58).

Различного рода документы раскрывают политику Центра и на местах в археологическом изучении страны. В составе АН СССР происходит реорганизация ГАИМК и образование ИИМК им. Н.Я. Марра. Планы на полевые археологические исследования на Третью пятилетку (1938–1942) в РСФСР обсуждались в мае 1936 г. на заседании в Москве, в котором приняли участие представители ГАИМК, МОГАИМК, ГЭ, ГИМ (Сорокина, 2021. С. 62). Спустя два года, 1–4 июня 1938 г. в ИИМК состоялось еще одно археологическое совещание, с представителями союзных и автономных республик и областей. Была заслушана информация с мест и обсужден вопрос о состоянии охраны археологических памятников и полевых археологических исследований. Работали несколько комиссий: по вопросам законодательства, по вопросам генерального планирования археологических исследований, по учету археологических памятников до XVII столетия.

В резолюции Комиссии по вопросам генерального планирования археологических исследований отмечаются приоритетные направления: «Пятилетний план археологических работ должен строиться исходя из задач создания капитальной истории СССР. Основная проблематика археологических исследований должна всемерно содействовать разрешению этой задачи. В первую очередь исследованию подлежат наиболее важные и наименее освещенные другими видами источников и предшествующими археологическими исследованиями проблемы (напр. дофеодальный период древней Руси, древняя история Средней Азии, археология Арктики и др.) Этим принципом необходимо руководствоваться как при выборе эпохи, так и территории для исследования» (АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 9).

Комиссия по учету археологических памятников обозначила, что «ввиду перехода археологической работы СССР на систему союзного планирования и необходимости ее координации между центральными, республиканскими, областными и краевыми учреждениями признать работу по учету археологических памятников и составлению археологических карты первоочередной и неотложной задачей. Комиссия находит целесообразным первоначаль-

ную работу по археологическим картам вести по современным административным делениям (республика, область, край), имея в перспективе создание археологической карты СССР по планшетам» (АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 11).

Красноярский край так же был включен в этот план. Красноярский, Минусинский, Хакасский и Ачинский музеи накануне войны приняли участие в учете археологических памятников на территории Красноярского края.

В.П. Левашёва как единственный профессиональный археолог пыталась организовать работу по учету и раскопкам археологических памятников с привлечением сотрудников из разных музеев. Однако эти попытки не всегда были успешными. Так, в 1939 г., она сообщала в ИИМК: «Летом 1939 г. археологические исследования Минусинского музея производились совместно с Красноярским музеем. Руководила работами археолог Минусинского музея В.П. Левашёва, от Красноярского музея работала зав. историческим отделом З.К. Глусская <...> Работа проводилась на средства Минусинского и Красноярского музеев и, пропорционально затраченным средствам, распределялся материал. Причем, для кого будет раскапываться данный памятник, намечалось заранее, до его вскрытия. Работа проводилась по заранее намеченному плану, но план не был выполнен полностью. Намечалось провести разведки по 5-ти маршрутам, согласно разработанному Минусинским музеем и утвержденному 1-ой Всесоюзной музейной конференцией плану сплошного обследования южной части Красноярского края, силами трех музеев. Но Хакасский музей отказался от участия в экспедиции, а Красноярский, дав согласие провести работу в полном объеме, сократил смету и оторвал своего сотрудника во время раскопок, таким образом, разведка, предполагавшаяся на средства Красноярского музея, осталась не проведенной. Минусинский музей, кроме раскопок, провел разведку лишь по одному из намеченных маршрутов и тоже сократил объем раскопок в виду финансовых затруднений» (АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 27).

Подобная ситуация складывалась и вокруг вопросов охраны памятников. Активное хозяйственное освоение края оставило местные организации один на один со строителями. Даже в этих условиях музеи пытались сохранить археологические памятники. В 1937 г. Минусинский музей, отслеживая ситуацию в зоне строительства шоссейной дороги близ д. Быстрой, обращается к админи-

страции стройки: «шоссе грозит разрушением целого ряда древних могил, относящихся к эпохе бронзы за 3000 лет до нашего времени. Чтобы спасти эти памятники для науки, необходимо присутствие на месте нашего представителя, который соответствующим образом вскрыет подлежащие разрушению могилы. Музей просит Вас дать указания дорожному технику, работающему в д. Быстрой, и местному бригадиру, чтобы они увязались с присутствием музея, известили его своевременно о начале работ на интересующем нас участке и оказали бы ему содействие в раскопке погребений и сборе материала» (АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 11). Однако отклика это обращение не получило.

Строители и хозяйственники относились к археологическим памятникам как к ненужной помехе. Они мало заботились об охране, зачастую проводили работы даже в обход действующего законодательства. В 1939 г. директор Минусинского музея Руднев безуспешно обращался в Красноярский краевой совет, Областной хакасский совет, к директору Абаканского леспромхоза по поводу необходимости прекратить ломку камня на правом берегу р. Енисея между селами Быстрая и Комарково на месте писаницы, которая была объявлена государственным заказником и имела сторожа, сообщившего о происходящем. Остановить рабочих сплавной конторы Абаканского леспромхоза он был не в состоянии, как, впрочем, и дирекция Минусинского музея (АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 23–25).

Изучение территории юга Красноярского края было логичным для местных Минусинского и Красноярского музеев. В тоже время для Центра стало приоритетом исследование районов будущих ГЭС Ангарского каскада на более северных территориях. В 1936 г. Ангарскую экспедицию возглавил А.П. Окладников (*Окладников*, 1937. С. 219–222). В 1937 г. он провел крупномасштабную разведку на протяжении 1200 км от Братска до устья Ангары (*Окладников*, 1939. С. 181–186). Результаты превзошли все ожидания. В ходе работ А.П. Окладникова были обнаружены следы поселений неолитического типа в 85 пунктах, выявлены многочисленные стоянки железного века, открыты два палеолитических местонахождения, в шести пунктах зарегистрированы писаницы, раскопаны неолитические погребения и захоронения эвенков (Там же). Эти результаты сегодня выглядят особенно впечатляющими, после того, как на открытых А.П. Окладниковым памятниках были проведены масштабные стационарные раскопки отрядами Братской, Усть-

Илимской и Богучанской экспедиций в зоне затопления Ангарских ГЭС (Богучанская археологическая..., 2015).

Наряду с успешной разведкой по Ангаре А.П. Окладников в 1937 г. раскапывает совместно с сотрудиниками Красноярского музея могильник на Афонтовой горе. В рукописи А.П. Окладникова и В.И. Нешумаева сохранившейся в архиве музея, на 10 листах описываются результаты работ исследования редкого для Среднего Енисея неолитического могильника. Среди находок скульптурное изображение человека, подвески, костяные остря, глиняный сосудик, перламутровые бусы. Фактически эта рукопись была одной из первых попыток создания хронологии неолита–энеолита Енисея. (НА КККМ. Оп. 1. Д. 667. Л. 1–10). Позднее основные положения этой рукописи были представлены в отдельных публикациях (Окладников, 1949; Вдовин, Макаров, 2016. С. 339–348).

1937 г. стал примечательным тем, что специально для осмотра Афонтовой горы Красноярск посетили участники XVII Международного геологического конгресса. Экскурсия была запланирована на 15 августа и должна была продлиться не более одного часа (Международный..., 1937. С. 7). Однако и этого времени хватило участникам конгресса, чтобы сделать новые открытия. Сенсацией стали находки члена французской делегации Ш. Фромаже. В ходе осмотра обнажений Афонтовой горы он обнаружил фрагмент черепа палеолитического человека, а китайским археолог Пей Вэнь-Чжун – подвески из трубчатых костей птиц (рис. 1).

1937 г. и в археологии стал началом «большого террора». Среди репрессированных оказалось немало археологов. Особенно болезненно это отразилось на провинциальной науке, которая тогда была практически обескровлена. С другой стороны, «археологические» проблемы в условиях террора мало интересовали власть, а археологи уже не могли подавать даже робкие голоса в защиту археологического наследия. Показательной является ситуации в Минусинске, где музей был передан в ведение НКВД. В.П. Левашёва, несмотря на трагичные страницы своей жизни (были расстреляны ее муж и отец, а также директор музея А.В. Харчевников), продолжает руководить в 1938–1941 гг. краевой археологической экспедицией Минусинского, Хакасского и Красноярского музеев (Китова, Дэвлет, 2010. С. 54–58). В 1939 г. она совместно с З.К. Глусской исследует тагарский курган у с. Малые Копёны и курган тагаро-таштыкского переходного периода близ с. Лугавского. В 1941 г. экспедиция Красноярского

музея раскапывает позднетагарский курган у станции Копьево. В своей автобиографии В.П. Левашёва отмечает, что в 1938 г. ею реэкспонирован археологический материал Красноярского музея, а в 1938, 1940, 1942 гг. перестраивался археологический отдел Хакасского областного музея (*Кызласова*, 2010. С. 765).

Последствия организованных процессов и репрессии не заставили долго себя ждать. К началу 1940-х гг. на территории края фактически прекратились археологические исследования, проводимые местными организациями. Это наглядно было отмечено на двух совещаниях проведенных в Красноярском музее.

Первое совещание было организовано 06.09.1940 г. Его участниками стали сотрудники музея, начальник Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГИМ и ИИМК АН СССР С.В. Киселёв, член экспедиции Л.А. Евтюхова, сотрудник ИИМК АН СССР Г.П. Сосновский и преподаватели Красноярского пединститута. Как было отмечено в повестке дня, прозвучало «Сообщение т. Киселёва о результатах работ Саяно-Алтайской археологической экспедиции за 39–40 гг.». С.В. Киселёв рассказал о раскопках Бейского и Уйбатского чаатасов. Сенсационные находки из этих памятников (золотые и серебряные кувшины и блюда, наборы сбруйных бронзовых украшений, кыргызские вазы, церемониальные зонты) С.В. Киселёв синхронизировал с таштыкской культурой и ранней порой средневекового древнехакасского государства. Всем этим находкам в докладе были приведены аналогии в древностях Китая и материалах Оглахтинского могильника. Сегодня эти находки хорошо известны по публикациям С.В. Киселёва. Особый интерес представляет дискуссия, завязавшаяся в ходе обсуждения доклада. Несколько вопросов Б.О. Долгих как этнографа были связаны с уточнениями этнического состава и языковой принадлежностью населения, оставившего на юге края памятники железного века и средневековья. В своих ответах С.В. Киселёв обозначил это население как носителей древне-хакасской культуры, имеющей связи с Китайским Туркестаном и западной частью Средней Азии. В ответах было также подчеркнута, что нет никаких данных о связях восточных славян с хакасами.

В выступлении Г.П. Сосновского, обозначившего открытия С.В. Киселёва как блестящие, так же было высказано и программное пожелание: «В дальнейшем нам надо не только изучать юг и древних хакасов, но и окраины и, в частности, более северные районы (народы северных отрогов Саян), не ослабляя при этом ра-

боты на юге. Далее, если работа С.В. Киселёва заполняет 7–10 века, то между 10-м и 17-м веком мы имеем большой пробел, который нужно заполнить». В дополнение к этому, Б.О. Долгих отметил, что без учета развития древних культур в Минусинской котловине нельзя будет понять и становление эвенков, кетов и других аборигенных народов Севера.

О состоянии археологии на местах говорит красноречивое выступление в прениях З.К. Глуской: «По 5-летнему плану край взял на себя большие обязательства, но они регулярно не выполняются. Маршруты были составлены невнимательно. На работу в отдельных пунктах часто приходится тратить вдвое больше времени, чем по плану <...> В основном здесь мешает недостаток кадров. Из археологических работ выпали такие музеи как Енисейский, Ачинский. Центр должен дать задания местным музеям на работу по охране памятников, которую возможно провести без специалиста, дать указания, руководить археологической работой местных организаций» (НА КККМ. Оп. 1. Д. 582. Л. 3).

В завершении дискуссии С.В. Киселёв констатировал, что плановость археологических работ будет внедряться по мере роста кадров, готовящихся как Московским университетом, так, возможно, и местными пединститутами и училищами. Подчеркнул, что археология Южной Сибири имеет большое значение и для этнографии.

Второе заседание проходило 16.09.1940 г. под председательством директора Красноярского музея И.Л. Нейтмана. С основным докладом выступил Г.П. Сосновский. Два десятилетия назад он начинал археологические исследования в Красноярском музее в качестве помощника Г.К. Мергарта. Теперь же он выступал как представитель ИИМК, центрального археологического учреждения страны, обозначив себя сторонником учения Н.Я. Марра и борцом с буржуазными учениями. Г.П. Сосновский поделился результатами своих последних исследований в окрестностях Красноярска, отметив разрушение наиболее известной палеолитической стоянки на Афонтовой горе, а так же застроенность и захламленность других палеолитических памятников краевого центра в Ладейках, у Военного городка и Переселенческого пункта. Среди своих новых открытий Г.П. Сосновский отметил палеолитические стоянки у Кирпичных сараев и д. Солонцы.

В сжатом абзаце Б.О. Долгих запротоколировал основные теоретические взгляды Г.П. Сосновского, высказанные им в до-

кладе. Для выделенной культуры бронзы было отмечено, что «на территории края она связана и с севером, доходя до Подкаменной Тунгуски, а на востоке с бассейном Селенги. На р. Тасеевой могло добываться олово и, таким образом, бронза могла изготавливаться в пределах края. На юге бронза раньше вытеснила камень, на севере они долго сосуществовали одновременно. <...> Можно говорить, что север был не таким отсталым, как это думали раньше. С народом забайкальского неолита можно, например, связывать северных эвенков и этим опровергнуть ряд миграционных теорий, в частности, развитие финнами «теории», оправдывавшей экспансию Финляндии на восток. Теперь мы знаем исторические памятники лучше, чем финны, и знаем, что никаких финно-угорск. племен здесь не было, как не было никаких неисторических народов» (Вдовин, Макаров, 2021. С. 19–21).

В вопросах взаимоотношения центральных и местных научных учреждений показательна дискуссионная часть протокола совещания, завершающаяся выступлениями директора музея И.Л. Нейтмана и зав. отделом истории З.К. Глусской. В ответе Глусской Сосновскому отмечалось: «Вы, очевидно, не увязались с нашими руководящими организациями и поэтому терпели лишения. В нашем музее недооценивали археологию и даже исключили археолога из штата. Плохой была и связь с центр. археологич. учреждениями. Поэтому мы не знали о Вашем приезде. Поэтому в этом году мы учли памятники Хакасии. Там тоже плохо с транспортом и охраной памятников. Для охраны памятников мало постановлений, надо людей, которые бы их охраняли. Тов. Сосновский много сделал для нашего музея, и я выражаю ему благодарность.

Нейтман: Видимо, мы не сумели организовать Вам нужных условий работы, не популяризировали Вашей работы и максимально не использовали Вас. Интеллигенция нашего края очень интересуется историческими вопросами. Если бы Крайком ВКП(б) знал, что у Вас есть затруднения, он бы пришел к Вам на помощь. Но нельзя и Центру организовывать экспедиции, не предупредив нас. Надо сообщать нам Ваши планы работ, о том, что Вы приедете. Тогда бы мы могли все Вам приготовить, и Вы бы могли больше сделать и мы бы смогли от Вас больше получить. В будущем Вы должны нас предупреждать.

Вмешательство Центра в вопросы охраны памятников не обязательно. Мы должны сами сохранить такой памятник как Афонтова гора. Вопрос с охраной памятников мы разрешим в ближайшее

время. Ваш институт мог бы помочь нам планировать свою работу. Мы могли бы собирать для Вас хотя бы сырой материал. В отношении охраны стоянок можно поставить вопрос так, чтобы не строили без нашей визы.

Хорошо бы в ближайшее время создать археологическую карту края. Ваша информация показала, что мы недостаточно хорошо охраняем памятники старины, а так же, что мы не имеем плана в научной работе и разбрасываемся. От имени всего коллектива благодарим Вас за Ваше сообщение» (НА КККМ. Оп.1. Д. 88. Л. 48 об.).

Одним из результатов совещаний о взаимодействии центра и местных учреждений стали совместные раскопки дворца наместника гуннов близ Абакана в 1940–1941 гг., а затем и 1946 г. Под руководством Л.А. Евтюховой и С.В. Киселёва в раскопках участвовали ГИМ, Абаканский, Красноярский и Минусинский музеи. В результате З.К. Глусская передала в Красноярский музей бронзовую маску-оберег, нефритовую чашечку, коллекцию черепицы с древними иероглифами (КККМ. О/ф. Колл. № 201).

Еще одна сенсационная находка была сделана накануне войны, только теперь на севере Красноярского края. В 1940 г. на острове Фаддея и в заливе Симса у восточного побережья Таймырского полуострова участники гидрографической экспедиции обнаружили вещи русских мореходов XVII в. Осенью 1941 г. найденные вещи были доставлены в музей Арктики, размещавшейся в период эвакуации в здании Красноярского краевого музея. Поступившая коллекция в 1942 г. была обработана этнографом музея Б.О. Долгих (Долгих, 1943. С. 117–157). Эти материалы впоследствии исследовал А.П. Окладников. В 1945 г. он возглавил археологическую экспедицию Арктического института на место находок (Окладников, 1945а, 1945б). Подводя итоги исследований, А.П. Окладников отмечал, что замечательные археологические находки у восточного побережья Таймырского полуострова по-новому освещают ряд важнейших принципиальных вопросов прошлого освоения Севера и истории русского полярного мореплавания (Окладников, 1948. С. 116).

Столь многообещающие контакты местных и центральных научных учреждений были прерваны Великой Отечественной войной. В тоже время уже к концу войны начинается возрождение сибирской археологической науки. В национальных республиках открываются НИИ гуманитарного профиля, исторические факультеты вузов. Так в Хакасии возникает ХАКНИИЯЛИ (1944). В Красноярском педагогическом институте открывается истори-

ческий факультет (1942). С фронта, да и из сталинских лагерей, возвращаются выжившие археологи. Среди них А.Н. Липский (с 1944 г. директор и сотрудник Абаканского музея), Э.Р. Рыгдылон (с 1945 сотрудник Красноярского музея), Г.А. Авраменко (с 1956 сотрудник Ачинского музея), П.Е. Чернявский (с 1945 г. работает с Минусинским музеем).

Показательна в этом плане судьба археолога Красноярского и Минусинского музеев Э.Р. Рыгдылона. В личности этого исследователя имеются как яркие, так и трагичные страницы его жизнедеятельности (*Ярославцева, 2009. С. 167–174*) (рис. 2). После окончания Восточного института в 1934 г. Эрдэмто Ринчинович поступает в аспирантуру ГАИМК для подготовки диссертации. В июле 1937 г. в Улан-Удэ арестован старший брат Эрдэмто – Эрхито. Были репрессированы многие востоковеды бурятской диаспоры Ленинграда, в том числе Ц. Жамцарано, содействовавший ранее ознакомлению Э.Р. Рыгдылона с монгольскими источниками. В апреле 1938 г. Э.Р. Рыгдылон арестован и исключен из партии (*Именохоев, 2016. С. 139*). Ему инкриминировались шпионская деятельность в пользу японской разведки, участие в бурятской националистическо-повстанческой организации, подготовка диверсионных актов на военное время. В итоге последовало трехлетнее заключение в исправительно-трудовом лагере в г. Соликамске на Северном Урале. В декабре 1941 г. Рыгдылон был мобилизован на фронт. Дважды был ранен. Получив инвалидность, Эрдэмто Ринчинович в декабре 1944 г. был демобилизован из армии и, по распоряжению наркома просвещения РСФСР, был направлен в Красноярск. Здесь он становится преподавателем в педагогическом институте и сотрудником краевого краеведческого музея. Руководство музея отмечало, что благодаря деятельности Э.Р. Рыгдылона отдел археологии музея стал лучшим среди других отделов. Как преподаватель педагогического института Э.Р. Рыгдылон читает курсы «Основы археологии», «Музееведение» и «Новая история стран Востока». Наконец, в мае 1946 г. на Ученом совете Института востоковедения АН СССР Э.Р. Рыгдылон защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Монгольские национальные источники по истории монголов конца XII века». Успешную защиту отмечали на квартире Анны Ахматовой. По возвращении в Красноярск Э.Р. Рыгдылон как единственный преподаватель с ученой степенью становится организатором первой в регионе кафедры всеобщей истории. Работа в институте и музее тесно

переплетается. В планах научно-исследовательской работы новоспеченной кафедры была заявлена работа Э.Р. Рыгдылона над докторской диссертацией, защиту которой он планирует через 5 лет. На этот раз она была чисто археологической: «Древние обитатели пещер окрестностей Красноярска». В реализации этого плана в сезонах 1946/1947 г. Э.Р. Рыгдылон раскапывает пещерные стоянки на р. Бирюсе и р. Караульной, Токмаковскую и Монастырскую пещеры (НА КККМ. Оп. 5. Д. 59/1-2) (рис. 3). Казалось бы, удача сопутствует ученому. Но это впечатление было обманчиво. В.Г. Дацышен выявил документы, свидетельствующие, что врагу народа, пусть и повоевавшему за Родину, указали, где должно быть его место. Краевая газета «Красноярский рабочий» сообщала: «Странное впечатление овладевает посетителем Красноярского краевого музея <...> Музей явно не справился с ответственной задачей, не сумел отразить исторические события, связанные с именами великих людей Ленина и Сталина». Не лучшим было положение и в педагогическом институте. В протоколе заседания Ученого совета КГПИ от 30.08.1947 г. отмечено: «Большинство работников: профессора, доценты и многие старшие преподаватели, читали курсы на высоком идейно-политическом уровне. Были и недостатки в преподавании. Они имели место у преподавателей <...> истории народов Востока т. Рыгдылон».

В отчете института за полугодие 1947/1948 учебного года сказано: «выбыло из института 9 штатных работников, в том числе освобождены один кандидат наук по кафедре всеобщей истории /тов. Рыгдылон/» (Дацышен, 2016. С. 295). Лишенный работы в Красноярске, Э.Р. Рыгдылон на 2 года вынужден был перебраться в Минусинск. В Минусинском музее он вводит в научный оборот материалы памятников, изученных в красноярский период, и проводит ряд новых археологических разведок и раскопок.

В полевом сезоне 1947 года Э.Р. Рыгдылон работает уже по заданию Красноярского и Минусинского музеев на юге края. Близ озер Биле, Иткуль, Шира были раскопаны курганы карасукской культуры и зарегистрированы тагарские и карасукские могильники. Около озера Шира исследователь проводит изучение писаниц и окуневских изваяний (НА КККМ. Оп. 5. Д. 60). Открытия Э.Р. Рыгдылона в красноярский и минусинский периоды с небольшой задержкой публикуются в различных изданиях. Прежде всего, это изучение материалов карасукского погребения у с. Ладейки (Рыгдылон, 1955), находки каменного века и тагарской культуры на

стоянке и в пещерах в устьях рек Бирюса и Караульная (*Рыгдылон*, 1953), оригинальные бронзовые изделия раннего железного века пещеры Карман (*Рыгдылон*, 1952). С 1949 г., в течение 5 лет, Э.Р. Рыгдылон не имеет постоянного места работы, перебиваясь временными заработками в Ленинграде.

Однако репрессии имели еще одну сторону для Сибири. Дело в том, что именно Сибирь стала местом ссылки неугодных. Так, В.Г. Карцов последовал в Сибирь за своей женой С.В. Романдовской, которая была выслана в с. Казачинское Красноярского края. Там он работал директором в школе и продолжал заниматься археологией. К сожалению, полученные материалы этого периода так и не были опубликованы и остаются неизвестными для науки.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что самое сложное для страны десятилетие 1930–1940-х гг., несмотря на репрессии и войну, характеризуется многими выдающимися открытиями в археологии Енисейской Сибири. Эти годы фактически подготовили базу для нового периода, характеризующегося уже планомерными и масштабными исследованиями центральных и местных научных учреждений. Это блестящие открытия А.П. Окладникова на Ангаре, в Красноярске и на Севере края, сенсационные находки так называемого «Дворца Ли Лина», исследования курганов разных эпох в Минусинской котловине.

Литература

- Богучанская..., 2015. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Дервянко и др. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 564 с.
- Вадецкая Э.Б., 1973. К истории археологического изучения Минусинской котловины // ИЛАИ. Вып. VI. Кемерово. С. 138–139.
- Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. 178 с.
- Вдовин А.С., Макаров Н.П., 2016. Афонтова гора. Материалы эпохи неолита и ранней бронзы // *Esse quam videri: к 80-летию Германа Ивановича Медведева* / Отв. ред. И.М. Бердников, Е.А. Липнина. Иркутск: ИГУ. С. 339–348.
- Вдовин А.С., Макаров Н.П., 2017. «Научный кооператив»: Послереволюционный феномен Сибирской археологии // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы междунауч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 12–14.
- Вдовин А.С., Макаров Н.П., 2019. У истоков советской археологии: Красноярский музей в 1920-е годы (к 130-летию Красноярского краеведческого музея) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологиче-

- ского профиля в новых реалиях. Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 17–19.
- Вдовин А.С., Макаров Н.П.*, 2021. Археология в Красноярском музее: 1940 год. // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 19–21.
- Дацышин В.Г.*, 2016. Археолог Э.Р. Рыгдылон: Красноярский период в научной биографии // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы VII межд. научн. конф. Т. 2 / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. С. 292–297.
- Долгих Б.О.*, 1943. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке // Проблемы Арктики. № 2. С. 117–157.
- Именохоев Н.В.*, 2016. О научных исследованиях Э.Р. Рыгдылона – первого бурятского ученого археолога (К 110-летию со дня рождения) // Известия Лаборатории древних технологий. № 4 (21). С. 135–146.
- Китова Л.Ю.*, 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 272 с.
- Китова Л.Ю., Дзвлет М.А.*, 2010. Воспоминания В.П. Левашёвой о работе в Минусинском музее // Мартъяновские краеведческие чтения. (2008–2009 гг.). Вып. VI. Минусинск. С. 54–58.
- Конохов В.А., Макаров Н.П., Вдовин А.С.*, 2015. К истории Красноярского краеведческого музея: археолог В.Г. Карцов (1904–1977) // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докл. межд. научн. конф. / Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. С. 27–29.
- Кызласова И.Л.*, 2010. Об археологе В.П. Левашевой о ее отце протоиерее П.Н. Левашеве // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин / Сост. М.В. Андреева, С.В. Кузьминых, Т.Н. Мишина. М.: Гриф и К. С. 751–769.
- Ларичев В.Е.*, 1969. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Новосибирск. 390 с.
- Ларичев В.Е.*, 1972. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 2. Новосибирск. 415 с.
- Макаров Н.П.*, 1989. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, Красноярское книжное издательство. С. 131–189.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С.*, 2018. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т. 208 с.
- Международный...*, 1937. Международный геологический конгресс (17; 1937; Москва). [Маршруты экскурсий] // Междунар. геол. конгресс XVII сессия. 2: Маршрут Сибирской экскурсии (руководители: М.М. Тетяев, Г.Э. Фришенфельд и А.Г. Вологдин). М.: типо-лит. ВАММ. 12 с.
- Окладников А.П.*, 1937. Археологические исследования по Ангаре (1936 г.) // СА. IV. С. 219–222.
- Окладников А.П.*, 1939. Неолитические находки в низовьях Ангары: (К итогам работ 1937 г.) // ВДИ. № 4. С. 181–186.
- Окладников А.П.*, 1945а. Археологические находки на острове Фаддея // Проблемы Арктики. № 2.

- Окладников А.П.*, 1945б. Древние русские полярные мореходы у берегов Таймыра // Доклады юбилейной сессии Арктического института Главсевморпути. М.; Л. 9 с.
- Окладников А.П.*, 1948. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути. 160 с.
- Окладников А.П.*, 1949. Неолитические погребения на Афонтовой горе // КСИИМК. Вып. XXV. М.; Л. С. 7–13.
- Рыгдылон Э.Р.*, 1952. Новая пещера на Среднем Енисее // КСИИМК. Вып. XLVII. С. 130–134.
- Рыгдылон Э.Р.*, 1953. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // Палеолит и неолит СССР. Т. 2 / Под ред. А.П. Окладникова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 276–277. (МИА. № 39)
- Рыгдылон Э.Р.*, 1955. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИИМК. Вып. LX. С. 129–134.
- Сорокина И.А.*, 2021. Организация и регламентация полевых исследований в предвоенный период // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы междунауч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 61–63.
- Ярославцева Л.Г.*, 2009. Жизненный путь и судьба первого бурятского археолога Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона (10.11.1906 – 24.04.1957). По материалам личного архива // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Амтера. С. 166–173.

А.А. Евгеньев

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОРЕНБУРГСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В 1920–1930-е ГОДЫ

Резюме. В статье рассматриваются вопросы организации археологических исследований в Оренбуржье в 1920–1930-е годы. Выявляется роль различных учреждений и персоналий в исследовании археологии Южного Предуралья. Проанализирована совокупность факторов, негативно влияющих на степень изученности региона.

Ключевые слова: история археологии, региональная археология, Южное Предуралье, Оренбургская область, В.В. Гольмстен, Б.Н. Граков, К.В. Сальников, Оренбургский краеведческий музей.

Первые десятилетия советской власти – своеобразный период в изучении археологического наследия Оренбургского Предуралья. В предложенной автором периодизации истории оренбургской археологии (Евгеньев, 2008. С. 5–6) это время занимает особое место. Для всех других периодов характерно наличие выраженного лидера археологических исследований: для дореволюционного времени таковым была Оренбургская ученая архивная комиссия, в послевоенные десятилетия XX века – Южно-Уральская (Оренбургская) экспедиция ИА АН СССР, на современном этапе – Оренбургская экспедиция ОГПУ. В 1920–1930-е годы такой лидер, исследовательский центр отсутствовал. Весь спектр археологического изучения региона в первые десятилетия советской власти складывается из совокупности исследовательских процедур, различных факторов, учреждений, персоналий. Рассмотрению этой совокупности посвящена настоящая статья.

Особым фактором, влияющим на характер изучения археологического наследия Оренбургского Предуралья, является специфика административно-территориального деления региона в рассматриваемый период. На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. Оренбуржье неоднократно меняло свою административную принадлежность. В 1920 г. Оренбургско-Тургайская (с 1921 г. – Оренбургская)

губерния вошла в состав Киргизской АССР, а Оренбург стал столицей КАССР. В 1924 г. столица КАССР была перенесена в Кызыл-Орду, в 1925 г. Оренбургская губерния возвращена в состав РСФСР. В 1928 г. губерния трансформировалась в Оренбургский округ Средне-Волжской области (Справка...). Лишь 7 декабря 1934 г. была образована Оренбургская область в современных границах. По понятным причинам такие административно-территориальные пертурбации не способствовали активизации исследовательской деятельности на местном уровне.

После революций 1917 г. прекратила существование Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК), являвшаяся в начале XX века местным центром изучения истории и археологии Оренбургской губернии. Многие исследователи, работавшие в рамках ОУАК, после революции покинули территорию губернии или оставили научные занятия. Правопреемником ОУАК объявило себя образованное в 1920 г. Общество изучения Киргизского края (ОИКК), состоявшее из трех отделов (секций): историко-археологического, этнографического и естественно-географического (Евгеньев, 2019). Задачами историко-археологического отдела ОИКК были: «работа по археологии края, раскопкам имеющихся в степи курганов, <...> собрать и систематизировать литературу, касающуюся археологии и истории края, составить археологическую карту» (Отчет..., 1921. С. 107).

Еще одним учреждением археологической тематики, образованным в начале 1920-х годов, было Оренбургское отделение Московского археологического института (ОО МАИ) (Евгеньев, 2019). Это учреждение, образованное по инициативе руководителей ОИКК А.П. Чулошникова и А.Л. Мелкова, предполагалось как «высшее учебное заведение, имеющее целью научную разработку археологии, археографии, этнографии и истории края, а равно и подготовку специалистов для работы в архивах, музеях, библиотеках, а также преподавателей истории и родоноведения» (ГАОО. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 68. Л. 69–70). Собственно археологическое образование в ОО МАИ было чисто символическим: местных научных кадров в Оренбурге не было, договориться с представителями Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете не удалось, пригласить лекторов из головного института не представлялось возможным.

Финансовые и организационные проблемы первых лет советской власти не позволили ОИКК и ОО МАИ хотя бы от-

даленно реализовать декларируемые цели. Обществом изучения Киргизского края «за полным отсутствием средств» полевые экспедиции не проводились, и работы производились «в форме докладов». Задачи составления археологической карты Киргизского края, проведения археологических раскопок и разведок остались на уровне прожектов. Летом 1922 г. ОО МАИ, влачившее к тому моменту жалкое существование, было ликвидировано. В 1925 г. ОИКК покинуло Оренбург в связи с переносом столицы КАССР в Кзыл-Орду. Таким образом, первые после революции попытки наладить археологическую работу в регионе завершились провалом.

В условиях, когда создание научных центров было ограничено организационными и финансовыми трудностями, на первый план выходит личностный фактор. Археологическое исследование степного Оренбуржья становится возможным благодаря активной, можно сказать, пассионарной деятельности ученых, являющимися знаковыми не только для региональной, но и российской археологии.

Значительный вклад в изучение западных районов современной Оренбургской области внесла в 1920-е гг. Вера Владимировна Гольмстен (1880–1942) (Евгеньев, 2017). В 1921–1928 гг. она вместе со своими учениками из Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания проводила археологические разведки на всей территории Самарской губернии. Один из разведочных маршрутов, восточный, предполагал, в частности, обследование Бузулукского и Бугурусланского уездов. В 1921 г. в пределах границ современной Оренбургской области были обследованы территории по течению р. Самары в окрестностях Бузулука и сел Елшанка и Сухоречка; выявлено 25 курганных могильников, изучены разрушенные погребения на дюнах у г. Бузулука, предположительно энеолитического времени (РО НА ИИМК РАН. Ф. 44. Д. 2. Л. 29 об.–37).

Наиболее масштабные исследования в пределах западного Оренбуржья были проведены В.В. Гольмстен и ее учениками в 1922 и 1927 гг. В 1922 г. Г.П. Плющенко обследовал течение р. Бузулук от с. Ефимовка до с. Степановка, а также территорию современного Тоцкого района, выявив памятники в 108 пунктах (РО НА ИИМК РАН. Ф. 44. Д. 8. Л. 125–160). В 1927 г. в рамках Третьей Восточной экспедиции было обследовано течение р. Самары от Бузулука до Новосергиевки, выявлено 56 курганных могильников, 33 поселе-

ния, 43 дюнных местонахождения, 2 менгира, остатки городища (Там же. Д. 5. Л. 47–47 об.).

Главным итогом деятельности В.В. Гольмстен и ее учеников было проведение разведочных работ, в ходе которых было выявлено большое количество археологических памятников – курганных могильников, поселений, дюнных местонахождений. Работы проводились несмотря на значительные организационные трудности: скромное финансирование, отсутствие рабочей силы, а 1921 г. – голод и бандитизм на местах. Тем не менее, даже в этих условиях были получены материалы, давшие разнообразные сведения по эпохам бронзы, раннего железного века и средневековья, опубликованные В.В. Гольмстен в ее обобщающих статьях (*Гольмстен*, 1924; 1928). А выявленные В.В. Гольмстен и Г.П. Плющенко памятники являются неотъемлемой составляющей археологической карты западных районов современной Оренбургской области.

Еще одной знаковой фигурой для Оренбургского Предуралья стал Борис Николаевич Граков (1899–1970). В 1927–1929 гг. по поручению Государственного исторического музея он проводил исследования в окрестностях г. Оренбурга. Им были изучены могильники раннего железного века в районе поселков Нежинка и Благословенка, предоставившие массовый материал по истории кочевников этого времени. Осмысление полученного материала во многом послужило основой знаковой для сарматской археологии работы Б.Н. Гракова «Гувакократоўмевоі (Пережитки матриархата у сарматов)» (*Граков*, 1947). В этой статье ученый вышел далеко за рамки узкой проблемы, сформулированной в заголовке, и обосновал периодизацию истории кочевников раннего железного века Поволжья и Приуралья, пересмотрел концепцию сарматской археологии М.И. Ростовцева и обозначил основные проблемы исследования сарматов для последующих изысканий.

Среди замечаний к отчетам Б.Н. Гракова в ГАИМК было заключение об отсутствии в тексте выводов об исследованных памятниках, что сложно признать справедливым, так как сам отчет начинается с выяснения датировки и культурной принадлежности изученных погребений. Вопросы же, связанные с социально-экономической интерпретацией материалов должны были рассматриваться не в отчете, а в публикации. Вместе с тем, следует признать, что полностью изданы были только материалы погребений, исследованных в 1927 г. у Нежинки (*Граков*, 1928); остальные результаты работ ученого в Оренбуржье опубликованы лишь

частично (*Граков, 1947; Grakov, 1929*). Среднесарматские и поздне-сарматские комплексы из раскопок у Нежинки и Благословенки ввел в научный оборот ученик Б.Н. Гракова – К.Ф. Смирнов (*Смирнов, 1948*), а немногочисленные средневековые погребения – О.А. Кривцова-Гракова (*Кривцова-Гракова, 1928*). Дневники раскопок могильников у Алебастровой горы не так давно были изданы В.Ю. Зуевым (*Зуев, 2021*), однако по-прежнему остается неопубликованным ряд комплексов, представляющих безусловный интерес с точки зрения сарматской археологии.

В 1930 г. Б.Н. Граков перенес свои работы на Южном Урале в бассейн р. Ори (Домбаровский район Оренбургской области и территория Актюбинской области Казахстана). Это было связано с задачей составления археологической карты Казахстана, поставленной в программной статье Б.Н. Гракова (*Граков, 1930*). Предполагалась организация «экспедиций рекогносцировочного характера», в задачи которых входили регистрация, фотофиксация и картографирование памятников, сопровождающиеся «пробными раскопками, без чего не сможет быть выяснен культурный характер памятников» (*Граков, 1930. С. 18–20*). Работы 1930 г., организованные при поддержке Казахского Комитета по охране памятников природы, искусства и старины (Казкомпристариса) и проводимые Б.Н. Граковым вместе с К.В. Сальниковым, как раз и были такой рекогносцировочной экспедицией: «центр тяжести работы лежал в разведках» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 877. Л. 1). По маршруту разведки было пройдено более 400 км, было зафиксировано свыше 500 комплексов, но раскопки производились из-за отсутствия свободных рабочих рук эпизодически. Всего было раскопано 6 земляных и 2 каменных кургана, а также 7 каменных колец в составе андроновского Кожумбердынского могильника (Там же. Л. 2). Материалы раскопок Кожумбердынского могильника были опубликованы О.А. Кривцовой-Граковой (*Кривцова-Гракова, 1947*). Памятник стал эпонимным для синкретической группы памятников андроновской культуры Южного Урала и Западного Казахстана (*Кузьмина, 2008. С. 250–264*).

В 1930-е годы к уже имевшимся формам организации археологической деятельности добавилась еще одна – новостроечные экспедиции, организованные ГАИМК и проводимые на ее кадровой основе. Обязательство проводить археологические исследования до начала крупных строительных работ было закреплено в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологиче-

ских памятников» от 10 февраля 1934 г. (Охрана..., 1973. С. 61–62). Но еще задолго до этого, в 1932 г. при ГАИМК был образован Комитет по работам Академии на новостройках (Сорокина, 2021. С. 61), а в 1933 г. была написана «Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках». В числе прочего в «Инструкции» подчеркивалось: «Памятники ... являются собственностью государства, находятся под охраной закона и не подлежат разрушению и уничтожению. <...> Своевременный учет и предварительное изучение памятников есть основная и наиболее действительная форма их охраны от уничтожения» (Инструкция..., 1933. С. 16).

В 1933 г. Южноуральская экспедиция ГАИМК (Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, А.И. Тереножкин) обследовала территорию строительства проектируемых Губерлинской, Орской, Ириклинской и Магнитогорской ГЭС. В соответствии с этими задачами экспедиция работала по четырем маршрутам, соответствующим районам будущихстроек, а также в окрестностях Орска. Выявлено 168 могильников, пять стоянок и две пещеры. Главной целью экспедиции являлись фиксация и описание памятников, и лишь на некоторых были проведены рекогносцировочные раскопки (Граков, 1935). При этом задачей Б.Н. Гракова было именно изучение разнотипных и разновременных памятников: курганные могильники андроновской культуры, кочевников РЖВ, средневековых кочевников, открытые и пещерные стоянки каменного и бронзового века. Таким образом, на исследованной территории была получена своеобразная хронологическая шкала, включавшая разнообразные памятники от неолита до золотоордынского времени. К сожалению, большинство выявленных памятников были разрушены при строительстве Ириклинского водохранилища, лишь несколько могильников впоследствии были подвергнуты изучению (Евгеньев, 2018).

Некоторые из памятников, выявленных Б.Н. Граковым, уже непосредственно после его работ подверглись разрушению в ходе строительства железной дороги Орск – Ново-Аккермановка. По всей видимости, произошло это в результате несогласованности мероприятий Желдорстроя и Гипровода, объекты работ которого изучались Южноуральской экспедицией ГАИМК. Б.Н. Граков, судя по его переписке с О.А. Кривцовой-Граковой, изначально планировал сам проводить раскопки разрушающихся памятников, приехал в Оренбург и Орск для заключения хоздоговора, од-

нако этот договор так и не состоялся. О прекращении хлопот по его заключению мы знаем по краткой телеграмме Гракова: «Порвал Кипарисовым работы не начал выезжаю Москву» (И жизнь..., 2011. С. 143–144, 146)¹.

В итоге археологические комплексы в зоне разрушения были раскопаны организованной в 1936 г. Орской экспедицией ГАИМК. Возглавил ее ленинградский археолог Г.В. Подгаецкий (1908–1942), он же руководил первым отрядом экспедиции, исследовавшим могильник у поселка Ново-Аккермановка (Новотроицкий район Оренбургской области) и курган на 14-м километре железной дороги Орск – Ново-Аккермановка. Второй отряд во главе с К.В. Сальниковым работал на курганном могильнике у аула Джанатан к востоку от Орска (современный пос. Тукай Новоорского района) (Подгаецкий, 1940. С. 69).

Главным итогом работ Орской экспедиции было уточнение особенностей андроновской культуры в восточном Оренбуржье и расширение ареала сарматской культуры на восток. Все исследования проводились с соблюдением методических требований того времени, своевременно и качественно вводились в научный оборот.

Что же касается организации археологической деятельности непосредственно в Оренбурге, то следует признать обоснованность мнения Б.Н. Гракова о «ненормативном положении дел с исследованием археологических памятников в Оренбургской области» (И жизнь..., 2011. С. 143). Местный центр по изучению археологии Оренбуржья отсутствовал. 8 апреля 1936 г. была образована Оренбургская областная комиссия по охране памятников революционного движения, Гражданской войны, искусства, культуры и археологических памятников (курганов, городищ, селищ, стоянок, могильников). Как было сказано в решении президиума Оренбургского облисполкома, это было сделано «в целях сохранения памятников революционного движения, домов, связанных с историческими событиями и археологических памятников» (ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 566. Л. 8, 104). Однако, судя

¹ Телеграмма не датирована, предположительно относится к первой половине июля 1936 г., когда Б.Н. Граков находился в Орске. Уже 22 июня 1936 г. начала формироваться экспедиция во главе с Г.В. Подгаецким. Ф.В. Кипарисов – председатель ГАИМК, в августе 1936 г. был арестован и в дальнейшем приговорен к высшей мере наказания.

по отзывам приезжих ученых, эффективность этого учреждения была крайне низкой: Б.Н. Граков называл его «мертворожденное дитя Сальникова» (И жизнь..., 2011. С. 143), а Г.В. Подгаецкий отмечал, что Комиссия за несколько месяцев собиралась лишь один раз (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1 – 1936. Д. 293/1. Л. 4). Поэтому единственной местной организацией, хоть сколько-нибудь занимавшейся археологической деятельностью в 1920–1930-е годы, являлся Оренбургский (с 1938 г. Чкаловский²) краеведческий музей. В этот период музей сталкивался с большим количеством организационных и финансовых трудностей, неоднократно менял место дислокации, что пагубным образом сказывалось на сохранности музейных фондов. В 1923–1924 гг. коллекции музея, которые, по замечанию краевой газеты, были «свалены в кучу», были упорядочены, разделены по отделам, стали основой специальных выставок (Ерёмина, 2006. С. 35–40). Наибольший урон музею принесли административно-территориальные изменения середины 1920-х годов. После переноса столицы КАССР из Оренбурга в Кызыл-Орду был произведен раздел музейного фонда между Оренбургом и Казахстаном. В течение 1928 г. в Казахстан были переданы экспонаты, по выражению казахской стороны, «непосредственно относящиеся к истории, этнографии и культуре казахского народа» (Ерёмина, 2006. С. 44–45). В итоге в Оренбурге осталось не более 10% музейного фонда, в числе которых было много предметов «а) уже пришедших в полную негодность, б) не имеющих краеведческого характера и в) даже не представляющих музейной ценности» (ГАОО. Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 8. Л. 39). В результате фондам Оренбургского музея был нанесен значительный урон, который на протяжении последующих десятилетий предстояло устранить музейным работникам.

Археологическая деятельность музея была напрямую увязана с личностным фактором – сотрудниками, в интересы которых входила археология.

Одним из «подвижников» археологии был Иван Антонович Зарецкий (1856–1936), являвшийся научным сотрудником музея с 1928 г. Он неоднократно предпринимал разведочные поездки по Оренбургской области, выявлял новые памятники. В 1927 г. он провел археологическое обследование р. Илек на всем ее протяже-

² С 1937 по 1957 г. город Оренбург именовался Чкалов в честь знаменитого советского летчика Валерия Чкалова.

нии (400 верст), осмотрел, измерил и описал курганы на расстоянии 5 верст по обоим берегам Илека, раскопал 20 курганов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. № 89. Л. 3). В первой половине 1930-х гг. он проводил раскопки разрушающихся и подвергающихся ограблению памятников в Губерлинских горах, в Акбулакском и Оренбургском районах (Евгеньев, 2016). Некоторые из исследованных им памятников были впоследствии введены в научный оборот К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1964. С. 58).

И.А. Зарецкий преуспел в большей степени в полевой археологической и музейной работе, нежели чем в работе аналитической и интерпретационной. Его публикации носили характер предварительных сообщений, были лишены выводов по полученному в ходе раскопок материалу. Рукопись И.А. Зарецкого «Очерк заселенности Оренбургского края с древнейших времен по XVIII столетие» была послана на рецензию в Центральное бюро краеведения, однако получила уничтожающую оценку: «чуждая современных научных и политических установок» (Зобов, 1993. С. 25)

Как явствует из личного архива краеведа, И.А. Зарецкий активно участвовал в научной жизни страны, в частности, вел переписку с В.В. Гольмстен, Б.Н. Граковым, К.В. Сальниковым, и другими выдающимися археологами его времени. Б.Н. Граков в переписке со своей супругой О.А. Кривцовой-Граковой неоднократно упоминает оренбургского краеведа и некоторые результаты его работ, пишет и о его смерти (И жизнь..., 2011. С. 143, 157). Следует заметить, что Б.Н. Граков отзывался о Зарецком довольно резко: «он еще очень крепкий старик, но инертен и вял» (Там же. С. 143), что можно списать на его недовольство перераспределением финансирования на археологические работы в пользу музея, распоряжавшегося финансами не в полной мере.

Преемником И.А. Зарецкого, скончавшегося в ходе разведочной поездки в 1936 г., в археологической работе музея стал Константин Владимирович Сальников (1900–1966) – фигура знаковая для уральской археологии. В 1935–1937 гг. он работал архивистом-консультантом в Областном архивном управлении и сотрудником Оренбургского краеведческого музея. Именно в качестве музейного сотрудника К.В. Сальников принял участие в работе Орской новостроечной экспедиции. А летом 1937 г. он произвел раскопки срубных курганов у села Погромного Тоцкого района, впервые для южноуральской археологии проследив взаимовлияние срубного и андроновского населения (Сальников, 1950).

Следует обратить внимание на то, насколько отличались друг от друга работники музея в вопросах археологической методики. И.А. Зарецкий был далек от современных достижений науки. В 1927 г. ему было отказано в ГАИМК в выдаче открытого листа, по всей видимости, с подачи А.А. Спицына: «Академия, считаясь с прежними раскопками т. Зарецкого в Харьковской губ., не может признать его лицом, подготовленным к производству раскопок» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 118. Л. 3). Курган у хутора Весёлый раскапывался квадратным колодцем со стороной 8 м, причем до начала раскопок были «прокопаны в разных местах пробные ямки для выявления неповрежденности насыпи грабительской раскопкой». Подобная методика, судя по пометкам на тексте отчета, вызвала понятное удивление в полевом комитете ГАИМК (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. Л. 5). Напротив, при произведенных К.В. Сальниковым раскопках могильника у аула Джанатан насыпи кургана разбивалась на 4 сектора по линиям, ориентированным по сторонам света. Сектора раскапывались в шахматном порядке, в результате чего «после удаления двух первых получались два разреза насыпи, позволяющие изучить ее строение» (Сальников, 1940. С. 122). Автор раскопок исследовал также рвы вокруг курганов (Архив УНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 1. № 3. Л. 5), а также в одном случае проследил следы землеройных орудий, которыми была вырыта могильная яма, и на основе этих следов реконструировал два типа орудий (Сальников, 1940. С. 127, 137).

С отъездом К.В. Сальникова из Оренбурга в Челябинск археологическая деятельность музея приостановилась. В 1940 г. К.В. Сальников вернулся в Чкаловскую область, однако об археологии речи не шло. В переписке с директором Челябинского музея И.Г. Гороховым К.В. Сальников сетовал на то, что «черт-Гитлер меня лично лишил любимого дела». В то же время ученый констатировал: «забыть свое любимое дело я, конечно, просто не в силах. Буду жить надеждами на будущее и по мере возможности ... ковыряться» (цит. по: *Валиахметова*, 2020. С. 306, 308). После войны К.В. Сальников переехал в Свердловск, и археологические исследования Оренбургского музея вновь приобрели регулярный статус лишь в 1950-е годы, в связи с работой С.А. Попова.

Таким образом, Оренбургский музей в 1920–1930-е годы являлся, по существу, единственным местным учреждением, сотрудники которого занимались изучением южноуральской археологии.

Работники музея провели несколько экспедиций и разведочных поездок по области с целью выявления и раскопок памятников древности, а также их охраны от разграбления. Часто практиковалось проведение для местного населения экскурсий на месте раскопок, что, в частности, характерно для деятельности К.В. Сальникова. Полученные в ходе раскопок коллекции становились основой экспозиции музея по первобытной истории. Более того – музейные работники в основном сохранили научное наследие Оренбургской ученой архивной комиссии, предметы из раскопок дореволюционных краеведов. Вместе с тем центром изучения археологии Оренбуржья, каким в свое время являлась ОУАК, музей назвать трудно. В 1930-е годы музейные работники больше боролись с организационными и финансовыми трудностями, нежели изучали археологические памятники. В результате значительная роль в изучении памятников древности отводилась археологам из других научных центров – Москвы, Самары, Ленинграда.

Литература

- Валиахметова З.А., 2020. «Дорогой Иван Гаврилович!...»: из переписки К.В. Сальникова и И.Г. Горохова 1941–1945 годов // Гороховские чтения. Материалы одиннадцатой региональной музейной конф. 20 ноября 2020 г. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала». С. 305–311.
- Гольмстен В.В., 1924. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч. 1. Самара. С. 159–173.
- Гольмстен В.В., 1928. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. 4. М. С. 125–137.
- Граков Б.Н., 1928. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. 4. М. С. 145–155.
- Граков, Б.Н., 1930. Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана / Б.Н. Граков. [Алма-Ата:] Казиздат, 1930. 20 с.
- Граков Б.Н., 1935. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Ч. 2. М.; Л.: ОГИЗ. С. 91–118.
- Граков Б.Н., 1947. Гунцакократоѳевои (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3. С. 100–121.
- Евгеньев А.А., 2008. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.06 – Археология. Казань. 20 с.
- Евгеньев А.А., 2016. «Надо продолжать путь». Археологическая деятельность в Оренбуржье Ивана Антоновича Зарецкого // Кадырбаевские чтения–2016. Материалы V межд. научн. конф. 6–7 октября 2016 г. Актобе. С. 248–253.

- Евгеньев А.А.*, 2017. Деятельность по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // Известия СНЦ РАН. Т. 19. № 3. Ч. 2. С. 413–418.
- Евгеньев А.А.*, 2018. Работы Б.Н. Гракова на Южном Урале и в Западном Казахстане в 1930-е гг. в контексте развития советской археологии // Духовная модернизация и археологическое наследие. Маргулановские чтения. Сборник материалов междунаучно-практ. конф. 19–20 апреля 2018 г. Алматы–Актобе. С. 242–245
- Евгеньев А.А.*, 2019. Археология в Оренбуржье в начале 1920-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. № 3 (31). С. 85–94. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/7_3_2019.html Дата обращения: 30.01.2022 г.
- Еремина Н.А.*, 2006. История музея. Оренбург: Печатный дом «Димур». 144 с
- Зобов Ю.С.*, 1993. Историки Оренбургского края. Советский период. Оренбург: ОГПИ. 92 с.
- Зуев В.Ю.*, 2021. О раскопках Б.Н. Гракова на Алебастровой горе у пос. Нежинского в 1927–1928 гг. // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2. Самара: СГСПУ. С. 15–58.
- И жизнь...*, 2011. И жизнь, и слезы, и любовь... / Сост. А.Г. Плешивенко. Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД. 368 с.
- Инструкция...1933.* Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках. Л.: ГАИМК. 16 с.
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1928. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. 4. М. С. 288–299.
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1947. Кожумбердынский могильник. (Выдержки из дневника раскопок) // Археологический сборник. М.: ГИМ. С. 165–169. (Труды ГИМ. Вып. XVII)
- Кузьмина Е.Е.*, 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принта. 358 с.
- Отчет...*, 1921. Отчет о деятельности Общества изучения Киргизского края со дня открытия Общества (15-го октября 1920 г.) до 1 января 1921 года // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. 1. Оренбург: Типография М.Н. Махова. С. 99–110.
- Охрана...*, 1973. Охрана памятников истории и культуры: Сборник документов / Сост. Г.Г. Анисимов. М.: Советская Россия. 191 с.
- Подгаецкий Г.В.*, 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Археологические памятники Урала и Прикамья. [Т. I] / Под ред. П.Н. Третьякова. М.; Л. С. 69–82. (МИА. № 1)
- Сальников К.В.*, 1940. Сарматские курганы близ г. Орска // Археологические памятники Урала и Прикамья. [Т. I] / Под ред. П.Н. Третьякова. М.; Л. С. 121–138. (МИА. № 1)
- Сальников К.В.*, 1950. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного // СА. XIII. С. 311–319.
- Смирнов К.Ф.*, 1948. Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. Вып. XXII. С. 80–86.
- Смирнов К.Ф.*, 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 379 с.

- Сорокина И.А.*, 2021. Организация и регламентация полевых исследований в предвоенный период // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы межд. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 61–63.
- Справка.... Справка по истории административно-территориального деления Оренбургского края за 1735–1999 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://archive.orb.ru/activity/10594/http://vestospu.ru/archive/2019/articles/7_3_2019.html Дата обращения: 30.01.2022 г.
- Grakov B.N.*, 1929. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la villed'Orenbourg // EurasiaSeptentrionalis Antiqua. Helsinki. T. 4. P. 169–182.

Е.Н. Жукова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930–1940-е ГОДЫ

Резюме. Статья посвящена вопросам изучения археологии на территории Калининской (совр. Тверской) области сотрудниками и преподавателями пединститута и краеведческих музеев под эгидой ГАИМК/ИИМК. Соотношение участников работ по сравнению с первым послереволюционным десятилетием изменилось в пользу археологов профессионалов (О.Н. Бадер, Л.Я. Крижевская, М.В. Талицкий, С.А. Тараканова, Н.П. Милонов). Количество краеведов-любителей, ведущих археологические исследования, резко уменьшилось (Н.И. Гумилевский, Ф.И. Иванов). Экспедиционные исследования становятся плановыми, находящимися в непосредственной зависимости от реализации строительства народно-хозяйственных объектов: гидросооружений, реконструкции городов. Великая Отечественная война прервала преемственность традиций изучения археологии края местными исследователями.

Ключевые слова: археологическое краеведение, Калининский государственный педагогический институт, Москва-Волгоградская экспедиция, Средневолгоградская экспедиция, А.С. Башкиров, В.С. Тарасенко, Ф.И. Иванов, Н.И. Гумилевский.

С начала 30-х гг. XX в., после целенаправленного разгрома краеведческого движения, в Калининской (совр. Тверской) области ощутимо стал проявляться контроль государства в сфере изучения древностей. Краеведов-любителей практически не осталось, им на смену пришли профессиональные исследователи. Общественные организации, занимавшиеся изучением древностей, были заменены государственными учреждениями – научно-исследовательскими учреждениями, высшими учебными заведениями и государственными музеями.

Пединститут в 1930-е гг. стал центром научной жизни Калининской области. Именно при пединституте действовала

региональная секция научных работников, объединявшая, в том числе местных археологов и историков. Разгром краеведения конца 1920-х гг. и смерть ведущих сотрудников областного музея, занимавшихся археологией – И.А. Виноградова и М.В. Рубцова – привели к резкому ухудшению общего состояния научных исследований в музеях региона. Этот факт был отмечен профессором кафедры истории КГПИ А.Н. Вершинским при выступлении на пленуме ИИМК в марте 1941 г. Большой размах работ областного музея и наличие огромного количества коллекций сопровождала «недостаточность кадров – “текучесть их”» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 54. Л. 14). Решение этой проблемы А.Н. Вершинский видел в том, что «очевидно между кафедрой истории СССР и музеями должен установиться деловой контакт, выражающийся в научной помощи районным музеям, не располагающим кадрами историков и археологов». В результате этого, по мнению А.Н. Вершинского, «... дело изучения памятников материальной культуры, их регистрация, первичное описание, картографирование пойдет быстрее» (Там же. Л. 3 об.). Эти слова стали своеобразной программой деятельности сотрудников пединститута по изучению региональной археологии.

За свою недолгую историю к началу 30-х гг. XX в. Калининский государственный педагогический институт успел пережить неоднократные реорганизации, в том числе и угрозы полного закрытия в 1924 и 1928 гг. Педагоги-историки традиционно готовились в стенах вуза с 1917 г. (с момента его организации). Перерыв в подготовке учителей истории произошел с 1926 по 1930 г., когда социально-исторический цикл на отделении языка и литературы был полностью ликвидирован (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 46. Л. 95 об.). Однако уже в 1930 г. возобновилась деятельность историко-экономического отделения «... чего действительно требовали местные, хозяйственные и культурные запросы...» (Там же. Д. 155. Л. 33). А с 1934 г. исторический факультет входил в состав пединститута как самостоятельное подразделение.

Учительский институт в 1917 г. был первым высшим учебным заведением губернии и найти квалифицированных преподавателей в достаточном количестве было не просто. Также как и для большинства вузов страны, расположенных в транспортной доступности от столичных городов, вопрос формирования кадрового состава решался за счет привлечения специалистов из Москвы и Ленинграда. Одним из организаторов исторического образова-

ния в Твери (с 1931 по 1990 г. – Калинин) был Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944), выпускник Санкт-Петербургского университета. С 1922 г. и до своей кончины он занимался преподавательской, административной и научной деятельностью в пединституте. Был профессором кафедры истории, в разные годы возглавлял ее, руководил словесно-историческим отделением вуза, историческим факультетом.

Привлечение столичных преподавателей для работы в Калининском пединституте – практика традиционная на протяжении 20–40-х гг. XX в. Аргументация подобного способа решения кадрового вопроса наиболее емко представлена в «Обращении профессоров и преподавателей Московских и Ленинградских вузов, работавших в Тверском пединституте, о сохранении педагогического института в Твери» от 1929 г.: «Насколько мало препятствует живой и активной работе профессорского персонала их местожительство в Москве, видно из того, что кроме чтения предполагающихся лекций, профессора состоят руководителями научных кружков, председателями Предметных Комиссий, организуют и проводят экспедиции и экскурсии со студентами. Принимают участие, по поручению института, в работах губернских педагогических съездов, чтениях различных докладов и лекций сверх полагающихся по расписанию. Жительство в столице профессуры имеет и благоприятное значение. Профессура тесно связана с высшими научными учреждениями Союза – Академией наук, гос. музеями, крупнейшими столичными лабораториями и библиотеками, что, несомненно, ярко отражается на характере преподавания в тверском вузе и придает ему с научной стороны тип вуза столичного» (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 699. Л. 6). В Калининском пединституте в 1930–1940-е годы работали С.В. Фрязинов, Н.И. Радциг, А.С. Башкиров (*Воробьева*, 2017).

В 1930-е гг. на историко-экономическом отделении дисциплинам, изучающим древнюю историю, стали уделять значительно больше учебного времени по сравнению с предшествующим десятилетием. В качестве отдельного предмета археология не преподавалась, однако в учебный процесс входили курсы, связанные с изучением древнейшей истории. В рамках всемирной истории раздел по истории первобытного общества читал С.В. Фрязинов (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10 (41). Д. 12. Л. 110). Студенты изучали проблемы антропогенеза, формирования общественных отношений. В основе истории первобытного общества предполагалось изуче-

ние истории материальной культуры, которая определялась смежной археологических эпох (палеолита и неолита).

А.Н. Вершинский начал свою педагогическую деятельность еще до революции в гимназиях Санкт-Петербурга. Лекции, разработанные А.Н. Вершинским в 10-х гг. XX в., расширялись и дополнялись и в начале 1920-х гг., когда автор стал преподавателем вуза, и в 1930-х гг., когда в исторической науке внедрялся марксистский подход. Так, например, курс доисторической археологии, подготовленный в 1915 г. (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 17), вошел органичной частью в лекции по истории первобытной культуры, составленные в 1922/1923 учебном году (Там же.), затем дополнен сюжетами, отражающими внедрение марксистско-ленинской идеологии в преподавание первобытности.

За основу программы по доисторической археологии А.Н. Вершинский взял лекции профессора Н.И. Веселовского с аналогичным названием. При этом древнейшая история представлена в системе «трех веков»: каменный, бронзовый, железный. Периодизация каменного века была дана в соответствии с положениями наиболее известного представителя эволюционистской школы начала XX в. Дж. Леббока. В текстах лекций А.Н. Вершинского источниковая база основывается на археологических памятниках Западной Европы, в небольшом количестве представлены отечественные материалы. История первобытной культуры – синтетическая дисциплина, для овладения которой, по мнению автора, необходимо «...1) изучение жизни первобытных дикарей; 2) данных археологии <...> Соотношение истории первобытной культуры и других наук: антропологии, этнографии, археологии, экономики» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 27. Л. 5). В процессе доработки лекций А.Н. Вершинский ввел периодизацию археологии, предложенную В.А. Городцовым (*Городцов*, 1923). В качестве дополнительной литературы для чтения студентам предлагались работы Д.А. Анучина, Ю.В. Готье, Ф. Энгельса. К 1930-м гг. относятся сюжеты в текстах лекций, связанные с классовым подходом и теорией стадильности. В частности, в лекционные материалы включен конспект статьи В.И. Равдоникаса «О сущности доклассового общества», опубликованной в «Сообщениях ГАИМК» в 1932 г. (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 27. Л. 7). В русле требований времени меняется терминология, например, вместо «первобытное хозяйство» появляется обозначение «первобытный родовой коммунизм» (Там же. Л. 6).

Со второй половины 1930-х гг. расширяется круг исторических дисциплин на словесно-историческом факультете. А.Н. Вершинский разрабатывает лекции по этнологии (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 51) и исторической географии (Там же. Д. 16). В 1934 г. он начинает подготовку научной работы по эпиграфике (Там же. Д. 353). По стилистике это учебно-методическое пособие, составленное на основе историографических источников с частичным привлечением данных вещественных памятников с территории Тверского Поволжья. В работе приводятся различные типы классификаций эпиграфических источников, основанные на характере материала, стиля надписи и т.д. В пособии предлагается программа источниковедческого описания надписей. Последний вариант рукописи относится к 1940 г. По объему она составляет приблизительно 10 печатных листов. Работа не была издана. На машинописном экземпляре 1940 г. карандашом поставлена резолюция: «Копия передана в институт археологии г. Москва Б.А. Рыбакову в 1957-8 гг.» (Там же. Д. 384). По всей вероятности, рукопись была необходима Борису Александровичу для работы над монографией «Русские датированные надписи XI–XIV вв.», вышедшей в серии «Археология СССР: Свод археологических источников» в 1964 г. (Рыбаков, 1964).

Но наибольшим достижением в области преподавания археологии в Калининском пединституте явилось введение на факультативной основе курса «Основы археологии» в 1938 г. (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 7. Л. 42). Эти занятия вел Н.П. Милонов. О содержании курса ничего не известно. В рабочих записях А.Н. Вершинского сохранились данные только по объему занятий. «Основы археологии» (в 1941 г. – «История материальной культуры») преподавались в течение трех семестров на 2–3-х курсах (Там же. Д. 57. Л. 11 об.) исторического факультета.

С формированием в 1934 г. исторического факультета как самостоятельного учебного подразделения начинается проведение регулярных выездных археологических экспедиций «...в зависимости от имеющихся средств и возможностей <...> в различных районах Калининской области» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 28. Л. 2). В компетенцию студентов-практикантов (при непосредственном руководстве научных сотрудников кафедры) входило: «1) производство <...> обмера памятника и его описание; 2) производить раскопки; 3) составление дневника и описание инвентаря курганов» (Там же. Л. 2 об.). В целом необходимо отметить, что кафедра

истории, несомненным лидером которой был А.Н. Вершинский, проводила политику комплексного подхода к изучению истории, с довольно большим краеведческим уклоном в исследованиях. Подтверждение этого можно найти в отчете работы кафедры за 1939 г.: «Нужно им [студентам] прививать глубокие навыки владеть не только письменными и устными источниками, но и источниками вещественными» (Там же. Д. 54. Л. 1).

Интерес студентов к краеведческой проблематике, безусловно, определялся направлением научной деятельности их руководителей. При работе над докторской диссертацией А.Н. Вершинский использовал археологические материалы. Свой интерес он передал и ученикам. Например, студент Паньков (1934 г.) защитил дипломную работу по теме: «Взаимоотношение Волжско-Камских болгар с Русью» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 457. Л. 57). Некоторые темы докладов краеведческого кружка были основаны на археологических источниках: «Родовые общества эпохи неолита в Верхнем Поволжье», «Городища дьякова типа, их население и культура» (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10 (37). Д. 13. Л. 18). Научные интересы профессора А.Н. Вершинского в целом определяли направление археологических исследований кафедры – это средневековая история Верхнего Поволжья. В своей работе «Очерки истории Калининской области» А.Н. Вершинский определил роль археологических источников для изучения средневековой истории региона. С их помощью можно изучать: «1) территорию поселения отдельных угро-финских и славянских племен, 2) их культуру и остатки их верований, 3) экономические и культурные связи и, наконец 4) процесс расселения, шедший у славян и угрофиннов и возникновение имущественного неравенства и классов общества» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 135. Л. 3 об.).

Для реализации поставленных задач на кафедре с середины 1930-х гг. сложились благоприятные условия: обеспеченность научными кадрами, удовлетворительная материальная база и коллектив добровольных заинтересованных помощников.

Итак, кадровый вопрос. В 1932–1934 гг. на территории Тверской области работала экспедиция ГАИМК под руководством О.Н. Бадера. В 1933 г. Отто Николаевич провел обследование Тверского кремля и принял решение о проведении полевых изысканий в Калининне. Весной 1934 г. О.Н. Бадер был приглашен кафедрой истории СССР «... для прочтения лекций и производства пробных раскопок курганов» (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 455. Л. 12).

Предполагалось, что эти работы будут проводить либо О.Н. Бадер, либо А.Н. Вершинский. От Калининского пединститута была подана заявка на открытый лист для этих исследователей (Там же. Л. 16, 18). Однако для проведения полевых работ в область был направлен начальник 1-го Славянского отряда Москва-Волгостройской экспедиции ГАИМК Николай Петрович Милонов (1896–1975). С этого времени Н.П. Милонов начал работать в Тверском музее в должности старшего научного сотрудника, а также на кафедре истории СССР Калининского пединститута на условиях внештатного сотрудника и почасовой оплаты.

Н.П. Милонов закончил духовную семинарию в Рязани, а в 1921 г. – историческое отделение Петроградского историко-филологического института. В 1920-е гг. он начинает активно заниматься археологией. В переписке А.А. Спицына сохранились письма от Н.П. Милонова с просьбой о принятии в аспирантуру от 26/VI 1929 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 7. Л. 48–51 об.) и письмо-ходатайство по этому вопросу О.Н. Бадера от 16/VII 1929 г. (Там же. Л. 44–45 об.). Степень кандидата исторических наук Н.П. Милонову без защиты диссертации была присуждена в 1938 г. Во второй половине 1930-х гг. сложилось научное сотрудничество А.Н. Вершинского и Н.П. Милонова. При этом Милонов в большей степени отвечал за полевой этап работы, а Вершинский – за обобщение материалов и включение их в общеисторический контекст.

Экспедиционные работы кафедры истории КГПИ проводились как на поселениях, так и на погребальных памятниках. Средневековые города Верхнего Поволжья изучались небольшими площадями. Чаще всего эти работы являлись спасательно-аварийными и были приурочены либо к новому строительству, либо к реконструкции и прокладке коммуникационных и дорожно-строительных сооружений. Однако предусматривались и чисто научные цели, для реализации которых закладывались шурфы и проводились зачистки культурного слоя.

Наиболее подробно из всех городов была изучена Тверь. С 1934 по 1941 г. в разных частях города проводились раскопки. В рабочих записях Н.П. Милонова можно проследить основные объекты исследований: «... кафедра истории пединститута совместно с краеведческим музеем начала археологические раскопки на территории бывшего Тверского кремля (спортстадион, школа № 7, облпартшкола, рынок у Покровского моста

и Крестьянской площади, Собор, бывший дворец, бывший дворцовый сад, пединститут» (Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Д. 269. Л. 52). Кроме плановых работ сотрудники кафедры проводили наблюдения за строительными работами на территории кремля, где располагались корпуса пединститута. В частности, в 1939 и 1941 гг. при строительном-ремонтных работах во дворе здания пединститута (ул. Советская, 5) А.Н. Вершинский зафиксировал подземные гидротехнические сооружения нового времени (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 18. Л. 14). В 1939 г. Н.П. Милонов организовал разведочные работы в Старице и Торопце. Значение последних высоко оценил Н.Н. Воронин, подчеркивая, что «памятник заслуживает того, чтобы стать своего рода “Калининской Ольгией”», требующий дальнейшего подробного изучения, который «... не стоит даже тревожить маленькими разведками (14 м)» (Там же. Д. 359. Л. 30). В 1941 г. А.Н. Вершинский получил открытый лист на разведочные работы в Старице, Ржеве, Кашине и Зубцове.

Интерес к поселениям не ограничивался исследованиями городов. В 1936–1938 гг. А.Н. Вершинский и Н.П. Милонов предприняли археологические изыскания в среднем и нижнем течении р. Медведицы. Целью разведочных работ был поиск доказательств проходившей в этом районе границы между новгородскими и ростово-суздальскими землями. По результатам работ исследователи подготовили статью «К истории Северо-Восточной Руси в IX–XII вв. (Памятники раннефеодальной эпохи на р. Медведице)». Основываясь на сведениях договорных грамот Новгорода с Тверью XIV–XV вв. исследователи пришли к выводу, что некоторые городища на изученной территории в период позднего средневековья играли роль исключительно оборонного характера. Они располагались: «а) в верхнем течении р. Медведицы у дер. Васильки, б) у пустоши Кидомля, вблизи дер. Новой Рамешковского района, в) у устья р. Каменки, г) у дер. Посады вблизи с. Кашкина Кашинского района, д) у устья р. Медведицы при впадении ее в Волгу» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 358. Л. 63).

В 1940 г. кафедра истории СССР организовала разведочные работы в нижнем течении р. Тверцы. Археологов интересовали проблемы расселения периода позднего средневековья. На основе данных писцовых книг А.Н. Вершинский и Н.П. Милонов вели поиски позднесредневековых селищ. Небольшие раскопки были проведены в районе с. Каменка (около 25 м²), на ручье

Кавец (около 20 м²) и у дер. Мельниково (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 360. Л. 45). Продолжение этих работ было запланировано на лето 1941 г. – А.Н. Вершинский предполагал изучение памятников у дер. Долматово Калининского района (Там же. Д. 335).

Как и в предыдущие десятилетия, в 1930-е гг. активно изучались курганы древнерусского времени. В 1934 г. были проведены раскопки двух курганов в районе д. Новенькая в устье р. Жерновки при впадении ее в р. Тверцу (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 455. Л. 16). В 1938–1939 гг. было организовано изучение курганной группы у д. Дуденево Калининского района. В процессе работ раскопаны 5 разрушенных курганов (три из них пострадали от разливов Волги, два – от грабителей). Одновременно велись исследования на дьяковском селище в районе Дуденевских курганов – заложено 5 небольших раскопов общей площадью около 30 м² (Там же. Д. 361). В 1938 г. были проведены раскопки курганов у деревни Михайлово-Прудово в среднем течении р. Медведицы (Там же. Д. 358. Л. 4). С середины 1930-х гг. полевая практика стала обязательной составляющей учебного плана факультета. Необходим был базовый памятник для проведения практик. Поэтому после работ в Дуденеве кафедра просит разрешения в ИИМК этим объектом сделать именно Дуденевскую курганную группу.

Следующее направление полевой работы кафедры – составление археологической карты области. В 1939 г. студенты исторического факультета проходили практику в Старицком и Великолуцком музеях с целью проведения сплошных разведочных работ. При обследовании бассейнов рек Ловать и Кунья было зафиксировано 135 курганов, 4 городища, 1 селище, 1 жальник (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 54; Д. 64). Собранные данные систематизировались по схеме, предложенной ИИМК, в виде составления учетных карточек (Там же. Д. 64). Разведочные работы прошли достаточно успешно. А.Н. Вершинский использовал эти данные для обобщения материалов и в 1940 г. подвел суммарный итог выявленных к этому времени местонахождений с курганами – более 1000 объектов (Там же. Д. 383), что в два раза превышало их количество, известное до революции.

Проведению археологических работ в области способствовали и новые задачи социалистического строительства, определявшие необходимость археологических исследований. При этом преподаватели и сотрудники кафедры истории СССР умели находить компромисс между реалиями современного им общества и чисто

научными интересами: «Тематика экспедиционных работ, а вслед за ними печатных работ определялась во многих случаях запросами, предъявляемыми как к кафедре, так и к факультету в целом, со стороны сначала губернских, позднее областных учреждений и организаций» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 2. Л. 8). Например, при проведении плана реконструкции г. Калинина в 1935–1938 гг. А.Н. Вершинский был включен в состав комиссии при Горплане (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10 (37). Д. 13. Л. 21 об.). На него была возложена задача подготовки исторической справки по центральной части города. Результатом деятельности А.Н. Вершинского в этой комиссии стал «Исторический очерк города Калинина до середины XIX века», написанный в 1939 г.

Деятельность областных археологов сопровождалась научно-методической поддержкой со стороны центральных научных учреждений страны. Работы А.Н. Вершинского общео- исторического и краеведческого характера нашли положительный отклик в рецензиях таких ведущих медиевистов, как С.Ф. Платонов и Б.Д. Греков (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 2. Л. 14). В частности, в отзыве С.Ф. Платонова 1926 г. подчеркивается, что «по известным мне научным статьям и документам А.Н. Вершинского, я могу судить о значительной широте его научного кругозора (по истории главным образом Тверского края), археологического и историко-литературного» (Там же. Л. 12). Однако специалисты-археологи более требовательно относились к исследованиям А.Н. Вершинского и Н.П. Милонова. В частности, в рецензии на полевые работы 1940 г., присланной ИИМК (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 8), основной упрек был сделан на незначительность площади раскопов сельских поселений (в целом они не превышали 20–30 м²). Необходимо отметить, что для полевых исследований конца 1930-х гг. это было достаточно большое упущение, поскольку именно в эти годы в отечественной археологии стала формироваться передовая для своего времени технология изучения не только стратиграфии, но и планиграфии поселений в рамках изучения экономики различных исторических эпох. Наиболее существенным недостатком полевых работ А.Н. Вершинского и Н.П. Милонова является отмеченное в отзыве ИИМК плохое качество графической части отчета. Связано это было с низкой методикой проведения исследований: не применялся квадратно-секторный прием раскопок, не было общей привязки стратиграфии раскопов к единой системе координат. Все это

сопровождалось плохим качеством чертежей, ошибками в нивелировочных отметках, отсутствием фотографий. П.Н. Третьяков указывал на неверную интерпретацию объектов полевого исследования. Например, древесный тлен в погребениях дуденевских курганов А.Н. Вершинский принял за футляры вещей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1939. Д. 13. Л. 34). А.В. Арциховский отметил в качестве недостатка в работе по итогам исследований на р. Медведице неиспользование метода археологических аналогий при построении хронологических определений, и, как следствие этого, неточные выводы о времени функционирования археологических памятников (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11 об.). Современные исследователи, вынужденные обращаться к полевой документации довоенного времени, также отмечают низкое качество материалов работ Н.П. Милонова (*Лапшин*, 2009. С. 22).

Косвенно об уровне полевой методики свидетельствуют студенческие заметки об археологических экспедициях, опубликованные в «Научном бюллетене кафедры истории СССР» за 1939 г.: «Не зная еще, что в этом кургане захоронение на грунте, и торопясь скорее добраться до скелета, мы сбрасывали один штык земли за другим. Вдруг вслед за выброшенной землей полетели и кости скелета, так мог быть выброшен и ряд ценных вещей, и только своевременное вмешательство т. Милонова предотвратило гибель находок» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 64. Л. 20 об.); «... я снял их [находки] с места и потащил показывать руководителю экспедиции, а тем самым нарушил элементарное правило раскопок, требующее точной фиксации (фото, зарисовки или фиксации) места каждой находки» (Там же. Л. 21).

Тем не менее, возобновившиеся в середине 30-х гг. XX в. археологические раскопки на территории Калининской области были, несомненно, прогрессивным явлением, по сравнению с упадком этой деятельности в первое десятилетие советской власти. Руководство ИИМК всячески поддерживало инициативу историков из областного пединститута. В отчетной сессии кафедры истории СССР КГПИ 1939 и 1940 гг. принимали участие не только сотрудники кафедры, учителя города, но и представители ИИМК, Института литературы и краеведения. Доклады, обсуждавшиеся на заседаниях, свидетельствуют о широком спектре интересов в области региональной археологии: «проблематика археологической карты, культуры первобытно-общинного строя (от неолита до дьякова), проблемы культуры кривичей, «Верхнее Поволжье

и Булгары», «Феодальная Тверь, Торопец» (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 280. Л. 14 об.). При этом в рецензии на отчет 1940 г. «... Комитет [Археологический комитет ИИМК. – Е.Ж.] подчеркивает особую сложность и ответственность работ, связанных с подготовкой кадров. Требования к таким работам должны быть повышены» (Там же. Д. 8. Л. 8). Подтверждением доверия к профессионализму областных исследователей стал открытый лист, выданный в 1941 г. на имя А.Н. Вершинского.

Во время Великой Отечественной войны пединститут на период оккупации г. Калинина недолгое время находился в эвакуации. Уже весной 1942 г. занятия были возобновлены. При этом были продолжены не только аудиторные занятия, но и экспедиционные исследования. Летом 1942 г. кафедра истории СССР во главе с А.Н. Вершинским ведет сбор информации о событиях Великой Отечественной войны на территории области (опросы участников событий, ход боев, действия партизанских отрядов, количество жертв и разрушений, причиненных оккупантами). Летом 1943 г. пединститут организует экспедиции в районы Калининской области, вошедшие в зону военных действий. В задачу преподавателей и студентов входил сбор сведений о причиненном ущербе. Результатом становится исследование А.Н. Вершинского, опубликованное в декабре 1945 г. уже после смерти автора (*Вершинский*, 1945).

С лета 1944 г. на историческом факультете возобновляется археологическая экспедиционная деятельность. Особенность полевых исследований в послевоенное время состояла в том, что студенты и преподаватели принимали участие в экспедициях, проводимых сторонними организациями, собственная база практики и самостоятельных исследователей в пединституте не сложилась. В 1944–1945 гг. студенты факультета принимали участие в раскопках средневекового городища Городня на Волге под руководством С.А. Таракановой, в 1946–1947, 1949 гг. – в работе Псковской экспедиции (Мои университеты..., 2006. С. 119). Одним из руководителей полевой практики выступал профессор А.С. Башкиров (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10. Л. 1), который с 1938 по 1948 г. преподавал на историческом факультете, был заведующим кафедрой всеобщей истории КГПИ (*Воробьева*, 2017. С. 20–22). Алексей Степанович Башкиров (1885–1963), археолог-антиковед, вел занятия по истории всемирного искусства (Мои университеты..., 2006. С. 118), читал лекции по античному искусству (археологии) (Там же. С. 123).

В 1947 г. А.С. Башкиров занялся организацией исследований Таманского полуострова. Внимание археолога было сосредоточено на городище Патрей, находящегося на северном берегу Таманского залива. Впервые этот памятник был обследован А.С. Башкировым в 1926–1927 гг. в рамках работы комплексной экспедиции «коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов Института Археологии и искусствознания» (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 165. Л. 2). В 1948 г. были проведены первые масштабные раскопки памятника. Состав участников был комплексный – исследование было организовано усилиями кафедр истории древнего мира и всеобщей истории: Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина, Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского, Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина (Там же. № 249. Л. 2). Заместителем начальника экспедиции был назначен старший преподаватель кафедры всеобщей истории КГПИ В.С. Тарасенко, выпускник исторического факультета 1941 г., аспирант и преемник А.С. Башкирова в заведовании кафедрой всеобщей истории.

Василий Сергеевич Тарасенко (1919–1976) с отличием закончил исторический факультет КГПИ. С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт и был демобилизован летом 1945 г. Однако уже в конце войны, в 1944 г., он поступил в заочную аспирантуру. Научным руководителем выступал А.С. Башкиров, соответственно и тема диссертации была по истории античности – «Политическая история Боспорского государства в I в. до н.э. – I в. н.э.». (Тарасенко, 1950). В 1948 г. В.С. Тарасенко закончил аспирантуру, а в 1950 г. в МГПИ успешно защитил диссертацию. Работа была выполнена на комплексе материалов как археологических, так и письменных источников. В дальнейшем, исследования по археологии не становятся ведущей темой его работ. Однако в 1950-е гг. В.С. Тарасенко проводил самостоятельные разведки в районе г. Калинина (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1232), в архиве сохранился отзыв А.С. Башкирова на эти исследования (ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 60. Д. 54. Л. 222).

В 30–40-е гг. XX в. участниками археологических исследований на территории Калининской области продолжают оставаться областные и районные музеи. Однако сотрудники музеев выступали не организаторами исследований, как это было в 1920-е гг., а ря-

довыми участниками работ. Исследователи с дореволюционным опытом не привлекались, новые специалисты не появились. Даже директорами областного музея становились партийно-советские работники, долго не задерживавшиеся на этой должности. Впрочем, аналогичная ситуация сложилась и в пединституте – с середины 1920-х до середины 1940-х гг. сменилось 8 директоров вуза. Реализация задач научных исследований в областном и районных музеях осуществлялась, в том числе, через участие в полевых археологических экспедициях, организуемых на территории области ведущими научными центрами страны (*Черных*, 2016. С. 48–51).

В 1930–1940-е гг. меняется характер организации научных исследований. В стране для реализации народно-хозяйственных планов предполагались масштабные строительные работы. В частности, Калининская область была задействована в планах строительства гидротехнических сооружений – каналов и водохранилищ. Соответственно выделялись средства на археологические исследования. На территории области действовали Москва-Волгостройская экспедиция (1932–1934) под руководством О.Н. Бадера (основной хозяйственный объект – канал им. Москвы; регион исследования – по Волге от г. Калинина до г. Кимры); Средневолгостройская (1933–1935) и Верхневолжская (1936–1938) под руководством П.Н. Третьякова (объект – Ярославская гидроэлектростанция; регион обследования – от г. Кимры до г. Углича). Впервые в рамках этих работ проводились исследования в широком хронологическом диапазоне – от мезолита до позднего средневековья. Основной метод – сплошная разведка со вскрытием культурного слоя наиболее характерных памятников (в частности, мезолитических и неолитических стоянок, фатьяновского местонахождения, дьяковских городищ, средневекового кремля, курганных групп древнерусского времени). Руководителями отрядов в Москва-Волгостроечной экспедиции на территории Калининской области были М.В. Талицкий, Н.П. Милонов, Н.Н. Померанцев; в Средневолгостройской – А.В. Шмидт, О.Н. Бадер.

Кроме того, плановые исследования на территории области проводились в соответствии с индивидуальными научными темами археологов. Эпоха камня изучалась по Ржевско-Старицкому течению р. Волги Калининской экспедицией (1940) под руководством Б.Ф. Землякова (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 148). В послевоенное время (1946–1948) разведки в этом районе проводи-

ла Л.Я. Крижевская (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 66; № 148; № 294). Разведки по р. Мсте в 1941 г. были организованы Н.Н. Гуриной (Гурина, 1950), а в 1947 г. она приняла участие в экспедиционных исследованиях Л.Я. Крижевской в этом же регионе.

Памятники средневековья изучала С.А. Тараканова: в Осташковском районе в 1938–1940 гг. (Тараканова, 1945); под Калинином на Волгев в 1944–1945 г. (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10). Я.В. Станкевич в 1949 г. провела первые разведочные обследования на западе области – в Торопецком районе (Там же. № 327). Н.Н. Воронин в 1949 г. проводил раскопки в Старице (Там же. № 358). Э.А. Рикман в 1947 г. в процессе подготовки диссертационного исследования (Рикман, 1949) провел разведки в городах Тверского княжества – Твери, Ржеве, Старице, Бел-городке, Зубцове, Опоках, Скнятине и Калязине (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 417).

Однако не только профессиональные археологи вели поиск археологических памятников на территории области. В Вышневолоцком районе сбором материалов занимался краевед Н.И. Гумилевский, а в Калининском – Ф.И. Иванов.

Николай Иванович Гумилевский (1891–1972) – неординарная личность среди любителей древностей. Родился на Украине, закончил семинарию и поступил в Киевский Коммерческий институт. Однако начавшаяся революция не позволила получить высшее образование. В 1921 г. Н.И. Гумилевский оказался в Вышневолоцком уезде в должности учителя начальной школы с. Алексеевского (Основатель музея...). С 1934 г. преподавал в г. Вышний Волочек – географию, химию, биологию. С 1935 по 1945 г. работал учителем географии и химии в г. Прокопьевске Кемеровской области. С 1945 г. переехал в Краснодарский край, затем в Абхазию. На протяжении всей своей педагогической деятельности в Калининской области, в Сибири и на черноморском побережье Кавказа Н.И. Гумилевский собирал древности, выступая организатором детского туристическо-краеведческого движения. Собранные материалы составляли основу школьных краеведческих музеев. По сведениям Л.Я. Крижевской, добытые Н.И. Гумилевским материалы с территории Вышневолоцкого района частично хранились в Эрмитаже, «большая же часть его, находившаяся в школе села Алексеевское, – исчезла бесследно» (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №. 66. Л. 49). В целом Л.Я. Крижевская не очень легко отозвалась о деятельности Н.И. Гумилевского: «... “варварски” добывал материал шурфовкой стоянок с ненарушенным культурным сло-

ем, случайными сборами подъемного материала, никак, однако, о своих полевых исследованиях не документируя» (Там же. Л. 34). Отчеты о своей работе краевед вел в виде дневниковых записей, которые хранятся в Вышневолоцком филиале ТГОМ и краеведческом музее г. Прокопьевска Кемеровской области (материалы по Краснодарскому краю) (Выставка..., 2021).

Федор Иванович Иванов (1901–1961) – сын председателя Тверской ученой архивной комиссии И.И. Иванова. В 1920-е гг., когда директором Тверского музея был бывший член ТУАК И.А. Виноградов (краевед, археолог-любитель), состоял сотрудником этого музея. В послевоенные годы Ф.И. Иванов преподавал в Калининском торфяном институте (*Черных*, 2016. С. 52–53). Археологические исследования Ф.И. Иванов проводил на протяжении всей жизни. И, если раскопки курганов 1926 г. сопровождалась документацией, хранившейся в Тверском музее, то разведочные работы конца 1940-х гг. были обобщены и в виде отчета в 1950 г. направлены в ИИМК. Обследуя стоянки каменного века в районе г. Калинина, Ф.И. Иванов указал на характерные особенности инвентаря с памятников в районе д. Савватьево – «По близости стоянок друг к другу можно думать, что они принадлежали к одному племенному образованию» (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 300. Л. 5) и отнес эти стоянки к мезолиту (Там же. Л. 7). На рукопись Ф.И. Иванова рецензию составил А.А. Формозов (Там же. Л. 11), в которой автор, отметив, что стоянки в этом районе были известны с начала XX в. по изданию В.А. Плетнёва (*Плетнёв*, 1903. С. 171, 173, 188–190) и обследованиям О.Н. Бадера (*Бадер*, 1950), не обратил внимание на подмеченную Ф.И. Ивановым закономерность, а следовательно, и необходимость специальных исследований в этом районе. В 1955 г. стоянки были обследованы О.Н. Бадером (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1161). Предположения краеведа позднее нашли подтверждение в концепции Л.В. Кольцова о распространении в VIII–VI тыс. до н.э. на территории Восточной Европы иевневской мезолитической культуры (*Кольцов*, 1965).

Таким образом, потенциал развития региональной археологии, заложенный в дореволюционные годы, способствовал продолжению полевых и исследовательских работ в предвоенное десятилетие. При этом активно использовались ресурсы первого высшего учебного заведения Твери – Калининского педагогического института, организационные возможности краеведческих музеев и достижения современной эпохи научного знания. На си-

туацию кардинально повлияли события Великой Отечественной войны, непосредственно разворачивавшиеся на территории области – была прервана традиция археологического изучения края местными исследователями.

Литература

- Бадер О.Н.*, 1950. Краткий очерк археологических работ в зоне канала им. Москвы. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 8–14. (МИА. № 13)
- Вершинский А.Н.*, 1945. Бои за город Калинин. Калинин: Пролетарская правда. 56 с.
- Воробьева И.Г.*, 2017. Преподавание всеобщей истории в Твери в 1917–2017 годах // Вестник ТвГУ. Серия «История». № 3. С. 11–28.
- Выставка ..., 2021. Выставка «Уникальные поступления – 2021» // Прокопьевский краеведческий музей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prk-museum.ru/index.php/1547-vystavka-unikalnye-postupleniya-2021>. Дата обращения 16.01.22.
- Городцов В.А.*, 1923. Археология: Т. 1. Каменный период. М.: Гос. изд-во. 396 с.
- Гурина Н.Н.*, 1950. Результаты археологической разведки на р. Мсте в 1941 г. // СА. XIII. С. 292–311.
- Кольцов Л.В.*, 1965. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. № 4. С. 17–26.
- Лапшин В.А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Мои университеты..., 2006. Мои университеты: Сборник воспоминаний выпускников и сотрудников университета / Под ред. С.Н. Смирнова, О.К. Ермишкиной. Тверь: «Лилия Принт». 256 с.
- Основатель музея... Основатель музея Цандрыпшской средней школы № 2 Гумилевский Николай Иванович // Виртуальный музей Цандрыпшской средней школы № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://csmuseum.ucoz.ru/index/gumilevskij/0-20>. Дата обращения: 23.01.22.
- Плетнёв В.А.*, 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь: Типография губернского правления. 519 с.
- Рикман Э.А.*, 1949. Города Тверского княжества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л.: Издательство АН СССР. 18 с.
- Рыбаков Б.А.*, 1964. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука. 48 с. (САИ. Е1-44)
- Тараканова С.А.*, 1945. Археологические разведки в Новгородских пятинах // КСИИМК. Вып. XI. С. 73–78.
- Тарасенко В.С.*, 1950. Политическая история Боспорского государства в I веке до н.э. и в I веке н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: [б. и.]. 9 с.
- Черных И.Н.*, 2016. Археология в Тверском музее. 1866–1988 годы. Исторический очерк // Вестник ТГОМ. Сентябрь (№ 48). С. 45–63.

Е.Ю. Захарова

**«...КОГДА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ОДЕРЖАЛО ПОБЕДУ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ...»
(ВОРОНЕЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ 1930–1940-х ГОДОВ)**

Резюме. В первой половине 1930-х гг. в Воронеже практически была уничтожена база для развития археологии: над университетом нависла реальная угроза расформирования; музеи целенаправленно превращались в «политпросветкомбинаты»; краеведческое движение приобретало утилитарный характер. Единственным местным деятелем, имевшим открытый лист, был Н.В. Валукинский. В статье показано, что в этих условиях археологическое изучение края было обеспечено систематическими исследованиями ГАИМК/ИИМК, главная заслуга в организации которых принадлежит П.П. Ефименко. Значимым событием стал Воронежский пленум советской секции INQUA (22–29 мая 1941 г.). Во время войны в эвакуации П.П. Ефименко, В.И. Равдоникас преподавали для студентов возродившегося исторического отделения Воронежского университета. В послевоенные годы по-прежнему направленность и уровень развития воронежской археологии определялись работами столичных (академических и музейных) экспедиций, но в то же время наблюдается активизация археологической деятельности местных музеев и вузов. С именем А.Н. Москаленко связано становление археологии в Воронежском госуниверситете.

Ключевые слова: история археологии, ГАИМК, Воронежский государственный университет, П.П. Ефименко, В.И. Равдоникас, Н.В. Валукинский, А.Н. Москаленко, И.Н. Бороздин.

В воронежской археологии предвоенного десятилетия в полной мере нашли отражение характерные черты начавшегося «марксистского» периода. Инициированная в столицах и волной прокатившаяся по регионам в конце 1920-х – начале 1930-х гг. серия теоретических дискуссий и организационных перестроек научных, образовательных и культурно-просветительских заведений, сопровождавшаяся политическими репрессиями, с помощью ко-

торых шлифовалось морально-политическое единство советского общества, в Воронеже привела к желаемому результату – стремление к фундаментальной научной подготовке и к широкому гуманитарному образованию объявлялось безнадежно устаревшим, над университетом нависла реальная угроза расформирования (Карпачёв, 2013. С. 179); музеи целенаправленно превращались в «политпросветкомбинаты» (Котлярова, 2008. С. 125–128); краеведческое движение приобретало утилитарный характер (Акинъшин, 2012. С. 33).

В этих условиях дальнейшее развитие археологии в Воронеже всецело зависело от продолжения в регионе исследований столичных учреждений, прежде всего ГАИМК/ИИМК, представителем которых выступал, в первую очередь, Петр Петрович Ефименко. Он начал раскопки палеолитических стоянок в сс. Костёнки, Боршево в 1923 г. и продолжал их с некоторыми перерывами вплоть до 1941 г., с конца 1920-х гг. фактически взяв на себя координацию всех полевых работ в окрестностях Воронежа. В экспедициях под его руководством участвовали и столичные ученые (П.И. Борисковский, М.М. Герасимов, В.И. Равдоникас, А.Н. Рогачёв, С.А. Семёнов, П.Н. Третьяков и др.), и местные краеведы-археологи (Н.В. Валукинский, Д.Д. Леонов).

Основная направленность полевых работ четко увязывалась с взятым новым руководством ГАИМК в 1930-е гг. курсом на внедрение антимиграционизма и непереносимое проследивание повсеместного автохтонного развития общества по единым законам стадильности (Формозов, 1993. С. 77–78). Полученная археологическая периодизация подлежала на дальнейшем этапе «социологической» или «стадильной» атрибуции, то есть соотношению археологических эпох со стадиями развития общества по марксистской схеме. В основе процедуры лежал так называемый «стадильно-комплексный принцип», учитывающий возможность одновременного прохождения конкретными обществами прошлого стадий развития (Васильев, 2008. С. 38). «Новый взгляд на археологию привел к крутому перелому в выборе раскопочных объектов: археологи занялись исследованием стоянок, городищ, селищ, ... одним словом, поселений, позволяющих раскрыть хозяйственно-социальную историю данного общества» (Рыбаков, 1968. С. 29).

В ходе разведок и последующих раскопок в окрестностях сс. Костёнки и Боршево были открыты и изучались памятники

эпохи палеолита (Костёнки I, II, III, IV, V, VI, XIV; Боршево I, II, III), бронзы (Левобережное Костёнковское поселение, поселения у хуторов Серафимович, Духовского, Алёнки, Задонье, поселение в урочище Ерик), раннего средневековья (I, II Боршевские городища, I Боршевский могильник).

Последовательно реализуя новаторскую методiku раскопок поселений широкими площадями, П.П. Ефименко доказал на примере Костёнок наличие долговременных жилищ в позднем палеолите, следовательно, относительную оседлость населения в это время. Организацию таких поселений он истолковал как первобытно-общинную с матриархально-родовым укладом (Ефименко, 1931а; 1938). В трудах П.П. Ефименко 1930-х гг. по палеолиту со всей выразительностью проявляются черты «марксизации» археологии: научные открытия, ставшие возможными благодаря внедрению новых методических приемов, в условиях идеологического прессинга вынужденно «втискиваются» в определенный набор непререкаемых догм.

В этом же ключе интерпретировались и результаты раскопок славянских жилищ, впервые выявленных и изученных экспедицией П.П. Ефименко на Среднем Дону. Они были охарактеризованы как «целый улей помещений, лежащих одно возле другого <...> Эти обширные сооружения <...> запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда» с «весьма примитивным» бытовым укладом жителей Боршевского городка, в котором главными занятиями были охота и рыболовство (Ефименко, 1931б. С. 8). Данный подход остался незыблемым и в монографическом исследовании, подводящем итоги работ на среднедонских славянских памятниках в конце 1920-х – 1930-е гг. (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 18–20). Более того, вплоть до середины 1950-х гг. это мнение главенствовало в отечественном славяноведении (подробнее см.: Ковалевский, 2005).

Еще один яркий представитель периода стадиализма в археологии – В.И. Равдоникас, будучи непосредственным участником экспедиции П.П. Ефименко, имел возможность лично убедиться в том, что «в районе села Костёнок на Дону сохранились вещественные памятники, по крайней мере, от трех ступеней развития первобытного общества: от ступени возникновения родового общества – охотничий лагерь древнекаменного века, от ступени возникновения патриархата – пастушеско-земледельческое поселение периода бронзы с соседними курганами, от ступени образо-

вания сельской общины – Боршевское городище также с курганами, но более позднего типа» (*Равдоникас*, 1939. С. 16–17). Данная территория была включена им в первый отечественный вузовский учебник по истории первобытного общества как яркий пример того, что «формы жилищ и поселений действительно могут показать нам существенные черты развития общества» (Там же. С. 12).

Вместе с тем, один из исследователей донских памятников – Г.В. Подгаецкий – уже в конце 1930-х гг. с сожалением писал, что на Среднем Дону «...за последние 10–15 лет исследовались почти исключительно поселения. Исторически это вполне понятно и объяснимо. Однако нужная координация различного рода источников не создалась. Курганы, вследствие низкого уровня методики их раскопок, оказались теперь менее изученными, чем синхронные им поселения» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 146. Л. 10).

На последние годы 1920-х – 1930-е гг. приходится и первые раскопки на новостройках Воронежа. Организация такого рода работ также легла на плечи П.П. Ефименко. На некоторых объектах он непосредственно руководил исследованиями. Так, экспедиция под его руководством, начиная с 1928 г. в течение нескольких полевых сезонов работала на р. Воронеж в районе строительства будущего санатория имени М. Горького и на славянских памятниках в непосредственной близости от него (Кузнецовское городище и могильник, городище у Михайловского кордона, Лысогорский могильник). Затем вплоть до 1940 г. П.П. Ефименко курировал продолжение раскопок в зоне этой крупной новостройки сотрудниками Воронежского краеведческого музея Н.В. Валукинским и И.Д. Смирновым. К сожалению, полученная ими коллекция вещей эпохи бронзы и боршевской культуры была утрачена во время войны (*Москаленко, Винников*, 1966. С. 70).

Вторая значимая по своим результатам новостроечная экспедиция ГАИМК была организована в 1936 г. в зоне строительства ВоГРЭС на левом берегу р. Воронеж, где за год до этого Н.В. Валукинский обнаружил могильник (не ранее XV в.) и поселение эпохи бронзы со свидетельствами металлургической деятельности (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 78. Л. 2–4). Впоследствии Н.В. Валукинский с гордостью (и не без основания) написал: «Это было первое открытие, со всей ясностью утверждающее, что в далеком прошлом, около трех тысяч лет тому назад, на территории Воронежской области была бронза, что люди, жившие здесь, были знакомы с заготовкой тиглей, формочек, плавкой

меди из медной сернистой руды и отливкой бронзовых поделок» (Валукинский, 1940. С. 29–30). Для продолжения работ на этом памятнике был командирован старший научный сотрудник ГАИМК Г.В. Подгаецкий. По соглашению с Воронежским областным краеведческим музеем, осуществившим финансирование, он не только возглавил полевые работы, но и взял на себя камеральную обработку материала (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1936. Д. 287. Л. 84; Д. 371. Л. 1–1 об.). Значимость проведенных работ определяется тем фактом, что на поселении была собрана значительная серия свидетельств производственной деятельности населения срубной культуры эпохи поздней бронзы, которая по своим количественным и качественным показателям была непревзойденной вплоть до раскопок широко известного Мосоловского поселения в 1970–1980-е гг.

В иных случаях, когда требовались незначительные по масштабам раскопки охранного характера в зонах новостроек, П.П. Ефименко доверял их проведение уже неоднократно упоминаемому Николаю Васильевичу Валукинскому, при этом сам являлся консультантом. Таким образом, были проведены работы на десяти памятниках, в том числе на нескольких поселениях у ст. Отрожка, у сл. Придача, исследованы разрушенные курганы в городской черте Воронежа. Сохранились сведения, что в сентябре 1940 г. в раскопках Н.В. Валукинским одного из разрушенных курганов принимали участие студенты-историки Воронежского педагогического института (под руководством преп. В.И. Кошелева) и Воронежского государственного университета. Показательно, что возрожденному историческому факультету ВГУ было всего несколько месяцев: прием студентов начался согласно приказу № 319 Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 21 апреля 1940 г. (Акинъшин, Карначёв, 2003. С. 16–17). В первый год на исторический факультет было зачислено 67 человек, из них 27 вошли в состав историко-краеведческого студенческого кружка. Именно они приняли участие в раскопках, а затем работали в краеведческом музее, обрабатывая полученные материалы (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 247. Л. 20 об.–21).

В 1930-е гг. сотрудник Воронежского краеведческого музея Н.В. Валукинский оставался единственным местным деятелем, который, получив практические/полевые навыки в области археологии в экспедиции П.П. Ефименко, вел самостоятельные исследования (подробнее о нем см.: Акинъшин, Захарова, 2021. С. 8–11).

Результатом проведенных им разведок в окрестностях города Воронежа (учтено 244 пункта) стали две археологические карты, одна из которых опубликована (*Валукинский*, 1948). В целом итоги его работ на воронежской земле отражены в пяти публикациях, из них которых обратим внимание на добротную по содержанию брошюру научно-популярного характера, в которой доступным языком изложены результаты исследований П.П. Ефименко, С.Н. Замятина, Г.В. Подгаецкого и самого автора (*Валукинский*, 1940). Деятельность Н.В. Валукинского в Воронеже – это типичный пример, маркирующий состояние археологии в областных центрах Центрального Черноземья 1930-х гг.: уцелевшие местные деятели, сохранившие интерес к археологическому краеведению, выполняли функцию, прежде всего, проводников для столичных исследователей по многочисленным памятникам региона, а также стремились по мере своих сил быть полезными в деле их сохранения и изучения.

Подводя итог развитию археологии в регионе в 1930-е гг., отмечу, что систематические полевые работы экспедиций ГАИМК/ИИМК способствовали как формированию значительных по объему и информативности археологических коллекций с памятников разных эпох, так и выходу на концептуальные обобщения. На материалах, полученных в основном в анализируемое время, помимо уже упомянутых первых работ монографического и научно-популярного характера, вузовского учебника по истории первобытного общества базируются и диссертационные исследования. В 1937 г. С.А. Семёнов защитил кандидатскую диссертацию «Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления на материалах Костёнок I, Тимоновки и Пещеры Вирхова», в которой впервые были изложены основы трасологического метода (*Васильев*, 2006. С. 364). В 1941 г. состоялась также защита кандидатской диссертации Г.В. Подгаецкого на тему «Предскифский период на Среднем Дону», в которой он обобщил информацию по эпохе средней-поздней бронзы. Тезисы его исследования опубликованы (*Подгаецкий*, 1949). Полностью текст сохранился в архиве ИИМК РАН (Ф. 35. Оп. 2. Д. 145; Д. 146) и уже был предметом развернутого анализа в печати (*Пряхин*, 1999. С. 40–50). Позволю себе в данной связи отметить, что многие из проблем, затронутых в диссертации Г.В. Подгаецкого (премущественность катакомбных и срубных древностей, становление и развитие местного металлопроизводства эпохи бронзы, харак-

терные черты и типология местной керамики эпохи бронзы и т.д.), по своему статусу являются предметом самостоятельного исследовательского поиска. Они прозорливо обозначены автором и впоследствии получили свое разрешение благодаря многократному увеличению источниковой базы и применению качественно иного уровня его обработки.

Одним из последних событий накануне Великой Отечественной войны в научной жизни советских геологов и археологов стал Воронежский пленум советской секции INQUA, состоявшийся 22–29 мая 1941 г. Этот форум уже был предметом специального исследования (*Бессуднов А.Н., Захарова, Бессуднов А.А., 2013*), поэтому здесь лишь укажу на его значимость в истории науки. Это стало первым организованным посещением верхнепалеолитических памятников Среднего Дона совместно археологами и геологами, что положило начало становлению комплексного археолого-геологического подхода к изучению палеолитических древностей, прежде всего, Костёнковско-Боршевского района. К числу особо значимых событий для археологии относится публикация в «Путеводителе пленума» первых геоморфологических и геологических сведений по палеолитическим стоянкам в Костёнках и Борщёво (*Путеводитель... , 1941. С. 9–16*), подготовленных воронежским геологом М.Н. Грищенко – автором первой обобщающей работы по геоморфологии и геологии Костёнковско-Боршевских палеолитических памятников (*Грищенко, 1950. С. 75–88*). Именно результаты этих исследований указали на несостоятельность концепции стадийного развития, активно в то время отстаиваемой П.П. Ефименко и П.И. Борисковским, и легли в основу построения А.Н. Рогачёвым принципиально новой хронологической схемы костёнковских памятников, строившейся «не по характеру кремневого инвентаря, а по их приуроченности к тому или иному стратиграфическому горизонту» (*Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 30*). Не могу обойти вниманием и тот факт, что Воронеж впервые принимал столь многочисленную именитую публику – несколько десятков ученых (геологов, почвоведов, археологов) из столичных и провинциальных научных учреждений всей страны. Из археологов с докладами выступили В.А. Городцов, П.П. Ефименко, С.Н. Замятин и П.И. Борисковский (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 124. Л. 13). В дневниковых записях В.А. Городцова и письме из ИИМК в Воронежский сельскохозяйственный институт упоминается также об участии А.Н. Рогачёва. Из воронежских

археологов-краеведов к подготовке мероприятия был привлечен Д.Д. Леонов (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 116; РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1 – 1941. Д. 847. Л. 55).

Материалы архива ИИМК РАН свидетельствуют о том, что на начало 1940-х гг. было запланировано как продолжение уже начатых исследований в Костёнковско-Боршевском микрорайоне, на поселениях по р. Воронеж, так и организация работ на новых памятниках – могильниках салтовской культуры в Поосколье (РО НА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1 – 1940. Д. 53. Л. 27, 28), но планы изменила начавшаяся Великая Отечественная война.

Однако сотрудничество ленинградских археологов с воронежцами продолжилось и во время войны. Осенью 1941 г. в составе исторического отделения историко-филологического факультета ВГУ числилось два курса. Первый учебный год военного времени был проведен в Воронеже, но в начале июля 1942 г., в связи с ухудшившейся обстановкой на фронте, развернулась спешная эвакуация университета в заволжский город Елабугу. Там же трудились некоторые сотрудники исторического факультета Ленинградского университета, ИИМК и других учреждений ЛО АН СССР. При всех невероятных трудностях военного времени такое соседство оказалось весьма благотворным для воронежцев. Немногочисленным студентам исторического отделения ВГУ преподавали известные ленинградские ученые, в том числе археологи В.И. Равдоникас и П.П. Ефименко. Их деятельность нашла отражение в документах официального делопроизводства ВГУ (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Д. 250. Л. 77), периодической печати (Учительская газета. 20 октября 1943 г. № 42), эпистолярных свидетельствах. Письма В.И. Равдоникаса жене опубликованы И.Л. Тихоновым (*Тихонов*, 2003. С. 173–174); письма С.Н. Бенклиева (декана историко-филологического факультета ВГУ) В.И. Равдоникасу хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1049. Оп. 3. Д. 36). Изданы и воспоминания непосредственных участников тех событий (*Проторчина*, 2000).

В «Отчете о работе ВГУ за первый семестр 1942/43 уч. года» читаем: «Так как свои кадры не удалось собрать полностью, в штат ВГУ были привлечены сотрудники Ленинградского государственного университета, филиала Академии наук СССР и других учреждений, эвакуированных в Елабугу – профессора П.Н. Тверской, В.И. Равдоникас...» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 4. Л. 8). Как зафиксировано в протоколе заседания Ученого совета ВГУ от 26 ноя-

бря 1942 г., В.И. Равдоникас запланировал для себя на 1943 г. научно-исследовательскую тему «Русский город IX и X вв. по археологическим данным» (Там же. Д. 250. Л. 77). Своими впечатлениями от работы в первом семестре 1942/1943 учебного года В.И. Равдоникас поделился с женой: «Через 10–12 дней кончаю свои лекции в университете, которые вел на должной высоте и без пропусков. Остаются экзамены. Последний – 8 февраля, после чего по ун-ту я буду свободен. Как бы там ни было, но этим я безусловно доволен. Мы даже в тяжелых условиях эвакуации сохранили наши Университеты <...> моя жизнь в Елабуге не прошла бесплодно <...> Не слишком-то еще отдохнув после Ленинграда, я в Воронежском университете прочитал четыре больших курса и провел годовой семинар. Я выполняю свой долг, сохраняя и поддерживая традиции своей науки в ЛГУ. Восстановил свою кафедру и отделение и останусь на зиму здесь, даже если придется уйти из Академии наук» (опубл.: Тихонов, 2003. С. 173).

У П.П. Ефименко и В.И. Равдоникаса воронежские студенты учились и навыкам археологических раскопок. Для них летом 1943 г. была организована археологическая практика в селе Луговском (в 7 км от Елабуги) на могильнике ананьинской культуры, впечатления от которой отражены в шести дневниковых записях и одном письме домой их участницы – тогда студентки, а впоследствии доцента ВГУ В.М. Проторчиной (*Проторчина*, 2000. С. 22–32). Приведу лишь те фрагменты, которые посвящены наставникам. «Роемся в земле, раскапываем разных покойников второго тысячелетия до нашей эры с их утварью, слушаем беседы проф. Ефименко <...> Он говорит, что могильник, который мы раскапываем, представляет собой большой научный интерес <...> Мы все делаем сами: ведем дневник, составляем план, делаем зарисовки. Ефименко сердитый, весь высохший старик, наблюдает за нами и дает указания. Он немного грубоват и бесцеремонен, но зато виднейший специалист в области археологии, и мы много получаем от него» (Там же. С. 30). После двух недель работы «захотелось полентяйничать и отдохнуть». Два дня не выходили на работу, а потом пошли объясняться с П.П. Ефименко: «...Так как работа на солнце крайне вредна для нашего здоровья, мы просим отменить физический труд и заменить его исключительно теоретической подготовкой <...> Ефименко, пожевав губами, после некоторого раздумья согласился, но видно было, что он очень недоволен такой постановкой вопроса. Дал нам две статьи почитать

и обдумать несколько вопросов для беседы с ним» (Там же). Через неделю после описанных событий на ситуацию пытался повлиять декан факультета С.Н. Бенклиев. Студентам «было приказано немедленно возвращаться и отправляться в колхоз. Но, применив все свои дипломатические способности, мы сумели доказать необходимость нашего оставления в Луговском еще на пять дней» (Там же).

Во второй половине практики два дня у воронежских студентов гостил в Питекантропии «сам Равдоникас!». Далее привожу дословно с некоторыми сокращениями. «...Стал расспрашивать про нашу практику. Нам было стыдно сказать, что уже не ходим на раскопки, свалили все на Ефименко – он-де заставлял нас работать как чернорабочих, а мы-де все больные. В общем, Ефименко оказался тираном по отношению к бедным агнцам студентам, то есть к нам. Равдоникас выдвинул предложение перебраться в Елабугу и там продолжить практику уже под его руководством. Мы бы, конечно, рады были продолжать ее здесь под его руководством. Но что поделаешь, согласились, хотя очень жалко уезжать из этого благословенного места <...> Потом ходили гулять по окрестностям, слушая его объяснения...» (*Проторчина*, 2000. С. 31–32). А вот как описывает эту встречу с воронежскими студентками сам В.И. Равдоникас: «...П.П. Ефименко здесь под Елабугой копает могильник, с ним работает группа моих учеников студентов-воронежцев. Студенты недовольны и, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы практику с ними провел я, что я и обещал сделать. Значит, буду работать в поле, а к сентябрю я должен вернуться в Саратов...» (опубл.: *Тихонов*, 2003. С. 174).

Состоялось ли продолжение практики под его руководством, пока информации у меня нет, но в следующем 1943/1944 учебном году профессор В.И. Равдоникас преподавал в Саратове, в то время как Воронежский университет был эвакуирован. Участие студентов историко-филологического факультета в археологических работах возобновилось через четыре года, с приходом в ВГУ ученицы В.И. Равдоникаса – Анны Николаевны Москаленко.

В послевоенное десятилетие по-прежнему направленность и уровень развития воронежской археологии определялись работами столичных (академических и музейных) экспедиций, деятельность которых была подчинена общесоюзному плану научно-исследовательских работ по археологии, координировалась ИИМК и Советом по координации АН СССР (*Сорокина*, 2008.

С. 123). Отличительной чертой этого процесса вплоть до середины 1960-х гг. можно считать преобладание научного интереса при выборе объекта полевых работ, лишь с началом сооружения водохранилища формируются крупные новостроечные экспедиции.

Работы возобновились, прежде всего, на тех объектах, которые изучались в довоенное время. Так, последний предвоенный сезон Палеолитической (позднее Костёнковской палеолитической) экспедиции ЛОИИМК был в 1941 г., а уже в 1947 г. С.А. Семёнов – один из активных ее участников – осуществил предварительный осмотр костёнковских памятников на предмет их сохранности. Его вывод об их удовлетворительном состоянии послужил сигналом для организации в следующем (1948) году экспедиции (*Векилова*, 1977. С. 210). С конца 1940-х гг. определяющую роль в ней играли ученики П.П. Ефименко, крупные ученые – Александр Николаевич Рогачёв и Павел Иосифович Борисковский. Показательно, что первый послевоенный сезон для А.Н. Рогачёва начался сразу же после защиты диссертации «Первобытно-общинное поселение палеолитического времени Костёнки IV», состоявшейся в ЛОИИМК 7 июля 1948 г. Раскопками этой стоянки он руководил в 1937–1938 гг. накануне ухода в действующую армию (*Платонова, Аникович*, 2005. С. 21–24). О значимости фигур А.Н. Рогачёва и П.И. Борисковского в отечественной науке говорит тот факт, что полемика между ними в 1950–1960-е гг. определяла в целом направление исследовательской мысли в палеолитоведении (*Аникович, Попов, Платонова*, 2008. С. 31; *Васильев*, 2008. С. 98–101).

Еще одна задача, реализуемая академическими экспедициями в Среднем Подонье в это время – сопоставительный анализ здешних материалов с эталонными. Иными словами, проявляет себя исследовательский интерес к региону как периферийной или пограничной территории. Крупномасштабные разведки были проведены Днепровской Левобережной и Волго-Донской экспедициями под руководством Ивана Ивановича Ляпушкина при решении узловых проблем средневековой археологии (*Захарова*, 2016. С. 91–93). В 1947–1948 гг. по плану и на средства ГИМ в Воронежской области изучала золотоордынские памятники В.П. Левашёва. Результаты исследований на долгие годы стали ключевыми в оценке северной периферии Улуса Джучи в Подонье (*Савицкий, Цыбин*, 2021. С. 68–69).

В послевоенные годы наблюдается активизация археологической деятельности местных организаций и учреждений (музеев

и вузов), но векторы их направленности разные. Областной и районные краеведческие музеи активно сотрудничали с представителями академической науки, прежде всего, финансируя (в полном объеме или частично) экспедиции. Со своей стороны столичные ученые не только пополняли археологические коллекции краеведческих музеев, но и оказывали помощь в организации экспозиций, подготовке местных научных и научно-популярных изданий.

Воронежским вузам (госунiversитет, пединститут) в процессе развития региональной археологии принадлежит самостоятельная роль. С 1947 г. в ВГУ начинает работать А.Н. Москаленко, с именем которой заслуженно связывается становление в Воронеже региональной научной школы в области археологии. Библиография трудов по этой теме весьма обширна, а сама она выходит далеко за рамки данного исследования (подробнее см.: *Винников*, 2020. С. 7–13).

Остановлюсь на событиях первых трех лет работы А.Н. Москаленко в ВГУ (архивные материалы привлечены впервые). В первом сезоне 1948 г., не имея собственного открытого листа, она вместе с группой студентов включилась в раскопки Костёнковской палеолитической экспедиции под руководством А.Н. Рогачёва. Ее сообщение о результатах на Ученом совете факультета (19.10.1948 г.) резюмировал декан Е.Г. Шуляковский: «Во время экспедиции были некоторые организационные неполадки, но это естественно, так как в условиях университета это первый опыт <...> Трудно судить о научном значении экспедиции: значительной она за такой период быть не может <...> Работа по изучению вопроса этногенеза славян чрезвычайно актуальна, и целевая установка работы экспедиции должна заключаться в этом. Работники музея, педагогического института, весь актив местных археологов должен быть собран для общей работы в этом направлении. В ленинградскую экспедицию она включилась потому, что у нас нет опытных работников – археологов...» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 6. Л. 11–12).

На следующий год А.Н. Москаленко (замечу, единственная в Воронеже) получила свой первый открытый лист (№ 11 третьей формы от 29.04.1949) на археологические разведки по р. Дону и его притокам в пределах Воронежской и Сталинградской областей. Материалы этих разведок составили содержание первой научной статьи А.Н. Москаленко (*Москаленко*, 1952). Об их результатах исследовательница неоднократно докладывала на заседании кафедры,

где по итогам обсуждения решили поставить вопрос на Ученом совете университета об организации стационарных археологических работ (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 16. Л. 12), а также на заседаниях секторов ЛОИИМК: «Очередные задачи изучения славянских поселений на Дону» (в секторе Древней Руси) и «Археологические исследования Воронежской области в 1948–1949 гг.» (в секторе бронзы и раннего железа). По ее словам, оба доклада вызвали большой интерес; помощь в интерпретации полученных данных оказали проф. М.И. Артамонов и А.А. Иессен (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. 1949. Д. 326. Л. 10).

Доклад А.Н. Москаленко по итогам работ в 1949 г. был заслушан на отчетной научной конференции ВГУ, в котором она определила памятник для первых университетских раскопок – Гольшовское (Архангельское) городище (Москаленко, 1950). Выбор этого объекта был одобрен и непосредственным руководителем А.Н. Москаленко – заведующим кафедрой проф. И.Н. Бороздиным, на что он указал в своем отзыве (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. 1949 г. Д. 283. Л. 37–37 об.). Так определился первый археологический памятник, на котором в течение нескольких последующих сезонов работала экспедиция ВГУ.

Организация археологических исследований была бы невозможна без широкого привлечения к ним студенчества, по-прежнему нерешенной оставалась в регионе проблема подготовки кадров профессиональных археологов. Это прекрасно понимала А.Н. Москаленко, в 1948 г. организовав и возглавив научный студенческий археологический кружок, для которого на 1949/1950 учебном году наметила основные направления: «Продолжить в этом году работу над древнейшей историей Воронежской области (по археологическим данным). В первую очередь, нужно обработать материалы, собранные во время полевой практики. Кроме того, предполагается поставить доклады по следующим разделам: классики марксизма-ленинизма о первобытном обществе и археологии; наиболее интересные археологические памятники на территории СССР и за рубежом; рецензирование новых работ» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 16. Л. 7 об.). В связи с этим уместно будет отметить, что начинание Анны Николаевны отражало актуальную тенденцию в организации внеаудиторной работы студентов факультета, объединявшихся в эти годы в 5–7 кружков по интересам. Первое поколение участников кружка внесло значительный вклад в развитие исторического краеведения. «Из шести

студентов – участников первой археологической разведки впоследствии связали свою профессиональную деятельность с историческим краеведением В.А. Афонюшкин (некоторое время работал в ВОКМ, затем заведующий кафедрой ВГУ), Р.Г. Демидов (известный историк-краевед), М.С. Владиславская (впоследствии заместитель директора ВОКМ), Т.С. Сегал (учитель, организатор историко-краеведческой работы в одной из воронежских школ)» (Пряхин, 1999. С. 53).

Активно начатые А.Н. Москаленко полевые археологические работы повлияли и на направленность научно-исследовательской работы историко-филологического факультета. Фактически сразу же по завершении полевого сезона на заседании кафедры всеобщей истории (06.09.1949 г.) было принято решение поручить зав. кафедрой, проф. Бороздину обсудить с деканом и поставить на Ученом совете факультета вопрос об изучении истории Воронежской области. Сотрудникам же (А.Н. Москаленко, И.Я. Разумниковой, С.Н. Бенклиеву) предстояло разработать план связи кафедры с учителями и музеем краеведения (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 16. Л. 4). Спустя две недели было принято решение о том, что «в разработке проблемы изучения Воронежской области кафедра принимает участие по линии археологии» (Там же. Л. 6), но при этом коллективной темой по кафедре оставалась тема «Русские революционные демократы о всеобщей истории», в рамках которой А.Н. Москаленко поручалась разработка темы «Чернышевский о первобытнообщинном строе» (Там же. Л. 6). На этом же заседании были утверждены и темы первых двух на факультете дипломных работ по археологии (Там же. Л. 7).

С первых лет работы в ВГУ, как мы видим, проявились неутолимый энтузиазм и организаторские способности Анны Николаевны, благодаря которым впоследствии ей и удалось заложить основы университетской археологии. Вместе с тем, хочу обратить внимание и на благоприятную атмосферу поддержки внутри коллектива. Проводником последней по праву можно считать заведующего кафедрой всеобщей истории Илью Николаевича Бороздина – видного историка-энциклопедиста, одного из деятельных членов Московского археологического общества, последний период жизни которого (1949–1959) связан с ВГУ. Сохранив интерес к археологии, он не только поддерживал начинания А.Н. Москаленко в этой области (сохранились его доброжелательные отклики в научных изданиях, в прессе), но и последователь-

но осуществлял административные мероприятия для упрочения позиций университетской археологии (подробнее см.: *Захарова*, 2014). Немаловажным обстоятельством, способствовавшим становлению археологии в ВГУ, стало также наставничество со стороны известных ученых – А.Н. Рогачёва, П.И. Борисковского, С.Н. Замятина, М.М. Герасимова (*Винников*, 1996. С. 171; *Пряхин*, 2013. С. 31; *Захарова*, 2017).

В первые послевоенные годы и в Воронежском государственном педагогическом институте (совместитель в ВГУ) работал преподаватель, также поначалу занявшийся археологией – Антон Федорович Шоков. В 1949–1950 гг. он учился в Ленинграде в аспирантуре при ИИМК АН СССР и в том же 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Скифский период на Среднем Дону», хотя и по специальности «всеобщая история». В личном деле А.Ф. Шокова имеется отзыв на нее, подписанный зам. директора ИИМК А.П. Окладниковым и секретарем партбюро ИИМК П.И. Борисовским, в котором говорится: «Диссертация актуальна по своей теме и направленности, содержит большой приведенный в систему материал и заострена против буржуазных методологических установок Ростовцева и других» (Архив ВГУ. Д. 11 ОК. 1956 г. Л. 16). В период учебы в аспирантуре А.Ф. Шоков принимал участие (летом 1949 г.) в работе Волго-Донской археологической экспедиции в Саркеле под руководством М.И. Артамонова, при этом был парторгом этой экспедиции, редактором стенгазеты на агитпункте, вел кружок сотрудников библиотеки по истории ВКП(б) (Там же). Вернувшись в Воронеж, он возобновил работу в ВГПИ и ВГУ, но самостоятельных полевых исследований не проводил, учеников в области археологии не имел. Его вклад в становление региональной археологии, на мой взгляд, заключается в добротной проработке (не без помощи С.Н. Замятина) и введении в научный оборот археологических материалов дореволюционного и предвоенного времени с территории Воронежской губернии. Вплоть до настоящего времени серия его статей именно этой направленности не потеряла своей актуальности.

Одной из форм сотрудничества Воронежского университета и педагогического института в области археологии становятся совместные научные мероприятия разного уровня. Так, в апреле 1949 г. было проведено совместное заседание кафедр всеобщей истории по обсуждению итогов археологического совещания в Москве, посвященного результатам полевых исследований

ИИМК в 1948 г. В протоколах сохранилось резюме И.Н. Бороздина. «Бороздин подчеркнул, что советская археология приобрела очень широкий размах и решает сейчас многие принципиальные вопросы исторической науки. Подчеркнул приоритет отечественной науки. Например, работы Марра и Фармаковского выше работ Эванса и др. Отметил огромное значение работ Толстова, открывшего совершенно новую древнюю цивилизацию; Руденко; археологов-славистов и др. Советская археология имеет недостатки (вещеведение, формализм, даже космополитизм), но они будут изжиты. Именно советские археологи сделали археологию исторической наукой» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 7. Л. 22). На этом же заседании обсуждались учебные программы и учебники по университетским курсам, и А.Н. Москаленко критически отозвалась о программе и учебнике по археологии А.В. Арциховского, отметив, что в последнем «вопрос историографии совершенно опущен». С замечаниями согласился и проф. Бороздин (Там же. Л. 20 об., 21 об.). Отмечу, что совершенствование курса «Основы археологии» было одной из последовательно реализуемых А.Н. Москаленко задач. В ряде публикаций 1950-х гг. она определила основные требования к преподаванию данной дисциплины, которые вполне справедливы и сейчас (Москаленко, 1953; 1955).

Не могли воронежские ученые остаться в стороне от приобретшей всесоюзный характер «дискуссии по вопросам языкознания». 2 ноября 1950 г. состоялось открытое заседание кафедры всеобщей истории под названием «Значение трудов тов. Сталина для изучения всеобщей истории». На заседании выступал, в том числе, и А.Ф. Шоков, который «показал, что работа имеет большое общенаучное значение, поскольку дает ряд указаний для изучения истории первобытного общества. Так, Сталин указал, что язык возник в доклассовом обществе, в период разложения родового строя. В свете указаний тов. Сталина мы должны обратить особое внимание на изучение жизни отдельных племен в период родового строя, а также на их историю в системе древних и средневековых империй» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 22. Л. 10–12). 30 ноября 1950 г. на Ученом совете факультета обсуждался вопрос «О результатах перестройки работы факультета в связи с работой тов. Сталина по языкознанию». И.Н. Бороздин отметил, что «перестройка еще не закончена, можно еще говорить только о мероприятиях. Марризм больше всего сказался в истории южных и западных славян и в истории первобытного общества. В исследовательской работе

мы переживаем перелом» (Там же. Д. 17. Л. 6 об.). 20 декабря 1950 г. состоялось заседание, посвященное юбилею И.В. Сталина, на котором А.Н. Москаленко выступила с докладом «Вопросы этногенеза восточных славян в свете трудов тов. Сталина по вопросам языкознания» (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 16. Д. 15. Л. 51–51 об.).

Завершая изложение наиболее значимых, на мой взгляд, событий из истории воронежской археологии 1930–1940-х гг., хочу отметить, что именно в послевоенные годы начинается то поступательное движение в ее развитии, итогом которого становится оформление в 1970–1980-е гг. в Воронеже самостоятельного научного центра с профильной университетской кафедрой, обеспечивающей подготовку специалистов и преемственность научных исследований, планомерной организацией экспедиций, координацией деятельности археологического сообщества в регионе.

Литература

- Акинъшин А.Н., 2012. Воронежское губернское краеведческое общество 1920-х гг. // Шестые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В.Ф. Козлов. М.: Изд. центр «Краеведение». С. 31–38.
- Акинъшин А.Н., Захарова Е.Ю., 2021. Николай Васильевич Валукинский (1886–1950) – музейный деятель, краевед, археолог // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы междунаучной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 8–11.
- Акинъшин А.Н., Карпачёв М.Д., 2003. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета: биографический справочник сотрудников 1940–2015 / Ред.-сост. А.Н. Акинъшин. Воронеж: ИД ВГУ. С. 12–67.
- Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И., 2008. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб.: Нестор-История. 304 с.
- Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю., Бессуднов А.А., 2013. Из истории археологии: Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 92–96.
- Валукинский Н.В., 1940. По следам древних предков. Воронеж: Воронеж. обл. кн-во. 56 с.
- Валукинский Н.В., 1948. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // Советская археология. X. С. 291–301.
- Васильев С.А., 2006. С.А. Семёнов как теоретик археологии // Археологические вести. № 13. С. 363–368.
- Васильев С.А., 2008. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН. 179 с.

- Векилова Е.А., 1977. Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы / Отв. ред. Н.Д. Праслов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. С. 208–215.
- Винников А.З., 1996. А.Н. Москаленко и ее вклад в развитие археологии в Воронежском университете // Российские университеты в XIX – начале XX века: Сб. научн. ст. / Отв. ред. В.И. Чесноков. Вып. 2. Воронеж: ВГУ. С. 171–179.
- Винников А.З., 2020. Научное и педагогическое творчество А.Н. Москаленко (1918–1981): к 100-летию со дня рождения // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья. Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. А.З. Винников. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 7–13.
- Грищенко М.Н., 1950. Палеогеография Костёнковско-Борщёвского района эпохи верхнего палеолита // КСИИМК. № 31. С. 75–88.
- Ефименко П.П., 1931а. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. Т. XI. Вып. 3/4. 73 с.
- Ефименко П.П., 1931б. Раннеславянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. Вып. 2. С. 5–9.
- Ефименко П.П., 1938. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. 2-е изд. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 636 с.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону. 128 с. (МИА. № 8)
- Захарова Е.Ю., 2014. Илья Николаевич Бороздин и становление археологии в Воронежском университете // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. № 3. С. 119–122.
- Захарова Е.Ю., 2016. Изучение и сохранение археологических древностей Хазарского каганата в Центральном Черноземье: вклад академических экспедиций 50–60-х гг. XX в. // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6 / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж: ИПЦ «Научная книга». С. 91–95.
- Захарова Е.Ю., 2017. Становление археологии в Воронежском государственном университете (1940–1950-е гг.): роль ленинградских ученых // Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: СПбГУ. С. 8–13.
- Карпачёв М.Д., 2013. Воронежский университет: вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е. Воронеж: ВГУ. 560 с.
- Ковалевский В.Н., 2005. Социальная структура славян Днепро-Донского междуречья VIII – первой половины XI вв. История изучения вопроса (1930 – середина 1990-х гг.) // Археологические памятники Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ. С. 167–179.
- Котлярова И.В., 2008. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Воронеж: ИПЦ ВГУ. 163 с.
- Москаленко А.Н., 1950. К вопросу об изучении Гольшовского городища: (Из археологических разведок 1949 г.) // ВГУ. Научная конференция. 1950 г. Секция историко-филологическая. Воронеж: Типография изд-ва «Коммуна». С. 23–26.
- Москаленко А.Н., 1952. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону: (Материалы к археологической карте Воронежской области) // КСИИМК. Вып. XLIII. С. 99–107.

- Москаленко А.Н.*, 1953. К вопросу о преподавании курса «Основы археологии» // ВДИ. № 3. С. 191–196.
- Москаленко А.Н.*, 1955. Рец.: Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954 // ВИ. № 3. С. 155–159.
- Москаленко А.Н., Винников А.З.*, 1966. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (материалы к археологической карте) // Труды ВГУ. Т. 64: Из истории Воронежского края. Воронеж: ВГУ. С. 53–76.
- Платонова Н.И., Аникович М.В.*, 2005. Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. СПб.: ООО «Копи-Р». С. 10–28.
- Подгаецкий Г.В.*, 1949. Предскифский период на Среднем Дону // КСИИМК. XIII. С. 134–137.
- Проторчина В.М.*, 2000. Мои студенческие годы (1941–1945 гг.): По дневникам и письмам. Воронеж: ВГУ. 48 с.
- Пряхин А.Д.*, 1999. Археологи уходящего века. Воронеж: ВГУ. 168 с.
- Пряхин А.Д.*, 2013. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Книга 1. Воронеж: ИПЦ ВГУ. 140 с.
- Путеводитель..., 1941. Путеводитель геологических экскурсий Воронежского плена Советской секции ИНКВА, 22–29 мая 1941 г. М.; Л.: Гос. геол. издат. 24 с.
- Равдоникас В.И.*, 1939. История первобытного общества. Ч. 1. Л.: Изд. ЛГУ. 286 с.
- Рыбаков Б. А.*, 1968. Советская археология за 50 лет // ВИ. № 1. С. 28–37.
- Савицкий Н.М., Цыбин М.В.*, 2021. Археология Золотой Орды в научном наследии В.П. Левашёвой // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 4. С. 67–70.
- Сорокина И.А.*, 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.
- Тихонов И.Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ. 332 с.
- Формозов А.А.*, 1993. Археология и идеология (20–30-е годы) // ВФ. № 2. С. 70–82.

Ю.Ю. Каргин

**«С ЧИСТОГО ЛИСТА» ИЛИ АРХЕОЛОГИЯ
В СТАЛИНГРАДСКОМ ОБЛАСТНОМ
КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ
В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В КАМЫШИНЕ (1946–1954)¹**

Резюме. В статье освещается ряд неизвестных фактов, связанных с археологическим направлением работы Сталинградского областного краеведческого музея (СОКМ) в период нахождения в эвакуации в Камышине в 1946–1954 гг. Основная заслуга в возрождении региональной археологии принадлежала директору учреждения А.И. Митрофанову. После утраты археологической коллекции во время эвакуации он многое сделал для восстановления музея в Камышине, наладил систематическую работу с детьми, краеведами и образовательными учреждениями области, а также собирательскую работу, фактически заложив основы для развития местного краеведения, регионального туризма и подростковой археологии. Он же добился возвращения музея в Сталинград, что в дальнейшем способствовало развитию региональной археологии.

Ключевые слова: Сталинградский областной краеведческий музей, археологические разведки и раскопки, экспедиции-экскурсии, археологическая коллекция, А.И. Митрофанов.

В сложившейся историографической традиции отсчет сталинградской (волгоградской) региональной археологии принято начинать со студенческого кружка по древней истории, созданного при историко-филологическом факультете ВГПИ в 1958 г. по инициативе доцента Д.И. Нудельман и позже переименованного в археологический. Дальнейшее развитие этого направления свя-

¹ Автор выражает благодарность за поддержку и содействие в сборе необходимой информации А.П. Пискуновой (ГАВО), И.А. Сорокиной (ИА РАН), Н.В. Хабаровой (†) (ВОКМ), В.И. Мамонтову (†) (ВГСПУ), А.В. Ситникову и Е.Н. Магилину (ГБУК ОНПЦ), Е.В. Круглову (Волгоградское региональное отделение ВООПИК).

зывается с участием кружка в работе столичных экспедиций, возглавляемых В.П. Шиловым и Г.А. Фёдоровым-Давыдовым, а также с последующим профессиональным становлением его наиболее ярких членов – Б.И. Захарова, В.И. Мамонтова, И.П. Лисицына, А.С. Скрипкина, Н.С. Чернышева, В.Г. Кожевникова. С появлением в Волгограде молодых специалистов, в 1960-е гг. сформировались археологические центры: в начале в Волгоградском областном краеведческом музее (ВОКМ), а затем и в Волгоградском государственном педагогическом институте (ВГПИ) (Скрипкин, 1994; Каргин, 2009. С. 21–22). Эта концепция отражена в таких крупных изданиях как «Археологическая энциклопедия Волгоградской области» (Скрипкин, 2009; 2016), «Археологическое наследие Волгоградской области» (Мамонтов, Скрипкин, 2013. С. 18), а также в учебном пособии для магистрантов ВолГУ (Скрипкин, 2015. С. 147–148). Тем не менее, совершенно очевидно, что информация об археологической деятельности государственных учреждений в послевоенное десятилетие полностью выпала из поля зрения авторов – возможно, потому, что она содержалась в архивных документах, изучение которых напрямую не связано с археологией. Документы, хранящиеся в архивах ГАВО, ВОКМ и ГБУК ОНПЦ, позволяют заполнить эту лауну и заметно скорректировать сложившееся мнение. Применительно к довоенному периоду такая работа уже проведена (Каргин, 2020).

Государственная система охраны, изучения и использования памятников истории и культуры начала формироваться с момента утверждения советской власти. В Царицыне/Сталинграде, как и в других регионах, ведущая роль на этом направлении в 1920–1930-е гг. закрепила за областным краеведческим музеем (далее СОКМ), активно взаимодействовавшим с краеведами (Галкова, 2010. С. 189–190; Каргин, 2020). В довоенные годы в музее велась планомерная работа по выявлению памятников археологии, одним из итогов которой стал выпуск уникального издания «Материалы к археологической карте Сталинградского, Хопёрского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края» (Ильина, Шишкин, 1929). Проводились археологические экскурсии, разведки и раскопки; музейные работники выезжали на места обнаружения древних артефактов по сигналам, поступавшим от местных жителей и различных организаций, и даже участвовали в работе Волго-Донской экспедиции ГАИМК. Но, к сожалению, опыт многоа-

спектной археологической деятельности был утрачен после череды административно-территориальных реформ и последовавшего за ними разгрома регионального краеведения, а представительная археологическая коллекция погибла вместе со зданием музея во время авианалета в самом начале Сталинградской битвы (Комиссарова, 2018. С. 216; Каргин, 2020).

Содержание музея в условиях военного времени, эвакуация и восстановление в послевоенные годы выпали на долю его нового директора – не подлежавшего призыву опытного лектора-пропагандиста Анатолия Исидоровича Митрофанова (1903–1961), биография которого освещена в нескольких краеведческих работах (Материкин, Комиссарова, 2005. С. 37–55; Комиссарова, Щербакова, 2000). После эвакуации, с 1942 по 1944 г., СОКМ находился в с. Цветочное Гмелинского (часть совр. Палласовского) района, затем был переведен в г. Урюпинск, а в сентябре 1946 г. – в более крупный волжский город Камышин, где работал до возвращения в Сталинград в 1954 г. Пост директора СОКМ сохранялся за А.И. Митрофановым вплоть до его смерти в 1961 г. В это время музей по-прежнему оставался главным государственным учреждением, которое отвечало за охрану и изучение регионального историко-культурного, в том числе археологического наследия, однако личный вклад А.И. Митрофанова в это направление археологами не освещался, а потому до сих пор недооценен. История СОКМ в послевоенные годы подробно освещена в нескольких научных работах (Рогаткина, 1974; Комиссарова, 1994 и др.) и специальной монографии (Материкин, Комиссарова, 2005). Ряд статей посвящен истории самого сталинградского краеведения и некоторым связанным с ним персоналиям (Комиссарова, 2018; Комиссарова, Щербакова, 2000; Шендаков, 2000; Назарова, 2017; Скрипкин, 1994; 1998; 2005; 2009). В то же время, археологическая деятельность СОКМ вплоть до начала 1960-х гг. предметно не рассматривалась.

В послевоенные годы государственная музейная политика при постоянном недофинансировании реализовывалась жесткими административными мерами воздействия и посредством строгой регламентации деятельности. Приоритет отдавался культурно-просветительской работе, а научно-исследовательская и «хранительская» функции, как и не менее важные кадровые, организационные и хозяйственные вопросы, оставались на втором плане (Златоустова, 1991. С. 226). Общее руководство музеями с 1945 г.

осуществлял Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР, но в 1954 г. оно было передано новообразованному Министерству культуры СССР (Там же. С. 229–230). Полная государственная монополия на охрану памятников повсеместно сохранялась вплоть до середины 1960-х гг. (*Кулемзин*, 1999. С. 15), общую координацию этой деятельности в области археологии осуществлял ИИМК/ИА АН СССР (*Мунчаев*, 1999).

Открытие СОКМ в Камышине в 1947 г. стало одним из важнейших событий в культурной жизни Сталинградской области (*Материкин, Комиссарова*, 2005. С. 48). Музей расположился в историческом центре города – на 2-м этаже бывшего духовного училища (рис. 1). Нижний этаж, где находилось общежитие, удалось получить лишь после министерской проверки в 1950 г. В то время штат музея состоял всего из 8 человек (рис. 2). Помимо работы в фондах и подготовки экспозиций, они проводили экскурсии, читали лекции, выезжали в командировки для комплектования коллекций (Там же. С. 41).

Работа в Камышине стала для музея своеобразным испытанием. Дело в том, что Камышинский район исторически был связан с Саратовом, куда до 1932 г. стекалась вся краеведческая информация о нем. Переподчинение Камышина Сталинграду и разгром нижеволжского краеведения сделали труднодоступными архивные сведения о местных достопримечательностях, собранные в предыдущие годы членами Саратовской ученой архивной комиссии, сотрудниками Саратовского университета и СОКМ. Будучи отдаленным от разрушенного областного центра, музей начинал работу практически с чистого листа. Кроме того, для организации деятельности ему, как и прежде, не хватало сотрудников, помещений и средств, что, однако, не мешало вышестоящим инстанциям оказывать на него постоянное давление.

А.И. Митрофанов переживал по поводу утраты археологической и этнографической коллекций, а потому важнейшим направлением считал пополнение фондов новыми экспонатами. Совместно с ГорОНО и горкомом комсомола он начал налаживать взаимодействие со школами и краеведами Камышина еще до открытия музея. Одной из форм совместной деятельности стали экспедиции-экскурсии. В течение нескольких лет А.И. Митрофанов лично разработал целый ряд маршрутов, которые неоднократно упоминал в годовых отчетах о деятельности музея (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1.

1947. Д. 55. Л. 1; 1947. Д. 56. Л. 7–8; 1949. Д. 75. Л. 1–2). Большинство этих маршрутов было связано с изучением археологического, палеонтологического и геологического наследия края:

- от г. Камышина до гор Уши (пеший переход, археологическая разведка, сбор окаменелостей животного и растительного происхождения);

- Петров Вал, реки Камышинка и Иловля (пеший переход, изучение маршрута походов князя Игоря, следов Селимова и Петрова вала, казачьего пути Дон–Иловля–Камышинка–Волга);

- от Камышина до бугра Степана Разина у с. Даниловка на парохде (сборы геологических и археологических находок, старинного оружия, монет);

- от Камышина до оврага Беленький по берегу Волги (пеший переход, археологическая разведка);

- от Камышина до с. Лебяжье (переход на автомашинах, археологическая разведка);

- от Камышина до Уракова бугра (сбор различных экспонатов);

- от Камышина в степь в радиусе 7–10 км (сбор различных экспонатов);

- от Камышина в Заволжье (сбор археологических и палеонтологических экспонатов);

- экскурсия в г. Ленинск (осмотр Царевского городища);

- «Золотой курган» у с. Саломатино (осмотр курганов, археологические сборы);

- Капитанская гора в 45 км южнее Камышина (осмотр курганов, археологические сборы);

- с. Сестренки (изучение истории села, связанной с пугачевским движением, археологические сборы).

Ежегодно организовывалось от 6 до 14 экспедиций-экскурсий, в каждой из которых принимало участие по 20 человек и более. Во время походов и выездов школьники часто оставались в палатках на ночь, жгли костер, а увлекательные лекции по истории им читал сам директор музея (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1948. Д. 67. Л. 3). Итоги экспедиционно-экскурсионной деятельности освещались в прессе и положительно оценивались руководством региона. Так в Камышине сформировался многочисленный актив школьников, которым разрешалось посещать музей бесплатно. Уже в 1947 г. при музее была создана комната юных краеведов, где выставлялись их находки (Там же. 1947. Д. 56. Л. 5; 1950. Д. 94. Л. 13). Ценные экспонаты поступали и от краеведов, с которыми удалось наладить

переписку. Все эти поступления демонстрировались посетителям музея и передвижных выставок в ходе экскурсий «Научное значение памятников старины», «Далекое прошлое родного края», «Первобытнообщинный строй», «Период татаро-монгольского владычества», «Восстание Булавина», «Пётр Первый», «Емельян Пугачёв», «Степан Разин» (Там же. 1950. Д. 94. Л. 8–9). Среди древних артефактов наиболее ценными были монеты, каменное ядро, каменная глыба с двусторонней арабской надписью с южной окраины Камышина, зубы акулы, фрагменты стволов окаменелых деревьев, отпечатки листьев и прочие окаменелости с гор Уши (Там же. 1947. Д. 56. Л. 3), литейные формы, топоры-молотки, мотыги, терка, железные орудия и изделия (Там же. 1950. Д. 91. Л. 57), вислообушный бронзовый топорик (Там же. 1950. Д. 94. Л. 13), бронзовые наконечники скифских стрел, кости и бивни мамонта, череп быка-бизона и рога оленя (Там же. 1948. Д. 64. Л. 5). Однако все эти находки были единичными, а запросы о выделении экспонатов из фондов СОМК, а также Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) результатов не давали (Там же. 1948. Д. 69. Л. 30). Тем не менее, уже к 1950 г. общее количество единиц хранения в музее выросло с 6200 до 10000, а книжный фонд с 730 до 2940 (*Материкин, Комиссарова*, 2005. С. 43).

Большой проблемой для музея была удаленность от областного центра и провинциальный характер самого Камышина, что снижало возможности и значимость научно-просветительской работы, приводило к текучке кадров. Постоянно меняющиеся на должности археолога работники не имели необходимой квалификации и, соответственно, мотивации. Так, в 1948 г. отделом культурно-просветительной работы исполнительного комитета Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся в музей была прислана В.В. Вязовская, 1924 г.р., назначенная археологом и заведующей отделом дореволюционного прошлого. После недельной стажировки в СОМК она заручилась поддержкой саратовского археолога И.В. Сеницына, однако получить открытый лист на проведение разведок и раскопок в Камышинском районе из-за недостатка опыта не смогла (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1949. Д. 82. Л. 12, 20, 22). Вскоре она стала добиваться освобождения от работы и во второй половине 1949 г. уехала из Камышина (Там же. 1949. Д. 77. Л. 3–4). Свою роль в этом, возможно, сыграло и письмо Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР от 30 марта 1949 г. № Ум-360, в кото-

ром музеи были раскритикованы за увлечение археологическими исследованиями и недооценку экспозиции по социалистическому строительству (Там же. 1949. Д. 82. Л. 23). В 1952 г. археологом в музее работала член КПСС А.И. Дудочкина, 1909 г.р., со средним образованием (Там же. 1952. Д. 118. Л. 18), но в 1953 г. она была переведена на должность бухгалтера, а на ее место принята беспартийная А.Д. Орешкина, 1900 г.р., с неполным средним образованием (Там же. 1953. Д. 131. Л. 15). В 1953 г. музей снова пытался запланировать раскопки – на этот раз в Мачешанском районе (часть совр. Еланского р-на), где было обнаружено «место древних погребений». Однако эти планы вновь не были реализованы, в том числе из-за подготовки к переезду в Сталинград (Там же. 1952. Д. 118. Л. 5, 8). Не увенчались успехом и поиски памятника Камышинская крепостца 1668 г., состоявшего из «земляного вала и деревянного полисада» (Там же. 1953. Д. 137. Л. 27). С 1955 г., уже после возвращения СОКМ в Сталинград, археологом формально числился Д.А. Тах, 1937 г.р., член ВЛКСМ с неоконченным высшим образованием.

Отдельно следует отметить работу музея по выявлению памятников археологии. Она не была системной и опиралась на отрывочные сведения, полученные в ходе кратковременных экспедиций-экскурсий, а также из доступных на тот момент редких публикаций и архивных источников. Симптоматичной, с точки зрения историко-краеведческого «коллапса» 1930-х гг., выглядит неосведомленность о чрезвычайно ценных сведениях, содержащихся в «Материалах к археологической карте Сталинградского, Хопёрского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края», которые были изданы в 1929 г. сотрудниками того же музея П.Н. Шишкиным и А.И. Ильиной (*Ильина, Шишкин, 1929*).

14 октября 1948 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которое характеризовалось усилением контроля исполнительной власти за учетом и охраной памятников культуры, обязывало регионы составлять списки таких памятников (Положение..., 1973. С. 68–75). С целью исполнения новых директив Сталинградский исполком Облсовета запросил такой список у А.И. Митрофанова (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1948. Д. 69. Л. 38). Подготовленный список выявленных на территории Сталинградской области памятников археологии и истории, направленный в областной от-

дел культпросветработы письмом от 5 января 1949 г., содержал всего 37 пунктов – мест находок с кратким описанием местоположения и обстоятельств их обнаружения (Там же. 1949. Д. 82. Л. 1; 1956. Д. 190. Л. 46–49). Прежде всего, были указаны некоторые памятники, известные по исследованиям прошлых лет: 2 поселения у Проломного (Стрельбищного) оврага, мастерская кремневых орудий (начало неолита) напротив завода «Красный Октябрь», поселение эпилепеолита или начала неолита и курганы на Мамаевых буграх в Сталинграде, золотоордынское кладбище у с. Красная Слобода напротив Сталинграда, золотоордынское Царёвское городище в Ленинском районе, сарматские курганы у х. Заяр Средне-Ахтубинского района, поселение эпохи бронзы у ст. Пичужинская и курганный могильник у с. Водяное Дубовского района, сарматское селище к юго-западу от с. Аксай Красноармейского (совр. Октябрьского) района, сарматские курганы у с. Абганерово Ворошиловского (совр. Октябрьского) района, курганы у с. Гуселки и Лебяжье Камышинского района, курганные могильники у х. Авиловский Иловлинского района, поселение эпохи бронзы у х. Ляпичев Калачевского района, поселение и курганы у ст. Дурновская Новоаннинского района, сарматский могильник у с. Ново-Николаевское Ново-Николаевского района. Также упоминались новые памятники и находки:

- курган Гнидин из мелового камня в Камышинском районе, в 5 км к юго-западу от с. Таловка, около Сухого оврага;
- курган Еремкин с земляным валом около х. Грязный Ольховского района, в верховьях р. Зензеватка;
- гора Урак (по преданию – гора Стеньки Разина) на берегу р. Волга, в 20 км севернее Камышина;
- курганы Два брата, 12-ти братьев, Королёва могила, Рясни могилы у слоб. Сидоры Михайловского района;
- курганы у х. Тишанского Михайловского района (в 1933 г. колхозниками при сооружении котлованов хозяйственных построек обнаружены глиняные горшки, железные предметы, бронзовая чаша);
- курганы у с. Песковатка Дубовского района (в разное время кладоискателями найдены каменные плиты, на одной из которых высечен рисунок – лапа орла);
- гора «Капитанова» у с. Саломатино Камышинского района (в разное время кладоискатели находили здесь разные бронзовые вещи);

- бугор Стеньки Разина на правом берегу р. Волги, в 80 км к северу от Камышина и в 3 км от с. Лапоть (сохранились рвы и валы, в разное время кладоискатели находили здесь старинные монеты и оружие);

- курганы у х. Моисеев Камышинского района (в разное время кладоискателями найдены фрагментированный медный котел, угли, кости и другие предметы);

- курганы около Сарепты Красноармейского района (в разное время кладоискателями найдена керамика грубой работы);

- курганы у слоб. Ильмень Руднянского района (при сильных порывах ветра, разрушающих эти курганы, обнаруживаются кости и черепки посуды);

- курганы у с. Таловка (Богородское) Камышинского района, многие из которых окружены рвом (в разное время кладоискателями найдены керамика, металлические стрелы и другие предметы);

- Петров Вал в Камышинском районе (следы канала);

- Селимов вал в 400 м выше Петрова вала (следы канала);

- рога благородного оленя с бугра Степана Разина (находка 1948 г.);

- рога (вместе с лобной частью) древнего быка из р. Волга у с. Антиповка Камышинского района;

- кости мамонта, найденные у с. Гуселка Неткачевского (совр. Камышинского) района;

- кости кабана, найденные у с. Дубовка Дубовского района;

- горы Уши в 3–4 км к северо-западу от Камышина (3 горы из сплошного кварцевого камня с пещерами, в разное время найдены кости древних животных, отпечатки листьев на камнях, морские раковины);

- обломки окаменевшего дуба, найденные между х. Мироничев и х. Глинище на берегу р. Медведица.

Данный список был включен в состав «Списка археологических памятников Волгоградской области Республиканского (РСФСР) значения», составленного старшим инспектором областного управления культуры А.Н. Рогаткиной в 1962 г., ныне хранящегося в ведомственном архиве ОНПЦ. Почти все упомянутые в нем памятники впервые были нанесены на карты-схемы районов в рукописном альбоме «Карты археологических и исторических памятников Сталинградской области» 1950 г., который, судя по всему, был подготовлен музейным художником В.Я. Штальфом и сохра-

нился в археологических фондах ВОКМ. Сама А.Н. Рогаткина позже стала директором ВОКМ и возглавляла его с 1968 по 1976 г.

В ГАВО хранится рукописный вариант еще одного чернового списка памятников, выявленных на территории Сталинградской области, в котором памятники (преимущественно, археологические) распределены в таблице по 5 категориям: поселения, городища и древние города (13), могильники, древние кладбища и древние могилы (11), курганы (32), валы и рвы (2), кости ископаемых животных (3) (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1956. Д. 190. Л. 50–52). Среди поселений и городищ, помимо вышеназванных, в нем учтены поселение у х. Назмищенский на левом берегу озера Булгакова, стоянка у х. Вилтовский в пойме Дона, окрестности Тракторозаводского района Сталинграда, городище Мечетное у х. Нижний Мечетный; среди могильников – у х. Рахинка Дубовского района, у х. Варакин, у х. Бобыли, а также большой песчаный бугор у х. Кондрашев; среди курганов – курганы у с. Средняя Ахтуба, у с. Заплавное, у с. Зубовка и у с. Верхний хутор на р. Ахтуба, курган Городище у слободы Котовой и второй Мяцкий курган, «Золотой курган» у с. Саломатино, курганы у с. Мокрая Ольховка, Николаевка, Рудня и Перещепино, у с. Новая Норка Камышинского района, на р. Тюрине Песковатской волости и у с. Романовка Царицынского уезда, «Царские могильницы» у с. Пролейка Дубовского района, у Пристина (?), курганы у «Долгих лоз» и курганы Рахинского лесничества близ с. Сидоры Михайловского района. Березняковское городище, а также курганы у с. Селитренное на Ахтубе, находящиеся в соседних Саратовской и Астраханской областях, в этот список были внесены по ошибке.

Несмотря на неудачи СОКМ в организации археологических работ, раскопки на территории области все же проводились. В 1946, 1947 и 1949 гг. их организовал саратовский археолог И.В. Сеницын, объединив возможности СОКМ, а также кафедры Истории древнего мира и археологии исторического факультета СГУ. Под его руководством исследовались 4 курганные группы в окрестностях с. Горная Пролейка Балыклейского (совр. Дубовского) района, в т.ч. каменные курганы, известные как «Царские могильницы». Всего было раскопано 13 курганов с 25 погребениями, в основном относящимися к развитой срубной культуре позднего бронзового века; одиночные погребения савроматского и золотоордынского времени оказались невыразительны (НА ИА РАН. Р-1. № 47; Р-1. № 131; Р-1. № 319; Архив

СОМК. Оп. 1. № 223; Оп. 1. № 239; *Синицын*, 1951; 1956). Все находки были сданы в фонды Саратовского областного музея краеведения (СОМК), сотрудники СОМК в этих работах не участвовали.

Если собрать разрозненные сведения о некоторых археологических памятниках СОМК еще как-то мог, то планомерно заниматься паспортизацией культурного наследия с учетом постоянных кадровых и финансовых сложностей ему было не под силу. На этом фоне достаточно странным представляется письмо областного отдела культурпросветработы № 620 от 14 июля 1949 г., в котором от А.И. Митрофанова требовалось направить сотрудников музея в Ждановский (совр. Котовский), Нижне-Добринский (часть совр. Камышинского), Николаевский, Камышинский и Быковский районы, где уже до 5 августа провести паспортизацию археологических и исторических памятников. При этом паспорта должны были быть составлены от руки в одном экземпляре и направлены адресанту, а оплата расходов предполагалась лишь по завершении работ (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1949. Д. 82. Л. 43). Каких-либо сведений о выполнении данного поручения в архивах не сохранилось: по всей видимости, оно было проигнорировано. Не мог музей участвовать и в социалистическом соревновании, на которое его вызвал коллектив Куйбышевского областного музея краеведения в сентябре 1951 г., предлагая в рамках работ по изучению развернувшихся великих строек коммунизма проводить собственные экспедиции, участвовать в экспедиции ИИМК АН СССР, собирать материалы по самому строительству, привлечь краеведческий актив затрагиваемых стройками районов, организовать соответствующие выставки, лекции, вести летопись строительства в средствах массовой информации (Там же. 1951. Д. 112. Л. 50).

В 1949–1950-х гг. в Поволжье и на Дону началось масштабное строительство ГЭС, предусматривавшее сооружение плотин с обширными водохранилищами, а также судоходных каналов. В Куйбышевской области это были Куйбышевские ГЭС и водохранилище, а в Сталинградской – Волго-Донской канал и Цимлянское водохранилище, канал Волга–Урал, Волжская ГЭС и Сталинградское водохранилище. Грандиозные проекты широко анонсировались в центральной и местной прессе, научных и культурных учреждениях. Новое законодательство в области охраны памятников истории и культуры позволило ИИМК АН СССР организовать по всей стране крупные новостроечные экспедиции. В качестве копателей и лаборантов, помимо наемных рабочих, активно

привлекались студенты вузов и школьники из близлежащих населенных пунктов во главе со своими учителями, что способствовало популяризации археологии и пропаганде бережного отношения к историко-культурному наследию. Поскольку до 1953 г. крупнейшим строительным ведомством в СССР было НКВД, в работах на ряде объектов (в т.ч. Куйбышевская и Цимлянская ГЭС с водохранилищами) поначалу использовался и труд заключенных (Смирнов, 2004. С. 12–14). В Куйбышевской области археологические исследования проводила Куйбышевская экспедиция ИИМК АН СССР (1950–1955, 1957), а в Сталинградской – Волго-Донская (1949–1951) и Сталинградская (1951–1955, 1957). В рамках Волго-Донской экспедиции работало 2 отряда: небольшой разведочный под руководством И.И. Ляпушкина и раскопчный под руководством М.П. Грязнова, занимавшийся исследованием известного поселения эпохи бронзы у х. Ляпичев Калачевского района. Сталинградская экспедиция состояла из нескольких крупных отрядов, возглавляемых столичными археологами С.Н. Замятниным, К.Ф. Смирновым, В.П. Шиловым, Т.Б. Поповой и Н.В. Трубниковой, а также саратовским археологом И.В. Синицыным, которые работали преимущественно в Заволжье (Каргин, 2010. С. 5–7). Впоследствии материалы этих масштабных исследований были опубликованы в нескольких томах академической серии «Материалы и исследования по археологии СССР», надолго став основным источником по археологии и древней истории Поволжья.

СОКМ не только не участвовал в работах Волго-Донской и Сталинградской экспедиций ИИМК АН СССР, но и, в силу удаленности от областного центра, испытывал дефицит информации об уникальных открытиях. Полученные столичными экспедициями материалы ежегодно вывозились за пределы региона и передавались на хранение в другие музеи – ГИМ, Государственный Эрмитаж и СОМК. Несмотря на это, Камышин все же стал одним из центров притяжения научных специалистов из разных городов и экспедиций (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1952. Д. 118. Л. 6). В частности, сюда приезжал С.Н. Замятнин – начальник Палеолитического отряда Сталинградской экспедиции ИИМК, который в 1952 и 1954 гг. проводил раскопки уникальной палеолитической стоянки Сухая Мечетка на северной окраине Сталинграда. Вместе с А.И. Митрофановым и школьниками он посетил горы Уши (Там же. 1954. Д. 147. Л. 10). Тем не менее, оставаться в стороне от главных событий региона СОКМ уже не мог.

Просьбы о возвращении областного музея в Сталинград, ежегодно направляемые в облисполком, наконец были удовлетворены. Однако, запланированный на 1953 г. переезд состоялся лишь в октябре следующего года. Обстоятельства переезда оказались непростыми: титанических усилий А.И. Митрофанову стоило преодолеть сопротивление руководства лесного (гидромелиоративного) техникума, на 2-м этаже которого должен был «временно» разместиться музей. Согласно общепринятой практике того времени, здесь же вместе с семьей поселился и сам директор (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1954. Д. 147. Л. 1; *Комиссарова, Щербакова*, 2000. С. 25–26). Для посетителей музей открылся 28 августа 1955 г., просуществовав в этом здании вплоть до 1987 г. На тот момент его экспозиция состояла из четырех залов: в первом находились палеонтологические, палеоботанические, археологические находки и нумизматическая коллекция, второй был посвящен природе, в третьем хранились личные вещи Петра I, старинное русское оружие и художественные картины, а в четвертом размещалась выставка работ сталинградских художников.

Деятельность СОКМ в Камышине, несмотря на многочисленные сложности, оказалась чрезвычайно продуктивной и имела ряд далеко идущих последствий. В 1951 г. была организована Сталинградская экскурсионная база Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС, которая поначалу опиралась на маршруты, разработанные А.И. Митрофановым (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1951. Д. 112. Л. 44). План этих маршрутов был утвержден обкомом ВЛКСМ, распечатан в количестве 2100 штук и направлен в школы области. По предложению Управления охраны памятников, Камышин был включен в число волжских городов, по которым предполагалось издать сборник экскурсионных маршрутов (Там же. 1952. Д. 118. Л. 14), а потому сотрудниками музея была подготовлена рукопись «История и достопримечательные места города Камышина» (Там же. 1953. Д. 131. Л. 3). Кроме того, описание девяти наиболее увлекательных маршрутов было включено в брошюру «По родному краю», которая тиражом 3500 экземпляров была издана в 1956 г., а затем разослана во все школьные, пионерские и комсомольские организации региона (Там же. 1956. Д. 186. Л. 8). Другим значимым итогом деятельности музея в Камышине стал сформировавшийся сильный актив местных краеведов, среди которых наиболее известен общественник Г.Н. Шендаков. С 1960 г. он не только проводил самостоятельные

археологические исследования в окрестностях Камышина по выданным на его имя открытым листам, но и стал одним из инициаторов создания местного народного историко-краеведческого музея (Шендаков, 2000. С. 29; Материкин, Комиссарова, 2005. С. 48). После возвращения в Сталинград СОКМ получил новые возможности, которые А.И. Митрофанов в дальнейшем смог правильно использовать для пополнения фондов и развития региональной археологии. Кроме того, ему удалось собрать уникальную библиотеку, которая оказалась одной из лучших в области, но впоследствии была распределена между различными учреждениями (Комиссарова, Щербакова, 2000. С. 26).

Литература

- Галкова О.В., 2010. К проблеме формирования государственной системы охраны и использования культурного наследия (1917–1941): общероссийский и региональный срезы // Стретенъ. Вып. 8 / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: Издатель. С. 188–193.
- Златоустова В.И., 1991. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. С.А. Каспаринская. М. С. 226–298.
- Ильина А., Шишкин П., 1929. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград. 50 с.
- Каргин Ю.Ю., 2009. Деятельность государственных учреждений по охране, изучению, использованию археологического наследия на новостройках Нижнего Поволжья с 1945 по 1991 г. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Саратов. 30 с.
- Каргин Ю.Ю., 2010. Роль академических центров в археологическом изучении Нижнего Поволжья (1945–1991 гг.) // Поволжский край. Вып. 13 / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: СГУ. С. 3–22.
- Каргин Ю.Ю., 2020. Роль Царицынского (Сталинградского) краеведческого музея в становлении региональной археологии (1914–1942 гг.) // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской междунар. научн. конф. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ. С. 4–13.
- Комиссарова Е.В., 1994. Из истории Волгоградского областного краеведческого музея (1914–1954 гг.) // Вопросы краеведения. Вып. 3: Материалы V краевед. чтений, посвящ. 80-летию ВОКМ / Отв. ред. Б.С. Абалихин. Волгоград: Перемена. С. 3–13.
- Комиссарова Е.В., 2018. Царицын – Сталинград – Волгоград: трагедия культурного наследия города-бойца // Известия ВГСПУ. Вып. 6 (129). Волгоград. С. 211–222.
- Комиссарова Е.В., Щербакова Н.И., 2000. А.И. Митрофанов – директор Сталинградского областного краеведческого музея // Вопросы краеведения.

- Вып. 6. Матер. краев. чтений, посвящ. 75-летию Областного общества краеведов / Отв. ред. И.О. Тюменцев. Волгоград: ВолГУ. С. 23–28.
- Кулемзин А.М., 1999. Охрана памятников в России: Спецкурс. Томск. 159 с.
- Мамонтов В.И., Скрипкин А.С., 2013. История археологического изучения Волгоградского края // Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ГУ «Издатель». С. 11–24.
- Материкин А.В., Комиссарова Е.В., 2005. Волгоградский областной краеведческий музей: 90 лет служения Отечеству. 1914–2004: Очерк истории. Волгоград: Панорама. 192 с.
- Мунчаев Р.М., 2004. Институт Археологии РАН и развитие охранной археологии в России (вместо предисловия) // 30 лет Отделу охранных раскопок (Труды отдела охранных раскопок. Т. 2) / Науч. ред. Р.М. Мунчаев. Тула: Гриф и К. С. 4–9.
- Назарова О.В., 2017. К вопросу о периодизации волгоградского краеведения середины XVIII – начала XXI века // Известия СГУ. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. Т. 17. Вып. 4. Саратов. С. 548–554. DOI: <http://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-4-548-554>.
- Положение..., 1973. Положение об охране памятников культуры // Охрана памятников истории и культуры. М.: Советская Россия. С. 68–75.
- Рогаткина А.Н., 1974. Волгоградскому музею краеведения – 50 лет // Историко-краеведческие записки. Вып. 2 / Отв. ред. Б.С. Абалихин. Волгоград: Ниж.-Волж. книж. изд-во. С. 5–16.
- Синицын И.В., 1951. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. Т. XXXVII. С. 97–105.
- Синицын И.В., 1956. Археологические памятники у села Пролейки // Ученые записки СГУ. Т. XLVII. / Под ред. Л.А. Дербова. Саратов: Изд-во Харьковского гос. ун-та. С. 207–232.
- Скрипкин А.С., 1994. Очерк по истории Волгоградской археологии. Начало // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4 / Сост. и науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена. С. 197–204.
- Скрипкин А.С., 1998. В.П. Шилов – исследователь древней истории Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ. С. 4–8.
- Скрипкин А.С., 2005. К 95-летию со дня рождения Доры Израилевны Нудельман // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: ВолГУ. С. 347–349.
- Скрипкин А.С., 2009. Нудельман Дора Израилевна // Археологическая энциклопедия Волгоградской области / Гл. ред. А.С. Скрипкин. [1-е изд.] Волгоград: ВолГУ. С. 172.
- Скрипкин А.С., 2015. История российской археологии: учебное пособие. Волгоград: ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет». Волгоград: ВолГУ. 172 с.
- Скрипкин А.С., 2016. Нудельман Дора Израилевна // Археологическая энциклопедия Волгоградской области / Гл. ред. А.С. Скрипкин. 2-е изд., испр. Волгоград: ВолГУ. С. 170.
- Смирнов А.С., 2004. История Отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // 30 лет Отделу охранных раскопок (Труды отдела охранных раскопок. Т. 2) / Науч. ред. Р.М. Мунчаев. Тула: Гриф и К. С. 10–26.
- Шендаков Г.Н., 2000. Из послевоенной истории Сталинградского областного краеведческого музея // Музей и общество на пороге XXI в.: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Волгоград. обл. краевед. Музея. Волгоград: Перемена. С. 26–28.

Л.Ю. Китова

СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ

Резюме. Развитие сибирской археологии основывалось в указанный период на исследованиях ученых из Москвы и Ленинграда, в основном бывших выпускников археологической школы Б.Э. Петри. После уничтожения краеведения на местах, репрессий против музейных работников и закрытия кафедр и факультетов Томского и Иркутского университетов, на которых студенты слушали лекции по археологии и участвовали в археологических экспедициях, в Сибири из профессиональных археологов остались только В.П. Левашёва и С.М. Сергеев. Конечно, это прервало развитие собственных археологических центров в Сибири. Несмотря на все трудности в этот период был собран и изучен огромный пласт археологических источников по отдельным регионам, что позволило создать развернутые археологические периодизации Саяно-Алтайского нагорья, Приангарья, Прибайкалья, Якутии; открыть и исследовать древнейшие этапы истории Сибири.

Ключевые слова: археологические исследования С.В. Киселёва, Г.П. Сосновского, М.М. Герасимова, А.П. Окладникова, М.П. Грязнова, В.П. Левашёвой.

Развитие сибирской археологии до и после Великой Отечественной войны напрямую зависело от социально-политических изменений в стране, в том числе репрессивной политики властей, господствующей идеологии, а также модернизации науки и высшего образования. Деятельность собственно сибирских центров изучения археологических памятников (отделы РГО, музеи, университеты) имела непродолжительную историю. Начало их создания пришлось в основном на вторую половину XIX в. – 1920-е годы, а к концу 1930-х годов они были фактически разрушены. Кроме того, историческое образование со знаниями по археологии было ликвидировано в двух единственных в Сибири на тот период университетах: Томском и Иркутском (Китова, 2014).

С. 15–88). Тем не менее, следует признать, что задача подготовки учителей истории нашла решение в образовании ряда сибирских педагогических и учительских институтов. В 1931 г. они были возрождены в Томске и Иркутске, созданы в Омске (1932), Барнауле (1933), Новосибирске (1935), Красноярске (1942), Тюмени (1945). Однако археологией в тот период во всех вышеперечисленных вузах не занимались, кроме Томского пединститута и только с 1944 г. совместно с ТГУ.

Все масштабные, систематические и планомерные изыскания в Сибири в обозначенный период проводят ученые из Москвы и Ленинграда: Г.П. Сосновский, М.М. Герасимов, А.П. Окладников, М.П. Грязнов, С.В. Киселёв. Правда, первые трое исследователей были учениками и выпускниками археологической школы Б.Э. Петри, созданной в Иркутском университете. После закрытия факультета общественных наук и ликвидации кафедры, которой руководил Б.Э. Петри, они уехали в столицы и продолжили обучение в аспирантуре, после окончания которой закрепились в столичных научных учреждениях. М.П. Грязнов первые 2,5 года обучался в Томском университете под руководством С.И. Руденко и С.А. Теплоухова, а после закрытия естественного отделения и кафедры географии в 1922 г. переехал вслед за учителями в Петроград. И только С.В. Киселёв окончил Московский университет. Тем не менее, его учитель В.А. Городцов считал, что ученики должны были осваивать Сибирь и исследовать там археологические памятники.

В данной статье мною будут рассмотрены только те изыскания, которые проводились во вторую половину 1930-х – первую половину 1940-х гг. При этом исследования 1940-х годов были продолжением предыдущих работ, но не начинались в 1945–1946 гг., как например, Северобарабинская (1945) и Мангазейская (1946) экспедиции под руководством В.Н. Чернецова, или Чукотская (1945–1946) под руководством С.И. Руденко.

Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962), научный сотрудник МОГАИМК/ИИМК и ГИМ, используя классификацию культур Минусинского края, созданную С.А. Теплоуховым, исследовал археологические памятники Саяно-Алтайского нагорья в течение 15 лет (1928–1929 гг. – Минусинская экспедиция; 1930–1932, 1934–1940, 1941, 1945–1946 гг. – Саяно-Алтайская экспедиция) (Китова, 2003). С 1939 г. соруководителем Саяно-Алтайской экспедиции стала его жена Лидия Алексеевна Евтюхова (1901–1974), которая принима-

ла участие в исследованиях мужа с 1930 г. Благодаря их изысканиям были собраны источники по археологии и древней истории Южной Сибири от энеолита до средневековья, несопоставимые по количеству с предыдущими. С.В. Киселёв и Л.А. Евтюхова использовали как материалы собственных раскопок, так и проведенных их предшественниками. Особенно много материалов они получили по карасукской культуре, раннему железному веку и средневековью. Несколько сот археологических памятников были тщательно исследованы. Важно и то, что в музеи (Государственный исторический, Государственный Эрмитаж, Минусинский, Бийский, Горно-Алтайский) впервые были переданы многочисленные археологические артефакты из погребальных комплексов, классифицированных типологически и хронологически.

Итоги многолетних исследований С.В. Киселёв представил в 1946 г. в докторской диссертации, которая позже будет опубликована в качестве монографии «Древняя история Южной Сибири» (Киселёв, 1949). Этот фундаментальный труд был удостоен Государственной премии в 1950 г. и переиздан с дополнениями в 1951 г. Л.А. Евтюхова на средневековых материалах Саяно-Алтайской экспедиции в 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию, а затем опубликовала ее отдельной книгой «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)» (Евтюхова, 1948).

Древнюю историю Южной Сибири С.В. Киселёв представлял как три больших периода: древность, гунно-сарматское время и сложение государств. Каждый из периодов он разделил на эпохи: древность состояла из южносибирского неолита, афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской эпох; гунно-сарматское время включало пазырыкскую эпоху Алтая и таштыкскую эпоху на Енисее; к периоду сложения государств С.В. Киселёв относил V–X вв. н.э. на Алтае и эпоху енисейских кыргызов (хакасов) (Киселёв, 1949).

Ученый развивал закрепившиеся еще в конце XIX в. идеи о поступательном развитии археологических культур и их взаимосвязи друг с другом. Марксистская идеология наложила свой отпечаток на его основную терминологию: он изучал не археологические культуры, а отдельные периоды и эпохи древней истории. Тем не менее, это не помешало ему активно использовать метод аналогий и устанавливать связи археологических памятников с памятниками на соседних территориях, решать вопросы о происхождении культур. С.В. Киселёв уточнил датировки памятников на массовом

материале. Так, начало распространения андроновских памятников исследователь отнес к XVII–XVI вв. до н.э. (Киселёв, 1935); памятники карасукской культуры – к XII–VII вв. до н.э. (Киселёв, 1937а; 1937б), предложил новую датировку тагарской культуры – VII в. до н.э. – рубеж нашей эры (Киселёв, 1949. С. 146–176), установил хронологические рамки таштыкской культуры – II–I вв. до н.э. – V в. н.э. (Киселёв, 1949. С. 260–261). Кроме погребальных памятников С.В. Киселёву удалось обнаружить тагарское поселение у с. Усть-Ерба, изучение которого позволило исследователю дать характеристику жилищу, быту и занятиям тагарцев (Там же. С. 146–152). Л.А. Евтюхова впервые представила развернутую характеристику таштыкских и кыргызских каменных курганов на Енисее (Евтюхова, 1938). С.В. Киселёвым и Л.А. Евтюховой были открыты и исследованы ключевые кыргызские погребения у с. Малые Копёны, у с. Тесь, Уйбатский чаатас, кыргызское поселение у с. Малые Копёны и др. (Евтюхова, Киселёв, 1940).

С.В. Киселёв решал и чисто исторические задачи, например, рассматривал процесс формирования у енисейских кыргызов (хакасов) классового строя и государства.

Исследования С.В. Киселёва на Алтае были менее масштабные, но также дали возможность представить древнее прошлое региона от эпохи энеолита до средневековья включительно. Исследователь одним из первых отметил многообразие хозяйственных занятий аборигенов Южной Сибири и рассмотрел их развитие в зависимости от природного окружения.

Несмотря на то, что некоторые идеи С. В. Киселёва были ошибочны, например, о происхождении карасукской культуры из Северного Китая, или датирование курганов Пазырык-I, Катанда, Берель, Шибегунно-сарматским временем (III–I вв. до н.э.), фундаментальный труд «Древняя история Южной Сибири» не потерял своего научного значения по сей день. Обширные новые материалы, полученные С.В. Киселёвым, дали ему возможность разработать более полную периодизацию археологии Южной Сибири, решать вопросы исторической интерпретации вещественных источников и заложить основу для последующего археологического и исторического изучения Сибири.

Научный сотрудник ГАИМК/ИИМК Георгий Петрович Сосновский (1899–1941) во второй половине 1930-х годов не так активно выезжал на раскопки в Сибирь, как в 1920-е годы, когда работал в Красноярском и Иркутском музеях и учился

в Иркутском университете под руководством Б.Э. Петри. В тот период он участвовал в археологических разведках под руководством военнопленного австрийского профессора Г. Мергарта под Красноярском (1920), проводил разведку в долине р. Ангары по заданию Б.Э. Петри (1921), был участником Красноярской экспедиции и исследовал памятники эпохи палеолита (1923–1927), в первую очередь Афонтову гору, а также осуществлял раскопки памятников андроновской культуры в Хакасии (1925–1926). После учебы в аспирантуре у Б.С. Жукова в Москве и переезда в Ленинград на работу в ГАИМК он в 1928–1929 гг. возглавлял две экспедиции: Енисейскую и Бурят-Монгольскую. Вся эта деятельность сформировала его как ученого. В 1930-е гг. Г.П. Сосновский – один из крупнейших специалистов сибирской археологии, особенно в области палеолита Сибири (*Китова*, 2010).

В 1934 и 1937 гг. Г.П. Сосновский участвовал в Мальтинской экспедиции, возглавляемой антропологом и археологом Михаилом Михайловичем Герасимовым (1907–1970). Эта экспедиция проводилась в течение нескольких лет: 1930, 1932, 1934, 1936, 1937 гг., и ее сотрудники изучали археологические памятники в зоне строительства Байкальской и Бархатовской ГЭС. Главная заслуга экспедиции – дальнейшее исследование палеолитической стоянки Мальта на р. Белой, открытой еще в 1928 г., а также открытие ряда других палеолитических и неолитических стоянок. У с. Мальта были обнаружены не только остатки жилища и каменный инвентарь, но и знаменитые «палеолитические венеры» – женские статуэтки из кости мамонта (*Сосновский*, 1935; *Сосновский, Герасимов*, 1937).

В 1935–1936 гг. Г.П. Сосновский руководил Бийской экспедицией. В 1935 г. он исследовал первый памятник эпохи палеолита на Алтае – Сросткинскую стоянку на правом берегу р. Катунь в 36 км от г. Бийска (*Сосновский*, 1934). В 1936 г. наряду с разведочными работами и обнаружением новых палеолитических артефактов был выявлен и раскопан первый афанасьевский могильник на Алтае в 3,5 км от с. Элекмонар в урочище Куюм на р. Катунь (*Сосновский*, 1941). Эти открытия и публикация материалов о памятниках были очень важны для создания археологической хронологии и древней истории Алтая. Материалы Г.П. Сосновского по афанасьевской культуре будет использовать С.В. Киселёв при написании «Древней истории Южной Сибири».

В 1935 г. руководство ГАИМК ходатайствовало перед Народным комиссариатом просвещения о присуждении Г.П. Сосновскому

ученой степени кандидата исторических наук по совокупности научных трудов, а также ученого звания действительного члена ГАИМК. 28 июня 1938 г. Ученый совет ЛГУ присвоил ему искомую степень без защиты диссертации.

Исходя из архивных материалов и публикаций, могу предположить, что Г.П. Сосновский планировал написать обобщающую монографию по древней истории Сибири. Особенно обширные данные были им собраны по истории материальной культуры Южной Сибири и Забайкалья, начиная от эпохи камня и до средневековья включительно. У Г.П. Сосновского были все условия для претворения в жизнь задуманного: знания, творческий потенциал и археологические источники. Его ранняя гибель в 1941 г. во время блокады Ленинграда не дала реализовать намеченное. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, не завершив многие начатые работы.

В 1934 г. Алексей Павлович Окладников (1908–1981) уезжает из Иркутска и поступает в аспирантуру ЛГУ к П.П. Ефименко, ведущему специалисту страны в области палеолита, ранней истории Восточной Европы, заведующему сектором каменного века ГАИМК/ИИМК. До этого времени А.П. Окладников провел не менее восьми археологических экспедиций по долинам рек Лена, Селенга, Ангара. Этими исследованиями были заложены основные направления деятельности археолога. После переезда в Ленинград он будет продолжать изучать археологические памятники Сибири.

Так, в результате изысканий Ангарской экспедиции 1932–1940 гг. А.П. Окладников открыл многие памятники наскального искусства Восточной Сибири. Он провел анализ петроглифов по стилю и технике и впервые определил две хронологические и стилистические группы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1937. Д. 222).

Ангарская экспедиция была нацелена на собирание информации о разновременных археологических объектах региона и составление его археологической карты. Тем не менее, в первую очередь А.П. Окладников исследовал неолитические памятники, так как изучал проблемы взаимодействия отдельных этапов неолита и энеолита Прибайкалья. Итогом этих изысканий стало создание культурно-хронологической периодизации древней истории Прибайкалья, которая получила следующую последовательность: докерамический неолит, исаковский, серовский, китойский и глазковский этапы (Окладников, 1938).

В 1935 г. А.П. Окладников по поручению Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР руководил Амурской экспедицией и провел разведку от Хабаровска до Николаевска, в ходе которой было обнаружено более 600 древних памятников. На основе их анализа была впервые установлена последовательная смена культурно-исторических этапов на Нижнем Амуре, а также выявлены своеобразные черты древних культур Приамурья (Окладников, 1936).

В 1936–1937, 1939–1940 гг. А.П. Окладников продолжал археологические изыскания на Ангаре, в результате которых была подвергнута сплошному обследованию вся долина Ангары от Байкала до Енисея (1700 км), выявлено несколько сот новых памятников, изучены десятки неолитических погребений и открыто одно из древнейших палеолитических поселений Северной Азии – Буреть. Материалы стоянки Буреть (1936–1940) были представлены не только каменными орудиями, но и образцами палеолитического искусства. Они дополнили данные М.М. Герасимова со стоянки Мальта и явились подтверждением некой закономерности развития в эпоху позднего палеолита на территории Восточной Сибири (Окладников, 1940; 1941). Мальта и Буреть вошли в список открытий мирового уровня. Ангарская экспедиция имела большое значение. В ходе ее проведения была собрана внушительная источниковая база, главным образом по неолитическим памятникам Восточной Сибири, превосходящая по своему объему все то, что было известно ранее относительно памятников этого типа.

А.П. Окладников успешно защитил кандидатскую диссертацию «Неолитические памятники на Ангаре» в 1938 г. в ЛГУ, а в 1947 г. там же – докторскую диссертацию «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к русскому государству».

В 1940–1945 гг. А.П. Окладников провел Ленскую историко-археологическую и в 1946 г. – Колымскую экспедиции. Была поставлена задача сплошного археологического обследования северо-азиатских территорий Восточной Сибири. В 1940 г. он исследовал памятники от Олекминска до Якутска, в 1941 г. – от Качуги до Якутска по р. Лене, 1942–1944 гг. – от Киренска до Якутска, в 1945 г. – на острове Фаддея и в долине р. Хатанги. В 1946 г. исследователь раскопал древнекоряцкие поселения на полуострове Кони и Охотском побережье, а также неолитические древнекоряцкие и древнеэскимосские поселения в долине р. Колымы и на Барановом мысу (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №. 22; РО НА ИИМК РАН.

Ф. 35. 1946. Д. 26). Таким образом, впервые были изучены археологические памятники палеолита, неолита, бронзового и раннего железного века, XVII в., в том числе ряд первоклассных по научному значению. Выявлены основные этапы истории Якутии до прихода русских на Лену и установлен ряд древних культур Севера (Окладников, 1949).

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) принимал участие в исследованиях Алтайской экспедиции под руководством С.И. Руденко. В 1925, 1927 и 1929 гг. Михаил Петрович руководил самостоятельным отрядом на Алтае. Среди самых ярких открытий М.П. Грязнова, имеющих мировое значение, выделяются Шибинский (1927) и Пазырыкский (1929) курганы, последний раскапывался по настоянию С.И. Руденко.

После ареста С.И. Руденко в 1930 г. и трехлетней ссылки М.П. Грязнова в 1933 г. первым вернулся в археологию Михаил Петрович. В 1937 г. вышла в свет его публикация «Пазырыкский курган», в которой он впервые обосновал самостоятельность исторической эпохи «первых кочевников-скотоводов». Кроме того, М.П. Грязнов обратил внимание на монументальность Пазырыкского кургана, сопроводительные захоронения коней с разными метками на ушах и пришел к заключению о захоронении в кургане племенного вождя (Грязнов, 1937. С. 6–7).

В 1939 г., принимая участие в создании коллективного труда «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», М. П. Грязнов вводит в научный оборот понятие «ранние кочевники» или «эпоха ранних кочевников». Он датировал эту эпоху VII до н.э. – I в. н.э. и выделил 3 ее этапа: 1) майэмирский – VII–V вв. до н.э.; 2) пазырыкский – V–III вв. до н.э.; 3) шибинский – II в. до н.э. – I в. н.э. (Грязнов, 1939. С. 400). В 1939 г. М.П. Грязнов возглавлял Алтайскую экспедицию и исследовал курганы ранних кочевников, тюркские и курганы IX–X вв. н.э. у с. Яконур в Усть-Канской степи (Грязнов, 1940). Более аргументированную характеристику майэмирского этапа, начального этапа эпохи ранних кочевников, М.П. Грязнов представил в докладе, сделанном на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК 5 июля 1945 г., позже опубликованном в КСИИМК, тем самым заполнив существующий пробел в периодизации древних культур Центральной Азии и Южной Сибири (Грязнов, 1947). Даты эпохи ранних кочевников: VII до н.э. – I в. н.э. позднее были взяты исследователями за основу для хронологических периодизаций археологи-

ческих памятников Тувы, Казахстана, Средней Азии, Минусинской котловины, Забайкалья, Монголии и Западной Сибири.

Из профессиональных археологов в сибирских музеях во второй половине 1930-х годов остались два ученика В.А. Городцова: В. П. Левашёва и С.М. Сергеев.

Варвара Павловна Левашёва (1901–1974) проработала заведующей археологическим отделом Минусинского музея 16,5 лет – с 9 декабря 1929 г. по май 1946 г. (АКККМ. Ф. 1827. Оп. 1. Д. 584. Прилож. Л. 3). С 1930 г. она планомерно и систематически проводила археологические исследования в Минусинском крае, целенаправленно занималась пополнением фондов музея, разрабатывала тематические планы и создавала по ним новую археологическую экспозицию (Китова, 2007. С. 127–143). В.П. Левашёва была дружна с Л.А. Евтюховой и С.В. Киселёвым и участвовала в работе Саяно-Алтайской экспедиции на территории Красноярского края.

Исследовательнице часто приходилось вести аварийные раскопки. Так, в 1934 г. в районе Капчальского баритового рудника рабочие обнаружили богатые археологические артефакты: деревянную статуэтку барана с головой, обложенной листовым золотом; золотой браслет; серебряные украшения; железные удила и стремя с серебряными аппликациями. На месте обнаружения находок В.П. Левашёва исследовала 9 небольших средневековых курганов и обнаружила еще ряд ценных предметов: изящную «кыргызскую» вазу с тамгой, изготовленную на гончарном круге, вторую статуэтку барана. Рядом с первой группой курганов были выявлены еще 2 группы, которые раскапывались сотрудниками музея в 1935–1936 гг. Если первую группу курганов В.П. Левашёва отнесла к погребениям знати, то вторая группа курганов, по ее мнению, принадлежала рядовому свободному населению. Она выявила в ходе раскопок, что захоронения простых воинов-кочевников, включали коней, иногда баранов. Были также обнаружены женское и детское погребения. Погребальный инвентарь второй группы содержал железные и бронзовые украшения поясов и сбруи, стрелы с крупными железными наконечниками, берестяные колчаны, железные ножи, костяные накладки луков, железные удила и стремяна, сосуды грубой ручной выделки. В одной из могил была обнаружена китайская монета 841–846 гг. династии Тан. Первая группа капчальских курганов была датирована В.П. Левашёвой VIII–IX вв., вторая группа – второй половиной IX в. Была обнаружена и третья группа погребений, которую исследовательница отнесла к тагар-

ским курганам (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 99. Л. 1–8; АМКМ. Оп. 1. Д. 643. Л. 3–4).

В экспозиции Минусинского музея были почти не представлены материалы древних поселений. Поэтому в 1935 г. В.П. Левашёва начала исследование дюнных стоянок у д. Быстрая и Джоева озера в окрестностях Минусинска. Обе стоянки были отнесены ею к так называемой «культуре чаатас» или енисейских кыргызов. В 1938 г. она открыла и исследовала стоянку у с. Лугавское, которую датировала таштыкским временем. В.П. Левашёва, определив на стоянках тонкий и бедный находками культурный слой, отметила временный характер кочевнических стойбищ (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1938. Д. 42; АМКМ. Оп. 1. Д. 643. Л. 4–5).

В 1936–1942 гг. В.П. Левашёва продолжала исследовать древние железоплавильни и сыродутные горны в окрестностях г. Минусинска, Кривинского и Знаменского борах. Всего было обследовано 14 горнов, из них 9 раскопано. Раскопки позволили выяснить устройство горнов, их датировку и характер производства (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1937. Д. 213; АМКМ. Оп. 1. Д. 637).

В 1936 г. В.П. Левашёва участвует в Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.В. Киселёва и проводит раскопки курганов Уйбатского чаатаса близ улуса Чарков на левом берегу Енисея. Для Минусинского музея были раскопаны 1 таштыкский склеп под кольцеобразной насыпью, 5 малых таштыкских могил и один малый каменный курган чаатас. Коллекции музея были пополнены глиняными сосудами, гипсовыми погребальными масками, железными и бронзовыми предметами, украшениями из древесной коры, обложенными листовым золотом (АМКМ. Оп. 1. Д. 639. Л. 3; Д. 643. Л. 6–7). В том же году Варвара Павловна опубликовала «Краткий путеводитель по историческому отделу от палеолита до XVII века», дающий информацию об экспозиции музея и историческом прошлом Минусинского края (НА КККМ. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 584. Прилож. Л. 3).

В 1937 г. подверглись репрессиям члены семьи В.П. Левашёвой: в Минусинске – муж, а в Москве – отец. Ее с маленькими дочками выселили из квартиры и уволили с работы. Она не сдалась, боролась за возвращение в музей и в итоге была восстановлена в должности (Китова, 2007. С. 134).

В 1938 г. исследовательница продолжала изучение погребений таштыкской культуры и раскопала большой таштыкский курган, а также 27 малых каменных курганов у с. Быстрая на правом бе-

регу Енисея. Она выявила, что в погребениях использовался обряд трупосожжения, обнаружив 34 кучки жженных костей, сопровождающихся фрагментами 22-х гипсовых лицевых масок. Также в 1938 г. В.П. Левашёва провела раскопки курганов тагарской культуры в окрестностях г. Абакана для Хакасского областного музея и карасукских погребений около улуса Мохова для Минусинского музея (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1938. Д. 42). В одном из тагарских курганов была обнаружена таштыкская впускная могила, в которой находился скелет женщины с гипсовой маской. Другое впускное погребение близ г. Абакана было совершенно по обряду трупосожжения, и там также выявлены фрагменты необожженной гипсовой маски (АМКМ. Оп. 1. Д. 639. Л. 3; Д. 643. Л. 7–80).

В 1939 г. В.П. Левашёва исследовала курганы тагарской и таштыкской культур близ с. Лугавского в Минусинском районе на правом берегу Енисея. Опять были обнаружены впускные таштыкские погребения, которые перекрывали верхнюю часть более древних тагарских могил (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1939. Д. 2. Л. 21; АМКМ. Оп. 1. Д. 639. Л. 3; Д. 643. Л. 8). В том же году В.П. Левашёва провела раскопки тагарских курганов у с. Малые Копёны и у с. Перевозинское Богградского района, а также разведки в окрестностях с. Малый Монок Аскизского района с целью поиска палеолитических стоянок. Однако рекогносцировочные исследования позволили выявить только следы стоянок более позднего времени, а недалеко от с. Большой Монок открыть остатки древней оросительной системы, которая была построена, по мнению В.П. Левашёвой, не ранее V в. до н.э. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1939. Д. 2. Л. 2–8; АМКМ. Оп. 1. Д. 639. Л. 3; Д. 643. Л. 6–9).

В 1940–1941 гг. В.П. Левашёва не проводила самостоятельных изысканий, так как часто болела, и врачи ей поставили диагноз – туберкулез легких в закрытой форме. Однако летом 1940 г. при прокладке шоссе около колхоза «Сила» близ г. Абакана была обнаружена глиняная черепица с китайскими иероглифами. Под руководством В.П. Левашёвой была срочно организована краевая археологическая экспедиция в составе сотрудников Красноярского, Абаканского и Минусинского музеев. Первые раскопки позволили ей датировать дворец эпохой Хань (II в. до н.э. – II в. н.э.). В 1941 г. исследование «китайского» дворца продолжили Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв.

В 1942 г. В.П. Левашёва продолжала работу по составлению археологической карты Минусинского района и провела археологи-

ческие разведки по р. Енисей от г. Минусинска до с. Означенного между берегом р. Енисей и Усинским трактом, где ею было обнаружено 1 городище, 1 сыродутный горн, 10 стоянок, 1 могильник карасукской культуры, 2 могильника с каменными кольцами, 776 курганов тагарской культуры в 40 пунктах. В 1943 г. рекогносцировочные исследования охватили южную часть Минусинского района – бассейны речек Нички, Лугавки, Кои. В результате было выявлено 12 стоянок, 963 кургана тагарской культуры в 45 пунктах, большой могильник таштыкской культуры (ок. 700 малых могил), 59 каменных курганов чаатас в 3 пунктах (АМКМ. Оп. 1. Д. 643. Л. 9–10). В.П. Левашёва тщательно составляла карты археологического обследования региона (АМКМ. Оп. 1. Д. 700; Инв. № 304). В музее она вела картотеку археологических памятников и составила каталог «Археологические памятники Минусинского музея» на 403 листах (НА ИА РАН. Ф. 12. Д. 156).

В годы Великой Отечественной войны В.П. Левашёвой приходилось бороться за существование музея и сохранение находок. Когда началась война, временно исполняющий обязанности директора музея Е.Ф. Гуцин, до революции скупающий у крестьян археологические находки и продающий их купцам, предлагал закрыть музей. Левашёва настаивала на сохранении музея и повышении его роли в работе с проходящими лечение в Минусинских госпиталях солдатами, для которых предлагала проводить агитационные экскурсии в отделе социалистического строительства. В конце 1941 г. исполняющим обязанности директора был назначен старый учитель Иссинский, который настоятельно рекомендовал сотрудникам сдать все археологические металлические находки для переплавки на вооружение армии. Варвара Павловна была единственным сотрудником музея с высокой профессиональной подготовкой. Большинство работников имели очень небольшой опыт музейной работы и среднее или незаконченное среднее образование (Китова, Дэвлет, 2010). Поэтому в апреле 1942 г. Левашёва подготовила и прочитала для коллектива лекцию об историко-культурном наследии, хранимом в музее. Варваре Павловне пришлось рассказывать о совершенно простых вещах, о том, что «экспонаты – это основа музея и всей музейной работы». Экспозиция, правильный показ музейных экспонатов – это одна из сфер политико-просветительной работы государства. «Для правильного показа экспонатов музей должен вести большую и сложную научно-исследовательскую работу по разным отраслям

наук». Особо она отметила роль фондов в музейном деле: «Музей, не имеющий фондов, – это все равно, что школа без учебников. Это бедный слабый музей». Она ратовала за сохранение его коллекций в годы войны (АМКМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 1–4). Вопрос об утилизации древних металлических изделий больше не ставился.

В.П. Левашёва за годы работы в Минусинском музее собрала большой фонд вещественных источников. Первую попытку введения их в научный оборот она предприняла в 1939 г.: опубликовала научно-популярную книжку «Из далекого прошлого южной части Красноярского края», в которой была охарактеризована древняя история юга Красноярского края от палеолита до XVII в. (Левашёва, 1939).

Борьба за выживание после ареста мужа, проживание с дочками в подвальном маленьком помещении, плюс нищенское и голодное существование в годы войны обострили болезнь В.П. Левашёвой и сформировали стойкое желание уехать из Минусинска. Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв посоветовали собрать все новые материалы по археологии юга Красноярского края и защитить кандидатскую диссертацию. В 1945 г. В.П. Левашёва опубликовала брошюру «Из прошлого Хакасии» (Левашёва, 1945), а в 1946 г. – статью «Бронзовый и железный века на юге Красноярского края» (Левашёва, 1946), по материалам которых в Москве была защищена кандидатская диссертация в 1945 г. В мае 1946 г. исследовательница с большим трудом уволилась из Минусинского музея и уехала в Москву.

Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947) окончил МГУ в 1923 г. и довольно поздно занялся профессионально археологией. С 1927 по 1934 гг. он был директором Бийского музея, с 1934 по 1937 г. возглавлял Ойротский [Горно-Алтайский. – Л.К.] музей, а затем вернулся в Бийский музей и проработал там до 1947 г.

Работая на Алтае, С.М. Сергеев открыл много археологических памятников от палеолита до средневековья включительно, которые затем будут исследовать археологи из столиц. Самые значительные раскопки он провел в 1930 г. на средства конторы «Новоэкспорт» (Китова, Вдовин, 2018. С. 61–62).

В 1935 г. С.М. Сергеев участвовал в работе Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.В. Киселёва и исследовал пазырыкские и древнетюркские погребения у с. Туэкта Онгудайского района (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 108). Будучи директором Ойротского музея, он был очень загружен делами по восстановлению

музея, который находился в состоянии полного развала, и практически не проводил археологических исследований. Тем не менее, он активно занимался вопросами охраны археологических памятников. В связи со строительством дороги Бийск – Кош-Агач в 1935–1937 гг. происходило массовое уничтожение курганов, и С.М. Сергеев писал во все инстанции: в управление дороги, вышестоящему начальству, в Комитет по охране памятников при Президиуме ВЦИК. В 1937 г. на него был написан донос и проведена проверка в музее, после которой он был отстранен от руководства Ойротским музеем, и вернулся в Бийск (Китова, 2007. С. 147–148).

С.М. Сергеев внес весомый вклад в создание Бийского музея и формирование его фондов. До сих пор по содержанию археологических коллекций Бийский музей является одним из богатейших в Сибири. Большую роль он сыграл и в воссоздании Горно-Алтайского музея, в деле открытия и охраны древних памятников Алтая.

В отличие от 1920-х гг. в обозначенный период археологические исследования не велись другими сибирскими музеями или были незначительными. Так, сотрудник Томского краевого музея Н.А. Чернышёв провел в 1938–1939 гг. археологические разведки вокруг Томска в радиусе более 100 км. В результате он обнаружил 100 памятников, которые были нанесены на археологическую карту края. О разведке он написал небольшой отчет, в котором отсутствуют как подробное описание памятников, так и какие-либо культурные и хронологические привязки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1938. Д. 71). Если и появлялись в сибирских музеях специалисты высокого уровня, то часто они даже не успевали себя проявить. В 1935 г., после отбывания ссылки в Западной Сибири, директором Кемеровского краеведческого музея была назначена Р.П. Митусова, антрополог, этнограф, археолог, ученица Ф.К. Волкова и С.И. Руденко, бывшая сотрудница этнографического отдела Русского музея. Главной ее задачей стало создание новой экспозиции музея и организация выставок к революционным праздникам. В музее был организован кружок из школьников, с которыми она посетила в 60 км от г. Кемерово знаменитый сегодня памятник наскального искусства – Томскую писаницу. Однако уже в 1937 г. она снова была арестована и приговорена «тройкой» НКВД к расстрелу.

В сибирских университетах (Томск, Иркутск) историческое образование возродилось только в 1940 г. Годы Великой

Отечественной войны не способствовали развитию археологии в стране, хотя в Томске после ссылки в 1940 г. поселился археолог-античник, профессор К.Э. Гриневич, возглавивший кафедру древней истории ТГУ. В 1941 г. в Томск был депортирован этнический немец, филолог, профессор А.П. Дульзон, которому с 1944 г. разрешили преподавать в Томском педагогическом институте.

В 1944–1946 гг. К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон организовали комплексную экспедицию ТГУ–ТГПИ по изучению урочища Басандайка в окрестностях Томска. Именно с этой экспедиции начались систематические археологические исследования в Томской области. Появление таких исследователей и преподавателей резко выделило Томск во второй половине 1940-х гг. как центр подготовки историков, привлекло студентов историко-филологического факультета ТГУ к занятию археологией.

Таким образом, сибирская археология во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг. развивалась главным образом за счет исследований ученых из Москвы и Ленинграда. Из местных исследователей выделяется В.П. Левашёва, научный сотрудник Минусинского музея. За указанный период благодаря деятельности С.В. Киселёва, Л.А. Евтюховой, В.П. Левашёвой, С.М. Сергеева, Г.П. Сосновского, М.П. Грязнова были открыты новые археологические памятники, собрано наибольшее количество вещественных источников на территории Южной Сибири (Саяно-Алтайского нагорья) от палеолита (Сросткинская стоянка) до средневековья. Вторым районом по интенсивности изучения стала Восточная Сибирь, где исследования проводили А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.П. Сосновский. В первую очередь выделяется долина р. Ангары и Якутия. Археологические источники впервые были изучены монографически и введены в научный оборот, в том числе в кандидатских (А.П. Окладникова, Л.А. Евтюховой, В.П. Левашёвой, Г.П. Сосновского) и докторских (С.В. Киселёва, А.П. Окладникова) диссертациях, а затем и монографических изданиях.

Литература

- Грязнов М.П.*, 1937. Пазырыкский курган М.; Л.: Изд-во АН СССР. 44 с.
Грязнов М.П., 1939. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). Ч. I–II. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 399–413.

- Грязнов М.П.*, 1940. Раскопки на Алтае (1939 г.) // СГЭ. Вып. 1. С. 17–21.
- Грязнов М.П.*, 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII. С. 9–17.
- Евтюхова Л.А.*, 1938. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // ТГИМ. Т. 8. С. 111–122.
- Евтюхова Л.А.*, 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ. 109 с.
- Евтюхова Л.А., Киселёв С.В.*, 1940. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ // КСИИМК. Вып. III. С. 39–42.
- Киселёв С.В.*, 1935. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. № 4–5. С. 206–210.
- Киселёв С.В.*, 1937а. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. // СА. III. С. 137–166.
- Киселёв С.В.*, 1937б. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакасии летом 1936 г. // СА. IV. С. 324–326.
- Киселёв С.В.*, 1949. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 364 с. (МИА. № 9)
- Китова Л.Ю.*, 2003. Значение Саяно-Алтайской экспедиции и исследований С.В. Киселёва в изучении археологических памятников Сибири // Археолого-этнографический сборник. Кемерово: КемГУ. С. 10–38.
- Китова Л.Ю.*, 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 272 с.
- Китова Л.Ю.*, 2010. Георгий Петрович Сосновский // РА. № 3. С. 146–153.
- Китова Л.Ю.*, 2014. История археологии Сибири: идеи и исследования (XVII в. – середина XX в.). Кемерово: КемГУ. 228 с.
- Китова Л.Ю., Вдовин А.С.*, 2018. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири. Из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово: ГБУ ДПО «КРИРПО». 176 с.
- Китова Л.Ю., Дэвлет М.А.*, 2010. Воспоминания В.П. Левашёвой о работе в Минусинском музее // Мартыановские краеведческие чтения. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. Вып. VI. С. 54–58.
- Леваиёва В.П.*, 1939. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск. 68 с.
- Леваиёва В.П.*, 1945. Из прошлого Хакасии. Абакан: Областное национальное изд-во. 18 с.
- Леваиёва В.П.*, 1946. Бронзовый и железный века на юге Красноярского края // Лит.-худож. альманах «Енисей». Красноярск. Кн. 3. С. 156–168.
- Окладников А.П.*, 1936. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // СА. I. С. 275–277.
- Окладников А.П.*, 1938. Археологические данные о древней истории Прибайкалья // ВДИ. № 1. С. 244–260.
- Окладников А.П.*, 1940. Буреть – новая палеолитическая стоянка на Ангаре // СА. V. С. 290–293.
- Окладников А.П.*, 1941. Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.) // Палеолит и неолит СССР. С. 104–108. (МИА. № 2)
- Окладников А.П.*, 1949. История Якутии: Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосизд. Т. 1. 440 с.

- Сосновский Г.П.*, 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II межд. конф. АИЧПЕ. Вып. 5. Л.; М.: АИЧПЕ. С. 246–320.
- Сосновский Г.П., Герасимов М.М.*, 1937. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальте // ТССАИЧП. Л. Вып. 1. С. 278–295.
- Сосновский Г.П.*, 1941. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь // Палеолит и неолит СССР. С. 109–125. (МИА. № 2)

В.В. Левченко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУЦИЙ В ОДЕССЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – 1940-х ГОДАХ

Резюме. Статья посвящена деятельности археологических институций в Одессе во второй половине 1930-х – 1940-х гг., период, который был связан со многими радикальными трансформациями в жизни страны. Проанализированы основные особенности в изменениях форм организации проведения археологических исследований в рассматриваемый период. Установлено, что советская власть, воспринимавшая науку, в частности археологию, как основную движущую силу не только культурного, но и социального и политического прогресса, формировала новые требования к ней и ученому сообществу на основах марксистско-ленинской идеологии. Раннесоветский период и время румынско-немецкой оккупации Одессы в развитии археологии характеризовались не только формированием новых институциональных форм, но и репрессивными действиями властей, желавших сделать науку механизмом для реализации своих политических целей, а не сферой развития знания. Несмотря на наличие негативных моментов в развитии археологии в указанный период, в этой области продолжали работать многие ученые.

Ключевые слова: археология, история, наука, институции, Одесса, региональная археология, раскопки, экспедиции.

Деятельность археологических институций в Одессе в указанный период по-прежнему строилась на фундаменте дореволюционной российской археологии. Организационная преемственность проявлялась в том, что национализированный в марте 1920 г. музей бывшего Императорского Одесского общества истории и древностей (ИООИД) составил основу Одесского историко-археологического музея (ОИАМ)¹, а кафедру истории древнего

¹ В рассматриваемый период название музея неоднократно менялось: 1930–1938 гг. – Всеукраинский исторический музей в г. Одессе; 1938–1945 гг. –

мира и археологии на открытом в 1934 г. историческом факультете² учрежденного в 1933 г. Одесского государственного университета (ОГУ), возглавил профессор Б.В. Варнеке³, который в 1913–1919 гг. заведовал музеем ИООИД. Несмотря на статус профильной университетской кафедры, обеспечивающей подготовку специалистов и преемственность научных исследований, она не стала средоточием формирования основ археологического центра как в Одессе, так и в ее регионе, и республике Украине. Планомерных действий всех учебно-научных заведений и учреждений по организации экспедиций и участия в них, координации деятельности археологического сообщества не было, что не способствовало доведению процесса институционализации археологии на юге УССР из дискретного состояния до логического завершения.

В 1934–1941 гг. кризис системы высшего образования, отсутствие на протяжении предшествующих 12 лет учреждений, осуществлявших подготовку археологов, недостаток финансирования научных исследований, активное вмешательство государственно-партийных структур в деятельность вузов и научных обществ, привели к тому, что штаты археологов оставались малочисленными, а руководящие должности занимали представители власти. Примером этого являются руководители ОИАМ, среди которых было очень много «случайных людей», не имевших никакого отношения к науке. Главным критерием их утверждения на должности директора музея являлось членство в коммунистической партии и преданное служение политике советской власти. После увольнения в марте 1932 г. с должности директора музея М.Ф. Болтенко⁴

Одесский историко-археологический музей; 1945–1947 гг. – Одесский государственный историко-краеведческий музей; 1947–1950 гг. – Одесский государственный историко-археологический музей. В статье указываем название, которое охватывает больший хронологический период данного исследования.

² 15 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», предусматривающее исправление допущенных идеологических ошибок в воспитании молодого поколения, и о восстановлении с 1 сентября 1934 г. исторических факультетов во всех университетах страны с целью подготовки большего количества новых кадров учителей истории.

³ Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) – филолог-классик, историк театра, культуролог, профессор Казанского (1904–1910), Новороссийского (1910–1920) и Одесского (1937–1944) университетов.

⁴ Болтенко Михаил Федорович (1888–1959) – археолог, ученик профессора Э.Р. фон Штерна. Участник раскопок древнегреческого поселения на острове

(1930–1932) на протяжении девяти с половиной лет (с марта 1932 г. по август 1941 г.) руководителями ОИАМ были 5 человек: В.Ф. Ковальский (1932–1935), Т.М. Внуков⁵ (1935–1937), и. о. Г.Ф. Лукьянчиков (1937–1938), К.А. Раевский (1938–1941), временно исполняющая обязанности Сыскова (июнь–август 1941). Из них только один был специалистом в области археологии – К.А. Раевский (*Раевский*, 1939; 1955). Именно благодаря его огромным усилиям удалось восстановить присущую археологическому учреждению инфраструктуру и проводить активную исследовательскую работу (*Охотников*, 2010. С. 65). По состоянию на первую половину 1941 г. в штат научных сотрудников ОИАМ входило только 6 человек: директор К.А. Раевский, ученый секретарь М.Ф. Болтенко, сотрудники С.В. Донич⁶, В.И. Селинов⁷, Г.Д. Штейнванд⁸ (О научной работе..., 1941. С. 142) и М.С. Синицын⁹. К тому же за последние 3 года профессиональная корпорация археологов музея понесла две ощутимые потери. В 1938 и 1940 г. из штата ОИАМ в Институт археологии АН УССР на должности старших научных сотрудников были переведены Е.Ф. Лагодовская¹⁰ (*Левченко*,

Березань, античных городов Ольвии и Тиры. В 1921 г. при проведении в с. Усатово самостоятельной полевой и исследовательской работы открыл памятники культуры, которая получила название усатовской.

⁵ Внуков Тихон Митрофанович (1890–1937) – педагог. С 1909 г. в звании народного учителя работал в земской школе Малоархангельского уезда Орловской губернии. С 1919 г. член РКП(б). В 1921–1926 гг. председатель Одесского губернского комитета профессионально-технического и специально-научного образования. Ректор Одесского института народного образования (1926–1930). В 1937 г. репрессирован (*Смирнов*, 2005).

⁶ Донич Сергей Владимирович (1900–1958) – египтолог, нумизмат. В 1927–1941 гг. по совместительству заведовал отделом Древнего Востока в ОИАМ (*Левченко*, *Урсу*, 2009).

⁷ Селинов Валентин Иванович (1876–1946) – археолог, историк, культуролог. В 1930–1941 гг. заведующий отделом феодализма и торгового капитализма в Надчерноморских странах ОИАМ. Изучал древнегреческие поселения в Ольвии (1936) и Лузановке (1937–1939), а также усатовскую культуру (1936) (*Смирнов*, 2007; *Левченко*, 2006).

⁸ Штейнванд Герборд Данилович (1896–19??) – археолог. В 1927–1930 гг. – аспирант, а в 1939–1944 гг. – сотрудник ОИАМ. Изучал историю греческих поселений (*Левченко*, 2009д).

⁹ Синицын Моисей Сергеевич (1899–1973) – археолог, музеевед. В 1939–1941 гг. старший научный сотрудник ОИАМ. Занимался исследованиями памятников эпохи бронзы и скифо-сарматского времени (*Секерская*, *Крисилова*, 2017).

¹⁰ Лагодовская Елена Фёдоровна (1899–1958) – археолог. В 1930–1938 гг. занимала должность заведующей отделом первобытного общества и древнего рабов-

2009в) и А.В. Добровольский¹¹ (Левченко, 2009а). Именно эта генерация ученых, выросшая на традициях дореволюционной археологии, своей деятельностью сохраняла преемственность в развитии археологической науки в Одессе и определяла структуру, проблематику и основные ее направления.

За годы второй половины 1930-х гг. сообщество одесских археологов не пополнил ни один из выпускников исторического факультета ОГУ, при том, что до войны было три выпуска молодых специалистов (в 1938, 1939 и 1940 гг.). Тем более, что среди них были кадры с высоким потенциалом проведения исследований в области археологии. Например, Ю.Н. Захарук¹², который начал учебу на историческом факультете ОГУ в 1934 г. на II курсе. Согласно приказу ректора И.Ф. Шмидта¹³ № 170 от 30 августа 1935 г. Ю.Н. Захарук был переведен со II на III курс (Архив ОНУ. Ф. 36247. Оп. 1. Д. 5. Л. 153). После окончания в 1938 г. ОГУ по распределению работал учителем истории в школе с. Ирбей Красноярского края. В конце 1939 г. начал работать в Житомирском краеведческом музее. Первое знакомство Ю.Н. Захарука с практической археологией произошло в студенческие годы, когда летом 1938 г. он участвовал в работе Сабатиновской экспедиции под руководством Е.Ф. Лаговойской (Ляшко, Відейко, 2015. С. 309), которая и сыграла положительную роль в становлении молодого ученого, пригласив его в 1940 г. в аспирантуру Института археологии АН УССР, где она занимала должность старшего научного сотрудника.

Во второй половине 1930-х гг. экспедиционная работа одесских археологов-профессионалов была организована в соответствии с общесоюзным планом научно-исследовательских работ по археологии. Она находилась под контролем ИИМК АН СССР, Управления по делам искусства при СНК УССР (Давидов, 1936), Института археологии АН УССР (Есипенко, 1957б. С. 106) и фи-

ладельческого Востока ОИАМ. Проводила раскопки трипольской и усатовской культур (Левченко, 2009в).

¹¹ Добровольский Аркадий Викторович (1885–1956) – археолог. В 1939–1940 гг. работал в ОИАМ. Проводил раскопки трипольской культуры (Левченко, 2009а).

¹² Захарук Юрий Николаевич (1914–1997) – археолог, специалист по истории первобытного общества, теории и методологии археологии. В 1971–1986 гг. занимал должность заместителя директора по научной работе в Институте археологии АН СССР, а с 1986 г. – ведущий научный сотрудник (Ляшко, Відейко, 2015).

¹³ Шмидт (Гольдшмидт) Исаак Файвелевич (1896–1975) – в 1933–1936 гг. ректор ОГУ.

нансировалась НКП УССР (*Раевский*, 1939. С. 141). Отличительной чертой этого процесса являлось преобладание научного интереса при выборе объектов полевых исследований, носивших систематический и продолжительный характер. Преимущественно научные интересы обусловили возобновление работ в южном регионе УССР в первую очередь на тех объектах, начало исследования которых относилось еще к дореволюционному времени или к 1920-м гг. Например, экспедиции в Ольвию (ныне Очаковский район Николаевской обл.), последний досоветский сезон которых состоялся в 1917 г., были организованы в 1935 г. (руководитель Ф.А. Козубовский, участники Л.М. Славин, Ф.М. Молчановский, Г.О. Цветаева и др.) и 1936–1937 гг. (руководитель Л.М. Славин, участники Д.И. Нудельман, В.И. Селинов и др.) (*Левченко*, 2018. С. 158–159). В 1936–1938 гг. Е.Ф. Лагодовская и В.И. Селинов продолжили раскопки в с. Усатово (ныне Одесский район Одесской обл.), проводимые с 1921 г. и до начала 1930-х гг. М.Ф. Болтенко, открывшим древнее поселение вместе с курганными и бескурганными погребениями, относящимися ко второй половине II тыс. до н.э. (*Селинов, Лагодовская*, 1940). В 1937–1939 гг. В.И. Селинов вел начатые еще в 1929 г. раскопки поселения IV–III вв. до н.э. в городском предместье Лузановке (сегодня микрорайон Одессы) (*Синицын*, 1957). Среди исследований одесских археологов были и впервые начатые именно во второй половине 1930-х гг. Так, в 1935–1937 гг. профессор В.И. Селинов раскопал группы курганов близ с. Петровского (ныне с. Петрово Беляевского района Одесской обл.). Новооткрытые курганные погребения были датированы концом XIII – началом XIV в. и относились ко времени господства в Причерноморских степях Золотой Орды. Летом 1938 г. директор музея К.А. Раевский впервые произвел разведки по левому и правому (склон Жеваховой горы) берегам Куяльницкого лимана, которые дали подъемный материал, относящийся к греко-скифской и более поздней эпохам. Летом того же 1938 г. Е.Ф. Лагодовская и А.В. Добровольский предприняли раскопки в с. Сабатиновке (сейчас Благовещенского района Кировоградской обл.). Найденные учеными артефакты свидетельствовали о том, что на этой территории проживало население с неолитических времен вплоть до скифской поры (*Раевский*, 1939. С. 141–143). Перед началом войны К.А. Раевский исследовал широкую площадь хутора Кисёлово (сегодня часть микрорайона Лузановка) и связал найденные материалы с черняховской культурой II–IV вв. н.э.

(Раевский, 1955). Как видим, сотрудники ОИАМ активно участвовали в работе как академических экспедиций, так и в самостоятельных исследованиях. Все проводимые одесскими археологами полевые работы второй половины 1930-х гг. были приостановлены началом Великой Отечественной войны.

В это же время происходили попытки активизации археологической деятельности местных организаций и учреждений (музеев и высших учебных заведений), но векторы их направленности были разными. Руководство ОИАМ активно сотрудничало с представителями академической науки, прежде всего, финансируя (в полном объеме или частично) экспедиции. В ответ ученые из других научных центров, принимавшие участие в раскопках, не только пополняли археологические коллекции музеев, но и оказывали помощь в организации археологических экспозиций. Полученные во время полевых исследований материалы пополняли фонды музея и находили отражение преимущественно в публикациях в местной прессе (Нові цінні..., 1935; Археологічні розкопки..., 1936; Давидов, 1936; Розкопки в Ольвії..., 1936; Селінов, 1936; 1940). Постепенно ситуация с материальным и техническим обеспечением изменялась в лучшую сторону. В конце 1930-х гг. ОИАМ был размещен в специально приспособленном здании. В короткие сроки была восстановлена экспозиция музея и приведены в порядок его фонды (Синицын, 1960. С. 12). Его просторные выставочные залы поражали обилием ценнейших памятников культуры Северного Черноморского побережья (О научной работе..., 1941. С. 142). Значительным недостатком этого периода являлось неучастие в экспедициях студентов исторического факультета ОГУ.

Во второй половине 1930-х гг. произошел разрыв в отношениях между археологами всех учебно-научных учреждений Одессы равно как и с другими научными центрами УССР. К дистанционированию друг от друга и на личном уровне на основе общественно-политических взглядов¹⁴, и на уровне институций их подтолкнула

¹⁴ Конфликт в сообществе археологов зародился в 1920 г., когда последних представителей ИООИД (Б.В. Варнеке и А.В. Флоровского) советская власть отстранила от руководящих должностей, а их места в музее заняли новые люди (М.Ф. Болтенко и С.С. Дложевский), олицетворявшие новое правительство (Охотников, 2010. С. 59). В 1920-е гг. конфликт между представителями позднеимперской и раннесоветской генерациями археологов обострился (Левченко, 2021), а его апогей пришелся на 1930-е гг., что стало одним из аргументов для проведения политических репрессий

проводимая советской властью политика тотального контроля над проведением научных исследований, которая влияла на судьбы многих ученых. Как следствие, крупным недостатком в научной работе исторического факультета ОГУ была его изолированность от научной работы других исторических учреждений Одессы и СССР в целом. В области проведения археологических исследований ученые ОГУ не поддерживали научные контакты с сотрудниками ОИАМ, которые, в отличие от университетских коллег, проводили активную исследовательскую работу по археологии. Вследствие этого, в программе научной сессии исторического факультета ОГУ, проходившей 14–18 апреля 1941 г., не было ни одного доклада сотрудников ОИАМ по археологии или по истории Причерноморья и Востока (О научной работе..., 1941. С. 141). Этот факт подтверждает и состоявшееся 11 апреля 1941 г. на историческом факультете ОГУ совещание историков Одессы, на котором присутствовало около 60 научных работников. Один из присутствующих археологов – В.И. Селинов – отметил разобщенность историков города, подчеркнул, что в научном сборнике ОИАМ, в котором принимали участие ученые Киева и Москвы, не участвовали коллеги по историческому факультету ОГУ (Там же. С. 142–143). Инициатива сотрудников музея в налаживании научных взаимоотношений с коллегами из других городов СССР получила отображение в их планах организовать осенью 1941 г. научную конференцию, посвященную вопросам усаатовской культуры. На нее были приглашены научные работники Киева, Москвы и Ленинграда (Там же. С. 142), но начало войны не позволило реализовать задуманную идею.

На этом же совещании историков Одессы был поднят вопрос о возрождении публикации научных трудов одесских археологов в центральных академических изданиях. В целом на протяжении 1930-х гг. одновременно прекратилось печатание и так малого количества научных изданий археологического профиля. В результате соответствующей политики советской власти немало изъятых из научного оборота материалов бесследно исчезло, другие долго будут оставаться изолированными от общества в спецхранилищах.

В ответ на выступление на совещании представителя редакции журнала «Историк-марксист» А.Л. Сидорова, сделавшего сообщение о плане работы этого печатного органа Института истории АН СССР, одесский историк В.И. Селинов выступил с инициативой: в связи с тем, что в журнале мало материалов по археологии, следовало бы заполнить этот пробел регулярными отчетами о ре-

зультатах крупных археологических экспедиций и о работе научных конференций, в частности публикациям о результатах работы археологов по изучению Северного Причерноморья отводить гораздо больше места на страницах журнала (О научной работе..., 1941. С. 142–144).

Вопрос о возрождении публикации научных трудов украинских археологов в республиканских и центральных академических изданиях в конце 1930-х гг. поднимался неоднократно. В 1939 г. Институт археологии АН УССР предполагал выпустить отдельный сборник, посвященный усатовской культуре, в котором должны были принять участие научные работники Одессы (Е.Ф. Лагодовская, В.И. Селинов, А.В. Добровольский, А.А. Браунер) и центра (Т.С. Пассек и др.) (*Раевский*, 1939. С. 143). После многолетнего перерыва в практике публикации научной продукции в 1939 г. руководство ОИАМ готовило юбилейное издание «Записки Одесского историко-археологического музея. 100 работы», посвященное столетию со дня основания ИООИД. Был собран материал, подготовлены статьи, набран и сверстан макет (*Охотников*, 2010. С. 65), но скорее всего из-за идеологических причин издать его не удалось. В 1940 г. ОИАМ подготовил сборник «Записок» (30 печатных листов), посвященный исследованию древней культуры северного побережья Черного моря. В 1941 г. он был набран, сверстан и сдан в печать (*Синицын*, 1960. С. 12). В том же году был подготовлен второй том «Записок», специально посвященный вопросам усатовской культуры (О научной работе..., 1941. С. 142). Из-за начавшейся войны оба тома изданы не были.

Международные научные коммуникации одесских археологов, начиная с начала 1930-х гг., постепенно сворачивались. Ситуация с поездками на всесоюзные и зарубежные научные форумы радикально менялась. Первоочередной причиной было недостаточное финансовое обеспечение, а политический контроль, который стал решающим фактором. В 1930-х гг. участие ученых в коммуникационных и информационных связях резко сократилось. Поддерживать научные коммуникации разрешалось только небольшой группе лиц, которая официально представляла советскую научную элиту. Постепенно получение разрешения на научные командировки становилось проблемным даже для ученых, имя которых было довольно известным в научном мире, что не способствовало задействованию всего спектра коммуникационных взаимоотношений для развития археологии.

Середина 1930-х гг. стала временем испытаний для одесских археологов. Помимо идеологической ломки, ставшей началом утверждения марксистского подхода в науке, произошла и подлинная трагедия, приведшая вследствие политических репрессий к гибели или отказу от продолжения своей деятельности значительного числа ученых. Начиная с середины 1930-х гг. прокатилась новая волна репрессий против научной интеллигенции. 28 декабря 1933 г. Одесским областным отделом ГПУ УССР по обвинению в контрреволюционной деятельности был арестован Г.Д. Штейнванд и постановлением судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 26 февраля 1934 г. был приговорен к пяти годам пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Отбывая наказание в Ухто-Ижемском лагере, в 1938 г. он был арестован второй раз. В связи с определенными обстоятельствами следственных действий постановлением УНКВД по Одесской области от 31 октября 1939 г. был освобожден из-под стражи (Левченко, 2009д. С. 450). Авторитетный археолог М.Ф. Болтенко в 1932 г. был уволен из ОИАМ как «украинский националист», а в 1934 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» и «шпионстве на пользу Японии» получил пятилетний срок ссылки. В Одессу вернулся в 1939 г. (Нестуля, 1991. С. 150–151). Т.Г. Теохариди 16 декабря 1937 г. был арестован как «греческий шпион», а 14 февраля 1938 г. расстрелян (Левченко, 2017б. С. 112). Решением Выездной Коллегии Верховного Суда СССР от 23 сентября 1937 г. директор ОИАМ Т.М. Внуков был приговорен к смертной казни (расстрел приведен в исполнение 24 сентября 1937 г.) (Смирнов, 2005. С. 142). Репрессии затронули ученых не только старшего поколения, дореволюционной школы (М.Ф. Болтенко), но и молодой генерации (Т.Г. Теохариди, Г.Д. Штейнванд), да и преданных партии коммунистов с многолетним стажем (Т.М. Внуков).

Трагические события 30-х гг. XX в. коренным образом изменили ситуацию в процессе институционализации археологии как в Одессе, так и в целом в стране. Репрессии против археологов приводят к упадку полевой археологии на территории УССР. Главной проблемой застоя в активной учебной и научной деятельности в ОГУ также была кадровая. Подобная ситуация привела к тому, что в Одессе как одном из ведущих археологических научных центров в конце 1930-х гг. было всего четыре археолога, имевших опыт проведения самостоятельных полевых исследований (А.В. Добровольский, Е.Ф. Лагодовская, К.А. Раевский,

В.И. Селинов). Ученым было очень сложно публиковать свои труды, а в большинстве случаев просто невозможно. Основную проблему создавали новые установки в идеологической сфере, которые менялись с калейдоскопической быстротой и были призваны пересмотреть каноны «старой» науки, представлявшей предыдущую власть. В поисках теоретико-методологического обоснования археологии как науки тон задавали официозные теоретики, утверждавшие, что она не имеет право на существование как самостоятельная и даже вспомогательная наука. Поэтому она постепенно утрачивала свою первозданную специфику и растворялась в социологии (Формозов, 1993. С. 77). В 1930-х гг. своеобразие процесса формирования научного сообщества археологов определялось советской властью и коммунистической партией, которые контролировали кадровую ситуацию, тематику исследований, доступ к материалам, держали под наблюдением жизнь и деятельность ученых.

В результате процесса идеологизации науки сфера научных изданий приобрела черты тоталитарного контроля. Тематика и содержание научных исследований все теснее были связаны с усилением административного давления на ученых и желанием государства подчинить их своему диктату. Политизация и идеологизация науки существенно сократили объем исследований и ограничили научные коммуникации, что привело к резкому уменьшению количества научных изданий и публикаций. Как сказано выше, основным местом публикаций ученых стали газеты, где перед тем, как выходила статья, она проходила многоуровневую «фильтрацию». Отметим значение научной периодики как источника изучения истории отечественной науки в сложных общественно-политических и социально-экономических условиях 1930-х гг. На фоне этих событий археология во второй половине 1930-х гг. в целом не только не прекратила свое существование (как это случилось с генеалогией, геральдикой, историей церкви, историей христианского искусства), но и сделала определенный шаг вперед с открытием новых археологических памятников.

Несмотря на наличие негативных моментов в развитии археологии во второй половине 1930-х гг., в этой области продолжали работать много серьезных ученых, которые на основе научных принципов тщательно проводили раскопки, скрупулезно обрабатывали и описывали коллекции, искали пути их исторической интерпретации и оставались преданными идеалам науки. Для развития археологической науки в Одессе 1934–1941 гг. оказались ис-

ключительно значимым периодом, в ходе которого произошло расширение ареала исследуемых памятников, в научный оборот вводились новые материалы, требовавшие осмысления, постановки и решения новых задач. Следовательно, вторую половину 1930-х гг. можно назвать «золотым временем» советской эпохи в проведении полевых археологических исследований на юге СССР. Именно это поколение своей деятельностью сохранило преемственность в развитии археологии в Северном Причерноморье и определило структуру, проблематику и основные направления развития археологической науки на последующие годы.

В период с августа по октябрь 1941 г. – время героической обороны Одессы – ОИАМ сильно пострадал. Возле его здания, представляющего собой памятник архитектуры, взорвалось несколько авиабомб, были выбиты стекла, снесена часть крыши. Экспонаты начали готовить к отправке, но не нашли соответствующей тары, а без нее коллекции погибли бы. В подобных условиях Эвакуационная комиссия сочла возможным оставить их на месте (за исключением предметов из драгоценных металлов, которые были сданы в банк) (Охотников, 2010. С. 65).

Нападение нацистской Германии на СССР и временная немецко-румынская оккупация Одессы прервали интенсивную работу одесских археологов. С приходом в Одессу немецко-румынских войск город стал столицей губернаторства Транснистрии, а ОИАМ вошел в ведомство Дирекции культуры примарии Одесского муниципалитета. Незначительная часть служащих ОИАМ пополнили ряды Советской армии, а основная их часть не смогла эвакуироваться, хотя директор музея М.С. Сеницын в одной из статей указывал, что «основные работники музея <...> эвакуировались на восток», а на месте остались «...старички и старухи, главным образом, технические работники...» (Сеницын, 1960. С. 12). На самом деле в оккупации осталась значительная часть опытных сотрудников музея, которые продолжали быть верными своему призванию, несмотря ни на какие невзгоды. В залах проводили ремонт, шла реставрация экспонатов. 20 сентября 1942 г. ОИАМ был открыт для посетителей, а с 1 апреля 1943 г. он вошел в состав научно-исследовательских институтов Румынского королевского университета (университет Транснистрии, бывший ОГУ). В период с 1 ноября 1941 г., когда вступил в исполнение обязанностей директора ОИАМ (ГАОО. Ф. 4127. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1), и до марта 1944 г. директором музея являлся профессор В.И. Селинов,

который руководил работой всех его 5 отделов: древнего Египта, первобытного общества, древнегреческих колоний Северного Причерноморья, средневековья, нумизматики и библиотеки (насчитывала более 20 тыс. томов). По состоянию на октябрь 1942 г. в музее числилось 5 старших научных работников – С.В. Донич, Л.А. Кузнецова, М.А. Москетти, В.А. Пора-Леонovich (*Селинов, 1943а; Левченко, 2009 г.*), А.К. Фаас-Щербина, и художник Х.С. Чернявский (ГАОО. Ф. 4127. Оп. 1. Д. 2. Л. 267).

В музее постоянно шла работа по реставрации древних vaz, терракотовых статуэток и большого количества керамического материала. Регулярно проводились практические занятия студентов историко-филологического факультета (Практические занятия..., 1943). Сотрудники музея поддерживали связи с музеями и университетами Бухареста и Ясс, откуда получали научную историческую литературу. Под руководством В.И. Селинова проводили исследования: А.И. Занчевский – упорядочивал материалы первобытного общества (*Левченко, 2009б*), С.В. Донич – нумизматика, Л.А. Кузнецова и М.А. Москетти – описание и заключение каталогов светильников и чаш греко-римского периода (Историко-археологический..., 1943). Во время работы в музее В.И. Селинов подготовил труды «Филиал Ольвии на территории Одессы» (зачитана 15 февраля 1943 г. во время научной сессии посвященной годовщине университета); «Ольвийские монеты римского периода» (соавторы Скорупко, Куцегеоргиу, С.В. Донич); монографии «История колонизации территории между Днестром и Бугом» (соавторы А.И. Занчевский, Л.А. Кузнецова, М.А. Москетти)¹⁵; «Очерки по истории Транснистрии и Одессы» (*Селинов, 1943б*); «Историко-этнографическая карта Транснистрии» (соавтор художник Х.С. Чернявский) и «Древние причерноморские поселения между Бугом и Днестром периода торгового расцвета Ольвии в 4–3 вв. до Рождества Христова», которая стала темой докторской диссертации, защищенной 30 октября 1943 г. (Защита..., 1943а; *Левченко, 2016*). Также к изданию были представлены работы одесских археологов, которые в период оккупации не находились в городе: М.Ф. Болтенко «Легенды о происхождении скифов» и А.В. Добровольского «Поселение трипольской культуры в селе Сабановка на Южном Буге» (В археологическом...,

¹⁵ Ее предполагалось издать на румынском и русском языках (История колонизации..., 1944).

1943а, 1943б; В историко-археологическом..., 1943). Одним из учеников В.И. Селинова был студент четвертого курса ОГУ, будущий историк, нумизмат, исследователь греческой и латинской эпиграфики Северного Причерноморья, профессор П.О. Карышковский (1921–1988). На наш взгляд, именно В.И. Селинов способствовал формированию научных интересов молодого ученого в направлении изучения истории античности Северного Причерноморья (Левченко, 2011а; 2013).

Всеми силами старались сотрудники музея сохранить уникальные коллекции музея, но «Трофейная комиссия» оккупационных властей, активно работала по составлению списков наиболее ценных предметов для их вывоза. Среди членов этой комиссии были румынские археологи П. Никореску, Р. Вулпе, М. Петреску-Дымбовица. С приближением к Одессе советских войск деятельность комиссии существенно активизировалась. Были подготовлены специальные акты с перечнем предметов, подлежащих вывозу. Всего было упаковано 139 ящиков, многие вещи грузились в спешке без надлежащей упаковки, часть артефактов была утеряна по дороге (Охотников, 2010. С. 65–66). Румынская «Трофейная комиссия» вывезла основные коллекции ОИАМ в Бухарест и Яссы. Большое количество предметов древности в результате деятельности оккупантов утеряло паспорта, значительная часть предметов была просто ими украдена. Помимо разрушения археологических коллекций, захватчики основательно разграбили и библиотеку музея – похитили более 20 тыс. томов редких книг и около 6 тыс. рукописей (Есипенко, 1957б. С. 107). Рукописный фонд был фактически уничтожен. Некоторые археологические издания и многие ценные рукописи пропали навсегда (Синицын, 1960. С. 12).

После изгнания из Одессы 10 апреля 1944 г. немецко-румынских оккупантов сотрудники ОИАМ, получившего вновь статус самостоятельной научно-исследовательской организации, приступили к его восстановлению. Оно началось с ремонта здания, которое было сильно повреждено. Были выбиты окна и двери, во многих местах крыша была пробита осколками снарядов, а в одном из залов неразорвавшийся снаряд пробил потолок. В результате хозяйничанья оккупантов фонды ОИАМ представляли собой кучи археологических материалов, сваленных на полу. Нумизматическая коллекция и собрание античных ваз были полностью вывезены захватчиками. В таких сложных условиях сотрудники музея приступили к систематизации имеющихся археологических ма-

териалов, собиранию археологических находок, восстановлению их паспортов и организации фондов. Благодаря преданности сотрудников музея удалось сохранить акты «Трофейной комиссии», что чрезвычайно помогло при возвращении экспонатов после окончания войны (Синицын, 1960. С. 12). К 1945 г. в ОИАМ вернули большинство коллекций, но некоторые вещи пропали навсегда. Музейные раритеты, возвращенные в Одессу, были оценены в 154 млн. 270 тыс. руб., а фонд библиотеки – в 1 млн. 300 тыс. руб. (Охотников, 2010. С. 66).

Трагически сложилась судьба многих археологов, которые в период оккупации ради выживания были вынуждены сотрудничать с немецко-румынскими властями. Органами НКВД был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых колоний В.И. Селинов. На допросах 69-летнего профессора обвиняли в том, что, оставшись в августе 1941 г. (в возрасте 65 лет) в должности директора музея он не способствовал эвакуации ценностей учреждения. В ответ он доказывал, что за помощь для сохранения экспонатов музея обращался к руководству железнодорожной дороги (не предоставили вагонов), порта (не было соответствующей тары), областного отдела народного образования, прокуратуры области, которые никаким образом, не способствовали сохранению ценностей. Основной же темой обвинения были опубликованные статьи в местной печати. В них он восторженно рассказывал об историко-культурном значении Одессы, о стилях архитектурных ансамблей города и необходимости восстановления разрушенных памятников. Только в содержании одной из девяти статей этого периода («Родная Одесса»), находим антисоветские высказывания: «Бежавшие коммунистические правители оставили наш город без воды, электрической энергии и трамваев, без фабрик и заводов, с мостовыми, изуродованными нелепыми баррикадами, бездействующими культурными учреждениями. От былой красавицы Одессы остались полуразрушенные здания и многотысячное население, не знающее, что делать». Следователями были изъяты и сожжены семь работ ученого: «Перед завесой новой жизни», «Одесские улицы», «Один из архитектурных ансамблей Одессы», «Очерки по истории Транснистрии и Одессы», «Родная Одесса», «Памятник М.С. Воронцову», «Центр приморского бульвара» (Смирнов, 2007. С. 126). Скончался В.И. Селинов 16 февраля 1946 г. в местах заключения в Днепропетровской области. Реабилитирован 21 июля 1997 г. (Левченко, 2017а. С. 250).

Также органами НКВД 4 ноября 1945 г. был арестован, а 5 января 1946 г. приговорен к 10 годам исправительно-трудового лагеря С.В. Донич. В его защиту как единственного в УССР учено-египтолога выступил академик И.Ю. Крачковский, благодаря которому Донич 13 ноября 1946 г. был освобожден из тюрьмы по амнистии, но с запретом заниматься научной деятельностью (Левченко, Урсу, 2009. С. 132). В 1944 г. по обвинению в измене Родине также был арестован 70-летний Б.В. Варнеке. Его этапировали в Киев, где он умер в больнице при областной Лукьяновской тюрьме 31 июля 1944 г. 29 ноября 1955 г. ученый был реабилитирован «за недоказанностью предъявленного обвинения» (Левченко, 2011б. С. 238). Парадоксом судеб этих ученых стало то, что, мало интересовавшись политикой, не увлекавшись порядками румынской и германской администраций, равно, как и советской, но, нарушив во время оккупации строгие требования к облику советского гражданина, они оказались виновными в происшедших событиях войны.

С налаживанием мирной жизни в 1948 г. в ОИАМ провели сплошную переинвентаризацию музейных коллекций, были введены новые инвентарные карточки (Охотников, 2010. С. 66). Благодаря кропотливому труду сотрудников музея к 1950 г. его археологические коллекции в основном были восстановлены. Паспорта некоторой части археологических материалов не были обновлены, а некоторые предметы навсегда остались беспаспортными. Незначительная часть археологических памятников, украденная из музея немецко-румынскими оккупантами, навсегда погибла для науки (Синицын, 1960. С. 12).

Полевые археологические исследования одесские археологи возобновили сразу же по окончании войны. В 1945–1946 гг. были произведены разведки и раскопки на побережьях Сухого, Хаджибейского, Куяльницкого и Тилигульского лиманов с прилегающими к ним балками, а также всей морской береговой линии, где были выявлены археологические памятники скифо-сарматских времен (Синицын, 1949; 1950). В 1946–1947 гг. в сравнительно крупных масштабах производились раскопки античных поселений на о. Березани и в с. Ильинка (Беяевский район Одесской обл.), соответственно, М.Ф. Болтенко (Болтенко, 1947; 1949) и М.С. Синицыным. В эти же годы продолжались исследования археологических культур в с. Грушевка (Первомайский район Одесской обл.) и в с. Усатово. В 1949–1950 гг. М.С. Синицын

и Л.М. Славин провели раскопки городищ у хутора Петуховки (Очаковский район Николаевской области) (*Синицын*, 1952), а М.Ф. Болтенко, С.И. Капошина и Л.М. Славин в селах Викторовка и Рыбаковка (оба Березанского района Николаевской обл.). В эти же годы в селах Александровка и Кирилловка (Кодымский район Одесской обл.) А.Л. Есипенко проводил раскопки трипольских памятников (*Есипенко*, 1977а; 1957б. С. 107–109; *Синицын*, 1960. С. 13). Одним из приоритетных векторов научно-исследовательской деятельности одесских археологов в конце 1940-х гг., в угоду текущей политической ситуации после победы советского народа в Великой Отечественной войне над историческим врагом славянских этносов – германским захватчиком, стало изучение древней истории славян в Северном Причерноморье. Результатом были доклады ученых, заслушанные на заседаниях Научно-методического совета ОИАМ: М.Ф. Болтенко – «Древнейшие славянские поселения в Северном Причерноморье» и М.С. Синицина – «Этнографическое единство славянских народов» (оба 30 октября 1949 г.), А.А. Кравченко – «Раннеславянское поселение Викторовка II на берегу Березанского лимана» (январь 1951 г.) и «Славянские металлические застежки из урочища Холодная вода (Суук-Су) в Крыму» (8 апреля 1951 г.) (*Есипенко*, 1957б. С. 112).

В первые послевоенные годы, равно как и до войны, археологи ОИАМ проводили полевые исследования в тесном содружестве с коллегами из Киева, Ленинграда, Москвы и других городов страны. При этом у них отсутствовала взаимосвязь с археологами одесских вузов – ОГУ и Одесским государственным педагогическим институтом имени К.Д. Ушинского (ОГПИ). В последнем на должности доцента кафедры истории народов СССР в 1944–1956 гг. работал ведущий одесский археолог того времени М.С. Синицын, который в 1959–1961 гг. был директором ОИАМ (*Секерская, Крисилова*, 2017). Особенно неколлегиальными были отношения между археологами ОИАМ и ОГУ, что приводило к конфликтам, распыленности материальных ресурсов, физических и интеллектуальных сил, а в целом от этого проигрывали как сами ученые, так и наука. Начиная с 1950 г. межличностные связи сотрудников трех археологических институций Одессы (ОГУ, ОИАМ, ОГПИ) со всеми профильными институциями республики и страны заметно ослабли, а полевые исследования ученых ОИАМ свелись к поверхностным и не всегда удачно спланированным маршрутным разведкам. В первые двенадцать лет после войны одесские архео-

логи совсем не уделяли внимание возобновлению издательской деятельности научной продукции (Синицын, 1960. С. 13). Только лишь в 1957 г. ОИАМ был издан первый выпуск профильного историко-научного сериального издания «Материалы по археологии Северного Причерноморья» (Левченко В., Левченко Г., Петровский, 2015. С. 147).

В результате исследования установлено, что советская власть, воспринимавшая науку, в частности археологию, как основную движущую силу не только культурного, но и социального и политического прогресса, формировала новые требования к ней и ученому сообществу на основах марксистско-ленинской идеологии. В связи с чем она корректировала условия их функционирования и существования в соответствии с определенными идейно-политическими установками, что позволило ей обеспечить себе необходимый фундамент для изменения коренного переворота в духовном развитии общества, с целью формирования новой, социалистической генерации научной интеллигенции. Раннесоветский период и время румынско-немецкой оккупации Одессы в развитии археологии характеризовались не только формированием новых институциональных форм, но и репрессивным и утилитарным характером властей, желавших сделать науку, в первую очередь, механизмом для реализации своих политических целей, а не сферой развития знания. Несмотря на наличие негативных моментов в развитии археологии в указанный период, в этой области продолжали работать много ученых, которые на основе научных принципов тщательно проводили раскопки, скрупулезно обрабатывали и описывали коллекции, искали пути их исторической интерпретации и оставались преданными идеалам науки.

Литература

- Археологічні розкопки..., 1936. Археологічні розкопки в селі Усатово // Чорноморська комуна. 2 листопада.
- Болтенко М.Ф., 1947. Стародавня руська Березань // Археологія. Т. I. С. 39–51.
- Болтенко М., 1949. Розкопки на острові Березані в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 2. С. 31–38.
- В археологическом..., 1943а. В археологическом музее // Одесская газета. 5 сентября.
- В археологическом..., 1943б. В археологическом музее // Одесская газета. 21 ноября.

- В историко-археологическом..., 1943. В историко-археологическом музее // Одесская газета. 1 апреля.
- Давидов Л., 1936. Почались археологічні розкопки в Ольвії // Чорноморська ко- муна. 28 серпня.
- Есипенко А.Л., 1957а. Раннетрипольское поселение Александровка (по материалам разведок и раскопок 1949–1951 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. I. С. 10–23.
- Есипенко А.Л., 1957б. Один из старейших музеев Советской Украины // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. I. С. 105–112.
- Защита..., 1943а. Защита диссертации // Одесская газета. 15 октября.
- Защита..., 1943б. Защита диссертации // Одесская газета. 2 ноября.
- Историко-археологический..., 1943. Историко-археологический музей // Бут. 9, 10 сентября.
- История колонизации..., 1944. История колонизации территории между Днестром и Бугом // Молва. 8 февраля.
- Левченко В.В., 2006. Життя та науково-громадська діяльність Валентина Івановича Селінова (до 130-річчя з дня народження) // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 2. С. 256–266.
- Левченко В.В., 2009а. Добровольський Аркадій Вікторович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). С. 123–124.
- Левченко В.В., 2009б. Занчевський Олександр Іванович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). С. 143–145.
- Левченко В.В., 2009в. Лагодівська Олена Федорівна // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). С. 193–195.
- Левченко В.В., 2009г. Пору-Леонович Варвара Олександрівна // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). С. 316–317.
- Левченко В.В., 2009д. Штейнванд Герборд (Герберт) Данилович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). С. 449–451.
- Левченко В.В., 2011а. К биографии Петра Осиповича Карышковского-Икара: начало научного пути // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий науч- ный альманах. Вып. 12. С. 303–312.
- Левченко В.В., 2011б. Діяльність вчених-істориків Одеси в період німецько-румун- ської окупації (1941–1944 рр.) та їх доля // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри: Мат. III міжн. наук.-практ. конф. Одеса, 15–16 квітня 2011 р. С. 233–239.
- Левченко В.В., 2013. В начале пути: формирование научных интересов Петра Осиповича Карышковского // Древнее Причерноморье. Вып. X. С. 380–387.
- Левченко В.В., 2016. Историографическая находка: отзыв профессора А.Г. Готалова-Готлиба о докторской диссертации профессора В.И. Селинова // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 21. С. 168–190.
- Левченко В.В., 2017а. Из истории археологии в Одессе: профессор В.И. Селинов // Древний мир: История и археология: Труды междунауч. конф. «Дьяковские чтения» кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова, 03.12.2016 г. МПГУ / Отв. ред. Н.И. Винокуров. М.: МПГУ. С. 245–251.
- Левченко В.В., 2017б. Точки біфуркації у долі історика: фрагменти біографії Теохарія Юрійовича Теохаріди // Грецька громада Ніжина: історія та сучасність.

- Матеріали міжнародної наукової конференції / Упор. О.С. Морозов. Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М. С. 104–118.
- Левченко В.*, 2018. Роль одеських вчених-істориків у дослідженні, охороні та збереженні Ольвії у першій половині ХХ століття // Краєзнавство: науковий журнал. № 1. С. 143–160.
- Левченко В.В.*, 2021. З історії конфліктів у співтоваристві українських археологів наприкінці 1910-х – на початку 1920-х рр. // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XIII. С. 225–230.
- Левченко В., Левченко Г., Петровський Е.*, 2015. Ландшафт історичної науки крізь призму історії науково-серіальних видань Одеси (ХІХ – початок ХХІ ст.) // Краєзнавство: науковий журнал. № 1/2. С. 144–155.
- Левченко В.В., Урсу Д.П.*, 2009. Доніч Сергій Володимирович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Т. 1 (початок ХІХ – середина ХХ ст.). С. 130–133.
- Ляшко С.М., Відейко М.Ю.*, 2015. Захарук Юрій Миколайович (1914–1997) // Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014. С. 309–311.
- Нестуля О.О.*, 1991. Реабілітація прийшла посмертно (М.Ф. Болтенко) // Репресоване краєзнавство (20–30-і роки). Київ: «Рідний край». С. 146–154.
- Нові цінні..., 1935. Нові цінні знахідки в Ольвії // Чорноморська комуна. 21 жовтня.
- О научной работе..., 1941. О научной работе историков Одессы и Киева // Историк-марксист. № 6. С. 140–147.
- Охотников С.Б.*, 2010. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010). Одесса: СМІЛ. 160 с.
- Практические занятия..., 1943. Практические занятия при Археологическом музее // Одесская газета. 23 ноября.
- Раевский К.А.*, 1939. Научно-исследовательская работа Одесского исторического музея (археологические раскопки) // ВДИ. № 2 (7). С. 140–143.
- Раевский К.А.*, 1955. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днестра в I тысячелетии н.э. // СА. XXIII. С. 250–276.
- Розкопки в Ольвії ..., 1936. Розкопки в Ольвії // Чорноморська комуна. 14 серпня.
- Секерская Н.М., Крисилова Г.Ф.*, 2017. М.С. Синицын – сотрудник Полтавского краеведческого и Одесского археологического музеев // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2017 = Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions – 2017: збірник наукових праць. Пам'яті М.Я. Рудинського (1887–1958). К.: ЦП НАН України і УТОПК. С. 157–161.
- Селинов В.*, 1943а. Варвара Александровна Пора-Леонович. Некролог // Молва. 6 февраля.
- Селинов В.*, 1943б. Очерки по истории Транснистрии и Одессы // Молва. 24 января, 15 апреля, 11 июня.
- Селинов В.*, 1936. Нове в «Усатівській культурі» // Чорноморська комуна. 23 листопада.
- Селинов В.*, 1940. З глибини віків // Чорноморська комуна. 1940. 13 липня.
- Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф.*, 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.: (Усатовская культура) // СА. V. С. 239–263.
- Синицын М.*, 1949. Дослідження скифо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 2. С. 149–158.
- Синицын М.С.*, 1950. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // Наукові записки Одеського державного педагогічного інституту імені К.Д. Ушинського. Т. IX. С. 51–66.

- Синицын М.С.*, 1952. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. // Вестник древней истории. № 2 (40). С. 243–249.
- Синицын М.С.*, 1957. Древнее поселение в Лузановке (по раскопкам 1929–1930, 1937–1939 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. I. С. 67–68.
- Синицын М.С.*, 1960. Развитие археологии в Одессе // Записки Одесского археологического общества. Одесса. Т. 1 (34). С. 7–14.
- Смирнов В.А.*, 2005. «Революционная» номенклатура (по материалам архивно-следственного дела Внукова Т.М.) // Смирнов В.А. Реквием XX века. Ч. III. Одесса: «Астропринт». С. 131–145.
- Смирнов В.А.*, 2007. Родная Одесса (По материалам дел № 13964-П и № 28242-П Селинова Валентина Ивановича) // Смирнов В.А. Реквием XX века. Ч. IV. Одесса: «Астропринт». С. 89–131.
- Формозов А.А.*, 1993. Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. № 2. С. 70–82.

О.М. Мельникова**У ИСТОКОВ ПЕРМСКОЙ
НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ О.Н. БАДЕРА)**

Резюме. Статья посвящена общей характеристике развития уральской археологии в предвоенное десятилетие, в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. На основе архивных источников, главным образом эпистолярных, выявлена роль научных учреждений Москвы и Ленинграда в определении ключевых проблем уральской археологии. Определены предпосылки для развития послевоенного этапа археологических исследований. Впервые вводятся в научный оборот письма, адресованные О.Н. Бадеру в первые послевоенные годы из фондов отдела редкой книги Пермского государственного Национального исследовательского университета, связанные с организацией Второго Уральского археологического совещания. Сформулированы ключевые принципы организации уральской археологии, сформулированные О.Н. Бадером в Перми и определившие на несколько десятилетий развитие уральской археологии.

Ключевые слова: археология Урала, О.Н. Бадер, переписка, Уральское археологическое совещание.

На протяжении XX в. не раз изменялся научный археологический ландшафт Урала: от частной любительской инициативы второй половины XIX в., к бурному подъему краеведческого движения, сопровождавшемуся интересом к археологии. В 1920-х гг. ее изучение осуществилось местными краеведами, научно-просветительскими обществами при активном участии профессиональных археологов из Москвы и Ленинграда, заложивших основы серьезного научного изучения археологии Урала. Смена политического курса на рубеже 1920–1930-х гг. привела к репрессиям в отношении многих местных исследователей, что «предопределило поколенческий разрыв в развитии региональной археологии» (Мельникова, 2019. С. 216).

Постепенно с процессами централизации научных изысканий конца 1920-х – 1930-х гг. основные импульсы для развития уральской археологии стали исходить главным образом из учреждений Москвы и Ленинграда.

Этот новый этап исследований связан с работами А.В. Шмидта в Прикамье. В 1932 г. он руководил в Камской археологической экспедицией (далее КАЭ), организованной ГАИМК и МАЭ АН СССР для изучения памятников в зоне расположения будущей Камской ГЭС. В 1933–1937 гг. КАЭ возглавил Н.А. Прокошев. За 6 лет работы экспедиции была обследована зона затопления, раскопаны многие памятники (Археологические экспедиции..., 1962. С. 75–76.).

В 1938–1940 гг. Прикамская экспедиция ИИМК во главе с М.В. Талицким проведет разведки в верховьях Камы и раскопки Островской палеолитической стоянки. В 1940 г. Чусовская экспедиция под руководством Н.А. Прокошева осуществит разведки в бассейне р. Чусовой.

В Удмуртском Прикамье дважды – в 1930 и 1936 гг. – работала экспедиция под руководством А.П. Смирнова. В 1940 г. при поддержке УдНИИ Н.А. Прокошев намеревался провести исследования на территории Удмуртии с целью «открытия памятников более ранних периодов в истории Прикамья». Предполагалось, что они позволят составить «перспективный план стационарных исследований (раскопок) на ряд лет» (Оконникова, 2008. С. 85).

На юге Урала работал К.В. Сальников. Аспирант ГАИМК, в 1934 г. он участвовал в экспедиции в Башкирии под руководством П.А. Дмитриева. В 1936 г. К.В. Сальников возглавлял отряд Орской экспедиции ГАИМК (руководитель Г.В. Подгаецкий) (Евгеньев, 2021. С. 53).

Любопытно, что в справочнике «Наука и научные работники Москвы», составленном на основе анкет, разработанных АН ССР, в 1930 г. в разделе «Археология Урала» указаны два археолога-исследователя этого региона – П. Дмитриев и С. Матвеев (Наука..., 1930. С. 179–180). П.А. Дмитриев был известен как один из «лучших знатоков истории Урала» (О научном наследстве..., 1953. С. 189). С.Г. Матвеев в 1926–1927 гг. проводил раскопки в Удмуртии совместно с А.П. Смирновым по линии Главнауки. Свои интересы он связывал с Приуральем, Поволжьем, чудскими и финскими древностями (Наука..., 1930. С. 179–180). Но после 1930 г. имя С.Г. Матвеева исчезло со страниц научной литерату-

ры (Мельникова, 2021. С. 139–147). Известно, что в 1940 г. директор УдНИИ С.П. Горбушин, отвечая на вопрос Н.А. Прокошева: «Существует ли, например, археолог Матвеев, писавший в свое время статьи по чепецким городищам?», отвечал: «Матвеев, о котором Вы пишете, для нас не известен, мы его знаем лишь по его статье» (Оконникова, 2008, С. 86).

Справочник «Научные работники Ленинграда: с приложением перечня научных учреждений Ленинграда» вообще не содержит сведений о специалистах по археологии Урала (Научные работники..., 1934).

В целом в 1930-е гг. в Ленинграде (ГАИМК) и Москве (МОГАИМК), сложилась группа археологов, специализировавшихся на археологии Урала (в широком географическом контексте включавшего регионы по обе стороны Уральского хребта и Предуралья-Прикамья). А.В. Збруева, одна из этих исследователей, в предвоенной переписке с Н.А. Прокошевым постоянно упоминала о существовании «уральской группы» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 43. Оп. 1. Д. 84. Л. 105 об.; Л. 111 об.), группы «камчан» (Там же. Д. 27. Л. 4 об.), «камско-уральской бригады» (Там же. Д. 84. Л. 120) в лице А.В. Збруевой, А.П. Смирнова. М.В. Талицкого, П.А. Дмитриева. В этих письмах в связи с уральской тематикой упомянуты Д.Н. Эдинг, В.Н. Чернецов, Т.А. Трофимова, О.Н. Бадер. Частью этой группы А.В. Збруева считала ленинградца Н.А. Прокошева: «ведь Вы наш полпред в Ленинграде, а я Ваш полпред в Москве» (Там же. Д. 84. Л. 49 об.).

Уже после Великой Отечественной войны О.Н. Бадер отмечал, что основной чертой работ этих исследователей Урала предвоенного времени была их «планомерность и широкий размах» (Бадер, 1953. С. 4) (табл. 1).

В апреле 1941 г. «уральская» группа планировала создание «комплексной экспедиции для планового изучения Урала и Приуралья» (РО НА ИИМК РАН. Оп. 1. Ф. 43. Д. 84. Л. 105 об.). Были предприняты усилия по ее организации. А.В. Збруева писала Н.А. Прокошеву: «Сегодня с Чебоксаровым обсуждали докл[адную. – О.М.] записку отн[осительно – О.М.] организации комплексной экспедиции. После разных хороших слов об актуальности вопросов этногенеза и работе, прод[еланной. – О.М.] разными учреждениями по этой теме, решили предложить на 1941 г. конкретный план по след[ующим. – О.М.] проблемам. 1. Взаимоотношения лесного и степного населения Приуралья

Таблица 1

**Археологические экспедиции
ГАИМК/ИИМК на Урале в 1930–1941 гг.**
(Составлено по: Археологические экспедиции..., 1962)

Название экспедиции	Год	Руководитель	Участники	Организаторы
Удмуртская	1930; 1936	А.П. Смирнов		ГАИМК, ГИМ, Удмуртский краеведческий музей, УдНИИ при Правительстве УАССР
Уральская	1930–1932; 1934; 1936; 1939	Д.Н. Эдинг		ГИМ
Вятско-Камская	1929–1930	Б.С. Жуков	О.Н. Бадер, А.В. Збруева	Институт антропологии МГУ
Свердловская	1932; 1940	П.А. Дмитриев		ГАИМК, ГИМ; Свердловский музей
Камская (Средневолгостройская)	1932–1937	А.В. Шмидт (1932); Н.А. Прокошев (1933–1937)	М.В. Воеводский (1933); А.В. Збруева (1933–1937); М.В. Талицкий (1935–1937); П.И. Борисковский (1935)	ГАИМК; МАЭ, Средневолгострой, КамГЭС
Уфимская	1934	П.А. Дмитриев	К.В. Сальников	ГАИМК
Кировская	1938	Н.А. Прокошев		ИИМК
Прикамская (Пермская)	1938–1940	М.В. Талицкий		ИИМК, Кудымкарский музей
Чусовская	1940	Н.А. Прокошев		ИИМК

и их культуры в ананьинскую эпоху, которая предшествовала формированию современных народностей (работы Дмитриева и мои). 2. Этногенез Манси (работы антропологов и Чернецова). 3. Этногенез Коми (работы антропологов и Талицкого)» (Там же. Л. 39).

Но война помешала реализации этих планов, хотя исследование в разных частях обширного региона продолжались. К.В. Сальников с горечью писал: «черт-Гитлер меня лично лишил любимого дела. Теперь приходится сознаться, что думать о продолжении исследовательской работы по моей специальности не приходится на многие годы, а это равносильно поставить крест» (Евгеньев, 2021. С. 53).

В Елабугу и Свердловск были эвакуированы две группы археологов. Они стремились приложить усилия к археологическому изучению региона своей эвакуации (*Бадер, Оборин*, 1953. С. 179–186). Елабужская группа занималась археологическим изучением памятников Прикамья. Заслушивались научные доклады по проблематике института, оказывалась помощь местному краеведческому музею (Институт..., 1943 г., 1946. С. 158–160).

В Свердловске Е.М. Берс собирала материал к археологической карте Свердловской области. Она совместно с эвакуированными сотрудниками ИИМК А.А. Иессеном и М.П. Грязновым разобрала археологические коллекции местного музея. В Уральском университете вплоть до своей гибели от дистрофии в 1943 г. преподавал археологию участник экспедиции П.А. Дмитриева, ученый секретарь краеведческого музея Н.Н. Бортвин (О научном наследстве..., 1953. С. 187). После его кончины этот курс продолжил читать А.А. Иессен (*Бадер, Оборин*, 1953. С. 180). В Нижнем Тагиле поволил исследования О.Н. Бадера.

Знаковым событием для определения путей развития советской археологии в послевоенное время стало Всесоюзное археологическое совещание 25 февраля – 1 марта 1945 г. в Москве. Оно подвело итоги 27 лет развития советской археологии, обозначило проблемные области, которые необходимо было изучать на основе создания общесоюзного плана археологических исследований (*Тараканова*, 1947. С. 146–149; *Кузьминых, Серых*, 2021).

Реализация этих планов в первые послевоенные годы легла на плечи О.Н. Бадера, ставшего собирателем археологических сил для изучения Урала, поскольку погибли ученые, активно работавшие до войны в области уральской археологии: М.В. Талицкий, Н.А. Прокошев, П.А. Дмитриев. В 1946 г. ушел

из жизни Д.Н. Эдинг. (О научном наследстве..., 1953; С. 187–197; От редакции, 1946. С. 3–4). Драматические обстоятельства начала Великой Отечественной войны привели к тому, что ученый оказался в трудармии на Урале. Благодаря усилиям ректора Молотовского университета А.И. Букирева О.Н. Бадер стал доцентом кафедры всеобщей истории (Мельникова, 2003а. С. 67–69). Его активная деятельность на долгие годы даст мощный импульс развитию археологии в обширном Урало-Поволжском регионе. Усилиями О.Н. Бадера и его учеников в послевоенные годы будут формироваться новые контуры региональной археологии.

Ключевым событием для археологии региона стало Первое Уральское археологическое совещание, прошедшее в Молотове (совр. Пермь) с 20 по 24 апреля 1947 г. Оно проводилось в контексте решений Всесоюзного археологического совещания 1945 г. и преследовало цель подведения итогов археологических работ на Урале и разработки плана на 1947–1950 гг. (Первое Уральское..., 1948).

Подготовительная работа к совещанию включала анализ опыта предшественников в изучении Урала, а так же привлечение к исследованиям здравствующих членов «камско-уральской бригады». В «Трудах» Молотовского университета была опубликована серия статей об ученых, работавших на Урале в предвоенные годы. Подборка статей была озаглавлена символично: «О научном наследии советских исследователей археологии Урала Н.Н. Бортвина, П.А. Дмитриева, Н.А. Прокошева, М.В. Талицкого, Д.Н. Эдинга, Е.П. Аликина, С.Н. Топоркова» и сопровождалась библиографией их трудов (О научном наследии..., 1953. С. 188–197). Среди авторов работ – ученые, составлявшие так называемую «уральскую» группу: О.Н. Бадер, М.А. Бадер, А.П. Смирнов, А.В. Збруева, а так же Е.М. Берс и студент В.А. Оборин. Этими статьями подчеркивалась преемственность планов для новой эпохи и новой генерации исследователей.

Предполагалось, что совещание будет носить регулярный характер, и следующее было запланировано на 1948 г. в Свердловске. Однако в намеченный срок оно не состоялось. Вновь выявленные факты, содержащиеся в письмах, адресованных О.Н. Бадеру, приоткрывают завесу над тем, почему оказался столь большим перерыв между двумя первыми археологическими совещаниями¹.

¹ О.Н. Бадер вел активную переписку на протяжении всего времени своего пребывания в Перми (1946–1954 гг.). Часть ее хранилась в кабинете археологии,

В октябре 1947 г. К.В. Сальников впервые упоминает предстоящее совещание: «Е.М. [Берс, археолог, работала в Уральском университете и краеведческом музее. – О.М.] говорила, что у Вас было удачное лето. Надеюсь, хотя бы очень кратко, поделитесь до планируемого совещания. Кстати, в каком положении дело с изданием материалов первого совещания? Вы правы, что выход их в свет будет ярким толчком для нашей администрации в деле повторения этого события» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 26.10.1947 г.).

В канун нового 1948 г. К.В. Сальников с уверенностью подтверждал возможность проведения совещания: «Вы такую махину своротили за лето! Я в течение месяца, что называется, язык высунул. С удовольствием послушаю Вас на совещании зимой в Свердловске. Предполагаем созвать его на март-апрель. Не откажите немедленно сообщить свои темы. Палеолит Среднего Урала, несомненно, за Вами. А что бы еще Вы хотели дать?» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 29.12.1947 г.).

Зимой 1948 г. А.В. Збруева задает О.Н. Бадеру вопрос: «Предполагается ли в этом году созыв археологического совещания в Свердловске, как намечалось в Молотове?» (ФМИ, письмо А.В. Збруевой, январь, 1948 г.)

Но в апреле выясняется причина, по которой Второе Уральское совещание не состоится в намеченный срок. К.В. Сальников пишет О.Н. Бадеру: «Долго не писал Вам потому только, что был занят диссертацией. Последнее, главным образом, из-за переноса срока совещания. Последнее зависело от времени проведения конференции по истории города Свердловска. Оба мероприятия не только нашего факультета, но и нашей кафедры. Вопрос о целесообразности совещания решен положительно и даже намечался срок, как Вы знаете, начало мая. Но в последнее время дело приняло новый оборот. Празднование 225-летия Свердловска разворачивается теперь в большое общественное мероприятие. Усиливается участие всех нас в его проведении. Конференция по истории Свердловска

затем на кафедре древней и новой истории России ПНИУ и в музее истории ПГУ. Частично письма публиковались (*Мельникова*, 2003а; 2003б; 2010 и др.; *Чагин*, 2003. С. 145–154). К сожалению, оригиналы из этой коллекции оказались утраченными, сохранились только в ксерокопиях. Новые письма за 1948–1954 гг. обнаружены сотрудниками музея истории ПНИУ. Они любезно переданы мне для изучения. Эта переписка не обработана, она рассортирована лишь по годам: за 1947 г. (60 писем), 1948 г. (92 письма); 1949 г. (11 писем); 1951 г. (88 писем); 1952 г. (10 писем); 1954 г. (31 письмо).

назначена на 14 мая. Получается, срок двух мероприятий повредит тому и другому. Поэтому сегодня правильно встал вопрос о переносе археологического совещания на июнь этого года. К сожалению, эти обстоятельства осложнились необходимостью для Елизаветы Михайловны [Берс. – О.М.] лечь в больницу на длительный срок, что она собирается сделать в скором времени. Отсюда вытекает ее неучастие в совещании, что крайне нежелательно при наших количественных силах. Вот так обстоят дела. Хорошо было бы, если бы Вы все-таки приехали еще до лета к нам, думаю, многое могли бы почерпнуть в наших музейных собраниях, которые скоро будут вполне доступными, но многими можно пользоваться уже сейчас. Елизавете Михайловне тоже хочется о многом с Вами поговориться. Всего доброго» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 10.04.1948 г.).

В июле К.В. Сальников вновь с осторожностью рассуждал об организации археологического совещания в ноябре 1948 г.: «Благодарю за “Полуденку” и за приглашение на участие в работах на КамГЭСстрой. В этом году принять Ваше приглашение не смогу. Ваше письмо застало меня в отпуске. Завтра еду на север Челябинской области с группой студентов копать курганы и селище. Пробуду до 10 августа. Правда, у меня отпуск до 5 сентября. Но что можно сделать за три недели без предварительной подготовки? Елизавета Михайловна, которой я сказал о Вашем приглашении, собирается ехать к Вам. Июнь я потратил на работу возле Магнитогорска. Раскопал 25 погребений: бронза, сарматы. Очень интересные данные о связях этой территорией с Башкирией и Поволжьем. Нашел места находки знаменитого Верхне-Кизиловского клада и находчика². Найдены керамика, медный клиновидный топор. Иллюстрации, которые к Вам попали, очень хочу при случае переслать хотя бы почтой. О конференции точно пока не скажу. Если срастется – не ранее ноября. Сомнения у меня закрадываются в соответствии с правилами о научных командировках. Как бы они не сорвали нашу затею. Об Уральском Пленуме ЛОИИМК мне говорил С.Н. Бибиков. Это дело хорошее. И время, которое Вы предлагаете, тоже удачное. Пишите о Ваших успехах. Кто принимает участие в Ваших раскопках? Что затягивает выход в свет материалов конференции? [Первого Уральского археологи-

² В 1926 году крестьянин М.В. Бутаков из деревни Супряк обнаружил на своем огороде кожаный мешок с 43 бронзовыми и медными предметами.

ческого совещания. – О.М.]» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 28.07.1948).

Но уже в августе К.В. Сальников сомневается в возможности проведения совещания в Свердловске: «О новой конференции сейчас ничего сказать нельзя определенного. Елизавета Михайловна высказала ценную мысль вернуться в Ниж. Тагил в одно из воскресений, чтобы обо всем переговорить. Нам приехать в Молотов сложно, в Тагил же нетрудно. К тому же там Нина Павловна³. Наш музей организует выпуск своих трудов. У Вас, конечно, найдется что-нибудь. Помнится, предлагали одно время ряд статей. Присылайте одну-две.» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 27.08.1948 г.). Наконец, назначается новая дата Второго Уральского археологического совещания – декабрь 1948 г. Об этом – в официальном письме О.Н. Бадеру от имени Уральского университета: «Уральский университет им. А.М. Горького созывает 10–15 декабря 1948 г. в г. Свердловске совещание по вопросам археологии и древней истории Урала, имеющее целью подытожить достижения советской археологии в последние годы и наметить план дальнейшего развития и изучения уральских древностей. Труды совещания предполагается издать отдельным сборником. Уральский государственный университет просит Вас принять участие в работах совещания и прочесть доклады на следующие темы: 1. Стоянки Камско-Чусовского узла по новейшим исследованиям. 2. Работы Камской археологической экспедиции Молотовского университета в 1947–1948 гг. 3. Новая находка сасанидской чаши близ Кунгура» (ФМИ, Официальное приглашение УрГУ. 11.10.1948).

Вслед за этим приглашением последовало письмо К.В. Сальникова О.Н. Бадеру: «Жду срочного ответа на прилагаемое приглашение. В Вашем приезде я не сомневаюсь, но нужен срочный ответ для нашей администрации. Для музейного раздела предлагается:

1. Отчет об изучении Тагила;

2. Историческая наука в Нижнем Тагиле за последнее пятилетие <...>

P.S. Вы писали о моих рисунках, которые заменялись в рукописи П.А. Дмитриева [по шигирской культуре. – О.М.]. Их ведь немного. Может быть, Вы отправите заказным письмом, не ожи-

³ Кипарисова Н.П. – научный сотрудник краеведческого музея, выпускница Ленинградского университета по специальности «археология».

дая личной встречи. Сделайте это, пожалуйста, они могут быть использованы для моего доклада на совещании» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 12.10.1948).

Однако пока невыясненные обстоятельства помешали О.Н. Бадеру оперативно откликнуться на приглашение из Свердловска: «Очень меня волнует Ваше молчание. Отсутствие второго письма относительно совещания. Уж если Вы не ответите, то совещание определенно не состоится, ибо на приезд большого числа москвичей и ленинградцев надеяться не приходится, судя по опыту 1947 года. Относительно студентов положение обстоит так: не могу уломать наше начальство найти им квартиры и на самом деле у нас с общежитиями положение катастрофично, несколько сот студентов живет на частных квартирах за счет университета <...>» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 30.10.1948).

В ноябре вновь выясняется, что совещание срывается: «Чувствую, что Вы меня ругательствами ругаете и за молчание, и за отсрочку совещания. Так вот все получилось, что я откладывал свой ответ до момента, когда определится очевидное положение. И оно, наконец, определилось так неожиданно печально. Если бы совсем не хотели москвичи ехать, тогда, конечно, откладывать не нужно было бы. Но в том-то и дело, что помешал декабрь – конец года. Не хочу совещание делать слишком узким. Теперь о сроке, на который перенесем. Тут я хочу знать ваше мнение. Январь выпадает из-за экзаменов. Каникулы тоже для студентов неудобны. Мне кажется, после каникул лучше будет. Каково Ваше мнение? Удобно это для Вас? Опасности столкнуться с Пленумом ИИМК хочу избежать, связавшись с ИИМК по этому вопросу. От москвичей знаю, что Мария Александровна [Бадер. – О.М.] была там. Вероятно, она знает настроение москвичей относительно нашего совещания. Интересно было бы его знать. Ваше письмо об изменении тем докладов получил. Конечно, они устраивают нас. Приглашения музеям отправил до выяснения участия основных «делегатов». Простите, что неумышленно спутал Ваши планы. Жду Вашего письма. На днях вышлю свою книжку, вышедшую в Челябинске»⁴. (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 26.11.1948).

И вновь обсуждаются сроки проведения совещания в Свердловске: «Чуть не неделю собирался написать Вам. Впрочем,

⁴ «Древнейшее население Челябинской области: по данным археологических памятников». 1948.

основное Вы уже знаете. Москвичи подвели, и мы решили перенести совещание. Получено мною и официальное извещение из дирекции ИИМК о том, что приглашаемые нами сотрудники будут отпущены только в январе, причем указывается, что в феврале планируется распочный пленум. Мое начальство склоняется на конец января. Ваш совет перенести на апрель неудачен, опять что-нибудь помешает. А в январе по всей видимости хоть часть придет. Очень Вас прошу пространнее сообщить о???? [неразборчиво. – О.М.] заседании ИИМК, чтобы сообразить в какой форме этот момент отразить в нашем совещании. Думаю обойтись лучше без «варягов». Но для этого надо точнее представлять положение, чего о себе сказать пока не могу. Еще раз прошу Вас пожертвовать в мою пользу полчаса и изложить существо дела» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 30.11.1948).

По всей видимости, личные обстоятельства О.Н. Бадера не давали ему возможности согласиться с предлагаемыми датами совещания: «Я абсолютно обескуражен Вашими затруднениями быть у нас в январе. Я писал Вам, что в феврале москвичи не могут приехать. Назначать на март рискованно – пленум как в прошлом году. И март выпадает. Тогда остается только апрель, но это очень далеко. Поэтому очень Вас прошу спланировать свой отдых так, чтобы 25-26 января быть в Свердловске. Ваши недуги – сердце и нервы – это недуги такого характера, которые лечатся с трудом. Что и понятно – они от переутомления. А отдыхать можно и дома. Передайте Марии Александровне мою просьбу спрятать от Вас книги и рукописи и водить вас в кино и театр. Да если к этому Вы месяц проведете в санатории – все будет в порядке. Тогда и у нас сможете побывать. Простите меня за эти советы, но я ведь чувствую, что и Вас не устраивают перспективы выезда в санаторий на 1,5 месяца (терпеть не могу домов отдыха и санаториев!). Если все же Вы будете в Москве сейчас, то очень прошу поддержать наши приглашения: из Москвы нами приглашались А.П. Смирнов, А.В. Збруева, А.Я. Брюсов, В.Н. Чернецов, В.И. Мошинская, О.А. Гракова, В.М. Раушенбах. От Брюсова, Раушенбах, Збруевой получили согласие на участие. Другие пока не подтвердили, поскольку официально ИИМК извещал наш университет о невозможности отпустить сотрудников в декабре. Я бы нисколько не возражал организовать совещание где-нибудь 10 февраля, если бы Вы, будучи в Москве, выяснили, что этот срок устраивает москвичей, было бы очень хорошо. Но, по всей видимости, это не так.

Брюсов предлагает очень интересный доклад, Раушенбах познaкомит с предварительными результатами этого года. Пишите, а главное устраивайтесь, чтобы в конце января быть здесь. Мои студенты не отвечают Вашим потому, что им мало с чем можно выступить на конференции. Так что это вопрос, по крайней мере, будут в роли слушателей. На всякий случай пишу в Москву, это на тот случай, если мое письмо Вас не застанет» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова 16.12.1948).

По всей видимости, сложность в согласовании интересов предполагаемых участников совещания в итоге привела к его отмене: с одной стороны, без О.Н. Бадера как лидера региональной науки, с другой без участия столичных ученых, совещание теряло всякий смысл, и в итоге в 1948 г. оно не состоялось.

Вновь информация о готовящемся Уральском археологическом совещании появляется в письмах 1951 г. По всей видимости, О.Н. Бадер взял инициативу его проведения в свои руки, его проведение намечалось в Молотове. Об этом пишет А.Ф. Трефилов, научный сотрудник УдНИИ: ««В вопросе моего участия в Приуральском археологическом совещании изменений пока нет. Высылаю тезисы доклада» (ФМИ, письмо А.Ф. Трефилова 02.02.1951).

Организацию совещания в Молотове приветствовал и К.В. Сальников: «Приветствую за организацию уральского археологического совещания и благодарю за приглашение. С удовольствием приеду, если начальство не воспротивится частым поездкам. Ведь предварительно надо побывать на пленуме в Москве. На себя беру следующие темы: 1. О выполнении решений 1 уральского археологического совещания (от Зауралья). 2. Доклад об абашевской культуре в Зауралье. 3. Уральский университет в экспедициях 1947–1950 гг. (информационное сообщение). 5. Новая палеолитическая пещера на Южном Урале (сообщение). 6. Разведки в районе Орска (сообщение). Желательно срок проведения совещания не ранее 20 апреля, вернее, между 15 и 20 апреля, так как только к 1 апреля вернемся из Москвы и надо завершить подготовку дипломников. С Елизаветой Михайловной договорились о ее тематике. Надеюсь, приглашение будет послано всем уральским музеям. Не забудьте Магнитогорский» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 17.02.1951).

О предстоящем совещании речь идет в письме научного сотрудника ГИМ В.М. Раушенбах: «Дорогой Отто Николаевич! Сердечное спасибо за Ваше приглашение. К сожалению, вопрос о поездке в Молотов оказался значительно сложнее, чем предпола-

галось ранее. Дело в том, что в начале июня я поеду в Свердловск с целью доработки свердловских коллекций. В связи с этим мне музей не разрешает две командировки. Если же совещание у Вас будет в конце мая или еще лучше в первых числах июня, то в этом случае вопрос может стоять лишь о продлении командировки и думаю, что подобное разрешение будет легче получить. Что касается вообще приезда к Вам москвичей, то этот вопрос все еще не ясен, кто сможет приехать, до сих пор неизвестно. 20 мая открывается так называемый Прибалтийский Пленум в Тарту и из Москвы туда едут 15 человек. Думаю, что это обстоятельство может существенно помешать Вашей конференции. Но, тем не менее, посылаю Вам очень краткие тезисы. Вопрос о керамике шигирской культуры я решила не брать, так как эта статья уже включена в сборник КСИИМК» (ФМИ, письмо В.М. Раушенбах от 05.05.1951).

Проведением совещания интересовался и А.А. Формозов: «Что нового о совещании и его сроках? Приехать хочу обязательно!» (ФМИ, письмо А.А. Формозова от 07.06.1951).

О желании присутствовать на совещании сообщала и В.Н. Белицер: «Если будет у Вас археологическое совещание, то надеюсь, что Вы меня пригласите. Очень бы хотелось побывать в Молотове и поближе познакомиться с археологическими материалами» (ФМИ, письмо В.Н. Белицер от 10.12.1951). М.Д. Гвоздовер информировала о готовности москвичей приехать на совещание: «В план Збруевой и Чернецова включены поездки на Уральское совещание. Но о выездной сессии ИИМКа к вам им договориться не удалось» (ФМИ, письмо М.Д. Гвоздовер 11.12.1951).

Однако совещание вновь было перенесено на 1952 г., о чем есть упоминания в письме Е.М. Берс: «Я не оставляю мысли приехать в Молотов. Все доклады сделала бы с большим удовольствием. В феврале приехать не могла, так как лежала в больнице с пониженным давлением. Как у вас перспективы на 15–18 апреля?» (ФМИ, письмо Е.М. Берс от 28.03.1952).

Как известно, оно не состоялось и в 1952 г. Очередная попытка созыва совещания в Свердловске была предпринята в 1954 г. К.В. Сальниковым: «Дорогой Отто Николаевич! Получил Ваше письмо о согласии участвовать в уральском совещании. Жаль, что у вас осложнения появились. Надеюсь, Вы их с присущей Вам энергией ликвидируете. Мы налаживаем «общезитие» для делегатов, что может быть облегчит приезд, особенно для студентов. Для солидной публики налаживаем броню в гостинице. Мобилизуем

некоторые внутренние ресурсы в виде собственной жилплощади. В частности, надеюсь, что Вы не откажете мне в удовольствии приютить Вас у себя. Кроме всего, это удобно будет нам и для работы. Что касается состава (уже намечающегося) участников, то пока имеем положительные ответы от музеев: Свердловского, Молотовского, Курганского, Челябинского, Кунгурского, Тагильского, из москвичей и ленинградцев мало кто дал о себе знать. Прислали пока согласие А.П. Смирнов, В.М. Раушенбах и Соколова. Отказался С.Н. Бибилов. Остальные молчат. Поэтому моя поездка на пленум необходима с целью вербовки. Поеду на 2-3 дня и в Ленинград. Но вообще уже неплохо, я считаю. Совещание будет скромнее, чем бы хотелось, но проведем. Важно установить традиции. Кстати, у Вас откуда-то выплыла Чубарова [студентка О.Н. Бадера. – О.М.]. Она у нас в первоначальном списке не фигурировала, и мы ей не присылали приглашение? Кто она и где она? 16 выезжаю в Ленинград, чтобы потом попасть к пленуму в Москву. Работы по горло, но не могу отказаться от возможности еще лично провести вербовку участников совещания. Что-то молчит тов. Денисов: ни писем, ни об участии в совещании не шлет!» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 13.04.1954 г.).

В новом письме К.В. Сальников уточнял детали совещания: «Дорогой Отто Николаевич! Надеюсь, Вы уже возвратились из Кисловодска, думаю, получили и кучу наших приглашений: я все приглашения к молотовчанам вложил в пакет на Ваше имя. Тезисы докладов можно выслать несколько позднее. Хотя мы и послали письма с включением всех докладов, какие проектировались, но сейчас кое-кто начинает поговаривать о том, что не годится давать несколько докладов одному лицу. Ведущих работников это не касается. Речь идет о молодежи. Я постараюсь отстоять старый порядок, но на всякий случай, известите меня, какие доклады обязательно будут читать те, у кого намечено несколько докладов. Это, кажется, двое: Оборин и Генинг. Второе. Обязательно шлите Н.П. [Кипарисовой – О.М.] перечень проделанных Вашей экспедицией работ – где, какие памятники раскопали, по каким маршрутам прошла разведка. Без этого она не берется делать доклад о выполнении Постановления Первого совещания. Для составления повестки совещания мне нужны сведения об эпохах, которые будут освещаться в докладах молотовчан, так как не всегда по названию памятника я могу это определить» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова от 15.04 1954).

Однако поездка в Москву и в Ленинград принесла К.В. Сальникову разочарование относительно участия столичных коллег в Уральском совещании. 15 апреля 1954 г. он шлет О.Н. Бадеру срочную телеграмму: «Совещание откладывается. Подробности письмом» (ФМИ, телеграмма К.В. Сальникова от 15.04.1954).

Подробности содержались в двух письмах, одном – официальном от имени руководства УрГУ и частном от К.В. Сальникова: «Многоуважаемый Отто Николаевич! Уральский государственный университет им. А.М. Горького сообщает, что по согласованию с ИИМК АН СССР намечавшийся на 10 мая 1954 г. в Свердловске созыв Второго Уральского археологического совещания переносится на начало 1955 года, когда может быть обеспечено участием в работе совещания работников Академии наук. Проректор по научной работе М.Н. Альбов» (ФМИ, письмо М.Н. Альбова от 03.05.1954). «Только что вернулся из Москвы, куда ездил не сколько на пленум, сколько для приглашения москвичей на уральское совещание. С этой целью поехал в Ленинград. И везде дружный ответ: планом командировка не предусмотрена, и средства на нее не даются. Буквально всем желающим, за исключением Раушенбах, в командировках было отказано. Но дирекция ИИМК одобряет саму идею уральского археологического совещания и посоветовала перенести на начало будущего года, обещая предусмотреть соответствующие командировки в плане. После моего доклада своему начальству, последнее решило, что целесообразнее поступать так, как советует ИИМК» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова 04.05.1954).

В другом письме К.В. Сальников пытался еще раз разъяснить свою позицию по поводу сроков переноса совещания: «Дорогой Отто Николаевич! Должен перед Вами извиниться, что пришлось Вам доставить столько неприятностей. Но сложилась такая обстановка, что иначе поступить было нельзя. Ваш первый отклик на наше приглашение был весьма мрачным из-за отказа в средствах на поездку для молодежи. Правда, Вы собирались предпринять шаги для отыскания этих средств, о чем обещали дополнительно нас известить. Но этого не последовало. Получается, что из Молотова приедут только двое: Вы и Оборин, поскольку москвичам и ленинградцам было оказано в командировках. Следовательно, все совещание состояло бы из пяти человек. Были некоторые и другие обстоятельства. Вместе с тем нельзя было не согласиться, может и проблематичным, с предложением ИИМК. Созывать же каждые полгода Уральские совещания (сейчас второе, а в начале 1955 г. –

третье) сами понимаете, нереально. Что касается проведения в Молотове сессии в какой-то другой форме, то этот срок я должен признать неудачным для себя. Вы забываете, что у нас июнь – это заочная сессия для заочников, на которой у меня много занятий. Да и стоит ли, Отто Николаевич, разбивать силы: сейчас отчитать подготовленные доклады, а к февралю готовить новые? Давайте лучше обсудим дальнейшие мероприятия по созыву в феврале Второго Уральского археологического совещания, которое нужно рассматривать как объединенную сессию трех организаций: ИИМК, Молотовского и Уральского университета. Отложенное совещание было согласовано с обкомом и принципиальное согласие на него сохраняется» (ФМИ, письмо К.В. Сальникова 15.05.1954).

Как известно, ни в 1954 г., ни в следующем, 1955 г. Второе Уральское археологическое совещание так и не состоялось. Отчасти, это могло быть связано с личными обстоятельствами О.Н. Бадера: 1954–1955 учебный год стал для него последним в Молотовском университете. Возобновление Уральских археологических совещаний будет связано уже с деятельностью учеников О.Н. Бадера. Второе Уральское археологическое состоится в Свердловске в Уральском университете только в феврале 1961 г. (*Мельникова, 2003б. С. 11–120*).

Семьдесят пять лет, прошедших с Первого Уральского археологического совещания показали эффективность этого способа коммуникации археологов (*Мельникова, 2016. С. 21–24*). Во многом этому способствовали принципы, заложенные в его основу О.Н. Бадером: рассмотрение региональных проблем археологии как части единых исторических процессов; максимально широкая кооперация столичных и региональных исследователей; интеграция университетской, академической и музейной науки и краеведения; междисциплинарность как принцип изучения региона; привлечение студенческой и школьной молодежи к научным мероприятиям.

Эти принципы были подтверждены и последующими совещаниями, выводя научные результаты в широкое социальное пространство и социальные проекты. Среди них: популяризация научных знаний и публикация научно-популярной литературы по археологии; разработка методической литературы; связь ученых с краеведами; публикация и распространение материалов совещания; наличие центров координации археологической работы; внимание неисследованным и малоизученным районам Урала; на-

лаживание обмена литературой по региональной археологии; публикация библиографических справочников и каталогов коллекций (Второе Уральское..., 1961).

Сохранение и поддержание горизонтальных связей внутри научного сообщества в послевоенные годы, в том числе посредством Уральских археологических совещаний, стало важнейшей формой региональной самоорганизации археологического сообщества и явилось, наряду с возникновением специализации и кружка по археологии, Камской археологической экспедиции, кабинета археологии, музея археологии в Молотовском университете основой для всего послевоенного развития уральской археологии.

Литература

- Археологические экспедиции..., 1962. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР: 1919–1956 гг. Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: Изд-во АН СССР. 264 с.
- Бадер О.Н.*, 1953. Итоги шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Ученые записки Молотового государственного университета им. А.М. Горького. Труды КАЭ. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 3–89.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.*, 1953. Археологические исследования на Урале в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Молотового государственного университета им. А.М. Горького. Труды КАЭ. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 179–186.
- Второе Уральское..., 1961. Второе Уральское археологическое совещание // Вопросы археологии Урала. Вып. I. Свердловск. 170 с.
- Евгеньев А.А.*, 2021. Константин Владимирович Сальников: материалы к биографии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. № 4 (40). С. 42–58. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vestospu.ru/archive/2021/content4.html>
- Институт..., 1946. Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в годы Великой Отечественной войны. 1943 г. // КИИМК. Вып. XII. С. 158–160.
- Кузьминых С.В., Серых Д.В.*, 2021. Всесоюзное археологическое совещание 1945 года как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы междунар. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 36–37.
- Мельникова О.М.*, 2003а. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 7. Ижевск: УдГУ. 183 с.
- Мельникова О.М.*, 2003б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 9. Ижевск: УдГУ. 194 с.

- Мельникова О.М.*, 2010. Письма О.Н. Бадеру 1946–1954 гг. как источник по истории советской археологии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всеросс. научн. конф. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 21–29.
- Мельникова О.М.*, 2016. Уральское археологическое совещание как событие памяти и как реальность // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы Всеросс. научн. конф. с международным участием. 25–29 октября 2016 г. С. 21–24.
- Мельникова О.М.*, 2019. Советский проект развития археологии в 1920-е годы: опыт реализации в Вотской автономной области, Вятской и Пермской губерниях // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 201–219.
- Мельникова О.М.*, 2021. Археолог С.Г. Матвеев: заметки к биографии // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 15. Вып. 1. С. 139–147.
- Наука..., 1930. Наука и научные работники СССР: справочник. Ч. 4. Научные работники Москвы / Сост. комис. «Наука и науч. работники СССР» под наблюдением и непосредств. рук. С. Ф. Ольденбурга, Е. Ф. Карского. Л.: Изд-во АН СССР. 570 с.
- Научные работники..., 1934. Научные работники Ленинграда: с приложением перечня научных учреждений Ленинграда. Ч. 5 / Сост. комис. «Наука и науч. работники СССР» под наблюдением и непосредств. рук. С.Ф. Ольденбурга, Е.Ф. Карского. Л.: Изд-во АН СССР. 723 с.
- Оконникова Т.И.*, 2008. К истории археологического изучения Удмуртии (по материалам личного фонда Н.А. Прокошева в научном архиве ИИМК РАН) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всерос. научн. конф., посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск. С. 84–87.
- О научном наследии..., 1953. О научном наследии советских исследователей археологии Урала Н.Н. Бортвина, П.А. Дмитриева, М.В. Талицкого. Д.Н. Эдинга, Н.А. Прокошева, Е.П. Аликина, П.Н. Топоркова // Ученые записки Молотовского государственного университета им. А.М. Горького. Труды Камской археологической экспедиции. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 187–197.
- От редакции, 1946. // КСИИМК. Вып. XII. С. 3–6.
- Первое Уральское..., 1948. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов. 85 с.
- Тараканова С.А.*, 1947. Всесоюзное археологическое совещание // КСИИМК. Вып. XV. Москва. С. 145–149.
- Чагин Г.Н.*, 2003. О.Н. Бадер и Пермский университет (по документальным материалам) // Вестник Пермского университета. Вып. 4. Пермь. С. 145–154.

К.А. Руденко

АРХЕОЛОГИЯ В ТАССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – КОНЦЕ 1940-х ГОДОВ

Резюме. В статье рассматривается ситуация в казанской археологии в предвоенные и первые послевоенные годы. Если в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. наблюдалась слабая археологическая активность в силу отсутствия археологических кадров, то во второй половине 1930-х гг. ситуация изменилась. Сосредоточением археологических сил стал Центральный музей Татарии, где имелись не только знакомые с археологической практикой сотрудники (А.М. Ефимова, О.С. Хованская, Н.Ф. Калинин), но и родилась новая для Татарии форма археологического сотрудничества – совместные экспедиции Казанского музея, ГИМ и ГАИМК. Инициатором этого проекта стал московский археолог А.П. Смирнов, с 1933 г. работавший в ТАССР на городище Сувар. Это было своевременным, поскольку в ближайшей перспективе планировались значительные охранно-спасательные работы на территориях, попадавших в зону затопления Куйбышевской ГЭС, включая и Болгарское городище. Все планы прервала Великая Отечественная война. После ее окончания исследования продолжились. В 1945–1949 гг. в казанской археологии произошли существенные сдвиги как в организационном, так и в научном плане.

Ключевые слова: А.П. Смирнов, А.М. Ефимова, Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская, З.А. Акчурина, Казанский музей, Болгарское городище, ТАССР.

Начало советской эпохи в археологии бывшей Казанской губернии, а с 1920 г. – ТАССР, оказалось непростым. Несмотря на впечатляющие достижения дореволюционного времени, то, что было создано в те годы, подверглось жесточайшей ломке и критике. Единственное учреждение с археологическим направлением деятельности в Казанской губернии, а затем ТАССР – Общество археологии истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), лишенное финансирования и потерявшее как кадровую основу в лице университетской корпорации, так и многих актив-

ных своих членов – археологов-любителей, умерших в 1918–1922 гг. от невзгод и лишений, оказалось не в состоянии поддерживать археологию региона. Единственное, что ОАИЭ смогло осуществить – это контроль над состоянием руин средневековых архитектурных сооружений Болгарского городища, а также публикацией нескольких выпусков «Известий» Общества.

Многочисленные краеведческие организации, возникшие в ТАССР в 1920-е гг., часть которых по своей структуре являлись «калькой» с ОАИЭ, только в существенно меньшем масштабе, декларировали занятия археологией, но из-за отсутствия финансирования, вести их были не в состоянии. Тем более, что в новых политических условиях акценты были расставлены по-иному, да и советское краеведение принципиально отличалось от того, что было до 1917 г. (Абдрашитова, 2004. С. 37–56; Зулькарнеев, 2014. С. 59–65; Руденко, 2019. С. 277–304).

Это был системный кризис казанской археологии, который назревал уже давно, а пик его пришелся на время прихода к власти большевиков. Сама по себе любительско-краеведческая основа себя изжила, отсутствие профессиональных археологов и системы подготовки археологических кадров, а также гендерный и возрастной цензы в археологической практике (Руденко, 2021а. С. 147) усугубляли стагнацию. Это было заметно уже в начале 1910-х гг. и особенно в 1914–1916 гг., при проведении стационарных раскопок в Булгаре (Руденко, 2014. С. 66). Впрочем, именно эти раскопки привели в археологию студенческую университетскую молодежь, что предопределило дальнейший ход событий.

Шаги для исправления этой ситуации и подготовки собственных археологов в Казани предпринимались. Археология была в числе учебных дисциплин в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (СВАЭИ: 1917–1922); ею занимались в рамках учебных программ в Казанском университете (КГУ) на географическом факультете под руководством профессора Б.Ф. Адлера, а затем В.Ф. Смолина (Руденко, 2013. С. 326–328; 2014. С. 359–361; Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 214–240). Однако гуманитарное направление обучения в КГУ прекратилось в 1922 г.; в те же годы СВАЭИ, в 1921 г. ставший Восточной академией, был преобразован в Восточный педагогический институт, где археологов не готовили, хотя потенциальный археологический «резерв» здесь остался.

В силу объективных и субъективных причин, в 1920-х гг. в Казани произошла смена поколений ученых, занимавшихся архе-

ологией, которая могла стать началом преодоления кризиса. Новое поколение было крайне малочисленно, а занимавшихся профессионально этой наукой было всего двое: М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин, каждый из которых по-своему пытался внести свой вклад в науку. М.Г. Худяков, стремясь идти «в ногу со временем», старался быть археологом-марксистом и эволюционировал от идей Покровского до яфетических построений Н.Я. Марра, поставив своей задачей разрушить не только идеи предшественников, которых он подверг нещадной критике, но и дискредитировать их самих. Последователей он не имел. В.Ф. Смолин, также испытал влияние новой идеологии, акцент сделал на полевые изыскания, привлекая для этого, в основном, студенческую молодежь (Руденко, 2019. С. 286–290).

Однако стоило обоим археологам покинуть Казань¹, как археологическая жизнь в Казани и ТАССР практически замерла. Наступил период стагнации, затянувшийся почти на десятилетие. Во второй половине 1920-х гг. на территории ТАССР проводили небольшие работы археологи из Москвы – И.Н. Бороздин и А.С. Башкиров². Именно с ними стал сотрудничать сотрудник ЦМТР Н.Ф. Калинин, приобщившийся к археологии, вероятно, с подачи его непосредственного начальника в музее М.Г. Худякова, несколько лет руководившего отделом археологии в Казанском городском музее, где в то время начал работать Н.Ф. (с 1924 г.)³. Обладая весьма неплохими художественными способностями, он нередко выполнял полевые чертежи в экспедициях А.С. Башкирова, делал зарисовки предметов и виды раскопок. Этот «археологический интерес», чаще всего по линии ОАИЭ, поддерживал у Калинина и директор ЦМТР – Н.И. Воробьев (1923–1934), ученик Б.Ф. Адлера.

Археологическая тематика в деятельности Калинина, весьма сильно стимулированная музейной фондово-экспозиционной практикой, особенно после передачи части коллекций археологического музея ОАИЭ в ЦМТР (Руденко, 2014. С. 370, 372–374),

¹ М.Г. Худяков в начале 1925 г. уехал в Ленинград, а В.Ф. Смолин в 1929 г. – в Херсонес, а затем в Пятигорск. См.: *Кузьминых, Старостин*, 1995. С. 157–172; *Савенко, Краснокутская*, 2003. С. 47–49.

² До 1922 г. А.С. Башкиров жил и работал в Самаре.

³ В августе 1929 г. Н.Ф. Калинин на месте находок I тыс. н.э., у Старого стекольного завода, сделанных в 1892 г., заложил несколько траншей, но безуспешно. Возможно, идею подал ему М.Г. Худяков, с которым Н.Ф. поддерживал отношения, и после отъезда Михаила Григорьевича из Казани.

постоянно совмещалась с иными разнообразными занятиями, которым он отдавался с не меньшей, если не с большей страстью. Это и изучение татарских надгробных памятников (чем он очень плодотворно занимался до своей смерти в 1959 г.), краеведческая работа (от казанской ленинианы и изучения казанского периода жизни А.М. Горького до истории Казани XVIII в., в которой, не без оснований, он считал себя непревзойденным знатоком, как и в истории Казанского края в XVI–XVII вв. в целом).

Во второй половине 1920-х гг. в археологических выездах нередко вместе с Н.Ф. Калининым принимали участие ученицы В.Ф. Смолина из ВПИ – Л.И. Вараксина, А.М. Ефимова (рис. 1), З.А. Акчурина. Особенно он выделял Л.И. Вараксину, которая вместе с ним вела полевую документацию в экспедициях А.С. Башкирова (*Кузьминых, Белозёрова*, 2017. С. 199, 201). К концу 1930-х гг., кроме З.А. Акчуриной, все они работали в ЦМТР⁴, бывшим в это время единственным центром археологических исследований в Татарии. С 1939 г. в музее стала работать О.С. Хованская, по семейным обстоятельствам переехавшая в Казань из Самары (рис. 2). До этого она прослушала курс археологии в Самарском университете и имела опыт археологических исследований под руководством самарского археолога В.В. Гольмстен (*Руденко*, 2010. С. 30–31, 90; 2021б. С. 147–148).

Тенденция проведения археологических изысканий в Казанском Поволжье силами столичных археологов продолжилась в 1930-х гг. Причина была вполне очевидна – отсутствие собственных специалистов и учреждений, руководители которых могли организовать такие работы. Эти исследования велись экспедициями ГАИМК⁵. Периодически в них участвовали и казанцы – Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова, З.А. Акчурина.

С 1933 г. стационарные раскопки на Суварском городище в Куйбышевском районе ТАССР (1933–1937) стал вести московский археолог А.П. Смирнов. Н.Ф. Калинин в раскопках А.П.

⁴ Л.И. Вараксина с конца 1920-х гг. в полевых работах участия не принимала, а занималась изучением материалов из фондов ЦМТР, в том числе и коллекций из бывшего музея ОАИЭ. Основная сфера ее интересов – эпоха раннего железа. Публикации по этой теме были оценены коллегами (*Збруева*, 1952. С. 11).

⁵ С 1933 по 1937 г. на Каме работала Камская экспедиция ГАИМК; с 1938 по 1940 – камский отряд Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР. Последний возглавляла А.В. Збруева (*Збруева*, 1952. С. 12).

не принимал участия, хотя, как вспоминал сам Алексей Петрович, в его суварской экспедиции были и казанцы (Руденко, 2014. С. 75–77). Суварская экспедиция МОГАИМК и ГИМ была единственной, которая систематически и масштабно, на новом методическом уровне, стала изучать крупный средневековый памятник в ТАССР (если не считать Болгара) за всю предшествующую историю археологического изучения древностей Казанского края. Были получены богатейшие коллекции находок. Смирнов изучал укрепления городища, многочисленные сооружения, а также постройки из кирпича (Смирнов, 1937. С. 330–332; 1941. С. 135–171; 1951. С. 230–265). Эти раскопки позволили ему получить представление о характере культурного слоя и вещевого комплекса булгарских памятников на территории ТАССР, что в дальнейшем позволило с новых позиций подойти и к раскопкам Болгарского городища.

К А.П. Смирнову и его интересу к археологии Среднего Поволжья, в том числе и булгарской тематике, Н.Ф. Калинин, занятый в то время другими проектами, сначала отнесся достаточно спокойно. Значительное внимание ему приходилось уделять музейной экспозиции, которая стала причиной постоянных конфликтов с руководством ЦМТР, оперативно реагировавшим на критику вариантов экспозиции по древней и средневековой истории края, которые создавал Н.Ф. Калинин, со стороны местных партийных органов и музейных специалистов из Ленинграда и Москвы (Дьяконов, 2006. С. 214–216).

Помимо этого, Н.Ф. Калинин не гнушался и политической конъюнктурой: следуя идеологии советской политики коренизации⁶ с учетом особого внимания руководства ТАССР к булгаро-татарской истории, Н.Ф. решил позиционировать себя и в этой области. Он разработал план раскопок на Болгарском городище, которые должны были начаться в 1933 г. Помимо этого, Н.Ф., не являясь лингвистом, стал активно заниматься вопросами генезиса языка казанских татар и связях его с языком болгар⁷, организовав для этого комиссию по булгаро-татарской эпиграфике (с 1932 г.).

⁶ Политическая и культурная установка советской власти в национальном вопросе в 1920-е и в начале 1930-х годов, выражавшаяся в назначении на кадровых руководителями партийных и государственных органов, а в сфере науки – продвижение тем и направлений исследований в национальном контексте.

⁷ Эта идея имела достаточно длительную историографическую традицию (Смолин, 1921).

Вступив в ОАИЭ только в 1923 г., Н.Ф. Калинин стал считать себя продолжателем традиций Общества и тех задач, которые были поставлены его членами в плане археологического изучения края. Подхватив таким образом «эстафету», Н.Ф. наследовал также и краеведный характер работ своих предшественников, что сказывалось на качестве его раскопок, научной отчетности и тщательности фиксации материала. В методическом плане он придерживался правил и установок начала XX в.: выборочных разведок местности, а также раскопок траншеями, шурфами и колодцами, что практиковалось и теми специалистами, у которых он учился, например, А.С. Башкировым. Особенно это проявилось в планировании работ на Булгарском городище. Н.Ф. по сути, лишь дополнил разработки, сделанные его предшественниками в ОАИЭ, главная направленность которых была связана с изучением остатков монументальных сооружений из камня и кирпича, нанесенных на план городища.

Это обстоятельство, как и архаичное видение Калининым целей и задач раскопок, привело в дальнейшем к непониманию, а затем и охлаждению отношений между ним и А.П. Смирновым. Несмотря на то, что Н.Ф. в какой-то степени был даже обязан последнему, прежде всего, возвращением в 1938 г. в штат музея и защиту от критики его работы над музейной экспозицией, его болезненное самолюбие и индивидуализм рождали подозрения к московскому археологу. Тем более, что А.П. Смирнов по настоянию нового директора музея В.М. Дьяконова, стал членом Ученого совета ЦМТР, и куратором археологической части экспозиции музея (Руденко, 2014. С. 370–374). Это обстоятельство, видимо, раздражало Калинина и чем дальше, тем больше. Очевидно, что он стремился не только сохранить позиции лидера в казанской археологии, но и ограничить московского коллегу, используя местные рычаги, прежде всего, через образованный в 1939 г. ТНИИЯЛ при СНК ТАССР⁸, где с 1942 г начал работать и Н.Ф. В 1945 г. заме-

⁸ 16 апреля 1937 г. решением Президиума ЦИК ТАССР был создан Татарский научно-исследовательский институт языка и литературы, который начал работу 7 октября 1939 г. Директором его был поставлен М.А. Нигматуллин, до того бывший заместителем директора по учебной работе Института повышения квалификации учителей. В 1941 г. ИЯЛ был переименован в Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, а в 1945 г. вошел в состав Казанского филиала АН СССР (Институт...).

стителем директора института был назначен его покровитель со времен работы в Казанском музее – Н.И. Воробьёв⁹ – с чем, вероятно связано и участие Калинина в больших проектах ИЯЛИ, хотя штатным сотрудником Н.Ф. стал только в 1947 г.

К концу 1930-х гг. археологическая деятельность в ТАССР существенно оживилась. Случилось это, прежде всего, благодаря усилиям, которые предпринял А.П. Смирнов. Проводя исследования Суvara, он понял, что ему нужна поддержка в Казани, нужна база и надежные помощники. Учитывая сложившиеся обстоятельства (кураторство в ЦМТР, поддержку его директора), А.П. сделал ставку на музей. С 1937 г., он начал целенаправленно формировать ядро своей команды, включив в нее А.М. Ефимову, уже работавшую в музее, и О.С. Хованскую, оказав ей содействие при трудоустройстве в ЦМТР (Руденко, 2010. С. 29–30). У последней была самая непростая ситуация: она и ее муж имели дворянское происхождение, что, естественно, накладывало отпечаток на жизнь их самих и семьи в Советской России. Муж, Сергей Александрович, после арестов не мог трудоустроиться и в 1938–1940 гг. был безработным. Ольгу Сергеевну тоже не миновала эта участь, но все же именно ее заработки позволяли содержать большую семью с тремя несовершеннолетними детьми. Ее арестовали в июне 1938 г. по обвинению в шпионаже, но отпустили в сентябре того же года за отсутствием состава преступления. Мужа в начале 1940 г. взял на работу директор ЦМТР В.М. Дьяконов, но, проработав несколько месяцев, Сергей Александрович скоропостижно скончался. После этого в музее стала работать Ольга Сергеевна.

Не исключено, что в этом выборе А.П. Смирнова сыграли свою роль и рекомендации его московских коллег-археологов, работавших на Средней Волге, например, А.В. Збруевой, А.С. Башкирова, причем последний хорошо знал своих казанских помощников, принимавших участие в его археологических изысканиях на территории ТАССР. А.С. Башкирова хорошо знал и Алексей Петрович, хотя бы по совместной работе в ГИМ (Белозёрова, Кузьминых, 2016. С. 104–105. Рис. 96). В какой-то степени эта ситуация устраивала и

⁹ В 1944 г. Н.И. Воробьёв начинает работать в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, где возглавляет сектор археологии и этнографии, совмещая эту работу с преподаванием в КГУ на кафедре экономической географии. С 1945 г. Н.И. Воробьёв – заместитель директора ИЯЛИ и зав. сектором.

Н.Ф. Калинина, который рассчитывал на свое влияние и авторитет в отношениях с А.М. Ефимовой и О.С. Хованской, имея в «резерве» З.А. Акчурину, работавшую в то время в ИЯЛИ.

Кроме того, с подачи А.П. Смирнова, впервые в истории казанской археологии археологические экспедиции стали совместными – ЦМТР, ГАИМК и ГИМ, а со второй половины 1940-х гг. и при участии ИЯЛИ КФАН (в лице Н.Ф. Калинина и З.А. Акчуриной), что, безусловно, существенно повысило качество полевых исследований. Такой формат сотрудничества, получивший одобрение директора ЦМТР В.М. Дьяконова, был условием А.П. Смирнова (и, скорее всего, дирекции ГИМ). Это был важный шаг к преодолению кризиса казанской археологии.

Новая форма совместной экспедиции была апробирована в 1938 г. на Болгарском городище. В этот год на верхней площадке памятника было заложено три раскопа, два из которых вели совместно Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов – на Коптеловом бугре (раскоп «А» – 80 м²) и у Монастырского погребца (раскоп «В» – 36 м²). Также достаточно большой раскоп на склоне коренной террасы (раскоп «Б» – 150 м²) у Монастырского погребца вели А.П. Смирнов и А.М. Ефимова. Кроме того, были проведены разведочные работы на селище Ага-Базар и проведена шурфовка в пойменной (подгорной) части городища – в русле р. Меленки и у озера Степного (Смирнов, 1951. С. 172–173; Хлебникова, 1987. С. 34–35, 83, № 1–3).

Выбор мест исследований не вписывался в тот план, который разработал Н.Ф. Калинин. А.П. Смирнов настоял на своем мнении, аргументировав это необходимостью выявить место возникновения средневекового Булгара и соответствие его описаниям восточных авторов X в. По мнению Алексея Петровича, проведенные раскопки 1938 г. подтвердили факт тождества исторического Булгара и Болгарского городища (Смирнов, 1951. С. 172). Раннюю датировку культурного слоя городища он в этот период строил на стратиграфии раскопа «А» на Коптеловом бугре и на лепной архаичной керамике¹⁰ из нижнего слоя, датировав ее IX–X вв. Во второй половине 1940-х гг. после раскопок на Бабьем бугре А.П. Смирнов переатрибутировал часть керамических находок, связав их с городецкой культурой середины I тыс. н.э., но при этом удревнил и керамический комплекс архаичной керамики

¹⁰ Вероятно, часть этого керамического материала была связана с именковской культурой.

из нижних горизонтов культурного слоя, датировав его VIII–IX в. (Смирнов, 1951. С. 173; Старостин, 1987. С. 92–93, 175).

В том же 1938 г. состоялась еще одна небольшая экспедиция под руководством Н.Ф. Калинина и А.М. Ефимовой: раскопки Казанской стоянки в черте города (Калинин, 1948. С. 179–186). Экспедиция ГАИМК в 1938–1940 гг. (Камский отряд Куйбышевской археологической экспедиции) под руководством А.В. Збруевой начала раскопки Луговского могильника эпохи поздней бронзы (Збруева, 1960. С. 74).

Начавшиеся совместные экспедиции закрепили за казанским музеем статус главного в Татарии учреждения, занимавшегося археологическими изысканиями. Именно ЦМТР в конце 1930-х гг. стал основой развития археологии в ТАССР, что отвечало и установкам советского правительства, возложившего на музеи как контроль за охраной памятников археологии, так и проведение археологических работ (Руденко, 2021а. С. 301–302). Обстоятельства в этом отношении складывались очень благоприятно. На I Всероссийской археологической конференции музеев НКП РСФСР в Москве (10–13 апреля 1939 г.), где в качестве участников были А.П. Смирнов и А.М. Ефимова, был утвержден план археологических изысканий на Средней Волге на 5 лет в связи со строительством гидроузла в районе г. Куйбышева (областного). На территории ТАССР планировались стационарные раскопки на Болгарском городище, исполнение которых было поручено А.П. Смирнову (центральная часть городища) и Н.Ф. Калинину (периферия памятника). Помимо этого, на территориях, попадавших под затопление водами водохранилища, следовало организовать разведки (Н.Ф. Калинин). Приоритет был отдан бассейну Казанки. Предусматривались и наблюдения на новостройках в Казани (Н.Ф. Калинин) (Руденко, 2014. С. 379–380).

В 1939 и 1940 г. раскопки в Болгарах продолжались в том же формате и были сосредоточены на изучении городской бани – так называемой «Красной палаты», расположенной у подножия северного склона коренной террасы (Хованская, 1954. С. 407–414; Хлебникова, 1987. С. 83, № 4). Исследования были масштабными – работы велись в течение двух сезонов на площади более 700 м² и оказались весьма результативными, поскольку сооружение сохранилось очень хорошо, несмотря на большие разрушения из-за добычи камня крестьянами села Болгары-Успенское в конце XIX – начале XX в. Высота стен достигала 2 м, при толщине в 2 м; можно

было проследить не только планировку, но и интерьеры и получить представление о художественном оформлении помещений. Впечатление от раскопок было очень сильным у всех участников экспедиции. Алексей Петрович с большой теплотой вспоминал о них в одном из писем военного времени к А.М. Ефимовой (Смирнов, 1951. С. 210–222, письмо № 2. Рис. 141–149; Руденко, 2020. С. 22, 75–77. Рис. 1, 2, 3).

Н.Ф. Калинина успехи экспедиции не радовали: он стал тяготиться присутствием А.П. Смирнова в Болгарах. После первых двух сезонов совместных исследований Н.Ф. стал активно добиваться самостоятельного руководства раскопками на городище и их финансирования, о чем А.М. Ефимова писала А.П. Смирнову. При встрече с Алексеем Петровичем Н.Ф. вел себя агрессивно и резко (Руденко, 2020. С. 17, № 1). Очевидно, что Н.Ф. Калинин в этой ситуации всячески стремился подчеркнуть свой статус и самостоятельность.

Но воплотиться намеченным планам археологических исследований в 1941 г. не было суждено – Великая Отечественная война перечеркнула все. А.П. Смирнов 7 июля 1941 г. ушел добровольцем в московское ополчение и был определен рядовым в первую роту первого батальона Ленинской дивизии (рис. 3). Сначала их подразделение находилось в войсковом резерве, а в конце сентября было переброшено под Вязьму для планировавшегося наступления. Но после внезапного прорыва немецких армий 6 октября А.П. Смирнов попал в окружение. С боями небольшая группа бойцов, в которой был и Алексей Петрович, выходила из окружения. Отряд шел по сложному маршруту. По словам А.П. Смирнова они двигались от реки Угры, в районе Жулино, что к югу от Вязьмы, на восток в сторону Москвы, проходя лесами между Бородиным и Вереей.

Перейти линию фронта удалось у д. Борисово (район Вереи на р. Протве). Далее они через Пушкино, Шаликово, Дорохово, Кубинку добрались до Звенигорода, откуда с пункта формирования А.П. Смирнов был направлен в 202 запасной полк в Дедовск, а 28 октября был переведен в 840 саперный батальон. 14 января 1942 г. по распоряжению командира 39 саперной бригады был демобилизован и отправлен в Москву в распоряжение Академии наук. (ОПИ ГИМ. Ф. 496. Ед. хр. 154. Л. 96, 98)¹¹. Алексей

¹¹ Благодарю Ирину Валентиновну Белозёрову, за предоставленные материалы из фонда А.П. Смирнова в ОПИ ГИМ.

Петрович рассказывал о войне своим казанским коллегам, но сохранились эти сведения только в записях его сына Кирилла (*Мельникова, Останина, 2020. С. 718–727*).

В июле 1941 г. работа казанского музея была свернута, большая часть сотрудников, в том числе Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова, О.С. Хованская, уволены и стали фактически безработными. С июля 1941 г. в СССР вводится нормированное распределение продуктов (хлеб, сахар, кондитерские изделия) по карточкам. В начале октября они были введены и в ТАССР. По Постановлению СНК СССР работающим гражданам выдавали продуктовые карточки, а безработные получали карточки иждивенческие, по которым выдавалось минимальное количество продуктов, и прожить на этот паек было фактически невозможно.

После увольнения А.М. Ефимовой удалось устроиться учителем истории в казанскую школу № 34. До начала учебного года с августа по ноябрь этого года жителей города отправляли на рытье окопов и противотанковых рвов под Казанью. До призыва в армию мужа В.И. Адо в мае 1942 г., семья Ефимовых жила в целом неплохо, но затем Александра Михайловна осталась одна с сыном-школьником, престарелым отцом, а квартиру «уплотнили» эвакуированными из Москвы родственниками мужа. В конце лета 1942 г. А.М. Ефимова ушла из школы и восстановилась в ЦМТР. Здесь ей выделили небольшой участок под огород, однако, чтобы прокормиться приходилось продавать или обменивать вещи на рынке в Казани или в деревнях (*Руденко, 2010. С. 91–95*).

Не менее тяжело было и О.С. Хованской: она устроилась инструктором школы ПВХО, читала лекции для раненых, сопровождала передвижные выставки от ЦМТР. Ей надо было заботиться о двух дочках-школьницах и старике-отце. Семья голодала. От истощения 30 июня 1942 г. умер отец – Сергей Александрович Зыбин. По воспоминаниям ее дочери Татьяны, приходилось покупать картофельные очистки, собирать лебеду, что-то выращивали на огороде, какие-то вещи обменивали на продукты на городском рынке или в деревне. Небольшие денежные переводы для Ольги Сергеевны прислала дочь от первого брака Елена (*Руденко, 2010. С. 31–33*).

Голодала и семья Н.Ф. Калинина. Ситуация стала критической летом 1942 г., когда Н.Ф. заболел дистрофией. Его супруга Ксения Даниловна обратилась за помощью к директору ЦМТР В.М. Дьяконову, поскольку у Н.Ф. Калинина помимо ослабевше-

го здоровья сильно изменилось поведение, и она стала опасаться за его психику. В.М. Дьяконов отправил Н.Ф. в Болгары, где он к осени восстановился и даже провел обследования эпитафических памятников на территории городища (Дьяконов, 2006. С. 246). Вернувшегося в Казань Калинина как единственного оставшегося археолога приглашают в ИЯЛИ участвовать в написании очерков для академического издания «Истории ТАССР»¹². За ним закрепили статьи по древней и средневековой истории (до Золотой Орды), хотя по средневековью очерк был заказан академику Б.Д. Грекову, который завершил его к апрелю 1942 г. (Руденко, 2021. С. 348. Прим. 303). Н.Ф. позже добавил к этому тексту иллюстрации, а также археологические данные. Сам Калинин взял на себя очерк по первобытной эпохе, из которого через два года появилась его кандидатская диссертация, защищенная в начале 1947 г. Текст диссертации почти весь вошел в 1 главу «Истории ТАССР».

А.П. Смирнов 15 января 1942 г. был демобилизован и, практически сразу, был включен в состав комиссии Государственного комитета обороны (ГКО) по определению ущерба, нанесенного фашистами археологическим памятникам и музеям в западной части СССР (Руденко, 2020. С. 22). В 1942–1943 гг. Алексей Петрович руководил экспедицией особого назначения (ЭОН-2) на Средней Волге также по заданию ГКО. В составе ЭОН были археологи из Ленинграда (ИИМК), эвакуированные в Казань и Елабугу в 1941–1942 гг., а также из МОИИМК. В числе эвакуированных – П.П. Ефименко, С.И. Руденко, С.Н. Бибииков и др. Работы ЭОН-2 осуществлялись в основном в 1942 – начале 1943 г. Летом 1943 г. появилась возможность проводить полевые археологические работы помимо ЭОН-2. Так, в июле 1943 г. под руководством П.П. Ефименко были проведены небольшие раскопки Ананьинского и Луговского могильников; В.П. Мизиновой

¹² В 1945 г. при Институте истории АН СССР была создана комиссия для содействия по написанию истории ТАССР. Основанием этого была сессия по этногенезу казанских татар 1944 г. как реакция на Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и постановления Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября 1944 г. «О работе и ошибках Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (Руденко, 2021. С. 53–54). 25–26 апреля 1946 г. в Москве состоялась конференция ученых Отделения истории и философии Академии наук СССР и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР, посвященная этногенезу казанских татар (Гимади, 1946. С. 146–147).

и А.А. Гавриловой велись разведки по Каме, в ходе которых были обследованы городища Свиногорское и Грохань, а также Котловский могильник. Правобережье Камы вверх от Елабуги было осмотрено С.И. и Н.М. Руденко (*Збруева*, 1960. С. 74; *Руденко*, 2014. С. 79–80). В 1944 г. ленинградские и московские археологи покинули Елабугу.

Кроме эвакуированных археологов, в ТАССР находились и те, кто ранее был осужден по политическим статьям УК РСФСР и не имел право проживать в крупных городах СССР. Среди них был отбывший срок на Белбалткомбинате искусствовед и реставратор, член ГАИМК Н.П. Сычѳв, попавший в 1942 г. в Чистополь. Здесь он работал с 1942 по 1944 г. научным сотрудником, а затем заместителем директора Чистопольского краеведческого музея. Он поддерживал связь с группой ИИМК в Елабуге (*Кызласова*, 2006. С. 71–72, 81. Прим 163), совершил несколько археологических экскурсий в с. Змиево, около которого находятся два средневековых городища, и на городище Джукетау, собрав небольшую коллекцию находок. Итогом его изысканий стали статьи по болгарской тематике, опубликованные в КСИИМК в 1946 и 1947 гг. (*Сычѳв*, 1946. С. 138–141; 1947. С. 70–73).

В 1943 г. когда ЦМТР возобновил свою деятельность, А.М. Ефимова, О.С. Хованская, Н.Ф. Калинин вернулись в штат музея. Началось восстановление экспозиции, работа с фондовыми материалами. А.П. Смирнов поддерживал связь с казанскими коллегами, встречался в Москве с директором музея В.М. Дьяконовым и с Н.Ф. Калининным. Обсуждались вопросы планирования будущих экспедиций и их организации.

Защитив в 1944 г. докторскую диссертацию по волжским булгарам, А.П. Смирнов укрепился в желании продолжать раскопки болгарских памятников, что, видимо, не очень обрадовало Н.Ф. Впрочем, последний решил делать упор на первобытной эпохе, вероятно, под влиянием разговоров с А.П. Смирновым и текущей необходимостью написания очерка в «Историю ТАССР».

Война близилась к завершению, и задачи послевоенных археологических исследований в СССР были определены на мартовском (1945 г.) Всесоюзном археологическом совещании (*Кузьминых, Серых*, 2021. С. 36–37). Казанские археологи должны были следовать в своей работе довоенной программе.

Первые послевоенные археологические исследования в ТАССР начались летом 1945 г. В конце марта, после Всесоюзного совеща-

ния, А.П. Смирнов пишет А.М. Ефимовой о поддержке дирекцией ГИМ его желания провести экспедицию в Болгарах (Руденко, 2020. С. 50, № 12). Тем временем, в начале лета 1945 г. Н.Ф. Калинин (рис. 4) организовал небольшие разведки в окрестностях Казани и нижнем течении Казанки с участием З.А. Акчуриной, нескольких студентов и старшеклассников. А.М. Ефимову и О.С. Хованскую он назначил руководителями отрядов. Несмотря на небольшую протяженность маршрута, результаты были неплохие: осмотрены и зарисованы эпиграфические памятники эпохи Казанского ханства, обследован Иски-Казанский археологический комплекс домонгольского и золотоордынского времени. Н.Ф. Калинин выбрал своеобразную тактику исследования: после прохождения участка маршрута каждым из отрядов, он осматривал эту местность сам, проверяя достоверность дневников начальников отрядов.

Н.Ф. демонстрировал коллегам свое положение руководителя и начальника. Особенно его раздражала А.М. Ефимова, назначенная заведующей археологическим отделом в ГМТР¹³, что было ударом по его самолюбию. Непросто ему было с О.С. Хованской: она настояла, чтобы отчет о разведках был под ее фамилией, а не Калинина, хотя открытый лист был на имя последнего. Тем не менее, Н.Ф. Калинин не оставлял попыток подчинить себе команду А.П. Смирнова.

Экспедиционный сезон 1945 г. продолжился раскопками совместной экспедиции ГАИМК, ГИМ и ГМТР под руководством Н.Ф. Калинина и А.П. Смирнова на Болгарском городище (Руденко, 2014. С. 77, 97, 101). При этом, Н.Ф. Калинин вел самостоятельный раскоп у Британкина озера (98 м²), а А.П. Смирнов – два раскопа: один на старой дороге на Ага-Базар в 1,5 км от укреплений (раскоп «А» – 22,5 м²), а второй, совместно с А.М. Ефимовой, на месте христианской церкви – так называемой «Греческой палаты» (раскоп «Б» и «В»: 408 м²). Раскопки проводились в разные месяцы, поэтому сотрудники музея могли принять участие в работе обоих отрядов.

В выборе мест исследований, видимо, в первую очередь учитывалось возможности экспедиции: достичь максимум результатов при небольших ресурсах. А.П. Смирнов выбрал уже неоднократно подвергавшиеся раскопкам место христианской церкви в Болгаре, а также для проверки территории вне укреплений (здесь были за-

¹³ В 1944 г. казанский музей (ЦМТР) получил статус государственного: Государственный музей Татарской республики (ГМТР).

метные всхолмления неизвестного происхождения) (Хлебникова, 1987. С. 38–39, 83, № 5, 6, 7). Выбор оказался удачным: на раскопе «А» были обнаружены остатки каменной постройки золотоордынского времени, на Греческой палате – средневековое кладбище, располагавшееся как за пределами церкви, так и под ее полом. Захоронения отличались хорошей сохранностью, что позволило А.П. привлечь для их изучения антропологов, прежде всего М.М. Герасимова. А.П. Смирнов всячески поддерживал А.М. Ефимову (рис. 5), переживавшую в тот момент сильнейшую депрессию, порекомендовав руководству ИЯЛИ привлечь ее для написания очерка по средневековью для «Истории ТАССР» (она стала тем самым соавтором и Н.Ф. Калинина и Б.Д. Грекова), просил ее написать статью по итогам полевого раскопочно-го сезона в КСИИМК, предложил выбрать научную исследовательскую тему по музейным коллекциям. Это хорошо видно по письмам А.П. Смирнова к А.М. Ефимовой (Руденко, 2021. С. 43–72).

Н.Ф. Калинину это не могло нравиться. А.П. Смирнов вновь вторгался в его жизненное пространство. Эрудированный, демократичный и коммуникабельный, при этом сохранявший требовательность и строгость в работе, Смирнов радикально отличался от замкнутого в себе Калинина, не доверявшего никому из своих коллег и неохотно делившегося властью начальника. Видимо в этот период Н.Ф. Калинин принял решение создать свою команду, опираясь на студентов университета, где он преподавал, которые не посягали на его авторитет. При этом он не отказывался и от попыток привлечь в свою группу и О.С. Хованскую из ГМТР, а из ИЯЛИ – З.А. Акчурина (рис. 6). Внешне он не конфликтовал и с А.П. Смирновым, даже был его содокладчиком на апрельской конференции в Москве в 1946 г. После перехода в ИЯЛИ в 1947 г. он стал брать себе аспирантов, которые не были связаны с А.П. Смирновым, и работали в русле научных интересов Н.Ф., как, например, Г.В. Юсупов (1948–1952)¹⁴, в дальнейшем ставший признанным эпиграфистом (Ахатов, 2019. С. 7) или В.Ф. Генинг (1955–1960), занимавшийся археологией Прикамья в I тыс. н.э.

Проблема подготовки археологов в этот период, учитывая колоссальный объем охранных работ по Куйбышевскому водохранилищу в ближайшей перспективе, волновала как А.П. Смирнова,

¹⁴ В 1952 г. Г.В. Юсупов принимал участие в раскопках в Болгаре.

так и Н.Ф. Калинина. Первый выбрал путь экспедиционного ученичества, опираясь на опытных помощников-руководителей раскопов в лице О.С. Хованской, А.М. Ефимовой, примкнувшей к ним З.А. Акчуриной и присоединившейся в начале 1950-х гг. В.А. Тихомировой. Приглашенные в состав экспедиции студенты как казанских, так и московских вузов (а впоследствии, аспирантов ИИМК и ГИМ) наряду с руководителями раскопов, которые вели их самостоятельно (отчеты тоже были под их фамилиями), участвовали в воскресных обходах, знакомились с материалом в ходе камеральной обработки. Число студентов было невелико, как правило, человек 5, поскольку землекопов нанимали из жителей села, да и сам Алексей Петрович требовал, чтобы отбор был строгий (Руденко, 2021. С. 219; 265, 268). Судя по воспоминаниям студентов тех лет, система была эффективной и результативной (Аксёнова, 2010. С. 27–32). Некоторых студентов, участвовавших в Болгарской экспедиции, после окончания вуза А.П. Смирнов брал в аспирантуру (Т.А. Хлебникова) или в дальнейшем находил возможность привлекать их к раскопкам на городище (Н.Д. Аксёнова). Его коллеги О.С. Хованская и А.М. Ефимова преподавали в педагогическом институте и работали со студентами, некоторые из которых проходили учебную практику в Болгарской экспедиции.

Н.Ф. Калинин стал практиковать, по примеру Б.Ф. Адлера и В.Ф. Смолина, кружково-кураторское наставничество на базе Казанского университета (конечно, в бóльшем масштабе, чем его предшественники) с привлечением студентов на экспедиционные проекты ИЯЛИ в разведки по Татарии. К сожалению, настоять на археологической специализации на историко-филологическом факультете университета, несмотря на многочисленные попытки, ему не удалось. В раскопках Н.Ф. придерживался, в основном, старой методики: например, при исследованиях Именьковского городища в 1953–1954 гг., где каждый участок при сохранении всех бровок превращался в «колодец»¹⁵ (Калинин, Халиков, 1960. С. 226). Но он совершенствовал систему разведок. Главной их целью было максимально полное обследование территорий, попадавших под затопление водами Куйбышевского водохранилища. Однако Н.Ф. по сути не стремился к точному следованию ей, а переосмыслил ее, сформулировав цель разведочных изысканий 1945–1949 гг.

¹⁵ Контрольные бровки оставались через три участка. Часть их по каким-то причинам осталась не разобранной.

так: «составить научно-документальную археологическую карту Татарии» (Калинин, Халиков, 1954а. С. 3), что выполнить в такие сроки было нереально¹⁶. Только в 1950–1952 гг. он начал разведки на проблемных территориях, но основное внимание уделил раскопам памятников в пойменной части близ Казани, преимущественно эпохи бронзы (Калинин, Халиков, 1954б. С. 247–258). Наиболее трудная для обследования пойма Камы и Волги изучалась мало, больше внимания было обращено на материковую часть, что хорошо видно по карте изученных памятников (Калинин, Халиков, 1954. С. 4. Рис. 10; Руденко, 2021. С. 306–309, 398–404). Упущенное время и возможности привели к катастрофической потере информации об археологических объектах на этой территории, затопленной водами водохранилища в 1955–1956 гг.

Размежевание на два полюса в казанской археологии произошло в 1946 г. и было связано с трагическим случаем в разведочной экспедиции Н.Ф. Калинина по рекам Актаю и Бездне. Машина, на которой ехал он сам с руководителями разведочных отрядов О.С. Хованской и З.А. Акчуриной, а также со студентами, попала в аварию. Хованская¹⁷ и еще несколько человек серьезно пострадали (Руденко, 2021. С. 117–119). После этого О.С. Хованская и З.А. Акчурина в разведках Н.Ф. Калинина не принимали участия¹⁸.

Николай Филиппович переживал этот случай, поскольку его действия во время этого инцидента нельзя считать безупречными, что отметил А.П. Смирнов в письме к А.М. Ефимовой (Руденко, 2021. С. 114, 118, № 27). Это, скорее всего, понимал и сам Н.Ф. С 1947 г. Калинин перестал приезжать в Болгары. Причина была проста – в 1946 г. он бросил центральный раскоп, начатый им в начале июля на «Четырехугольнике», и уехал готовиться к разведкам¹⁹. После всего случившегося принимать участие в совместных экспедициях в Болгарах, ему, видимо, казалось невозможным. Свою роль сыграли и переход на работу из ГМТР в ИЯЛИ, а также проблемы со здоровьем.

¹⁶ Завершение составления археологической карты ТАССР состоялось только в 1990-е гг.

¹⁷ После аварии О.С. Хованская получила инвалидность, но продолжила работать в музее.

¹⁸ З.А. Акчурина в 1947 г. помогала Н.Ф. Калинину в работах в Казанском кремле. Вместе с ней были и студенты КГУ – Т. Хлебникова и К. Булатова, в дальнейшем постоянные участники экспедиций А.П. Смирнова в Болгарах.

¹⁹ Завершила его раскоп З.А. Акчурина.

Таким образом, с 1947 г. на территории ТАССР стационарные исследования проводились совместной экспедицией под руководством А.П. Смирнова в Болгарах, разведочные изыскания экспедицией ИЯЛИ под руководством Н.Ф. Калинина, и на Каме в 1946–1948 гг. исследовались Луговская стоянка и могильник Камской экспедицией ИИМК под руководством А.В. Збруевой (*Збруева*, 1952. С. 12).

Результаты трех полевых сезонов раскопок А.П. Смирнова и его команды в Болгарах в 1947–1949 гг. были впечатляющими: были полностью изучены остатки армянской церкви и кладбища XIV в. («Греческая палата») (253 м²), могильник на «Бабьем бугре» (237 м²), начато изучение укреплений «Малого городка» (48 м²), сделан разрез вала городища (227 м²); начата расчистка «Четырехугольника» (100 м²), выявлены гончарный и металлургические районы средневекового города (1219 м²) (*Ефимова*, 1960. С. 169–193; *Хлебникова*, 1987. С. 83–84), получены ценные антропологические материалы и важные данные по булгарскому этногенезу. Удивили археологов-медиевистов свидетельства производства чугуна в Болгаре в XIV в. Особенно стоит отметить уточнение А.П. Смирновым стратиграфической шкалы Болгарского городища, ставшей эталонной для средневековых памятников Казанского Поволжья (*Смирнов*, 1954. С. 307–313).

Подведем итоги. Казанский музей в конце 1930-х – 1940-х гг. являлся ведущим учреждением, определявшим будущее археологии в Татарии. Здесь в этот период были сосредоточены самые подготовленные специалисты, которые, благодаря А.П. Смирнову, принимали участие в формировании научных основ булгаристики, как и в подготовке будущих кадров. Стоит отметить тщательную работу с полученными находками, которые по большей части отправлялись после раскопок сначала в Москву, потом возвращались в Казань, в ГМТР. Специалистами ГИМ определялись монеты, реставрировались ткани из раскопок. Коллеги из других институтов АН СССР делали антропологические и остеологические определения, а палеоантрополог М.М. Герасимов для ГМТР выполнил скульптурные реконструкции внешнего вида жителей средневекового Болгара по черепам из раскопок могильников на «Бабьем бугре» и на «Греческой палате» (*Янина*, 1954. С. 424–484; *Руденко*, 2021. С. 472–473. Рис. 28, 29). Болгарская экспедиция на долгие годы стала местом притяжения людей, интересовавшихся историей Татарии: экскурсии, официальные делегации, одиночные посетители посещавшие раскопы стали ежегодными. Достижения архео-

логов озвучивались на ежегодных конференциях ГМТР. Отметим и то, что Болгарская экспедиция поддерживала в послевоенные годы и жителей села как продуктовым довольствием, так и оплатой работы в экспедиции, особенно в голодные 1946 и 1947 гг.

Кризис 1920–1930-х гг. в казанской археологии за первые послевоенные годы был в целом преодолен. Археология становилась на научные «рельсы», но сложившееся разделение научного пространства на «зоны ответственности» двух археологов – А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина, предопределило ее развитие в 1950-е гг. – период колоссальных охранных исследований на Средней Волге перед завершением строительства Куйбышевской ГЭС и в первые годы после затопления ложа водохранилища.

Литература

- Абдрашитова И.М.*, 2004. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923–1930 гг.) // *Филология и культура*. № 5. С. 37–56.
- Аксёнова Н.Д.*, 2010. Любовь моя – Болгары. Воспоминания и научные работы Н.Д. Аксёновой / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань: «Заман». 176 с.
- Ахатов А.Т.*, 2019. Гарун Валеевич Юсупов: археолог, эпиграфист, этнограф (к 105-летию со дня рождения) // *Genesis: исторические исследования*. № 12. С. 243–253. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.12.31532.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.*, 2016. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // *МИРАС – НАСЛЕДИЕ*. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс». С. 86–112.
- Гимади Х.Г.*, 1946. Научная сессия по вопросам истории Татарской АССР // *Вопросы истории*. № 10. Октябрь. С. 146–147.
- Дьяконов В.М.*, 2006. Моя жизнь и музей. Сорок лет участия в музейном строительстве. Казань: Изд-во «Казань». 504 с.
- Ефимова А.М.*, 1960. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // *ТКАЭ*. Том III / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 169–193. (МИА. № 80)
- Збруева А.В.*, 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья*. Том V. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–319. (МИА. № 30)
- Збруева А.В.*, 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // *ТКАЭ*. Том III / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 10–95. (МИА. № 80)
- Зулкарнеев К.Д.*, 2014. Итоги экспедиционной деятельности «Общества изучения Татарстана» в 1929 г. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 4. Ч. 2. Тамбов: Грамота. С. 59–65.

- Институт... Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://hultafors-russia.ru/institut-yazyka-literatury-i-iskusstva-imeni-galimdzhana-ibragimova> Дата обращения 10.01.2022.
- Калинин Н.Ф., 1948. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А. П. Смирнов. М.: НИИКМР. С. 179–186.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954а. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат. 128 с. (Труды КФАН. Серия исторических наук)
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954б. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // ТКАЭ. Т. I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 247–258. (МИА. № 42)
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960. Именьковское городище // ТКАЭ. Том III / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 226–250. (МИА. № 80)
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В., 2017. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. № 1. С. 196–218.
- Кузьминых С.В., Серых Д.В., 2021. Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 36–37.
- Кузьминых С.В., Смирнов А.С., 2015. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // ПА. № 1 (11). С. 214–240.
- Кузьминых С.В. Старостин П.Н., 1995. Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 157–172.
- Кызласова И.Л., 2006. Николай Петрович Сычёв (1883–1964). М.: СканРус. 328 с. (Отечественная реставрация: personalia. Вып. 1)
- Мельникова О. М., Останина Т. И., 2020. Археолог Алексей Петрович Смирнов о Великой Отечественной войне // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 30. Вып. 4. С. 718–727. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-718-727.
- Руденко К.А., 2010. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: Изд-во МОиН РТ. 176 с.
- Руденко К.А., 2013. Б. Ф. Адлер: реконструкция биографии (1911–1917 гг.) // Историк в историческом и историографическом времени. Материалы межд. форума / Сост., отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз». С. 326–328.
- Руденко К.А., 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования». 768 с.
- Руденко К.А., 2019. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 277–304. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-301-5.277-304.
- Руденко К.А., 2020. Казанские археологи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Редакционно-издательский центр «Школа». 92 с.

- Руденко К.А., 2021а. Гендерные аспекты Казанской археологии во второй половине XIX – XX вв. // Археология Евразийских степей. № 5. С. 145–152. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.145.152>.
- Руденко К.А., 2021б. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Ред.-изд. центр «Школа». 476 с.
- Савенко С.Н., Краснокутская Л.И., 2003. Крымско-Северокавказский период деятельности В.Ф. Смолина (По материалам Пятигорского краеведческого музея) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы междунауч. конф. / Ред. О.В. Кузьмина. Чебоксары: ЧГИГН. С. 47–49.
- Смирнов А. П., 1937. Исследование городища Сувар в 1937 г. // СА. IV. С. 330–332.
- Смирнов А.П., 1941. Сувар. Итоги раскопок 1933–37 гг. // Работы археологических экспедиций / Ред. Д.Н. Эдинг. М.: ГИМ. С. 135–171. (Труды ГИМ. Вып. XVI)
- Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары. М.: ГИМ. 276 с. (Труды ГИМ. Вып. XIX)
- Смирнов А.П., 1954. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // ТКАЭ. Том I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 302–324. (МИА. № 42)
- Смолин В.Ф., 1921. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар: (Разбор главнейших теорий). Казань: Чувашское отд. Гос. изд-ва, Казанское Подотделение, 1921. 56 с.
- Старостин П.Н., 1987. Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Город Болгар: очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука. С. 89–98.
- Сычёв Н.П., 1946. Поливной сосуд из Биляра // КСИИМК. Вып. 12. С. 138–141.
- Сычёв Н.П., 1947. К вопросу о болгарских сферических сосудах // КСИИМК. Вып. XIV. С. 70–73.
- Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука. С. 32–88.
- Хованская О.С., 1954. Бани города Болгара // ТКАЭ. Т. I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 392–423. (МИА. № 42)
- Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // ТКАЭ. Т. I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 424–484. (МИА. № 42)

С.Н. Савенко

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – 1940-е ГОДЫ

Резюме. В статье уточняются данные о состоянии и особенностях развития археологических исследований в районах Северного Кавказа накануне, во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Говорится о факторах, влиявших на археологическую практику: освоение новых земель; развитие законодательства об охране памятников археологии; сложная ситуация в кадрах в условиях репрессий; война и восстановление страны. Особенностью периода было придание археологическим работам планового характера. Во время войны археологическое кавказоведение понесло тяжелые потери. Большая часть региона была в оккупации. В 1943–1944 гг. депортирован ряд северокавказских народов, и преобразованные институты упраздненных автономий не изучали их историю. Но и в непростых условиях в регионе продолжали работать экспедиции центральных организаций археологического профиля. Свернутые во время войны, с 1947 г. они возобновились. Активизировались и местные пережившие войну исследователи. Даже во время войны они вели полевые археологические работы. Выявление и изучение ключевых объектов различных эпох, сохранение части старых специалистов и появление новых фигур в кавказской археологии определили позитивные результаты периода и обозначили потенциал на будущее.

Ключевые слова: археология Северного Кавказа, предвоенный, военный и начальный послевоенный периоды.

Период, определенный в качестве хронологического диапазона данной статьи, распадается на три внутренних этапа, качественно отличающихся друг от друга по социально-политическим условиям, в которых приходилось работать отечественным археологам, научным, образовательным и музейным учреждениям, организующим археологические исследования. Это следующие этапы: вторая половина 1930-х – 1941 г. (до начала Великой Отечественной

войны); 1941–1945 гг. – годы Великой Отечественной войны, с выделением для конкретных территорий еще времени оккупации; 1946–1949 гг. – первые годы восстановительного периода, доводимого обычно до 1953 г. В рамках этих временных отрезков, с учетом того, что большая часть Северокавказского региона на сроки от нескольких месяцев до года попадала в зону оккупации немецко-фашистских захватчиков, попытаемся рассмотреть основные особенности развития археологической науки и практики в отдельных частях Северного Кавказа.

К центральным районам я отношу нынешний Ставропольский край с районом Кавминвод, включающим и территорию Малокарачаевского (до 1943) и Кисловодского района (1943–1953), а также Кабардино-Балкарию и Северную Осетию¹. К западным районам относится все Прикубанье. Но мы сосредоточим внимание только на восточной верхнекубанской его части в границах Карачаевской, затем Карачаево-Черкесской автономной области (1936–1943). На востоке региона находятся территории нынешних Ингушской, Чеченской Республик и Республики Дагестан. Они также находились в составе краевых структур до декабря 1936 г., когда из состава Орджоникидзевского края были выведены Дагестанская АССР и территория, преобразованная сначала в общую Чечено-Ингушскую область (1934) и затем в Чечено-Ингушскую АССР (Тархов, 2005. С. 37–75).

Следует иметь в виду, что после освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков с ноября 1943 по март 1944 г. были депортированы карачаевцы, чеченцы, ингуши и балкарцы, их национальные автономии упразднены, а научные, образовательные и культурные учреждения преобразованы. Задачи изучения истории и археологии перечисленных народов перед ними не ставились. Факторы, отражавшиеся на состоянии и ходе археологических исследований в указанный период, уже выделялись исследователями для обозначенных выше его хро-

¹ В период с января 1934 г. до января 1938 г. эти районы входили в состав Северо-Кавказского, а с 1938 по начало 1943 г. – Орджоникидзевского края (с центром в Пятигорске до начала 1936, Орджоникидзе в 1936 и Ворошиловске-Ставрополе в 1936–1943 гг.). По Конституции СССР 1936 г. стали самостоятельными административными субъектами Кабардино-Балкарская и Северо-Осетинская АССР. В январе 1943 г. был образован Ставропольский край в скорректированных границах с продолжающимися изменениями.

нологических отрезков (Формозов, 1995. С. 3–10; Гуляев, 1996. С. 3–11). Системно они изложены И.А. Сорокиной в монографии о развитии полевых археологических исследований в РСФСР в 1946–2006 гг. (Сорокина, 2008. С. 123–132).

Размах социалистического строительства 1930-х гг. был сопряжен с нарастанием темпов хозяйственного освоения земельных пространств, насыщенных на Северном Кавказе памятниками древности и средневековья. В середине 1930-х гг. оформилась система охранных раскопок в зонах строительства. Было принято Постановление ВЦИК и СНК от 10.02.1934 г. «Об охране археологических памятников», регламентирующее археологические исследования в зонах строительства; в ГАИМК был создан Особый комитет по работам Академии на новостройках (Мунчаев, 2004. С. 4–5). Несмотря на то, что на местах далеко не всегда удавалось эффективно применять действующую нормативно-правовую базу, положительные примеры имели место.

Непростой оставалась ситуация с кадрами, хотя этапным позитивным моментом стало Постановление СНК СССР И ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934), под воздействием которого появились лекционные курсы, факультативы, учебники по археологии и древней истории, специализированные кафедры археологии в ЛГУ и МГУ, академические научные издания, исторические отделения в местных вузах и т.д.

Рассматриваемый период был связан с продолжающимися репрессиями по отношению к представителям научного сообщества, включая археологов-кавказоведов (Люди и судьбы..., 2003. С. 128–129, 170–171, 208, 268–270, 356; Формозов, 2006. С. 185–217; Смирнов, 2016. С. 23–24 и др.). После ударов по научной интеллигенции с дореволюционными корнями и разгрома старого краеведения на рубеже 1920–1930-х гг. многие исследователи, причастные к археологии, были осуждены, оказались за пределами региона, умерли в тюрьмах, лагерях или пропали без вести, ушли из жизни своей смертью, нередко спровоцированной теми же обстоятельствами, а также просто исчезли из поля зрения). Репрессии продолжились и приобрели еще большие масштабы во второй половине 1930-х гг., когда также страдали северокавказские археологи, музейщики и иные любители древностей (Н.А. Захаров, М.И. Исаков и др.). Археологические исследования развивали тогда те представители центральных и местных учреждений, которые выстояли в условиях лихолетья, претерпев

давление, преследования, краткие заключения; смогли «отсидеться» в стороне от политических дискуссий и те, которые вписались в круг новой культурной интеллигенции или реально представляли ее (Б.Е. Деген-Ковалевский, С.Н. Замятин, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Б.В. Лунин, Б.Б. Пиотровский, Г.В. Подгаецкий, А.В. Мачинский, Н.М. Егоров и др.). В северокавказской археологии в это время появились и некоторые лица с научным опытом, репрессированные в других областях страны и переехавшие на Кавказ (Т.М. Минаева, К.Э. Гриневиц и др.).

Война также оказала серьезное воздействие на состоянии археологических работ, особенно в областях и районах, находившихся в зоне непосредственных боевых действий и оккупации, то есть большей части Северного Кавказа. Археологикавказоведы воевали в действующих частях армии, в ополчении и гибли (А.П. Круглов, А.В. Мачинский, С.Н. Аносов и др.), оставались в блокадном Ленинграде и умерли там (Г.В. Подгаецкий, Б.Е. Деген-Ковалевский), отправлялись в эвакуацию, оказывались в зонах оккупации, где некоторые проявляли относительную лояльность к новому режиму и продолжали работать при нем. Такие факты расценивались как проявления коллаборационизма, что вынуждало эмигрировать за границу (М.А. Миллер) или приводило к заключению в лагерях. Одним из последних серьезных ударов явилось «Ленинградское дело», когда было закрыто археологическое отделение исторического факультета ЛГУ (1949). Некоторые ученые, имеющие прямое или косвенное отношение к кавказской археологии, были арестованы и в самом конце 1940-х гг. (Г.А. Кокиев).

Очень непросто складывалась в это время судьба центральных и местных организаций, проводивших археологические исследования. Они часто преобразовывались, меняли свою структуру. Создавались и новые. С 1934 по 1937 г. действовала археологическая секция в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР. В 1935 г. была восстановлена подготовка на базе кафедры истории доклассового общества в ЛИФЛИ. В то же время сформирована кафедра археологического профиля в МИФЛИ, где работал В.А. Городцов, занимавшийся среди прочего и Кавказом. В декабре 1941 г. МИФЛИ был слит с МГУ. В 1937 г. ГАИМК была реорганизована в ИИМК АН СССР куда волилась и секция археологии ИААЭ. Появились сектора древнего и средневекового Кавказа, которые в конце 1930-х гг. почти ежегодно преобразовы-

вались. Этот процесс продолжался и после войны (Борисковский, 1980. С. 5–10; Алёкишин, 2013. С. 100–159). В 1938 г. было открыто археологическое отделение ЛГУ со специализацией по археологии Кавказа. Через десятилетие оно было закрыто в связи с указанными выше репрессивными обстоятельствами (Носов, Тихонов, 2004. С. 283–294). В 1939 г. археологическая специализация была восстановлена в МГУ и образована кафедра археологии, также занимавшаяся кавказской проблематикой.

В конце 1930-х гг. на Северном Кавказе продолжали интенсивно работать экспедиции ГАИМК/ИИМК, Государственного Эрмитажа, ГИМ и других учреждений центральных городов России. Музеи, к примеру, в Осетии, Ингушетии, ответственно отнеслось к решению 2-ой Северо-Кавказской конференции музейных работников (конец 1935 г.) об установлении профиля и структуры каждого музея, в которых, должны были существовать научно-исследовательские подразделения (Шнеерсон, 1936. С. 120–121). На Всероссийской археологической конференции музеев Наркопроса в апреле 1939 г. был принят первый пятилетний план археологических работ в стране, в котором фигурировали и районы Северного Кавказа (Первая Всероссийская..., 1939).

Во время войны экспедиции учреждений столичных и центральных городов на Северном Кавказе фактически прекратились. Почти не упоминались задачи северокавказской археологии и на Всесоюзном археологическом совещании (февраль–март 1945 г.) в Москве, хотя итоги работы за предыдущие четверть века и достижения по субъектам этого региона приводились (Итоги..., 1945). На этом же совещании был составлен перспективный план работ по СССР. С 1947 г. плановые экспедиции на Северном Кавказе уже имели место, неравномерно охватывая районы и субъекты региона, и ежегодно их количество росло. Характер работ местных институтов национальных республик и музеев региона в рассматриваемый период также существенно менялся, но они продолжались накануне, а в некоторых районах (Кавминводы, Осетия) даже во время войны и потом, в первые послевоенные годы, преимущественно за счет усилий особо увлеченных исследователей и перспективно мыслящих руководителей. В 1949 г. в археологическую работу на Северном Кавказе были включены уже многие активные исследователи, различные областные и местные краеведческие музеи, некоторые другие организации. Важным фактором конца 1940-х гг., связанным с развитием археологии, было принятие но-

вых законодательных актов: Постановления Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» (1948) и «Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР» (1949), позволивших наладить работы по выявлению, учету, регистрации, сохранению и изучению памятников археологии. Охрана культурного наследия была возложена на республиканские, краевые и местные советские органы. Это приблизило их к задачам организации и поддержке археологических исследований.

Таким был общий социально-политический фон археологических исследований в северокавказском регионе в рассматриваемый период, влиявший на ситуацию в его частях и районах.

Центральные районы

Археологические работы, в том числе и масштабные с включением хозрасчетных механизмов, по инициативе и при участии центральных исследовательских учреждений и специалистов в центральных районах Северного Кавказа продолжались и во второй половине 1930-х гг. Так, продолжились развернутые с начала 1930-х гг. спасательные исследования на комплексе памятников раннежелезного века на территории санатория Государственной комиссии содействия ученым (с 1936 г. – им. М. Горького) в г. Кисловодске. Строительство новых корпусов санатория привело к разрушениям памятников археологии, но в связи с тем, что здравница была непосредственно связана с наукой, и в ней лечились и отдыхали ученые, включая археологов, часть материалов удалось спасти. В 1937, 1946 гг. и позже еще 12 погребений могильника на территории санатория были раскопаны крымским анатомом-морфологом и антропологом, профессором В.В. Бобиным (1890–1973). В конце 1940-х гг. одно захоронение доследовано известным пятигорским археологом-музейщиком Н.М. Егоровым. Могильник на Барановской и Крестовой Горках сначала получил название Кисловодского и был отнесен к числу важных объектов начала раннего железного века, связанных с кобанской культурой. Рядом с ним были выявлены и культурные напластования поселений близкого хронологического периода. Эти памятники исследовались уже в последующие годы и другими специалистами.

В 1933 году экспедицией Эрмитажа под руководством Б.Б. Пиотровского впервые исследовался Моздокский могиль-

ник². В 1935 г. Моздокскую экспедицию ГАИМК возглавлял М.А. Миллер, в ней участвовал А.П. Круглов. В 1936 г. сотрудник ГЭ Б.Б. Пиотровский еще раз работал в районе станции Моздок (но на этот раз в экспедиции ГАИМК) и раскапывал курганы XII–XIV вв. н.э. (Пиотровский, Иессен, 1940; Археологические исследования..., 1941. С. 242–248). Однако во все последующие годы рассматриваемого периода ни одна экспедиция центральных учреждений на территории Ставрополья и Кавминвод не работала.

Ключевой фигурой в местной археологии Кавминвод по-прежнему являлся Николай Михайлович Егоров (1876–1965), хотя его положение в это время существенно изменилось в связи с давлением на него в ходе борьбы со «старой» наукой и краеведением. В начале 1930-х гг. Егоров временно не работал, а с 1934–1935 гг. выезжал на исследование археологических памятников Пятигорска, Железноводска, Кисловодска, Эссентуков и их окрестностей. Во второй половине 1930-х гг. он открыл десятки новых памятников, в том числе знаменитый в последующем могильник кобанского времени Берёзовский 1 у Кисловодска, охарактеризованный крупным московским кавказоведом Евгением Игнатьевичем Крупновым (1904–1970) как базовый для западнокобанской Кабардино-Пятигорской группы (Крупнов, 1960. С. 187–210).

Е.И. Крупнов, объезжая музеи Северо-Кавказского края вторично (первый раз в 1933 г.) в 1936 г., дал положительную оценку перенесшему сложные перемещения коллекций и переехавшему в новое просторное здание на пр. Кирова Пятигорскому краеведческому музею и его интересному археологическому и этнографическому материалу (Крупнов, 1936. С. 107). Археологические коллекции музея продолжали пополняться за счет новых объектов. Тогда же зафиксированы раннесредневековый могильник по дороге на санаторий Наркомтяжпрома, катакомбы первых веков н.э. на Буденовской слободе, первые погребения на могильниках кобанского и раннесредневекового периодов у Клинь-Яра и Лермонтовской скалы и другие объекты в Кисловодске и окрестностях (Афанасьев и др., 2004. С. 21–22). Неоднократно Егоров, вместе с другими любителями древностей А.П. Руничем, Б.С. Виноградовым и пр. посещал крупнейший археологический

² Моздок входил до начала 1930-х гг. в Терский округ, с 1934 по 1937 г. в Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске. Только в 1944 г. Моздок и его округа отошли к Северо-Осетинской АССР.

комплекс Рим-Гора в 17 км к западу от Кисловодска. В районе бывшей немецкой колонии Темпельгоф в долине р. Кумы у г. Верблюд были зафиксированы участки мощеной дороги (*Кузнецов*, 1993. С. 33). К 1939 г. относится первая попытка написания обобщающей работы об археологических памятниках Пятигорья. К сожалению, она, как и подобная работа 1958 г., осталась не опубликованной, хотя хранящиеся в Пятигорском и Кисловодском музеях их подготовительные машинописи активно востребованы специалистами.

Известный и авторитетный археолог-краевед Андрей Петрович Рунич (1911–1986), познакомившийся с Н.М. Егоровым в 1929 г., к концу 1930-х гг. уже становился заметной фигурой в местной археологии, а к началу 1950-х гг. приобретает самостоятельность. В 1938 г. в Пятигорском музее начал работать еще один исследователь древностей – Матвей Иванович Рыбенко (1896–1991), доследовавший ряд важных памятников, таких как Эшкаконский могильник VIII–VII вв. до н.э. (*Савенко*, 2017. С. 24–27). В предвоенные годы стал собирать подъемный материал во время туристских походов и экскурсий кисловодский любитель Н.Н. Михайлов, передававший находки Н.М. Егорову (*Афанасьев и др.*, 2004. С. 21).

Н.М. Егоров оставался в Пятигорске в период Великой Отечественной войны, включая месяцы оккупации города (с августа 1942 г. по начало января 1943 г.). Докладная записка об одном из выходов на место разрушаемого кургана в колонии Николаевской подписана во второй день войны (23.06.1941) (Архив Н.М. Егорова. ПКМ, папка 8. Л. 88 об.). Пятигорский музей переживал тогда трудные времена. Рукой Егорова сделана последняя запись под номером 8009 от 25.06.1942 г. в книге поступлений. Формально с августа 1941 г. накануне оккупации и в первый ее период музей был закрыт. Н.М. Егоров и еще один старый сотрудник Ф.Л. Вельжевский прилагали усилия для сохранения музейных коллекций. В октябре 1942 г. в сокращенных объемах музей был открыт, и в то время произошло неординарное событие, имеющее отношение к этнолого-археологическим исследованиям. Тогда в Пятигорске оказалась представительная группа германских и европейских ученых, занимавшихся археологией, древней историей, этнографией и языкознанием. Среди них, в частности, были профессор Дитерс – преемник немецкого лингвиста-кавказоведа Адольфа Дирра, Антонович – внук российского археолога и этнографа польского происхождения В.Б. Антоновича и др. Принимать их в музее пришлось владеющему языками Н.М. Егорову (*Савенко, Чегутаева*,

2014. С. 441–442). Вероятно, это, а также единичные краеведческие публикации в оккупационных газетах были поставлены ему в вину в дальнейшем. После освобождения города в мае 1943 г. Егоров был вновь принят на должность старшего научного сотрудника в отдел археологии и назначен его заведующим вернувшимся из эвакуации директором музея П.П. Озеровым. Он участвовал в восстановлении и открытии музея (25.07.1943). Но в августе того же года его увольняют по собственному желанию. Думается, что помимо возраста и состояния здоровья, на это повлияли подозрения, а может и обвинения в коллаборационизме. После этого он уже не работал на штатных должностях, хотя и продолжал сотрудничать с музеем в различных формах на общественных началах.

Во второй половине 1940-х гг. Егоров продолжал исследовать разрушающиеся объекты с А.П. Руничем (*Афанасьев и др.*, 2004. С. 23). В 1948 г. также вместе с ним и этнологом П.Г. Акритасом повторно обследовал участок мощеной дороги у хутора Воронов близ г. Железноводска, соотнесенный с трансрегиональным древним торговым путем и затем – с ответвлением Великого Шелкового пути (*Кузнецов*, 1993. С. 32–33). В том же году сотрудники Пятигорского музея Н.И. Горбачёв и И.С. Гумилевский³ совместно с Н.М. Егоровым и А.П. Руничем обследовали известное средневековое городище на г. Развалка у Железноводска (*Кузнецов*, 2005. С. 72) и другие объекты. Материалы поступали как в Пятигорский музей, так и в другие учреждения. По всей вероятности, по инициативе Е.И. Крупнова одну из последних коллекций из Берёзовского могильника кобанского времени у «неутомимого краеведа энтузиаста» (*Крупнов*, 1960. С. 186) закупил в 1949 г. ГИМ. Причиной этой нетипичной для Егорова ситуации был низкий уровень его пенсионного обеспечения и отсутствие подработок.

После освобождения Пятигорска в начале 1943 г. в Учительском и пединституте появился этнолог/археолог Панаит Георгиевич Акритас (1887–1968)⁴, происходивший из грузинских греков, участ-

³ Гумилевский Иван Сергеевич (1917–1956) – сотрудник музея, археолог, выпускник исторического отделения Пятигорского пединститута (1947). Переехал в Пятигорск в начале 1943 г. Внес существенный вклад в изучение памятников Кавминвод во второй половине 1940-х гг. Участник войны с 1939 г., имел серьезные ранения и рано ушел из жизни (*Некролог...*, 1956. С. 4).

⁴ Преподаватель ПГПИ с 1943, первый председатель Ученого совета Пятигорского музея краеведения (с 1945 г.).

ник этнографических экспедиций конца 1930-х гг. в Закавказье (Фоменко, 2016. С. 7–12). Он сошелся с Н.М. Егоровым и другими краеведами Пятигорска, участвовал в их разведках, стал вести занятия, включающие сведения по археологии, в институте, выступил с инициативой проведения студенческих экспедиций археологической направленности. Его собственные практические полевые работы начались с разведок 1946 г. в семи районах Кабардинской Республики (Крупнов, 1957. С. 18), а интенсивно стали проводиться уже в 1950-е гг. Но и в 1940-х гг. он успел побывать на многих древних и средневековых объектах Кавминвод и собрать данные о них. В обобщенном виде эти сведения были приведены в газетной статье (Акритас, 1952).

В самом Ставрополе после ухода из жизни в конце 1933 г. Г.Н. Прозрителева некоторое время археологов и увлеченных любителей древностей не было. Но в 1939 г. в город перебралась из Поволжья репрессированная там Т.М. Минаева (Люди и судьбы..., 2003. С. 269–270). Местом ее работы на 11 лет, включая и годы Великой Отечественной войны, стал Ставропольский краевой музей. Татьяна Максимовна Минаева (1896–1973) сразу включилась в археологические работы на Ставрополье и в Карачаево-Черкесии. Ее интерес привлекли городища и поселения округи краевой столицы, в частности комплекс Татарское городище (тогда – 1 и 2) раннежелезного века и раннего средневековья с предполагаемыми слоями золотоордынского времени, на котором она работала в 1940–1941 гг. и с 1945 г. В 1939 г. были открыты и исследовались в 1940–1941 гг. городища на реках Мамайке и Грушевке (открыто В.Г. Гниловским⁵), осматривались известные ранее поселения на городской площади Маяковского и на р. Каряжке. Кроме того, серия поселений в 1940 г. обследовалась в восточных районах края по долине р. Кумы и вдоль ее левого притока р. Томузловки (Минаева, 1949. С. 125–164). Таким образом, Т.М. Минаева в предвоенные годы провела два напряженных полевых сезона и частично третий.

⁵ Гниловский Владимир Георгиевич (1907–1980) – географ, краевед-общественник. Его интерес к древностям сложился в 1930-е гг. Работал в Ставрополе в Учительском (потом педагогическом) институте (1932–1941, 1951), в Ставропольском суворовском училище (1944–1951), совмещал географические экспедиции и путешествия со студентами с осмотром археологических памятников и сбором подъемного материала. Сотрудничал со Ставропольским музеем и лично с Т.М. Минаевой (Роман о музее..., 2005. С. 61–63).

Война отвлекла от любимой научной работы, но, конечно, не прервала ее полностью. Кроме того, в период временной гитлеровской оккупации г. Ставрополя с августа 1942 по январь 1943 г. Минаева с группой музейных служащих спрятала под углем в подвалах музея уникальные картины, старинное оружие, редкие археологические и этнографические коллекции. Этот смелый гражданский поступок был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Уже в 1945 г. заведующая отделом истории музея вновь работала в организуемых ею экспедициях не только на территории Ставрополья, но и за его пределами. Результатом увлеченных углубленных исследований памятников Карачаево-Черкесии и Ставрополья стала защищенная в 1947 г. кандидатская диссертация «Археологические памятники верховьев Кубани». После этого Т.М. Минаева заняла одно из ведущих мест среди кавказоведов России как специалист по проблемам алановедения и другим направлениям северокавказской археологии, в частности, по изучению памятников половцев, золотоордынского города Маджар на р. Куме. С 1950 г. до конца своей жизни она преподавала в Ставропольском педагогическом институте. В это время на Ставрополье работали и другие менее значимые фигуры, связанные с археологическими исследованиями.

К числу активно исследуемых в археологическом отношении территорий до середины 1930-х гг. и в первые послевоенные годы, относилась Кабардино-Балкария (с 1944 г. – Кабардинская АССР). Еще в начале 1930-х гг. на территории республики началась реализация масштабных хоздоговорных проектов, особенно в связи со строительством БаксанГЭС и разветвленной инфраструктуры ее обслуживания. Экспедиции ГАИМК работали здесь с привлечением Нальчикского музея, руководимого любителем археологии М.И. Ермоленко. Были зафиксированы новые памятники различных эпох, определено состояние ранее известных и проведены раскопки ряда из них. Обработка полученных материалов завершилась выходом в свет печатного издания (Материалы..., 1941). Однако в нем были обобщены преимущественно достижения предшествующего периода. С 1935 г. до Великой Отечественной войны и в течение всего ее хода практические археологические работы в Кабардино-Балкарии были приостановлены. Имели место только случайные находки на месте разрушений. За ними продолжал следить Макар Иванович Ермоленко (1867–?), фактически

единолично обеспечивавший деятельность музея в Нальчике до ухода на пенсию в 1939 г. Так, например, до 1937 г. включительно собирались материалы с разрушаемого могильника кобанского времени в урочище Закуты у с. Кашкатау (Крупнов, 1960. С. 212). Тогда же, в 1937 г. в западной части Нальчика возле строящегося здания Дворца Советов был разрушен курган с ценным скифским захоронением (Могила скифа..., 1937). О Ермоленко как о «неутомимом исследователе и энтузиасте музейного дела» писали тогда журнал «Советский музей» (1937, № 1), ученые (Л.И. Лавров, Е.И. Крупнов). Но к концу 1930-х гг. проявлялся уже возраст, состояние здоровья и непростой его характер (Аптаева, 2015. С. 103–108). С выходом на пенсию М.И. Ермоленко потерялся из виду.

Только с 1946 г. Кабардинский НИИ с рядом других учреждений и ученых возобновил археологические исследования в республике. В институте был сформирован сектор археологии и его первым заведующим в 1946–1949 гг. по совместительству являлся Е.И. Крупнов (КБНИИ..., 2001. С. 59). В 1947 г. под его руководством была сформирована экспедиция ИИМК АН СССР, ГИМ и Кабардинского НИИ. Вновь было выявлено много объектов: курганные могильники у Верхнего Акбаша, Старого Лескена, Уруха, Каменноостровский могильник переходного от поздней бронзы к раннему железу времени и др. (Крупнов, 1957. С. 18). Отчеты об этих работах публиковались в новом издании «Ученые записки Кабардинского НИИ» (Т. II, 1947; Т. IV, 1949; 1950 и др.).

В 1949 г. во главе экспедиции Кабардинского НИИ и Педагогического института (Нальчик) стал работать переехавший в республику К.Э. Гриневич. Разведками были охвачены Зольский, Кубинский, Нагорный и Эльбрусский районы, а также частично – Прималкинский, Баксанский и Чегемский. Всего исследовалось 56 объектов (26 городищ и селищ, 7 пещер, 7 курганов, 10 отдельных каменных ящиков, 3 могилы и 3 менгира) (Лисицына, 1951. С. 167).

В Северной Осетии в 1934–1935 гг. работали экспедиция ГАИМК под руководством А.П. Круглова и с 1935 г. – Северокавказская экспедиция ГИМ во главе с Е.И. Крупновым. Большое количество памятников в верховьях р. Терек обследовано Андреем Павловичем Кругловым (1907–1942). С экспедицией сотрудничал местный исследователь-кавказовед из Владикавказа профессор Северо-Осетинского пединститута и сотрудник республиканского музея Леонид Петрович Семёнов (1886–1959). Специалист по истории

литературы, фольклору, он много сделал и для археологического изучения Осетии, Ингушетии и, частично, Горной Чечни, работая в этой области с разной интенсивностью в течение всего рассматриваемого периода (Л.П. Семёнов..., 1986). Разведки велись в зоне проектирования сети мощных гидроэлектростанций на участке от Трусовского ущелья до сел. Балта по Военно-Грузинской дороге, по долине Терека и по боковым ущельям. Всего зафиксировано около 200 объектов от II (III) тыс. до н.э. до XVII–XVIII вв. Большинство памятников относилась к раннему средневековью (VII–IX вв.). Это поселения и могильники Харх, Чми, укрепление «Замок царицы Тамары» и др. Много осматривалось позднесредневековых башен, иных построек, разнообразных святилищ. Дополнительно осмотрены объекты в районе с. Кобань с целью определения их современного состояния. Фиксировались факты разрушений археологических объектов в результате хозяйственной деятельности (Круглов, 1937. С. 245–250).

Е.И. Крупнов, который начинал полевые работы в регионе студентом в 1929 г., вместе с Л.П. Семёновым также исследовал многие памятники районов распространения кобанской культуры, докобанские объекты эпохи энеолита и бронзы и другие древности. В Северной Осетии экспедиция работала в 1935, 1937–1938 и 1940 гг. (Крупнов, 1951. С. 17–74; 1960. С. 210–218). На могильнике у с. Галиат был раскопан раннесредневековый склеп с всадническим захоронением и разнообразным инвентарем (Крупнов, 1938. С. 113–121). Результаты работ экспедиции 1935 г. на могильниках докобанской и кобанской культур отмечены в итоговых материалах, посвященных 25-летию советской археологической науки (Авдиев, 1942. С. 57).

Та же Северокавказская экспедиция в 1937–1938 гг. вела раскопки могильника кобанского времени Верхняя Рутха у с. Кумбулта (Дигория) и других объектов. При участии Северо-Кавказского научно-исследовательского института, Северо-Осетинского НИИ и музея краеведения, Антирелигиозного музея в г. Владикавказе (в 1944–1954 гг. – Дзауджикау) проводились работы в 1940 г. в Стур-Дигорском ущелье (Махчесский район). В могильнике, в с. Аксау захоронения датировались XII–XIV вв. Еще более поздний материал выявился у сел Дзинага и Ногкау. А в центральном селении Стур-Дигора были обследованы культовые места (деревья, рощи, «Дзуары», пещерное святилище у Задалеска) (Крупнов, 1947а. С. 99–102).

Война резко ограничила возможности для проведения исследований в республике. Экспедиции центральных учреждений не возвращались сюда до конца 1940-х гг. Но с 1944 г. и в послевоенный период продолжали работать сотрудники Северо-Осетинского краеведческого музея под руководством Л.П. Семёнова. Так, в 1945 г. Бидаев и Лакисов совершили продолжительную поездку по Дигории. Занимались археологией в это время также Л.Д. Шевцова и Г.М. Бициев (*Крупнов*, 1960. С. 47). В 1945–1946 гг. сбор данных о памятниках велся в Махчесском, Алагирском и Садонском районах. В 70 селениях учтено до тысячи средневековых сооружений, составлен список археологических памятников с альбомом зарисовок и фотографий. В 1946 г. сотрудники музея принимали участие в исследованиях Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972). Живя в Ленинграде и работая в Эрмитаже с 1939 по 1946 г., она не порывала связи с кавказской проблематикой. Е.Г. Пчелина раскапывала памятники у сел. Архон, Камунта, Нузал, на месте святилища Реком (*Вольная*, 1995). Результаты ее предвоенных работ фигурировали в материалах Всесоюзного археологического совещания 1945 г. в Москве (*Итоги...*, 1945. С. 87–90). В 1946 г. Е.Г. Пчелина вела раскопки Нузальской часовни. Тогда же исследовалось Урсдонское ущелье в горной Осетии (*Пчелина*, 1947. С. 133–154), шло наблюдение над земляными работами в районе селища VI–IX вв. н.э. у г. Дзауджикау и доследованы погребения у Татартупа или Джулата (*Научная сессия ИИМК...*, 1949. С. 17). В этот период Пчелина работала и в Верхнем Прикубанье, и на южном склоне Кавказского хребта в Юго-Осетии.

В 1947 г. Северо-Осетинский музей краеведения отмечал 50-летие своего основания (1897). Тогда подводились итоги разнообразной археологической работы. Из исследованных Л.П. Семёновым, И.П. Щелбыкиным и другими сотрудниками учреждения объектов особо выделялись разновременные могильники у сел. Джимара, Какадур, Верхняя Рутха, Галиат и др. Указывалось, что в результате этого были установлены многие важные черты местной древней и средневековой культуры. Археологические собрания музея тогда уже превысили 15 тыс. единиц хранения (*Семёнов*, 1948. С. 202–205).

Западные районы

Вопросам истории изучения Верхней Кубани, в том числе и в 1930–1940-е гг., были посвящены несколько очерков Т.М. Минаевой и Е.П. Алексеевой, сюжеты в работах В.А. Кузне-

цова и некоторых других авторов (*Минаева*, 1951а. С. 231–234; 1971. С. 32–45; *Алексеева*, 1971. С. 12; 1992. С. 15–17).

После работ 1927 г. в горном Карачае на р. Теберде кубанского краеведа А.Н. Дьячкова-Тарасова и выхода в свет книги Д.М. Павлова «Искусство и старина Карачая» (1927) изучение археологических объектов Верхней Кубани приостановилось. И лишь в 1933–1934 гг. в Черкесской автономной области работала геологическая экспедиция, в составе которой был П.Н. Шишкин, исследовавший ряд археологических памятников (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2 – 1934. Д. 1406).

Неоднократно посещал Черкесию в составе экспедиций Института этнографии АН СССР выходец с Кубани, в дальнейшем крупный кавказовед, Л.И. Лавров (*Карпов*, 2009). Это отражено в его публикациях 1930–1940-х гг. и в кандидатской диссертации, защищенной в 1946 г. Интересна статья Лаврова от 1936 г. о поездке по краеведческим музеям Северного Кавказа и Причерноморья, во время которой он смог посетить 7 учреждений в Орджоникидзе, Нальчике, Черкесске, Микоян-Шахаре, Майкопе и Сочи. Самым богатым в отношении археологических коллекций назван музей в Нальчике (директор М.И. Ермоленко). Археологическая экспозиция Черкесского музея была определена как скромная, а занимающий тогда лишь одну комнату Карачаевский музей назван «самым бедным экспонатами» национальным музеем региона (*Лавров*, 1936. С. 132–133). Эта статья перекликается с опубликованными тогда же итогами осмотра местных музеев Е.И. Крупновым.

В 1946 г. разведки в Зеленчукском ущелье проводила Е.Г. Пчелина как сотрудница ГЭ, а в 1949 г. она же работала совместно с С.С. Куссаевой в составе экспедиции Северо-Осетинского научно-исследовательского института (*Алексеева*, 1971. С. 12). Экспедиции были связаны с поиском зеленчукской надписи XI в. н.э., выявленной в 1888 г. художником и археологом Д.М. Струковым в Архызском ущелье и потом утраченной. К сожалению, памятник тогда (и до сих пор) обнаружить не удалось.

Из местных организаций в предвоенные годы археологическую работу проводил Карачаевский учительский (позднее педагогический) институт под руководством преподавателя К.М. Петрелевича. В ней принимали участие также Карачаевский научно-исследовательский институт и краеведческий музей. В Карачае удалось выявить значительное число археологических памятников разных типов. Информация об этом содержится

в рукописи Петрелевача «Основные линии археологии Карачая» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1940. Д. 16. Л. 9–63). В 1940 г. в Карачае состоялась историко-археологическая экспедиция, организованная К.М. Петрелевичем при участии преподавателя института Л.А. Сердобольской и директора Карачаевского НИИ историка Х.О. Лайпанова. Исследовались памятники в верховьях Кубани, на Большом Зеленчуке, Марухе, Аксауте и Теберде. В задачи экспедиции входило выявление объектов древнего земледелия. Выдающейся находкой был комплекс драгоценных предметов, обнаруженный в Северном Зеленчукском храме и переданный в ГИМ (Кузнецов, 2008. С. 194–195)⁶.

С 1939 г. археологические работы в верховьях Кубани проводила Т.М. Минаева. В довоенные годы в этих экспедициях, помимо Ставропольского, принимал участие Карачаевский музей краеведения, пополнявшийся находками, полученными в результате исследований. В 1939 г. были обследованы долины Большого Зеленчука, Теберды, район Микоян-Шахара (Карачаевска), поселения и могильники по рекам Учкулану и Хурзуку и ряд других памятников. Начались раскопки в местности Гиляч (поселения и могильники). В 1940 г. археологические исследования были продолжены. В 1941 г. начаты раскопки редкого раннесредневекового катакомбного могильника Байтал-Чапкан (Минаева, 1940; 1950. С. 205–264; 1951б).

Великая Отечественная война прервала работы в Верхнем Прикубанье. Они возобновились только в 1948–1949 гг., когда экспедиции Ставропольского краевого музея под руководством Т.М. Минаевой подвергали обследованию районы Черкесии. В них принимал участие Черкесский областной музей и его директор А.Е. Дайгородова. В 1945 г. она разработала и утвердила пятилет-

⁶ В архиве Н.М. Егорова имеется «Извлечение из краткого предварительного отчета историко-археологической экспедиции Карачаевской автономной области лета 1940 г.», представленного в ИИМК АН СССР в январе 1941 г. (Научная библиотека ПКМ. Тетрадь 3). В ней проясняются некоторые неточности в публикациях об экспедиции, содержатся малоизвестные факты об участниках, о сроках работы, исследуемых объектах и т.п. Выясняется, что открытый лист был выдан на имя Л.А. Сердобольской. Участники экспедиции работали на Нижне-Архызском городище, могильниках в Подорванной балке, в районе с. Маруха, в ущелье Гидам, по реке Теберде на городище Амгата, могильниках с каменными выкладками, курганах и т.п. Особенно основательно описывалось строение и элементы Амгатинского городища.

ний план музея по историко-археологическому изучению области. Уже в первые годы его реализации были выявлены памятники по течению Кубани и Зеленчуков. В 1948 г. Минаева обследовала ущелье р. Марухи от села Маруха до перевала. Здесь обнаружены остатки древних кошей и следы выплавки железной руды, предположительно относящиеся к средневековью (Минаева, 1971. С. 43–44). В 1949 г. было обнаружено 28 разновременных объектов, не считая одиночные курганы. Древнейшими были курганы эпохи бронзы у с. Адыге-Хабль, наиболее поздними – курганы в урочище Байтал-Чапкан, принадлежавшие черкесам или кабардинцам. По результатам работ составлена археологическая карта Черкесской области. В 1949 и 1953 гг. продолжались раскопки катакомбного могильника V–VII вв. в местности Байтал-Чапкан (Минаева, 1956. С. 236–261)⁷.

Восточные районы

В соседней с Северной Осетией Горной Ингушетии еще с 1920-х – начала 1930-х гг. работали экспедиции Северо-Осетинского музея и НИИ под руководством Л.П. Семёнова. Он же сотрудничал и с Ингушским НИИ (самостоятельно работавшим до конца 1934 г.) и музеем. Это было и во второй половине 30-х гг. XX в.: после создания Чечено-Ингушской автономной области Чеченский и Ингушский музеи до 1940 г. продолжали существовать раздельно. Даже в 1936 г., после того, как формально был создан Чечено-Ингушский краеведческий музей в г. Грозном, бывший Ингушский областной музей был переименован в районный и продолжал работать, хотя и с минимальным штатом (Пономарёва, 1975. С. 3–7). Е.И. Крупнов, посетивший Ингушский музей, отмечал его выгодное отличие от других национальных музеев в отношении учета коллекций, экспозиции, научно-исследовательской работы. Специально подчеркивалось, что профессор Л.П. Семёнов и сотрудник Х.Б. Ахриев без всяких средств или с минимальными затратами, стимулируемые «исключительно любовным отношением к делу», получили обильные и чрезвычайно важные данные (Крупнов, 1936. С. 108, 111). В ар-

⁷ В рассматриваемый период в регионе проживали краеведы и любители археологии Средней и Верхней Кубани историк М.Н. Ложкин (с 1936 г.) и лингвист С.Д. Мастепанов (до 1937 г. и после 10 лет лагерей – с 1947 г.). Но их интерес к исследованию древностей Кубани и Лабы проявился позже.

хеологических исследованиях в Ингушетии принимали участие архитектор И.П. Щерблюкин, художники Х.Б. Ахриев, Г.-М. Даурбеков, лингвист З.К. Мальсагов (директор Ингушского НИИ до 1935 г.), экономист Г.К. Мартиросиан и другие.

Северокавказская экспедиция во главе с Е.И. Крупновым и другие экспедиции ИИМК исследовали памятники в Ингушетии и Чечне (Исаева, 2006. С. 65–66). Сам Е.И. Крупнов в середине 1930-х гг. сосредоточился на изучении памятников горной и равнинной Ингушетии. Анализу материалов этих памятников была посвящена его кандидатская диссертация «Материалы по истории Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.», защищенная в 1941 г. (Платонова, 1991. С. 53).

В 1935 г. отряд экспедиции ГИМ работал в Джейраховском ущелье и исследовал Паметские могильник и поселение X–XII вв. н.э. (Археологические исследования..., 1941. С. 238). В 1937–1939 гг. раскапывалось Алхастинское поселение эпохи бронзы с верхним слоем скифского времени на левом берегу р. Ассы вблизи одноименного ингушского селения. Была вскрыта площадь более 350 м² и получен интересный материал. (Крупнов, 1947б. С. 12–22). В 1938 г. на поселении обнаружено и доследовано катакомбное захоронение II–III вв. н.э. (Виноградов, 1963. С. 72). В 1939 г. экспедиция совместно с сотрудниками ИИМК провела рекогносцировку в верховьях р. Ассы и зафиксировала состояние известного грузинского храма в Горной Ингушетии – Тхаба-Ерды, на котором в 1940 г. предполагались реставрационные работы (Крупнов, 1947в. С. 116–125). Планировались раскопки катакомбного могильника у с. Верхний Алкун (Крупнов, 1939). В 1940 г. экспедиция ГИМ изучала комплекс памятников возле станции Нестеровской. На случайно выявленном в 1938 г. Нестеровском могильнике раскопаны 40 погребений кобанской культуры. Возле могильника было открыто и поселение VI–IV вв. до н.э. (Крупнов, 1947а. С. 101–104; 1947б. С. 23–29).

Работы академических экспедиций второй половины 1930-х гг. на территории Чечни частично освещались в публикациях их участников (Круглов, 1938. С. 4–31), в прессе того времени. Материалы поступили в архивные собрания (в Эрмитаж, ИИМК, Пятигорский музей). Они проанализированы Х.М. Мамаевым (Мамаев, 2008. С. 90–92). В этих экспедициях участвовал ряд молодых тогда и перспективных археологов – кавказоведов из Ленинграда, перетерпевших репрессивное давление, успевших

потом немало сделать, но, к большому сожалению, не переживших войну. Это руководители Чечено-Ингушской экспедиции и отрядов Северокавказской экспедиции ИИМК А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий, А.В. Мачинский (*Пряхин*, 1999. С. 34–39; *Смирнов*, 2016. С. 6–43). Общее руководство этими экспедициями осуществлял М.И. Артамонов, с 1938 г. – директор ИИМК.

В 1936 г. А.П. Круглов осматривал долины рек Сунжи и ее притоков на участке между Бамутом, Закан-Юртом и Ермоловским, а также от Аргуна до Шаро-Аргуна и Шатоя. Было выявлено и обследовано 7 городищ, включая крупнейшее Алхан-Калинское под г. Грозным, 2 поселения и Дуба-Юртовский катакомбный могильник VII–IX вв. н.э. В 1937–1938 гг. он же с Г.В. Погаецким изучали Алхан-Калинский комплекс: участок городища и 9 курганов с катакомбами первых веков н.э. на прилегающем к нему могильнике. В Дуба-Юрте раскапывались два могильника, и эти работы продолжались в 1937 и 1939 гг. В 1939 г. для руководства экспедицией в Чечне был вызван из Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) А.В. Мачинский (*Смирнов*, 2016. С. 30–31). Чеченский отряд обнаружил 2 поселения на юго-востоке республики – Дарго и Белгатой. Рядом с каждым были могильники из каменных ящиков со скорченными погребениями и бедным инвентарем (*Круглов*, 1940. С. 68–69).

Обстановка в истории исследования Ингушетии и Чечни в послевоенный период существенно изменилась. В феврале 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы. На базе бывшей республики образована Грозненская область. Экспедиции ГАИМК и ИИИМК 1936–1939 гг. в послевоенные годы не имели продолжения. Еще в ходе войны Чечено-Ингушский НИИ и Музей краеведения были реформированы и объединены, а затем и вообще ликвидированы. Вместо них появился Грозненский областной институт и музей краеведения (ГОИиМК). Специалистов-археологов в перечисленных учреждениях не было. Только в 1945 г. во время разведок в бассейне р. Сунжи ставропольского археолога Т.М. Минаевой в музейной части Института – музея появился человек, занявшийся выявлением и учетом археологических памятников – Н.И. Штанько (*Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.*, 2013. С. 160).

Вклад Т.М. Минаевой в историю археологического изучения Чечни ощутим. Она выехала в Грозненскую область весной 1945 г. по приглашению музея и вела работы по его поручению. На участке долины р. Сунжи от г. Грозного до ст. Карабулакской

было осмотрено и вновь выявлено 15 памятников, из которых 2 – XIX в., 3 новых поселения золотоордынского времени и 10 городищ со слоями раннего железа и средневековья. Самым крупным из городищ было Ермоловское или Алхан-Кала (*Минаева*, 1949. С. 150–152; 1958. С. 413–432). На всех памятниках собирался подъемный материал, анализировались керамика и другие находки, все объекты были снабжены краткими, но емкими описаниями и были посажены на карты-схемы. Весь этот материал является вполне добротным. Поэтому, выявленные Х.М. Мамаевым неточности при печати отчетных данных не умаляют значения этих работ.

С 1946 г. инициативу изучения памятников на исторических землях Ингушетии и Чечни, а также в северных степных и полупустынных районах Грозненской области, вновь взял на себя Е.И. Крупнов. Х.М. и Р.Х. Мамаевыми приведены карты-схемы экспедиционных маршрутов СКАЭ ИИМК и ГИМ из работ Е.И. Крупнова 1946, 1947 и 1948 гг., на которых наглядно виден охват территорий и памятников на всем Центральном (Кабарда) и Северо-Восточном Кавказе (*Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.*, 2013. С. 161, 163–164. Рис. 1–3). В экспедициях на территории Чечни и Ингушетии принимали участие Грозненский областной музей и краеведы Н.И. Штанько и М.П. Севастьянов, которые находили памятники и охотно передавали данные о них Е.И. Крупнову. В эти годы, помимо разведок, в ходе которых фиксировалось большое число курганных групп и бытовых объектов, продолжались раскопки Нестеровского могильника и некоторых других памятников. В 1949 г. на территории Грозненской области было учтено 118 объектов.

Дальнейшее развитие археологии региона связано с попытками организации самостоятельных работ сотрудниками Грозненского областного музея. В 1949 г. их провел М.П. Севастьянов, а в 1950 г. планировал Н.И. Штанько. В 1949 г. Н.И. Штанько и Е.Г. Дозоров сделали первые находки на Луговом могильнике кобанского типа у одноименного села (или Мужичи) в Ассинском ущелье (*Крупнов*, 1954. С. 95–96).

Дагестан как специфический и сложный мир всегда требовал особого внимания в археологическом отношении. Важно учитывать мнение А.А. Иессена 1935 г. о том, что «...постановку систематических работ...» в Дагестане следует считать «...актуальной необходимостью» (*Иессен*, 1935. С. 37). Авторы «Археологической карты Дагестана» А.И. Абакаров и О.М. Давудов обоснованно

и удачно для нашей темы разделили историю археологического изучения «страны гор» в советскую эпоху на 3 периода, второй из которых укладывается в нашу нынешнюю периодизацию: с 1936 г. (начало работы в крае Северокавказской экспедиции ГАИМК/ИИМК АН СССР) до 1951 г. (реорганизация Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР) (Абакаров, Давудов, 1993. С. 8–10).

История исследования Дагестана во второй половине 1930-х – 1940-е гг. была, в основном, связана с деятельностью Северокавказской экспедиции ГАИМК/ИИМК. В 1936 и 1939 гг. работами руководил А.П. Круглов, в 1937–1938 гг. – М.И. Артамонов. Это было «начало планомерного систематического археологического изучения» памятников Дагестана (Абакаров, Давудов, 1993. С. 8). Этой теме посвящены и другие статьи (Мунчаев, 1959. С. 9–20; Котович, Шейхов, 1960. С. 322–364; Лысенко, 2013. С. 141–143 и др.), что избавляет меня от необходимости самостоятельно сводить воедино весь этот обширный материал. Подчеркну только наиболее важные моменты.

А.П. Круглов в ходе раскопок базового Хорочоевского могильника фактически открыл каякентско-хорочоевскую культуру эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа. К достижениям исследователя относят накопление материала для суждений обо всей эпохе бронзы и предшествующих периодах истории населения Прикаспийской и горной зон края. На основании предвоенных работ впервые была обоснована мысль о возможности заселения Дагестана в эпоху нижнего палеолита. Предвоенный период завершился небольшими по объему разведочными работами в предгорном Дагестане Б.Е. Деген-Ковалевского (Абиев, 2018. С. 15). Война прервала все исследования в регионе.

После Великой Отечественной войны археологические работы в Дагестане были возобновлены в 1947 г., когда по инициативе и на средства Республиканского краеведческого музея была образована совместная экспедиция со СКАЭ ИИМК и начаты раскопки Таркинского могильника с двумя культурно-хронологическими горизонтами погребений: нижний – времени каякентско-хорочоевской культуры, верхний – II–III вв. н.э. (Крупнов, 1951. С. 208, 225). Роль Е.И. Крупнова в развитии исследований в Дагестане в рассматриваемый период также была решающей. В его экспедиции и в отрядах К.Ф. Смирнова не только накапливались новые материалы, но и росли археологические кадры:

Н.Б. Шейхов, Д.М. Атаев, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин и другие (Гаджиев, 2014. С. 90–91).

В 1948 г. раскопки в Тарках были возобновлены под руководством К.Ф. Смирнова. Тогда же продолжалось исследование Агач-Калинского раннесредневекового и Таркинского албано-сарматского могильников (Крупнов, 1954. С. 95–96). Небольшие по объему разведочные исследования в 1947 и 1949 гг. провел в Кулинском районе Л.И. Лавров (Абиев, 2018. С. 15). Сотрудник Грузинского филиала АН СССР И.В. Мегрелидзе занимался сбором бронзовых статуэток в Бейтинском районе Дагестана (Абакаров, Давудов, 1993. С. 9–10).

Местные исследователи в Дагестане в рассматриваемый период самостоятельных работ не вели. Но и здесь были свои любители-краеведы, среди которых выделялись Б.Г. Малачиханов и М.И. Исаков (Марковин, 2002. С. 127–141). Большого успеха в изучении археологии родного края достиг Магомед Исакович Исаков (1891–1969). Увлекавшийся древностями с конца 1930-х гг., в 1938–1939 гг. он был репрессирован и, вероятно, поэтому, будучи сотрудником НИИ национальной культуры, не смог сотрудничать с академическими экспедициями того времени. Но с 1940 г. как активист Республиканской государственной инспекции по охране памятников, сотрудник, а позже и директор Дагестанского историко-краеведческого музея, Исаков занимался учетом и изучением памятников археологии северо-востока Кавказа в составе экспедиций К.Ф. Смирнова и в ходе личных походов и поездок. Именно он показал в 1947 г. Е.И. Крупнову место Таркинского могильника, данные о котором сначала выявил в исторических документах начала XX в., а потом в 1941 г. и лично доследовал на этом на некрополе полуразрушенное захоронение. Итогом усилий всей его напряженной деятельности явилась незавершенная работа об археологических памятниках Дагестана, включающая иллюстрированные сведения о 1133 объектах (Исаков, 1966).

Несмотря на все охарактеризованные выше разнообразные серьезные проблемы, которые приходилось преодолевать и которые привели к определенным утратам как в изучении археологического наследия, так и в среде самих ученых и краеведов, в археологии Северного Кавказа в рассматриваемый период имелись и очевидные достижения. Они состояли в выявлении и исследовании

ключевых объектов различных эпох, сохранении практической деятельности части признанных кавказоведов предшествующего времени (А.А. Иессен, Н.М. Егоров, Л.П. Семёнов и др.) и выдвигении новых ярких фигур северокавказской и общекавказской археологии, как в центре (Е.И. Крупнов, Б.Б. Пиотровский, К.Ф. Смирнов и др.), так и на местах (Т.М. Минаева, П.Г. Акритас, И.С. Гумилевский, М.И. Исаков и др.). Завершение этапа ознаменовалось подготовкой и выходом в свет ряда важных работ обобщающего характера по археологической проблематике Северного Кавказа и его частей, опубликованных Е.П. Алексеевой, Е.И. Крупновым, А.А. Иессеном, К.Ф. Смирновым и другими исследователями. Все это в совокупности определяет позитивные результаты периода и накопленный потенциал для дальнейшего развития археологии региона.

Литература

- Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука. 325 с.
- Абиев А.К.*, 2018. История археологического изучения раннесредневековых погребальных памятников Горного Дагестана (вторая половина XX–XXI в.) // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. № 2. Махачкала. С. 14–22.
- Авдиев В.И.*, 1942. Историко-археологическое изучение древнего Кавказа // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Под. ред. В.П. Волгина, Е.В. Тарле и А.М. Панкратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 54–64.
- Акритас М.*, 1952. Книга земли // Пятигорская правда. 12.11. и 14.11.
- Алексеева Е.П.*, 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука. 356 с.
- Алексеева Е.П.*, 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука. 216 с.
- Алёшкин В.А.*, 2013. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. С. 100–159.
- Аппаева Ж.М.*, 2015. История создания краеведческого музея в Нальчике // Наследие веков. № 3. С. 103–108.
- Археологические исследования..., 1941. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.*, 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.
- Борисковский П.И.*, 1980. Первые тридцать лет Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163. С. 5–10.
- Виноградов В.Б.*, 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный: ЧИНИИ. 224 с.

- Вольная Г.Н.*, 1995. Историк – кавказовед Евгения Георгиевна Пчелина (к 100-летию со дня рождения) // Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 9 / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир: АГПИ. 21 с.
- Гаджиев М.С.*, 2014. Археология Дагестана: вчера, сегодня, завтра (1954–2014 гг.) // Вестник ИИАЭ. № 4. С. 90–97.
- Гуляев В.И.*, 1996. Введение // Антология советской археологии (1941–1956). Т. III / Под ред. В.И. Гуляева, Н.Я. Мерперта, А.А. Формозова, А.И. Шкурко. М.: ИА РАН, ГИМ. С. 3–11.
- Иессен А.А.*, 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120. С. 7–237.
- Исаева Р.М.*, 2006. Деятельность научных экспедиций музеев страны в Чечне и Ингушетии в 1930-е гг. // Материалы респ. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Национального музея ЧР. Грозный: Национальный музей Чеченской Республики. С. 64–70.
- Исаков М.И.*, 1966. Археологические памятники Дагестана. Махачкала: Дагкнигиздат. 122 с.
- Итоги..., 1945. Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Под ред. В.П. Потёмкина. М.: 6/и. 196 с.
- Картов Ю.Ю.*, 2009. Историк. Этнограф. Кавказовед. К столетию со дня рождения Л.И. Лаврова // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: ЮФУ. № 2 (58). С. 84–92.
- КБИГИ..., 2001. КБИГИ – 75 лет. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа». 224 с.
- Котович В.Г., Шейхов Н.Б.*, 1960. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Махачкала. С. 322–364.
- Круглов А.П.*, 1937. Археологические работы на реке Терек // СА. III. С. 245–250.
- Круглов А.П.*, 1938. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Записки ЧИНИИ. Т. I. Грозный. С. 3–31.
- Круглов А.П.*, 1940. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. V. С. 65–68.
- Крунов Е.*, 1936. Музеи Северо-Кавказского края // Советский музей. № 1. С. 106–111.
- Крунов Е.И.*, 1938. Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов (По материалам Северокавказской экспедиции Государственного исторического музея 1935 г.) // ВДИ. № 2. С. 113–121.
- Крунов Е.*, 1939. Археологическая экспедиция в Сунженском районе // Орджоникидзева правда. 10.08.
- Крунов Е.И.*, 1947а. Северокавказская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. XVII. С. 99–104.
- Крунов, Е.И.*, 1947б. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Археологический сборник / Под ред. А.Я. Брюсова; отв. ред. Н.Л. Рубинштейна. М. С. 7–55. (Труды ГИМ. Вып. 17)
- Крунов Е.И.*, 1947в. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. XV. С. 116–125.
- Крунов Е.И.*, 1951. Новый памятник древних культур Дагестана (Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 года) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 208–225. (МИА. № 23)

- Крупнов Е.И.*, 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55. С. 95–105.
- Крупнов Е.И.*, 1957. Древняя история и культура Кабарды / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. 176 с.
- Крупнов Е.И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 520 с.
- Кузнецов В.А.*, 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Изд-во СОНИИ. 184 с.
- Кузнецов В.А.*, 2005. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье (историко-археологические очерки). Пятигорск: Центр кавказоведения ИНЭУ. 155 с.
- Кузнецов В.А.*, 2008. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск: Изд-во «СНЕГ». 240 с.
- Лавров Л.И.*, 1936. Краеведческие музеи на Северном Кавказе // СЭ. № 6. С. 132–133.
- Лисицына Н.К.*, 1951. Археологические исследования в РСФСР в 1949 г. // КСИИМК. Вып. 38. С. 162–169.
- Л.П. Семёнов., 1986. Л.П. Семёнов – профессор-кавказовед, ученый-интернационалист. Республиканская научно-практическая конференция. Грозный: ЧИГУ. 47 с.
- Люди и судьбы...*, 2003. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение. 496 с.
- Лысенко Ю.М.*, 2013. Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920–1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. № 3 (29). Ч. II. С. 141–143.
- Мамаев Х.М.*, 2008. Из истории археологического изучения Чечни (К 70-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северокавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник АН Чеченской Республики. Вып. I. Грозный. С. 90–92.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.*, 2013. Археологические исследования в Чечне во второй половине 40-х – первой половине 50-х гг. XX в. // РА. № 4. С. 159–167.
- Марковин В.И.*, 2002. Б.Г. Малачиханов и М.И. Исаков – историки-краеведы Дагестана // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Сост. А.А. Формозов / Отв. ред. И.С. Каменецкий. М.: Наука. С. 127–141.
- Материалы...*, 1941. Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 326 с. (МИА. Вып. 3)
- Минаева Т.*, 1940. Новые экспонаты областного музея // Красный Карачай. 15.08.
- Минаева Т.М.*, 1949. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 1. Ставрополь. С. 125–164.
- Минаева Т.М.*, 1950. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 2–3. С. 205–240.
- Минаева Т.М.*, 1951а. К истории археологических обследований в верховьях р. Кубани // Ученые записки СГПИ. Т. 7. С. 211–236.
- Минаева Т.М.*, 1951б. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 273–301. (МИА. № 23)

- Минаева Т. М.*, 1956. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. XXVI. С. 236–257.
- Минаева Т.М.*, 1958. Археологические разведки в долине р. Сунжи // Сборник трудов Ставропольского государственного педагогического института. Вып. 13. Ставрополь. С. 413–432.
- Минаева Т.М.*, 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. 248 с.
- Могила скифа..., 1937. Могила скифа // Орджоникидзевская правда. 04.06. № 126 (984).
- Мунчаев Р.М.*, 1959. К истории археологического изучения Дагестана // Материалы археологии Дагестана. Т. I. Махачкала. С. 9–20.
- Мунчаев Р.М.*, 2004. Институт археологии РАН и развитие охранной археологии в России (вместо предисловия) // 30-лет отдела охранных раскопок / Науч. ред. Р.М. Мунчаев. Тула: Гриф и К. С. 4–9. (Труды отдела охранных раскопок. Т. 2)
- Научная сессия ИИМК..., 1949. Научная сессия ИИМК и Государственного Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья / Сост. В.А. Миханкова по материалам сессии // КСИИМК. Вып. XXIV. С. 3–26.
- Некролог, 1956. И.С. Гумилевский // Пятигорская правда. 11.09. С. 4.
- Носов Е.Н., Тихонов И.Л.*, 2013. Кафедра археологии // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Под. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: СПбГУ. С. 278–341.
- Первая Всероссийская..., 1939. Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 года) / Отв. ред. Г.Г. Бережной. М.: ГИМ. 72с.
- Пиотровский Б.Б., Иессен А.А.*, 1940. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. I. Л. 52 с.
- Платонова Н.И.*, 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. I. Материалы конф. С. 45–78.
- Пономарёва И.З.*, 1975. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный. С. 3–17.
- Пряхин А.Д.*, 1999. Археологи уходящего века. Памяти Г.В. Подгаецкого. Воронеж: ВГУ. С. 34–39.
- Пчелина Е.Г.*, 1947. Урсдонское ущелье в Северной Осетии // Труды отдела истории, искусства и культуры Востока. Л.: ГЭ. С. 133–154.
- Роман о музее..., 2005. Роман о музее. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве / Авт. И. Селунская. Ставрополь: Вестник Кавказа. 120 с.
- Савенко С.Н.*, 2017. Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниче // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: материалы заседаний / Под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь: Печатный двор. С. 9–34.
- Савенко С.Н., Чегутаева Л.Ф.*, 2014. Пятигорский краеведческий музей // Музейный фронт Великой Отечественной. 1941–1945 гг. М.: Гелиос АРВ. С. 434–444.
- Семёнов Л.П.*, 1948. Археологическая работа Осетинского музея краеведения // Историко-археологический сборник. М. С. 202–205.
- Смирнов Н.Ю.*, 2016. Археолог Алексей Владимирович Мачинский // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. Сборник статей по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. СПб.: Нестор-История. С. 6–43.

- Сорокина И.А.*, 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.
- Тархов С.А.*, 2005. Динамика административно-территориального деления России в XX веке // Россия и ее регионы в 20 в.: территория – население – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: Объединенное гуманитарное изд-во. С. 33–75.
- Фоменко В.А.*, 2016. Кавказовед Панаит Георгиевич Акритас // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Вып. 2 (29). Нальчик. С. 7–12.
- Формозов А.А.*, 1995. Введение // Антология советской археологии (1930-е годы). Т. II / Под ред. В.И. Гуляева, Н.Я. Мерперта, А.А. Формозова, А.И. Шкурко. М.: ИА РАН, ГИМ. С. 3–10.
- Формозов А.А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. доп. М.: «Знак». 344с.
- Шнеерсон Н.*, 1936. Северокавказская краевая музейная конференция // Советский музей. № 2. С. 119–121.

А.Н. Ткачёв

АРХЕОЛОГИЯ КУБАНИ В 1930–1940-е ГОДЫ

Резюме. Период 1930–1940-х годов стал новым этапом в истории археологии Кубани. Краснодарский историко-краеведческий музей становится крупнейшим научно-исследовательским центром и ведет научную работу в соответствии с утвержденным планом работ по большей части на новостройках. Полевые исследования проводятся в основном под руководством Н.В. Анфимова, с именем которого связана целая эпоха в кубанской археологии. В предвоенные и послевоенные годы проведены раскопки таких важнейших памятников, как Усть-Лабинский могильник № 2, Семибратнее городище, городище на Дубинке, Убинский и Ладожский могильники. Появляются первые обобщающие работы местных ученых по археологии раннего железного века Прикубанья. При этом большой массив материалов и фотодокументов по раскопкам второй половины 1930 – 1940-х годов хранится в научном архиве КГИАМЗ им Е.Д. Фелицына и на сегодня опубликован в очень незначительной степени.

Ключевые слова: Н.В. Анфимов, Краснодарский историко-краеведческий музей, городища, охранная археология, новостройки, меотская культура.

При очевидной преемственности с десятилетием «расцвета краеведения», кубанская археология в середине 1930-х гг. уже представляла собой иной уровень развития. Жернова репрессий и террора перемололи практически всех, кто занимался тогда археологическим изучением края. В 1930 г. был уволен и выслан за пределы края заведующий Кубанским научным музеем А.Ф. Лещенко. В 1931 г. впервые арестован профессор Краснодарского пединститута Н.А. Захаров. В 1937 г. он был повторно арестован и позднее расстрелян, а по его делу проходил преподаватель пединститута М.В. Покровский¹ (АУФСБ КК. Д. № П58528, 1937. Л. 17–19).

¹ Михаил Владимирович Покровский (1897–1959) – выпускник Краснодарского пединститута 1923 г., исследователь многих археологических памятников

Краеведческие организации, занимавшиеся археологическими исследованиями (ОЛИКО, ЛИЭТО), к началу 1930-х годов прекратили деятельность. К этому можно добавить закрытие исторического факультета в Краснодарском пединституте (с 1931 по 1934 г.) в связи с прекращением преподавания истории в вузах страны. Сказался также голод, охвативший Кубань в 1932–1933 гг. В эти годы на Кубани не было проведено ни одной археологической экспедиции.

Централизация и унификация научных учреждений, характерные для всей советской археологии 1930-х годов, наблюдались и на Кубани. После существовавшего ранее многообразия организаций и персоналий, основным научным центром, осуществлявшим археологические исследования, остался Кубанский научный музей, ставший после нескольких лет преобразований в 1936 г. Краснодарским историко-краеведческим музеем². Фонды музея к этому времени составляли 40000 предметов. Среди местных археологов 1930–1950-х гг. ведущим, а в отдельные годы единственным, исследователем был Никита Владимирович Анфимов. Кадровую ситуацию в среде археологов в тот период точно характеризуют слова И.С. Каменецкого: «и началось многолетнее господство Н.В. Анфимова» (*Каменецкий*, 2011. С. 133). С именем Н.В. Анфимова связана целая эпоха в кубанской археологии. На протяжении своей полувековой научной деятельности Н.В. Анфимов исследовал сотни древних городищ, курганов и могильников, опубликовал более ста научных работ³.

Краснодарский музей начинает ежегодные систематические исследования археологических памятников Кубани именно с приходом в штат Н.В. Анфимова, который уже приобрел значитель-

Кубани, руководитель историко-археологического кружка краснодарской школы № 8. Несмотря на успешную исследовательскую работу, выход в 1937 г. нескольких обобщающих статей о городищах Прикубанья и проведение крупных раскопок Усть-Лабинского могильника № 2, М.В. Покровский после 1937 г. отошел от археологии и занялся разработкой вопросов социально-экономического развития адыгских народов и истории черноморского казачества

² До войны эпизодичные исследования проводились и некоторыми районными музеями, например Геленджикским (И.И. Аханов), Таманским (А.Г. Остроумов).

³ Биография Никиты Владимировича Анфимова (1909–1998) представлена в многочисленных публикациях. См.: *Хачатурова, Пьянков*, 2010; *Каменецкий*, 2011. С. 133–135; *Ткачёв*, 2016. С. 12–25 и др.

ный опыт полевых работ в археологическом кружке⁴. В 1934 г., когда Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 г. было восстановлено преподавание истории в школах и вузах СССР, Н.В. Анфимов, имевший к тому времени высшее медицинское образование, поступил на третий курс исторического факультета Краснодарского пединститута и окончил его в 1936 г. (Анфимов, 2010. С. 50).

В 1930-е годы по-новому выстраивается научно-исследовательская работа музея. Планирование охватывает все сферы народного хозяйства, включая науку. Поскольку полевые работы проводились исключительно на бюджетные деньги, ставится задача планирования и в области археологии. Краснодарский историко-краеведческий музей в эти годы тоже вел научную работу в соответствии с утвержденным планом работ. 1930-е годы – это время коренных изменений в вопросах охраны памятников археологии. Огромное значение имело Постановление ВЦИК «Об охране археологических памятников» от 10.02.1934 г. Это первый государственный документ, напрямую касающийся археологического наследия. В частности, он запрещал уничтожать и повреждать без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК древние городища, селища, курганы, могильники, каменные сооружения. Ужесточается не только контроль над сохранением памятников, но и выделяются средства на спасательные исследования. Постановление знаменует собой начало охранной археологии в СССР (Сорокина, 2016. С. 306–307). Во второй половине 1930-х гг. сотрудники Краснодарского историко-краеведческого музея проводили предварительное обследование всех крупных строительных площадок⁵.

⁴ С 1926 по 1930 г. Н.В. Анфимов играл ключевую роль в работе археологического кружка краснодарской школы № 8, которым руководил М.В. Покровский, и принимал участие во всех раскопках и обследованиях на территории края. В 1930–1932 гг. во время учебы в пединституте работал в музее лаборантом. В штат Краснодарского историко-краеведческого музея на должность научного сотрудника отдела докапиталистических формаций был принят в 1934 г. С этого времени начинаются его самостоятельные исследования по открытым листам.

⁵ Кроме Н.В. Анфимова, руководившего всеми археологическими работами, в обследованиях принимали участие также директор музея Фекла Васильевна Навозова (1900–1963), преподаватель истории Нина Николаевна Анфимова (1904–1978) и Петр Алексеевич Дитлер (1917–1995) – выпускник Краснодарского пединститута 1938 г. С 1957 г. он являлся научным сотрудником Адыгейского

Первый самостоятельный отчет, сданный Н.В. Анфимовым в ИИМК – отчет о полевой работе Краснодарского музея в 1934–1935 гг. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122). На территории Краснодара тогда был исследован «Краснодарский могильник за кожзаводами» близ Афонского переката (второе название – могильник на Загородной улице⁶). В основном раскопки носили характер исследования обнажившихся погребений в стенках карьера по добыче глины. В 1934 г. были исследованы три погребения, в 1936 г. – еще два (Архив КГИАМЗ. Д. 127. Л. 1). Могильник за кожзаводами исследовался и после войны, а всего до 1952 г., когда краснодарским горсоветом было вынесено постановление о запрещении добычи глины на территории могильника, было открыто 21 погребение. В хронологическом отношении они делятся на две группы: раннюю – V в. до н.э. и позднюю I–II вв. н.э. В 1960 г. от памятника уже ничего не осталось, но вышла публикация результатов работ (Анфимов, 1960. С. 158–166). В том же 1934 г. были обследованы окрестности г. Геленджика и долина реки Псекупс. Н.В. Анфимов совместно с Л.А. Мацулевичем (Гос. Эрмитаж) выехал в ст. Усть-Лабинскую, где они произвели осмотр городищ № 1, 2 и 3 и их могильников. В 1935 г. Н.В. Анфимов участвовал в работах 2-й Кубанской археологической экспедиции под руководством В.А. Городцова, проводившей раскопки на городище и могильнике ст. Елизаветинской (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122. Л. 5).

В 1936 г. Н.В. Анфимов продолжил начатые М.В. Покровским раскопки раннесредневекового могильника № 1 станции Пашковской (Анфимов, 1941а. С. 217). Были заложены две параллельные траншеи длиной 17 и 19 м вдоль обрыва карьера и исследовано 20 погребений (Архив КГИАМЗ. Д. 129. Л. 1–3). Экспедиция музея также провела обследование площадки под намечаемое строительство Краснодарской ТЭЦ и правого берега старого русла реки Карасун. Там были обнаружены следы средневекового селища и собраны фрагменты сосудов с линейным и волнистым орнаментом (Там же. КГИАМЗ. Д. 123. Л. 1). В марте того же года на территории спиртоводочного завода «Первенец Кубанский»

НИИ, затем Адыгейского областного музея. Открыл и исследовал на территории Адыгеи и Краснодарского края множество важнейших археологических памятников, среди которых: комплекс Ясеновая Поляна, курганные и грунтовые могильники у пос. Колосовка, ст. Махошевской, а. Ходзь и др.

⁶ В настоящее время ул. Загородная носит название ул. Минская.

Н.В. Анфимов раскопал трехметровый курган. В ходе раскопок были найдены пушечные ядра, глиняные курительные трубки, фрагменты домашней утвари, а также вскрыто 8 впускных погребений XVIII в. (Там же. Д. 126. Л. 1). Остается невыясненным, было ли обнаружено древнее погребение. Возможно, оно было безинвентарным (как это имело место в кургане на месте кинотеатра «Аврора», исследованным в 1966 г.) и не было прослежено, так как опыта раскопок курганов у Н.В. Анфимова тогда еще не было. Да и методика раскопок в те годы все еще оставляла желать лучшего. Например, курганы у аула Тлюстенхабль, исследованные в 1931 г. М.В. Покровским, раскапывались вручную сквозной траншеей (ГАКК. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 8. Л. VIII).

«Городище на Дубинке» – одно из самых известных краснодарских городищ. О котором известно еще с конца XIX в., когда В.Л. Беренштам в 1879 г. провел на нем раскопки. С 1926 г. М.В. Покровский и школьники историко-археологического кружка проводили на памятнике ежегодные сборы подъемного материала. В 1936 г. раскопки городища были включены в план работ по охране памятников Краснодарского историко-краеведческого музея в связи с разрушением городища р. Кубанью. В 1930-е годы размеры городища, расположенного на берегу реки между тюрьмой и мясокомбинатом, составляли примерно 84 × 34 м, еще прослеживался ров. Раскопки, намеченные на сентябрь, были проведены с 6 ноября по 12 декабря. Столь значительное время, потраченное на вскрытие сравнительно небольшой площади (было заложено три квадрата 3 × 3 м), объясняется крайне неустойчивой погодой и задержкой в получении средств (400 руб.), выделенных Азово-Черноморским бюро охраны памятников революции, искусства и культуры (Архив КГИАМЗ. НА. Д. 130. Л. 2).

В 1936–1938 гг. экспедиция Краснодарского музея провела крупные работы на грунтовом могильнике № 2 у ст. Усть-Лабинской⁷. В 1937 г. экспедиция была организована совместно с Государственным Эрмитажем при участии руководителя скифской секции отдела доклассового общества А.П. Манцевича.

⁷ Усть-Лабинский могильник № 2 был открыт в 1929 г. М.В. Покровским совместно с членами школьного историко-археологического кружка. В 1930–1934 гг. производились лишь доследования отдельных обнаружившихся погребений. В 1936 г. раскопки велись по открытому листу М.В. Покровского, в 1937–1938 гг. раскопки могильника и городища вел Н.В. Анфимов.

Одновременно с раскопками могильника, состоялись разведочные раскопки на расположенном рядом Усть-Лабинском городище № 3 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 190). Значение работ в ст. Усть-Лабинской в том, что впервые на Кубани был исследован единый комплекс памятников скифо-сарматского времени (городище с относящимся к нему грунтовым могильником), дана характеристика вещественного материала и погребального обряда по хронологическим группам. Всего за время исследований могильника с 1930 по 1938 г. было раскопано 179 погребений (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 182). В публикации, вышедшей уже после Великой Отечественной войны, материалы из погребений Усть-Лабинского могильника № 2 были разделены на четыре хронологические группы: VI–V вв. до н.э., IV – начало III в. до н.э., III – первая половина I в. до н.э., вторая половина I в. до н.э. – II в. н.э. (Анфимов, 1951а. С. 158). Однако при всей важности данной публикации, Н.В. Анфимов издал погребальные комплексы не полностью, а частично (выборочно).

Краснодарский музей в 1937 г. организовал обследование низовьев реки Кубани, в результате которого были выявлены и осмотрены десятки памятников, в их числе Семибратнее и Краснобатареиное городища, а также открытое в ходе строительства оросительной системы Ангелинское селище близ ст. Ивановской с мощным средневековым культурным слоем. С этого же года совместной экспедицией музея и Краевого бюро по охране памятников под руководством Н.В. Анфимова начаты систематические исследования Семибратнего городища, расположенного к западу от станицы Варениковской (Варениковская экспедиция)⁸. В 1937 г. на городище были проведены топографические работы и собран подъемный материал, а с 1938 г. начались планомерные раскопки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 144). Раскопки велись по квадратам, грунт снимался по штыкам. В экспедиции также принимали участие приехавшие с раскопок Фанагории М.М. Кобылина и И.Б. Зеест. В течение нескольких полевых сезонов (1938–1940, 1949–1952, 1954) были открыты оборонительные сооружения северо-восточной части городища (крепостные стены, башни), жилые и общественные постройки, глинобитные печи. Н.В. Анфимов выделил несколько строительных периодов. Самые

⁸ Семибратнее городище известно с 1878 г., когда В.Г. Тизенгаузен провел на нем первые раскопки. В 1927 г. городище обследовала экспедиция РАНИОН под рук. А.С. Башкирова, а в 1931 г. – Таманская экспедиция ГАИМК под рук. А.А. Миллера.

ранние слои датировал концом VI – V в. до н.э. и относил к этому времени остатки крепостной стены с прямоугольными башнями. К началу IV в. до н.э. он отнес мощный золистый слой, возникший в результате пожаров и разрушений, связав их с событиями военного характера в Синдике. Третий строительный период относится к концу IV – первой половине III в. до н.э. Последний период в истории города относится ко второй половине III – началу II в. до н.э. и связывается с открытым в 1938–1940 гг. позднеэллинистическим укрепленным зданием (*Анфимов*, 1941б; 1951б; 1953).

Музейным археологам приходилось работать практически на всех новостройках первых пятилеток. В мае–июне 1940 г. Н.В. Анфимов вместе с сотрудниками музея находился на площадке строительства Тшикского водохранилища. В районе села Ивановского он исследовал разрушенный экскаваторами грунтовый могильник, датированный по обломкам амфор IV в. до н.э. (Архив КГИАМЗ. Д. 133). В том же году Н.В. Анфимов вел изыскания на месте находки бронзовых топоров и слитков меди, обнаруженных при строительстве Курчанского канала (Там же. Д. 135). В 20 км от ст. Смоленской, в ущелье р. Безепс он обследовал средневековую печь и местонахождение кремневых отщепов. В этом же году Н.В. Анфимов принял участие в Фанагорийской экспедиции ГМИИ и продолжил раскопки Семибратнего городища (Там же. Д. 139). Поступали в Краснодарский музей также находки из разрушенных погребений, в частности в начале 1941 г. в так называемом Жирном кургане у ст. Темижбекской при рытье скотомогильника был обнаружен бронзовый таз на трех массивных ножках в виде львиных лап, украшенный рельефными пластинами со сценами амазономахии (*Анфимов*, 1972. С. 68).

В последние предвоенные месяцы и в самые первые дни Великой Отечественной войны Краснодарский музей провел раскопки Убинского могильника (с 14 апреля по 24 июня 1941 г.). Шапсугская археологическая экспедиция под руководством ученого секретаря Краевого бюро по охране памятников Н.Н. Анфимовой⁹ и старшего научного сотрудника музея Н.В. Анфимова была организо-

⁹ Нина Николаевна Анфимова (Вашкова) (1904–1978) после окончания в 1928 г. историко-археологического отделения МГУ работала в Государственном историческом музее. В 1934 г. вышла замуж за Н.В. Анфимова и переехала в Краснодар, где работала в Краснодарском историко-краеведческом музее и Краснодарском краевом бюро по охране памятников старины.

вана после обнаружения курганного и грунтового могильников в излучине р. Убин во время строительства Шапсутского водохранилища. На Убинском могильнике было вскрыто 300 погребений X–XIV вв. Рядом с этим памятником были обнаружены два селища – Убинское № 1 и № 2, что в комплексе является крупнейшим для Северо-Западного Кавказа памятником адыгской средневековой культуры (Хачатурова, 2012. С. 94).

С середины 1930-х годов на Кубани активно ведут работы экспедиции центральных учреждений (ИИМК АН СССР и др.). Исследуется Елизаветинское городище и могильник (В.А. Городцов, 1934–1936), Ильская стоянка (В.А. Городцов, 1936–1937), стоянки и местонахождения Причерноморья (С.Н. Замятнин, 1936–1938; Д.А. Крайнов, 1940), городище и некрополь Фанагории (В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, 1936–1937; В.Д. Блаватский, 1938–1940), античные памятники Тамани (Л.П. Харко, 1937; В.Ф. Гайдукевич, 1938).

Великая Отечественная война на время прервала полевые археологические исследования. В той или иной степени урон был нанесен всем музеям, оказались утерянными или разграбленными многие бесценные коллекции. Практически полностью были уничтожены собрания музеев Анапы, Темрюка, Тамани, Новороссийска, Ейска.

К марту 1943 г. большая часть Кубани была освобождена, что дало возможность приступить к восстановлению предприятий. Краснодарский музей оказался одним из немногих научных учреждений, возобновивших работу вскоре после освобождения Краснодара. 5 марта 1943 г. музей открылся для посетителей. Обстановка в крае оставалась фронтовой до окончательного освобождения территории Кубани 9 октября 1943 г., поэтому важнейшими задачами в этот период явилась организация агитационных выставок, а также помощь в восстановлении музеев края, пострадавших от оккупации. Краснодарский музей оказал помощь экспонатами Темрюкскому, Таманскому и Ейскому краеведческим музеям. Темрюкскому музею, наиболее пострадавшему во время оккупации, по теме «Боспорское царство» были выделены на временное хранение амфоры, кувшины, чернолаковая керамика, бронзовые и стеклянные браслеты, пантикапейские монеты.

Осенью 1943 г. возобновились археологические исследования музея. Н.В. Анфимов провел раскопки на Усть-Лабинском могильнике № 4, а также осмотрел античные памятники на Таманском полуострове. Н.В. Анфимов вспоминал: «После изгнания нем-

цев с Кубани, 9 октября 1943 г. я был командирован в г. Темрюк для восстановления музея <...> Из Темрюка я поехал в Кепы и Фанагорию, чтобы посмотреть, в каком состоянии находятся эти наиболее крупные античные городища. Кепы были все изрыты окопами, а в восточной части городища я обнаружил каменное надгробие с изображением воина, которое воинская часть помогла мне доставить в Краснодарский музей. Фанагорию пришлось осматривать с миноискателем, так как она была вся заминирована. В ст. Таманскую я не поехал, поскольку она находилась в зоне артобстрела с крымского берега» (Анфимов, 2010. С. 57).

В августе 1944 г. сотрудниками ИИМК АН СССР по заданию Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) было проведено обследование археологических памятников Кубани и Таманского полуострова для установления ущерба, нанесенного во время боевых действий. На территории Краснодарского края работали две экспедиции: Керченско-Таманская, обследовавшая Фанагорию (В.Д. Блаватский, И.Б. Зеест), и Северо-Кавказская (В.Н. Чернецов, А.П. Смирнов, А.В. Збруева, Г.Б. Фёдоров) (Пассек, 1947. С. 163). В последней приняли участие сотрудники Краснодарского музея Н.В. Анфимов и Ф.В. Навозова. Северо-Кавказская экспедиция обследовала Елизаветинское и Семибратнее городища, городища № 2, 3, 4 у ст. Усть-Лабинской, и городища № 1, 4, 6 у ст. Тбилисской, курганы у ст. Абинской и Сенной, курган Высочин близ ст. Попутной и более 40 курганов по нижнему течению р. Кубани и по берегу Таманского залива (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 195).

В октябре 1944 г. экспедиция Краснодарского музея под руководством Н.В. Анфимова провела разведки по правому берегу р. Кубани от ст. Ладожской до ст. Тбилисской. Было обследовано 19 памятников, в том числе городища у станиц Геймановской, Тбилисской, Ладожской, хут. Зубовского и хут. Зиссермана. В ст. Ладожской на ул. Колодезной был открыт грунтовый могильник, на котором доследован разрушенный земляной склеп и найдены золотые украшения – проволочные браслеты и серьги в виде фигурок баранов II в. до н.э. (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5. Л. 44).

С 1945 г. полевые работы музея велись согласно пятилетнему плану археологических исследований на Кубани, утвержденному на первом Всесоюзном археологическом совещании. В частности, было продолжено изучение скифо-сарматских памятников: летом 1945 г. проведены раскопки на могильнике в ст. Ладожской и обследована

правая терраса р. Кубани от ст. Тбилисской до г. Кропоткина. В экспедиции активное участие принимали члены музейного археологического кружка, организованного Н.В. Анфимовым вскоре после возобновления работы музея (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 36. Л. 3).

Значительным событием в 1945 г. стало проведение в Краснодарском музее первой послевоенной археологической конференции, посвященной 25-летию советской науки на Кубани. В конференции участвовали сотрудники Краснодарского и Ставропольского музеев, преподаватели и студенты Краснодарского педагогического института. Н.В. Анфимов выступил с итоговым докладом «Археологические исследования на Кубани за 25 лет (1920–1945 гг.)» (Анфимов, 2013. С. 169–187).

В 1946 г. проведены раскопки могильников в станицах Казанской, Темижбекской и Ладожской, обследовано место находки мраморной плиты с надписью в совхозе «Джемете» близ Анапы и проведены разведки по берегу р. Кубани от Кропоткина до Армавира (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 94. Л. 43). В 1947 г., когда в регионе возобновили работы академические экспедиции, Краснодарский музей, продолжил плановые исследования, решая задачи инвентаризации памятников и обеспечения их полноценного исследования в зонах новостроек.

Период 1930–1940-х гг. ознаменован выходом первых обобщающих работ местных исследователей. Для меотской археологии особое значение имеют работы Н.А. Захарова в которых впервые прозвучала мысль о принадлежности прикубанских городищ меотам (Захаров, 1929. С. 428; 1930. С. 55–72). В 1937 г. М.В. Покровский опубликовал сводную работу «Городища и могильники Среднего Прикубанья», в которой обобщил исследования за период с 1928 по 1937 г. (Покровский, 1937). В том же году вышла совместная статья М.В. Покровского и Н.В. Анфимова «Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н.э. по III в. н.э.» в которых были собраны и нанесены на карту известные к тому времени поселенческие памятники и могильники населения Прикубанья раннего железного века. Эти статьи стали итогом довоенных работ кубанских археологов по выявлению и изучению бытовых и погребальных памятников меотской культуры (Покровский, Анфимов, 1937).

В конце 1940-х годов появляются первые попытки периодизации меотской культуры. В 1948 г. Н.В. Анфимов на основании анализа инвентаря, а также обряда захоронений трех могильни-

ков (Усть-Лабинского № 2, Елизаветинского городища и Краснодарского городища за кожзаводами) предложил периодизацию меотской культуры выделив три периода: раннемеотский с VI по IV в. до н.э., среднемеотский III–II вв. до н.э. и позднемеотский, который в свою очередь делится на первую меото–сарматскую I–II вв. н.э. и вторую меото–сарматскую II–III вв. н.э. эпохи (Миханкова, 1949. С. 16–17). Эта периодизация легла в основу диссертации Н.В. Анфимова «Основные этапы развития культуры меото–сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников)», подготовленной по результатам раскопок меотских памятников за период с 1920-х до начала 1950-х гг. Диссертация Н.В. Анфимова явилась первым сводным исследованием, в котором охвачен весь период существования меотской культуры (с конца VII в. до н.э. по III в. н.э.) и намечены основные этапы ее развития (Анфимов, 1954).

После войны ежегодно выходят публикации Н.В. Анфимова, посвященные различным аспектам истории и материальной культуры меотов. Опубликованы новые памятники, рассматриваются вопросы территории расселения, погребального обряда, торговли с греческими городами, взаимоотношения с кочевниками, анализируются отдельные категории находок, в том числе античный импорт (Анфимов, 1947; 1948; 1949а; 1949б; 1950). Во многом благодаря этим работам, в послевоенные годы был сделан существенный шаг в археологии раннего железного века Кубани.

В предвоенные и первые послевоенные годы уровень развития археологии Кубани определялся в основном работами экспедиций Краснодарского историко–краеведческого музея. Благодаря усилиям его сотрудников было организовано планомерное обследование территории на современном для тех лет методическом уровне, а полученные материалы дополнили фонды археологических коллекций музея. В конце 1940-х годов на Кубани возобновляются работы не только центральные экспедиции, но и районные музеи, а также отдельные краеведы, расширяя географию исследований и открывая новый этап в археологическом изучении Кубани.

Литература

Анфимов Н.В., 1941а. Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР в 1936–1938 гг. М.; Л.: АН СССР. С. 214–219.

- Анфимов Н.В.*, 1941б. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. VII. С. 258–267.
- Анфимов Н.В.*, 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. Вып. 16. С. 148–157.
- Анфимов Н.В.*, 1948. Городище восточной окраины Боспорского государства (материалы к археологической карте Краснодарского края) // Историко-археологический сборник. М.: НИИ краеведения и музейной работы. С. 136–144.
- Анфимов Н.В.*, 1949а. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. XI. С. 241–260.
- Анфимов Н.В.*, 1949б. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской // КСИИМК. Вып. 24. С. 64–66.
- Анфимов Н.В.*, 1950. Меотские поселения Восточного Приазовья (Сообщения о новых материалах) // КСИИМК. Вып. 34. С. 85–96.
- Анфимов Н.В.*, 1951а. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е.И. Крупнова. М.; Л. С. 155–207. (МИА. № 23)
- Анфимов Н.В.*, 1951б. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. Вып. 37. С. 238–244.
- Анфимов Н.В.*, 1953. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. Вып. 51. С. 99–111.
- Анфимов Н.В.*, 1954. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Автореф. дис... канд. ист. наук. М.: [б. и.]. 16 с.
- Анфимов Н.В.*, 1960. Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край. (Материалы по изучению Краснодарского края). Вып. 1. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во. С. 158–166.
- Анфимов Н.В.*, 1972. Курганы рассказывают. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во. 96 с.
- Анфимов Н.В.*, 2010. Автобиографические записки // Прошлое Кубани: Из наследия Н.В. Анфимова / Сост. Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар: Перспективы образования. С. 43–71.
- Анфимов Н.В.*, 2013. Археологические исследования на Кубани за 25 лет (1920–1945 гг.) (подготовка публикации доклада и предисловие Е.А. Хачатуровой) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт. С. 43–71.
- Захаров Н.А.*, 1929. Археологические обследования на Северо-Западном Кавказе // Новый Восток (журнал научной ассоциации востоковедения). Кн. 26–27. М. С. 427–429.
- Захаров Н.А.*, 1930. Древнеенаименование реки Кубани // Известия Государственного русского географического общества. Т. XII. Вып. 1. С. 55–72.
- Каменецкий И.С.*, 2011. История изучения меотов. М.: ТАУС. 384 с.
- Миханкова В.А.*, 1949. Научная сессия ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья // КСИИМК. Вып. XXIV. С. 16–17.
- Пассек Т.С.*, 1947. Обследования археологических памятников // КСИИМК. Вып. XIV. С. 162–165.

- Покровский М.В.*, 1937. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Труды Краснодарского педагогического института. Т. VI. Вып. 1. Краснодар. С. 3–38.
- Покровский М.В., Анфимов Н.В.*, 1937. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н.э. по III в. н.э. // СА. IV. С. 265–275.
- Сорокина И.А.*, 2016. Законодательная и нормативная база полевых исследований (в 1918–1934 годах) // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого / Отв. ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 301–307.
- Ткачёв А.Н.*, 2016. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.). Библиографический словарь-справочник. Краснодар: ООО «Тираж». 346 с.
- Хачатурова Е.А., Пьянков А.В.*, 2010. Слово об учителе // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Сост. Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар: «Перспективы образования». С. 3–11.
- Хачатурова Е.А.*, 2012. К истории исследования Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника: Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар: Вика-Принт. С. 92–97.

Ф.Ш. Шамукарамова**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА
(1920–1930-е ГОДЫ)**

Резюме. В работе освещены институциональные и организационные процессы в развитии археологической науки в Узбекистане в 1920–1930-е годы. Археологические изыскания в Туркестанском крае начались еще в последней четверти XIX в. Политические события 1917 г. в корне изменили ход научных исследований и подход к их организации. В 20-е годы XX в. в Узбекистане начали формироваться более действенные основы институциональных форм, поднятых на государственный уровень. Процессы эти, начавшись с открытия остатков отдельных объектов, увенчались возникновением планомерных комплексных археологических экспедиций во второй половине 1930-х гг., положивших начало формированию археологической науки в республике.

Ключевые слова: Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис, Узбекистан, Средняя Азия, Афрасиаб, Термез, Заравшанская долина, Ташкент.

Узбекистан – страна древней цивилизации, оставившей уникальные памятники материальной культуры, которые всегда представляли большой интерес для исследователей. Важным аспектом в систематическом изучении памятников материальной культуры является правильная организация археологических изысканий, вводившаяся в Узбекистане поэтапно и с большими трудностями. Большую роль в этом процессе сыграли совместные археологические экспедиции центральных (РАИМК/ГАИМК/ИИМК, Музей Восточных культур, Эрмитаж) и местных (Туркомстарис/Средазкомстарис/Узкомстарис, Институт истории и археологии АН Узбекистана) научных учреждений конца 1920-х – 1940-х гг.

Известно, что до политических событий 1917 г. изучением истории Центральноазиатского региона в историческом, археологическом, этнографическом отношении, в том числе вопро-

сами сохранения архитектурных памятников региона занимался Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), а в географическом и топографическом плане – Туркестанское отделение Русского географического общества (ТОРГО). Достаточно вспомнить деятельность В.Л. Вяткина¹, внесшего большой вклад в дело изучения, спасения и сохранения культурно-исторических памятников Самарканда (*Шамукарамова*, 2014). Он обнаружил и вскрыл остатки знаменитой средневековой астрономической обсерватории Мирзо Улутбека. Это одно из самых значительных археологических открытий начала XX в.

В 1920-е годы в Узбекистане начали формироваться более действенные основы институционально-организационных форм. Это привело и к интенсификации археологических исследований. Главное внимание научной общественности и властей Туркестана было обращено на проблему охраны и спасения архитектурных памятников Самарканда, Бухары, Хивы (*Умняков*, 1929; *Якубовский*, 1940).

31 января 1920 г. за № 191 был издан Декрет ЦИК Туркеспублики, в котором на Центральное управление по архивным делам (Цуардел) возлагалась функция охраны всех исторических памятников науки и искусства Туркестана (*Умняков*, 1926. С. 46). На его базе был создан Туркестанский комитет по охране памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), руководство которым Комиссия ЦИК по делам Туркестана поручила Д.И. Нечкину. Беспokoясь за сохранность памятников мусульманской культуры Туркестана, он констатировал: «Обилие остатков старых культур в виде разного рода сооружений и предметов старины и искусства делает из Средней Азии один сплошной «музей». К сожалению, все эти сокровища древней культуры не только не изучены, но в большой своей части даже не имеют простого обследования, и предоставленные сами себе или гибнут под действием времени и стихии, или расхищаются, разрушаются людьми» (*Нечкин*, 1926. С. 6). Задачи, возложенные на Туркомстарис, заключались в организации архивного дела в Туркестане, работ по охране древних сооружений мусульманского зодчества, в реализации археологических изысканий, сборе всевозможного научного, литературного и художественного материала для научных исследований. В связи с этим

¹ В.Л. Вяткин в состав членов ТКЛА не входил.

под руководством Д.И. Нечкина были реорганизованы и переданы в ведение Туркомстариса ТКЛА и ТОРГО (Там же). Образованный Комитет должен был стать таким государственным учреждением в Туркестане, который сумел бы не только сберечь и сохранить памятники старины и природы региона, но и дать понять местному населению их значение и роль в так называемой «новой» культуре. По мнению руководства, это был большой шаг в деле повышения престижа новой советской власти.

Процессу создания Туркомстариса, законодательным и бюрократическим перипетиям, постоянному контролю в решении процессуальных вопросов посвящена статья Б.Я. Ставиского и Н.Н. Жуковой (*Ставиский, Жукова, 1981*), которая способствовала введению в научный оборот наряду с работами современников и некоторых документов Научного архива ИИМК Санкт-Петербурга.

В рамках деятельности Туркомстариса основной задачей считалась работа по охране архитектурных памятников, которых в регионе имелось великое множество. Значительная их часть была расположена на территории Узбекистана. Многие находились в плачевном состоянии. Изучение штатного расписания сотрудников только Самаркандского отдела Туркомстариса (Самкомстариса) свидетельствует о том, что приоритет отдавался специалистам-архитекторам, инженерам, искусствоведам (НАУз. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 181–182). В Археологической секции был всего лишь один сотрудник – М.Е. Массон, не считая В.Л. Вяткина, являвшегося руководителем Самкомстариса. Последний занимался всеми организационными и практическими работами, одновременно осуществляя изыскания на городище Афрасиаб.

Специалистов-археологов было крайне мало. Однако археологические исследования все же проводились и были связаны с изучением исторической топографии отдельных городов в пределах всего среднеазиатского региона. Касательно территории Узбекистана был проведен ряд рекогносцировочных исследований. В частности, в 1921 г. М.Е. Массон, тогда еще самый молодой сотрудник Самаркандского отделения, обследовал окрестности Самарканда, составив первый историко-топографический план города и его окрестностей (*Массон, 1953. С. 23*).

В 1924–1925 гг. произошло национально-территориальное размежевание Средней Азии, в результате которого последовала и реорганизация Туркомстариса в Среднеазкомстарис (*Мионов, 1926*) при Средне-Азиатском Экономсовете. Но утверждение

юридических прав и обязанностей Средазкомстариса в законодательном порядке затянулось, что очень затрудняло координацию научных и практических работ всех среднеазиатских республик. Наконец, только в 1926 г. Средне-Азиатский Экономсовет принял временное Положение, которое законодательно не было утверждено местными властями. Данная проблема решалась на центральном уровне – в Москве и Ленинграде в 1927 г., так как, числясь при Экономсовете Средней Азии, Средазкомстарис подчинялся Отделу научных учреждений при СНК СССР. В результате обсуждений в надлежащих центральных административных и научных учреждениях был выработан новый проект Положения, согласно которому руководство Средазкомстарисом возлагалось на Совет. В него входили представители от всех среднеазиатских республик, ряда научных учреждений, Средне-Азиатского государственного университета (САГУ), а также ряда центральных учреждений. Для заключительного утверждения Положение было передано в СНК СССР (Янковский, 1928).

Деятельность Средазкомстариса в археологическом направлении постепенно расширялась, начиная с археолого-разведочных изысканий, охватывающих отныне все среднеазиатские республики. Этому во многом способствовало включение в работу специалистов из Москвы и Ленинграда. В 1926–1928 гг. Музей Восточных культур (ныне Государственный музей народов Востока) организовал специальную археологическую экспедицию под руководством Б.П. Денике для изучения Старого Термеза (Денике, 1927; 1928; Ставиский, 1969), результаты которой в изучении истории архитектуры региона трудно переоценить. Эта была первая совместная планомерная археологическая экспедиция этого музея и Средазкомстариса, положившая начало систематическому археологическому изучению городов Средней Азии, в частности Узбекистана.

Ежегодные планы и отчеты о проделанной работе Средазкомстариса заслушивались в присутствии представителей из центра. Средазкомстарис отныне состоял из четырех комиссий [отделов. – Ф.Ш.]. Археологические исследования входили в функции первой Комиссии, называвшейся «Археологическо-реставрационной», ее руководящий состав: председатель, ученый секретарь и три члена. В обязанности Комиссии входило руководство работами по учету, охране, ремонту и реставрации памятников искусства и старины, предоставление заключений по

планам раскопок и разведок экспедиций и отчетам о них, а также организация таких работ (Янковский, 1928. С. 259). Начатые ранее исследования по изучению исторической топографии и исторической географии городов всего среднеазиатского региона, в том числе и Узбекистана, становятся ведущей темой. В публикациях перечисляются и характеризуются научные исследования по всем направлениям деятельности Средазкомстариса, за исключением вопросов изучения природы Средней Азии, также входивших в функции Комитета (Умняков, 1929; Массон, 1953. С. 23–24; Лунин, 1990. С. 40).

Следует учитывать и то, что центральное управление Средазкомстариса находилось в Узбекистане, поэтому относительно археологических изысканий республика оказалась в лучшей ситуации по сравнению с другими республиками. Именно тогда к археологическим исследованиям в Узбекистане начали подключаться научные силы Москвы и Ленинграда. Все мероприятия согласовывались с В.В. Бартольдом, руководившим специальным Отделом по изучению материальной культуры Средней Азии в ГАИМК/ИИМК и приезжавшим каждый год в Ташкент для принятия годового отчета.

Научные результаты Средазкомстариса, как и законодательно-организационные, нашли отражение в трех выпусках «Известий Средазкомстариса», два которых посвящены вопросам истории, антропологии, археологии, природы, археологии, этнографии Средней Азии (Известия..., 1926, 1928). Примечательной в изданиях под грифом Средазкомстариса стала публикация научно-популярных брошюр М.Е. Массона, посвященных архитектурным памятникам Самарканда. Несмотря на немалый тираж, из-за повышенного спроса в 1929 г. они были переизданы (Массон, 1926а; 1926б; 1926в).

Ввиду обширности территории республик Средней Азии и Казахстана, а также дефицита научных специалистов, особенно археологов, затруднений в финансировании Средазкомстарис был не в силах уделять равноценное внимание всем республикам. Вследствие этого было решено создать свои отдельные подобные комитеты в каждой из них. В начале 1928 г. Средазкомстарис был расформирован и направление его деятельности в Узбекистане стало прерогативой Узкомстариса. Однако, официальное Постановление ЦИК Советов и СНК УзССР «Об образовании при Народном комиссариате просвещения УзССР Комитета по делам памятников культуры и природы и об утверждении Положения о нем» было утверж-

дено только 19 марта 1929 г. Из-за отсутствия средств на создание Узкомстариса с 1-го апреля 1928 г. до объявления специального постановления решением Коллегии Наркомпроса УзССР работы фактически вел Самкомстарис (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 27)².

Узкомстарис стал правопреемником Средазкомстариса, но на деле даже к концу 1928 г. мероприятия по приему и передаче всех дел прежнего комитета новому не были осуществлены. Из отчета за 1928 г. следовало, что деятельность Узкомстариса проходила на базе Самкомстариса, поэтому основное внимание уделялось исследованиям в Самарканде. Археологические изыскания велись только на городище Афрасиаб. Ими, как и прежде, руководил В.Л. Вяткин, которому надлежало следить и за ремонтно-реставрационными работами историко-архитектурных памятников Самарканда. Кроме того, в течение 1928 г. В.Л. Вяткин по поручению руководства Узкомстариса был в Заравшанской долине для обследования городища Арбиджан в составе экспедиции в Хорезмский округ в целях обследования архитектурных памятников, находящихся как на территории Узбекистана, так и на территории Туркмении. Результаты исследовательских работ планировалось опубликовать, но этого не произошло. (Там же. Л. 27–30).

В 1928 г. были установлены штаты и сметы расходов. Имелись следующие должности: 1) председатель; 2) археолог, он же зам. председателя; 3) ученый секретарь; 4) инженер-архитектор; 5) машинистка-делопроизводитель; 6) два десятника; 7) научный сотрудник по охране природы (с 16.06.1929); 8) бухгалтер (с того же времени); 9) рассыльный; 10) 5 сторожей для охраны памятников; 11) скульптор-керамист (Там же. Л. 27). Цели Узкомстариса в археологическом плане были оговорены в специальном пункте: «производство археологических разведок и раскопок с целью выявления и собирания предметов древности, искусства и народного быта, а также организация научных экспедиций и в связи с собранными материалами – изучение экономики и истории прошлого» (Там же). Еще одной задачей, поставленной перед Узкомстарисом, было пополнение музейных коллекций в целях пропаганды знаний об истории региона.

² Документы, содержащие сведения о работе Узкомстариса хранятся в НАУз – Национальном архиве Узбекистана (ранее ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан), фонд 2296, опись 1. К этому фонду мы и будем обращаться при анализе деятельности Узкомстариса.

Права Узкомстариса в отношении археологических исследований были обозначены в 7-ом пункте Положения о нем: «Комитет имеет исключительное право производства археологических работ, разведок, раскопок и изысканий на территории УзССР. Учреждения, организации и лица не вправе без разрешения Комитета производить эти работы» (Там же. Д. 1. Л. 4–5). По Положению председатель Узкомстариса назначался Народным комиссариатом просвещения УзССР. Первым председателем Узкомстариса был известный просветитель Муса Саиджанов. Его заместителем был назначен В.Л. Вяткин.

Согласно Положению штат был утвержден с уклоном на охрану памятников культуры и природы. Это свидетельствовало о том, что опять же в институциональном отношении археологические исследования не были в приоритете, то есть составляли часть «охраны памятников культуры» (Там же. Л. 5). Как было показано выше, в штате 1928 г. специалист-археолог был. Возможно в статусе «специалист по охране памятников культуры и природы» в 1929 г. и подразумевался археолог? Это наводит на мысль о том, что и к концу 1920-х гг. археологическим исследованиям не уделялось должного внимания, и, естественно, формирование археологии как научного направления шло медленно.

Средства Узкомстариса состояли из трех источников поступлений: «а) из ассигнований по государственному бюджету, б) из доходов от эксплуатации имущества, в) от иных поступлений». В примечании к данному разделу уточнялось, что «средства, предусмотренные п.п. «б» и «в», составляют специальные средства Комитета, получение, хранение и расходование которых производится согласно существующим узаконениям о специальных средствах» (Там же). Таким образом, работа Комитета финансировалась государством.

Необходимо отметить, что все научные планы и годовые отчеты о проделанной работе направлялись в Ленинград в ГАИМК/ИИМК. По сравнению с отчетами Узкомстариса, сдаваемыми в Научный отдел Наркомпроса УзССР, в ГАИМК по археологическому направлению отправлялись более подробные и детализированные документы. Об этом свидетельствует отчет Узкомстариса за 1928–1929 гг. В отправленном в Ленинград отчете за подписью Мусы Саиджанова, археологические исследования на городище Афрасиаб были выделены в отдельный раздел и расписаны более подробно, нежели в хранящемся в фонде Узкомстариса в НАУз.

В этом отчете М. Саиджанов дал объективную оценку сложившейся ситуации на момент организации Узкомстариса. В частности, во вступительной части отчета констатируется: «Узбекский Комитет по охране памятников культуры и природы, призванный вести дело охраны, ремонта и реставрации только в 1928/29 году получил свое юридическое оформление. Будучи преемником в работе бывшего Средазкомстариса, <...> Узкомстарис однако не получил от него не только имущества, но прежде всего и раньше всех дел, и дел его секции. А поэтому вступая во второй год своего существования, Узкомстарис несомненно в своей работе чувствует некоторые проблемы». Справедливое возмущение председателя Узкомстариса, адресованное Научному отделу Наркомпроса УзССР, касалось материалов по Узбекистану, а также того, что упразднение Средазкомстариса происходило небрежно и без участия представителей Узкомстариса: «... В свое время ликвидация Средазкомстариса была проведена настолько формально и бесшумно, что Узкомстарис только случайно узнал о состоявшейся передаче имущества и совершенной ликвидации Средазкомстариса. В этом направлении Узкомстарисом были приняты некоторые шаги к выяснению создавшегося положения, <...> но вопрос этот так и остался не выполненным по соображениям известным только Научному отделу НКПроса. Дальнейший ход работы Узкомстариса несомненно, потребует скорейшей ликвидации создавшегося ненормального положения с преемственностью дел и имущества бывшего Средазкомстариса, так как для обеспечения плодотворной и плановой работы Узкомстариса необходимо знать, что имеешь и какими материалами располагаешь» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1930. Д. 111. Л. 21–31).

Еще одним из больных вопросов во все периоды деятельности Туркомстариса, Средазкомстариса и в первые годы существования Узкомстариса было финансирование, которое постоянно урезалось. М. Саиджанов по этому поводу в отчете писал: «Другой ненормальностью в положении Узкомстариса является систематическое снятие кредитов для чрезвычайных нужд того или иного учреждения <...> несмотря на то, что в план работы была внесена археологическая поездка, но за неимением [бюджетных. – Ф.Ш.] средств пришлось совершить ее на спецсредства. <...> Такое положение как бы вошло в систему и Узкомстарис, несмотря на свои попытки, по-прежнему не уверен в дальнейшем, что намеченные планы будут им проведены в жизнь. Необходимо отметить, что

в своих затруднениях Узкомстарис не получил достаточной помощи от Научного отдела НКПроса, а напротив частые предложения последнего по мелким вопросам, отрывали зачастую непродуктивно время у сотрудников Комстариса» (Там же).

Вопрос получения финансирования был наиважнейшим и в ремонтно-реставрационных делах. На всем протяжении деятельности трех комитетов (1920–1939) шел постоянный процесс «выбивания» денежных средств для исследований, в том числе и археологических, хотя к концу 1920-х гг. в Узбекистане это научное направление расширялось и углублялось. Коренными задачами Узкомстариса, стоявшими в конце 1920-х – начале 1930-х гг., оставались в основном те, что были обозначены еще в начале 1920-х, но уже глубже и шире. Теперь нужно было добиваться средств не только для ремонтно-реставрационных работ, но и для археологических, хотя бы для разведочных обследований.

Ввиду большого круга задач, которые должен был выполнять Узкомстарис несмотря на нехватку специалистов по всем отраслям, в 1929 г. Сектор науки Наркомпроса УзССР вынес Постановление, по которому задачи Комитета были сокращены в объеме, но расширились по содержанию, в частности это касалось археологии. Об этом свидетельствует отчет Узкомстариса за 1929–1930 гг. (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–52 об.). Таким образом, археологические исследования возводятся в одно из приоритетных направлений, но все еще в недостаточной степени. Конечно, это способствовало расширению территории охвата археологических изысканий, а также появлению новых методов раскопок. Так, носившие планомерный характер с 1928 г. исследования велись в 1929 г. на Афрасиабе, в Заравшанской долине (Рабинджан), разведочные работы – в Хорезмской долине, а в 1930 г. к этому ряду прибавилось и разведочное обследование вдоль реки Ангрэн и на Ягнобе. Результаты проведенных за отчетный период работ еще раз свидетельствовали о необходимости дальнейшего расширения и углубления археологических исследований на территории Узбекистана.

Однако, как и во всех отраслях науки и народного хозяйства, в самом конце 1920-х годов начались так называемые «чистки» государственных органов, связанные с классовым происхождением служащих, то есть в целях выявления «неблагонадежных». Коснулось это и археологической сферы, о чем свидетельствует упомянутый нами годовой отчет Узкомстариса. В частности,

в конце исследовательского блока отчета отмечено, что работа экспедиции в Заравшанскую долину «была прервана начавшейся чисткой Узкомстариса и перенесена на следующий год» (Там же. Д. 1. Л. 50).

Большой проблемой в осуществлении археологических планов был недостаток специалистов-археологов, образовавшийся в штатном расписании. В частности, на начало 1931 г. в штате Узкомстариса значились следующие должности:

1) председатель; 2) ученый археолог (во второй половине 1931 г. эта должность была сокращена); 3) ученый секретарь; 4) инженер-архитектор; 5) керамист-художник; 6) техник-строитель; 7) десятник; 8) машинистка-делопроизводитель; 9) счетовод (бухгалтер); 10) рассыльный – уборщик по канцелярии; 11) 5 сторожей по охране памятников в гор. Самарканде.

Из спецсредств дополнительно финансировались следующие штатные единицы:

1) рабочий по керамической мастерской; 2) подметальщики площади Регистан.

Кроме этого Узкомстарис имел своих уполномоченных в городах, где были историко-архитектурные памятники – в Бухаре, Ташкенте, Фергане, Хиве. Чаще всего эта обязанность по совместительству была возложена на заведующих местных музеев (Там же. Д. 1. Л. 64–75 об.; Д. 23. Л. 1–23).

Из представленного видно, что на весь Узкомстарис в штате был всего один археолог, которого во второй половине года сократили, так как основное внимание уделялось ремонту и реставрации архитектурных памятников Самарканда и Бухары. Это отмечается в «коренных задачах, входящих в круг ведения» Узкомстариса, приоритетность которых определялась следующим образом: а) взятие на учет и охрана памятников архитектуры и истории; б) необходимый ремонт и возможная реставрация памятников, взятых на учет; в) археологическое, архитектурное и художественное их изучение» (Там же. Д. 1. Л. 64).

Несмотря на то, что выделение средств из госбюджета для Узкомстариса увеличивалось, их постоянно не хватало для археологических изысканий. Судя по отчету, Узкомстарис на запланированные работы на 1931 г. запросил большую сумму, чем было отпущено, так как М. Саиджанов с сожалением подчеркивал, что: «ни одна из запланированных работ не была выполнена вследствие того, что по окончательно утвержденной смете на них

нельзя было отчислить минимально необходимую сумму. Таким образом, в 1931 г. на всей территории Узбекистана нигде не производилось раскопок, а уже начатые не продолжались. Точно также крайне необходимое археологическое обследование территории Узбекистана, важное для будущих раскопок средствами центральных организаций и самого Узбекистана, пришлось отложить до более благоприятного времени» (Там же. Д. 1. Л. 73 об.; Д. 23. Л. 19). Из этого следует, что если первой причиной медленного развития археологических исследований была нехватка специалистов-археологов, то второй – в недостаточном финансировании.

При изучении археологических разделов в годовых отчетах Узкомстариса за первые годы его деятельности возникает вопрос: на чем основан такой выбор объектов для исследований? 14 ноября 1920 г. В.В. Бартольд посвятил свой доклад в Туркестанском государственном университете (ныне НУУз, Ташкент) главным направлениям археологического изучения Средней Азии (*Бартольд*, 1977. С. 254). Пусть и маленькими шагами, но археология в какой-то степени, двигалась именно по указанным им направлениям. Свидетельством этому может служить рукопись В.Л. Вяткина, на которую мы наткнулись в одном из дел фонда Узкомстариса. Дата на рукописи отсутствует, но в ней указаны все те регионы, в которых сотрудники Узкомстариса вели разведочные и раскопочные изыскания с 1928 по 1932 г. Судя по содержанию текста, свой взгляд на развитие археологических исследований в Узбекистане В.Л. Вяткин изложил в 1928 г., то есть при создании Узкомстариса. В частности, определяя планы исследовательских работ в данном направлении науки в первом пятилетии деятельности Узкомстариса и понимая крайнюю малоизученность этой сферы, он писал, что «область археологии Узбекистана изучена очень мало и потому программа будущих работ в значительной мере не является приноровленной к продолжению предыдущих работ, а должна быть поставлена наново. Археологическое обследование следует вести по двум направлениям: с одной стороны изучение топографии Узбекистана на основании письменных источников и установления районов, отдельных населенных пунктов, водных систем, урочищ и проч., на которых и описание находятся в этих источниках. <...> С другой стороны, должны быть выявлены по наружным признакам археологические местности Узбекистана путем разведки или более детального обследования – городища, древние кладбища, курганы, стоянки и пр. В результате этих обследований

источников и природы должно явиться археологическое описание Узбекистана с нанесением на карту всех топографических данных, заслуживающих внимания археологии. <...> В ближайшее время следует приступить к археологическому обследованию долины Заравшана, затем на очереди должна быть поставлена Фергана, далее долина Чирчика и Ангрена с увязкой местности между ними и долиной Заравшана. Районы Кашка-дарьи, Сурхан-дарьи и Хорезма могут быть обследованы в последующее время. Особое внимание в смысле ведения археологических раскопок должно быть уделено Афрасиабу» (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 29).

Мнение В.Л. Вяткина приведено так подробно, чтобы показать глобальность намеченного им плана археологического изучения Узбекистана за первые четыре года деятельности Узкомстариса. Городище Афрасиаб он наметил как основную базу для археологов, как и было на протяжении долгих лет. Примечательным является то, что в новом Положении Узкомстариса также прослеживаются эти мысли В.Л. Вяткина. Скорее всего, эта рукопись была составлена в начале 1930-х гг.

Однако за эти первые годы своей деятельности Узкомстарис, по справедливой оценке М.Е. Массона, «оставаясь в Самарканде до 1932 г., не сумел стать органом республиканского масштаба» (Массон, 1953. С. 24). Основное внимание уделялось Самарканду, а остальные регионы республики оставались вне поля зрения руководства.

В 1932 г. произошел очередной поворот – еще один этап в судьбе узбекской археологии. 27 июня 1932 г. ЦИК Советов и СНК УзССР издали Постановление «Об образовании при Совете Народных комиссаров УзССР Комитета по охране и изучению памятников культуры Узбекистана и об учреждении и введении в действие Положения о названном Комитете». Узкомстарис из ведения Наркомпроса УзССР переходит в ведение СНК УзССР, и, естественно, археология как отрасль науки поднимается на более высокий уровень. Все предыдущие постановления упразднялись. Примечательным моментом в новом Положении было то, что вторым пунктом в перечне задач указано: «б) производство на территории УзССР археологических обследований и раскопок». Вследствие того, что выявление новых археологических объектов по территории Узбекистана набирает оборот, первым пунктом в перечне задач было: «а) взятие на учет памятников архитектурного зодчества на территории УзССР, городищ, стоянок, могиль-

ников и других, имеющих археологическое значение местностей, а также имеющих археологическое значение коллекций или отдельных предметов материальной культуры, находящихся в ведении как отдельных лиц, так и государственных и общественных организаций и учреждений» (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 29. Л. 16–18). Можно сказать о произошедшем переломе, либо пересмотре приоритетов, поскольку регистрация и ремонтно-реставрационные работы культурно-исторических памятников меняются местами с археологическими исследованиями Узбекистана.

В разделе «Права Комитета» нового Положения об Узкомстарисе тоже происходит ряд изменений. Во-первых, увеличиваются и расширяются права, во-вторых, многие пункты прав касаются именно археологической сферы. Первый пункт данного раздела Положения гласил: «Комитету принадлежит исключительное право производить археологические раскопки и обследования на территории УзССР» (Там же. Д. 29. Л. 19). Актуальное изменение произошло и в структуре – в состав рабочего аппарата Узкомстариса вновь введена должность археолога, ранее упраздненная. Средства для Узкомстариса должны были поступать из четырех источников: из госбюджета, из местных бюджетов (имеются в виду средства того региона, где проводятся археологические работы), из доходов от эксплуатации имущества Узкомстариса, из доходов от изданий и иных поступлений (Там же. Л. 21–22). В примечании указано, что последние два источника являются спецсредствами Комитета. Центральный аппарат Узкомстариса переведился из Самарканда в Ташкент, что должно было способствовать усилению и централизации работ и связи со всеми регионами Узбекистана. М. Саиджанов на посту председателя Узкомстариса сменил Низамиддин-Ходжаев, ранее работавший в Узгосплане (Там же. Д. 71. Л. 73). М. Саиджанов остался в Самарканде председателем Самкомстариса после кончины В.Л. Вяткина.

В ряде регионов республики Узкомстарис имел свои филиалы, в частности, в Самарканде – Самкомстарис (председатель М. Саиджанов), Бухаре – Бухкомстарис (В.А. Шишкин), Хиве – Хивкомстарис (С.К. Кабанов), Шахрисябзе – Шахкомстарис и Коканде – уполномоченный Узкомстариса. В Термезе уполномоченным был директор Термезского музея краевед-археолог Г.В. Парфёнов (Там же. Л. 10, 42). Через эти филиалы Узкомстарис реализовывал свои планы на местах. Если Комитет проводил археологическую экспедицию в том или ином регионе, сотрудники

филиалов, обладавшие необходимой подготовкой, непосредственно включались в эту работу. В основном это были сотрудники музеев. По новой структуре штат Узкомстариса был утвержден в количестве 66 человек. Однако, как показано в отчете Узкомстариса за 1933 г., научных сотрудников все еще было недостаточно. Если в 1932 г. было 11 научных и инженерно-технических сотрудников, то в 1933 г. их число увеличилось всего лишь до 14 (Там же. Л. 7).

После переезда Узкомстариса в Ташкент самым значительным археологическим открытием на территории Узбекистана в масштабе всего центральноазиатского региона стала находка каменного фриза в Термезе. Это было открытие античного городища Айртам. Находка заинтересовала научных сотрудников, что способствовало введению в план Узкомстариса на 1933 г. экспедиции (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 49. Л. 21; Д. 71. Л. 56), а первые результаты исследований были опубликованы в 1-м номере «Материалов Узкомстариса» (Массон, 1933а). Для организации раскопки Узкомстарис запросил у СНК УзССР 4000 руб. (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 3. Л. 40). Судя по докладной записке о работе Узкомстариса за 1932–1935 гг., представленной в ЦИКП(б) УзССР и Комитет наук ЦИК (Там же. Д. 71. Л. 12.), это была первая экспедиция, проведенная самостоятельно только силами Узкомстариса. Много лет спустя руководитель работ М.Е. Массон опубликовал очень интересный очерк, посвященный этой экспедиции, имевшей огромное научное значение (Массон, 1976. С. 52–87).

В упомянутой выше докладной записке системно и поэтапно представлены успехи и проблемы Узкомстариса по всем направлениям, с которыми он столкнулся в первые годы после переезда из Самарканда в Ташкент (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 71. Л. 10–18). Как и прежде, одной из острых проблем являлась нехватка кадров, особенно из коренного населения. В управленческом звене Узкомстариса в те годы работали всего лишь три представителя коренного населения: М. Саиджанов, тогда еще молодые начинающие исследовательскую деятельность Ш. Иногамов (зам. председателя) и Я. Гулямов (ученый секретарь). Было отмечено, что они загружены текущей административной работой и не могут в достаточной мере заниматься научными исследованиями (Там же. Л. 15). Примечательно то, что по соглашению 1933 г. с Государственным Эрмитажем, Узкомстарис именно представителей коренного населения (Ш. Иногамова или Я. Гулямова) должен был осенью направить для учебы в аспирантуре в Ленинград

(Там же. Д. 64. Л. 7). Но из-за отсутствия возможности выплаты стипендии в этом году, направление пришлось отложить на 1934 г. Вероятно, положительному решению этого вопроса должно было служить Постановление СНК УзССР от 17 декабря 1933 г. «О мероприятиях по укреплению и развитию деятельности Комитета науки при ЦИКе УзССР», в котором указывалось, что одной из целей данного Постановления является «содействие росту кадров научных работников и аспирантуры» (Там же. Д. 3. Л. 2).

Как отмечалось выше, все планы работ Узкомстариса согласовывались как с СНК УзССР, так и с отделом Средней Азии ИИМК, которым после кончины В.В. Бартольда руководил А.Ю. Якубовский. Осенью 1933 г. правление Узкомстариса с нетерпением ожидало его приезда, чтобы обсудить план работ на второе пятилетие своей деятельности, в том числе и кадровый вопрос (Там же. Д. 64. Л. 3).

Недостаток научных работников проявлялся и в том, что вследствие интенсивного строительства в разных регионах Узбекистана, в том числе и железных дорог, Узкомстарису не удавалось вести археологический надзор на новостройках. Для решения этого вопроса Комитет пытался получить новую единицу в свой штат на 1934 г. (Там же. Д. 71. Л. 15). Кроме того, Узкомстарис прилагал усилия для приглашения специалистов-археологов и архитекторов из Москвы и Ленинграда. Однако и в самом центре ощущалась такая проблема, поэтому до середины 1930-х гг. положительно ее решить не удавалось. Скорее всего, это был результат проведенной в конце 1920-х гг. «чистки» рядов научных исследователей.

В указанной докладной записке, в очередной раз, с надеждой на улучшение и расширение археологических исследований, а также качества ремонтно-реставрационных работ на архитектурных памятниках республики и уже с уклоном на «идеологическую подкованность» специалистов, руководство Узкомстариса уверяло, что «при наличии достаточного кадра научных работников, историков, археологов и архитекторов, обладающих марксистско-ленинской методологией, в которых Узкомстарис крайне нуждается, и при наличии достаточных денежных средств Узкомстарис мог бы продолжать обследования и изучения памятников материальной культуры древнего городища Афрасиаба, памятников Заравшанской, Ангренской долин, которые еще не обследованы, городища на месте находки указанного выше фриза, провести ремонтно-реставрационные работы еще не затронутых историче-

ских памятников Шахрисябза, Термеза и Хивы, то есть работ, неотложная необходимость в которых бесспорна» (Там же. Л. 16).

Здесь следует сказать, что начиная с 1930-х гг. политическая грамотность управляющего аппарата всех учреждений Узбекистана, да и всего Союза была самым важным аспектом. Узкомстарис не был исключением, так как в те годы все науки, в особенности гуманитарные ставились на марксистско-ленинские платформы. Исторические дисциплины всегда были в первых рядах идеологического фронта. И естественно, при приеме новых работников в Узкомстарис, подготовке годовых отчетов, публикации результатов археологических экспедиций, существовал обязательный цензурный контроль. В оценке работы Узкомстариса и его филиалов на местах идеологическая благонадежность учитывалась особенно. Именно поэтому в анализируемой докладной записке акцентировалось внимание на том, что «необходимо также указать на слабость отдельных филиалов Узкомстариса на местах в Шахрисябзе, Хиве, объясняющуюся тем, что за отсутствием достаточно квалифицированных партийных кадров выделялись местными партийными и советскими организациями и назначались на руководящую работу случайные лица [не имеющие к науке никакого отношения, но члены партии. – Ф.Ш.], которые не оправдывают работой свое назначение, что усугубляется еще тем, что местные Горисполкомы в лице отделов народного образования повседневно не только не достаточно контролируют работу филиалов Узкомстариса на местах, но зачастую этих работников используют (Шахрисябзский горисполком) в своем аппарате не по прямому назначению» (Там же. Л. 16–17).

В конце каждого года в СНК УзССР представлялся план работ на следующий. К нему прикладывалась пояснительная докладная записка с обоснованием необходимости проведения разведочных, раскопочных работ на тех или иных объектах. Если запрашивались новые штатные единицы археолога, архитектора, сторожа и пр., или обосновывалось увеличение заработной платы с учетом региональных филиалов, то и в этом случае составлялась пояснительная записка. Например, тогда еще молодой специалист Я. Гулямов был назначен ученым секретарем Узкомстариса вместо уволившегося с этой должности В.Д. Жукова. Желая сохранить для Я. Гулямова ту же штатную зарплату, какая была у В.Д. Жукова, председатель Узкомстариса Низамиддин-Ходжаев написал на него небольшую характеристику, чтобы обосновать запрос: «... т. ГУЛЯМОВ, узбек,

окончивший высшее учебное заведение по историческому циклу, в совершенстве владеет двумя языками, как узбекским, так и русским языком, научный работник, имеет труды, был участником Айртамской и Шахрисябзской экспедиций Узкомстариса и показал себя как достойным научным работником первой категории, заслуживающим ставку своего предшественника <...> как работник во всех отношениях стоящий выше своего предшественника тов. Жукова» (Там же. Л. 39, 40).

Кроме того, таким научным сотрудникам Комитета, как М. Саиджанову, В.А. Шишкину, С.К. Кабанову, Г.В. Парфёнову, также запрашивалось увеличение зарплаты, потому что они не только выполняли функции контроля за ремонтно-реставрационными работами, но и вели археологические изыскания. В центральном аппарате Узкомстариса зарплата археолога-консультанта по штатному расписанию на 1933 г. была ниже других.

Положительный поворот в деятельности Узкомстариса в археологическом отношении произошел в 1935 г. Это проявилось в том, что археологической научно-исследовательской работе теперь уделялось больше внимания. Подобный поворот был связан с возобновлением преподавания «гражданской истории» в общеобразовательных школах, а также с поручением правительства о создании учебников по истории с древнейших времен до современности (Там же. Д. 81. Л. 1 об.).

Важным аспектом положительного развития археологических исследований явилось выделение средств из госбюджета, и соответственно, при составлении годового отчета указывалась сумма, израсходованная на обследование того или иного археологического объекта. Кроме того, опытным археологом В.Д. Жуковым велся систематический археологический надзор на строительстве Чирчикской ГЭС. Для этой цели Узкомстарис смог получить отдельную штатную единицу от Комитета наук СНК УзССР (Там же. Д. 71. Л. 39).

Еще одним положительным сдвигом в развитии археологии было то, что из ГАИМК в Ташкент был командирован специалист-археолог Г.В. Григорьев, которому поручались разведки и исследование памятников древнего периода на территории Ташкентской области (Григорьев, 1935). С проведением этой экспедиции нужно было торопиться, так как территория Ташкентского региона быстро застраивалась. Григорьев вел изыскания по всему регио-

ну, выявил 15 объектов древнейшего периода, 5 городищ эпохи средневековья, обследовал остатки внешней оборонительной стены Кампыр-дувал на протяжении 35 км, нанеся все это на археологическую карту Ташкентской области (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 121. Л. 45). Самым значительным среди археологических объектов в Янгиюльском районе, где были проведены раскопки и получены очень ценные результаты, считается городище Каунчитепа, относящееся к древнейшему и античному периоду истории Узбекистана. Работы на данном объекте продолжались до 1937 г. включительно (Григорьев, 1940).

Благодаря приложенным усилиям Узкомстариса и не без помощи ГАИМК, к концу 1935 г. удалось, хоть немного, наладить публикации результатов археологических изысканий, чему в прежние годы мешали финансовые трудности, и результаты камеральных работ оставались в «столе».

С 1936 г. внимание к археологическим исследованиям усиливается как в планировании, так и в организации работ, что отразилось в годовом отчете Узкомстариса (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–8). Археологические изыскания начали прочно занимать центральное место не только по объему, но и по своему значению. А в самой тематике археолого-исследовательских работ первостепенное значение начинают приобретать темы, связанные с самыми актуальными задачами исторической науки. Это было связано и с тем, что перед историками СССР была поставлена задача создания многотомной истории СССР с древнейших времен, а для этого археологическое изучение Средней Азии, в том числе и Узбекистана имело немаловажное значение.

Главное внимание в это время по-прежнему было направлено на изучение исторической географии и топографии Узбекистана; выявление древних систем ирригации на территории республики; археолого-разведочные маршрутные поездки со сбором подъемного материала по Хорезмскому, Сурхандарьинскому, Кашкадарьинскому округам, а также по маршрутам Кермен – Нурата, Нурата – Катта-Курган, Катта-Курган – Кара-Дарья. Были задействованы все штатные научные сотрудники Узкомстариса: Я.Г. Гулямов, М.Ю. Саиджанов, С.К. Кабанов, внештатный сотрудник Д.Д. Букинич, а также научный сотрудник Центрального историко-революционного музея Узбекистана, археолог Т.М. Миргиязов (Там же. Л. 2). Самым важным событием 1936 г. была организация Термезской археологической комплексной экс-

педиции под руководством М.Е. Массона, продолжавшейся до 1939 г. включительно. Полученные научные результаты осуществленных в 1936 г. работ имели очень важное значение в планировании археологических исследований в дальнейшем, а также в методологическом и методическом отношении.

Одной из существенных проблем в сфере археологии 1930-х гг. была подготовка молодых специалистов-археологов. Чтобы отправить молодых сотрудников на учебу в аспирантуру в научно-исследовательские учреждения Москвы и Ленинграда, Узкомстарис специально договорился с ними, но стипендию обучающимся должен был обеспечить Комитет наук СНК УзССР. Вследствие того, что выделение средств систематически наталкивалось на трудности, Узкомстарису не удавалось направлять молодых сотрудников в аспирантуру. В 1936 г. должны были поехать на учебу 4 человека, но ни один не смог это сделать вследствие того, что средства на стипендии со стороны СНК УзССР не были выделены (Там же. Л. 8).

Уместно будет отметить наблюдения, связанные с организацией научно-исследовательских работ, отраженные в годовом отчете Узкомстариса за 1936 г. В частности, там отмечалось, что очень важной особенностью работы Узкомстариса «является коллективность и вместе с этим четкое разделение труда между научными работниками», а также комплексность в изучении поставленных вопросов, чего до этого не наблюдалось (Там же. Л. 1). Все это касалось именно археологии, так как она все прочнее становилась на рельсы планирования.

Говоря о должностных обязанностях специалистов-археологов Узкомстариса, следует отметить, что они не ограничивались только археологическими раскопками на тех или иных объектах. В папках, относящихся к организационно-административному управлению Узкомстариса, есть документ, датированный февралем 1936 г. В нем под названием «Перечень обязанностей работников Узкомстариса» были расписаны обязанности всех должностных сотрудников, в том числе и археологов (Там же. Д. 203. Л. 16–19). Должность археолога на тот год являлась вакантной³, поэтому предполагалось пригласить на эту должность Г.В. Григорьева, научного сотрудника Русского музея в Москве и ученого секретаря Комиссии по изучению Средней Азии в ГАИМК в Ленинграде, ко-

³ М.Е. Массон являлся археологом-консультантом Узкомстариса и получал персональную оплату за проведенные полевые работы.

торый вел археологическую экспедицию в Янгиюльском районе. В перечень обязанностей археолога входили: участие в выполнении плановой научно-исследовательской работы в Узкомстарисе по утвержденной тематике; участие в организации и проведении археологических экспедиций; консультация научных сотрудников Узкомстариса по содержанию и методике ведения научных работ; просмотр и предварительный отзыв о содержании работ Узкомстариса, предназначенных к изданию; подготовка научных докладов по проведенной археологической работе в Комитете Наук и научных организациях Союза (ГАИМК и др.); участие во всех совещаниях Узкомстариса (Там же. Л. 16, 17а). Кстати, рабочий день археолога, равно как председателя Узкомстариса и его заместителя, был ненормированным.

Однако не все археологи были в равном положении. Так, обязанности В.А. Шишкина, к тому времени переехавшего из Бухары в Ташкент, немного отличались: «...Участие в экспедициях, в регистрационно-обследовательских объездах по районам республики по плану Узкомстариса. Участие во всех совещаниях, проводимых Узкомстарисом по вопросам организации и содержания научно-исследовательских работ экспедиций и регистрационно-обследовательских объездов. Выполнение в течение года одной научной работы по плану Узкомстариса с литературным оформлением этой работы. Выполнение поручений председателя Узкомстариса и его заместителя по проведению докладов о работах Узкомстариса среди рабочих и колхозников» (Там же. Л. 17). Его рабочий день длился с 10 часов утра до 2 часов дня. Г.В. Григорьев, и В.А. Шишкин выполняли обязанности археологов, но ответственность у них, получается, была разной. Это отражалось и в зарплате, речь о которой пойдет ниже.

В планы археологических работ 1937 г. было заложено составление археологической карты и картотеки памятников Узбекистана. Подготовка к этому шла уже несколько лет. К тому же к 1937 г. на территории республики уже было зафиксировано большое количество археологических объектов. Для осуществления данной масштабной работы сотрудники Узкомстариса разработали методический план и принципы (предметный и систематический) составления археологической карты и картотеки (Там же. Д. 184. Л. 7). Организация маршрутных экспедиций сотрудников Узкомстариса 1936 г. в разные регионы была связана с выполнением этой работы, продолжавшейся в 1937 г. Планировалось создание как общей ар-

хеологической карты Узбекистана с нанесением крупнейших комплексных объектов или наиболее важных в археологическом отношении пунктов, так и тематических узко-специальных карт.

В тематический план археологических исследований силами Узкомстариса в 1937 г. входило также продолжение ряда экспедиций, начатых ранее: Термезская под рук. М.Е. Массона; Заравшанская под рук. В.А. Шишкина, которая являлась продолжением совместной экспедиции Узкомстариса и Эрмитажа 1934 г.; экспедиция Г.В. Григорьева в Янгиюльском районе Ташкентской области; археолого-разведочная экспедиция в Ферганскую долину; археологическая разведка по Хорезму, начатая Я.Г. Гулямовым в 1936 г.; археологическая разведка в Нуратинский район, также начатая в 1936 г. Все документы подписаны уже новым председателем Узкомстариса И. Скорлыковым. Кроме планов и смет на каждый пункт археологических исследований, руководители экспедиций составляли объяснительные записки с обоснованием необходимости ведения археологических или маршрутных работ в том или ином направлении (Там же. Д. 183).

По мере возможности, руководство Узкомстариса прилагало определенные усилия по улучшению материального положения научных сотрудников, особенно исследователей-археологов, о чем сказано выше. 1937 г. также был не исключением. В частности, являясь временно исполняющим обязанности председателя Узкомстариса И. Скорлыков, в конце февраля 1937 г. обратился к председателю Комитета Наук УзССР с докладной запиской. В ней выражалась просьба повысить оклад научным сотрудникам В.А. Шишкину и М.Ю. Саиджанову, обосновывая это их многолетними (каждый более 10 лет работал в системе Узкомстариса) научными изысканиями и изданными работами (Там же. Д. 201. Л. 107).

Изучение документов, относящихся к штатным расписаниям научных сотрудников Узкомстариса на 1937 г., еще раз свидетельствует о том, что штатные единицы специалистов-археологов и историков были увеличены. В частности, в центральном отделении Узкомстариса в Ташкенте в 1937 г. числилось четыре археолога и три историка, которые тоже осуществляли полевые исследования.

Однако 1937 г. был омрачен и трагическими событиями, связанными с очередной волной репрессивной политики советской власти. Несмотря на постоянную нехватку археологов, в конце 1937 г. научный сотрудник Узкомстариса Я.Г. Гулямов по требо-

ванию прокуратуры был уволен. Это событие связано с арестом его брата – Адыла Гулямова, работавшего председателем Райисполкома в Кагановичевском районе города Ташкента и обвиненного в национализме (Там же. Д. 201. Л. 1, 39). Стремясь восстановить Яхъя Гулямова в должности, его соратник Рашид Набиев составил «Особое мнение», где в частности, говорилось: «Я тов. Я. Гулямова знаю как сотрудника Узкомстариса и вообще с 1936 г. В течение десяти месяцев Я. Гулямов был в трех основных поездках в Хорезм и Карак[алпакскую] АССР, поездка была вместе с Турды Миргиязовым, на последнем участвовал я (Набиев). Последняя поездка Я. Гулямова прошла содержательной, как по научной цели, так и по характеру дисциплинированности. Обе работы Я. Гулямова были признаны в совещании работников Узкомстариса удовлетворительными. Перед последней поездкой Я. Гулямов в течение нескольких месяцев работал над первоисточниками, две работы его были опубликованы в журнале «Гулистон» на узбекском языке, также несколько статей в газетах. Гулямов в процессе своей работы всегда интересовался памятниками материальной культуры Узбекистана, особенно хорошо знает их историю. В последней поездке обнаружил городище Наринджан и мавзолей его (здание десятого века), о чем публикуется в Музее искусств Узбекистана, а также публикуются Хорезмский Тунтенский оссуарий, привезенные Гулямовым и Миргиязовым. Я. Гулямов соответствует работе Узкомстариса, о чем свидетельствует вышеуказанное о его работе. Надо восстановить его на работе» (Там же. Д. 201. Л. 2–3). Вероятно, усилия Р. Набиева имели положительный результат, так как в последующие годы Я. Гулямов продолжил свою научную деятельность.

Одной из актуальных проблем Узкомстариса, которая никак не решалась, было отсутствие своего подходящего здания. В одной комнате были вынуждены работать около 20 человек, в том числе археологи, историки, бухгалтер, проектно-технические работники, машинистка и др. Такое положение дел, естественно, отрицательно влияло на продуктивность научной работы. Было невозможно вести камеральную обработку собранного археологического материала. Вследствие этого в 1938 г. Узкомстарис вместе с Комитетом наук составляет обращение в СНК УзССР. Комитет наук подготовил проект специального Постановления «О предоставлении Узбекистанскому Комитету по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис) здания бывшей протестант-

ской Кирхи по Жуковской ул. в г. Ташкенте» (Там же. Д. 205. Л. 2, 14, 15). Этот проект как один из пунктов вошел в Постановление СНК УзССР от сентября 1938 г. «О работе Комитета по охране и изучению памятников культуры Узбекистана» (Там же. Л. 5–6), принятое в целях улучшения работы Узкомстариса. Отдельными пунктами в нем шли вопросы о финансовых ассигнованиях и запрещении отчуждения археологических объектов без санкции Узкомстариса, а также о составлении генерального плана научно-исследовательских работ на 3-ю пятилетку и использовании их результатов исследования «для составления учебника истории народов УзССР».

Несмотря на все трудности, связанные с местом расположения Узкомстариса, перерывами в финансировании (хотя сумма средств заметно увеличилась), подготовкой молодых кадров-археологов, Узкомстарис в 1938 г. расширил масштаб археологических исследований. Уже в докладной записке в СНК УзССР о работе Узкомстариса до сентября 1938 г. археологические исследования ставились в приоритет (Там же. Д. 205. Л. 1–2) для продолжения ранее начатых работ и организации обследования новых памятников материальной культуры. Несмотря на задержки в финансировании, из 28 запланированных тем только по двум работы не состоялись (по уважительной причине). А в рамках Термезской (М.Е. Массон) и Заравшанской (В.А. Шишкин) экспедиций планы были даже перевыполнены (Там же. Д. 226. Л. 1–1 об.).

Следует отметить, что и в это время все темы, включая и перспективные, прорабатывались совместно с отделениями Института истории материальной культуры в Москве и Ленинграде, сотрудники отделений в свою очередь, старались координировать планы Узкомстариса со своими.

Сведения о новых открытиях и результатах археологических раскопок широко публиковались в местной печати. Вырезки многих газетных сообщений сохранились в делах фонда Узкомстариса. Однако, как и в период существования Туркомстариса и Средазкомстариса, в издательской деятельности Узкомстарис сталкивался с проблемами (Там же. Д. 226. Л. 2–3). Публикации часто задерживались. Так было и с материалами Термезской археологической комплексной экспедиции, первый том которых был издан только в 1940 г. под грифом Института литературы, языка и истории Узбекистанского филиала АН СССР. Несмотря на недостаточность количества публикаций, следует отметить работы таких сотрудни-

ков Узкомстариса как М.Е. Массон (Массон, 1933а, 1933б, 1933в; 1935а, 1935б), В.А. Шишкин (Шишкин, 1933; 1936), Я.Г. Гулямов (Гулямов, 1934), Г.В. Григорьев (Григорьев, 1935; 1940).

В 1939 г. планы научно-исследовательских работ еще расширились и углубились. Сектор археологии Узкомстариса и его филиалы на местах были вплотную задействованы в разведочно-маршрутных и раскопочных экспедициях. Наравне с продолжавшимися экспедициями организовывались и новые. Основные задачи, которые уже несколько лет ставились перед экспедициями, заключались в следующем: 1) выявление и изучение остатков древнейшего периода истории Узбекистана; 2) получение материалов о характере социально-экономической структуры доисламского периода, в частности наличия в древности рабовладельческой формации; 3) история земледельческого освоения и искусственного орошения территории Средней Азии. Кроме того, некоторые экспедиции (Бухарская, Хорезмская) изучали историю архитектуры и искусства античного периода. (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 250. Л. 1–17). Однако при систематическом росте государственного финансирования на археологические экспедиции, происходило его сокращение со стороны Комитета наук при СНК УзССР, а также перебои со стороны Наркомфина. Так произошло и в 1939 г. В течение первой половины года заложенная по общей смете сумма пересматривалась 5 раз, будучи в итоге сокращена вдвое. В результате этого полевые работы на городище Варахша были проведены на средства Узбекистанского музея искусств (Там же. Д. 81. Л. 6; Д. 250. Л. 1; Д. 255. Л. 2).

Одной из значимых экспедиций 1939 г., которую нужно отметить, был археологический надзор на строительстве Большого Ферганского канала. Эта экспедиция не была запланирована, но М.Е. Массон, узнав о строительстве канала, вопреки сопротивлению председателя Узкомстариса, дошел до руководителя республики, чтобы получить разрешение вести надзор на объекте протяженностью более 260 км с командой из 33 человек. Научные результаты, в том числе собранный археологический материал, имели огромное значение для дальнейшего изучения всей Ферганской долины (Массон, 1976. С. 88–175; Шамукарамова, 2021. С. 43–50; НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 250. Л. 7–8, 15; Д. 254).

В целом, руководство Узкомстариса, положительно оценивая результаты археологических изысканий 1939 г., указало и на недостатки, мешавшие более успешной работе. В частности, к ним

относились: дефицит штатных сотрудников-археологов, нехватка научного оборудования и экспедиционного снаряжения, отсутствие приспособленных помещений для проведения камеральной обработки археологических материалов, перегруженность плана работ, задержка публикаций по результатам экспедиций, недостаточность привлечения молодых исследователей, отсутствие стимула у научных сотрудников к защите диссертаций на ученую степень (НАУз. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 250. Л. 16–17).

Таким образом, изучая отчеты 1930-х гг., представленные данные в них по оргвопросам, характеристикам всех археологических работ, составу исследователей и т.д., можно с уверенностью констатировать, что археология как самостоятельная наука, несмотря на трудности в финансировании и нехватку квалифицированных кадров специалистов-археологов, прогрессировала. Многие экспедиции часто работали на «голом энтузиазме». Увеличивающаяся территория исследований, широта поставленных задач, научная значимость результатов переходили рамки описательной археологии. Вследствие этого накапливался опыт ведения археологических экспедиций, а самое главное, совершенствовались существующие методы ведения раскопок, появлялись и разрабатывались новые. Хотя нужно заметить, что было бы целесообразно еще в 1932 или 1935 г. разделить два направления, создав отдельные учреждения: по охране и реставрации архитектурных памятников Узбекистана и для ведения научно-исследовательских археологических работ.

Одним словом, учитывая и предыдущие годы, можем сказать, что шел процесс накопления археологических знаний, способствовавший развитию археологической мысли Узбекистана. К тому же, полученные результаты, в свою очередь, способствовали реконструкции нашей истории.

К концу 1930-х годов по археологическим экспедициям Узбекистан занимал одно из ведущих мест не только в Средней Азии, но и во всем СССР. За годы деятельности Комитета (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) были зарегистрированы и взяты на учет 1500 археологических объектов (Там же. Д. 81. Л. 16).

Учитывая значительные успехи, достигнутые в ходе археологических исследований Узкомстарисом, а также Отделом истории при Комитете наук СНК УзССР было принято решение объединить эти две организации в одно научное учреждение и в сентябре 1939 г. СНК подготовил проект Постановления «Об учреждении в системе Комитета наук при СНК УзССР Института истории

и истории материальной культуры» (Там же. Д. 255. Л. 1). По проекту постановления структура нового института должна была включать четыре отдела: 1) истории народов Узбекистана; 2) истории материальной культуры; 3) историко-архитектурного; 4) охраны и реставрации памятников старины и революции. Однако тогда это Постановление не было реализовано.

В 1940 г. Постановлением СНК УзССР был создан Узбекстанский филиал Академии наук СССР (УзФАН СССР). Наряду с другими научно-исследовательскими институтами, вошедшими в его состав, был вновь созданный Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Постановлением СНК УзССР от 28 января 1940 г. «научно-исследовательские работы по археологии» из Узкомстариса были переданы археологическому сектору этого института (Там же. Д. 274. Л. 45–47). Самостоятельный Отдел истории, до этого функционирующий при Комитете наук СНК УзССР, также вошел в структуру нового института. Все сотрудники-археологи (М.Е. Массон, А.И. Тереножкин, Я.Г. Гулямов, В.А. Шишкин, В.Д. Жуков, Т.Г. Оболдуева, А.С. Судакова, А.С. Каххаров) из Узкомстариса были переведены в штат ИЯЛИ. Археологические исследования велись в рамках двух отделов, работавших в интеграции с Узкомстарисом, – в отделе археологии (рук. В.А. Шишкин) и отделе древнего и средневекового периода (рук. Я.Г. Гулямов). Это был следующий, более успешный, этап развития археологии в Узбекистане, рассмотрение которого целесообразно в специальной работе.

Литература

- Бартольд В.В.*, 1977. Ближайшие задачи изучения Туркестана // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IX. М.: Изд-во восточной литературы. С. 546–555.
- Григорьев Г.В.*, 1935. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент. 48 с.
- Григорьев Г.В.*, 1940. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.) // Труды Института истории, языка и литературы. Ташкент. С. 3–41.
- Гулямов Я.Г.*, 1934. На путях охраны и изучения памятников материальной культуры // Материалы Узкомстариса. Вып. 9. Ташкент. 28 с.
- Денике Б.П.*, 1927. Экспедиция Музея Восточных культур в Термез. Предварительный отчет // Культура Востока. Вып. 1. С. 9–18.
- Денике Б.П.*, 1928. Термез // Новый Восток. Книга 22. М. С. 208–223.
- Известия Средазкомстариса, 1926. Вып. I. Ташкент. 313 с.
- Известия Средазкомстариса, 1928. Вып. III. Ташкент. 327 с.

- Лунин Б.В., 1990. Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) // ОНУ. № 3. С. 37–44.
- Массон М.Е., 1926а. Мавзолей Гур-Эмир (Усыпальница Тимуридов). Ташкент. 31 с.; 2-е изд. 1929. 32 с.
- Массон М.Е., 1926б. Регистан и его медресе. Ташкент. 31 с.; 2-е изд. 1929. 30 с.
- Массон М.Е., 1926в. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-Ханым. Ташкент, 1926. 16 с.; 2-е изд. 1929. 16 с.
- Массон М.Е., 1933а. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры // Материалы Узкомстариса. Вып. 1. Ташкент. 16 с.
- Массон М.Е., 1933б. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах // Материалы Узкомстариса. Вып. 2–3. Ташкент. С. 3–10.
- Массон М.Е., 1933в. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом // Материалы Узкомстариса. Вып. 4. Ташкент. 23 с.
- Массон М.Е., 1935а. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930–1931 гг. // Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент. 18 с.
- Массон М.Е., 1935б. Проблема изучения цистерн-сардоба // Материалы Узкомстариса. Вып. 8. Ташкент. 73 с.
- Массон М.Е., 1953. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды САГУ. Вып. LXXXI. Ташкент. С. 5–40.
- Массон М.Е., 1976. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976. 175 с.
- Миронов А.М., 1926. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент. С. 18–42.
- Нечкин Д.И., 1926. Задачи и ближайшие цели комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент. С. 3–17.
- Ставиский Б.Я., 1969. Археологические работы музея в Средней Азии (краткая справка). М. 24 с.
- Ставиский Б.Я., Жукова Н.Н., 1981. Из истории создания Туркомстариса // ОНУ. № 3. С. 51–53.
- Умняков И.И., 1926. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент. С. 43–54.
- Умняков И.И., 1929. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920–1928 гг. Ташкент. 37 с.
- Шамукарамова Ф.Ш., 2014. Василий Вяткин и Самаркандская старина // История и историки Узбекистана в XX веке. Ташкент. С. 111–124.
- Шамукарамова Ф.Ш., 2021. Значение археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // Известия ФарДУ. № 3. С. 43–50.
- Шишкин В.А., 1933. Медресе Улугбека в Гиждуване // Материалы Узкомстариса. Вып. 2–3. Ташкент. С. 11–18.
- Шишкин В.А., 1936. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент. 48 с.
- Якубовский А.Ю., 1940. ГАИМК – ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // Краткие сообщения ИИМК. Вып. VI. М.; Л. С. 14–23.
- Янковский И.А., 1928. К вопросу законодательного оформления Средазкомстариса // Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент. С. 257–261.

В.Ю. Юрочкин, М.Б. Кизилов

ЭКСПЕДИЦИИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО: ИНОСТРАНЦЫ В КРЫМСКОЙ ГОТИИ (1920–1940-е ГОДЫ)

Резюме. В статье рассматриваются аспекты деятельности представителей иностранных государств, связанные с археологией Крымской Готии: германская делегация на Эски-Кермен в 1929 г.; участие гражданина США, русского эмигранта А.Е. Голомштока в экспедиции ГАИМК в 1933 г.; нацистских оккупантов в 1942–1944 гг. На основании установленных фактов делается вывод, что все они ограничивались лишь планами и намерениями и не внесли реального вклада в изучение «готского вопроса», однако, способствовали его политизации в СССР. Современные конспирологические мифы не находят документального подтверждения.

Ключевые слова: Эски-Кермен, Мангуп, Крымская Готия, ГАИМК, Пенсильванский университет, Штаб А. Розенберга, Аненербе.

Введение: Мифотворчество и исторические реалии

У жителей сел в окрестностях «пещерных городов» Мангуп и Эски-Кермен, в основном у потомков выселенных некогда крымских татар, до сих пор бытуют легенды о том, как до и во время Великой Отечественной войны сюда приезжали немецкие и американские археологи. Обычно звучат рассказы о секретных поисках и найденных сокровищах, которые под охраной вывозили грузовиками, и даже о постройке железной дороги до Севастополя. Теперь это часть местного фольклора, в котором в сказочной форме перемешались реальные события и домыслы, с лихвой компенсируемые конспирологическими версиями об ОГПУ, Аненербе, поисках Грааля и прочих оккультных знаний. Подогревают атмосферу также и псевдонаучные публикации, в которых бездоказательно муссируются подобные полумифические сюжеты. Вместе с тем, в их основе лежат подлинные факты, упоминавшийся (естественно, в негативном плане) на известной Сессии по истории Крыма 1952 г. (*Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 117*). О подлинных событиях тех лет, известных благодаря исследованиям по истории археологической мысли, и пойдет речь в данной работе.

«Академическое дело». Эски-Керменский эпизод

О так называемом «Академическом деле» С.Ф. Платонова и его коллег представлен значительный пласт разноплановых исследований и нет смысла их повторять. Но одним из начальных и далеко не второстепенных эпизодов в этом деле являлись подозрения в шпионаже в связи с приездом группы ученых из Германии. Предыстория «эски-керменского эпизода» в основных деталях такова.

После революционных событий в России Н.И. Репников – первооткрыватель «могильников области крымских готов», по не вполне ясным причинам был фактически отстранен от археологической деятельности. В штат ГАИМК его не спешили зачислять. Только определившись с местом службы в Ленинградском фототехникуме, ученый в 1926 г. вновь решил вернуться к полевой практике в Крыму (Юрочкин, 2017. С. 243, 244), где его хорошо знали и помнили (Юрочкин, Емельянова, 2018). После раскопок Р.Х. Лепера на Мангупе у Н.И. Репникова сложилось негативное отношение к этому памятнику (Герцен, 2008. С. 318). В эти годы у него все больше кристаллизовалась мысль о необходимости поисков «нового Дороса» – центра Крымской Готии, на этот раз на плато «пещерного города» Эски-Кермен¹. В основе лежало его убеждение, что именно тут находилось укрепление, упомянутое в так называемой «Записке топарха»², тем более – рядом располагался раннесредневековый могильник. Поддержку он нашел в АН СССР в лице С.Ф. Платонова (Непомнящий, 2018), еще в студенческие годы интересовавшегося крымскими готами (Медведев, 2011), и И.Э. Грабаря, зачислившего Н.И. Репникова в ЦГРМ (Теркель, 2008). Свои «рекогносцировочные» работы на Эски-Кермене он начал в сентябре 1928 г. В них приняли участие «музеисты» СМК: братья В.П. и П.П. Бабенчиковы, юные Е.В. Веймарн, С.Ф. Стржелецкий, А.Н. Бернштам и др. (Акимченков, 2012. С. 71–90), представитель МАЭ АН СССР антрополог Г.И. Петров, зав. живописной секцией ЦГРМ А.И. Анисимов (Кызласова, 2000), художник-копиист

¹ Дискуссия о местоположении Дори-Дороса уходит корнями в конец XVIII в. Первоначально Дорос локализовали на месте Инкерманской крепости и лишь во второй половине XIX в. общепринятым стало размещение центра Крымской Готии на городище Мангуп (Юрочкин, 2017. С. 20–131).

² Как выяснилось позднее – поддельном документе нового времени (Медведев, 2003; Медведев, 2007; Шевченко, 2007 и др.).

Л.И. Линно и смотритель Херсонесского городища Н.З. Фёдоров (рис. 1)³. Но сменившееся руководство Главнауки уволило из ЦРГМ Н.И. Репникова. Чтобы вернуться к теме исследований, непосредственно связанных с «готским вопросом», было необходимо привлечь к новаторским идеям внимание общественности, в том числе и зарубежной. Отношения между СССР и Германией в те годы были вполне прагматичными и здесь действительно интересовались открытиями советских ученых. Профессор Ф. Шмидт-Отт, бывший министр просвещения Пруссии, возглавлявший субсидируемое правительством «Общество немецких ученых» (Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft), был знаком с С.Ф. Платоновым. Их свел незадолго до этого Г. Йонас – генеральный секретарь «Общества по изучению Восточной Европы» (Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde). После завершения экспедиции Н.И. Репников и его учитель А.А. Спицын сообщили о результатах С.Ф. Платонову, а тот в Лейпциг – Ф.А. Брауну (*Непомнящий*, 2016. С. 183), автору последнего обобщающего дореволюционного отечественного издания о крымских готах (*Braun*, 1890). Общение между немецкой и советской сторонами набирало обороты, тем более что «готский вопрос» еще не приобрел политического значения. Г.И. Петров утверждал, что в соседней деревне Черкес-Кермен, явственно прослеживался «светлый тип», показательный для готов-германцев (рис. 2). Ф. Шмидт-Отт допускал совместную советско-германскую экспедицию, не возражал против этого и директор ГАИМК Н.Я. Марр. С.Ф. Платонов предлагал образовать в АН СССР «Готскую комиссию» с германскими учеными и привлечь их средства для раскопок (*Юрочкин*, 2017. С. 259–262).

Ситуация изменилась в 1929 г., который И.В. Сталин охарактеризовал как «год великого перелома». Расширился конфликт между крымским ученым Н.Л. Эрнстом и ленинградцем Н.И. Репниковым за право изучения Эски-Кермена (*Непомнящий*, 2012. С. 200–219). Крымская комиссия ГАИМК, благосклонная к первому, продолжала настороженно относиться ко второму, продвигавшему свои идеи через АН СССР и ЦГРМ. Хотя в ГАИМК полагали, что всякая археологическая работа должна производиться только по их линии, понимали: после отъезда за границу А.А. Васильева (*Васильев*, 1921) их позиции по «готскому вопросу» в Крыму ослабли (*Юрочкин*,

³ Благодарим В.В. Акимченкова и И.Л. Кызласову за содействие в идентификации персоналий на фотоснимке.

2017. С. 233–235, 268). В итоге, частные недоразумения и новаторские идеи Н.И. Репникова о «новом Доросе» – Эски-Кермене, по сути, стали поводом для конфликта между различными уважаемыми организациями. После долгих препирательств каждая из сторон осталась при своем мнении, тем более что на кону стояло научное сотрудничество между СССР и Германией, подкрепленное со стороны последней еще и финансовыми средствами. Но стало очевидным, что в 1929 году масштабные совместные исследования вряд ли возможны. В связи с этим Ф. Шмидт-Отт предложил ограничиться присылкой в Крым ученых Й. Зауера и Г. Финдейзена для ознакомления с памятником и оценкой предстоящих перспектив (Лобков, 2019. С. 24). Предложение было принято АН СССР (Юрочкин, 2017. С. 262–271). У Н.И. Репникова нашелся еще один соратник. Это был тогда малоизвестный аспирант и ассистент ЛГУ, но активный и деятельный – В.И. Равдоникас, через много лет образно названный «красным демоном археологии» (Клейн, 2010), опубликовавший в ряде изданий заметки в поддержку этих идей. Солидарность выразил Г.И. Петров, высказал свое мнение и С.Ф. Платонов (Петров, 1929; Платонов, 1929; Равдоникас, 1929а; 1929б; Ravdonikas, 1929а; 1929б; Petroff, 1930). Гораздо сложнее В.И. Равдоникасу было продвигать гипотезу Н.И. Репникова среди сотрудников ГАИМК, которые до последнего надеялись, что ее сотрудников обязательно привлекут к работе над советско-германским проектом, даже втайне рассчитывали на пятьдесят тысяч немецких марок, планируя не ограничить работы одним Эски-Керменом, а включить в план экспедиции другие «пещерные города», прежде всего – Мангуп. Однако подготовка визита германских ученых всецело велась по линии АН СССР в лице академика С.Ф. Платонова, принявшего на себя всю ответственность. Это привело в итоге к фатальным последствиям (Юрочкин, 2017. С. 271–278).

На Эски-Кермене Н.И. Репников начал работы 10 августа 1929 г. В этот период и планировалось принять немецких гостей: профессора патрологии, христианской археологии и истории искусств теологического факультета Фрайбургского университета Йозефа Зауера (Ванеян, 2010. С. 56–58) и сотрудника Берлинского музея народоведения доктора философии Ганса Финдейзена (Habeck, Dudeck, 2018. S. 79–80) с супругой Натой (Лобков, 2019. С. 25). Официальными учредителями экспедиции были ЦГРМ, МАЭ и КЭИ, работавшие по линии Главнауки и АН СССР. Живейшее участие в работах принял СМК. ГАИМК, так и не до-

ждавшись официального приглашения к участию, направила на Эски-Кермен Л.А. Мацулевича (*Юрочкин*, 2017. С. 278–279).

В ходе полевых работ на Эски-Кермене исследовались пещерные комплексы у городских ворот, включая большой скальный храм, оборонительная стена, участок древнего водопровода. На могильнике вскрыли несколько десятков раннесредневековых погребальных сооружений, причисленных Н.И. Репниковым к культуре «С-С»=Суук-Су» (*Репников*, 1932)⁴. Вещевой инвентарь из захоронений не оставлял сомнений в их принадлежности. Результаты уже можно было продемонстрировать зарубежным гостям.

С.Ф. Платонов намеревался сам встретить делегацию из Германии. Организационной стороной от Наркомата просвещения Крымской АССР занимались Н.Л. Эрнст и старейший крымовец А.И. Маркевич (*Непомнящий*, 2005) под общим патронажем АН СССР, подыскавшей в качестве резервного переводчика ученого хранителя МАЭ А.М. Мерварта. С.Ф. Платонов посетил экспедицию и, удовлетворившись результатами работ, отбыл на отдых в Гаспру. Однако обстоятельства изменили его планы, заставив в начале сентября вернуться в Ленинград.

8 сентября Й. Зауер и Г. Финдейзен побывали на Эски-Кермене, осмотрев раскопки. Потом на следствии наблюдательный Н.Л. Эрнст так характеризовал прибывших: Й. Зауер – «старик, неуклюжий, видимо, католический священник, археолог, очень знающий», его противоположностью был Г. Финдейзен – «молодой, шустрый, этнограф из берлинского Музея народоведения, специалист по этнографии России», к тому же «женатый на русской», «...по манерам, движениям и осанке производил на меня впечатление человека, прошедшего военную школу, вернее всего – офицер запаса» (*Непомнящий*, 2012. С. 222–227). Для Й. Зауера эта была не первая поездка в Советскую Россию. В 1925 г. он, тогда ректор Фрайбургского университета, участвовал в немецкой делегации (которой руководил Ф. Шмидт-Отт) по случаю празднования 200-летия АН. Тогда в Эрмитаже удалось обнаружить ряд интересовавших его христианских предметов. Естественно знал страну и Г. Финдейзен, специализировавшийся на этнографии северных народов. Он неплохо владел русским и выполнял роль переводчика, к тому же его сопровождала супруга Н. Финдейзен –

⁴ В начале века он называл подобные памятники «могильниками области крымских готлов».

этнограф-любитель. Делегация базировалась поблизости в Черкес-Кермене. После осмотра раскопок они посетили Мангуп, а затем, переместившись в Ханский дворец в Бахчисарае, в сопровождении Н.Л. Эрнста отправились осматривать другие «пещерные города»: Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон и Сюрень. Переехав в Ялту, они посетили руины крепостей в Алуште и Гурзуфе, а также расположенные неподалеку могильники «области крымских готов», затем – Херсонес, согласившись с необходимостью проведения совместных раскопок на полуострове. После этого Й. Зауер и Г. Финдейзен отправились на пароходе в Батуми для установления контактов с исследователями древностей Грузии, более интересовавших руководителя делегации, а Н. Финдейзен задержалась в Бахчисарае. Руководитель Восточноевропейского семинара философского факультета Гамбургского университета, профессор Рихард Саломон, занимавшийся византистикой и историей России, посетил Эски-Кермен после отбытия основной делегации, а памятник ему демонстрировал Л.А. Мацулевич. В Бахчисарае Н. Финдейзен занималась покупкой старинных предметов и наблюдениями над этнографией крымских татар, что отразилось в ее статьях (Лобков, 2019. С. 25–29). Й. Зауер также опубликовал свои впечатления о христианских памятниках региона (Sauer, 1932).

В конце месяца С.Ф. Платонов рапортовал на Общем собрании АН СССР об эски-керменских открытиях и визите гостей из Германии. В 1930 г. ГАИМК предполагала потратить на раскопки Эски-Кермена 4500 руб., а АН СССР и МАЭ выделить еще 2500 рублей. Внешне перспективы представлялись вполне удачными.

Но С.Ф. Платонов не случайно внезапно уехал из Крыма: в АН СССР начиналась очередная проверка. А далее было «Академическое дело» 1929–1931 гг., арест и осуждение С.Ф. Платонова, А.М. Мерварта, П.П. Бабенчикова и многих других, разгром краеведческого движения и Крымской комиссии ГАИМК, работа Готской группы под началом В.И. Равдоникаса, внедрение «марксизма-марризма» в науку, одиозный выпуск ИГАИМК «Krim Gotica» и многое другое, но все это имеет лишь опосредованное отношение к этой истории (Тункина, 2008; Кизилов, 2015. С. 225–232; Юрочкин, 2017. С. 282–309). Естественно в этих условиях о советско-германской экспедиции на Эски-Кермен не могло быть и речи. Но в итоге Н.И. Репников и В.И. Равдоникас были зачислены в штат ГАИМК. Н.И. Репников действительно подвергся кратковременному аресту и допрашивался по «Академическому делу»,

но в связи совершенно с другим расследованием (Абрамова, 2020. С. 346), не избежал заключения и В.И. Равдоникас, однако в другое время и по иным мотивам (Платонова, 2021. С. 55). Не был тогда привлечен к делу и Н.Л. Эрнст. Логику следственных органов тех лет иногда сложно понять...

Учитывая выше изложенное, следует констатировать:

- приезд ученых из Германии в экспедицию Н.И. Репникова действительно имел место осенью 1929 г., но особого значения для «готского вопроса» (ни положительного, ни отрицательного) он не имел, поскольку зарубежных ученых интересовал сам факт установления научных связей;

- советско-германская экспедиция на Эски-Кермен осталась в стадии проекта, хотя и многообещающего;

- для некоторых участников «эски-керменского эпизода» факт общения с иностранцами имел фатальные последствия.

ГАИМК, А.Е. Голомшток и «Русский прожект» 1933 г.

Начало этой истории относится к 1931 г. и она ассоциируется с именем Евгения Александровича Голомштока⁵, в то время гражданина США. О его жизни в России известно немного, прежде всего то, что он сам о себе рассказал советским коллегам. До революции он обучался в Казанском университете. К этнологии его привлек профессор Б.Ф. Адлер, под руководством которого он в составе группы студентов в 1912–1916 гг. участвовал в экспедициях в Сибирь и на Урал и (Бусыгин, Зорин, 2002. С. 131–134). Из России Е.А. Голомшток уехал во время Гражданской войны в 1918 г. О его участии в тех трагических событиях достоверной информации нет, но в некоторых документах он назван «белоэмигрантом» (Грязнов, 2002. С. 89–90). Да и сам он опасался: не станет ли его происхождение препятствием к контактам в Советском Союзе. Образование Е.А. Голомшток продолжил в США в Калифорнийском университете по специальности «этнология» (Кузьминых, Вдовин, 2010. С. 48–50). Студенческие увлечения этим направлением и каменным веком, а также знание русского языка, привели его, надо полагать, к мысли стать посредником между американскими и советскими учеными, учитывая, что уровень взаимоотношений между странами стремительно рос. Эта ниша фактически была не за-

⁵ Гольмшток – в других документах.

нятой, но сулила большие перспективы: вводила малоизвестного ассистента антропологии Пенсильванского университета в круг корифеев мировой науки (Юрочкин, 2021. С. 74).

Воплощая эту идею, Е.А. Голомшток зимой 1931 г. вступил в переписку с В.А. Городцовым, прежде занимавшим влиятельный административный пост в Наркомпросе (Сорокина, 2019. С. 44). Но к этому времени В.А. Городцов оказался уволенным фактически со всех мест службы (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов, 2011. С. 162–163). В письмах к опальному ученому Е.А. Голомшток утверждал, что Музей Пенсильванского университета (далее – Музей ПУ) очень интересуется археологией России и поручил ему сделать обзор по региону. Кроме того, он планировал наладить обмен экспонатами, литературой и другими материалами, а также способствовать публикации в США основных работ В.А. Городцова. В этой связи Е.А. Голомштока особо интересовали иллюстрации важнейших находок каменного века из советской России. Е.А. Голомшток завел контакты и на ленинградском направлении, списавшись с Г.А. Бонч-Осмоловским и В.Г. Богоразом. Свое «продвижение на восток» Е.А. Голомшток предполагал начать с Центральной Европы, приняв участие в экспедиции под руководством чешского ученого В. Фукса, а в начале осени 1931 г. – приехать в СССР (Кузьминых, Вдовин, 2010. С. 50).

Действительно, в этот период Е.А. Голомшток прибыл к заместителю председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисову с просьбой предоставить ему отпечатки фотоснимков, а также копию отчета о раскопках в с. Мальга Иркутского округа, предлагая взамен способствовать научным контактам между учеными двух стран. В свою очередь Ф.В. Кипарисов направил через Е.А. Голомштока Музею ПУ предложение наладить постоянный обмен изданиями и фотографиями, подтвердив возможность организации совместных археологических и этнографических экспедиций (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. 1931. Л. 2, 3). В Ленинграде Е.А. Голомшток встретился с М.П. Грязновым, С.А. Теплоуховым и Н.К. Каргером (Кузьминых, Вдовин, 2010. С. 51), но в Москву так и не заехал. Весной следующего года он предполагал при финансировании Музея ПУ подготовку совместных работ. Однако этой экспедиции не суждено было состояться.

Характер этих и дальнейших событий выдает в Е.А. Голомштоке человека активного и предприимчивого, которого интересовали, вероятно, не столько научные проблемы, сколько сведения о наи-

более важных, ярких находках и открытиях в СССР, а также перспективы контактов, в которых он мог бы выступать важнейшим посредником (Юрочкин, 2021. С. 74, 75). Но сомнения в бескорыстности зародились уже у В.А. Городцова. Письменные контакты между ними прервались.

В начале лета 1933 г. Е.А. Голомшток вновь приехал в Ленинград. Вероятно, уже тогда в Пенсильванском университете сформировалась идея «Русского проекта» (причем финансово обеспеченного), куратором которого, конечно же, выступал Е.А. Голомшток как «специалист по России». Основной его задачей в 1933 г. была работа в этнологической экспедиции, планируемой Институтом народов Севера, а если таковая не состоится, предполагалось, что он может принять участие в любом другом научно-исследовательском предприятии в области археологии или этнологии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1933. Д. 296. Л. 1–5). С планировавшейся экспедицией на Чукотку действительно возникли проблемы, и Е.А. Голомшток вновь переключился на ГАИМК. Здесь предложили подключить американскую сторону к крымской экспедиции на Эски-Кермен, хотя вряд ли Музей ПУ был реально заинтересован в исследованиях Крымской Готии. Как выяснилось позднее, «ученый-коммивояжер» Е.А. Голомшток, задумал хитрую комбинацию по обмену археологическим и антропологическим материалом между различными музеями и организациями (Непомнящий, 2012. С. 284–285). В итоге между ГАИМК и Музеем ПУ было заключено соглашение об организации совместной экспедиции по изучению «пещерного города» и его окрестностей. Оно включало, прежде всего, обследование погребальных сооружений [для поиска антропологического материала в рамках «группы тем Университетского музея», передаваемого Е.А. Голомштоку. – *Авт.*], и, естественно, раскопки на самом Эски-Кермене, а также в других «пещерных городах» Готии (Мангуп, Челтер-Мармара, Шулдан, Сюрень) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1933. Д. 296. Л. 5). Авторами проекта работ являлись, вполне вероятно, сотрудники ГАИМК: Н.И. Репников и его непосредственный руководитель Ф.И. Шмит, занявший пост начальника экспедиции. В соответствии с условиями соглашения Музей ПУ должен был взять на себя финансирование в размере 1500 рублей золотом и обязывался участвовать в снабжении экспедиции оборудованием. Остальные расходы принимала на себя ГАИМК. Полевые работы планировались летом-осенью 1933 г. со-

ставом из научного и технического персонала ГАИМК. Отряд для выполнения «группы тем Университетского музея» возглавлялся Е.А. Голомштоком и Н.И. Репниковым, которым придавалось от ГАИМК 4 научных сотрудника. Предполагалось, что после завершения работ ГАИМК напечатает на русском языке отчет о работе экспедиции от лица обоих учреждений, а Музей ПУ издаст отчет по группе своих тем в англоязычной версии. Музей ПУ также получал дубликаты всех фотоснимков и копии чертежей, антропологические материалы и характерный комплекс материальных предметов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1933. Д. 296. Л. 5–7).

19 июля 1933 г., вскоре после заключения соглашения, «совместная» экспедиция направилась в Крым (Абрамова, 2015. С. 113). Обстановка в экспедиции была довольно напряженной. Памятуя печальный опыт истории 1929 г., в ее состав были внедрены осведомители (Пиоро, 1990. С. 146). В результате «группа тем Университетского музея» фактически была выполнена в полном объеме. Правда для этого пришлось «добывать» еще и черепа из костниц Мангупа. А вот разведки в Сюреньской крепости и в Челтер-Мармаре, а также раскопки жилых комплексов на самом Эски-Керменском городище, представлявших наибольший интерес для ГАИМК, осуществить не удалось (Советско-американская..., 1933). После возвращения Л.А. Мацулевичу (как представителю Эрмитажа) удалось отстоять лишь малую часть находок. Антропологический материал в полном объеме отправлялся с Е.А. Голомштоком за границу (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1933. Д. 296. Л. 14, 19, 20, 26).

Судя по всему, Е.А. Голомштоком как представителем Музея ПУ, крымская акция изначально планировалась как одноразовая в цепи его комбинаций. «The Russian project» продолжения не имел, закончившись небольшими заметками в отечественной и американской литературе (Советско-американская..., 1933; The Russian project..., 1933). При этом предметы (или их часть) из крымских памятников действительно поступили в Музей ПУ и хранятся в нем до сих пор (Селиверстова, 2017. С. 154) в отличие от антропологической коллекции, которую Е.А. Голомшток отбирал для обмена. Результатом общения Е.А. Голомштока и М.П. Грязнова стала их совместная статья (Gryaznov, Golomshtok, 1933). Но первый из них, не имевший отношения к пазырыкским древностям, получил соавторство, а первооткрыватель – неудобные вопросы следственных органов ([Грязнов], 2002. С. 85–90). Как, впрочем, и Н.Л. Эрнст,

который называл Е.А. Голомштока «несолидным» с научной точки зрения, и считал, что его задания были «настолько странны, антинаучны, надуманны и спекулятивны, что составили <...> убеждение, что в действительности дело совсем не в «готах», индейцах или чукчах и что Голомшток имеет какие-то тайные шпионские поручения какой-либо иностранной разведки» (*Непомнящий*, 2012. С. 285). «Сотрудничеством» с Е.А. Голомштоком был разочарован и В.А. Городцов. Когда в 1937 г. Е.А. Голомшток претендовал на грант для исследования палеолита Сибири и Восточной Европы, он получил от него негативный отзыв как об ученом (*Кузьминых, Вдовин*, 2010. С. 52). Однако Е.А. Голомшток (рис. 3) все же опубликовал свое обзорное исследование (*Golomshtok*, 1938. Р. 186–468).

«Охотник за черепами» Е.А. Голомшток оставил негативное впечатление у советских коллег, а впоследствии неоднократно упоминался в качестве «шпиона» и «готофила» (*Юрочкин*, 2021а. С. 74).

Из приведенных фактов следует:

- совместная советско-американская экспедиция на Эски-Кермен в 1933 г. в рамках «Русского проекта» со стороны Музея ПУ и его представителя Е.А. Гломштока по сути была одноразовой фикцией и курьезом, поскольку помимо ГАИМК включала лишь одного иностранного представителя (к тому же русского эмигранта), не имевшего прямого отношения к средневековой археологии и «готскому вопросу»;

- в этой истории столкнулись два противоположных взгляда на предмет научного исследования: традиционный академический – со стороны российско-советских ученых и поверхностно-авантюрный, продемонстрированный Е.А. Голомштоком.

Нацисты и Крымская Готия в 1939–1944 гг.

Интерес к крымским готам, как указывалось, проявлялся в Германии и до начала Великой Отечественной войны, что вполне закономерно. Не секрет, что немецкие гуманитарии и политики, сообразуясь с заповедями Г. Коссинны (*Клейн*, 2000), считавшего археологию «чрезвычайно национальной наукой», и других пангерманистов, придавали древностям особое идеологическое значение (*Леус*, 2008. С. 220–221). В 1939 г. писатель Э. Хёне опубликовал эссе «Последние следы готов», в котором утверждалось, что О. де Бусбек, действительно записавший крымско-готскую речь XVI в. (*Ганина*, 2011), якобы слышал их рассказы о детстве и перевод молитвы Господней. Бурная фантазия автора позволила ему

утверждать: сын Сулеймана Великолепного, Мустафа, был рожден от крымско-готской пленницы, поэтому, памятуя свое происхождение, он не стал завоевывать христианскую Вену. Автор сообщал, что последний потомок династии готских князей Игорь фон дер Лауниц проживает в Германии (*Hoehne*, 1939. S. 359–362). Пангерманизм здесь налицо, но это – беллетристика.

Реальность же была такова, что летом 1942 г. немецкие войска полностью оккупировали Крым. В связи с этим вновь встал вопрос об обосновании «исторических прав» на полуостров через своеобразное решение «готского вопроса». Правда, современное государство Германия и его население, как это ни парадоксально, к историческим готам прямого отношения не имеют. Однако в те дни А. Гитлер, ассоциировавший себя с готским королем Гермарином, заявлял: «Едва ли где-либо на земле в течение столетий так удерживался [немецкий] народный дух (*Volkstum*), как в Крыму; готы являются тому живым примером» (цит. по: *Kunz*, 1997. S. 23). Кроме того, фюрер также сообщил о том, что Крым в ближайшем будущем будет переименован в Готенланд. Идеологам Третьего рейха представлялось: немецкие колонисты (переселившиеся в Крым при Екатерине II) также каким-то образом этнически связаны с крымскими готами. Забавно, что свои исторические сведения нацисты часто черпали из малоизвестных в России работ прогермански настроенных историков и филологов – славянина В. Томашека и Р. Лёве – этнического еврея (*Кизилов*, 2015. С. 238–239; *Юрочкин*, 2017. С. 128–130, 171–174). Неоднозначное отношение к «готскому вопросу» в СССР, в частности открытия археологов и попытки «разоблачения», лишь стимулировали повышенное внимание к данной проблеме.

Способствовало этому и то, что А. Розенберг (уроженец Таллина) стал рейхсминистром восточных оккупированных территорий. Он впервые посетил полуостров еще в юном возрасте в 1917 г. и тогда же впервые познакомился там с готской культурой. Особое впечатление на него произвел «пещерный город» Мангуп о красотах которого он неоднократно упоминал в своих речах и воспоминаниях (*Kunz*, 2005. S. 29–30, 261. Anm. 146). В 1941 г. он подготовил проект обустройства оккупированной территории под названием «Таврия», которую как курортную зону, предстояло, по совету А. Гитлера, германизировать. Рассматривалось предложение о переименовании Симферополя в Готенбург, а Севастополя в Теодорихсхафен (*Романько*, 2009. С. 19). Новая столица этой об-

ласти должна была расположиться на Ялтинской гряде. «Готской короной» (Gotenkrone) был назван производившийся в крымских подвалах коньяк, а «Готской головой» (Gotenkopf) и «Малой готской позицией» (Kleine Goten-Stellung) – немецкие тыловые рубежи на Таманском полуострове (NARA. Т. 314. R. 998. F. 00426, 00429; Кизилов, 2015, С. 239–241). Нынешняя улица в столицы Крыма – Февральская – переименовывалась в Готскую (Gotenstraße). Местная прогерманская газета призывала граждан предоставить материалы, касающиеся истории немцев-колонистов и германской культуры Крыма (Гуркович, 1996. С. 44). Военный репортер Г. Шульце-Гаттерман радостно рапортовал в своих газетных статьях: якобы находящиеся в Крыму музейные экспонаты, книги, остатки готских крепостей, а также антропологический тип некоторых крымских татар – все они опровергают вымыслы «московских» ученых и доказывают мощное историческое присутствие крымских готов, а значит и германской культуры на полуострове (Schulze-Gatterman, 1942a; 1942b).

Продвижением этих планов на полуострове занялся генеральный комиссар округа «Таврия» Альфред Эдуард Фрауэнфельд, коснувшись не только административных, но и этно-исторических вопросов и, надо сказать, действительно, по достоинству оценивший Крым (Романько, 2009. С. 20–22). В 1942 г. он представил новый план его германизации. Предполагалось, что полуостров будет заселен южными тирольцами, проживавшими в северной Италии, в которых комиссар видел отдаленных потомков готов (Кизилов, 2015. С. 245, 246). А. Фрауэнфельд неоднократно прославлял полуостров и живших здесь когда-то готов. Называя их «окутанными романтикой и волшебством тайн», он посвятил им главу в одном из своих сочинений (Frauenfeld, [1942(?)]). Символом «готского Крыма» стала диадема V в. в стиле «клуазоне» [скорее гуннского, нежели готского происхождения. – Авт.] из Керчи, когда-то купленная у «счастливиц» и попавшая в одно из музейных собраний Германии (Кизилов, 2015. С. 239, 242; Юрочкин, 2017. С. 245). Легенды о «готских сокровищах Керчи» в Германии вызвали известные интенсивные поиски «золотого чемодана» (Кончин, 1989). В заключительной части очерка о готах А. Фрауэнфельд призвал ученых провести археологические изыскания в Керчи, на Тамани, на побережье Крыма от Феодосии до Балаклавы, в «пещерных городах» Мангуп, Эски-Кермен, Суйрен, а также в поселках Бия-Сала и Партенит. Кроме того, генеральный комиссар указал на необходимость проведения

этно-антропологических изысканий среди горных татар и мариупольских греков с целью выявления среди них предполагаемых потомков готов, т.е. носителей германского расового материала (рис. 4). Так он собирался «выявить и спасти ценный человеческий материал», путем селекции восстановить готский расовый тип и, следовательно, «воскресить остатки готов после их 200-летней казнейшей смерти» (*Frauenfeld*, [1942(?)]. S. 51–53).

Существует множество околонучных преданий вокруг мнимой «экспедиции» оккупантов на Мангуп (*Аморт*, 1966. С. 182). В действительности, по заданию А. Фрауэнфельда 14 июля 1942 г. городище посетил СС-бригаденфюрер, генерал-майор полиции округа «Таврия» Людольф фон Альвенслебен в сопровождении полковника медицинской службы, профессора Генриха Отто Калька и капитана военной авиации, нацистского писателя Вернера Боймельбурга⁶ (рис. 5). Результатом этой экскурсии стала небольшая работа – отчет «Готы в Крыму» (*Die Goten auf der Krim*). В самом его начале В. Боймельбург критиковал советскую историческую науку, пытавшуюся отрицать германскую сущность крымских готов и представлявшую их как «конгломерат из таких местных племен как аланы, гунны, авары и сарматы». Автору казалось, что он ощущает «готский дух» во всех эпохах и памятниках, в тех случаях «говорим ли мы о старом замке готских князей, о византийской базилике, о новом здании замка 14 века, гробницах, подземных подвалах, городских стенах или угловых башнях». По его мнению, готы пережили все исторические эпохи Крыма, и только во время русского и советского владычества был уничтожен их национальный дух и переписана история. Завершал он свой опус утверждением, что Вторая Мировая война означает начало новой эпохи германского присутствия в Крыму. Для нее, как полагал писатель, «необходимо со всей энергией и усердием исследовать имеющиеся остатки готского народного духа. Мангуп Кале, древний затерянный готский город, представляет собой лучшую возможность подобного рода. Нет никаких сомнений, что систематическое исследование этого горного города приведет к новым и, при известных условиях, важным результатам» (*Beumelburg*, 1942)⁷. Работа, безусловно, дилетантская и мало что добавляет

⁶ В отечественной традиции иногда именуется В. Баумельбургом.

⁷ Текст документа воспроизведен Г. Зимоном: G. Simon [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/Beumelburg.pdf>.

к истории готов, кроме их идеологической оценки. Выдавать итоги этого поверхностного осмотра за результаты некой «экспедиции», конечно, нет оснований. Экскурсаны просто не имели соответствующей квалификации для этого (рис. 6).

Руины Мангупа-Феодоро неоднократно посещали и другие военные чины и ученые (рис. 7). В 1942 г. там побывал оберштурмбанфюрер СС, доктор Шпенглер (*Freitag, Grenzer*, 1998. S. 49; BA. NS 19/3052: Untersuchung der gotischen Fundplätze auf der Krim. Bericht des «Ahnenerbes» über Kompetenzstreitigkeiten mit dem Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR), румынский историк Г. Брэтиану (*Brătianu*, 1942. P. 176–182), изучавший историю готов, румынские лейтенанты-полковники Бердан и Пушке. Один из осматривавших крепость в 1943 г. немецких военных, процарапал на камне свое имя – Эрхард Баллершtedт (?) (*Кизилов*, 2015. С. 248). Тогда же немецкий капитан Зеттеле, воевавший в Крыму, сочинил пропагандистское стихотворение о крымских готах (*Sättele*, 1943. S. 277). Готскими крепостями Крыма восхищалась главная героиня романа «Гардарики», написанного нацистской писательницей Марой Крюгер (псевдоним – Дагмар Брандт) (*Brandt*, 1944). Со временем этот список может быть продолжен: с конца XVIII в. горная Крымская Готия, с ее древностями, стала одним из традиционных мест посещения просвещенной публикой, в том числе и иностранной (*Прохорова*, 2016; *Юрочкин*, 2017. С. 16–92).

Для будущих исследователей «готского вопроса», безусловно, представляли интерес советские отчеты о раскопках на Эски-Кермене и Мангупе, вывезенные в Германию из Музея пещерных городов в Бахчисарае представителями рабочей группы «Крым» Штаба А. Розенберга (*Андросов*, 2004. С. 178), в функции которого входила деятельность по сохранению, изучению и изъятию культурных ценностей (*Зинич*, 1999). Рудольф Штампфус, глава Специального штаба первобытной истории (Sonderstab Vorgesichte) Рейхскомиссариата «Украина», приказал своим подчиненным перевести на немецкий язык рукописные записи об археологических раскопках Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна. Кроме того, по-видимому, именно по его инициативе еще во время боев за Севастополь в июне 1942 г. геодезическая и картографическая группа вермахта приступила к осмотру городищ на вершине Эски-Кермена (19–25 июня 1942 года) и Мангупа (23–24 июня и 7 июля 1942 года). Для этого производились фотограмметрические записи и использовались аэрофотоснимки немецкой раз-

ведки. Результатом этих работ стал отчет с фотографиями, находящийся в личном архиве Рудольфа Штампфуса в Центральном римско-германском музее в Майнце (Schreg, 2020).

С недавних пор, особенно в популярной литературе, муслируется миф с оккультной окраской о причастности к исследованиям готов в Крыму пресловутой организации Аненербе. Не повторяя известные факты об этой организации (напр. *Васильченко*, 2008), обратим лишь внимание, что А. Розенберг, возглавлявший соответствующий штаб, и общество (институт СС) Аненербе, курируемое «почетным доктором археологии» Г. Гиммлером, находились отнюдь не в партнерских отношениях, конкурируя, в том числе, за право получения новых данных о готах Крыма.

К счастью для полуострова и его культурно-исторического наследия, дальше планов у нацистов дело не пошло. Раскопки, по всей видимости, так и не состоялись. Действительно, после оккупации полуострова генеральный секретарь Аненербе В. Зиверс планировал провести исследования в Крыму, чтобы «установить, было ли самое раннее немецкое поселение в Крыму связано с остатками готов, в каком объеме, и имело ли место в данных обстоятельствах продолжение связи с готской традицией» (*Hufen*, 1998. S. 88). В южную Россию и на Кавказ была отправлена исследовательская группа общества в лице группы археологов, состоявшая из профессора, СС-штурмбанфюрера Г. Янкуна, а также докторов К. Керстена и В. фон Зеефельда, владевшего русским языком. К ним в 1943 г. присоединился также доктор Виснер, изучавший греческие колонии Крыма. Подчиненные Г. Гиммлера надеялись обнаружить в Крыму остатки мощного остготского государства и его столицы, тем самым получив в свои руки достойный материал, который позднее помог бы в идеологической борьбе. Глава группы Г. Янкун вскоре получил в свое распоряжение специальное подразделение (*Sonderkommando*), вместе с которым в составе пятой танковой СС-дивизии «Викинг» начал свой путь на территорию СССР.

В начале августа 1942 г. Г. Гиммлер ознакомился с отчетом В. Боймельбурга. Эта работа произвела на него столь сильное впечатление, что он сообщил В. Зиверсу о необходимости начать исследования Мангупа и других готских памятников Крыма (*Pringle*, 2006. P. 224). В. Зиверс, в свою очередь, потребовал от Г. Янкуна немедленно приступить к изучению «готских городов Мангупа и Эскикерми» (нем. *Gotenburgen Mankup und Eskikermi*) (цит. по: *Steuer*, 2004. S. 502). Однако самого Г. Янкуна больше интере-

совал Кавказ, а не Крым. По этой причине, он отправил в Крым К. Керстена, с целью предварительного осмотра крымско-готских древностей. В начале осени того же года, по прибытии на полуостров, он получил письмо от начальника полиции безопасности «Таврии» о планируемом визите рейхсфюрера СС Г. Гимmlера, пожелавшего осмотреть «готские горные крепости и пещерные города Крыма». В этом послании предписывалось разработать соответствующий экскурсионный план и самолично осмотреть вышеуказанные достопримечательности. К. Керстен провел шесть дней в Симферопольском музее и тщательно изучил литературу по истории Крыма. 23 сентября, взяв с собой водителя, переводчика, двух полицейских и десять работников татарской милиции, он отправился исследовать «пещерные города», в качестве базы избрав Бахчисарай. Посетив Инкерман, Баклу и Чуфут-Кале, он осмотрел Тепе-Кермен, предложив Аненербе начать раскопки на этом городище. По мнению нацистского специалиста, «готское происхождение города» не должно было вызывать сомнений. Особые надежды К. Керстен связывал с посещением Эски-Кермена, учитывая упомянутое мнение Н.И. Репникова о «новом Доросе», проникшее в Германию. Далее он собирался посетить Мангуп⁸. Однако визит пришлось отменить, ибо городище стало небезопасным: жители соседних деревень заметили партизан, скрывавшихся среди руин Мангупа (Pringle, 2006. P. 233–235, 389).

27 октября 1942 года в Крым прибыл Г. Гимmlер. Он посетил Бахчисарайский музей, уделив особое внимание хранящимся там эпиграфическим памятникам Мангупа, отправился в Севастополь, заехав по дороге на Инкерманское городище. Но посетить Мангуп и Эски-Кермен ему так и не удалось. В это время настолько активизировалось партизанское движение, что посещение этих городищ было слишком опасно⁹. Несмотря на технические неудачи, идея раскопок на готских памятниках полуострова не исчезла. Г. Янкун предложил в октябре 1942 г. открыть в Симферополе

⁸ Похоже, что оккупанты не имели собственного мнения, где находился Дорос – центр Крымской Готии: на Мангупе или Эски-Кермене (Wir kämpften ..., [1942]. S. 9, 16–17). В этом вопросе угадываются отголоски прежней дискуссии в советской археологии.

⁹ Во время визита Г. Гимmlера против партизан проводилась операция Lederstrumpf (нем. «кожаный чулок»). Ранее немецкие солдаты преследовали советских партизан, скрывавшихся в окрестностях Чуфут-Кале (Abenteuer..., 1942).

местный отдел Аненербе (*Hufen*, 1998. S. 88. Anm. 46). В начале 1943 г. К. Керстен получил от Г. Гимmlера дополнительный приказ о подготовке официального отчета и документального фильма о крымских готах (*Kater*, 1974. S. 158).

Тревоги Аненербе были не случайны, ее представители опасались не только крымских партизан. Параллельно с этой организацией в Крыму, как указывалось, действовали специалисты из Штаба А. Розенберга во главе с профессором Х. Райнертом. Одним из курировавших это направление был профессор Р. Штампфус (*Stampfuß*, 1942), лично посещавший Мангуп и Эски-Кермен. Эти последователи Г. Коссинны (*Клейн*, 2000. С. 115) подробно описали и определили в свое ведомство «практически все поселения готов» (*Steuer*, 2004. S. 492) и даже установили на нескольких археологических памятниках Крыма таблички с надписями, заявив о приоритетах на раскопки. Их конкуренты из Аненербе, тем не менее, полагали, что все права на полевые работы принадлежат им. Они ссылались на Общество немецких ученых в 1929 г. пославшее делегацию в Крым, которое передало им все права на исследования. Это вполне вероятно, поскольку немецкие участники той поездки были живы и продолжали работать. По этой причине К. Керстен планировал летом 1943 г. убрать установленные работниками Штаба А. Розенберга таблички и наконец-то начать раскопки на Эски-Кермене, Суук-Су и Мангупе (*Mahsarski*, 2011. S. 270–271). В качестве землекопов, при этом, должны были работать советские военнопленные. Но в реальности никаких исследований не было. Тем более не было поисков Грааля и других якобы «засекреченных» штудий (*Кизилов*, 2015. С. 249–259).

Необходимо обратить внимание, что большинство немецких военных чинов и «ученых» посещали все же не Мангуп, а Эски-Кермен. На наш взгляд, это связано было с двумя обстоятельствами. Во-первых, немецкие визитеры явно знали о советской довоенной дискуссии о локализации «нового Дороса» на Эски-Кермене, в то время как Мангуп-Феодоро, как предполагал Н.И. Репников, был более поздним городом. Во-вторых, в расположенном неподалеку от Эски-Кермена ущелье (в деревне Черкес-Кермен) базировалась немецкая воинская часть, под защитой которой было гораздо безопаснее посещать именно эти места (рис. 8).

Как уже упоминалось, в июне–июле 1942 г. на Эски-Кермене проводила фотосъемку и замеры исследовательская группа, посланная туда, по-видимому, Р. Штампфусом (*Schreg*, 2020). Помимо этого,

там же проводила фотосъемку и замеры рабочей группа капитана Файта¹⁰. Деятельность этой группы выразилась в публикации малотиражного крупноформатного альбома под названием «Эски-Кермен – готский город Крыма» ([*Veith*], [1942])¹¹. Альбом содержал качественные фото самой крепости, жителей Черкес-Кермена, копии планов отдельных объектов Эски-Кермена, зафиксированных у Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста, а также сопроводительный текст пропагандистского и популярного характера (рис. 9). Пожалуй, наиболее любопытной частью данной публикации стало наложение плана очертаний Эски-Кермена (выполненного на кальке с обозначением нескольких исторических объектов) на аэрофотосъемку городища. Приблизительно в это же время в Лейпцигской иллюстрированной газете появилась статья с аналогичным названием и фотографиями, приведенными в этом альбоме (*Eski-Kermen*, 1942. S. 274–275). Ее автор возмущался нарушением авторских прав и использованием военных фотоснимков, не предназначенных для широкой аудитории (*Toepfer*, 1942. S. 195. Anm. 2).

Находки в области истории посещения и изучения нацистами Крымской Готии продолжают. Так в 2020 г. М.Б. Кизилев выявил среди фотоснимков из личного архива умершего солдата Йоганна Боума (г. Вена), выставленных на одном из Интернет-аукционов, серию фотографий Эски-Кермена. На некоторых из них были запечатлены немецкие военные, обосновавшиеся в одной из пещер Эски-Кермена, по-видимому, для ведения исследовательской работы: в пещере был установлен стол, а вход в нее заблокирован старой мебелью (рис. 10, 11).

В газете «Голос Крыма» 1 марта 1944 г. главнокомандующий войсками вермахта в Крыму генерал-полковник Э. Йенеке последний раз публично обратился к жителям оккупированного полуострова (*Гуркович*, 1996. С. 95–96), а через три месяца Крым полностью был освобожден частями Красной Армии. На этом иностранное присутствие в оккупированной Крымской Готии подошло к неизбежному концу.

¹⁰ Нем. *Veith*; полное имя неизвестно.

¹¹ Экземпляр этого альбома хранится в Центральном римско-германском музее в Майнце, куда он был выслан капитаном Файтом в том же 1942 г. В работе использовалась копия благодарного письма от работников музея (4.08.1942) к Файту, в котором указывалось, что «Вермахт, наряду с военными заданиями, образцовым путем предоставляет также и научные исследования».

Из приведенного материала следует:

- несмотря на то, что значительное число военных чинов ученых посещали археологические объекты, ассоциировавшиеся с исторической Крымской Готией (в особенности – Эски-Кермен и Мангуп), и даже опубликовали множество сообщений на эту тему, все эти публикации носили исключительно пропагандистский характер и не привнесли практически ничего нового в научное понимание «готского вопроса»;

- оккупанты (Штаб А. Розенберга и Аненербе) действительно вынашивали планы археологических исследований готских древностей Крыма;

- началу раскопок помешала ведомственная конкуренция, к тому же отягощенная действиями партизан, а затем и советских войск.

Заключение

Представляя разнообразные научно-политические коллизии вокруг Крымской Готии, включая деятельность иностранных исследователей, мы основывались на доступных достоверных источниках. Возможно, в последующем будут уточняться детали, персонажи и обстоятельства событий, но окончательные выводы вряд ли изменятся. Представляется крайне маловероятным, что будут найдены какие-либо свидетельства, кардинально меняющие представления о деятельности иностранных специалистов в Крымской Готии в 1920–1940-х гг.

Рассмотренные нами источники позволяют сделать ряд общих наблюдений.

1. Реального вклада ни в полевые исследования Мангупа, ни Эски-Кермена, ни в понимание «готского вопроса» иностранцы не внесли. За ними стояли лишь планы, авантюры и политико-идеологическая подоплека. В известной степени это было обусловлено конкуренцией между различными учреждениями.

2. Сам факт участия иностранцев в такой работе в советском обществе и в науке, особенно в годы шпиономании, воспринимался сугубо негативно и стал одним из факторов дискредитации «готского вопроса» особенно в послевоенные годы.

3. Конспирологические мифы о якобы имевших место в Крыму оккультных поисках и иностранных археологических экспедициях, бытующие в обществе и популярной литературе, не находят фактического подтверждения в источниках и научно-исследовательской литературе.

Между тем, как это не удивительно, политизация готской проблемы в послевоенную эпоху способствовала становлению академической археологии в Крыму, а предпринимавшийся в те годы поиски следов славянства на полуострове явились, по сути, отображением дискуссии вокруг «готского вопроса», вышедшего за пределы научной мысли (Юрочкин, Майко, 2017; Юрочкин, 2021б).

Литература

- Абрамова Н.А., 2015. Исследования «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е – 30-е годы XX века // МАИАСК. Вып. 7. С. 106–124.
- Абрамова Н.А., 2020. Уголовное дело № 2782-31 по обвинению Репникова Н.И. и группы лиц в контрреволюционной деятельности // АВ. Вып. 30. С. 234–348.
- Акимченков В.В., 2012. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев; Симферополь: Антиква. 120 с.
- Аморт Ч., 1966. Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР. № 2. С. 163–188.
- Андросов С.А., 2004. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // ИНК. № 6/7. С. 171–180.
- Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.С., 2011. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. № 1. С. 154–165.
- Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., 2002. Этнография в Казанском университете. Казань: Казанский университет. 220 с.
- Ванеян С.С., 2010. Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-традиция. 832 с.
- Васильев А.А., 1921. Готы в Крыму // ИРАИМК. Т. 1. Ч. 1. С. 1–80.
- Васильченко А.В., 2008. Окультизм миф III Рейха. М.: Язуз-Пресс. 622 с.
- Ганина Н.А., 2011. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя. 288 с.
- Герцен А.Г., 2008. И.Н. Репников о Мангупе // ИНК. № 22–23. С. 311–320.
- [Грязнов М.П.], 2002. Из личного архива М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат. Межд. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Кн. 1. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 85–90.
- Гурович В.М., 1996. Окупационный режим в Крыму 1941–1944 гг. За материалами прессы оккупационных властей. Симферополь: Таврия. 120 с.
- Зинич М.С., 1999. Деятельность оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // ОИ. № 4. С. 116–125.
- Кизилов М.Б., 2015. Крымская Готия. История и судьба. Симферополь: Наследие тысячелетий. 352 с.
- Клейн Л.С., 2000. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus [Время великих миграций]. № 4. С. 88–140.

- Клейн Л.С., 2010. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М.: Ломоносов. С. 372–384.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю., 2004. От Скифии к Готии. Симферополь: Сонат. 248 с.
- Кончин Е.В., 1989. Тайна «золотого чемодана». Симферополь: Таврия. 80 с.
- Кузьминых С.В., Вдовин А.С., 2010. В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: к истории советско-американских связей в области археологии в 1920–30-е годы // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы всерос. научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова / Отв. ред. Д.А. Иванов. Рязань: РИАМЗ. С. 48–55.
- Кузласова И.Л., 2000. Александр Иванович Анисимов (1877–1937). М.: Моск. Гос. горн. ун-т. 88 с.
- Леус П.М., 2008. Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Отв. ред. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград: Янтарный сказ. С. 220–237.
- Лобков А.Е., 2019. Археологическая и этнографическая экспедиция немецких ученых в Крым осенью 1929 года // Причерноморье. Серия А. История, политика, культура. Вып. 30 (9). С. 23–34.
- Медведев И.П., 2003. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб.: Алетей. С. 160–172.
- Медведев И.П., 2007. Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? // ВВ. Т. 66. С. 307–322.
- Медведев И.П., 2011. Студенческий реферат С.Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетрактитов» // АДСВ. Вып. 40. С. 390–408.
- Непомнящий А.А., 2005. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ. 432 с.
- Непомнящий А.А., 2012. Профессор Николай Эрнст. Киев: СтилоС. 464 с.
- Непомнящий А.А., 2016. «Быть в курсе Ваших крымских планов...». Из истории крымоведения по переписке Ф.А. Брауна и С.Ф. Платонова // Пространство и время. № 1–2 (23–24). С. 177–192.
- Непомнящий А.А., 2018. Академик С.Ф. Платонов и крымоведение. Белгород: Константа. 216 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 27)
- Петров Г.И., 1929. Потомки готов в Советском Крыму // Вестник знания. № 7. С. 296–297.
- Пиоро И.С., 1990. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. № 4. С. 144–148.
- Платонов С.Ф., 1929. Предисловие к статье «Равдоникас В.И. Пещерный город Эски-Кермен: готская проблема» // Вестник знания. № 7. С. 290.
- Платонова Н.И., 2021. Владислав Иосифович Равдоникас накануне и после войны (откуда пошел День археолога) // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы междунауч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 54–56.
- Прохорова Т.А., 2016. Крымский маршрут гран-туров по России в XVIII–XIX вв. // Учен. зап. КФУ. Сер. Историч. науки. Т. 2 (68). № 4. С. 53–62.

- Равдоникас В.И.*, 1929а. Дорос-Феодоро, столица готов в Крыму // Человек и природа. № 2. С. 18–24.
- Равдоникас В.И.*, 1929б. Пещерный город Эски-Кермен: готская проблема (новые археологические исследования в Крыму) // Вестник знания. № 7. С. 290–296.
- Репников Н.И.*, 1932. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. Т. 12. [Готский сборник / Krim Gotica]. С. 107–152.
- Романько О.В.*, 2009. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь: Антиква. 273 с.
- Селиверстова К.Н.*, 2017. Обстоятельства возникновения Музея «пещерных городов» в Бахчисарае // Учен. зап. КФУ. Сер. Историч. науки. Т. 3 (69). № 3. С. 147–159.
- Советско-американская..., 1933. Советско-американская крымская экспедиция (1931 г.) // Проблемы истории материальной культуры. № 9–10. С. 61.
- Сорокина И.А.*, 2019. О полевой археологии первых 15-и лет советской власти (1918–1932) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 43–45.
- Теркель Е.А.*, 2008. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...». Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю // ИНК. № 22–23. С. 321–335.
- Тункина И.В.*, 2008. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920 – начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 248–250.
- Шевченко И.И.*, 2007. Приложение к статье И.П. Медведева «Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе?» // ВВ. Т. 66. С. 322–323.
- Юрочкин В.Ю.*, 2017. Готский вопрос. Симферополь: Сонат. 495 с.
- Юрочкин В.Ю.*, 2021а. «Охотник за черепами»: об одной американской авантюре на Эски-Кермене в 1933 году // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая пол. 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 74–75.
- Юрочкин В.Ю.*, 2021б. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983 гг.) // РА. № 4. С. 179–189.
- Юрочкин В.Ю., Емельянова Н.С.*, 2018. «Народный ученый» – Н.И. Репников и Херсонес // Археология античного и средневекового города. Изд. дом. Рост-Доафк. С. 319–332.
- Юрочкин В.Ю., Майко В.В.*, 2017. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб. С. 157–231.
- Abenteuer...*, 1942. Abenteuer im Labyrinth des Jails // Signal. 1. März-Heft. S. 5–7.
- Beumelburg W.*, 1942. Die Goten auf der Krim. Bericht des Hauptmanns der Luftwaffe Werner Beumelburg über die Besichtigung der gotischen Bergstadt Mangup Kale durch den SS- und Polizeiführer in Taurien, SS-Brigadeführer und Generalmajor der Polizei von Alvensleben, und Oberstarzt Prof. Dr. Kalk 1942 // BA. NS. 19/2212.

- Brandt D.* [Krüger M.], 1944. Gardariki. Ein Stufenbuch aus Russischem Raum. Berlin. 938 s.
- Brătianu G.I.*, 1942. Notes sur un voyage en Crimée // *Revue Historique du Sud-Est Européen*. № 19. 1. P. 176–182.
- Braun F.*, 1890. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St.-Petersburg: Druckerei R. Stolicke. 88 s.
- Eski-Kermen*, 1942. Eski-Kermen. Die Gotenburg auf der Krim // *Illustrierte Zeitung Leipzig*. Nr. 5014. 12.11.1942. S. 274–275.
- Frauenfeld A.E.*, [1942(?)]. Die Krim. Ein Handbuch. Potsdam: Aufbaustab für den Generalbezirk Krim. 103 s.
- Freitag G., Grenzer A.*, 1998. Der nationalsozialistische Kunstraub in der Sowjetunion // «Betr.: Sicherstellung»: NS-Kunstraub in der Sowjetunion / Hrsg. W. Eichwede, U. Hartung. Bremen. S. 20–66.
- Golomshtok E.A.*, 1938. The Old Stone Age in European Russia // *Transactions of the American Philosophical Society*. Vol. XIX. Part. II. March. P. 186–468.
- Gryaznov M., Golomshtok E.*, 1933. The Pazirik Burial of Altai // *American Journal of Archaeology*. 37. № 1. P. 30–45.
- Habeck J.O., Dudeck S.*, 2018. Hans Findeisens Korrespondenz mit dem Museum für Völkerkunde Hamburg: Rekonstruktion einer prekären akademischen Karriere // *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. Bd. 39. S. 79–96.
- Hoehne E.*, 1939. Die letzten Spuren der Goten // *Monatsschrift für das deutsche Geistesleben*. № 1. S. 359–362.
- Hufen C.*, 1998. Gotenforschung und Denkmalpflege. Herbert Jankuhn und die Kommandounternehmen des «Ahnenerbe» der SS // *Sicherstellung: NS-Kunstraub in der Sowjetunion* / Hrsg. W. Eichwede, U. Hartung. Bremen. S. 75–96.
- Kater M.H.*, 1974. Das «Ahnenerbe» der SS 1935–1945: ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Stuttgart. 532 s.
- Kunz N.*, 1997. Die nationalsozialistische «Gotengau»-Konzeption und die Krim im Zweiten Weltkrieg während der deutschen Besatzungsherrschaft. Hausarbeit zur Erlangung des Akademischen Grades eines Magister Artium. Johannes Gutenberg Universität. Mainz. 256 s.
- Kunz N.*, 2005. Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944. Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität. Darmstadt. 448 s.
- Mahsarski D.*, 2011. Herbert Jankuhn (1905–1990). Ein deutscher Prähistoriker zwischen nationalsozialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität. Rahden. 381 s.
- Petroff G.*, 1930. Anthropologische Untersuchungen an der Krim im Jahre 1928 // *Anthropologischer Anzeiger*. Bd. 6. Heft 3. S. 260–261.
- Pringle H.*, 2006. The Master Plan. Himmler's Scholars and the Holocaust. London. 480 p.
- Ravdonikas W.I.*, 1929a. Doros Feodoro, die Hauptstadt der Goten // *Umschau in Wissenschaft und Technik*. Heft. 22. S. 22–23.
- Ravdonikas W.I.*, 1929b. Die Hauptstadt der Goten in der Krim // *Wochenbericht der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande*. Jahr. 5. № 13–14. S. 13–25.
- Sauer J.*, 1932. Die christlichen Denkmäler im Gotengebiet der Krim // *Oriens Christianus*. Ser. 3. Bd. 7. S. 188–202.
- Sättele*, 1943. Die Goten // *Wir erobern die Krim*. Neustadt. S. 277.

- Schreg R.*, 2020. Zwischen Nazis und Sowjets: Die Krimgoten in den 1930er und 40er Jahren // R. Schreg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://Archaeologik.blogspot.com/2020/06/Zwischen-Nazis-und-Sowjets-die.html>.
- Schulze-Gatterman H.*, 1942a. Deutsche Forschung mitten im Kriege // Heilbronner Heimatbriefe. 8.01.
- Schulze-Gatterman H.*, 1942b. Bodenfunde zeugen gegen Moskau // Der Kampf. 06.08.
- Stampfuß R.*, 1942. Germanen in der Ukraine // Germanen Erbe. Jahr. 7. Heft. 9, 10. S. 130–140.
- Steuer H.*, 2004. Herbert Jankuhn – SS-Karriere und Ur- und Frühgeschichte // Nationalsozialismus in den Kulturwissenschaften. Band 1. Fächer-Milieus-Karrieren / Hrsg. H. Lehmann und O.G. Oexle. Göttingen. S. 447–529.
- The Russian project..., 1933. The Russian project // University of Pennsylvania. Philadelphia. The University Museum Bulletin. Vol. 4. № 5. P. 142–143.
- Toepfer V.*, 1942. Die Gotenfestung Eski-Kermen auf der Krim // Germania. Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 26. Nr. 4. S. 195–200.
- [*Veith*], [1942]. Eski Kermen. Die Gotenburg der Krim / Zusammengestellt durch die Stabsbildabteilung der Krimarmee. Б.м., б.д.
- Wir kämpften ..., [1942]. Wir kämpften auf der Krim. 1941/42. Kertsch-Sewastopol. 72 s.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2.288-300

А.Р. Канторович

ЛЕКЦИОННЫЕ КУРСЫ А.В. АРЦИХОВСКОГО НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЭТАПОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Резюме. В статье на основе архивных материалов анализируется новаторская преподавательская деятельность основателя кафедры археологии исторического факультета Московского университета профессора Артемия Владимировича Арциховского. На базе лучших отечественных и зарубежных традиций А.В. Арциховский разработал общеобразовательный лекционный курс «Основы археологии», имевший глобальный тематический охват, адресованный всем студентам исторического факультета МГУ и нашедший впоследствии отражение в авторском учебном пособии и в авторском фундаментальном учебнике по археологии. Анализируются содержание и структура курса «Основы археологии», а также тесно связанного с ним курса «Историография археологии» для специализирующихся студентов, акцентируется уникальный и новаторский характер этих лекционных курсов.

Ключевые слова: А.В. Арциховский, кафедра археологии исторического факультета МГУ, «Основы археологии», «Историография археологии».

Введение ежегодного базового лекционного курса «Основы археологии» для студентов исторического факультета МГУ связано с именем основателя кафедры археологии Московского университета профессора Артемия Владимировича Арциховского, начавшего читать соответствующий двусеместровый курс с 1937/1938 учеб-

ного года, то есть еще до образования кафедры археологии (1939). Масштабная деятельность А.В. Арциховского – научная, педагогическая и организаторская – неоднократно и подробно освещалась в трудах по истории советской археологии (см., в частности: *Янин*, 1972; *Авдусин*, 1994; *Беляев*, 2002; *Щапова*, 2002; *Хорошев*, 2004, 2007; *Гайдуков*, 2019), поэтому в данной статье я хочу остановиться на определенной области преподавательской работы Артемия Владимировича, отражающей усилия выдающегося археолога и историка по созданию советской школы археологии на базе лучших отечественных и зарубежных традиций в этой сфере.

Первые шаги в преподавании археологии в Московском университете можно соотносить еще с началом XIX в. Согласно главе III параграфа 24 Университетского Устава от 5 (17) ноября 1804 года¹, в рамках Московского университета были учреждены 4 Отделения, или Факультета, одним из которых было Отделение словесных наук с семью профессорскими кафедрами, среди которых была и кафедра «теории изящных искусств и археологии» (Летопись...). Примечательно, что кафедра данного профиля была открыта в то время только в Московском университете, тогда как в остальных университетах России – в Казанском (основан в 1804 г.) и Харьковском (основан в 1805 г.), а также в Виленском и Дерптском (университетах, уже существовавших к моменту принятия Устава 1804 года и имевших существенно отличную от него структуру), аналогичные кафедры предусмотрены не были (*Жарова*, 2011. С. 278, 285–289; *Новиков*, *Перфилова*, 2012. С. 19). Однако в Московском университете этот курс был преимущественно искусствоведческим: в основном он касался классической античности, порой с освещением искусства других цивилизаций.

Археологию в понимании, более близком современному, – как изучение вещественных источников – в Московском университете начал с 1880-х гг. регулярно преподавать Дмитрий Николаевич Анучин: это было на кафедре антропологии, затем на кафедре географии и этнографии (при историко-филологическом и, затем, физико-математическом факультете). Эта профессионально-профилированная подготовка в контексте знаменитой «Анучинской триады» (археология, антропология и этнография) не

¹ Данный устав, как известно, был написан для Московского университета, но «получил статус “общего” для всех аналогичных учебных заведений России, созданных к этому времени» (*Новиков*, *Перфилова*, 2012. С. 16).

предполагала чтение общего курса археологии студентам-гуманитариям и реализовывалась вплоть до конца 1920-х гг. Причем с 1919 г. Д.Н. Анучин (он скончался в 1923 г.) и его ученики осуществляли это преподавание на вновь организованной кафедре антропологии физико-математического факультета МГУ (Канторович, 2019. С. 24–25).

Параллельно развивалась подготовка археологов в рамках Археологического отделения, созданного Василием Алексеевичем Городцовым в 1921 г. на факультете общественных наук². Но и здесь, несмотря на обширный тематический охват, который предполагала всеобъемлющая программа, разработанная В.А. Городцовым (Канторович, 2009. С. 210–211), общеархеологический курс для студентов-гуманитариев не предусматривался, тем более, что в стране не было как таковых студентов-историков вплоть до восстановления исторического образования в СССР в 1934 г. После открытия в этом году в Московском университете исторического факультета неизбежно встал вопрос о разработке общего курса «Основы археологии» для историков, и соответствующий курс был создан А.В. Арциховским – учеником В.А. Городцова, выпускником Археологического отделения.

К тому времени Артемий Владимирович уже имел значительный опыт преподавательской работы: еще в 1927 г. он был приглашен в качестве ассистента на историко-археологическое отделение этнологического факультета МГУ, где читал лекции в рамках спецкурса по славяно-русской археологии (Гайдуков, 2019. С. 223). В 1929 г. он стал доцентом Московского университета, а затем, в период ликвидации университетского исторического образования в СССР, А.В. Арциховский (как и В.А. Городцов) был уволен из МГУ, но после четырехлетнего перерыва и открытия в МГУ исторического факультета был приглашен на этот факультет уже на должность профессора (Янин, 1972. С. 8) и инициировал здесь чтение лекций по курсу «Основы археологии». Данный курс был ориентирован на гораздо более широкую аудиторию, чем ранее: это

² Факультет общественных наук (ФОН), созданный в системе МГУ в 1919 г., был в 1925 г. преобразован в два факультета – этнологический и советского права, и в ходе этого процесса отделение археологии и искусствознания (учреждено в 1923 г. на базе археологического отделения и художественного цикла литературно-художественного отделения ФОН) вошло в состав этнологического факультета под названием «историко-археологическое».

был базовый обязательный курс для студентов-историков всех профилей (первоначально входил в программу на 3-м году обучения, позднее эта базовая дисциплина была перенесена на 1-й год).

Как отметил В.Л. Янин, «особенность этого курса, не имевшая прецедента в мировой педагогической практике, – соединение в едином изложении сведений по первобытной, античной и средневековой истории. Впервые проблемы русской и мировой истории излагались на археологических материалах СССР, Западной Европы и Ближнего Востока, демонстрируя поступательное движение исторического процесса со времени возникновения человеческого общества до позднего средневековья» (Янин, 1972. С. 8; см. подробнее: Янин, Канторович, 2015. С. 10–12). Вводя в учебный план данный курс, А.В. Арциховский – ученый-энциклопедист – исходил из того, что археология – наука историческая, следовательно, с одной стороны, все историки, вне зависимости от их дальнейшей специализации, должны освоить основы археологии, с другой стороны, студенты, специализирующиеся по археологии, должны овладеть всей суммой исторических знаний без каких-либо исключений. Поэтому с 1937 г. курс «Основы археологии» в Московском университете (а вслед за ним и по всей стране) стал обязательной составляющей высшего исторического образования. В том же году студенты-историки из МГУ впервые приняли участие в руководимых А.В. Арциховским раскопках на Славне в Великом Новгороде (Арциховский, 1949. С. 120). Д.А. Авдусин подчеркивает, что «начало преподавания курса археологии на историческом факультете МГУ <...> популяризировало археологию среди студентов, возбудило в них интерес к этой таинственной науке, и это имело следствием рост числа желающих участвовать в новгородских раскопках», – при том, что «обязательной практики не было, в Новгород ехали только добровольцы» (Авдусин, 1994. С. 30).

Успех курса «Основы археологии» был во многом обусловлен педагогическим талантом А.В. Арциховского, который читал лекции и сам принимал экзамены у всех студентов (так, в собственноручном рукописном отчете А.В. Арциховского по кафедре археологии за 1939/1940 учебный год мы находим сообщение о том, что Артемий Владимирович «прочел общефакультетский курс “Введение в археологию” и проэкзаменовал по нему 290 студентов (270 основных и 20 экстернов)» (рис. 1) (Архив кафедры археологии МГУ. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). Как отмечает Л.А. Беляев, «огромная эрудиция и сочетание анализа исторических источников с археологическими,

внимание к новым методам, глубокая преданность науке и любовь к своим слушателям, вызывавшая ответную симпатию, а также неординарная, навсегда запоминающаяся внешность (и даже некоторые дефекты речи) выделяли А.В. Арциховского из отнюдь не блеклой среды преподавателей истфака» (Беляев, 2002. С. 10).

С самого начала чтения курса «Основы археологии» А.В. Арциховский осознавал необходимость издания базового учебного пособия и учебника по археологии. Реализацией этой задачи он занимался практически все годы своей лекционной деятельности. Первоначально, в 1938 г. была напечатана программа курса (31 лекция), в том же году было предпринято стеклографическое издание текста этих лекций (на правах рукописи, тираж – 200 экземпляров) (Арциховский, 1938), а в 1940 г. вышло из печати первое издание пособия «Введение в археологию» (допечатка в 1941 г.), в котором количество лекций было сокращено до 30, поскольку археология Древнего Рима излагалась здесь в рамках не трех лекций, как ранее, а двух (Арциховский, 1941). В 1947 г. было издано фактически новое учебное пособие под тем же названием (Арциховский, 1947), а в 1954 г. был опубликован классический учебник А.В. Арциховского «Основы археологии» (Арциховский, 1954; переиздан в 1955 г. – см. Арциховский, 1955), ставший ориентиром для всех последующих учебников, созданных на кафедре археологии МГУ (учебники «Археология СССР» и «Основы археологии» Д.А. Авдусина и учебник «Археология» под редакцией В.Л. Янина). Таким образом, к изданию учебника по читаемому им курсу Артемий Владимирович шел на протяжении 17 лет, что говорит о его чрезвычайно высокой требовательности к себе как к преподавателю и исследователю. Как отмечали М.Д. Полубояринова и М.В. Седова, «надо было обладать уникальными знаниями и особым талантом, чтобы привести древности всех веков в стройную систему учебника» (Полубояринова, Седова, 2002. С. 126).

Грандиозен тематический охват разработанного А.В. Арциховским курса, нацеленного на то, чтобы дать студенту-историку информацию об основных тенденциях в развитии археологии и о важнейших открытиях в этой сфере. Курс был рассчитан на два семестра или на сдвоенное чтение в рамках одного семестра. Изначально, согласно опубликованной программе курса «Основы археологии» (Арциховский, 1939. С. 1–2), лекции 1–5 были посвящены каменному веку и энеолиту, причем четверем из них был присущ глобальный охват, а пятая также имела широкий терри-

ториальный аспект, поскольку была посвящена неолиту и энеолиту СССР, причем энеолит, в условиях невозможности вместить в рамки курса весь материал из СССР, представлен на примере Триполья. В стеклографическом издании лекций (*Арциховский*, 1938. С. 1–9) и в соответствующем пособии эти лекции предварялись еще одной, вводной, характеризующей, во-первых, место археологии в системе исторических наук, во-вторых, обзором истории важнейших археологических открытий. При этом регулярные отсылки к истории науки и к достижениям наиболее значительных исследователей содержались и в следующих лекциях.

Лекции 6–10 были посвящены бронзовому веку, причем по целой лекции было отведено древнейшим передневозточным цивилизациям – Вавилонии и Египту, также была охвачена Западная Европа, отдельно освещен юг СССР, отдельно север СССР (*Арциховский*, 1939. С. 2–3).

Лекции 11–22 были посвящены раннему железному веку и «среднему железному веку» (ныне этот период уже не выделяется, он частично соответствует средне- и позднесарматской эпохе, частично – эпохе Великого переселения народов). При этом охвачены были и Западная Европа с гальштатской и латенской культурами, и археология классической античности (Греция, Рим, античные государства Северного Причерноморья), и скифо-сибирский мир, и сарматская эпоха, и «алано-хазарская эпоха» в степях и на Северном Кавказе, и лесная зона Восточной Европы (дьяковская, ананьинская, пьяноборская культуры, рязанские и муромские могильники), и Закавказье, и греко-бактрийские древности (*Арциховский*, 1939. С. 3–5).

Лекции 23–31 были посвящены средневековью и началу Нового времени. Здесь представлены и Западная Европа (Меровинги и Каролинги), и Ближний Восток (мусульманское средневековье), и Волжская Булгария, и половцы, и археология домонгольской Руси, и Золотая Орда, и Московское царство от начала Москвы вплоть до Смутного времени (*Арциховский*, 1939. С. 5–6).

Как можно судить на основе стеклографического издания лекций, такой глобальный и, казалось бы, нереальный охват, заданный программой, успешно реализовывался на практике благодаря энциклопедическим, феноменальным знаниям А.В. Арциховского. Это давало возможность автору чрезвычайно точно выбирать главное из огромного массива информации, которой он свободно владел, дозированно и доходчиво (но несколько не упрощая)

давать этот материал в лекциях, а затем в пособии и в учебнике. Кроме того, широчайший пространственно-хронологический диапазон лекционного курса «Основы археологии» соответствовал его изначальному объему в учебных часах – это был, в идеале, двухсеместровый курс с одной лекцией в неделю (с тех пор ситуация изменилась, и уже не менее полувека данному базовому курсу лекций повсеместно в университетах нашей страны отведено вдвое меньше часов, то есть, как правило, один семестр с одной лекцией в неделю; в лучшем случае эти лекции сопровождаются одним семинаром в неделю).

Стеклографическая копия лекций демонстрирует ясность, точность и лаконизм лекций А.В. Арциховского, его свободное владение латынью (в частности, пассаж о «трех веках» из поэмы Тита Лукреция Кара «О природе вещей» приводится Артемием Владимировичем без перевода (*Арциховский*, 1938. С. 2)). При всем академизме своего изложения, автор, рисуя для слушателей и читателей широкую картину технологических достижений человечества, явно и неподдельно восхищается этими успехами, что, например, проявляется в эмоциональном начале лекции о верхнем палеолите: «Надвинулась новая волна холода. Но ей теперь противостоял новый вид человека, притом усовершенствовавший технику, противостоял *Homo sapiens*, вооруженный кремневым копьем» (*Арциховский*, 1938. С. 23).

Очевидно, именно по примеру лекционного курса А.В. Арциховского аналогичный курс начали читать в МИФЛИ: здесь в осеннем семестре 1937 г. его читал Ю.В. Готье (Архив кафедры археологии МИФЛИ. Оп. 1. Д. 1. Л. 1); затем, в 1938 и 1939 гг. 60-часовой курс «Основы археологии. Первобытная археология» в рамках одного семестра (то есть «сдвоенный» курс) читал В.А. Городцов (Там же. Д. 2. Л. 1); с 1939/1940 учебного года 60-часовой курс «Основы археологии» (также в рамках одного семестра, то есть «сдвоенный» курс) начал читать Б.Н. Граков (Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–1 об.; Д. 31. Л. 1–3; Д. 41. Л. 1–3).

При этом курс Б.Н. Гракова, будучи во многом сходным с курсом А.В. Арциховского, имел ряд существенных отличий. Он предусматривал значительно большее внимание характеристике методики и истории археологии. Этим сюжетам были посвящены лекции 1–6, то есть в этом отношении курс Б.Н. Гракова был более специальным. Лекции 7–13 характеризовали каменный век, лекции 14–21 – эпоху палеометалла (здесь, наряду с Месопотамией и Египтом, рассматри-

вались также хеттская цивилизация и цивилизация Хараппа, к которым А.В. Арциховский в своем курсе не обращался). В лекциях 22–32 освещался ранний железный век Евразии, включая античную цивилизацию. При этом гораздо меньше внимания, нежели в курсе А.В. Арциховского, уделялось археологии Средневековья – ей Б.Н. Граков отводил только лекции 31–32, обзорно характеризуя славяно-русскую археологию и археологию Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Золотой Орды.

В процессе создания общего курса археологии А.В. Арциховский начал разрабатывать спецдисциплину «Историография археологии». По мнению П.Г. Гайдукова, эти курсы Артемий Владимирович готовил практически одновременно (*Гайдуков*, 2019. С. 223–224). Это вполне вероятно, поскольку, как уже было сказано, в лекциях по «Основам археологии» (насколько можно судить по стеклографическому изданию) А.В. Арциховский часто перемежал изложение материала краткими (и всегда уместными) комментариями относительно истории исследований, которым наука обязана этой информацией, и касательно проводивших эти исследования ученых. Их биографии и достижения Артемий Владимирович мог охарактеризовать одним-двумя очень точными штрихами, за которыми стояло глубокое знание лектором соответствующих реалий; тем самым А.В. Арциховский, очевидно, менял ритм лекции, давая отдохнуть слушателю, чтобы затем вновь вернуть его к восприятию основной линии изложения.

Этот интереснейший курс Артемий Владимирович читал до своей кончины в 1978 г., однако он остался в целом неопубликованным (*Гайдуков*, 2019. С. 223–224). В архиве кафедры археологии имеется датированная 1950 годом 7-страничная достаточно подробная авторская программа этого курса (Архив кафедры археологии МГУ. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–4), впечатляющая своим территориальным и хронологическим охватом. Обратимся к основным темам программы, что даст возможность продемонстрировать ее фундаментальный и новаторский характер.

Согласно программе, курс был сформирован из трех лекционных блоков:

- А. Зарубежная археология.
- Б. Русская дореволюционная археология.
- В. Советская археология.

Блок А состоял из пяти разделов и финальной части. Первым из них был раздел «Зачатки археологии», в котором характеризовалась,

по сути, предыстория археологии как науки, начиная с раскопок, осуществленных нововавилонским царем Набонидом; далее освещались работы античных ученых в этой области; возникновение термина «археология»; гениальная идея Лукреция о «трех веках» человеческой истории; в конечном итоге изложение доводилось до периода Возрождения и Нового времени, вплоть до раскопок в Помпеях при французском (наполеоновском) владычестве.

Во втором разделе блока А («Изучение каменного века») Артемий Владимирович специально обращался к теме изучения наиболее длительного периода в истории человечества, к взаимодействию археологии со смежными науками – геологией и палеонтологией. Изложение здесь начинается с работ Поля Турналя, Филиппа-Шарля Шмерлинга и Буше де Перта. А.В. Арциховский характеризует драматичные мировоззренческие дискуссии XIX в. по проблемам антропогенеза и эволюции, вызывавшие большой общественный резонанс, особенно подробно освещаются труды Г. Мортилье. Программа содержит такие эмоциональные пассажи, как: «Захват клерикалами руководства в первобытной археологии» (Арциховский, 1950. С. 1).

В третьем разделе блока А («Изучение бронзового и железного веков») автор характеризовал создание системы «трех веков» Х.-Ю. Томсеном и Й.-Я. Ворсо на базе идеи Лукреция, уделял большое внимание основополагающим трудам О. Монтелиуса и анализировал научное творчество других исследователей, доводя изложение до работ В.Г. Чайлда.

В четвертом разделе блока А («Античная археология») А.В. Арциховский специально отмечает, что собственно археология в этой сфере долгое время подменялась историей античного искусства. Начало реальной античной археологии автор связывает с деятельностью Э. Гергарда, Ч. Ньютона и Дж. Фиорелли. Изложение доводится до появления обобщающих трудов, таких как «Словарь по греческим и римским древностям» и «Руководство по римской археологии».

Наконец, в пятом разделе блока А («Славянская археология») А.В. Арциховский сосредотачивается на изложении важнейших зарубежных работ в этой сфере в рамках характеристики чешской школы археологии, особо выделяя труды Й. Пича и Л. Нидерле.

В финальной части блока А Артемий Владимирович обращается к теме кризиса буржуазной археологии, обращая внимание на такие

ее недостатки, как «идеализм, формализм и бессодержательность исследования», на «отрыв археологи от истории», на недостатки господствовавшего в западной археологии миграционизма и его «связь с расизмом», что вполне соответствовало политической полемике конца 1940-х – начала 1950-х гг. (Арциховский, 1950. С. 3).

Блок Б («Русская дореволюционная археология») состоял из трех разделов. В первом разделе («Зачатки археологии») характеризовалось изучение древностей в России начиная с XVII в. – с собрания Оружейной палаты; далее рассматривались указы Петра I и археологическая инструкция В.Н. Татищева, изложение было доведено до археологических работ А.Н. Оленина.

Второй раздел блока Б («Античная археология») открывается анализом исследований П. Дюбрюкса; рассматривается учреждение Императорской археологической комиссии, создание свода греческих и латинских надписей; характеризуются работы И.Е. Забелина, Н.И. Веселовского, развитие антиковедения в сфере нумизматики и эпиграфики, исследования Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева.

Третий раздел блока Б («Славяно-русская археология») открывается обзором исследований К.Ф. Калайдовича и З. Ходаковского; далее рассматривается развитие этой тематики в русской археологии XIX в., в частности, исследования А.С. Уварова, И.Е. Забелина, Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицына; также анализируются нумизматические труды А.В. Орешникова и др.

Четвертый раздел блока Б («Первобытная археология») открывается освещением работ К.И. Невоструева в области раннего железного века на Каме; далее рассматриваются исследования целого ряда ученых, в частности, Д.Н. Анучина, В.В. Хвойки и В.А. Городцова.

Пятый раздел блока Б («Восточная археология») характеризовал нумизматические исследования П.С. Савельева; далее рассматривалась археология Волжской Булгарии, изучение Мерва, раскопки Н.Я. Марра в Ани. Изложение велось вплоть до раскопок Афрасиаба и открытия обсерватории Улугбека В.Л. Вяткиным.

В финальной части блока Б Артемий Владимирович опять же обратился к критике буржуазной археологии, на этот раз российской, причем по тем же позициям, что и в связи с зарубежной археологией.

Заключительный блок В («Советская археология») открывался вступительной частью, в рамках которой характеризовалось распространение методологии исторического материализма в совет-

ской археологии и ее концентрация на изучении производительных сил и производственных отношений, ее объединение с исторической наукой. Описывался процесс организационной перестройки археологической системы в новых послереволюционных условиях и резкого расширения масштабов археологических исследований в СССР.

Первый раздел блока В («Первобытная археология») открывался характеристикой работ П.П. Ефименко, С.Н. Замятина и П.И. Борисковского в области каменного века, затем освещались труды М.П. Грязнова, А.А. Иессена и Б.А. Куфтина по эпохе бронзы.

Второй раздел блока В («Античная археология») начинается освещением трудов С.А. Жебелёва; далее рассматриваются работы Б.Н. Гракова в области греческой эпиграфики и скифо-сарматской археологии; затем освещаются результаты раскопок античных городов Северного Причерноморья и памятников позднескифской культуры, исследования В.Д. Блаватского, Г.Д. Белова, Л.М. Славина и П.Н. Шульца.

Третий раздел блока В («Восточная археология») содержит обзор исследований Закавказья (работы И.И. Мещанинова, Б.Б. Пиотровского, И.А. Орбели), Средней Азии (рассматриваются труды М.Е. Массона, С.П. Толстова, А.Ю. Якубовского) и средневекового Поволжья (работы А.П. Смирнова).

Наконец, четвертый раздел блока В («Славяно-русская археология») начинается освещением работ Ю.В. Готье, далее рассматриваются труды А.С. Орлова, Б.А. Рыбакова и П.Н. Третьякова.

В итоге в рамках данного блока оценивается вклад советской археологии в историческую науку и обзор перспектив развития советской археологии.

По мнению выдающегося археолога и историка Валентина Лаврентьевича Янина, ученика А.В. Арциховского и его преемника в руководстве кафедрой археологии МГУ и Новгородской экспедицией МГУ, курсу «Историография археологии» (В.Л. Янин называет курс несколько иначе – «История археологических знаний») «в равной мере свойственно уважение к научному наследию прогрессивных археологических школ и страстная нетерпимость к антинаучным теориям» (Янин, 1972. С. 9).

Л.А. Беляев отмечает, что «Артемию Владимировичу судьба предназначила стать одним из тех людей-мостов, которые, через пропасть нескольких десятилетий войн, революций и диктатур, соединили культуру и науку России конца XIX – начала XX в. с со-

временностью, сделав нас, хотя бы отчасти, преемниками и наследниками традиций дореволюционного общества» (Беляев, 2002. С. 11). Анализ новаторской деятельности А.В. Арциховского в сфере преподавания археологии на основанной им кафедре полностью подтверждает справедливость этих слов.

Литература

- Авдусин Д.А., 1994. Артемий Владимирович Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения / Отв. ред. В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков. Новгород. С. 28–34.
- Арциховский А.В., 1938. Лекции по археологии. Ч. I. 1–16 лекции. Москва: Стеклография МГУ. 97 с. (Архив кафедры археологии МГУ. Оп. 1. Пап. 1. Д. 2).
- Арциховский А.В., 1939. Программа курса «Основы археологии». 6 с. (Архив кафедры археологии МГУ. Оп. 1. Пап. 1. Д. 1).
- Арциховский А.В., 1941. Введение в археологию. Москва: Заоч. отд-ние МГУ. 132 с.
- Арциховский А.В., 1947. Введение в археологию. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: МГУ, 1947. 220 с.
- Арциховский А.В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М.: Изд-во АН СССР. С. 119–151. (МИА. № 11)
- Арциховский А.В., 1950. Программа курса «Историография археологии». 7 с. (Архив кафедры археологии МГУ. Оп. 1. Пап. 12. Д. 97)
- Арциховский А.В., 1954. Основы археологии. М.: Гос. изд-во полит лит-ры. 280 с.
- Арциховский А.В., 1955. Основы археологии. Издание второе. М.: Гос. изд-во полит лит-ры. 280 с.
- Беляев Л.А., 2002. Путь ученого // РА. № 4. С. 7–11.
- Гайдуков П.Г., 2019. Институт археологии РАН: 100 лет истории. Москва: ИА РАН. С. 221–219.
- Жарова Е.Ю., 2011. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. № 4. С. 268–290.
- Канторович А.Р., 2009. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Отв. ред. А.Е. Мусин. Великий Новгород; СПб; М.: Леоп-Арт. С. 309–313.
- Канторович А.Р., 2019. К предистории кафедры археологии исторического факультета МГУ // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы междунауч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 24–26.
- Летопись... Летопись Московского университета. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/327>. Дата обращения: 23.01.2022.
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б., 2012. Создание системы университетского образования в России и Устав 1804 г. // Ярославский педагогический вестник. № 1. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 15–22.

- Полубояринова М.Д., Седова М.В.*, 2002. Вспоминая А.В. Арциховского // РА. № 4. С. 125–127.
- Хорошев А.С.*, 2004. Первый университетский учебник археологии // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф. Великий Новгород. С. 13–16.
- Хорошев А.С.*, 2007. Новгородская археологическая экспедиция в программе вузовского образования (к 75-летию экспедиции) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 6. С. 95–102.
- Щапова Ю.Л.*, 2002. А.В. Арциховский во главе кафедры археологии исторического факультета МГУ // РА. № 4. С. 12–19.
- Янин В.Л.*, 1972. Очерк научной деятельности Артемия Владимировича Арциховского // Сборник статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского / Отв. ред. В.Л. Янин М.: МГУ. С. 3–14.
- Янин В.Л., Канторович А.Р.*, 2015. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. № 3. С. 5–45.

М.В. Медведева, Е.Г. Застрожнова (Панкратова)

**«ИЗЪЯТЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГАИМК»:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹**

Резюме: политические репрессии 1930-х гг. в академических учреждениях привели к разрушению научных школ и реорганизации институтов. Многие выдающиеся ученые были арестованы как «враги народа», и судьба их архивного наследия до сих пор остается неизвестной. В Академии истории материальной культуры в 1936 г. значительная часть сотрудников была расстреляна, выслана из Ленинграда или заключена в исправительно-трудовые лагеря, а в 1937 г. учреждение потеряло самостоятельный статус и вошло в состав Академии наук на правах рядового института с переименованием в Институт истории материальной культуры АН СССР. Согласно политике Главного архивного управления НКВД, документы репрессированных сотрудников были засекречены и изъяты из Академии в специальное хранение. Это хорошо прослеживается на примере фотографий из архива ИИМК РАН и писем из фонда академика Н.Я. Марра в СПбФ АРАН. Сохранились акты передачи и архивные описи, по которым удалось установить состав документов и дату изъятия, однако сами фотографии и письма на настоящий момент не выявлены. Поиск и возвращение в научное поле рассекреченных фотографий и документов по деятельности репрессированных научных сотрудников и аспирантов Академии истории материальной культуры является актуальной задачей современной науки и, помимо мемориального значения, предоставит новые возможности для изучения сложного периода 1930-х гг. в истории ленинградских академических институтов.

Ключевые слова: политические репрессии, Отдел секретных фондов АН СССР, архивные материалы, история науки, НКВД.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00063 «Трагедия Государственной академии истории материальной культуры (1934–1936)».

Академия истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК) – научное учреждение-правопреемник Императорской археологической комиссии (1859–1918), находилась в прямом подчинении Народному комиссариату просвещения, и с 1919 по 1937 г. осуществляла контроль, ведение и руководство научными исследованиями и охраной археологических и историко-культурных памятников на территории РСФСР/СССР. Председателем Академии с момента ее основания и до 1934 г. почти непрерывно являлся историк-кавказовед, востоковед и лингвист, академик Николай Яковлевич Марр.

Смерть Н.Я. Марра и совпавшее с этим событием убийство первого секретаря Ленинградского Обкома С.М. Кирова в декабре 1934 г. самым негативным образом отразились на судьбе Академии. Пост председателя ГАИМК занял один из заместителей Н.Я. Марра, выпускник Петроградского университета, Федор Васильевич Кипарисов (1885–1936), имевший прочную административную и партийную позицию, однако это назначение не смогло изменить наметившейся тенденции к ослаблению Академии (*Панкратова, 2020*).

Усиление идеологического контроля, поиск виновных в убийстве С.М. Кирова и отсутствие руководителя, способного отстоять учреждение в условиях роста политического процесса борьбы с «троцкистско-зиновьевским блоком», привели к массовым репрессиям в отношении административного и научного состава ГАИМК. В течение лета 1936 г. было арестовано основное количество сотрудников Академии во главе с Ф.В. Кипарисовым, которые проходили по делу о «террористической организации» ГАИМК (*Панкратова, 2019*).

К концу 1936 г. стало очевидно, что Академия, лишённая руководства, представшего «врагами народа», в своей прежней подведомственности и организационной форме перестанет существовать и, скорее всего, по этой причине 30 ноября 1936 г. в Отдел науки Наркомпроса была подана резолюция В.И. Равдоникаса и П.П. Ефименко о принципах перестройки работы ГАИМК. В ней указывалось на то, что «ГАИМК – общепризнанный центр археологических исследований, но в последнее время оно все более отошло от направления, данного ему Н.Я. Марром» (ЦГАИПД. Ф. Р-24. Оп. 2г. Д. 1090. Л. 8). Причина заключалась в неустойчивости и беспринципности руководства и недостаточном понимании задач советской археологии. «Руководство этого учреждения

оказалось в руках людей, чуждых советской науке (А.Г. Пригожин, Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, С.Г. Томсинский). Был взят курс на раздувание показного значения ГАИМК, ее задачи были расширены до изучения истории докапиталистических обществ с изучением общих историко-теоретических проблем» (Там же. Л. 9). Реорганизацию ГАИМК предлагалось осуществлять по следующим принципам: приоритетными должны были стать археологические исследования; пересмотр личного состава; привлечение специалистов по смежным областям – геология, зоология; формирование материальной базы; нормализация издательской работы. Отдельно отмечалось, что Наркомпрос не смог обеспечить ГАИМК правильным руководством, поэтому единственный способ оздоровить Академию – включить ее в систему АН СССР, где будет обеспечена правильная организация работы этого учреждения (Там же. Л. 10).

В декабре 1936 г. последний председатель ГАИМК Ф.В. Кипарисов был расстрелян, как и еще ряд сотрудников, многие были высланы из Ленинграда или заключены в исправительно-трудовые лагеря. В печатном издании «XVIII Пленум» ГАИМК за 1937 г. эти события были описаны следующим образом: «в нашей Академии в течение ряда лет действовали злейшие враги народа, предатели и изменники Родины, которые находились на руководящих участках Академии. Все эти Пригожины, Кипарисовы, Быковские и их подручные из кожи вон лезли, чтобы подорвать работу Академии и направить ее по неверному пути» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1937. Д. 21. Л. 58). В этом же году Академия потеряла самостоятельный статус и вошла в состав АН СССР на правах рядового института с переименованием в Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР).

После этих событий, в ИИМК, как и в других учреждениях академической сети Ленинграда, продолжал храниться большой объем научных и делопроизводственных документов, а также фотографий, относящихся к деятельности и биографиям репрессированных сотрудников. В 1938 г. после централизации архивных учреждений под контролем Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) обращение с архивным наследием «врагов народа» стало строго регламентировано, а в дальнейшем засекречено и децентрализовано.

21 марта 1938 г. ГАУ НКВД за подписью Н.В. Мальцева направило всем сотрудникам секретных отделов архивов и учреждений

нормативно-методическое предписание (директиву) касательно того, как следует обращаться с документами «врагов народа». Утверждались следующие правила: подлинные приказы, циркуляры, распоряжения, положения, правила и инструкции, подписанные «врагами народа» и уже опубликованные, следовало хранить незасекреченными, копии этих материалов после просмотра Проверочной комиссией подлежали уничтожению. Обращения в вышестоящие органы, протоколы заседаний, отчеты, доклады и служебная переписка, подписанная репрессированными сотрудниками, могли храниться незасекреченными.

В «Правилах ведения секретных архивных дел» ГАУ НКВД от 22 июля 1938 г. было дано уточнение, что выделенные секретные архивные материалы должны сдаваться в государственные архивы из учреждений, предприятий и организаций города Ленинграда по истечении трех лет после архивирования. Предполагалось следующее распределение документов: «из учреждений Народного комиссариата обороны – в Ленинградское отделение Военного архива (ул. Инженерная, 10); из учреждений Народного комиссариата ВМФ – в секретный отдел Архива Центра военно-морской истории (ул. Халтурина, 36); из всех других учреждений – в секретный отдел Ленинградского областного архива Октябрьской революции (ул. Воинова, 34)». Все архивные дела должны были подшиваться в обложки с прошитыми и пронумерованными листами. К делам нужно было составлять внутреннюю опись и заверительную надпись.

31 июля 1939 г. ГАУ НКВД циркуляром № Ж-318 отменило директиву от 21 марта 1938 г. и определило новые правила учета архивных документов «врагов народа». Согласно новым требованиям, подлинные приказы, циркуляры, распоряжения, положения, правила и инструкции, подписанные «врагами народа», должны были быть засекречены. Все копии этих документов подлежали уничтожению, при условии наличия подлинника. Личная переписка, статьи и другие работы неслужебного характера хранились только в секретном порядке, однако их уничтожение, даже после просмотра комиссией, было запрещено. Отдельные издания, брошюры и статьи, независимо от того, были они опубликованы или нет, необходимо было хранить на правах секретных материалов. Их выдача в читальный зал разрешалась теперь только лицам, имевшим допуск, одобренный НКВД. В соответствии с этим циркуляром отменялось уничтожение фото-, кино- и аудиозаписей,

на которых «враги народа» выступали как основные или частные лица, – они должны были храниться в засекреченном порядке. В копиях кино- и фотопленок, на которых были запечатлены «враги народа», нужно было «уничтожить или затушевывать их изображение».

4 декабря 1939 г. отделам секретных фондов была разослана очередная инструкция, согласно которой директор архива и работники, допущенные к работе с секретной документацией, выделяли в секретные фонды материалы по отправленному ранее типовому списку. С особой тщательностью должна была просматриваться общая и частная переписка. Особую важность для современных исследователей представляет раздел «Отбор в макулатуру и уничтожение». Для отбора секретных архивных материалов, не подлежащих хранению, предполагалась организация «разборочной комиссии», в состав которой входили директор архива, начальник и один из сотрудников отдела секретных фондов. Для принятия решения все члены комиссии должны были ознакомиться полностью с документами; если хотя бы один высказывался против уничтожения, материалы передавались на дальнейшее хранение. Особо следует обратить внимание на следующий пункт: «В целях ограждения от уничтожения материалов, которые могут помочь следственным органам вскрыть вредительство и открыть соучастников, при выделении в макулатуру архивных материалов следует особенно тщательно просматривать материалы, исходившие от врагов народа» (ГАЯО. Ф. Р-2944. Оп. 2. Д. 7).

В Институте истории материальной культуры АН СССР последовательно исполнялись все вышеупомянутые циркуляры и постановления по хранению, систематизации и перераспределению архивных документов. Особенно хорошо это прослеживается на примере передачи фотоматериалов репрессированных сотрудников.

28 июня 1938 г. заведующая фотоархивом ИИМК Т.М. Девель сообщила секретарю парткома: «31 мая 1937 г. по согласованию с парторгом т. Ворониной переведены на особое хранение впредь до распоряжений материалы Фотоархива, связанные с пребыванием в ГАИМК врагов народа и лиц, арестованных органами НКВД». При просмотре материалов в текущем году обнаружены материалы, входящие в ту же группу. «Прошу дать указания относительно дальнейшего пребывания означенных материалов в Фотоархиве» (ФО НА ИИМК РАН. Папка 11. Акты на передачу фотоматериалов из фотоархива. 1938).

В приложенном к записке списке перечислялись отобранные для особого хранения документы: портреты М.Г. Худякова, С.Н. Быковского (1933), В.К. Сухотиной (1932), М.М. Цвибака (1932), И.В. Карманова (1933, 1935), В.Н. Кашина и его аспирантки М.П. Лездиной (1936). Отобраны были так же: шесть фотоснимков С.Н. Быковского и его жены В.К. Сухотиной на раскопках Свирьстройской экспедиции (1934); фотографии С.Н. Быковского и М.М. Цвибака в президиуме пленума Института истории феодального общества ГАИМК (21 июня 1933 г.); С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова и Б.А. Латынина при выносе гроба Н.Я. Марра; Ф.В. Кипарисова в карауле у гроба Н.Я. Марра. Всего 26 изображений.

Участь фотографий «врагов народа» из архива ИИМК была решена в 1939 г. Согласно сохранившимся учетным документам фотоархива 5 февраля «парторг Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР Рогачёв, заведующая фотоархивом того же Института Девель и начальник Спецотдела АН СССР Гармаш составили настоящий акт в том, что Гармаш приняла, а Рогачёв и Девель сдали 43 негатива и 42 отпечатка, согласно приложенного списка...» (ФО НА ИИМК РАН. Папка 11. Акты на передачу фотоматериалов из фотоархива. 1939). К фотодокументам, значившимся в списке 1938 г., добавились еще 23 вновь выявленных изображения. Среди них Н.М. Бачинский с В.В. Данилевским (1935), он же со слушателями кружка немецкого языка, шарж на Н.М. Бачинского (1936); Л.Т. Гюзальян в группе с А.А. Аджаном, И.И. Мещаниновым и Б.Б. Пиотровским; Г.Е. Гюламыан с И.И. Смирновым и А.Н. Бернштамом; М.Ф. Болтенко с участниками Ольвийской экспедиции (1925), О.В. Седергольм в группе аспирантов (1932), пять фотографий Н.Е. Макаренко в Ольвийской экспедиции (1926), в том числе с германским археологом Э. Гозе; портреты И.А. Гальнбека (1925), С.И. Ковалева (1932), Л.Т. Гюзальяна (1932), Ф.И. Шмидта (1932), П.С. Рыкова, В.Н. Бенешевича, В.С. Адрианова, К.Г. Болтенко, С.А. Дубинского.

В коллекционных описях, куда входили изъятые фотографии репрессированных сотрудников ГАИМК, строчки с их наименованием тщательно затушеваны таким образом, что прочесть их посетителям фотоархива не представлялось возможным (рис. 1). В настоящее время местонахождение переданных в Спецотдел АН СССР фотографий не установлено. Их отсутствие не позволяет произвести полную атрибуцию персоналий на фотоснимках

Академии истории материальной культуры из экспедиций, заседаний подразделений, пленумов и других научных мероприятий. Только недавно удалось установить на групповых фотографиях учреждения Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского. Первые шаги в определении были сделаны после того, как обнаружился портрет Ф.В. Кипарисова в бумагах М.А. Тихановой (*Смирнов*, 2013. С. 296). После этого стало понятно, что он запечатлен на нескольких снимках похорон Н.Я. Марра в 1934 г. вместе с остальными сотрудниками ГАИМК. По непонятной причине снимки не были выделены для изъятия в 1937–1939 гг. в отличие от соседних в архивной описи кадров. Одинаковые отпечатки похоронной процессии, на которых присутствуют Ф.В. Кипарисов и С.Н. Быковский, хранятся в фотоотделе НА ИИМК РАН и в Санкт-Петербургском филиале АРАН в фонде Н.Я. Марра, причем на последних есть заретушированные в соответствии с циркуляром НКВД персоны (рис. 2). В дальнейшем благодаря помощи родственников и чудом уцелевшим в семейных архивах кадрам семейной хроники 1910–1930-х гг. стали известны и вводятся в научный оборот новые портреты Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского² (*Панкратова*, 2020).

Аналогичная история произошла с документами из личной переписки академика Н.Я. Марра (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3). В описи писем Н.Я. Марру было обозначено изъятие писем из фонда по акту от 10 февраля 1939 г. (рис. 3) В ходе фронтального просмотра описи было установлено изъятие этим же актом писем еще 28 корреспондентов, среди которых: В.Б. Аптекарь (10 п.), В.Н. Бенешевич (21 п., прим.: «Большинство писем дореволюционного времени»), А.С. Бубнов (3 п., прим.: «Телеграмма о работе русско-украинской комиссии по обмену культурными ценностями; письмо о докладе ГАИМК на Коллегии Наркомпроса от 31 декабря 1933 г.; письмо о взаимоотношениях ГАИМК и АН СССР от 1 апреля 1934 г.»), Г.И. Боровка (2 п.), Н.И. Бухарин (2 п., прим.: «Письмо о статье Н.Я. Марра для журнала, 1935 г.; приписка к повестке на заседание Комиссии по истории знаний с просьбой присутствовать на заседании»), С.Н. Быковский (20 п.), Э.Д. Гримм (4 п.), Л.М. Карахан (1 п., прим.: «письмо о разреше-

² Расширенная биография С.Н. Быковского, воссозданная на основе неизвестных ранее данных семейных архивов и снабженная неопубликованными фотографиями готовится в настоящее время к публикации Е.Г. Застрожной, И.Л. Тихоновым и И.С. Тихомировым.

нии приезда в СССР Блейхш Неру, Наделю и Баруху от 21 февраля 1933 г.», Н.А. Карев (1 п., прим.: «письмо от 12 июня 1931 г. о работах классиков марксизма-ленинизма, о взаимоотношениях языка и мышления»), Ф.В. Кипарисов (19 п.), А.С. Енукидзе (1 п., прим.: «Письмо от 1 декабря 1936 г. о работе А.С. Сванидзе»), Н.М. Маторин (3 п., прим.: «О замечаниях Н.Я. Марра на доклад Н.М. Маторина; письмо и телеграмма о работе на Кавказе летом 1932 г.»), А.Т. Мухарджи (1 телегр. прим.: «телеграмма совместно с Иоаннисяном и Диманштейном – поздравление по случаю награждения Н.Я. Марра орденом им. В.И. Ленина»), А.Г. Пригожин (12 п.), Н.И. Троцкая (2 п., прим.: «письмо о работе ГАИМК от 18 апреля 1935 г.: письмо о докладе Н.Я. Марра на курсах по подготовке музейных работников от 23 сентября 1936 г.»), С.Н. Седых (1 телеграмма, прим.: «Телеграмма с извещением о приглашении Н.Я. Марра участвовать в Уральской энциклопедии»), М.М. Цвибак (1 п.), А.Ш. Шамилов (1 п. о курдском алфавите), М.Л. Ширвиндт (1 п.) и др. Все выделенные корреспонденты были осуждены по различным пунктам 58 ст. УК СССР в 1931–1936 гг., после чего сосланы в лагерь, либо расстреляны.

При обращении к учетным документам фонда было выявлено «Дело о передаче материалов архива Н.Я. Марра в Спецчасть», крайние даты которого – 16 декабря 1938 г. – 10 февраля 1939 г. При изучении документов этого дела выстраивается хронологическая последовательность событий. 16 декабря 1938 г., по соответствующему запросу, полученному из ЦАУ/ГАУ НКВД, и.о. директора ИИМК, М.И. Артамонов подготовил и направил в Спецотдел Ленинградских учреждений АН СССР уведомление об обнаружении писем «некоторых осужденных лиц», которые не подлежали просмотру в архиве. К письму была приложена опись данных писем, датируемая 10 февраля 1938 г.

10 февраля 1939 г. был составлен акт о передаче выделенных писем парторгом ИИМК А.Н. Рогачёвым и заместителем заведующего кабинетом Н.Я. Марра В.А. Миханковой, заведующей Секретной частью Ленинградского отделения АН СССР М.И. Гармаш. К сдаточной описи были составлены краткие сопроводительные комментарии о содержании переписки, подготовленные В.А. Миханковой. Вместе с основным объемом фонда 24 ноября 1950 г. данные письма в ЛО Архива АН СССР не вернулись.

Вследствие подобной архивной политики, проводимой НКВД, огромное количество архивных фондов оказалось разобщено,

множество единиц хранения – полностью депаспортизовано, и их место хранения не выявлено вплоть до настоящего времени. Судьба многих секретных документов из ГАИМК тоже пока остается неизвестной.

Пути их перераспределения из Спецчасти АН СССР по архивным хранилищам выявляются очень примерно. В 1992 г. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции, ЦГАОР/ЦГА) рассекретил ряд материалов секретного фонда ГАИМК (ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1 – 1924–1937 гг.; 16 ед. хр.). В этом же году ЦГА были рассекречены и материалы Отдела Секретных фондов АН РСФСР-СССР за 1924–1937 гг., которые были сданы в ЦГАОР 27 мая 1941 г. После рассекречивания материалы были переданы на постоянное хранение в СПбФ АРАН (Ф. 4. Оп. 28–31, всего 161 ед. хр.). Среди документов имеются материалы и Секретной части ГАИМК: отношение Н.Я. Марра в Сектор кадров Наркомпроса о составе аспирантуры, характеристики научных сотрудников Академии, переписка по вопросам организации ГАИМК археологических раскопок на территории лагерей ГУЛАГ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 28. Д. 6, 9, 13, 19, 27, 60). Однако ни в одном из рассекреченных комплексов архивных документов ни в ЦГА, ни в СПбФ АРАН не выявлены фотографии репрессированных сотрудников и переписка, изъятая из материалов личного кабинета Н.Я. Марра в 1939 г. Подобная ситуация свидетельствует об отсутствии какой-либо системности действий при распределении и хранении материалов в ЦГАОР уже после передачи документов секретными частями АН СССР. Вполне возможно, что и без того сложная ситуация с хранением секретной документации была осложнена начавшейся Великой Отечественной войной.

Поиск и возвращение в научное поле рассекреченных фотографий и документов по деятельности репрессированных научных сотрудников и аспирантов Академии позволит существенно расширить источниковую базу исследований, сформировать и поставить новые научные цели и задачи по изучению истории отечественной фундаментальной науки, переосмыслить устоявшиеся в историографии представления о происходящих событиях, самым непосредственным образом повлиявших на развитие археологии в СССР.

Литература

- Панкратова Е.Г.*, 2019. «Террористическая организация ГАИМК» (1936 год): обзор материалов архивно-следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 263–276.
- Панкратова Е.Г.*, 2020. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов // ВДИ. Т. 80 (3). С. 728–751.
- Смирнов Н.Ю.*, 2013. Заметки М.А. Тихановой по истории РАИМК/ГАИМК в 1920–1930-е гг. (публикация полного текста статьи 1980 г.) // Археологические вести. 19. С. 292–300.

И.А. Сорокина

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ ДО И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Резюме. В статье рассматриваются вопросы организации полевых исследований в РСФСР в 1930–1940-х гг. Анализируется система их регламентации, то есть определение прав и обязанностей археолога в процессе их проведения, а также порядка выдачи разрешительных документов – открытых листов – и правил подачи научной отчетной документации. В 1935 г. Наркомпрос РСФСР передал право на выдачу открытых листов в научное учреждение – Государственную академию истории материальной культуры. В связи с этим в структуре Академии формируются подразделения, обеспечивающие этот процесс. Параллельно решаются задачи регламентации полевых работ на новостройках. После реорганизации Академии в 1937 г. в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР, регламентация полевых исследований осуществляется уже этим учреждением. После перевода института в Москву в 1945 г., туда переводится и Комитет полевых исследований (теперь отдел), действующий и в настоящее время. В течение всего рассматриваемого периода идет работа над совершенствованием методики археологических раскопок и разведок, издаются инструкции и пособия по их проведению.

Ключевые слова: Государственная академия истории материальной культуры, Институт истории материальной культуры, открытый лист, полевые археологические исследования.

Объем полевых исследований в РСФСР с 1923 г. постоянно увеличивался, и связано это с социально-политическими процессами в молодом советском государстве. Были преодолены последствия Гражданской войны, голода и разрухи. НЭП, пришедший на смену политике «военного коммунизма», способствовал укреплению

¹ Работа выполнена в рамках научной темы ИА РАН НИОКТР 122011200264-9.

финансовой системы, развитию промышленного и сельскохозяйственного производства. Расширилась и география: вся территория РСФСР была под контролем государства. Эти факторы обусловили возможность развертывания археологических изысканий нарастающими темпами. Огромное значение имело набравшее обороты краеведческое движение, ставшее источником пополнения кадров для полевых работ, пусть и не профессиональных, но существенно сокращающих нехватку специалистов.

Новые явления происходят и в области регламентации полевой археологии. Итогом попыток упорядочивания выдачи открытых листов и проведения полевых работ стало издание Главнаукой Наркомпроса в 1927 г. двух инструкций: «Инструкции к “Открытому листу” на право проведения археологических (палеоэтнологических) раскопок» и «Инструкции к “Открытому листу” на право проведения археологических (палеоэтнологических) обследований» (Инструкция, 1927; *Сорокина*, 2018). Оба документа были написаны Б.С. Жуковым, опытным практиком-полевиком, бывшим тогда сотрудником Музейного отдела Главнауки. Однако эти инструкции содержат несколько облегченные правила, рассчитанные скорее не на специалистов-археологов, а на исследователей более низкой квалификации, то есть на краеведов, пополнивших их ряды. Необходим был следующий шаг: повышение квалификации этих непрофессиональных кадров и ужесточение требований к их работе. Первой при советской власти попыткой донести до вновь приобщившихся к археологии народных масс мысль о ценности археологических памятников и необходимости правильного методического подхода к их изучению стала выпущенная в 1927 г. брошюра А.А. Спицына «Разведки памятников материальной культуры» (*Спицын*, 1927). Это пособие, изданное Центральным бюро краеведения, содержит практические рекомендации по организации в форме экскурсии разведок (но не раскопок!) и отражению их результатов. Материал изложен не для профессионалов. Обследованные памятники А.А. Спицын предлагает ставить на учет в местный орган охраны. Таким образом, проводится мониторинг (по современной терминологии) археологического наследия. О получении открытых листов (далее – ОЛ) в брошюре не говорится, поскольку экскурсия – не научное исследование, хотя как раз А.А. Спицын всегда ратовал за работы только по листам.

Пик полевых исследований первых 15 лет советской власти приходится на 1927 г. (*Сорокина*, 2019. С. 347–349; С. 445. Рис. 2),

после чего наступает резкий спад, вызванный разгромом краеведческого движения и репрессиями в отношении его участников. Новый этап начинается с 1932 г. и связан с началом крупных новострочных проектов. Происходит медленный рост количества полевых работ, но основная движущая сила этого процесса уже не краеведы, а профессиональные археологи.

К середине 1930-х гг. процесс регламентации полевых исследований существенно продвинулся по сравнению с раннесоветским периодом. В первой половине 1930-х гг. в ГАИМК продолжает работу комиссия по раскопкам, созданная еще в 1920-х гг. (с 1931 – комиссия по экспедиционным исследованиям и раскопкам). В комиссию по должности входила дирекция ГАИМК/ИИМК: Н.Я. Марр (директор), Ф.В. Кипарисов (после смерти Н.Я. Марра в 1934 г. директор), его зам. С.Н. Быковский (как и Кипарисов, до своего ареста в 1936 г.), М.И. Артамонов (с 1937 заместитель директора ИИМК, в 1939–1943 – директор), И.А. Орбели (1937–1939 – директор ИИМК). Члены комиссии в разные годы этого периода: В.В. Бартольд, В.В. Гольмстен, В.И. Громов, Л.А. Мацулевич, М.П. Грязнов, П.П. Ефименко, И.И. Мещанинов, В.И. Равдоникас, А.А. Иессен, А.А. Миллер (зам. председателя раскопной комиссии), Г.В. Подгаецкий, Н.И. Репников, К.К. Романов, А.А. Спицын (до своей смерти в 1931 г.), Г.П. Сосновский, М.М. Цвибак, А.В. Шмидт, П.Н. Шульц, А.Ю. Якубовский (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1930. Д. 52; Оп. 1 – 1931. Д. 52; Оп. 1 – 1932. Д. 163). Судя по несколько меняющемуся составу присутствующих, отраженному в протоколах заседаний комиссии, помимо основного костяка отдельные сотрудники ГАИМК привлекались для экспертизы отчетов по близкой им тематике.

Комиссия рассматривает заявки на проведение полевых работ и дает заключения по представленным научным отчетам. Действует принятый и сейчас алгоритм: заявка на выдачу ОЛ – заключение о целесообразности работ – сдача отчета о них – рецензия на отчет. Заключение и рецензии представляются в Главнауку, поскольку это учреждение, а не ГАИМК, с 1918 г. выдает ОЛ. У ГАИМК только экспертные функции. Такой порядок был закреплен декретом СНК об образовании Академии еще в 1919 г., но соблюдался, к сожалению, не всегда. Хотя с тех пор отношения между ГАИМК и Главнаукой по вопросам регламентации существенно упорядочились, но и в начале 1930-х гг. нарушения еще отмечаются: в ряде случаев Главнаука все еще действует самостоятельно и выдает ОЛ,

минуя экспертизу ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1930. Д. 52. Л. 23). Нередко этим пользовались секция археологии и искусствознания РАНИОН и МОГАИМК. Это возмущало членов комиссии в головном учреждении (ГАИМК в Ленинграде), полагавших, что следует усилить контроль за полевой деятельностью московского филиала (Там же. Л. 34 об.; Оп. 1 – 1933. Д. 127. Л. 53; Оп. 1 – 1936. Д. 93. Л. 215–216). Самостоятельная комиссия по раскопкам в Москве будет создана позже.

Однако описанная выше обычная довольно рутинная работа по регламентации полевых исследований, хорошо известная с начала 1920-х гг., была отнюдь не единственным направлением деятельности раскопочно-экспедиционной комиссии в 1930-х гг. Едва ли не более важным делом стало установление общих принципов ее работы: прав и полномочий, организационной структуры, степени участия в общем процессе развития археологической науки. Обусловлено это было следующими причинами.

1. В экономическом и политическом развитии государства наступала эпоха жесткого планирования. Был взят курс на индустриализацию в промышленности и коллективизацию сельского хозяйства. Отныне страна жила в рамках пятилетних планов. Поскольку полевая археология теснейшим образом (организационно и финансово) связана с государственными реалиями, она также должна была вписаться в новые условия и также развиваться по плану.

2. В рамках индустриализации начиналось время больших строек. Это особый вид полевых исследований, и он должен был быть регламентирован, чего до этого времени не было.

3. Стихийная археологическая активность краеведов к началу 1930-х гг. практически закончилась с ликвидацией всего движения, требовалось осмысление дальнейших направлений полевых работ в масштабе страны с точки зрения и целесообразности, и научной значимости.

4. Для квалифицированного подхода к археологическому материалу все более настоятельной становилась необходимость развитие методологии и определение конкретных методик полевых работ.

5. При необходимости выполнения больших задач требовалось укрепление внутренней дисциплины в археологическом сообществе (своевременность представления заявок на получение ОЛ, отчетов, обработки материала и введения его в научный оборот).

Последний пункт очень важен, так как немалое количество исследователей, причем не только краеведов, но и профессионалов, не спешили сдавать отчеты вовремя, а получив ОЛ на один год, продолжали работать по нему и в следующем. В Главнауке были весьма обеспокоены таким положением дел, поэтому в октябре 1930 г. появилось распоряжение по Сектору науки² № 50/201/31 – «Правила получения открытых листов на производство археологических обследований и раскопок». Оно содержало и требования по представлению отчетности (Правила..., 1930)³. Это распоряжение, по сути, являлось первым правоустанавливающим документом по регламентации полевых работ после 1927 г. и, очевидно, было выпущено с подачи раскопчной комиссии ГАИМК, имевшей к тому времени прочные контакты с Главнаукой. Вот некоторые положения из этого документа: 1) ОЛ выдается на «определенную территорию с возможно точным указанием видов подлежащих изучению памятников»; 2) срок действия ОЛ – по 31 декабря года выдачи; 3) заявки на ОЛ с точным обозначением района работ и памятников следует подавать до 1 мая в Сектор науки, поданные позже – не рассматриваются; 4) к заявкам, поданным в первый раз, должны быть приложены «отзывы научных и общественных организаций о подготовленности к археологической работе» и сведения о финансировании; 5) ОЛ перед началом работ необходимо визировать в местных органах власти; 6) «не позднее 31 декабря года производства работ» следует представить отчет о них «непосредственно в ГАИМК»; 7) «непредоставление в срок отчета или наличие отрицательного отзыва о произведенных работах лишает лицо права на получение в дальнейшем открытых листов». И, наконец, самое важное: «ГАИМК организует у себя особую комиссию по археологическим раскопкам, в состав которой входит представитель Сектора науки». Таким образом, статус давно работающей раскопчной комиссии ГАИМК как регламентирующей полевую археологию органа существенно повышается. Также отметим, что перечисленные пункты потом вошли во все последующие регламентирующие документы до 1980-х гг.

² Сектору науки в системе Главнауки и подчинялась ГАИМК, именно он и выдавал ОЛ в 1930-х гг. Ранее это делал Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (далее Музейный отдел).

³ Подписано заведующим Сектора науки И.К. Лупполом.

В феврале 1931 г. было принято Постановление СНК РСФСР «О состоянии научно-исследовательского дела в РСФСР» (Постановление..., 1931), а в марте того же года появился приказ по Наркомпросу № 75, определяющий порядок планирования «проблем, подлежащих разработке» в соответствии со спецификой научных учреждений в его системе, согласно которому планирование в области археологии возлагалось на ГАИМК (Приказ..., 1931). Соответственно, в самой Академии требовалось определить подразделение, которое этим бы занималось. Им вполне ожидаемо стала раскопочно-экспедиционная комиссия, так как она «после реорганизации Академии⁴ имеет задачей не только рассмотрение отчетов по раскопкам и выдачу разрешений на открытые листы, как это было раньше, но и <...> работу по научному планированию полевых археологических исследований в РСФСР, а также разработку методологии и методики их» (из заключения бригады⁵, обследовавшей деятельность раскопочно-экспедиционной комиссии годом раньше: РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1930. Д. 52. Л. 34–34 об.). В том же документе содержатся рекомендации: а) «учитывая несоответствие современным требованиям существующей инструкции к открытым листам срочно разрабатывать и ввести в действие новую инструкцию и разработать форму отчетности»; б) «в ближайшее же время разработать и издать руководство по методике полевых археологических исследований с непременно включением методологической части, освещающей как общие задачи изучения истории материальной культуры, так и необходимые установки археологических исследований». Таким образом, видно, что комиссия все более превращалась в основной орган, регламентирующий полевые работы в РСФСР (хотя ОЛ по-прежнему выдавал Наркомпрос) и определяющий методические основы их проведения. Поэтому не удивительно, что, судя по протоколам, ее заседания сопровождались непрерывными дискуссиями на все перечисленные темы. В начале 1931 г. была, наконец, определена ее структура. Образованы подкомиссии (Там же. Оп. 1 – 1931. Д. 52. Л. 3 об.):

- раскопочная (рук. В.И. Равдоникас);
- экспедиционная (организации экспедиций, снабжение, техника, командировки, обработка материалов (рук. М.И. Артамонов));

⁴ В 1926 г. – преобразование РАИМК в ГАИМК.

⁵ В составе В.В. Гольмстен, Б.А. Латынина, Г.П. Сосновского, А.А. Некрасова и С.Н. Замятина.

- по связи с местами (рук. В.И. Громов);
- по Ленинградской области (рук. П.П. Ефименко)⁶.

В том же году комиссия приступила к созданию новой инструкции по археологическим раскопкам и разведкам, включающей не только общие положения об ОЛ, но и методические указания (Там же. Л. 18–29; 42–44). Проект ее предполагалось разработать к 1 мая 1931 г., но дело было отложено в связи с началом полевого сезона. При этом возникла дискуссия о характере нового документа. Кому он должен быть адресован: «низовику-краеведу», часто недостаточно подготовленному и плохо обеспеченному материальной базой, и, следовательно, не всегда способному выдержать жесткие методические установки, или археологу-профессионалу, с которого спросить можно и нужно гораздо строже. Возобладала вторая точка зрения, активно отстаиваемая блестящим полевиком А.А. Миллером. Именно он и явится автором утвержденного Главнаукой в ноябре 1931 г. «Положения о производстве археологических обследований и раскопок», ставшего новой вехой на пути становления современной методики полевых работ. В конце года оно было распечатано в количестве 100 экз. машинописным способом, явно для раздачи с ОЛ (Там же. Оп. 1 – 1932. Д. 88. Л. 6–8), потом опубликовано в Сообщениях ГАИМК (Положение..., 1932. С. 74–75), а также в качестве приложения к руководству А.А. Миллера «Археологические разведки» (Миллер, 1934. С. 210–214). Выпускалось ли отдельной брошюрой, как инструкции 1927 г. и последующие, нам не известно. Это «Положение» разительно отличается в лучшую сторону от инструкций 1927 г. В основе общего раздела (I) – упомянутые выше «Правила получения открытых листов на производство археологических обследований и раскопок», изданные Сектором науки в 1930 г. Есть и дополнения. Краткий предварительный отчет предлагается представить в архив ГАИМК в том же году, не позднее октября. Этот пункт, однако, сыграл отрицательную роль. Полный отчет часто так и не подавался, с чем раскопная комиссия вынуждена была постоянно бороться. В ре-

⁶ Последнее направление выделено, так как со второй половины 1920-х гг. ГАИМК вела планомерное и масштабное обследование археологических памятников Ленинградской области. Размах по тем временам можно назвать беспрецедентным. Было задействовано большое количество сотрудников, требовалось отдельное внимание к финансовым и организационным вопросам. См.: Ефименко, 1931. С. 25–27.

зультате сейчас очень ощутимы пробелы в информации по исследованиям за этот и последующие периоды до 1950-х гг. А вот что хорошо: к отчету требуется приложить коллекционную опись находок, полевую документацию, сами находки сдать в один из центральных или местных музеев. Ранее таких требований не было. Совершенно новыми были разделы II и III (раскопки и разведки), содержащие подробные указания на состав полевой документации (фото, чертежи, карты маршрутов и расположения памятников с указанием масштабов), требования к описанию памятников, слоев и объектов, взятию материала и т.д., то есть акцентируется внимание на методике полевых работ и содержании научных отчетов. Без сомнения, данный документ продолжает лучшие традиции полевой археологии, сформировавшиеся до 1917 г., и во многом закладывает основы современного понимания процесса полевых исследований. Очень важно, что основным в процессе регламентации признан научный подход, а не просто административные меры по выдаче ОЛ. Это, очевидно, стало возможным именно как следствие возведения археологических исследований в государственный статус в связи с развитием новостроечных экспедиций.

В 1934 г. предполагалась реорганизация раскопчной комиссии в Комитет по раскопкам. Причиной этого, вероятно, стало увеличение объема ее работы и невозможность справиться с нею прежним способом. Помимо собственных экспедиций и научных исследований дополнительную организационную работу члены комиссии вели на общественных началах. По их мнению, в новых условиях этот огромный труд должен был оплачиваться отдельно. Задачи Комитета на 1934 г.: 1) организация экспедиций; 2) упорядочивание полевых материалов прошлых лет; 3) подготовка издания «Методики полевых исследований» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1933. Д. 127. Л. 52, 54). По поводу упорядочивания: задача становилась едва ли не первостепенной. Отмечено, что не сотрудники ГАИМК не успевают публиковать результаты раскопок даже кратко. Скопились залежи неизданных материалов за 15 лет, которые необходимо разобрать, готовить к изданию и впредь не допускать – оставлять время на подготовку к печати хотя бы кратких отчетов.

В январе 1934 г. создан Сектор полевых исследований ГАИМК как научно вспомогательное подразделение, ведающее единым планом полевых работ и другими вопросами, связанными с организацией и работой экспедиций (Там же. Оп. 1 – 1934. Д. 71). Такое

административное решение уравнивало это направление с другими подразделениями ГАИМК и даже поднимало над ними, поскольку все сотрудники, ведущие полевые работы, должны были сотрудничать с Сектором. Сотрудники сектора: В.С. Адрианов, П.И. Борисковский (ученый секретарь), Б.А. Латынин (заведующий), П.П. Гроздилов, С.А. Дубинский, Т.С. Пасек, Б.А. Коишевский, А.П. Круглов, В.И. Равдоникас, Н.И. Репников, Г.В. Подгаецкий, В.В. Храмова, М.М. Худяк, Н.Н. Чернягин и др. Отдельно существует созданный в 1932 г. Комитет по новостройкам. Уже первое организационное заседание Сектора прошло совместно с другими секторами и институтами ГАИМК⁷. По утверждению в марте 1934 г. «Положению» о Секторе, он «имеет своей задачей разработку вопросов и проведение мероприятий по методике и организации полевых исследований (археологических и этнографических)». Он делится на «научно-методическую и научно-организационную части». При первой – кафедра методики и техники полевых исследований, «являющаяся научно-исследовательским органом научно-методической части». Направления ее деятельности: «разработка методики и техники полевых археологических исследований в соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии»; проверка методики полевых работ (ГАИМК и иных учреждений); рассмотрение заявок на ОЛ и заключения о возможности их выдачи; разработка кратких инструкций по полевым исследованиям, форм и типов научной отчетности по ним, типов изданий их результатов и наблюдение за соответствующими изданиями Академии; консультирование по методике (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1934. Д. 72. Л. 13–17). Кафедра же занимается рецензированием отчетов. Что важно: работа по разным направлениям распределяется между сотрудниками Сектора, «считается органической частью общего производственного плана ГАИМК». В плане ее работ на 1934 г. значится разработка руководства по полевым исследованиям. В качестве такового предполагалось издание сборника методических статей, посвященных как исследованию определенных типов памятников (по формациям, в духе марксизма), так и конкрет-

⁷ Постановлением НКП от 7 января 1934 г. в ГАИМК организованы научно-исследовательские институты по основным формациям, а в них – научно-исследовательские кафедры по «соответствующим специальностям» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1934. Л. 1–3).

ным технологическим приемам. Этот проект не осуществился. Научно-организационная часть Сектора занимается вопросами планово-финансовыми, «обще-организационными» и связанными с камеральной обработкой материала. Специальный сотрудник отвечает за разборочную лабораторию, коллекции, в нее поступающие, и хранение экспедиционного инвентаря. Аппарат научно-организационной части обеспечивает также и работу упомянутого выше Комитета по новостройкам. Таким образом, Сектор является научно-вспомогательным подразделением ГАИМК. Экспедиции намечаются институтами, но единый план работ, расстановку кадров, заявки в организации делает Сектор. В части экспедиционной работы связь с местами осуществляет Сектор полевых исследований, в части музейной – Сектор музееведения ГАИМК.

В 1935 г. происходит исключительно важное для развития полевой археологии событие. Распоряжением Наркомпроса (письмо Отдела музеев от 14.02.1935 г.) право выдачи ОЛ передается ГАИМК. «В целях рационализации выдачи открытых листов на производство археологических разведок и раскопок право выдачи таковых, производившееся Музейным отделом НКП, передается Академии истории материальной культуры. Содержание открытых листов должно быть согласовано ГАИМК с Комитетом по Охране памятников при Президиуме ВЦИК и Музейным отделом» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 1. Л. 1–1 об.). Рационализация эта, как представляется, заключалась в том, что опять соединились в одном учреждении административная и научная функции регламентации, как это было в Императорской археологической комиссии. Заявки на проведение раскопок и разведок теперь поступали напрямую в ГАИМК. Планы экспедиционных работ Академия должна была согласовывать с тем же Комитетом. Таким образом, видно, что полевая археология рассматривается как дело государственной значимости, коль скоро регламентацией и планированием должен заниматься Комитет при правительстве.

К такому повороту событий Академия оказалась вполне готова. Как явствует из отчета Сектора полевых исследований за 1934 г., была проделана огромная работа по упорядочению процесса подготовки и проведения экспедиций – от заключения договоров с «хозорганизациями» и получения финансирования до инвентаризации экспедиционного оборудования (Там же. Оп. 1 – 1934. Д. 71. Л. 103–107). Не менее значимой была и деятельность кафедры теории и методики полевых исследований. Механизм

экспертизы заявок и отчетов был в достаточной степени отлажен. С конца 1934 г. Сектор полевых исследований переведен в состав Института археологической технологии ГАИМК как Бюро по организации археологических экспедиций и кафедры методики и техники полевых исследований. В сентябре 1935 г. Бюро было ликвидировано, и «организационная работа по экспедициям перешла непосредственно к ученому секретарю Академии». Кафедра методики и техники полевых исследований «была выделена в самостоятельное подразделение с непосредственным подчинением ее Президиуму Академии» (Краткий отчет..., 1936. С. 7).

Инициатором дальнейших мер по укреплению дисциплины в области регламентации полевых исследований явилась В.В. Гольмстен. Ее усилиями во второй половине 1930-х гг. удается добиться существенных сдвигов: своевременной сдачи отчетов, сроков подачи и информативности заявок на ОЛ и т.д. Прежде всего, упорядочивается учетная документация. Появляется «Книга выдачи открытых листов», которая велась с 1935 по 1941 г. Прототипом ее стали аналогичные книги учета Императорской археологической комиссии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 325).

В 1935 г. Академия уже под своим грифом типографским способом издает «Инструкцию к открытому листу на право производства археологических обследований» и «Инструкцию к открытому листу на право производства археологических раскопок» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 1. Л. 3–5 об.; Ф. 2 – б/д. Д. 9. Л. 30–30 об.). Каждая инструкция содержит три раздела: I. Общие положения; II. Обязательства (права и обязанности) исследователей в процессе полевой работы; III. Отчетность. В общей части разъяснено, что ОЛ теперь выдаются Академией, куда и следует подавать отчеты и заявки. Подтверждено право ГАИМК отказать в выдаче ОЛ при недостаточной квалификации исследователя или неудовлетворительном отчете. В других разделах даются методические указания по проведению исследований, представлению отчета и его содержанию. По сути эти документы содержат те же принципы проведения работ, что и в «Положении» А.А. Миллера, но в иных, более кратких формулировках⁸. В том же году появля-

⁸ Разработаны кафедрой методики и техники полевых исследований (Краткий отчет..., 1936. С. 27). Кто персонально участвовал в их создании, мы пока не установили. Автор действовавшего ранее инструктивного документа А.А. Миллер был в 1934 г. арестован и в 1935 г. умер в ссылке.

ется и новый бланк открытого листа с грифом Академии. Указаны законодательные акты – основания, на которых он выдается: Декрет ВЦИК от 07.01.1924; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.08.1933 и от 10.02.1934, инструкция Музейного отдела Наркомпроса от 05.02.1935. В 1938 г. после реорганизации ГАИМК в ИИМК и переподчинения Академии наук СССР будет введен новый бланк, уже без упоминания Наркомпроса. Примечательно, что с 1924 г. новый закон об охране культурного, в том числе археологического наследия, не появился. О его разработке заговорили только в 1938–1939 гг.

В феврале 1935 г. образована комиссия полевых исследований МОГАИМК⁹, продолжившая свою работу и после реорганизации ГАИМК в ИИМК (1937 г.). В ее ведении и охранные работы в Москве и области, и утверждение общего плана полевых работ МОГАИМК. При ней организовано Бюро по составлению археологических карт. Напомним, что в 1920-х гг. аналогичная комиссия работала в Московской секции РАИМК/ГАИМК. После же ее закрытия в 1929 г. все дела должны были проходить только через Академию в Ленинграде, но попытки обхода этого правила фиксировались и после образования МОГАИМК в 1932 г. (см. выше). Важнейшим в работе комиссии стал вопрос об экспедициях соперничавших между собой и с МОГАИМК музеев. В Московской области отмечены варварские раскопки местными кадрами без ОЛ. Это происходит потому, что практикуется, как и раньше, выдача листов на целую область. В Ленинград были направлены весьма дельные предложения московской комиссии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 368. Л. 16):

- Просить ГАИМК выдавать ОЛ только на определенный вид памятников в ограниченном районе, а на крупные памятники – с конкретным их указанием.

- Не выдавать ОЛ без обработки материалов прежних лет (если это не продолжающиеся раскопки).

- Распределение коллекций из раскопок МОГАИМК оставить на усмотрение Музейного отдела Наркомпроса, чтобы избежать соперничества музеев.

- Не выдавать ОЛ на Московскую область без санкции МОГАИМК. Поставить перед ГАИМК вопрос о согласовании.

⁹ Председатель – Ю.В. Сергиевский, секретарь – А.Я. Брюсов.

Отметим, что первый пункт в разных формулировках нашел отражение в упомянутой выше «Инструкции» 1935 г. и всех последующих. Остальные вопросы обсуждались и были решены в мае 1936 г. на выездном заседании Археологического комитета Академии (см. ниже) в Москве, организованном для планирования полевых работ московских археологов не только в Московской области, но и в других регионах.

В начале 1936 г. на базе ликвидированной к тому времени кафедры методики и техники полевых исследований был организован Археологический комитет ГАИМК. Ему были присвоены в расширенном виде функции по организации и контролю за археологическими работами в пределах РСФСР, которые выполняла кафедра. В конце этого года Комитет разработал новый правоустанавливающий документ: «Правила выдачи открытых листов и проверки отчетов», утвержденный и.о. председателя ГАИМК О.О. Крюгером¹⁰ в январе 1937 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 – 6/д. Л. 29–29 об.). «Правила» не содержат методических указаний по полевым исследованиям и этим отличаются от предшествующих инструкций. Необходимость принятия такого документа вызвана позиционированием Археологического комитета как нового органа, ведающего в рамках ГАИМК регламентацией полевых исследований. Под руководством заместителя председателя Комитета В.В. Гольмстен¹¹ продолжается процесс выстраивания системы регламентации полевых исследований. Она фактически руководит этой работой, так как председатель – директор или и.о. директора – подключался лишь для утверждения документов и решения наиболее важных вопросов, да и люди на этом посту быстро сменялись в результате репрессий – «чистки» ГАИМК. В апреле 1936 г. Комитет обсуждал планы на 3-ю пятилетку по РСФСР в целом. Был установлен порядок и принципы такого планирования на будущее, составлены списки организаций и лиц, которых следовало привлечь к этому процессу. В сентябре этого же года по результатам работы произошла некоторая реорганизация Комитета. В нем состояли 22 члена, представители ГАИМК, МОГАИМК, ГЭ, ГИМ (Там же. Оп. 1 – 1936. Д. 93. Л. 85). Помимо планирования исследований на 1936 и 1937 г. Комитет контролировал экспеди-

¹⁰ О.О. Крюгер исполнял обязанности директора ГАИМК в 1936–1937 гг. после ареста Ф.В. Кипарисова. Сам он был репрессирован в 1937 г.

¹¹ Секретарь комитета М.Г. Худяков; председатель – и.о. директора ГАИМК.

ции ГАИМК, а также занимался рассмотрением заявок, выдачей ОЛ и экспертизой отчетов в масштабах РСФСР, то есть обычной работой по регламентации полевых работ. Надо отметить, что этот процесс приобретал все более четкий порядок и в сроках сдачи отчетов, и в их документированности.

После реорганизации ГАИМК и образования ИИМК им. Н.Я. Марра в составе АН СССР, работа по регламентации полевых исследований продолжилась. В 1938 г. в институте образован Комитет по полевым исследованиям (Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 86. Л. 39), получивший право выдачи открытых листов, как это делала Академия¹². Под грифом ИИМК написана новая подробная инструкция к ОЛ (Инструкция..., 1939). Она действовала до принятия новой инструкции в 1949 г., то есть фактически определяла регламентацию полевых работ и в послевоенном периоде. Новым в ней является право Комитета на ограничение заявки (уменьшение числа памятников или замена раскопок разведками). Определены основания для ограничения и отказа, совпадающие с современными: нецелесообразность работ; недостаточная квалификация исследователя; неудовлетворительная методика, приводящая к порче памятника.

В «Положении» о Комитете, утвержденном Президиумом АН СССР, он позиционируется как научно-совещательный орган при дирекции ИИМК, рассматривающий вопросы охраны и исследования археологических памятников, консультирующий органы охраны памятников на территории СССР, участвующий в планировании полевых исследований. Таким образом, до начала Великой Отечественной войны реорганизации органов, ведающих полевой археологией, заканчиваются, и механизм регламентации работает достаточно четко. Следует отметить важное событие: происходят подвижки и в области разработки методики – в 1941 г. вышло первое с начала 1930-х гг. пособие «Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение. Практическое руководство» (Сухов, 1941).

Период Великой Отечественной войны – время больших потрясений, в том числе и для науки. Подробно на нем останавливаться не будем, поскольку до 1945 г. нет событий, интересных для нашей темы. В начале войны связь между ИИМК и МОИИМК прервалась.

¹² Председатель – директор ИИМК М.И. Артамонов, заместитель – В.В. Гольмстен, секретарь – П.А. Сухов.

Сотрудники этих учреждений оказались разделены на несколько групп. Часть их ушла на фронт, другие работали в эвакуации в Ташкенте, Елабуге, Казани (Платонова, 1991. С. 45–78). Многие остались в блокадном Ленинграде и в Москве. В это тяжелое время было, естественно, не до археологии, хотя научные темы продолжали разрабатываться теми, кто мог это делать, и даже диссертации защищались. Проводились и полевые исследования: сотрудники ИИМК работали в эвакуации на местных памятниках; не прекращали работы археологи на неоккупированных и освобожденных территориях и даже в прифронтовых районах. Но общее количество экспедиций до 1945 г. по сравнению с довоенным временем ничтожно. Работы проводились либо без открытых листов (местные краеведы в тылу), либо по командировочным удостоверениям¹³.

Указом Президиума Верховного совета СССР от 02.11.1942 г. образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Сотрудники МОИИМК приняли в ее работе активное участие. Ими была создана бригада в количестве 17 человек по обследованию разрушений, нанесенных археологическим памятникам (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Д. 175. Л. 4–7). В 1944 г. в рамках деятельности ЧГК работали 8 экспедиций ИИМК. Правовым основанием были мандаты ЧГК на право производства обследований на определенной территории (Кудрявцев, Володин, 2020. С. 549). Обычный порядок выдачи разрешений – открытых листов – был прерван войной¹⁴, а связь между учреждениями археологического профиля – потеряна. Деятельность сотрудников ИИМК в эвакуации, надо полагать, также регулировалась мандатами соответствующих ведомств.

В 1943 г. в связи с новыми реалиями дирекция ИИМК была переведена в Москву (Платонова, 1991. С. 68) и принято «Положение» о двух его отделениях – московском и ленинград-

¹³ Одно из них опубликовано: командировочное удостоверение С.В. Киселёва на поездку в г. Истру для осмотра разрушений в Новоиерусалимском монастыре в январе 1942 г. (Кудрявцев, Володин, 2020. С. 542).

¹⁴ Последний перед началом войны ОЛ был выдан 21 июня 1941 г. на имя сотрудника Чердынского краеведческого музея И.А. Лунегова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1935. Д. 325).

ском (ЛОИИМК). В январе 1945 г. решением Президиума АН СССР этот перевод был окончательно закреплен. По свидетельству современника и участника событий А.П. Смирнова, «вновь организованный [в Москве. – И.С.] Комитет полевых исследований выдал 42 открытых листа» на сезон 1945 г. (Смирнов, 1947. С. 182). Другую дату приводит Н.К. Лисицына¹⁵: в 1946 г. была утверждена новая структура ИИМК с сектором полевых исследований и камеральной обработки, при котором был создан Комитет полевых исследований (Лисицына, 1980. С. 55). Первая книга выдачи открытых листов в Москве действительно относится к 1946 г. Однако представляется, что А.П. Смирнов указал год более точно. Но, к сожалению, документация по 1945 г. в НА ИА РАН (как и в Архиве РАН) не сохранилась. Члены первого послевоенного состава Комитета: А.В. Арциховский (председатель), В.Д. Блаватский, М.В. Воеводский, Н.Н. Воронин, Б.Н. Граков, Т.С. Пассек, А.П. Смирнов (ученый секретарь). Функции Комитета, в 1952 г. переименованного в Отдел полевых исследований¹⁶, отныне ограничились только регламентацией: рассмотрением заявок, научных отчетов, выдачей открытых листов и периодически – составлением инструкций к открытым листам в 1949, 1958, 1963 и последующих годах. Планированием же полевых исследований Полевой комитет (как называли его археологи) более не занимался.

В начале 1945 г. в Москве состоялось Всесоюзное Археологическое совещание, имевшее огромное значение для последующего развития отечественной археологии. В ходе его работы не только обсуждались итоги предыдущих лет, но и был принят перспективный план полевых исследований практически не только для РСФСР, но и для ряда других республик СССР (Итоги..., 1945). На этом же совещании был поставлен вопрос о необходимости законодательства по охране археологического наследия (Тезисы и проекты..., 1945. С. 15–17). В качестве проекта рассматривалась также возможность создания Всесоюзного археологического комитета для планирования полевой деятельности и охраны памятников археологии (Кудрявцев, Володин, 2020. С. 551).

¹⁵ Ученый секретарь Комитета с 1949 г.

¹⁶ В 1959 г. в ЛОИА (до этого года ЛОИИМК) образована группа Отдела полевых исследований (рук. М.П. Грязнов), работавшая только с отчетами Ленинградского отделения, окончательное утверждение которых происходило в Москве.

В 1948 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры» (Постановление..., 1948; Положение..., 1948). Эти документы определили новые задачи полевой археологии, в частности, значительно увеличился объем разведочных работ в связи с предусмотренной ими инвентаризацией археологических памятников. В «Положении» 1948 г. сказано о проведении любых полевых археологических работ в РСФСР только на основании ОЛ, выдаваемого АН СССР. Там же Советам Министров союзных республик предписано «разработать и утвердить по согласованию с АН СССР инструкцию о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников». В 1949 г. было принято Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР». Таким образом, подтверждались и государственное значение полевой археологии, и установленный с 1937 г. порядок ее регламентации.

В 1949 г. ИИМК по постановлению Президиума АН СССР издает «Инструкцию к “Открытому листу” на право производства археологических раскопок и разведок» (Инструкция..., 1949). Прежде всего, подтверждаются полномочия ИИМК АН СССР по выдаче ОЛ. Учитываются уже три типа работ. Помимо раскопок и разведок со вскрытием слоя появляются разведки без права производства земляных работ. В число оснований для ограничения заявки внесен пункт о непредставлении акта о сдаче коллекций в музей. В целом повторяются методические указания по раскопкам и разведкам из «Инструкции» 1939 г. «Охранное обследование и раскопки» как вид работ появляется в книгах регистрации ОЛ уже в 1948 г. в такой формулировке: «разведки с правом производства охранных раскопок».

Подведем итоги. Видно, что принятый к началу 1950-х гг. порядок регламентации полевых археологических исследований устанавливался весьма непросто. Происходили постоянные трансформации органов, уполномоченных его осуществлять. На все это накладывалась смена ответственных лиц в результате репрессий, потрясших ГАИМК в середине – второй половине 1930-х гг. Основное: до 1941 г. менялись названия полевых комиссий-комитетов, но оставалась суть. С 1935 г. это не только рутинная работа по выдаче открытых листов и экспертизе заявок и отчетов,

но и планирование полевых работ, по крайней мере, в масштабах РСФСР. Реорганизация ГАИМК в ИИМК с переподчинением от Наркомпроса РСФСР к АН СССР в 1937 г. никак не повлияла на деятельность в этом направлении. Функция планирования была утрачена с 1945 г. после воссоздания Комитета по полевым исследованиям в Москве. В дальнейшем деятельность Полевого комитета/ОПИ свелась исключительно к собственно регламентации и разработке правоустанавливающих и методических документов – инструкций к открытым листам.

Литература

- Ефименко П.П.*, 1931. Об обследовании памятников Ленинградской области в 1928–1929 гг. // Сообщения ГАИМК. № 6. С. 25–27.
- Инструкция...*, 1927. Инструкция к открытым листам на право производства археологических раскопок и обследований // Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. № 27. Ст. 651.
- Инструкция...*, 1939. Инструкция к открытому листу на право производства археологических исследований / Под ред. М.И. Артамонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 9 с.
- Инструкция...*, 1949. Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических раскопок и разведок. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 16 с.
- Итоги...*, 1945. Итоги и перспективы развития советской археологии (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Под общ. ред. В.П. Потемкина. М. 195 с.
- Краткий отчет...*, 1936. Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. / Под ред. Ф.В. Кипарисова. Л.: ГАИМК. !!!!С!!
- Кудрявцев А.А., Володин С.А.*, 2020. Участие сотрудников Московского отделения Института истории материальной культуры АН в работе Чрезвычайной государственной комиссии (1943–1944 гг.) // КСИА. Вып. 260. С. 540–555.
- Лисицына Н.К.*, 1980. Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163. С. 54–57.
- Миллер А.А.*, 1934. Миллер А.А. Археологические разведки. М.; Л.: Соцэкгиз. 213 с. (Известия ГАИМК. Вып. 83)
- Платонова Н.И.*, 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. / Ред. В.П. Алексеев, Д.Б. Шелов, Т.М. Потемкина. М. С. 45–78.
- Положение...*, 1932. Положение о производстве археологических обследований и раскопок // Сообщения ГАИМК. № 1–2. С. 74–75.
- Положение...*, 1948. Положение об охране памятников культуры // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. № 6. Ст. 81.
- Постановление...*, 1931. Постановление СНК РСФСР «О состоянии научно-исследовательского дела в РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. № 9. Ст. 113.

- Постановление..., 1948. Постановление Совета министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14.10.1948 // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. № 6. Ст. 81.
- Постановление..., 1949. Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении инструкции о порядке учета, регистрации и содержании исторических и археологических памятников на территории РСФСР // Собрание постановлений Правительства РСФСР. № 3. Ст. 31.
- Правила..., 1930. Правила получения открытых листов на производство археологических обследований и раскопок // Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. № 8/9-I-I.
- Приказ..., 1931. Приказ по Наркомпросу № 75 от 17 марта 1931 г. // Сообщения ГАИМК. № 4/5. С. 72.
- Смирнов А.П., 1947. Обзор археологических исследований в РСФСР в 1945 г. // КСИИМК. Вып. XVII. С. 182–186.
- Сорокина И.А., 2018. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20. № 3. Ч. 2. С. 537–543.
- Сорокина И.А., 2019. Полевая археология в России в 1918 – начале 1930-х годов // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 336–351; 444–446 (Рис.).
- Спицын А.А., 1927. Разведки памятников материальной культуры. Л.: ЦБК. 142 с.
- Сухов П.А., 1941. Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение. Практическое руководство / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., Изд-во АН СССР. 123 с.
- Тезисы и проекты..., 1945. Тезисы и проекты резолюций по докладом на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля – 2 марта 1945 г. М.: Оргкомитет по созыву совещания. 30 с.

И.Л. Тихонов

**«ЕГО ПОВЕДЕНИЕ ПРОФЕССОРА, А НЕ БОЛЬШЕВИКА»:
К ИСТОРИИ
ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАИМК В 1930-е ГОДЫ
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Резюме. В статье на основе архивных документов освещена деятельность партийной организации Государственной академии истории материальной культуры в 1930-е гг. С момента своего создания в 1931 г. она все более активно брала под контроль все сферы деятельности ведущего в то время археологического учреждения СССР, заметно усиливая политизацию и идеологизацию всех сторон его деятельности. К концу 1933 г. численность партийной организации ГАИМК достигла восемнадцати членов, среди них были три заместителя председателя Академии. Большинство членов партийной ячейки составляли административные, технические работники и аспиранты. Мало кто из них занимался изучением археологических памятников и материалов, предпочитая более общие исторические темы, разрабатываемые на основе формационного подхода и марксистской методологии. После смены политических установок руководства СССР в 1935–1938 гг. большинство партийцев, следовавших принципам социологизаторской школы М.Н. Покровского, было репрессировано.

Ключевые слова: Государственная академия истории материальной культуры, партийная организация, археология, 1930-е годы, политические репрессии.

В конце 1920-х гг. партийное руководство СССР развернуло широкую кампанию по установлению полного идеологического и административного контроля над гуманитарной наукой. Особое внимание уделялось исторической науке, ибо, как сформулировал глава школы «историков-марксистов» М.Н. Покровский, «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Эта кампания велась на разных уровнях. В 1928 – 1930-х гг. советской прессой и репрессивными органами были инспирированы «Дело академика Жебёлева», «Академическое дело». К 1930 г. был установлен полный контроль

над Академией наук, в ее члены и руководящие органы были введены коммунисты¹. Последующие выборы в Академию наук проводились под жестким контролем партийных органов (Академия наук..., 2000. С. 117–119; *Петухов*, 2019). Но это наступление на науку проводилось и на низовом уровне, за счет создания партийных организаций в научных учреждениях, которые и становились надежными проводниками политики партии и правительства. Несмотря на первоначальную малочисленность, они стали оказывать очень серьезное влияние на все стороны жизни и деятельности научной институции, в которой существовали. Без учета этого фактора невозможно восстановить многие драматические и трагические страницы истории центрального археологического учреждения СССР в 1930-е гг. – Государственной академии истории материальной культуры (далее ГАИМК).

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД) сохранился небольшой фонд, отражающий деятельность партийной организации ГАИМК (Ф. 1471). В его составе содержатся протоколы общих собраний и заседаний бюро организации в 1931–1934 гг. и стенографический отчет общего собрания, длившегося три дня, с 13 по 15 октября 1936 г. К сожалению, документы других лет отсутствуют, а объемная стенограмма октябрьского собрания 1936 г. рассказывает только о сюжетах, связанных с работами М.К. Каргера в Новгороде, оказавшимися в эпицентре межведомственной и межличностной борьбы. Тем не менее, комплекс сохранившихся документов в совокупности с некоторыми личными делами партийцев, хранящимися в фонде № 1728, позволяют осветить ряд ранее неизвестных сюжетов из жизни ГАИМК, последнего периода ее существования.

До самого конца 1920-х гг. коммунистов среди научного персонала ГАИМК и, тем более, среди ее руководства, не было. Несколько партийцев, работавших в Академии на административно-технических должностях, входили в ячейку ВКП(б) Управления уполномоченного Наркомпроса по вузам, рабфакам, научным и научно-художественным учреждениям (Главнаука) Ленинграда (ЦГАИПД, Ф. 1183). Подобная же ситуация была и в других на-

¹ Члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), с 1952 г. переименованной в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).

учных или художественных учреждениях Ленинграда. Например, в Государственном Эрмитаже первоначально членами партии были только технические сотрудники: машинист электростанции И.А. Сохряков, дровонос-истопник М.Н. Козин, завхоз Н.В. Васильев. Но уже в 1925 г. коммунист Кочиашвили был включен в Правление Эрмитажа и назначен заместителем директора по административно-хозяйственной части, а в ноябре 1928 г. партбюро уже сумело добиться отставки беспартийного Г.В. Лазариса, исполнявшего обязанности директора музея с февраля этого года, после отстранения от этой должности О.Ф. Вальдгауера (*Пиотровский*, 2000. С. 329–330).

В 1928 г. по примеру фабрик и заводов были созданы цеховые ячейки, и в ячейку № 1 вошли коммунисты Эрмитажа, ГАИМК и Музея Революции, занимавшего часть Зимнего дворца. Численность этой объединенной партячейки составила 20 человек, первым секретарем был выбран Т.И. Кондуков. К 1930 г. эта ячейка была расформирована, из нее выделился «Коллектив ВКП(б) при Эрмитаже» (ЦГАИПД. Ф. 1605). Первичная партийная организация ГАИМК начала свое самостоятельное существование с 1931 г. Первый сохранившийся протокол ее заседания датирован 14 марта этого же года. Ввиду малочисленности партячейки заседания проводились совместно с членами комсомольской организации и среди присутствующих указаны следующие фамилии: «Абакумов, Назаров, Бернштам, Быковский, Богораз, Веслова, Васильев, Кричевский, Майский, Малкина, Маторин, Смирнов, Сухотина»² (ЦГАИПД. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 16. Л. 1). Кроме хорошо известных С.Н. Быковского³ и Н.М. Маторина⁴, большинство на-

² В партийных документах того времени было принято ограничиваться только фамилией, не указывая ни имен, ни отчества.

³ Быковский Сергей Николаевич (1896–1936) родился в Москве в семье адвоката, учился два года на физико-математическом факультете Московского университета. С 1918 г. член РКП(б), участвовал в Гражданской войне, служил в ВЧК. С 1925 по 1930 г. преподавал историю в Вятском педагогическом институте. В 1930–1934 гг. – зам. председателя ГАИМК, затем заведующий археологической секцией МАЭ и кафедрой истории доклассового общества ЛИФЛИ. В августе 1936 г. арестован и в декабре расстрелян. О нем см.: *Тихонов*, 2003. С. 158–159; *Панкратова*, 2018. С. 72–73, 139–141.

⁴ Маторин Николай Михайлович (1898–1936) – этнограф, фольклорист, в 1930–1933 гг. директор МАЭ, член РКП(б) с 1919 г. Арестован в 1935 г., расстрелян в 1936 г. О нем см.: *Решетов*, 2003.

званных партийцев и комсомольцев было недавно принятыми аспирантами.

Резолюция, принятая на этом заседании, отмечая достигнутые улучшения в социальном составе Академии, гласила: «Отметить удовлетворительный социальный состав нового приема аспирантов. Целиком одобрить взятый курс на оздоровление бывшего технологического отделения, путем привлечения т.т. [товарищей. – И.Т.] идеологически и социально близких, не смущаясь их недостаточной квалификацией <...> Продолжать взятый курс на решительное очищение Академии от политически чуждых и общественно пассивных элементов» (ЦГАИПД. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–3).

Из последующих протоколов заседаний партийной ячейки хорошо видно, как она все более начинает вмешиваться в основные направления работы ГАИМК. Так, в начале апреля 1931 г. заслушиваются доклады комиссии по проверке экспедиционного оборудования и комиссии по проверке выполнения производственного плана в первом квартале этого года. Все время подчеркивается важность коллективной работы, а работа К.К. Романова, С.Н. Замятнина, Б.А. Латынина признается халтурой. Причем, оценивается не суть деятельности, а формальные показатели, так Латынину ставится в вину то, что он не выполнил план, поскольку не сделал двух запланированных докладов (Там же. Л. 5–8).

На следующем заседании 26 апреля среди присутствующих партийцев появляются заместитель председателя ГАИМК и, в условиях отхода Н.Я. Марра от дел, ее фактический руководитель с 1929 г. – Ф.В. Кипарисов⁵ и заведующий Сектором феодальных формаций историк М.М. Цвибак⁶. На этом заседании кандидатами в члены ВКП(б) были приняты папирилог и эпиграфист О.О. Крюгер⁷, которому доведется в 1936 г. после ареста

⁵ Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936) – выпускник историко-филологического факультета ИСПБУ, участник революционного движения, член РСДРП(б) с 1906 г., в 1929–1934 гг. зам. председателя, в 1935–1936 гг. председатель ГАИМК. Арестован и расстрелян в 1936 г. О нем см.: *Платонова*, 2013; *Панкратова*, 2020б.

⁶ Цвибак Михаил Миронович (1899–1937) историк-марксист, член РКП(б) с 1920 г., комиссар Петроградского университета в 1921 г.; в ГАИМК с 1930 г. зав. Сектором феодальной формации, с 1934 по январь 1935 г. директор Института истории феодального общества. Арестован в январе 1935 г., вскоре выпущен, повторно арестован в январе 1937 г., в мае расстрелян. О нем см.: *Брачев*, 2008.

⁷ Крюгер Отто Оскарович (1893–1967) филолог-классик, папирилог, археолог, выпускник ИСПБУ, в ГАИМК с 1920 г., в 1936–1937 гг. и.о. председателя Академии.

Кипарисова, возглавить ГАИМК, и аспирант-этнограф, будущий исследователь чувашей К.В. Элле. Еще двум подавшим заявления, и среди них пятидесятирехлетнему археологу и искусствоведу Ф.И. Шмидту, было предложено пройти «пролетарскую перековку» на каком-нибудь заводе или фабрике (Там же. Л. 9).

Протокол заседания 8 июня позволяет установить количественный и персональный состав партийной ячейки, так как отдельно от комсомольцев присутствуют следующие фамилии: Сухотина⁸, Малкина, Кипарисов, Цвибак, Куль-Мамедов, Базаров, Быковский, Васильев⁹. Среди присутствующих на заседании

Член ВКП(б) с 1931 г. репрессирован в 1938 г., освобожден в 1955 г. О нем см.: Фихман, 1967; Дариенко, 2002.

⁸ Сухотина Вера Константиновна (1898–1984) родилась в Киеве в семье мещанина г. Василькова Кельмана Абрама Эсеровича Гринберга и его жены Кренци Шмулевны (урожденной Фельберг). В 1916 г. по окончании гимназии поступила на юридический факультет Высших женских курсов, где проучилась год, с 1917 г. принимала участие в работе большевистской фракции Совета киевского студенчества, в конце этого же года вслед за мужем А.Е. Сухотиным переехала в Москву. В ноябре 1920 г. вступила в РКП(б), работала счетоводом, казначеем, делопроизводителем, в различных учреждениях, шифровальщицей в Наркомвнешторге. С 1921 г. жила в Петрограде, работала в Политчасти Военного округа и в Управлении Волховстроя. В 1925 г. Райкомом партии командирована в Институт восточных языков, который закончила в 1929 г. по арабскому отделению. С конца 1930 по 1934 г. – аспирант, научный сотрудник, управделами ГАИМК. В 1934 г. направлена на работу Государственный Эрмитаж ученым секретарем сектора Востока. После ареста второго мужа С.Н. Быковского (в браке с ним с 1933 г.) была исключена из партии, уволена из Эрмитажа и в 1937 г. выслана в Салехард. В 1938 г. арестована и 10 лет провела в лагерях на Дальнем Востоке. После освобождения работала в г. Кузнецке Пензенской области счетоводом и плановиком. В 1956 г. реабилитирована, вернулась в Ленинград, получила пенсию. В 1957 г. была восстановлена в партии, с 1969 г. жила в Доме старых членов КПСС. Сведения о В.К. Сухотиной получены из ее личных дел (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп.1. Д. 434059, 434059а) и от хранителя семейного архива Тихомировых-Быковских – правнука Татьяны Николаевны Тихомировой (Быковской) родной сестры С.Н. Быковского – петербургского художника И.С. Тихомирова.

⁹ Васильев Алексей Иванович (1903–1936) родился в Санкт-Петербурге в рабочей семье, к 1918 г. окончил четырехклассное городское училище. В 1920–1921 гг. участвовал в продразверстке в Идовском уезде, вступил в РКП(б). Затем был матросом торгового флота, работал в Ленинградском пароходстве и на заводе «Горомет». В 1927–1930 гг. учился в ЛГУ, изучал персидский язык и историю Персии. Аспирант ЛИЛИ по кафедре истории Востока и с 1931 г. научный сотрудник, а в январе–марте 1932 г. и.о. зав. сектором феодальной формации ГАИМК. В 1934 г. перешел в Институт востоковедения АН СССР, подготовил кандидатскую диссертацию «Согдийцы и их вооружение». 17 июня 1936 г. был арестован,

комсомольцев указаны: Гуламирзян, Смирнов, Кричевский, Капошина, Бернштам, Борисковский, Богораз, Енохина, Веселова. На этом заседании партбюро обсуждались даже такие, казалось бы далекие от партийных дел, сюжеты, как изменение тем научных работ сотрудников ГАИМК. Партийцы требуют их приближения к нуждам социалистического строительства. В таком ракурсе изучение древнерусского зодчества выставлялось реакционным занятием, и соответственно подобным установкам была принята резолюция: «Считать нецелесообразной дальнейшую работу в Академии Романова и Глезер» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 1Б. Л. 10). Можно лишь пояснить, что речь шла о крупнейшем исследователе древнерусской архитектуры К.К. Романове и об известной специалистке по новгородскому зодчеству архитекторе Е.Н. Глезер. Следуя принятому курсу на изменение социального состава ГАИМК, партийная организация вместе с новым руководством Академии изгоняла серьезных ученых, заменяя их еще ничем не проявившей себя молодежью, как уже было сказано выше «не смущаясь их недостаточной квалификацией». Заместитель председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисов на этом же заседании докладывал, что им намечено девять студентов выпускных курсов Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) и «все они партийцы или комсомольцы и все рабоче-крестьянского происхождения». В итоге комсомольская организация ГАИМК выросла с 16 до 26 человек.

Среди «важнейших» вопросов, обсуждаемых на следующих заседаниях партячейки, было предложение тов. Эллы организовать свинарник во дворе Мраморного дворца для обеспечения сотрудников продовольствием. Руководство Академии в лице товарища Кипарисова горячо поддержало эту идею. В сентябре 1931 г. Кипарисов докладывал о приеме восьми аспирантов в этом году, из которых трое (Сухотина, Лихачев, Светлов) были членами партии, пять человек (Бернштам, Капошина, Зыбковец, Морозова, Завьялова) комсомольцами. (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). К январю 1932 г. среди участвующих в заседаниях партийцев появляются новые имена: Светлов¹⁰. Абакумов,

обвинен по ст. 58-10, 11 и 6 ноября 1936 г. расстрелян. О нем см.: <https://memory.pvost.org/pages/vasiliev.html>.

¹⁰ Светлов Андрей Васильевич (1904–?) родился в семье крестьянина деревни Андроновы Боровской волости Череповецкой губернии, окончил сельскую

Саутин¹¹, Тёмкина. Поисками подходящих аспирантов занимался и С.Н. Быковский, обращаясь к начальнику Политического управления Ленинградского военного округа с просьбой досрочно демобилизовать из армии В.Ф. Зыбковца для зачисления в аспирантуру ГАИМК, поскольку она «испытывает острую нужду в молодых научных кадрах, обладающих соответствующим мировоззрением и имеющим четко выявленные общественно-политические установки в работе» (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 8. Л. 4).

Аспиранты, набираемые по подходящему социальному происхождению и наличию партийного или комсомольского билета, как правило, или вообще не занимались археологией, предпочитая более общие исторические темы, в которых можно было применить «марксистский подход», или оказывались очень слабыми в научном отношении. В.Ф. Кипарисов осенью 1934 г., обращая внимание парткома на эту проблему, отмечал, что из вновь поступивших в аспирантуру только один являлся членом ВЛКСМ. Далее он предлагал освобождать аспирантов от любой работы, сохраняя за

трехклассную школу. В 11 лет остался без родителей и начал жить своим трудом. С 1923 г. стал кандидатом, а с 1925 г. – членом ВКП(б), был секретарем комсомольской ячейки в своей деревне, а затем секретарем волостного комитета ВЛКСМ. Оттуда самовольно уехал в Ленинград учиться на рабфак, за что получил выговор. В 1928 г. закончил рабфак ЛГПИ им. Герцена по техническому уклону. На рабфаке был секретарем комсомольской ячейки и был назначен на подготовительное отделение Института красной профессуры, но с 1931 г. стал аспирантом ГАИМК и возглавлял там комсомольскую организацию (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 76621. Л. 1–15).

¹¹ Саутин Иван Васильевич (1902–1975) родился в крестьянской семье в деревне Торово Череповецкого района. После окончания двухклассной школы в 1917 г. был принят в Череповецкую учительскую семинарию, реорганизованную после революции в Педагогический техникум, который и окончил в 1924 г. Затем работал в школах и служил в Красной армии, занимался профсоюзной и комсомольской работой, в 1927 г. стал членом партии. С сентября 1928 по май 1931 г. учился в Педагогическом институте им. Герцена и одновременно преподавал обществоведение в школе для взрослых при Доме политпросвещения, политэкономии в Кораблестроительном институте. В 1931–1932 гг. являлся доцентом по кафедре советского хозяйства в Педвузе им. Покровского и ЛИТМО. В октябре 1931 г. был принят в аспирантуру ГАИМК по истории технологии, до ноября 1932 г. был председателем месткома. В марте 1933 г. его перевели в распоряжение Обкома ВКП(б) (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 419706. Л. 3). В 1933–1938 гг. был зам. директора Ленинградского отделения Института массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б) и зам. директора Института красной профессуры по учебной части. Далее до 1962 г. на ответственной партийной и государственной работе в Москве.

ними полную зарплату, и утверждал, что только так получится набрать членов ВКП(б) и ВЛКСМ, «так как они слабее подготовлены, чем беспартийные товарищи» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 22. Л. 47–47 об.) В 1935 г. В.Ф. Зыбковец обвинял Кипарисова в том, что он, исходя из представления о нежелании рабочих ребят заниматься археологией, набирал «классово чуждые» элементы в ГАИМК (*Панкратова*, 2020б. С. 738). В действительности, как мы видим, Кипарисов делал все возможное для привлечения марксистки настроенной молодежи с подходящим социальным происхождением в Академию, но очень немногие из них реально интересовались археологией. Осенью 1935 г. несмотря на большую работу по привлечению аспирантов (объявления в центральных и местных газетах, письма в вузы), на пятнадцать запланированных мест было подано только десять заявлений, а после проведенных испытаний зачисленными в аспирантуру оказались только трое. За 1935 г. количество аспирантов сократилось с сорока шести в начале года до тридцати в конце. Из них четырнадцать человек являлись членами ВКП(б), а семь – членами ВЛКСМ (*Краткий отчет...*, 1936. С. 29–31).

Молодых аспирантов напрямую пытались натравливать на представителей старшего поколения и даже на их непосредственных учителей. Так, на заседании партбюро при обсуждении доклада К.Г. Болтенко на Пленуме ГАИМК ему в вину ставилось отсутствие критического отношения к своему научному руководителю – А.А. Миллеру (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 17. Л. 18). Поступившие аспиранты по большей части занимались не своими научными темами, а изучением трудов классиков марксизма. Историк-марксист А.Г. Пригожин, ставший еще одним заместителем председателя Академии, на заседании партбюро в апреле 1933 г. требовал изменить тематику аспирантских работ, критикуя излишнюю дробность специализаций и утверждая, что основная литература, которую читают аспиранты, написана представителями явных «буржуазных школ». В итоге наметили провести для аспирантов испытания по марксистскому языкознанию, диамату и политэкономии. Почерк и методы этих «марксистаторов-реформаторов», наседаящих на археологию, всегда и везде были одинаковы. Так, еще ранее, в 1926 г. М.М. Цвибак перекроил учебный план бывшего Археологического отделения Ленинградского университета в сторону значительного перевеса общеисторических дисциплин над специальными, особенно относящимися к истории первобытной культуры (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 169. Л. 56–57; *Тихонов*, 2003. С. 151).

Выпускник Института красной профессуры, ученый секретарь Общества историков-марксистов при Коммунистической академии А.Г. Пригожин¹², появившийся в ГАИМК в 1932 г., выделялся даже на фоне других партийцев. Интеллигентный и хорошо образованный Ф.В. Кипарисов отмечал его грубость, бестактность и нахальство, когда «он, будучи никаким специалистом по античному миру, считает уместным писать предисловия к работам академика Жебелёва или по истории Древнего Востока к работам профессора Струве» (Панкратова, 2020б. С. 377). Критикуя доклад антиковеда С.И. Ковалёва в античном секторе, Пригожин упирал на то, что «о Ленине говорили мало, отсутствовал фактический материал о Ленине» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16. Л. 2).

К концу 1933 г. численность партийной организации ГАИМК достигла восемнадцати членов. Поскольку ее состав несколько поменялся по сравнению с предыдущим годом, имеет смысл назвать фамилии членов, участвующих в заседании 16 ноября 1933 г.: Некрасова¹³, Болтенко, Зыбковец, Сухотина, Пальвадре, Крюгер, Тёмкина, Рогачёв, Карманов, Иванова, Кипарисов, Майзель,

¹² Пригожин Абрам Григорьевич (1896–1937) историк-марксист, участник Гражданской войны, член РКП(б) с 1918 г. в 1932–1934 гг. зам. Председателя ГАИМК. Арестован в 1935 г., расстрелян в 1937 г. О нем см.: <https://memory.pvost.org/pages/prigozhin.html>; Панкратова, 2020а).

¹³ Некрасова Евгения Константиновна (1897–?) русскоязычная эстонка, родилась в с. Копорье под Петербургом, окончила Высшие женские курсы, работала конторщицей в Обществе кожнонабжения с 1918 по 1920 г., затем по 1922 г. – секретарем и заведующей информационным отделом в Ленинградском ГУБЗУ (Земельное управление исполкома Ленинградского губернского совета). В 1923–1924 гг. была председателем месткома в Псковском Райселькредитсоюзе, являлась членом Псковского горсовета. В 1925 г. вступила в члены ВКП(б) и с 1926 г. работала инструктором в Орготделе Ленинградского областного союза деревоотделочников. С 1930 г. была аспиранткой и преподавателем ЛИЛИ, а с 1933 по 15 июня 1934 г. являлась научным сотрудником ГАИМК, секретарем парторганизации. Занималась историей Средних веков, выступала с основным докладом о феодальной общественно-экономической формации на пленуме ГАИМК в июне 1933 г., посвященном проблемам генезиса и развития феодального общества. Опубликовала статью «Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров» в сборнике «Из истории западноевропейского феодализма» (Известия ГАИМК. 1934. Вып. 107) и очерк «Германия в X–XIII вв.» в разделе «В помощь педагогу-историку» в издаваемом ГАИМК журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» (1935. Вып. 1–2. С. 258–272). В июне 1934 г. была переведена в Московское отделение ГАИМК (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 448746. Л. 1–15).

Мосберг, Хайт, Пригожина, Цвибак, Быковский, Лотте (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 17. Л. 26). Важно отметить, что не менее десяти человек из этого списка будут репрессированы в ближайшие четыре года, а более-менее проявить себя в изучении древностей сумеют только О.О. Крюгер, Х.И. Мосберг и, особенно, А.Н. Рогачёв. Выпускник ЛИФЛИ Александр Николаевич Рогачёв был зачислен в аспирантуру ГАИМК по кафедре истории дородового общества 1 октября 1933 г. Его анкета сына крестьянина-бедняка, вступившего в партию в 1932 г., была идеальной для партийного руководства Академии (*Платонова, Аникович, 2008. С. 13*). В ГАИМК он почти сразу возглавил комсомольскую ячейку, но и его не обошли неприятности по партийной линии. Так в ноябре 1934 г. партийная организация разбирала его персональное дело по обвинению в антисемитизме, поводом для которого послужил всего лишь анекдот, рассказанный в экспедиции (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп.1. Д. 22. Л. 60–65).

В течение 1932 г. секретарем партийной организации являлся А.В. Светлов, а в 1933 г. – Е.К. Некрасова, в 1934 г. исполнение обязанностей секретаря комитета ВКП(б) было поручено аспиранту С.А. Майзелю¹⁴, который рьяно взялся за выявление антисоветских настроений в ГАИМК и за ее пределами, в частности среди населения Старой Ладogi. В 1935 г. секретарем парткома являлась Р.А. Озерская¹⁵ (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 265989/2. Л. 7). Из отчета ГАИМК за 1935 г. явствует, что к концу этого года членов и кандидатов в члены ВКП(б) было 12 человек, что составляло 12,5% от общего числа научных работников Академии (Краткий отчет..., 1935. С. 7).

¹⁴ Майзель Соломон Абрамович (1901–1938) уроженец Харькова, член ВКП(б) с 1922 г., арабист-историк, аспирант ГАИМК, научный сотрудник Института языка и мышления. Арестован 4 марта, расстрелян 11 сентября 1938 г. См.: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/41344/>.

¹⁵ Озерская Роза Абрамовна (1903–?) родилась в г. Стародуб, Черниговской губ., в 1920–1921 гг. – секретарь, инструктор Укома ВКП(б), член Укома ВЛКСМ Стародуба. В 1925–1929 гг. училась в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской, была парторгом института. В 1930–1934 гг. аспирантка исторического факультета Института красной профессуры. С 1 сентября 1934 г. – действительный член ИИФО ГАИМК, печатных трудов не выявлено. В апреле 1936 г. исключена из ГАИМК. В 1937 г. была арестована в Томске и приговорена к 5 годам ИТЛ. Реабилитирована в 1955 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 482; См.: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2468-ozerskaa-roza-abramovna.html>).

Партийная организация небезуспешно стремилась распространить свое влияние на все сферы жизни Академии. В июне 1933 г. при рассмотрении вопроса о местном комитете профсоюзной организации, С.Н. Быковский заявил: «Стремление составить МК из научных работников, более тесно связанных со специальностями Академии, привело к тому, что МК в настоящее время состоит из беспартийных в большинстве. Необходимо пополнять МК партийцами». В результате из состава местного комитета были удалены археологи В.С. Адрианов, Б.А. Койшевский, Г.А. Бонч-Осмоловский, а вместо них введены члены партии этнограф М.Ю. Пальвадре¹⁶ и историк С.А. Лотте¹⁷ (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 17. Л. 5).

Тактика действий парткома была очень проста – на все административные и руководящие посты выдвигались члены партии. Наличие или отсутствие необходимых знаний и опыта во внимание не принимались. Так, на заседании 31 мая 1934 г. обсуждался вопрос об Эски-Керменской экспедиции, руководство которой не устраивало партийную организацию. Зыбковец предлагал «поставить во главе экспедиции т. Сухотину, как партийца» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 22. Л. 39). Отсутствие у товарища Сухотиной хотя бы ми-

¹⁶ Пальвадре Марта Юрьевна (1896–1937) родилась в д. Коно Вакской волости, Везенбергского уезда Эстляндской губ., училась в сельской школе и два года в Нарвской женской гимназии. С мая 1914 г. жила в Петрограде, работала делопроизводителем, машинисткой в Выборгском райкоме и Губкоме РКП(б), с 1921 г. член партии. В 1922 г. по разверстке Губкома была направлена в Географический институт (с 1925 г. Географический факультет ЛГУ) и окончила его в 1927 г. Преподавала этнографию в Педагогическом институте им Герцена, в 1931 г. окончила аспирантуру АН СССР. С 1 мая 1933 г. научный сотрудник ИИДО ГАИМК, зам. председателя месткома. В 1934 г. перешла на работу в ГМЭ, изучала финно-угорские народы Ленинградской области и Карелии. Выступала с обвинениями в политической неблагонадежности в адрес своего учителя – Д.А. Золотарёва. 25 декабря 1936 г. М.Ю. Пальвадре была осуждена по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет, отбывала наказание в Соловецком лагере. 2 ноября 1937 г. расстреляна в Карельской АССР (Сандармох). (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 265989/2; *Королькова*, 2015. С. 208–209).

¹⁷ Лотте София Андреевна (1901–1962) родилась в Одессе, участвовала в Гражданской войне, член РКП(б) с 1918 г., в 1929 г. закончила ЛГПИ им. Герцена, изучала историю Французской революции. В ИИФО ГАИМК работала с 1933 по 1935 г., затем перешла в Гос. Эрмитаж. В 1935 г. была арестована органами НКВД, исключена из партии, с 1937 г. находилась в лагере. После освобождения, с 1953 г. работала в ЛОИИ АН СССР. См.: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2644-lotte-sofa-andreevna.html>.

нимального опыта полевых исследований никакого не смущало. М.Ю. Пальваддре предложила всему составу экспедиции сдать зачет по XVII съезду ВКП(б). В 1936 г. начальником Эски-Керменской экспедиции был назначен выпускник Института красной профессуры партиец С.Д. Димитров¹⁸, никак до этого не связанный с археологией.

Особо пристальное внимание партийной организации вызывал Институт исторической технологии. Причины вполне понятны – тематика его исследований и научных занятий плохо сочеталась с марксизмом. Нападкам подвергался Н.П. Тихонов, с 1932 г. возглавивший институт. В характеристике, составленной партбюро, утверждалось, что он «с марксистско-ленинским учением не знаком и особого стремления к ознакомлению с ним не проявляет <...> политические установки сомнительны, и выверенным в советском отношении считаться не может» и в качестве директора института находится явно не на месте (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16. Л. 38). В выступлении М.М. Цвибака в марте 1933 г. в адрес Института исторической технологии звучали высказывания: «Там до сих пор существует коллегиальное управление. Институт надо прибрать к рукам» (Там же. Д. 17. Л. 1 об.). И прибрали, назначив директором института в начале 1934 г. еще не закончившего аспирантуру В.Ф. Зыбковца¹⁹, а затем чекиста А.И. Кауля²⁰. Последний развернул бурную административную деятельность, добившись ликвидации Сектора полевых исследований ГАИМК и передаче под его начало всех полевых исследований Академии. Для этого в составе института была создана кафедра теории и методики полевых исследований с мастерской камеральной обработки (Там же. Д. 22. Л. 52).

¹⁸ Димитров (настоящая фамилия – Мишекопаранов) Страшемир Димитриевич (1904–1938) болгарский революционер, политэмигрант. В 1930–1934 гг. учился в Институте красной профессуры, с 01.11.1934 г. ст. научный сотрудник Института истории феодальной формации ГАИМК. Арестован в августе 1937 г., расстрелян в сентябре 1938 г. О нем см.: *Тихонов*, 2020. С. 272–273.

¹⁹ Зыбковец-Атрошенко Владимир Феофилактович (1908–1973) историк религии и атеизма. С 1931 г. аспирант, с февраля по сентябрь 1934 г. директор Института исторической технологии ГАИМК. Член ВКП(б) с 1932 г. С октября 1934 г. по август 1937 г. директор Новгородского, затем Псковского государственного музея. Репрессирован в августе 1937 г., освобожден и реабилитирован в 1955 г. О нем см.: *Филимонов*, 2003.

²⁰ Кауль Александр Иосифович (1887–1958) участник Гражданской войны, сотрудник ЧК-ОГПУ, член РКП(б) с 1917 г., с ноября 1934 г. директор Института исторической технологии ГАИМК. Репрессирован в 1937 г., освобожден в 1955 г. О нем см.: *Тихонов*, 2020. С. 274–275.

К началу осени 1934 г. партком обсуждал реорганизацию руководства Академией. Был создан новый коллективный орган руководства – Президиум, в который вошли Ф.В. Кипарисов, Н.И. Мягги²¹, С.Г. Томсинский²², А.Г. Иоаннисян²³, И.И. Мещанинов. Нетрудно заметить, что из всех членов Президиума опыт работы в археологии имел только действительный член АН СССР Иван Иванович Мещанинов. Он начинал свою научную деятельность как археолог-кавказовед и исследователь древневосточных цивилизаций и только позднее переключился на языкознание и лингвистику. Он же был и единственным беспартийным среди членов Президиума ГАИМК. Однако к этому времени, став директором двух институтов АН СССР (Института антропологии, археологии и этнографии, а после смерти Н.Я. Марра и директором Института языка и мышления), И.И. Мещанинов свою научную деятельность вел в основном в этих учреждениях.

Много места в делах партийной организации занимали персональные вопросы. В духе борьбы партии за чистоту своих рядов постоянно шли проработки собственных товарищей и коллег. Даже

²¹ Мягги Николай Иванович (1897–?) родился в Эстонии, где проживал до 1918 г. В 1919 г. воевал в Красной армии под Петроградом, вступил в партию. Работал народным судьей, заведующим магазином, зам. директора Ниточного треста. Газета «Ленинградская правда» 21 октября 1933 г. обвиняла его в развале работе ОРСа. С 1934 по ноябрь 1937 г. зам. председателя ГАИМК по административно-хозяйственной части. При реорганизации в ИИМК АН СССР эта должность была ликвидирована. 9 января 1936 г. был исключен из партии, 2 марта 1939 г. партгруппа ИИМК рассматривала его заявление о восстановлении в партии (итог голосования 5 человек за, 4 – против) (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп.1. Д. 223127).

²² Томсинский Семен Григорьевич (Симха Генихов) (1894–1936) революционер, член Бунда, член ВКП(б) с 1917 г, историк-марксист. Выпускник ИКП (1924 г.), преподаватель Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, зав. кафедрой истории Ленинградского отделения Коммунистической академии, директор Историко-археографического института АН СССР. С 1934 г. зам. председателя ГАИМК по научной части. В 1935 г. выслан в Казахстан как бывший троцкист, в 1936 г. арестован и расстрелян.

²³ Иоаннисян Ашот Гарегенович (1887–1972) армянский революционер, политический деятель, историк. В 1920–1921 гг. нарком просвещения Армении, в 1922–1927 гг. отв. секретарь ЦК КП(б) Армении. В 1928–1934 гг. работал в Институте Маркса – Энгельса, Институте национальностей СССР. В 1934–1937 гг. заведующий Московским отделением ГАИМК. В 1936–1937 гг. заместитель директора Института истории АН СССР, в 1937 г. исключен из ВКП(б), репрессирован. С 1960 г. академик АН Армянской ССР.

заместители председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисов и С.Н. Быковский вынуждены были признавать свои ошибки, выступать с самокритикой. В 1932 г. начинали звучать и политические обвинения, так Кипарисова обвиняли в «гнилом либерализме», Быковского – в «богдановщине», Цвибака – в «троцкизме» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–6).

В конце 1934 г. Кипарисова критиковали за срыв плана издательской деятельности ГАИМК. Немало места в делах парткома занимали разбор склок и конфликтов между партийцами, в частности, между Ф.В. Кипарисовым, С.Н. Быковским, А.Г. Пригожиным. Причем если в начале Кипарисов и Пригожин вместе выступали против Быковского, покинувшего ГАИМК в начале февраля 1934 г., то уже в мае Пригожин заявлял: «Я считаю, что тов. Кипарисов не способен организовать ни научной, ни политической работы Академии, он банкрот» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 22. Л. 35–36). В итоге конфликт дошел до Городского комитета партии, и все трое получили выговоры, в том числе и за участие в этой склоке.

На нескольких заседаниях в феврале–марте 1934 г. обсуждалось «персональное дело С.Н. Быковского». Его обвиняли в срыве занятий с аспирантами, «в отходе от активной работы», но главные претензии товарищей по партии сводились к тому, что он не согласовал свой уход из ГАИМК с партийной организацией. Вполне в духе того времени звучало заявление М.М. Цвибака на одном из этих заседаний: «Его поведение профессора, а не большевика» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 23. Л. 21 об.). По мнению самого Быковского, его главными недоброжелателями выступали М.М. Цвибак и А.Г. Пригожин, почему-то поддержанные Ф.В. Кипарисовым (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 42).

Подобные же конфликты, чаще всего имевшие ярко выраженный личностный характер, происходили и в других связанных с ГАИМК учреждениях, например, в Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ/ЛИФЛИ). Описывая местные нравы, филолог О.М. Фрейденберг отмечала, что значительная часть студентов «склочничала, доносила, создавала обстановку закулисных демагогии, жалоб, недовольств, нареканий». Она же давала и внятное объяснение этому явлению: «Склока – это естественное состояние натравливаемых друг на друга людей, беспомощно озверевших, загнанных в застенки. Склока – альфа и омега нашей политики. Склока – наша методология». (Пожизненная..., 2000. С. 191, 336).

Много места в делах парторганизации занимали бытовые вопросы и вопросы дисциплины, причем с явной недоброжелательностью друг к другу. Например, партбюро обвиняет В.К. Сухотину в том, что она вместо заседания пошла в театр, она оправдывается, что с трудом достала билет и не могла им пожертвовать. В другой раз разбирается казус, когда «секретарь комитета ВЛКСМ валялся на дворе после празднования 1-го мая», а он объяснял, что очень устал на работе и отдыхал (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16. Л. 18 об.).

В сохранившихся документах также поражает их малограмотность и канцелярски-пафосная стилистика – постоянно встречаются формулировки «развернуть борьбу», «расширить», «углубить», «добиваться», «осудить» и т. п. Впрочем, отголоски подобной стилистики автор еще вполне застал на комсомольских собраниях в позднее советское время. У участников бесконечных заседаний и собраний, проходивших, как правило, в вечернее время, уходила на них масса времени. Уклонение же от участия расценивалось как малая общественная активность и выставлялась большим минусом в характеристиках сотрудников. Составление таких характеристик было важной частью деятельности парткома ГАИМК. В мае 1933 г. по запросу Наркомпроса обсуждались характеристики на большую группу сотрудников Академии. Особое внимание в них обращалось на политические убеждения, социальное происхождение, общественную работу. Так характеристика А.А. Миллера завершалась выводом: «Выверенным в политическом отношении в полной мере признан быть не может. Беспартийный. По соц. происхождению – дворянин, бывш. офицер инженерных войск» (ЦГАИПД. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 16. Л. 36). О бывшем непрременном секретаре АН СССР академике С.Ф. Ольденбурге говорилось: «Внешне и формально выступает как советский ученый. Фактически доверяя своими действиями (вне Академии) не внушает, так как поддерживает и группирует вокруг себя реакционно настроенную часть ученых» (Там же. Л. 36). Н.И. Репников именовался «учеником умершего реакционного археолога А.А. Спицына» (Там же. Л. 45).

К концу 1930-х гг. персональный состав партийной организации ГАИМК, преобразованной в августе 1937 г. в Институт истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР, претерпел серьезные изменения. Это было связано с тем обстоятельством, что из двадцати четырех настоящих и бывших сотрудников ГАИМК, подвергшимся репрессиям в 1936–1937 гг., пятнадцать человек яв-

лялись членами ВКП(б). Важно заметить, что из этих двадцати четырех жертв политических репрессий только этих двух лет лишь трое – В.С. Адрианов, Б.А. Латынин и М.Г. Худяков были реальными археологами и занимались изучением археологических памятников и материалов (Тихонов, 2021. С. 65). Еще одной причиной заметного изменения состава парторганизации являлось то, что многие партийцы – историки марксистского направления – долго не задерживались в ГАИМК, переходя на работу в другие научные и учебные заведения.

Аресты партийцев начались в 1935 г., до этого времени членов партии среди репрессированных настоящих и бывших сотрудников ГАИМК не было. Одними из первых были арестованы К.Г. Болтенко²⁴ и А.Г. Пригожин. В 1936–1937 гг. эта участь постигла С.Н. Быковского, А.И. Васильева, С.С. Димитрова, С.М. Дубровского²⁵, В.Ф. Зыбковца, А.И. Кауля, В.Н. Кашина²⁶, И.В. Карманова²⁷, Ф.В. Кипарисова, С.А. Лотте, М.Ю. Пальвадре, Р.А. Озерскую, В.К. Сухотину, С.Г. Томсинского, М.М. Цвибака. Обвинения, как правило, были стандартными – участие в «троцкистско-зиновьевской террористической организации». Их профессиональная деятельность серьезного значения не име-

²⁴ Болтенко Константин Григорьевич (1911–?) родился в м. Еленовка Екатеринославской губ., в 1931 г. закончил ЛИЛИ и стал аспирантом ГАИМК (научный руководитель А.А. Миллер), изучал железный век Северного Причерноморья. Участвовал в Днепростроевской экспедиции, возглавлял раскопки в Старом Осколе; был главой Амурской экспедиции. Подготовил кандидатскую диссертацию «Проблема генезиса скифов на материале нижнего Днепра». Член ВКП(б) с ноября 1931 г. 15 февраля 1935 г. был арестован и 3 октября осужден за контрреволюционную троцкистскую деятельность на 3 года ИТЛ. 16 мая 1938 г. повторно решением ОСО при НКВД СССР приговорен к 5 годам ИТЛ. 24 февраля 1944 г. освобожден из мест лишения свободы в Коми АССР (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. – 1934. Д. 178; ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 206; <http://memory.pvost.org/pages/boltenko.html>).

²⁵ Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) историк, декан исторического факультета ЛГУ в 1935–1936 гг., зав. Институтом истории феодального общества ГАИМК (1936 г.). Член РКП(б) с 1918 г. В 1936 г. репрессирован. О нем см.: Бухерт, 2019; Никуленкова, 2019.

²⁶ Кашин Владимир Николаевич (1890–1938) участник революционного движения и Гражданской войны, член РСДРП с 1907 г., историк, с 1932 г. действительный член ГАИМК. В 1937 г. арестован и в 1938 г. расстрелян. О нем см.: Чтo Вы..., 2006; Брачев, 2019.

²⁷ Карманов Иван Васильевич (1896–?) зав. научно-хозяйственным снабжением ГАИМК с 1933 по 1936 г. Репрессирован в 1936 г., освобожден в 1941 г.

ла и во внимание не принималась. Реальное или мнимое участие во внутрипартийных дискуссиях и оппозиционных группах теперь становилось вполне достаточным поводом для репрессий. В Ленинграде эту ситуацию усугубляло то обстоятельство, что до 1926 г. Ленсовет возглавлял Г.Е. Зиновьев. Многие выпускники Института красной профессуры, Ленинградского отделения Коммунистической академии были с ним непосредственно связаны. Вчерашние обличители «буржуазной археологии» и борцы за марксизм неожиданно для себя сами оказались жертвами набравшей обороты репрессивной машины сложившейся командно-административной системы.

Некоторые члены парторганизации ГАИМК особо рьяно выявляли «антисоветские элементы» среди своих коллег. 28 марта 1935 г. В.Ф. Зыбковец направил письмо в канцелярию первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданова, в котором обвинил все руководство ГАИМК, и особенно Ф.В. Кипарисова, в антисоветской деятельности (*Панкратова*, 2020б. С. 737–738). В 1936–1937 гг. несколько подобных заявлений направила в НКВД заведующая Секретной частью ГАИМК П.В. Воронина. Среди обвиняемых ею были И.П. Красников, А.Ш. Шамилов, В.В. Данилевский, Н.М. Бачинский, А.Н. Каландадзе. В доносе на С.А. Майзеля 26 февраля 1937 г. она прямо утверждала, что он является английским шпионом (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 15. Л. 37; Д. 16. Л. 4–4 об., 6–6 об., 8).

В 1938 г. последним из партийцев ГАИМК был арестован ее последний руководитель – О.О. Крюгер, возглавлявший Академию с августа 1936 г. до лета 1937 г. Драматическая перестройка всей деятельности ГАИМК на марксистский лад, бурно начавшись в 1929 г., через восемь лет завершилась ликвидацией самой Академии. Немаловажную роль в этом сыграла партийная организация, которая была катализатором, а часто и инициатором реформ, навязывая научному коллективу и тематику, и стиль работы, внося чрезмерную политическую идеологизацию во все сферы деятельности научного учреждения. А.А. Формозов совершенно справедливо замечал, что небольшая группа партийцев, занявших руководящие посты в ГАИМК в начале 1930-х гг., заметно изменила характер деятельности Академии. Вместо изучения археологических памятников и материалов, конкретных вопросов истории культуры, в центре внимания оказались проблемы глобального масштаба, прежде всего дискуссии об общественно-

экономических формациях и «борьба с буржуазной наукой» в духе социологизаторской школы М.Н. Покровского (*Формозов*, 2006. С. 162). К концу 1930-х гг. наступали другие времена, и прежней ГАИМК с ее митингово-комиссарским стилем, задаваемом партийцами, в новых условиях места не было.

В Протоколе собрания партгруппы ИИМК АН СССР от 2 марта 1939 г., сохранившемся в личном деле Н.И. Мягги, среди присутствующих зафиксированы следующие фамилии: «Рогачёв, Вишнева²⁸, Воронина²⁹, Мосберг³⁰, Левченко³¹, Шапиро³², Занкович³³, Дроздов, Клочков, Дмитриев³⁴, Воронина П.В.³⁵, Мягги» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 223127. Л. 6–7). Из присутствующих на этом собрании двенадцати партийцев только трое (А.Н. Рогачёв, Х.И. Мосберг, М.В. Левченко) являлись научными сотрудниками, остальные представляли административный и технический персонал. В 1940 г. членом ВКП(б) стал директор Института истории материальной культуры М.И. Артамонов, имевший все основания говорить, что сделал это не ради карьеры. К концу 1930-х гг. пар-

²⁸ Вишнева Мария Андреевна (1896–?) зав. канцелярией ГАИМК/ИИМК с 1935 по 1940 г.

²⁹ Воронина Надежда Григорьевна (1886–1943) уборщица, работник на ротаторе, в ГАИМК/ИИМК с 1934 г. Погибла в блокадном Ленинграде.

³⁰ Мосберг Хильда Ивановна (1903–1985) родилась в Санкт-Петербурге в семье эстонского рабочего, училась в школе Эстонского просветительского общества (1913–1918 гг.) и Ленинградском отделении Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (1922–1926 гг.). Член ВКП(б) с 1925 г. С 1933 г. аспирантка, с 1936 г. научный сотрудник ГАИМК/ИИМК. В 1943–1945 г. доцент Томского университета, проводила раскопки на городище Басандайка. В 1947–1952 гг. – зам. директора Института истории АН ЭССР, в 1952–1963 гг. – зав. кафедрой истории Тартуского университета, член-корреспондент АН ЭССР (с 1951 г.). С 1962 по 1977 гг. была председателем редколлегии «Скандинавского сборника», См. о ней: Некролог..., 1986; *Барсуков и др.*, 2016.

³¹ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) историк Византии, д.и.н. В ГАИМК/ИИМК с 1934 г., с 1940 по 1944 г. зав. ЛОИИ, в 1944–1950 гг. зав. кафедрой византиноведения ЛГУ. О нем см.: http://www.spbiiran.nw.ru/levzenko_m_v/.

³² Шапиро Федор Борисович (1892–?) зав. научно-хозяйственным снабжением, в ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1939 г.

³³ Занкович Георгий Владимирович (1905–1942) фотограф, в ГАИМК/ИИМК с 1936 по 1941 г. Погиб в Великую Отечественную войну.

³⁴ Дмитриев Леонид Моисеевич (1907–1942) зав. экспедиционной базой, в ИИМК с 1938 по 1941 г. Погиб в блокадном Ленинграде.

³⁵ Воронина Прасковья Васильевна (1899–?) зав. Сектором подготовки кадров, зав. Секретной частью ГАИМК с марта 1934 по август 1937 г.

тийная прослойка среди научных кадров стала расти (Петухов, 2019). В дальнейшем, особенно, в послевоенное время среди членов парторганизации Института начали преобладать научные сотрудники и противопоставление «профессора» и «большевика» стало уже не актуальным. В сложившейся системе советской науки на руководящие посты, как правило, могли претендовать только обладатели партбилета, но они уже не были «внедренными» в научную среду археологов, а сами являлись выходцами из нее.

Литература

- Академия наук..., 2000. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 1. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 591 с.
- Барсуков Е.В., Торощина Н.В., Чернова И.В., 2016. Эпоха «Басандайки»: неизвестные сюжеты, забытые имена // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 4 (14). С. 108–118.
- Брачев В.С., 2008. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // Terra Humana. № 2 (7). С. 33–54.
- Брачев В.С., 2019. Историк Владимир Николаевич Кашин (1890–1938) // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 3–9.
- Бухерт В.Г., 2019. «При рассмотрении дела ни в чем себя виновным не признал». С.М. Дубровский в 1936–1954 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 2 (22). С. 228–240.
- Что Вы..., 2006. «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступительная статья, примечания Р.Ш. Ганелина. СПб.: Нестор-история. 271 с.
- Дариенко В.Н., 2002. Президент ГАИМК в ссылке (заметки к биографии советского папиролога): (О.О. Крюгер) // Південний архів. Історичні науки. Вип. 9. Харків. С. 112–130.
- Королькова Л.В., 2015. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея / Науч. ред. О.М. Фишман. СПб.: Изд. Дом «Инкери». 240 с.
- Краткий отчет..., 1936. Краткий отчет о работе Академии в 1935 году. Л.: ОблОНО. 91 с.
- Некролог..., 1986. Некролог. Хильда Ивановна Мосберг (1903–1985) // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин. С. 188–189.
- Никуленкова Е.В., 2019. Сергей Митрофанович Дубровский – один из первых представителей новой формации советских историков-марксистов // История повседневности. № 1 (9). С. 142–155.
- Панкратова Е.Г., 2018. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб.: ООО «Соло-Рич». 159 с.
- Панкратова Е.Г., 2020а. К биографии «руководителя террористической организации ГАИМК» А.Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела) //

- Археологические вести. № 29. С. 376–384.
- Панкратова Е.Г.*, 2020. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // ВДИ. № 80/3. С. 728–752.
- Петухов С.* 2019. Партбилет в Академию наук // Коммерсант. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4097005> (Дата обращения: 19.01.2022).
- Пиотровский Б.Б.*, 2000. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство. 573 с.
- Платонова Н.И., Аникович М.В.*, 2008. MEMORIA Александр Николаевич Рогачёв. Материалы. Воспоминания. Размышления // Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История. С. 1–33. (Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1)
- Платонова Н.И.*, 2013. Федор Васильевич Кипарисов – председатель ГАИМК в 1935–1936 гг. // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е.Н. Носов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. С. 19–22.
- Пожизненная...*, 2000. Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденаберг / Борис Пастернак / Сост., вступ. и прим. Е.Б. и Е.В. Пастернак. М.: Арт-Флекс. 414 с.
- Решетов А.М.*, 2003. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Вост. лит. С. 147–192.
- Тихонов И.Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: СПбГУ. 332 с.
- Тихонов И.Л.*, 2020. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев: С.Д. Димитрова и А.И. Кауля // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис. С. 270–275.
- Тихонов И.Л.*, 2021. О репрессиях в ГАИМК // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы межд. научн. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 63–66.
- Филимонов А.В.*, 2003. Музейно-краеведческая деятельность В.Ф. Зыбковца в Пскове // Псков. № 19. С. 152–162.
- Фихман И.Ф.*, 1967. Отто Оскарович Крюгер (1893–1967) // Вестник древней истории. № 3. С. 170–171.
- Формозов А.А.*, 2006. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак. С. 162–184.

И.В. Белозёрова

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ В 1930–1940-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГИМ)

Резюме. В статье даны подробности научной деятельности А.Я. Брюсова в 1930–1940-е годы, основанные на материалах его личного архива в ОПИ ГИМ. Рассмотрена деятельность ученого в Историческом музее, МОГАИМК/ИИМК/ИА, археологические исследования на севере европейской части СССР и в центральных областях Русской равнины. Особое внимание уделено малоизвестным фактам его биографии, относящимся к периоду Великой Отечественной войны и послевоенным годам.

Ключевые слова: А.Я. Брюсов, Исторический музей, МОГАИМК/ИИМК/ИА, Русский Север, археологические разведки и раскопки, стоянки эпох неолита, бронзы и раннего железного века.

1930–1940-е годы – непростой период в истории российской археологии – ознаменовались разнообразными процессами: организационной перестройкой структуры научных учреждений, созданием новой науки – истории материальной культуры, сменившей «буржуазное вещеведение», критикой дореволюционной науки с позиций марксистско-ленинской теории, формированием новых направлений исследований в рамках новой методологии. Сотрудники научных учреждений (в своем большинстве «старые специалисты») прошли через проверку и чистку, организованную советским бюрократическим аппаратом. В эти годы пострадало большинство археологов, многие из которых были репрессированы. В журналах «Историк-марксист» и «Советская археология»

в 1937 г. вышли программные статьи (О вредительстве..., 1937; *Арциховский и др.*, 1937), отразившие процесс «борьбы с вредительством», «политической беспечностью, ротозейством и благодушием» в советской археологии и этнографии. Вместе с тем в этот период начался научный путь многих молодых московских археологов, учеников В.А. Городцова, судьба которых в основном сложилась благополучно: они нашли свое место в Московском отделении ГАИМК, Историческом музее и других организациях. Именно благодаря этой плеяде учеников Городцова отечественная археология не свернула в 1930-е годы на рельсы «нового учения о языке», сохранила преемственность с традициями дореволюционной русской археологии и во многом преумножила их в последующие десятилетия (*Кузьминых, Белозёрова*, 2019а. С. 463–476).

Все бурные события тех лет в жизни общества и государства так или иначе отражались на судьбах людей и на судьбах самой отечественной археологии. В качестве примера можно привести биографию Александра Яковлевича Брюсова (1885–1966) – яркого представителя первого поколения советских археологов. Он прошел ту же дорогу, что и многие московские археологи: учеба на ФОН I МГУ (1922–1925), школа В.А. Городцова, социологический семинар В.М. Фриче, первые опыты в духе марксистской социологии, аспирантура ИАИ РАНИОН (1929), преподавательская деятельность в МГУ (с 1929), работа в ГИМ (с 1925). С середины 1920-х гг. Брюсов – участник первых в стране специализированных научных форумов: конференции археологов в Керчи (1926), член Предварительного комитета несостоявшегося Всесоюзного археологического съезда (1928), делегат Всесоюзного музейного съезда (1930).

1929–1930 гг. – время начала великого перелома в советской археологии, ее перестройки на «марксистские рельсы». В первой половине 1930-х гг. некоторые ученики В.А. Городцова, в том числе Брюсов, публично отмежевались от научных взглядов, методики и методологии «буржуазного формалиста» Городцова (*Арциховский и др.*, 1932. С. 46–48; 1937. С. 78–91; *Брюсов*, 1932. С. 76). С одной стороны, в их научных трудах отразились характерные тенденции того времени: борьба за «марксистскую археологию», критика своих прежних взглядов, восхваление гения И.В. Сталина, приверженность идеям яфетической теории и нового учения о языке академика Н.Я. Марра, принципы автохтонизма и стадильности и т.д. Идеи марксистской социологии, отказ от «буржу-

азной» археологии нашли отражение в ряде выступлений и опубликованных работ Брюсова тех лет (*Арциховский*, 1929; *Брюсов*, 1929; 1935), а также в некоторых рукописях, сохранившихся в его архиве. С другой стороны, именно ученики Городцова в целом сохранили верность базовым исследовательским направлениям его научной археологической школы и, прежде всего, приверженность типологическому методу как главному инструменту при работе с археологическими материалами (*Кузьминых*, *Белозёрова*, 2019б. С. 313–318). В конце жизни Брюсов с благодарностью вспоминал о своем учителе (*Брюсов*, 1960. С. 7–11).

1930–1940-е гг. ознаменовались подъемом в научной, музейной и педагогической деятельности А.Я. Брюсова. Факты биографии ученого частично нашли отражение в литературе (*Раушенбах*, 1965; 1967; 1985; *Ошибкина*, 1990; 2010; *Формозов*, 2006; *Кузьминых*, *Щавелёв*, 2012). Однако многие неизвестные ранее подробности его деятельности, в том числе этих лет, содержат материалы его личного архива в Отделе письменных источников ГИМ (Ф. 545), научное описание которого завершилось в 2020 г.

Служебная и научная деятельность А.Я. Брюсова протекала в тех организациях и научных центрах, где были сконцентрированы основные силы московских археологов и где решались важнейшие теоретические и практические вопросы археологии: Историческом музее (с 1925), Московской секции ГАИМК (1928), археологической секции ГАИС (1931), Московском отделении ГАИМК (с 1932) (рис. 1).

Исторический музей¹ на протяжении более 40 лет был основным местом работы А.Я. Брюсова. В начале 1930-х гг. после чистки и увольнения «буржуазных специалистов» именно ученики В.А. Городцова, выпускники археологического отделения 1 МГУ и аспиранты ИАИ РАНИОН (А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, А.В. Збруева, С.В. Киселёв, Д.А. Крайнов, О.А. Кривцова-Гракова, Е.И. Крупнов, В.П. Левашёва, А.П. Смирнов, Б.А. Рыбаков, М.Е. Фосс и др.), заняли ключевые позиции в фондовых и экспозиционных отделах музея (рис. 2). С 1929 г. А.Я. Брюсов возглавил 1-й археологический отдел ГИМ. Это время совпало с началом коренной перестройки работы музея, которая отныне всецело подчинялась задачам реэкспозиции и велась

¹ Государственный исторический музей – ГИМ.

под лозунгом «Лицом к политике, лицом к марксизму, лицом к массам».

Уже в 1930 г. к годовщине Октябрьской революции сотрудниками археологического отдела были подготовлены новые разделы экспозиции: «Происхождение человеческого общества», «Северо-Западный СССР 4000–2500 лет тому назад», «Приуралье 3500–2500 лет тому назад», «Феодализационный процесс у финнов» (авт. А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс). Далее практически ежегодно открывались новые разделы экспозиции, отражающие «диалектику исторического развития, борьбы классов и последовательной смены общественно-экономических формаций». В 1933 г. Брюсов открыл раздел экспозиции «Разложение родового строя по материалам триполья, срубной и катакомбной культур» (зал 4); в 1934 г. – «Первобытно-коммунистическое общество» (залы 1–4), а также выставки «10 лет без Ленина по ленинскому пути» (авт. А.Я. Брюсов, С.В. Киселёв и А.П. Смирнов) и «Экспедиции и приобретения ГИМ за 1931–1934 гг. (авт. А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, Д.Н. Эдинг); в 1935 г. – «Ранняя и поздняя стадия дородовой коммуны» и «Окская неолитическая культура».

Вспоминая о трудностях, с которыми встречались музейщики в те годы, Брюсов писал: «Денег и материалов для экспозиции отпускалось мало. Подсобных рабочих не было. Сотрудники сами обтягивали щиты материей, реставрировали глиняные сосуды, нашивали вещи на планшеты, писали этикетки и надписи; сами расставляли или устанавливали щиты в витринах, передвигали тяжелые экспонаты. А сроки давались короткие. За несколько дней до окончания экспозиции почти неизменно объявлялся аврал. <...> Сейчас я не могу даже представить себе, как мы ухитрились все это делать и успевать проводить летом экспедиции, производить камеральную обработку экспозиционного материала, да еще писать научные статьи, читать лекции в университете, делать доклады на фабриках и заводах и много других вещей» (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 330. Л. 32–33).

В начале 1930-х гг., после ухода из музея В.А. Городцова и других старейших сотрудников, методологической основой новой экспозиции стали вульгарный социологизм, схематизм, техницизм, которые считались основными признаками музейной работы на марксистской основе. Открытые залы музея превращались в наглядные пособия для углубленного понимания массовым посетителем (ра-

бочие, учащиеся, крестьяне) диалектики развития общественных форм на территории СССР с древнейших времен до наших дней. Памятники стали делиться по общественно-экономическим формациям. План экспозиции был составлен без учета наличного материала музея. Подлинные материалы широко подменялись вспомогательными (фотографиями, картами, диаграммами, копиями находок с археологических памятников Западной Европы, макетами, плакатами с цитатами произведений классиков марксизма). Во многих витринах для иллюстрации определенного тезиса соединялись археологические материалы разных эпох и культур (Закс, 1960. С. 362). Лишь во второй половине 1930-х гг. ученикам Городцова удалось вернуться к традиционным формам музейного показа.

Помимо основной экспозиции археологические отделы регулярно участвовали в создании выставок. В конце 1930 г., к открытию Всесоюзного музейного съезда в ГИМ была приурочена выставка, отразившая «новые искания и достижения» в экспозиционной работе. Среди ее археологических разделов – «История экспозиции археологических коллекций ГИМ – на отборе вещевых группировок» (авт. Е.Г. Пчелина), «Экспозиционное развертывание темы “Классовая борьба в эпоху феодализма”» (авт. А.В. Арциховский), «Методы и техника экспозиции археологических коллекций в историческом разрезе и современной практике западных и советских музеев» (авт. Г.Л. Малицкий). В разделе «Научно-исследовательская работа музеев» были представлены материалы о новых методах, маршрутах, подготовке документации археологических экспедиций ГИМ (авт. А.Я. Брюсов). Одна из витрин выставки была посвящена работе научной лаборатории ГИМ по исследованию ударных орудий (авт. М.Е. Фосс и А.Я. Брюсов).

В этом же году в музее была организована комиссия для составления «Хрестоматии по истории техники» и создан отдел истории ударных орудий. В 1931–1932 гг. этот отдел был занят подготовкой выставки по истории ударных орудий труда, которые подбирались из археологических и этнографических коллекций (Клюшкіна, 2014. С. 277). Александр Яковлевич также был привлечен к подготовке этой выставки, что нашло отражение в документах его архива, где сохранился обширный материал (конспекты, выписки, зарисовки, фотографии, картотеки и пр.), посвященный изучению ударных орудий (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 268–288). Проверившая работу комиссия усмотрела уклон в техницизм, осудила его, пред-

ложив переделать те разделы экспозиции, в которых этот уклон имел место, а отдел первобытных орудий ликвидировать (Закс, 1960. С. 350). Однако этой темой, но уже в традиционном, городцовском, ключе (с опорой на типологический метод) Брюсов увлеченно занимался до конца жизни (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 80–82) и посвятил одну из последних своих работ каменным сверленным боевым топорам Восточной Европы (Брюсов, Зимина, 1966).

Вспоминая те годы, ученый отмечал, что создание музейной экспозиции было задачей нелегкой и даже отчасти опасной. В своих мемуарах «На тропах археологии» он писал: «Для археологов <...> главной задачей была реэкспозиция открытых зал. Добиться подлинного марксистского показа древнейшей истории человечества, не имея для этого никакого образца перед глазами, ни в наших советских, ни чем более в зарубежных музеях; при наличии только университетских познаний по марксизму; при существовавшей в то время разногласии среди объявлявших себя знатоками и толкователями высказываний Маркса и Энгельса по вопросу о древнем обществе было делом далеко нелегким. Каждую построенную нами часть экспозиции приходили, до ее открытия, осматривать многочисленные комиссии, внутренние и внешние. Каждая комиссия старалась найти в экспозиции какие-нибудь «ошибки» немарксистского характера. Эти подлинные и воображаемые ошибки, рассматривались через увеличенное стекло, возводились в «уклон», в антимарксизм, даже в антисоветскую вылазку. Одна комиссия утверждала одно, другая – совершенно противоположное» (Брюсов, 2012. С. 42; Кузьминых, Щавелёв, 2012. С. 670).

Также Брюсов вспоминал, что в залах музея в эти годы были заведены специальные почтовые ящики, в которые любой посетитель мог опускать свои замечания, и на них сотрудники обязаны были не только давать ответы, но и вводить поправки в экспозицию. Консультации посетителям являлись обязательными, а для рабочих в некоторых отделах организовывались еженедельные занятия. Сотрудники отделов ГИМ регулярно читали лекции, проводили экскурсии, вели большую консультативную работу (рис. 3). Например, в археологический отдел регулярно поступали письма с сообщениями об археологических находках (некоторые с описаниями) из разных уголков страны (центральной России, Карелии, Белоруссии, Киргизии и т.д.), требовавшие отклика, консультаций и проверки (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 17).

Занимаясь экспозиционной работой, Александр Яковлевич стал автором-составителем путеводителей по археологическим залам ГИМ (1934, 1938, 1940, 1947), писал об экспозиции отдела древнейшей истории музея в специальном издании (Брюсов, 1939. С. 23–27). Помимо трудов по созданию экспозиций в археологических отделах в эти годы шла напряженная работа по сверке наличия и упорядочению хранения коллекций. А.Я. Брюсов вместе с А.П. Смирновым, А.В. Арциховским, Д.Н. Эдингом разработал правила учета фондовых археологических материалов (Клюшкина, 2014. С. 287). С 1934 г. в ГИМ возобновилась работа издательского отдела. Многие статьи Брюсова были опубликованы в археологических сборниках тех лет, которые выходили, в том числе, под его редакцией. С 1935 г. он неизменно избирался членом Ученого совета музея, вел большую общественную работу, являясь с 1938 г. председателем Совета научных работников ГИМ.

В 1930–1940-е годы А.Я. Брюсов стал ведущим в стране специалистом по неолиту и эпохе раннего металла Севера европейской части СССР. Еще в студенческие годы во время практики в фондах ГИМ он обратил внимание на богатые коллекции многочисленных сланцевых орудий с Русского Севера (собранных главным образом И.С. Поляковым²), которые его заинтересовали. Именно тогда он сделал осознанный выбор района своих будущих полевых работ. Первые археологические исследования в этом регионе начались в 1925 г. со стоянок на реках Вёкса и Юг под Чухломой. В 1926–1928 гг. по приглашению директора Архангельского краевого музея К.П. Ревы молодые московские археологи (А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс и А.В. Збруева) начали исследования на Летнем берегу Белого моря³. Работы Костромской и Беломорской экспедиций стали началом многолетних исследований древностей Русского Севера (Белозёрова, Кузьминых, 2022). В 1928 г. на основе откры-

² Поляков Иван Семёнович (1845–1887), зоолог, географ, антрополог, этнограф, археолог. Сын забайкальского казака и бурятки. Выпускник Санкт-Петербургского университета и магистр зоологии (1877). Хранитель Зоологического музея Императорской академии наук (1875). Один из первооткрывателей каменного века в России. Летом 1873 в восточной части Олонецкой губернии выявил следы каменного века, собранные коллекции поступили в Исторический музей.

³ В архиве А.Я. Брюсова (Ф. 545) сохранились отчеты о раскопках на Летнем берегу Белого моря в 1926 и 1927 гг. (Ед. хр. 124, 125), чертежи, планы, профили раскопок (Ед. хр. 127), фотографии участников раскопок, видов местностей, местных жителей и пр. (Ед. хр. 128–130, 132, 139, 142).

тых и изученных памятников и архивных данных Брюсов защитил кандидатскую диссертацию «Северо-запад СССР с конца III до начала I тысячелетия до н.э.», в которой впервые была сделана попытка осветить быт древнего населения Русского Севера, пути заселения человеком этой территории, контакты и взаимоотношения древних племенах региона.

В 1929 г. его полевая деятельность была продолжена на территории Карелии. В 1929–1934, 1937 гг. Брюсов возглавлял Карельскую экспедицию, открыл и раскопал многие неолитические памятники (Сунские стоянки, бронзолитейная мастерская в устье р. Томица под Петрозаводском, стоянки по берегам Машозера, на Соловецких островах и у д. Салменицы у Сямозера, святилище на острове Шойрукшин и др.) (Археологические экспедиции..., 1962. С. 59, 60), пополнившие, в том числе, фонды и экспозицию ГИМ (рис. 4). Вместе с раскопками велось изучение и фотосъемка⁴ петроглифов на берегу Онежского озера, острове Шойрукшин (совместно с А.М. Линевским) (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 131, 143–147). Большая часть этих материалов позже была опубликована (Брюсов, 1940). Средства на экспедиционные работы выделялись ГИМ, МОГАИМК/ИИМК, Карельским музеем и Карельским НИИ культуры. С последними установились долгосрочные партнерские отношения.

Работы велись и в других районах Русского Севера: в Вологодской, Ленинградской и Новгородской областях. Особенно значимыми стали разыскания в Вологодской области, где основное внимание уделялось исследованию торфяниковых стоянок. Еще в 1931 г. Брюсов предпринял первый разведочный выезд в Вытегорский район (до 1937 г. относился к Ленинградской области), в 1931–1932 г. вел раскопки стоянки на острове Илекса на Куштозере, в 1934 г. – фотосъемку петроглифов у д. Бесов Нос на Онежском озере. В 1937–1941 гг. он перенес работы в Чарозерский район, где изучались такие яркие памятники, как Модлонское

⁴ Во всех своих экспедициях и командировках А.Я. Брюсов брал с собой фотоаппарат, поэтому в его архиве (Ф. 545) в ОПИ ГИМ материалы его археологических раскопок сопровождаются многочисленными фотографиями (раскопок, найденных предметов, членов экспедиции и пр.). Известно, что в дореволюционный период (с 1912) А.Я. Брюсову принадлежал магазин на Мясницкой, где в числе других товаров продавались оптические приборы, фотоаппараты, принадлежности для фоторабот и химикаты.

свайное поселение, неолитическая стоянка каргопольской культуры Караваиха, мезолитическая стоянка Погостище и др.

Раскопки этого периода охватывали и другие регионы страны. В 1935 г. они проводились на Украине в Полтавской области (Гонцовская палеолитическая стоянка; начальник экспедиции от ИА АН УССР – И.Ф. Левицкий, от ГИМ – А.Я. Брюсов) (рис. 5), в 1936 г. – в Днепропетровской области (Никопольские скифские курганы), в Чувашии (палеолитическая стоянка у д. Улянк совместно с Г.А. Бонч-Осмоловским), в Нижнем Прикамье (у д. Иж-Борискино совместно с М.Е. Фосс).

Архивные материалы свидетельствуют о том, что уже в эти годы для определения археологического материала Брюсов одним из первых в нашей стране начал использовать методы естественных наук (дендрохронология, остеология, споро-пыльцевой анализ, определение относительной хронологии по костным остаткам и т.д.)⁵. Налаживались связи с учеными различных академических, ведомственных и вузовских научно-исследовательских учреждений – ИИМК, Московским торфяным институтом, Ботаническим институтом, лабораторией ихтиологии МГУ и пр. Но лишь в конце 1950-х гг. усилия ученого и его коллег по Институту археологии АН СССР Б.А. Колчина и А.Л. Монгайта привели к организации исследовательских групп и обеспечили развитие в институте методов естественных и технических наук (Кузьминых, 2021. С. 56–57).

Параллельно с полевыми работами ученый планомерно изучал материалы по истории Карелии, знакомясь с опубликованной литературой, архивными источниками и коллекциями в музеях Москвы, Ленинграда, Архангельска, Петрозаводска и пр. Среди неопубликованных работ 1930-х гг. обращают на себя внимание сохранившиеся в архиве ученого тексты «Охота и рыболовство на северо-западе СССР во втором тысячелетии до нашей эры», «Время первобытной общины в Карелии», «Первобытно-общинный строй на территории Карелии», «Очерк древней истории Карелии по археологическим данным». (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 57). Они в той или иной мере использовались при подготовке обобщающего труда – монографии «История древней Карелии» (Брюсов,

⁵ Научно-техническая комиссия Института археологии АН СССР разработала «Инструкцию по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук» значительно позже, в 1960 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 31. Л. 128–146).

1940). Большое самостоятельное научное значение в ней имеет библиография, которая охватывает обзор работ разных авторов по данной теме до 1935 г. включительно. Брюсов учел не только специальные труды, но и газетные и журнальные статьи и заметки (Там же. С. 169–205). Позже, в 1943 г., за эту монографию ему была присвоена степень доктора исторических наук.

Во второй половине 1930-х гг. в печати появились значимые и ныне работы ученого: «Неолит» (1939), «Гонцовская стоянка» (1940), «Поиски золота в Карелии в конце XVIII в. (1941) и др. Хорошее знание многих европейских языков⁶ дало Александру Яковлевичу возможность внимательно следить за работами зарубежных коллег и остро откликаться на все новое, что появлялось в печати на Западе. В личном архиве ученого сохранились десятки конспектов, выписок из работ зарубежных авторов по вопросам археологии, этнографии, антропологии и пр. В эти годы началось сотрудничество ученого с издательством «Большая советская энциклопедия», в которой опубликовано немало его статей, частично сохранившихся в его архиве (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 84–90). Позже началось его работа в журнале «Советская археология» (с 1953 г. – член редколлегии, с 1955 г. – заместитель ответственного редактора).

В 1932 г. А.Я. Брюсов стал старшим научным сотрудником доклассового сектора Московского отделения ГАИМК (с 1937 г. МОИИМК), располагавшегося в помещении ГИМ (с 1938 г. в Большом Черкасском пер., 4). Как следует из архивных документов, ученый участвовал в разработке нескольких научных тем: «Проблема Триполья», «Стоянки Балахнинского района», «Обмен в доклассовом обществе», «Мужские дома в системе первобытно-коммунистических отношений» и пр. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 113. Л. 29 об.).

В МОГАИМК, кроме того, работало несколько комиссий, в деятельности которых Брюсов принимал непосредственное участие. В Комиссии по изучению фатьяновской культуры он являлся секретарем и принимал активное участие в ее заседаниях. В рамках задач, поставленных этой Комиссией в 1935 г. для исследований в центральных областях Русской равнины, он вел раскопки Истринского и Давыдовского (Московская обл.), Холмогорского

⁶ А.Я. Брюсов читал на английском, немецком, итальянском, испанском, португальском, шведском, норвежском, датском; говорил на французском и немецком языках (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 1. Л. 51).

и Вауловского (Ярославская обл.) могильников, а также городищ у ст. Мшанки (Рязанская обл.) и близ Тутаява (Ивановская обл.), палеолитической стоянки Улянк (Чувашская АССР), Никопольских скифских курганов (Днепропетровская обл. УССР).

В середине 1930-х гг. сотрудники МОГАИМК приняли активное участие в работах Комиссии по работам на Метрострое. Археологический надзор на строительстве первой очереди Московского метрополитена (рук. А.В. Арциховский и Т.С. Пасек) впервые позволил масштабно исследовать культурный слой Москвы. Во время работ были изучены деревянные жилища, укрепления Белого и Земляного городов, стены и башни Китай-города, древние гидротехнические сооружения, находки керамики, оружия, орудий труда, украшений. В 1935 г. в зале 13 ГИМ была открыта выставка (совместно с ГАИМК), посвященная археологическим работам на Метрострое (авт. А.В. Арциховский, М.И. Александровский, Е.П. Борисова, Н.Р. Левинсон) (рис. 6).

С февраля 1936 г. Брюсов входил в состав Ученого совета ГАИМК (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 113. Л. 88). Однако его работа в МОГАИМК/МОИИМК была приостановлена в 1939 г. В апреле того года вышел приказ, запрещающий совместительство в научных учреждениях, и Брюсов вынужден был временно уйти из института, всецело сосредоточившись на работе в ГИМ.

В те годы в СССР проходило крайне мало крупных археологических конференций. Однако, судя по сохранившимся архивным документам, ученый принял участие в работе ряда всероссийских совещаний: археолого-этнографического (1932), 2-й Международной конференции по изучению четвертичных отложений (1932), по итогам работ на новостройках (1934), 2-го Совещания по проблеме происхождения и эволюции домашних животных (1934), 11-го Пленума Комиссии ископаемого человека INQUA (1937). Среди этих форумов в предвоенные годы важнейшее значение имела 1-я Всероссийская археологическая конференция музейных работников РСФСР, которую ученики В.А. Городцова собрали в Историческом музее в апреле 1939 г. Она была посвящена проблеме состояния археологии в стране и задачам дальнейшей работы музеев. Ее главными организаторами были сотрудники МОИИМК и ГИМ А.Я. Брюсов и Д.А. Крайнов, выступившие с пленарными докладами «Состояние археологических исследований и задачи дальнейшей работы» и «О проекте пятилетнего плана археологических работ музеев РСФСР» (Первая Всероссийская..., 1939).

В марте 1941 г. в ГИМ состоялось заседание археологической сессии Ученого совета, на которой А.Я. Брюсов познакомил коллег с результатами совместных раскопок ГИМ и Вологодского областного музея в Чарозерском районе Вологодской области и планами дальнейших исследований (рис. 7). Вскоре (22 апреля 1941 г.) он получил открытый лист производства работ в Вологодской области.

Однако все запланированные дела отошли на второй план с началом Великой Отечественной войны. В середине 1941 г. многие коллеги Брюсова из МОИИМК и ГИМ ушли на фронт или в московское ополчение (О.Н. Бадер, В.Д. Блаватский, П.А. Дмитриев, Д.А. Крайнов, Е.И. Крупнов, А.П. Смирнов, С.П. Толстов и др.). Брюсов, участвовавший в Первой мировой войне и прошедший четыре года в немецком плену (1915–1918), не был призван на фронт. Однако Наркомпрос РСФСР поручил ему ответственное задание – возглавить эвакуацию музейных и библиотечных коллекций ГИМ на восток страны. 24 июля 1941 г. коллекции, упакованные в 932 ящика, на полуторках были перевезены в Южный порт. В ночь на 25 июля ценный груз чуть не погиб, когда началась бомбардировка окраин города и порта, в результате чего возник пожар неподалеку от музейных ящиков. Тем не менее, их эвакуация состоялась сначала в Хвалынск (близ Саратова), а затем в Кустаная (на северо-западе Казахстана): 9 вагонов с наиболее ценными музейными коллекциями и 2 вагона с людьми. До Кустаная в холодном нетопленом эшелоне ехали более двух недель. В дороге многие заболели малярией и простудой, некоторые получили обморожение. В Кустанае «Госхранилище № 1» разместилось в здании Облфинотдела. Здесь и прошли три года эвакуации.

Добравшись до Кустаная, Брюсов сообщил директору ГИМ: «Грузы Исторического музея размещены, но еще не проверены после переезда. Помещение здесь хуже, чем в Хвалынске. Условия жизни тяжелые. Ящики музея выдержали многочисленные перегрузки и выгрузки (14 раз!) очень хорошо; ни один из них не разбился <...>. Погода нас здесь не радует. Стоят жестокие морозы 25–30 градусов; да еще говорят, что это только начало, холодом здесь считают мороз в 40–45 градусов с сильным ветром и пургой. Не знаю, как мы перезимуем эту зиму, потому что у многих одежда совсем не приспособлена к этому климату; нет валенок, нет теплых шуб и купить здесь это почти невозможно, так как пара валенок стоит 600 рублей. Я уже отморозил себе ноги и нос и хожу в повязке по дому, не выходя на улицу» (Белозёрова, 2015. С. 253–254).

В эвакуацию многие сотрудники приехали с семьями. С Брюсовым в Казахстан приехали жена и семилетний сын⁷. С момента приезда музейщики всецело были заняты спасением коллекций и организацией их хранения: систематически проверяли, переупаковывали, проводили профилактические работы по их сохранению. В неотапливаемом помещении хранители (в основном женщины) без посторонней помощи проделывали все работы с грузами – передвигали, перегружали тяжелые ящики, весившие по 5–9 пудов. Помимо хранительской работы они выступали с публичными лекциями, устраивали передвижные выставки в воинских частях, госпиталях, на предприятиях. В январе 1942 г. Брюсов был направлен в Омск, где на железнодорожных путях застряли четыре вагона с коллекциями из новгородских, псковских, вологодских и некоторых других музеев, в том числе знаменитые бронзовые врата Новгородского Софийского собора (так называемые Сигтунские врата). Осенью 1942 г. в Кустанай пришли обгоревшие полотнища панорамы «Оборона Севастополя», пострадавшие при бомбежках этого города. Все это было доставлено в Госхранилище Кустаная, чтобы все музейные коллекции были в одном месте перед их возвращением в родные города.

Но даже в это трудное время Брюсов смог выкроить время для археологических разведочных поисков. Из эвакуации он писал в ГИМ: «Летом 1941 г. работники музея обнаружили близ Кустаная много археологических памятников, в том числе неолитического типа и «чуждые копии», в которых в древности производилась добыча меди. Я надеюсь, что летом удастся поставить здесь хотя бы небольшие раскопки»⁸ (*Белозёрва*, 2015. С. 254–255). Летом 1942 г. близ Кустаная он провел раскопки стоянок эпох неолита–энеолита и курганов бронзового века у озер Светлый Джаркуль, Большой

⁷ Брюсова Серафима Семеновна (1894–1958), доктор медицинских наук (1939), профессор нейрохирург (1941), ближайший сотрудник Н.Н. Бурденко в Московском нейрохирургическом институте (с 1932). Несмотря на тяжелое заболевание (полиартрит), работала в годы эвакуации в местной больнице Кустаная, оказывала всем нуждающимся медицинскую помощь. Сын Борис (1933–2003?).

⁸ Разведочные работы военных лет не нашли отражения в опубликованных трудах А.Я. Брюсова и его коллег по эвакуации в Кустанае. В довоенный период исследования Алексеевского поселения и могильника под Кустанаем проводила О.А. Кривцова-Гракова. В 1941 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Поздняя стадия бронзовой эпохи в Западном Казахстане», а в дальнейшем опубликовала материалы раскопок (*Кривцова-Гракова*, 1948).

Аксаут и Коль, Кара-Тамарской стоянки на р. Тобол. В архиве отложились две его рукописи для сборника «Кустанайская область», подготовку которого вел местный краеведческий музей по заданию Казахского филиала АН СССР. Это написанный в декабре 1942 г. «Очерк древнейшей истории Кустанайской области» (с приложенными зарисовками найденных предметов и схемой расположения археологических памятников по рекам Тобол и Аяць) и «Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР» от 1943 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 59).

В середине ноября 1943 г. Брюсов был отозван из Кустаная в Москву. За успешное выполнение работы по эвакуации музейных коллекций он был записан в Республиканскую Книгу почета Народного комиссариата просвещения РСФСР и награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С этого момента возобновилась его полноценная музейная и научно-исследовательская работа. В декабре 1943 г. в МГУ состоялась защита его докторской диссертации «История древней Карелии» и ему было присвоено звание доктора исторических наук. С августа 1944 г. продолжилась работа ученого в ИИМК, в котором он проработал до конца жизни (с 1953 г. – заведующий отделом полевых исследований).

Одним из важнейших научных событий военных лет стало проведение в Москве Всесоюзного археологического совещания. В декабре 1944 г. Брюсов получил Открытое письмо за подписью членов Оргкомитета Академии наук СССР академиков В.П. Волгина и Б.Д. Грекова о созыве совещания (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 20. Л. 3, 4). Совещание состоялось в конце февраля – начале марта 1945 г., и Александр Яковлевич стал его делегатом от Исторического музея. Совещание подвело итоги деятельности советской археологии за 25 лет, наметило дальнейшие пути работы в соответствии с новыми задачами военного и послевоенного времени и в значительной мере предопределило стратегию развития советской археологии на многие годы вперед.

В своем докладе Брюсов подчеркнул роль ГИМ как одного из крупнейших археологических центров страны (более 150 экспедиций за последние 20 лет). Материалы экспедиций обогатили музейную экспозицию, а также регулярно вводились в научный оборот⁹.

⁹ С 1941 г. Исторический музей начал издавать сборники, в которых публиковались отчеты о проводимых археологических экспедициях.

Но главная мысль его доклада заключалась в словах: «<...> нам пора иметь не археологию РСФСР, не археологию Грузии, не археологию Украины, а археологию СССР <...> мы граждане СССР и давайте создадим археологию СССР, помогая в этом друг другу» (АРАН. Ф. 1909. Д. 13. Л. 149). Одним из главных достижений Совещания было закрепление ведущей роли московского ИИМК в структуре археологических учреждений страны. Александр Яковлевич был в числе тех сотрудников ИИМК, кто подписал письмо с ходатайством о переводе дирекции института из Ленинграда в Москву. На заседании Президиума Академии наук СССР 26 июля 1945 г. Брюсов был утвержден членом Ученого совета ИИМК АН СССР. С этого времени он – постоянный участник заседаний Академии наук СССР, проходивших в Доме ученых на ул. Кропоткина, 16 (ОПИ ГИМ. Ф. 454. Ед. хр. 49–50).

Ведущая роль московского ИИМК подкреплялась тем, что с этого момента Полевой комитет (позднее – Отдел полевых исследований), выдававший открытые листы с разрешением на ведение раскопок и разведок, обосновался в Москве. С 1953 г. Брюсов возглавлял Отдел полевых исследований, в который регулярно поступали полевые отчеты о проходивших в стране археологических работах, на которые он давал многочисленные отзывы и заключения. Однако сохранившиеся в его архиве документы свидетельствуют о том, что этой работой ученый начал заниматься сразу после окончания войны (ОПИ ГИМ. Ф. 454. Ед. хр. 22–26). Сохранились, например, его отзывы на отчеты о работах В.П. Левашёвой в Северо-восточной части Минусинского района в 1945 г.; Б.А. Сафонова – в Дзержинском, Володарском и Павловском районах Горьковской и Владимирской областей в 1946 г.; О.Н. Бадера – в низовьях р. Чусовой и на реках Нижний Тагил и Белой в 1947 г. и ряд других.

С 1944 г. ученый продолжил прерванные войной археологические экспедиции ИИМК и ГИМ в Московской области (неолитические стоянки у дд. Бисерово и Льялово, фатьяновский могильник у д. Большое Буньково (рис. 8), славянские курганы у ст. Битца и д. Вешняки), в Карелии (металлургический Петровский завод, стоянка и петроглифы Залавруга), в Вологодской области (стоянка Модлона), в Крыму (стоянка бронзового века Челки), на Урале (Горбуновский торфяник), в Латвии (неолитическая торфяниковая стоянка Сарнате). Благодаря раскопкам ученого и при его участии были созданы археологические экспозиции в Вологодском,

Череповецком, Каргопольском, Петрозаводском, Кирилловском и ряде других музеев.

Вернувшийся из эвакуации А.Я. Брюсов был включен в состав комиссии Комитета по делам искусств и культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР, занимавшейся поисками похищенных гитлеровцами культурных ценностей на территории Восточной Пруссии. С 26 мая по 13 июля 1945 г. он был направлен в Кенигсберг для спасения и возвращения этих ценностей, в том числе занимался поиском знаменитой Янтарной комнаты, ранее находившейся в Большом Екатерининском дворце в г. Пушкине (Царское Село). Похищенное гитлеровцами сокровище предназначалось для «музея фюрера» в Линце, с ноября 1941 г. оно временно находилось в Кенигсбергском замке, но после бомбардировки города союзниками, бесследно исчезло. Назначенный организатором поисковой операции Брюсов наблюдал за раскопками в разрушенном замке, вел переговоры с сотрудниками местного музея (в том числе директором городских художественных собраний Кенигсберга Альфредом Роде), однако поиски не увенчались успехом. Сохранившийся в архиве Брюсова «Отчет о работе в составе комиссии в г. Кенигсберге (Калининграде) в 1945 г. в поисках Янтарной комнаты» содержит подробности этой командировки (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. Д. 19).

С 1945 г. А.Я. Брюсов начинает вести большую научно-исследовательскую и общественную работу, являясь членом Московского областного бюро Секции научных работников при обкоме профсоюза работников культурно-просветительских учреждений, председателем месткома ИИМК¹⁰ (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 20. Л. 7).

С 1947–1948 гг. А.Я. Брюсов приглашен читать краткий курс общей археологии для студентов-историков Карело-Финского университета в Петрозаводске (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 220) (рис. 9). Он – член Ученого совета и постоянный участник научных заседаний Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР – научного центра республики; готовит к печати местные издания (*Брюсов, 1947*).

Правительство Советского Союза высоко оценило плодотворную деятельность А.Я. Брюсова, присвоив ему звание заслуженного деятеля науки РСФСР (1947), заслуженного деятеля науки

¹⁰ В 1953 г. его сменил на этом посту А.Ф. Дубынин.

Карело-Финской АССР, наградив его рядом почетных грамот и медалей, а в 1953 г. – орденом Ленина.

В личном архиве А.Я. Брюсова сохранились работы, написанные в 1940-е гг.: «Окский неолит (1944)», «Древнейший этап в истории населения Вологодской области», «Итоги изучения неолита за 25 лет» (1946), «Теоретический очерк истории древних племен европейской части СССР в III–II тысячелетиях до христианской эры», «Племя в эпоху первобытно-общинного строя и его отражение в археологическом материале» (1949), «Очерки по истории Карелии с древнейших времен до середины XVIII в.» (1950) и др. Именно к этим годам относится новый этап теоретико-методологических разработок ученого (заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху, экспансия «культур боевых топоров», индоевропейская проблема), которыми он занимался уже в 1950–1960-е гг. В 1953 г. монография А.Я. Брюсова «Очерки истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху» была выдвинута ИИМК АН СССР на соискание Сталинской премии¹¹, позже она была переведена на немецкий язык (*Brussov, 1957*) и служила учебным пособием в некоторых зарубежных вузах.

Таким образом, в 1930–1940-е гг. А.Я. Брюсов выдвинулся в число лидеров советской археологии, став признанным основоположником археологического изучения неолита и эпохи раннего металла Русского Севера, первооткрывателем и исследователем многих интереснейших памятников древнейшей истории нашей страны. Надо признать, что некоторые из его работ тех лет и поставленные им проблемы были дискуссионными. Тем не менее, они плодотворно повлияли на развитие важнейших исследовательских направлений в отечественной археологии и остаются востребованными и актуальными и в наши дни.

Литература

Археологические экспедиции..., 1962. Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР: 1919–1956 гг. Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: Изд-во АН СССР. 264 с.

¹¹ Присуждение не состоялось в связи с отменой Сталинской премии.

- Арциховский А.В., 1929. Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14. С. 136–155.
- Арциховский А.В., Киселёв С.В., Смирнов А.П., 1932. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения ГАИМК. № 1–2. С. 46–48.
- Арциховский А.В., Воеводский М.В., Киселёв С.В., Толстов С.П., 1937. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. № 2 (060). С. 78–91.
- Белозёрова И.В., 2015. Письма из эвакуации сотрудников Государственного исторического музея (1941–1944 гг.) // Великая Отечественная война. Исследования. Документы / Ред. О.Б. Афанасьева, И.Ю. Волченкова, Е.А. Князева. М.: ГИМ. С. 254–292.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., 2022. Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМ) // Канозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции / Сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина / Отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск: Национальный парк «Кенозерский». С. 123–143, 569–570.
- Брюсов А.Я., 1929. [Выступление в прениях по докладу А.В. Арциховского «Новые методы в археологии»] // Историк-марксист. Т. 14. С. 140–155.
- Брюсов А.Я., 1932. Письмо в редакцию // Сообщения ГАИМК. № 1–2. С. 76.
- Брюсов А.Я., 1935. Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую (А. Бротгер) // ПИДО. № 9–10. С. 213–221.
- Брюсов А.Я., 1939. Экспозиция отдела древнейшей истории в ГИМ'е // Советский музей. № 3. С. 23–27.
- Брюсов А.Я., 1940. История древней Карелии / Под ред. Г.Г. Бережного. М.: ГИМ. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 9)
- Брюсов А.Я., 1941. Поиски золота в Карело-Финской ССР в конце XVIII в. // Сборник статей по истории СССР XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Б.Я. Закс. М.: ГИМ. 188 с. (Труды ГИМ. Вып. 14)
- Брюсов А.Я., 1947. Краткий обзор археологических работ в Карело-Финской ССР // Материалы юбилейной сессии [Ученого совета Науч.-исслед. ин-та культуры Карело-Фин. ССР]. 25–27 янв. 1946 г. / Ред. А.И. Андреев. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР. С. 37–50.
- Брюсов А.Я., 1960. В.А. Гордцов: (К 100-летию со дня рождения) // Археологический сборник / Отв. ред. В.П. Левашёва. М.: Сов. Россия. С. 7–11. (Труды ГИМ. Вып. 37)
- Брюсов А.Я., 2012. На тропах археологии. Воспоминания / Сост., авт. вступ. статьи, примеч., коммент. С.В. Кузьминых, С.П. Щавелёв. М.; Курск: КГМУ, 2012. 88 с.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 98 с. (САИ. Вып. В 4-04)
- Закс А.Б., 1960. Из истории Государственного Исторического музея (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в России / Ред. Л.Я. Каирова, Т.И. Громова. М.: Сов. Россия. Вып. II. С. 300–379.
- [Клюшклина И.В.], 2014. Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873–1935 // Государственный исторический музей и отечественная археология.

- К 100-летию отдела археологических памятников / Отв. ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 232–288. (Труды ГИМ. Вып. 201)
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1948. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник / Ред. А.Я. Брюсов. М.: ГИМ. С. 59–172. (Труды ГИМ. Вып. XVII)
- Кузьминых С.В.*, 2021. Историко-металлургические исследования: поиски, проблемы, решения // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН. С. 53–69.
- Кузьминых С.В., Щавелёв С.П.*, 2012. Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.: Юридическая книга. С. 636–702.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.*, 2019а. У истоков московской археологической школы: В.А. Городцов и Институт археологии и искусствоведения РАНИОН // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: К 90-летию Р.М. Мунчаева / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: ИА РАН. С. 463–476.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.*, 2019б. Человек, который сделал себя сам: о личности Василия Алексеевича Городцова // Археологические вести. Вып. 25. С. 313–318.
- О вредительстве..., 1937. О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // СА. III. С. V–X.
- Ошибкина С.В.*, 1990. Научные концепции А.Я. Брюсова и современная археология. // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ. С. 5–9. (Труды ГИМ. Вып. 74)
- Ошибкина С.В.*, 2010. А.Я. Брюсов – исследователь древностей Севера // Достояние поколений. № 1 (8). С. 74–77.
- Первая Всероссийская..., 1939. Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.) / Ред. Г.Г. Бережной. М.: ГИМ. 72 с.
- Раушенбах В.М.*, 1965. К 80-летию Александра Яковлевича Брюсова // СА. № 3. С. 81–87.
- Раушенбах В.М.*, 1967. Памяти А.Я. Брюсова (1885–1966) // СА. № 2. С. 117–119.
- Раушенбах В.М.*, 1985. К 100-летию со дня рождения А.Я. Брюсова // СА № 4. С. 271–274.
- Формозов А.А.*, 2011. Записки русского археолога (1940–1970-е годы) / Текст книги подготовлен к изданию М.К. Трофимовой. М.: Гриф и К. 289 с.
- Brussov A.*, 1957. Geschichte der neolithischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR / Übers. aus dem Russ. von Dipl. phil. A. Häusler. Berlin: Akademie-Verlag. VIII, 327 с.

А.Н. Бессуднов, С.П. Щавелёв

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРМЕНСКИЙ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, МУЗЕЙНО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Резюме. Петр Николаевич Черменский (1884–1973) – известный исследователь древностей, краевед и организатор музейной работы Центрального Черноземья. Успешная работа в Тамбове (1919–1928) и Воронеже (1928–1931) была прервана приговором по «Делу краеведов» ЦЧО. После освобождения преподавал в Лебедяни (1939), Курске (1940–1941), где работал во время оккупации и после Великой Отечественной войны. С 1950 г. жил и работал в Лебедяни. Навыки полевых исследований приобрел в Санкт-Петербургском археологическом институте. П.Н. Черменский был одним из самых подготовленных и продуктивных специалистов Центрального Черноземья на историко-археологическом поприще. Но в силу разных политических и жизненных неурядиц ему так и не удалось себя реализовать в полной мере.

Ключевые слова: П.Н. Черменский, Санкт-Петербургский археологический институт, Центральное Черноземье, Тамбовский губернский музей, «Дело краеведов», Курский областной краеведческий музей, археология.

Петр Николаевич Черменский (1884–1973) – известный исследователь древностей, краевед и организатор музейной работы Центрального Черноземья. Поэтому закономерно, что отдельные аспекты его многогранной деятельности уже нашли отражение в публикациях специалистов (Алленова, 2002; Алленова, Мизис, 2002; Щавелёв, 2002. С. 103–105). Его предки носили фамилию Богоявленские, но после переезда деда в с. Чермные Тамбовской губернии (ныне Кабошский район Рязанской области) они стали именоваться Черменскими. В этом же селе родился Петр – самый младший, пятый, ребенок в семье.

Несмотря на бедность, родители стремились дать детям хорошее образование. Начальной грамоте их обучал отец – псаломщик и сельский учитель Николай Андреевич. Затем Петр еще 12

лет успешно осваивал программы нескольких духовных и светских учебных заведений Тамбовской губернии: Шацкого духовного училища (1893–1899); Тамбовской духовной семинарии (1902); Борисоглебской гимназии (1905). Полученный высокий уровень образования позволил ему без экзаменов поступить на историческое отделение Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института (1905–1909), полный курс которого он «окончил <...> с отличными отметками» (Фонды ЛКМ. Личный архив П.Н. Черменского; Архив КГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 296) (рис. 1). Научным руководителем П.Н. Черменского в Историко-филологическом институте был профессор русской истории С.М. Середонин (*Кривошеин, Рыжков*, 2011. С. 50). На основе дипломного сочинения Черменский подготовил свою первую научную публикацию (*Черменский*, 1911. С. 187–281), а спустя два года увидела свет и первая книга по истории лебедянского края (*Черменский*, 1913; *Первицкий*, 2013).

С 1907 по 1911 г. Петр Николаевич являлся и слушателем Императорского Санкт-Петербургского археологического института, где занимался у выдающихся ученых С.Ф. Платонова, Н.И. Веселовского, Н.В. Покровского, Н.П. Лихачёва (Фонды ЛКМ. Личный архив П.Н. Черменского; Фонд ЛОКМ КП 3562/1 Пи–243. Л. 1–1) (рис. 2). В институте он принимал активное участие в заседаниях кружков А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Спицына. В январе 1910 г., вследствие усилий последнего, на историко-филологическом факультете был учрежден в виде отделения исторического семинария археологический кабинет, который и стал постоянным местом проведения занятий и заседаний кружков. Преподавательский состав давал слушателям поистине энциклопедические знания. Как писал И.Л. Тихонов, благодаря лекциям А.А. Спицына археология воспринималась как неразрывная часть русской истории. Кроме этого, Александр Андреевич вел курсы по палеографии, на его занятиях обсуждались проблемы русского летописания, изучалась история боярского землевладения в Новгороде и новгородских ушкуйников. На архивном снимке из Музея истории СПбГУ, опубликованном И.Л. Тихоновым, среди первых слушателей есть и П.Н. Черменский, которого автор отнес к числу выпускников, ставших известными исследователями древностей. Отмечены также неоднократные книжные пожертвования П.Н. Черменского для формирования библиотечных фондов Археологического кабинета (*Тихонов*, 2003. С. 75–76, 140, 245, 247).

Весь корпус архивных источников по петербургскому периоду жизни и деятельности Петра Николаевича впервые был изучен в ЦГИА СПб и опубликован краеведом, научным сотрудником Лебедянского краеведческого музея Ю.П. Первицким (*Первицкий*, 2014. С. 168–178).

Учебу в Археологическом институте П.Н. Черменский сочетал с педагогической деятельностью, а для дальнейшего повышения своего образовательного уровня после окончания Историко-филологического института в 1909 и 1913 гг. стажировался на курсах немецкого языка в Марбурге. Известно, что деньги на вторую стажировку в сумме 300 рублей он получил от А.К. Журавлёвой – владелицы столичной кондитерской «Де Гурмэ», покойный муж которой был выходцем из Лебеядни, а сам Петр Николаевич являлся воспитателем ее внука (*Первицкий*, 2014. С. 171–172).

С 1 августа 1909 г. он назначен сверхштатным преподавателем истории и латинского языка в Санкт-Петербургскую окружную гимназию, а с 20 августа 1911 г. – также сверхштатным преподавателем в филологическую гимназию при своей alma mater – Историко-филологическом институте, где в 1916 г. сдал магистерские экзамены по русской истории (Фонды ЛКМ. Личный архив П.Н. Черменского. Б/н). Как начинающий преподаватель с высшим образованием согласно архивным сведениям П.Н. Черменский имел по табели о рангах чин VIII класса, то есть был коллежским ассессором. Интересны и такие факты: в 1914 и 1917 гг. он «за отлично-усердную службу и особые труды» награжден, соответственно, орденами святых Станислава и Анны – оба 3-й степени (*Первицкий*, 2014. С. 170, 172, 174) (рис. 3).

П.Н. Черменский стремился приобретать и опыт полевых исследований археологических объектов, для чего при любой возможности участвовал в экспедициях. В частности, летом 1909 г. он принимал участие в раскопках Ольвии под руководством профессора Б.В. Фармаковского. Высказывалось также мнение, что свои первые самостоятельные раскопки древнего мордовского могильника у с. Подлясово Спасского уезда Тамбовской губернии он провел на основании выданного ему открытого листа в 1911–1912 гг., однако подтверждения данному факту не обнаружено. Имеется лишь отрывок неопубликованной статьи «Мичкимляйский могильник» в его личном фонде, хранящемся в Лебедянском краеведческом музее.

В 1916 г. Петр Николаевич выдержал магистерские экзамены, и, как явствует из письма директора Императорского Петроградского историко-филологического института от 16 февраля 1917 г., по решению Министерства народного просвещения оставлен при институте для «приготовления к профессорскому званию по русской истории на текущий год по 1 января 1918 года со стипендией в 1200 р. из сумм Министерства». Руководить научными занятиями П.Н. Черменского конференция института поручила известному русскому историку, ученику С.Ф. Платонова профессору П.Г. Васенко (Фонды ЛКМ. Личный архив П.Н. Черменского. Б/н). В январе 1918 г. Черменский был избран в число членов-сотрудников Русского археологического общества (Там же.) (рис. 5).

Голод и разруха вынудили П.Н. Черменского в 1919 г. переехать на родину супруги – в г. Лебедянь, где он «работал в Наробразе заведующим музейной секцией и основал краеведческий музей» (Фонды ЛКМ. Личный архив П.Н. Черменского. Б/н). С 1920 г. приглашен в Тамбов профессором университета (читал курсы древней и русской истории). После закрытия университета руководил губернским музеем (1920–1923), затем заведовал народным музеем, был заместителем заведующего Тамбовского филиала Московского центрального гуманитарно-педагогического института – прообраза Института повышения квалификации учителей (1923–1928).

С 1925 г. Петр Николаевич исполнял обязанности губернского секретаря краеведения и члена Центрального бюро краеведения, был научным сотрудником Тамбовского губернского архива, ученым секретарем созданного, в том числе, и по его инициативе Общества истории, археологии и этнографии Тамбовского края. Участвовал совместно с И.М. Катаевым и слушателями Тамбовского университета в полевых исследованиях стоянки абашевской культуры на юго-западной окраине д. Перикса недалеко от Тамбова, где была обнаружена керамика, кремневые и костяные орудия, следы меди, мощные зольники. И.М. Катаев ошибочно отнес памятник к позднему неолиту – началу медной эпохи.

Кроме этого, Петр Николаевич произвел незначительные раскопки селища XVII в. у с. Татаново Тамбовского района, выезжал на место находки остатков мамонта в пос. Первомайский Красивской волости Кирсановского уезда, о чем было сообщено 26 мая 1924 г. членам секции истории и археологии края Общества (Краткое содержание..., 1925. С. 24; *Моисеев*, 1999. С. 12–13).

В разделе «Краеведческая хроника» первого выпуска «Известий ТОИПКМК» прошла также информация о выявлении в 1924 г. на высокому берегу Дона у с. Гагарино Нижне-Студенецкой волости Липецкого уезда палеолитической стоянки, где было найдено «большое количество костей мамонта, очаги, зола и костяные орудия». Подчеркивается, что это «первая, несомненно, палеолитическая стоянка, обнаруженная на территории Тамбовской губернии» (Археологические находки, 1925. С. 62). За все время работы в Тамбове Петр Николаевич не терял связи с Лебедевью. В ГАТО имеется информация о том, что в сентябре 1920 г. он организовал две археологические экскурсии в окрестности с. Волотово для отыскания и раскопок знаменитого кургана «Волотова могила» (ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 369. Л. 25 об., 29 об.–30).

За 1920–1928 гг. П.Н. Черменский сделал более тридцати докладов на заседаниях Общества и трех губернских краеведческих конференциях, около 10 из которых прямо или косвенно отражали состояние археологической проблематики в крае; активно публиковал в газете «Тамбовская правда» информацию о фактах выявления археологических материалов (Краткое содержание..., 1925).

В 1928 г. он «приглашен в Воронеж для руководства изучением производительных сил ЦЧО при Облплане» (в качестве заведующего бюро), где до 1931 г. активно «руководил работой научных учреждений Центрально-Черноземной области, проверял их планы, участвовал в их собраниях и т.д.» (Фонды ЛКМ. Личное дело П.Н. Черменского. Л. 196). В эти же годы он остается и в руководстве краеведческим движением Центрального Черноземья, которое после 1930 г. стремилось соответствовать задачам диктатуры пролетариата, что нашло отражение и в публикациях П.Н. Черменского. В частности, в них, по сути дела, поощрялась организация на местах стихийных археологических изысканий (Черменский, 1929. С. 19–21; Захарова, Бояркин, 2019. С. 122–138).

Черменский был репрессирован по сфабрикованному ОГПУ «Делу краеведов» ЦЧО (Акинъшин, Ласунский, 1990. С. 56–66; Акинъшин, 1992. С. 208–235; Формозов, 2006. С. 197; Щавелёв, 2007. С. 62–64), приговорен к десяти годам лагерного заключения. Срок отбывал в 1931–1939 гг. на строительстве Беломорско-Балтийского канала в качестве экономиста колонизационного отдела Беломорско-Балтийского комбината в г. Медвежьегорске (Карелия). В свободное время изучал историю и археологию Карелии и публиковал свои историко-краеведческие очерки в ла-

герном агитационном журнале «Перековка» (*Кривошеин, Рыжков*, 2011. С. 138–139). Некоторые из статей имели непосредственное отношение к древним объектам: «Медвежья гора и Повенец 3000 лет тому назад» (1934), «Вычегские петроглифы» (1935). Также он подготовил рукопись «Памятной книжки Олонецкой губернии» (Фонды ЛКМ. НВ 73/12. 26 л.).

После досрочного (на два года, по так называемым «зачетам за ударный труд») освобождения из Белбалтлага ненадолго вернулся в Лебедянь (1939), где преподавал немецкий язык на курсах учителей при педагогическом училище. Но клеймо «врага народа» вынудило его в августе 1940 г. переехать в Курск, «имея намерение работать в Курском пединституте». Однако пришлось ограничиться только преподаванием немецкого языка в школе для взрослых (январь – конец августа 1941).

В период оккупации Курска Черменский был назначен немцами директором областного краеведческого музея. Рискуя жизнью, спас неэвакуированную часть экспонатов и фондов от разграбления захватчиками, а затем и курянами-мародерами сразу после ухода немцев из города. Гестапо в Курске при допросе арестованной местной жительницы интересовалось, между прочим, не посещала ли она здешний музей (*Щавелёв*, 2013. С. 39). П.Н. Черменский не был репрессирован за сотрудничество с оккупантами и заведовал музеем с января 1942 по июль 1943 г. (а Курск был освобожден в феврале 1943 г.).

После освобождения Курска советскими войсками Черменский продолжал работу в музее (до 15 марта 1944 г.) и одновременно приступил к работе в вернувшемся из эвакуации Курском педагогическом институте. Преподавал немецкий язык, читал лекции по истории древнего мира (1945–1947), руководил педагогической практикой студентов, вел занятия в научно-историческом кружке, совершил со студентами ряд экскурсий в окрестностях г. Курска, обнаружив несколько новых археологических памятников.

В августе 1946 г. им была представлена к защите и апробирована в Московском историко-архивном институте кандидатская диссертация по теме: «Очерки по истории Мещеры и Рязанской Украины с древнейших времен до XVII в.», а также рукопись монографии «Города-крепости южной окраины Московского государства в XVII в.: Тамбов, Лебедянь, Курск», статьи «План Курской крепости XVII в.» и другие научные работы. На фоне послевоенной волны репрессий и идеологических проработок кафедры истории

СССР пединститута забрала эти работы по псевдополитическим соображениям. В августе 1947 г. Черменский вынужден был уволиться с институтской кафедры и вернуться к преподаванию в средней школе (*Кривошеин, Рыжков, 2011. С. 160–166*).

Работая в Курске, П.Н. Черменский постоянно проявлял интерес к древнейшему прошлому региона (*Черменский, 1947*). В обзоре истории археологического изучения Курской области отмечено, что именно им были проведены первые послевоенные исследования (*Археологическая..., 1998. С. 15*). Открытый лист «на право производства археологических обследований древней стоянки в городе Курске на берегу р. Тускари» был получен 25 сентября 1946 г. (Фонды ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского. Открытый лист № 68). Согласно отчетной информации, стоянку ему показал известный исследователь Курской земли Ю.А. Липкинг. Она располагалась «влево от Ямского моста, в расстоянии 100 метров от него». В отчете также отмечено, что он «1) произвел раскопку на месте древнего поселения под Курском и 2) изучил материал, собранный на месте поселения в 1946 году и весной 1947 года <...>. Участие в раскопках принимал, кроме меня, Либкинг [Липкинг. – *Авт.*] Ю.А., преподаватель Суворовского училища т. Рыбалка, старший научный сотрудник Курского музея В.И. Самсонов и 6 воспитанников Суворовской школы» (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №. 73. Л. 2). Исследования удалось провести только два дня – 6 и 13 октября: продолжение их стало невозможным в связи с рано наступившими заморозками. Всего «по квадратам и послойно» было раскопано 20 м². Памятник оказался многослойным, но самой многочисленной была коллекция ранних материалов, о которых автор пишет, что «обилие осколков [кремневых и кварцитовых] орудий заставляет предположить наличие мастерской каменных орудий» (Там же. Л. 8). Чуть позже они были интерпретированы как стоянки эпохи позднего неолита (*Смирнов, 1948. С. 111*).

В этом же отчете имеется приложение с информацией П.Н. Черменского о результатах обследования им 25–28 мая 1947 г. восточной части кладбища Стрелецкой слободы г. Курска «с целью отыскания археологических памятников». Осмотру подверглись, в первую очередь, ямы, образованные разрывами снарядов. В одной из них при зачистке стенок на площади «несколько более 1 кв. м» найдена коллекция массивной неорнаментированной керамики с примесью песка и слюды, венчики горшков «формированы защитами пальцев». Но особой удачей стало выявление

двух глинобитных очагов, которые были «замерены и остаются *in situ*», чтобы «показать их т. Воеводскому», приезд которого ожидался в Курск в июле (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 73. Приложение. Л. 12–13). Более детальная информация о проведенных работах содержится в полевом дневнике (Фонды ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского. 73/11. 13 л.).

В 1947–1948 гг. Петр Николаевич провел самостоятельные разведки, в ходе которых выявил в Курской области несколько новых археологических памятников. В частности, в августе 1948 г. он собрал коллекцию находок различных археологических эпох на Старообрядческом кладбище под Льговом, обследовал Шуклинское, Люшинское, Городенское городища; выявил, описал и привел ситуационные планы более десятка поселений различных эпох; отметил три местонахождения костей мамонта: «1) на берегу Сейма возле винокуренного завода, 2) в овраге подгородней слободы, 3) в парке при Санатории. Здесь же найден неолитический молоток» (Фонды ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского. 73/2. Л. 1, 3–4, 8). И после, до конца своей жизни Петр Николаевич не оставлял без внимания археологические памятники, хотя для проведения сборов на них разрешений не получал.

В эти же годы П.Н. Черменский принимал активное участие в работе Деснинской экспедиции под руководством М.В. Воеводского, проводившей исследования Авдеевской стоянки, Липинского городища и расположенного рядом грунтового могильника. Результаты проведенных работ и личные впечатления о работе на Липинском комплексе в отряде «Ростика» – Р.Л. Розенфельдта, нашли отражение в его дневниковых записях (Фонды ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского. 73/13). О знакомстве с П.Н. Черменским в этой экспедиции упоминает и ее участник А.А. Формозов (Формозов, 2006. С. 197).

Из Курска, где начальство постоянно припоминало заслуженному краеведу его лагерный и оккупационный опыт, в конце лета 1948 г. П.Н. Черменский переехал в Ставрополь. Там заведовал кабинетом истории в педагогическом институте (1948–1950). Последние годы жизни он провел в родной Лебедяни и до выхода на пенсию преподавал немецкий язык в сельскохозяйственном техникуме (1950–1956), а активно заниматься краеведческой работой продолжал вплоть до своей кончины. В 1956 г. он был избран членом Географического общества СССР. В 1961 г. опубликовал монографию «Прошлое Тамбовского края» (Черменский, 1961).

При изложении первой главы, которая называется «События прошлых времен», Петр Николаевич широко привлекает и данные археологии. Но несколько его монографических работ так и остались неопубликованными («Лебедянский уезд в XVII в. по писцовым книгам», «Тамбовский список Степенной книги», «Очерки по истории Рязанской Украйны и Мещеры», «История г. Тамбова»).

В 1952 г. П.Н. Черменский вместе с М.Я Стрельниковым и П.Д. Алексеевым принял участие в раскопках курганов у с. Вологово Лебедянского района Рязанской области, проводимых В.С. Синельниковым. Последний вел раскопки с серьезными нарушениями методики и, видимо, осознавая свою некомпетентность, был нетерпим к любым подсказкам и советам явно более опытного П.Н. Черменского. Как вспоминает П.Д. Алексеев, В.С. Синельников «не хотел расчерчивать место раскопок на квадраты и копать “на снос”, а начал копать шахтным способом квадрат в центре возвышения». Также «Синельников запретил делать обмеры захоронений и, что особенно плохо, не дал обмерить скелет, заявив, что научную работу здесь делает он один. На этом основании он не захотел признавать советы Черменского, чем побудил П.Н. не участвовать в дальнейшей работе. М.Я. Стрельников и Алексеев также оставили раскопки» (Фонды ЛКМ. Личный фонд П.Д. Алексеева. История Лебедянского музея. Л. 4). Отчет по итогам проведенных работ, представленный В.С. Синельниковым в ИИМК АН СССР, получил резко отрицательную оценку (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 670). Выявленные материалы не были должным образом обработаны, часть их депаспортизована или утеряна. Позднее на остатки этой коллекции П.Н. Черменский обратил внимание В.П. Левенка, который не без сложностей, но сумел представить ее научному сообществу в виде публикации (*Левенок*, 1960. С. 171–176).

Осведомленность П.Н. Черменского о древностях Центрального Черноземья ценили не только местные, но и столичные ученые, избравшие эту территорию в качестве региона своих изысканий. Петр Николаевич тесно взаимодействовал с такими археологами как Ю.А. Липкин, М.Е. Фосс, В.П. Левенок. В частности, М.Е. Фосс вела с ним переписку и неоднократно встречалась. Развернутая и взвешенная характеристика памятников различных эпох тамбовской и курской земли, а также описание наиболее интересных находок, в том числе и хранящихся у него лично, со-

держится в письме Петра Николаевича к ней от 22 декабря 1953 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 153. Л. 95–98).

В начале 1959 г. П.Н. Черменский познакомился с В.П. Левенком, с которым на долгие годы установились теплые дружеские и деловые отношения, что нашло отражение в более чем 20 письмах от Всеволода Протасевича, сохранившихся в фондах Лебедянского краеведческого музея. Уже в самом первом отчете по Липецкой области В.П. Левенок, собирая сведения по палеолитической плейстоценовой проблематике, приводит и данные П.Н. Черменского о находке костей мамонта и носорога в глиняном карьере кирпичного завода г. Лебедяни (ЛОКМ. НВ 55831. Л. 5). О других результатах работы ленинградской экспедиции П.Н. Черменский сообщает в местной печати (*Черменский*, 1959). Оценивая археологическую деятельность П.Н. Черменского, уже после его смерти, В.П. Левенок писал данковскому краеведу В.Л. Лукину, что «будущие исследователи Верхне-Донских древностей не пройдут мимо имен <...> – Петра Николаевича Черменского, Прасолова, Язовского, и многих других...» (цит. по: *Кривошеин, Рыжков*, 2011. С. 178).

Подводя итог, мы можем констатировать, что П.Н. Черменский на протяжении всей своей жизни сохранял интерес к прошлому родного края, опубликовал более 80 научных работ и свыше 140 популярных статей, подготовил к изданию шесть монографий. Тамбовский историк, профессор Ю.А. Мизис считает, что именно Петру Николаевичу «принадлежит главная заслуга в разработке подлинно научной истории Тамбовского края» (*Мизис*, 1984. С. 5–7). В то же время значимого научного археологического наследия он после себя не оставил, и назвать его настоящим ученым-археологом было бы ошибкой, но, вне всякого сомнения, он является ярким представителем той плеяды исследователей-краеведов – воспитанников дореволюционной школы, которые искренне трудились на ниве познания своего родного края во всем его многообразии (рис. 4).

П.Н. Черменский – один из последних по времени активной деятельности в российской провинции историков и археологов-практиков с дореволюционным гимназическим и университетским образованием и опытом работы. Но так сложилось, что в силу разных политических и жизненных неурядиц ему не удалось себя реализовать в полной мере. Советская репрессивная машина по абсурдному обвинению в монархическом заговоре продержала Петра Николаевича 8 лет на Беломорканале, потом его не допускали к пре-

подаванию в высшей школе, затем ему угрожало гестапо при германской оккупации. Однако несмотря ни на что Петр Николаевич упорно продолжал работать на историко-археологическом поприще. Свои исторические разыскания он публиковал, невзирая на тяжелые перипетии судьбы, на протяжении более чем полувека – с 1911 по 1970-е гг. Признанием заслуг одного из самых заметных деятелей краеведческого движения в Центральном Черноземье стал воздвигнутый напротив его детища – Лебедянского краеведческого музея – памятник от благодарных потомков, да и сам музей носит имя П.Н. Черменского (рис. 6).

Литература

- Акинъшин А.Н., 1992. Трагедия краеведов (По следам архива КГБ) // «Русская провинция». Записки краеведов / Сост. Р.В. Андреева, Р.В. Воротникова. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во. С. 208–235.
- Акинъшин А., Ласунский О., 1990. «Дело краеведов» Центрального Черноземья // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М.: Профиздат. С. 56–66.
- Алленова В.А., 2002. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия / Предисл. С.О. Шмидта. Рязань: Частный издатель П.А. Трибунский. 380 с.
- Алленова В., Мизис Ю., 2002. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. 437 с.
- Археологическая..., 1998. Археологическая карта России: Курская область. Ч. 1 / Автор-сост. А.В. Кашкин / Под ред. Ю.А. Краснова. М.: ИА РАН. 299 с.
- Археологические находки, 1925. Археологические находки // ИТОИПКМК. Вып. 1. Тамбов: [б/и]. С. 62.
- Захарова Е.Ю., Бояркин М.В., 2019. У истоков «советской науки на местах»: 1920-е годы в истории воронежской археологии // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 122–138.
- Краткое содержание..., 1925. Краткое содержание докладов, прочитанных в Тамбовском Обществе изучения природы и культуры местного края за годы 1920–1925 // ИТОИПКМК. Вып. 1. Тамбов: [б/и]. С. 13–31.
- Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А., 2011. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа. М.: Древлехранилище. 315 с.
- Левенок В.П., 1960. Волоотовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье // Известия ВГПИ. Т. XXXI. Воронеж: [б/и]. С. 171–176.
- Мизис Ю.А., 1984. П.Н. Черменский – историк Тамбовского края // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области: Краткие тезисы докладов к III областной научн. конф. (ноябрь 1984 г.) / Науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов. С. 5–7.
- Моисеев Н.Б., 1999. Археологические исследования в Тамбовском крае. Тамбов: [б/и]. 56 с.

- Первицкий Ю.П.*, 2013. Первая книга по истории лебедянского края // Труновские чтения: традиции и современность. Материалы региональной научно-практ. конф. 21 октября 2013 г.; Липецк. Липецк: [б/и]. С. 43–49.
- Первицкий Ю.П.*, 2014. Новые документы о петербургском периоде жизни и деятельности П.Н. Черменского // Первицкий Ю.П. Не зря мы ворошим былое...: Сборник статей по истории Лебедянского края и о людях, прославивших его. Липецк: «Гравис». С. 168–178.
- Смирнов А.П.*, 1948. Археологические исследования в РСФСР в 1946 году // КСИИМК. Вып. XXIII. С. 109–113.
- Тихонов И.Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: СПбГУ. 332 с.
- Формозов А.А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак. 344 с.
- Черменский П.Н.*, 1911. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия ТУАК. Вып. 54. Тамбов: Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина. С. 187–281.
- Черменский П.Н.*, 1913. Город Лебедянь и его уезд в XVII (к 300-летию г. Лебедяни). СПб: тип. В.Д. Смирнова. 104 с.
- Черменский П.Н.*, 1929. Археолог-любитель. Петр Емельянович Кудинов-Фёдоров // Бюллетень областного бюро краеведения Центрально-Черноземной области. Воронеж: [б/и]. С. 32.
- Черменский П.Н.*, 1947. Древние поселения в Курске // Курская правда. 1 июня.
- Черменский П.*, 1959. Археологическая экспедиция в нашем районе // Путь к коммунизму. 12 августа.
- Черменский П.Н.*, 1961. Прошлое Тамбовского края [Текст]. Тамбов: Кн. изд-во. 199 с.
- Щавелёв С.П.*, 2002. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920–1950-е гг.). Курск: КГМУ. 200 с.
- Щавелёв С.П.*, 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов (Курский «филиал»). Курск: КГМУ. 272 с.
- Щавелёв С.П.*, 2013. «Под немецкой сворой...» Дневник оккупации города Курска в 1941–1942 гг. // События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается / Под ред. В.Л. Богданова. Курск: ОКУ «Госархив Курской области». С. 33–42.

П.Г. Гайдуков, А.А. Кудрявцев

**АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АРЦИХОВСКИЙ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ
С КОЛЛЕГАМИ И УЧЕНИКАМИ)**

Резюме. В статье представлены основные вехи биографии А.В. Арциховского за 1941–1945 гг. и сделан обзор его переписки с коллегами и учениками. В письмах военного времени обсуждаются будни на фронте и в эвакуации, планы научной деятельности, новые книги и конференции, события в Московском университете и ИИМК АН СССР. Эпистолярное наследие А.В. Арциховского является значимым источником по истории советской археологии и повседневной жизни археологов в годы войны.

Ключевые слова: А.В. Арциховский, история археологии, письма военных лет, эпистолярное наследие, Всесоюзное археологическое совещание.

К 1941 г. А.В. Арциховский являлся признанным лидером отечественной исторической науки. В научном багаже тридцатидевятилетнего ученого было проведение раскопок многочисленных вятических курганов и культурного слоя Москвы по линии строительства первой очереди метрополитена (рис. 1). Особо результативными оказались работы в Новгороде, которые заложили методические основы исследования древнерусского города. Ряд работ теоретического характера, связанных с внедрением установок марксизма, позволили считать его одним из основоположников применения этих идей в советской археологии.

А.В. Арциховскому удалось пройти практически без последствий идеологические кампании середины 1930-х гг. и избежать репрессий. Более того, к рубежу 1930-х – началу 1940-х гг. его положение только укрепилось. В 1937 г. он получил звание профессора, в 1939 г. ученый становится заведующим воссозданной кафедры археологии Московского университета, а в 1940 г. защищает докторскую диссертацию. Вокруг него формируется круг ближайших учеников, которые впоследствии оставят значительный след в науке.

С началом Великой Отечественной войны А.В. Арциховский, как и многие преподаватели и студенты МГУ, записывается в Московское народное ополчение. В составе 8-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения Краснопресненского района в начале июля 1941 г. он проходил строевую подготовку в Нахабине (сейчас рабочий поселок в составе г.о. Красногорск). Но вскоре из ополчения он был отозван вместе с другими специалистами (Летописи войны..., 2012. С. 310). Уже 25 октября 1941 г. с Московским университетом он эвакуируется в Ашхабад (ОПИ НГМ. Ф. Р-2. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1).

Впоследствии 8-я Краснопресненская дивизия народного ополчения принимала участие в Вяземской оборонительной операции и в ходе боев под Ельней в начале октября 1941 г. была почти полностью уничтожена и вскоре расформирована. Тогда погибли доброволец дивизии археолог А.А. Мансуров и многие коллеги А.В. Арциховского по Московскому университету. В этот же период попал в плен сотрудник ГИМ П.А. Дмитриев.

Очевидно, что мысли об этом занимали А.В. Арциховского. Вероятно, он делился ими в письмах к сестрам и матери, которые, к сожалению, не сохранились. По всей видимости, в ответном письме сестры Надежды Арциховской из Уфы от 9 июля 1942 г. завуалировано речь идет именно об уходе из ополчения: «Я очень рада, что ты отчислился в июле, там именно можно было бы погибнуть совсем бесполезно, особенно с твоими данными. Страшно делается, когда подумаю о Дмитриеве и о том, что это могло бы быть и твоей судьбой» (АРАН. Ф. 1804. Д. 103. Л. 157).

2 сентября 1942 г. А.В. Арциховский вместе с Московским университетом уезжает из Ашхабада в Свердловск, а уже 17 февраля 1943 г. он возвращается в Москву (ОПИ НГМ. Ф. Р-2. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1). В период эвакуации он не проводил каких-либо археологических исследований, и в условиях военного времени не выходили его работы в печати. Научная деятельность ограничивалась лишь преподаванием. Первые за эти годы раскопки он осуществил только в июле–сентябре 1944 г. – исследования вятических курганов у ст. Царицыно (сейчас в черте г. Москвы). В сентябре 1944 г. ученый провел обследование разрушений Гнездовского археологического комплекса по заданию Чрезвычайной государственной комиссии (Арциховский, 1947; Мигай, 2001).

С лета 1944 г. А.В. Арциховский принимал участие в подготовке Всесоюзного археологического совещания. Он являлся членом

итоговой секции, которая занималась обобщением результатов археологических исследований в СССР за 25 лет. Собрание состоялось 25 февраля – 2 марта 1945 г. (*Кудрявцев, Володин, 2020а; Итоги и перспективы...*, 1945. С. 12). Незадолго до начала этой конференции опубликована его докторская диссертация в виде монографии (*Арциховский, 1944*). Эти события фактически ознаменовали скорое возвращение к мирной жизни.

На протяжении всех военных лет А.В. Арциховский вел активную переписку с коллегами, учениками, родственниками, являясь для нескольких поколений советских археологов своеобразным центром притяжения. В этих письмах, повествующих о военных судьбах конкретных людей, отражается история всего военного поколения: ранен, убит, пропал без вести, был в плену, сослан, награжден, вернулся с фронта. Но есть и то, что выделяет их из общей массы: все пишущие ощущают себя частью братства ученых-археологов и даже находясь далеко друг от друга, они интересуются новостями о научной работе коллег, о раскопках, об университете, об институте.

На данный момент из этого обширного эпистолярного наследия военного времени в сокращенном виде опубликованы лишь 11 писем А.В. Арциховского своему ученику В.В. Кропоткину за 1943–1945 гг., который в эти годы служил рядовым в железнодорожных войсках (*Каменецкая, 2004*). В Архиве РАН (АРАН) хранятся 3 ответных письма В.В. Кропоткина, отправленные из Донбасса и Смоленска (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 152).

Опубликованы 5 писем А.В. Арциховского Б.А. Колчину, адресованные на рудник Большая Инта в республике Коми АССР, где ученый отбывал наказание, вероятно, за пребывание на оккупированной территории после участия в боях на Юго-Западном фронте и выхода из окружения осенью 1941 г. (*Гайдуков, 2004. С. 29–34*). В АРАН хранится только одно ответное письмо Б.А. Колчина от 27 апреля 1944 г., в котором он кратко пишет о себе и просит рассказать об университете: «Для сегодня все хорошо, только не хватает книг, их просто тут нет, а жажда занятий родной археологией велика» (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 150).

Одно из первых военных писем, адресованных А.В. Арциховскому, принадлежит его ученику А.В. Никитину. Письмо от 11 июля 1941 г. отправлено из-под Вязьмы. Он упоминает совместное с учителем кратковременное обучение в Нахабине и дальнейшее продвижение к фронту, пишет о неуверенности

в завтрашнем дне. В этих строчках можно увидеть предчувствие дальнейших трагических событий: «Страха нет и потому, что я не цепляюсь особенно сильно за жизнь, слишком мало знаю приятные стороны ее – единственно светлые страницы ее это история, которой сейчас ненужно заниматься, и мое знакомство с Вами, а Вы далеки». Вскоре 8-я Краснопресненская дивизия народного ополчения попала в Вяземский котел.

При этом А.В. Никитин прошел рядовым всю войну. Его следующее письмо со следами работы военной цензуры, написанное на немецкой открытке, отправлено, вероятно, из-под Кенигсберга 12 марта 1945 г. (местопребывание в письме замазано чернилами – следы работы военной цензуры): «Немцы, осажденные в городе, испытывают все ужасы войны. Они получают свою долю ленинградской жизни» (рис. 2). Впоследствии А.В. Никитин был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За взятие Кенигсберга». В этом же послании А.В. Никитин разделяет низкую оценку итогов Всесоюзного археологического совещания, данную А.В. Арциховским. (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 185. Л. 3–3 об.).

Письмо из действующей армии от 2 сентября 1941 г. было отправлено коллегой А.В. Арциховского по работе в ИИМК АН СССР и ГИМ А.П. Смирновым. В это время он служил в 1-й Ленинской дивизии народного ополчения. В октябре 1941 г. А.П. Смирнов вышел с группой бойцов из окружения. В январе был демобилизован и отправлен в Москву. Его сын К.А. Смирнов оставил воспоминания о боевом пути отца (*Мельникова, Останина, 2020*). Следующее письмо датируется 4 марта 1942 г. – А.П. Смирнов сообщает об обследовании подмосковных памятников архитектуры, разрушенных немцами. Сотрудники ИИМК занимались такими исследованиями в рамках деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны, организованной в январе 1942 г. И.И. Минцем. Сведения об этой работе содержит и письмо В.Д. Блаватского от 2 февраля 1942 г. с перечислением дальнейших пунктов для выполнения заданий Комиссии (Волоколамск, Бородино, Старица, Можайск, Керчь (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 110)). В 1943–1944 гг. подобные обследования распространятся еще на объекты археологического наследия и музейные собрания – они будут вестись по заданиям Чрезвычайной государственной комиссии, которая занималась общим сбором сведений о причиненном ущербе, нанесенном в годы Великой Отечественной войны (*Кудрявцев, Володин, 2020б*). В следующих двух письмах от

13.03.1942 и 13.06.1942 А.П. Смирнов рассказывает о начавшихся лекциях в университете, коллегам и положении в Москве. Два письма, датированные июнем 1945 г., были отправлены из Берлина (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 207), где в мае-июле А.П. Смирнов работал по специальному заданию для изучения коллекций музеев Германии (ОПИ ГИМ. Ф. 496. Ед. хр. 153. Л. 90).

Следующие фронтовые письма относятся уже к 1943 г., когда А.В. Арциховский вернулся из эвакуации. Среди них 3 письма от участника Курской битвы Д.А. Авдусина (*Мигай*, 2018). В первом из них от 12 апреля 1943 г. он сообщает, что едет на фронт, оставив позади Свердловск и учебу в Черкасском пехотном училище. В следующих письмах от 22 августа и 17 сентября 1943 г., отправленном из с. Сазыкино (сейчас Елецкий р-н Липецкой области), он сообщает о пулевом ранении в ногу и нахождении в госпитале. Д.А. Авдусин подробно рассказывает о фронтовых буднях пулеметчика и повседневной жизни в тылу после ранения. Упоминает и свое участие в раскопках Гочевского археологического комплекса: «Частенько вспоминаю Гочево, ибо нахожусь, вернее находился недалеко от тех мест. Хотел бы я знать, придется ли мне еще разок участвовать в раскопках» (Архив НАЭ; АРАН. Ф. 1804. Д. 91. Л. 1).

Следующий блок писем военного времени включает переписку А.В. Арциховского с коллегами и учениками, находящимися в эвакуации. Среди них письмо А.Ф. Медведева от 7 марта 1943 г. из Свердловска с новостями о жизни университета в эвакуации – сведениями о недавней сессии, сданных экзаменах и спецкурсах (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 173. Л. 1), письмо А.Л. Монгайта от 28 апреля 1943 г. из с. Дегерес (Алматинская область) с подробным рассказом о работе учителем в сельской школе. Ученый жаловался на отсутствие возможности вести научную деятельность: «И вообще я мечтаю только о библиотеке, архиве и хотя бы о самых маленьких раскопках» (Там же.).

П.П. Ефименко в очень информативном письме от 20 августа 1944 г. из Елабуги сообщал о результатах раскопок Луговского могильника в 1943 г. и его значении для изучения ананьинской культуры. Послание также содержит рассказ об участии П.П. Ефименко и С.Н. Бибикова в работе Экспедиции особого назначения АН СССР. По заданию Наркомата обороны с октября 1942 г. по январь 1943 г. в чрезвычайно сложных условиях они обследовали территорию устья Камы с целью изучения местности на предмет строительства укреплений, что было особо важно в условиях тогда

еще неизвестного исхода Сталинградской битвы. Руководство экспедицией осуществлял А.П. Смирнов. Ранее были опубликованы воспоминания С.Н. Бибикова об этих работах (Платонова, 1991. С. 65).

В дальнейшем П.П. Ефименко делится своими научными планами, рассуждает о кажущемся ему плачевном положении ИИМК, общем состоянии отечественной археологической науки: «Кроме того, и на каждом из нас лежит ответственность за состояние русской археологии, которая особенно в условиях настоящего момента – я убежден в том – могла бы занять очень высокое положение в мировой науке». Видит он и кризис западной археологии, упоминая взгляды Г. Чайлда, Ж. Дешелета, А. Тальгрена, Н. Оберга (АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 132). Данное письмо является скорее исключением. В переписке военного времени бытовые проблемы и вести личного характера, как правило, заменяли научную составляющую.

Отметим и некоторые послания от самого А.В. Арциховского. Среди них письмо М.Н. Тихомирову из Свердловска от 23 января 1943 г. со сведениями о студентах исторического факультета Московского университета (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 1) и странное письмо В.И. Равдоникасу, отправленное уже из Москвы 6 января 1944 г. Оно представляет собой весьма полный перечень известий о судьбах московских археологов в военные годы. А.В. Арциховский пишет о коллегах, павших в боях и о тех, кто еще на фронте, рассказывает о защитах диссертаций В.Д. Блаватского А.Я. Брюсова, упоминает В.А. Городцова, делится сведениями о работе кафедры археологии Московского университета и собственной научной темой – изучение истории русской археологии (СПбф АРАН. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 32. Л. 1–1 об.).

Отдельно можно выделить четыре письма А.В. Арциховского за 1944–1945 гг. на фронт уроженцу Новгорода В.С. Бачманову (1920–1986). Он не был археологом, но закончил историческое отделение Новгородского государственного учительского института в 1939 г. После войны работал на философском факультете Ленинградского университета. Можно предположить, что они познакомились на раскопках в Новгороде в конце 1930-х гг. Во всяком случае, в переписке археология является основной темой. А.В. Арциховский рассказывает о новых книгах, защитах диссертаций, судьбе коллекций Новгородского музея. В письме от 14 ноября 1944 г. А.В. Арциховский сообщает о своих работах

в Царицыно и о дальнейших планах: «... я ездил в Смоленск и осмотрел курганы в Гнездове. Думаю после войны провести там большие раскопки в течение ряда лет. Продолжать новгородские раскопки не собираюсь, и потому только, что мне слишком тяжело было бы увидеть разрушенный Новгород» (Архив НАЭ. б/н).

А.В. Арциховский освещает итоги Всесоюзного археологического совещания в письме от 4 марта 1945 г., которое он оценил не слишком высоко: «Оно был торжественное, но бледное. Собралось свыше 150 делегатов. Хорошо были представлены Ленинград, Средняя Россия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Волга и Сибирь. Но дело свелось к интересным встречам. 6 дней заседали по научно-организационным вопросам (притом без всяких результатов) и только два по научным. Диспропорция удивительная. Винаваты организаторы Мишулин и Греков. Я против такой повестки протестовал». Практически идентичный текст про итоги Совещания в этот же день был отправлен В.В. Кропоткину (НА ИА РАН. Личный фонд В.В. Кропоткина. б/н).

Переписка А. В. Арциховского военного времени, хотя и не часто содержит конкретные данные с учетом действия военной цензуры, ярко отображает повседневную жизнь археологов на фронте и в эвакуации, показывает их стремление к возвращению в науку и постоянную потребность в новостях о судьбах коллег и товарищей, деятельности ИИМК и Московского университета.

Литература

- Арциховский А.В.*, 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ. 216 с.
- Арциховский А.В.*, 1947. Царицынские курганы // *Материалы и исследования по археологии Москвы*. Т. 1 / Под ред. А.В. Арциховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 7–22 (МИА. № 7)
- Каменецкая Е.В.*, 2004. Артемий Владимирович Арциховский в годы войны (по материалам переписки) // *Новгородские археологические чтения–2*. Материалы научн. конф., посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород, 21–22 сентября 2002 г. / Под ред. В.Л. Янина, А.С. Хорошева, Е.А. Рыбиной. Великий Новгород. С. 17–22.
- Гайдуков П.Г.*, 2004. Артемий Владимирович Арциховский и Борис Александрович Колчин (1935–1950 гг.) // *Новгородские археологические чтения–2*. Материалы научн. конф., посвященной 70-летию археологического изучения

- Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород, 21–22 сентября 2002 г. / Под ред. В.Л. Янина, А.С. Хорошева, Е.А. Рыбиной. Великий Новгород. С. 22–34.
- Итоги и перспективы..., 1945. Итоги и перспективы развития советской археологии (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Под общ. ред. акад. В. П. Потемкина. М.: [б.и.]. 195 с.
- Кудрявцев А.А., Володин С.А., 2020а. Всесоюзное археологическое совещание 1945 года и его влияние на археологию СССР в послевоенный период // Липецкая конференция молодых ученых. Материалы всероссийск. научн. конф. с международным участием. Липецк, 6–7 октября 2020 г. / Отв. ред. Р.В. Смольянинов. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. С. 144–147.
- Кудрявцев А.А., Володин С.А., 2020б. Участие сотрудников Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР в работе Чрезвычайной государственной комиссии (1943–1944 гг.) // КСИА. Вып. 260. М.: ИА РАН. С. 540–555.
- Летописи войны..., 2012. Летописи войны. Воспоминания, дневники, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М.: МГУ. 328 с.
- Мельникова О.М., Останина Т.И., 2020. Археолог Алексей Петрович Смирнов о Великой Отечественной войне // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 30. Вып. 4. С. 718–727.
- Мигай А.В., 2018. Боевой путь старшего сержанта Д.А. Авдусина. Попытка реконструкции // Археология Древней Руси: Актуальные проблемы и открытия. Материалы междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. Москва, 22–24 ноября 2018 г. / Гл. ред. Е.А. Рыбина; Отв. ред. Н.В. Ениосова. М.: МГУ. С. 9–10. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 140. Сер. II: Исторические исследования; 83).
- Мигай А.В., 2001. Гнездовский археологический комплекс (1941–1945 гг.) // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ. С. 216–217. (Труды ГИМ. Вып. 124)
- Платонова Н.И., 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 45–78.

Т.О. Галкин

**АНГЕЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ДМИТРИЕВСКАЯ:
НЕПРОСТАЯ СУДЬБА УЧЕНИЦЫ В.А. ГОРОДЦОВА**

Резюме. Работа посвящена жизни и научной деятельности Анжелины Васильевны Дмитриевской, малоизвестной ученицы А.В. Городцова, чья археологическая активность пришлась на 20–40-е годы XX века.

Ключевые слова: А.В. Дмитриевская, В.А. Городцов, Палецкие курганы, Палецкое городище, военные годы, блокадный Ленинград, раскопки на Украине.

Ангелина Васильевна Дмитриевская (1901 – после 1967) – малоизвестная ученица Василия Алексеевича Городцова. В данной статье мы попытаемся немного рассказать об археологической работе и судьбе этой исследовательницы.

В статье С.В. Кузьминых и И.В. Белозёровой напрямую говорится: «К сожалению, биографические сведения об А.В. Дмитриевской крайне скупы. Она не упомянута в “Списке наиболее выдающихся учеников профессора В. А. Городцова”» (Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 249). Небольшое упоминание о ней есть в обобщающей работе «Академическая археология на берегах Невы», посвященной Институту истории материальной культуры РАН. На странице 345 в списке сотрудников указано: «ДМИТРИЕВСКАЯ Ангелина Васильевна (1901 – после 1967) – археолог. Ученица В.А. Городцова. В ИИМК/ЛОИИМК с 1942 по 1946 г. Впоследствии сотрудница Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева. Жительница блокадного Ленинграда. Специализация: технология изготовления древнерусских ювелирных изделий XI–XIII вв.» (Академическая археология..., 2013. С. 345) (рис. 1).

«Известно, что вместе с другими учениками В.А. Городцова (М.Е. Арсаковой, Е.М. Витвицкой, Е.Н. Липеровской, В.П. Левашёвой, П.А. Дмитриевым, А.П. Смирновым) [Дмитриевская. – Т.Г.] участвовала в раскопках городищ и могильников XII–XIV вв. в Коми крае в 1925 г., в 1925—1927 гг. самостоятельно исследова-

ла славянские Палецкие городище и курганы на р. Вобле, притоке р. Оки (Дмитриевская, 1937)» (Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 249). Тем не менее, нам удалось найти некоторые сведения об исследовательнице как биографического, так и научного характера¹. Наиболее ранние биографические факты о семье и жизни до института нами пока, к сожалению, не найдены.

Поступив в 1922 г. в первый набор археологического отделения факультета общественных наук 1 МГУ, в 1923 г. в числе наиболее подготовленных учеников В.А. Городцова Ангелина Васильевна Дмитриевская совместно с Алексеем Петровичем Смирновым получает свой первый открытый лист на разведки по притокам Моквы-реки (Жук, 2001. С. 63).

О ее обучении мы знаем благодаря архиву В.А. Городцова, сохранившемуся в Отделе письменных источников ГИМ. А.В. Дмитриевская входила в группу особо любимых учеников, которые шутливо назывались «Тотемом Лягавой лягушки». В рамках своей школы В.А. Городцов давал ученикам реальные задачи для освоения ими типологического метода. Тема работы А.В. Дмитриевской на 1 курсе – «Зеркала металлического периода». Она, по всей видимости, связана с зеркалами из погребений эпохи бронзы – раннего железного века Причерноморья, одной из основных тем, увлекавших Городцова как археолога (Кузьминых, Белозёрова, 2012. С. 137–138).

Далее были исследования в ходе археологических работ в составе группы 1 МГУ В.А. Городцова на раскопках Туровского поселения в 1924 г. (Кузьминых, Белозёрова, 2018. С. 324). В 1925 г. выпускники В.А. Городцова, среди которых была и Ангелина Васильевна, предпринимают крупные самостоятельные исследования в автономной области Коми. Группу исследователей составляли А.П. Смирнова (руководитель), П.А. Дмитриев, М.Е. Арсакова, Е.М. Витвицкая, А.В. Дмитриевская, В.П. Левашёва и Е.Н. Липеровская. При этом открытый лист был выдан на всю группу, но одновременно считался и индивидуальным для каж-

¹ Выражаю благодарность главному хранителю музея-заповедника «Зарайский кремль» Л.И. Максимова за идею направления поиска, научному сотруднику отдела палеолита ИИМК РАН, к.и.н. М.Н. Желтовой за помощь с работой в архиве ИИМК РАН, младшему научному сотруднику отдела археологии ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН А.Л. Белицкой за неоценимую помощь в работе с архивом экспедиции в Коми.

дого исследователя (Жук, 2001. С. 63). Согласно телеграмме, направленной в Общество изучения Коми края, «отъезд экспедиции намечается между 1 и 15 июня. Деньги просим прислать к 25 мая» (НМРК КП-9819/3). В этой же телеграмме еще раз отмечалось, что «все участники предполагаемой экспедиции – ученики проф. В.А. Городцова, окончили Археологическое отделение 1-го Московского Гос. Университета и имеют большую археологическую практику. Некоторые из участников состоят научными сотрудниками Научно-исследовательского института археологии факультета общественных наук 1-го МГУ» (НМРК КП-9819/3).

Экспедиция успешно работала с 14 по 29 июня 1925 г. Были обследованы городище Карабийыв, некрополи Гидсайяг и Кляныш-Ласта, принадлежавшие местному финскому населению, и неолитическая дюнная стоянка, расположенная близ села Ванвидзино Усть-Вымского уезда автономной области Коми (Раскопки археологической..., 1925). Экспедиция внесла ощутимый вклад в развитие северной археологии (НМРК КП-9819/4). Открытые и исследованные памятники принадлежат к переходному этапу вымской культуры, когда еще заметны западные и юго-западные связи (булгарские украшения, саманидские монеты), но уже намечается переход к контактам с русским населением Новгородской земли (*Стоколос, Королёв*, 1984. С. 39). Результаты данных исследований были отражены в крупной публикации А.П. Смирнова, посвященной Винвиздинской дюнной стоянке (*Смирнов*, 1928. С. 472–480).

Стоит отметить, что эта генерация городцовских учеников оказалась достаточно дружной. И позднее А.П. Смирнов при работе в Удмуртии отмечает это. «Помимо обращения к работам В.А. Городцова, А.П. Смирнов ссылается и на отчеты своих однокурсников Арсаковой, Дмитриевской, В. Левашёвой, П.А. Дмитриева о работах в Коми, что, несомненно, свидетельствует о совместном обсуждении учениками В.А. Городцова различных археологических проблем» (*Мельникова*, 2017. С. 49).

В следующем, 1926 г. А.В. Дмитриевская получает открытый лист на раскопки Палецкого городища и курганов в Луховицкой волости Зарайского уезда Рязанской губернии. На Палецком городище была заложена поперечная траншея. Предполагалось, что траншей будет две, но, так как Зарайским музеем, на средства которого производились раскопки, отпущена была очень небольшая сумма, оказалось возможным провести лишь одну попереч-

ную траншею (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 171. Л. 3). Траншея была заложена в западной части городища по направлению с севера на юг. Длина траншеи составила 33,90 м, ширина – 1,50 м. Траншея была разбита на 19 участков, пронумерованных с юга на север. Размеры участков с 1 по 13 – 1,50 м, 14–19 – 2,40 м. Раскопки велись послойно. Для уточнения ряда объектов, зафиксированных в траншее, А.В. Дмитриевская приняла решение сделать несколько прирезок («вырезок», по словам автора отчета). Член ГАИМК П.П. Ефименко дал следующее заключение/отзыв на отчет и работы А.В. Дмитриевской: «Раскопки выполнены А.В. Дмитриевской весьма добросовестно. Одинаково интересны и открытые ею в культурных напластованиях Палецкого городища остатки жилищ, относящихся к ранней эпохе городищ Оки, и курганы, возможно, связанные с городищем, представляющие тип сооружений, неизвестных в Рязанской губ. Академия полагала бы весьма желательным продолжение раскопок А.В. Дмитриевской. 19. V. 1927. Ученый сотрудник П. Ефименко» (Там же. Л. 1). Стоит отметить, что уже в 1926 г. А.В. Дмитриевская применяла комплексный подход к изучению полученного материала. В частности, для определения коллекции костей домашних животных в качестве консультанта был привлечен известный ученый, профессор Сергей Николаевич Боголюбский, специалист по эволюции и морфологии домашних животных (Там же. Л. 4).

Позднее, в 1928 г., П.П. Ефименко в составе экспедиции ГАИМК сам обследовал Палецкое городище и определил его площадь – 1266 м², но раскопки не проводились (*Монгайт*, 1961, С. 32; *Смирнов, Трубникова*, 1965. С. 29). Материалы этих работ освещены учеником П.П. Ефименко П.Н. Третьяковым в 1935 г. в работе «Из истории класового общества Верхнего Поволжья» (*Третьяков*, 1935. С. 153).

В этом же, 1926 г., А.В. Дмитриевская проводит обследование Аксеновской (Палецкой) курганной группы (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 171), расположенной в 1,5 км к западу от Палецкого городища (рис. 2). Исследовано 5 из 11 курганов этой группы (Археологическая карта..., 1997. С. 109–110). Также А.В. Дмитриевская, по всей видимости, проводит наблюдения за прокладкой водопровода в Зарайском кремле (рис. 3). Однако никакой отчетной документации об этих наблюдениях обнаружить пока не удалось. Спустя 10 лет А.В. Дмитриевская опубликует материалы этих раскопок в, пожалуй, своей единственной крупной статье – «Палецкие курганы» (*Дмитриевская*, 1937. С. 289–299).

Автор работ отмечает необычность кургана № 1 и связывает его с местом проведения языческой тризны. Однако А.Л. Монгайт на основе анализа дневников раскопок приходит к выводу, что курганная группа была насыпана на более раннем славянском селище, и те ямы и очаги, которые были обнаружены А.В. Дмитриевской, не имеют отношения к кургану № 1. Он пишет: «Трудно делать выводы о чужих, плохо документированных раскопках, но я думаю, что «загадка» Палецких курганов решается следующим образом. Курганное кладбище XII века возникло на территории раннего вятичского поселения, из культурного слоя которого лепная керамика и попала в насыпи курганов. <...> Загадочный курган № 1 имеет в диаметре 14 м при высоте 0,65 м. В нем вообще нет погребения. Все найденные предметы характерны для жилого слоя: ножи, стрелы, пряслица и т.п. Видимо, это остатки какого-то жилого комплекса с очагами (а может быть, основаниями печей) и предпечными ямами (*Монгайт*, 1961. С. 240–242). Также А.Л. Монгайт отвергает какую-либо связь курганного некрополя с Палецким городищем, отмечая, что памятники находятся на разных берегах реки Вобли, и, скорее всего, некрополь принадлежал к селищу, расположенному неподалеку». Подобное перемещение места расположения селищ и могильников, относящихся к ним, достаточно хорошо документировано на материалах раскопок последних лет в Суздальском Ополье (*Макаров и др.*, 2019).

Тем не менее, обвинять А.В. Дмитриевскую в плохо проведенных раскопках, наверное, будет не совсем корректно. Методика 1920-х гг. все-таки слишком сильно отличалась от методов раскопок 1960-х гг. В своих отзывах рецензент П.П. Ефименко и учитель Дмитриевской В.А. Городцов также отмечали «весьма добросовестные» исследования. Мнения этих исследователей относительно ее работ показательны еще и в связи с тем, что П.П. Ефименко состоял в сильной конфронтации с В.А. Городцовым (*Клейн*, 2014. С. 70) и мог бы использовать свою неприязнь и против его ученицы, однако такого не произошло.

Приведем еще одну цитату. В письме профессора В.А. Городцова ленинградскому археологу Д.Н. Льву, опубликованному С.В. Кузьминых и И.В. Белозёровой, читаем следующее: «В последние дни пребывания в МАЭ ко мне обратилась сотрудница В.В. Фёдорова Ангелина Васильевна Дмитриевская (это ее девичья фамилия) с просьбой о переводе ее в археологический отдел МАЭ, так как она по специальности археологичка. Я знаю ее: она моя

хорошая ученица. Я очень прошу Вас посодействовать ей и поговорить с А.А. Бусыгиным. Если потребуется о ней письменный отзыв, я дам его, потому что знаю ее как очень способного и добросовестного работника» (*Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 249*). Тут стоит отметить, что сам В.А. Городцов с 1 мая 1933 по декабрь 1936 г. работал в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР после того, как в процессе чисток лишился работы в ГИМ и на кафедре археологии МГУ (*Формозов, 2006. С. 261–262*). Позднее (в письме от начала февраля 1935 г.) В.А. Городцов еще раз обращается к Д.Н. Льву, проявляя заботу о своей ученице: «Об Ангелине Васильевне похлопочите, она была хорошей работницей-студенткой» (*Кузьминых, Белозёрова, 2014. С. 250*).

Согласно записи в личном деле, в 1942 г. Ангелина Васильевна становится младшим научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР (СПбФ АРАН Ф. 312. Оп. 003. Д. 583). В страшные годы Великой Отечественной войны А.В. Дмитриевская не покидала Ленинград и во время блокады оставалась в ИИМК на этой должности. Вместе с руководителем О.И. Бич, старшим научным сотрудником В.А. Петровым, младшими научными сотрудниками Е.Г. Кастанаян и В.Н. Полторацкой, а также тремя внештатными сотрудниками (с.н.с. М.Е. Сергиенко, проф. Н.Д. Флиттнер и проф. М.В. Фармаковский) она продолжала заниматься научной работой. При этом Дмитриевская была занята исследованием инвентаря русских курганов XI–XIII вв. на основе технологического анализа и подготовила работу «Ювелирные предметы из костромских курганов». Кроме того, вела работу по сохранению и камеральной обработке археологических коллекций, хранящихся в ИИМК (*Тараканова, 1947а. С. 160–161*). Точно известно, что даже в тяжелые годы блокады А.В. Дмитриевская продолжала работать над своей кандидатской диссертацией. В 1944 г. она выступила на собрании института с темой «Типологический анализ материалов из костромских курганов» (тезисы кандидатской диссертации) (Там же).

В следующем, победном 1945 г., на заседании сектора Древней Руси ИИМК был заслушан доклад «К датировке русских курганов», по всей вероятности, также являющийся частью диссертационного исследования А.В. Дмитриевской (*Тараканова, 1947б. С. 167*). Этот доклад под измененным названием опубликован в 1947 г. в виде небольшой заметки в сборнике АН СССР. Работа была посвящена рассмотрению инвентаря ивановских курганов, датированных исследовательницей XIII в. (*Дмитриевская, 1947. С. 82*).

В дальнейшем, видимо, благодаря дружбе с П.П. Ефименко, который после войны возглавил Институт археологии НАН УССР, А.В. Дмитриевская начинает раскопки на Украине. Конечно, наше предположение является гипотетическим, однако тот факт, что П.П. Ефименко после своего утверждения в должности директора этого института стал восстанавливать уничтоженные репрессиями кадры, приглашая специалистов из Ленинграда, сомнений не вызывает (Клейн, 2014. С. 75).

Уже в следующем, 1946 г. А.В. Дмитриевская проводит раскопки летописного города Городеск, упомянутого в «Ипатьевской летописи» под 1257 годом (ПСРЛ. Т. II. Стб. 838). Ныне это село Городское (укр. Городське), находящееся в Коростывшемском районе Житомирской области Украины. Здесь была вскрыта большая площадь (около 600 м²), исследовано 6 жилищ полуземляночного типа, собрана представительная коллекция предметов древнерусского времени. Керамика представлена как древнерусской круговой, так и лепной, правленной на гончарном круге. Особый интерес представляет костяной топорик с узором из линий и точек (Дмитревська, 1949). К материалам этого памятника в дальнейшем будут обращаться многие исследователи (П.А. Раппопорт, П.П. Толочко), а обобщены они будут в работе А.В. Кузы «Древнерусские городища X–XIII вв.» (Куза, 1996. С. 169). В ней же он соберет информацию о работах Дмитриевской и следующих за нею исследователей.

И вдруг резко после 1947 г. А.В. Дмитриевская покидает археологию. О причинах, побудивших ее сделать это, нам пока остается только гадать. Позднее она становится сотрудником Орловского государственного музея И.С. Тургенева, где отметилась в 1953 г. авторством тематико-экспозиционного плана стационарной литературной экспозиции музея.

И совершенно неожиданно (для нас, не знающих всех подробностей жизни А.В. Дмитриевской) она уходит в религию и становится «духовной дочерью» орловского старца Афанасия Андреевича Сайко, известного советского религиозного диссидента и, по всей видимости, юродивого (Кириллова, 1987). Этот поздний этап жизни А.В. Дмитриевской наиболее туманен и ждет дальнейших исследований.

Таким образом, начав в 1920-е гг. как подающий надежды молодой археолог, пережив войну и блокаду, на склоне лет Ангелина Васильевна полностью пересмотрела свои приоритеты в жизни и

тихо ушла в религию. К сожалению, обстоятельства последних лет жизни ее не известны, а год смерти – предположительный.

Литература

- Академическая археология..., 2013. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН: 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. РАН Е.Н. Носов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. 416 с.
- Археологическая карта..., 1997. Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4 / Сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевский. М.: ИА РАН. 352 с.
- Дмитриевская А.В.*, 1937. Палецкие курганы // СА. IV. С. 289–299.
- Дмитриевская А.В.*, 1947. Датировка костромских курганов // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. М.; Л., Изд-во АН СССР, ОИФ. С. 82.
- Дмитревська А.*, 1949. Звіт городської експедиції 1946 р. // КСИАУ. Т. I. С. 47–49.
- Жук А.В.*, 2001. В.П. Левашова и доминусинский период ее деятельности. I. Семья, университет // Вестник Омского университета. № 3 (21). С. 61–64.
- Кириллова М.Н.*, 1987. Орловский юродивый Афанасий Андреевич Сайко // Православный путь. С. 85–144.
- Клейн Л.С.*, 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия. 640 с.
- Куза А.В.*, 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников / Ред. А.К. Зайцев. М.: Христианское изд-во. 254 с.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.*, 2012. Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е гг. // Евразийский археолого-историографический сборник: К 60-летию С.В. Кузьминых / Под общей ред. А.С. Вдовина, И.В. Тункиной. СПб.; Красноярск. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.*, 2014. Переписка А.В. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum Plus [Фрагменты доистории]. № 1 С. 229–294.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.*, 2018. Институт археологии и искусствоведения РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. № 1 (23). С. 321–341.
- Макаров Н.А., Шполянский С.В., Федорина А.Н., Узулава Н.Д.*, 2019. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // Археология Владимиро-Суздальской Земли. Материалы научн. семинара. Вып. 9 / Отв. ред. Н.А. Макаров, сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 7–29.
- Мельникова О.М.*, 2017. Археология в Удмуртии в 1920 – начале 1930 гг.: от культурно-исторических исследований к марксизму // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы межд. научн. конф. 4–6 апреля 2019 г. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 48–50.
- Монгайт А.Л.*, 1961. Рязанская земля. М.: Изд-во Академии наук СССР. 390 с.
- Раскопки археологической..., 1925. Раскопки археологической экспедиции Коми края в 1925 г. / М.Е. Арсакова, Е.М. Витвицкая, А.В. Дмитриевская, Е.Н. Липеровская, В.П. Левашёва, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов, 1928 // ЗОИМК. Усть-Сысольск. Вып. 1. С. 5–28.

- Смирнов А.П.*, 1928. Винвизинская дюнная стоянка // Труды секции археологии РАНИОН. IV. С. 472–480.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В.*, 1965. Городецкая культура. М.: Наука. 39 с. (САИ Д-1-14)
- Стоколос В.С., Королёв К.С.*, 1984. Археологическая карта Коми АССР. М.: Наука. 127 с.
- Тараканова С.А.*, 1947а. Институт истории материальной культуры Н.Я. Марра в 1944 году // КСИИМК. Вып. XIV. С. 151–165.
- Тараканова С.А.*, 1947б. Институт истории материальной культуры Н.Я. Марра в 1945 году (работа секций) // КСИИМК. Вып. XIV. С. 165–168.
- Третьяков П.Н.*, 1935. Из истории классового общества Верхнего Поволжья // Из истории родового общества на территории СССР. Известия ГАИМК. Вып. 106. С. 97–180.
- Формозов А.А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак. 344 с.

В.Ю. Ганенок

КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ГРИНЕВИЧ В 1933–1948 ГОДАХ: ПЕРИПЕТИИ БИОГРАФИИ

Резюме. В статье рассматривается один из драматичных периодов жизни археолога и музейоведа К.Э. Гриневича (1891–1970): ссылка в Новосибирск, заключение в Карагандинском лагере и работа в Томске. Определено, что ученый в 1930–1940-е гг. неоднократно становился объектом для репрессий и нападок по обвинениям, не имевшим под собой реальную почву. Уточнены некоторые обстоятельства биографии К.Э. Гриневича: устройство на работу после освобождения из лагеря в 1940 г., подготовка к защите докторской диссертации. Автор привлекает новые источники – письма К.Э. Гриневича В.А. Городцову и П.С. Богословскому, отражающие как деятельность адресанта, так и его личную жизнь, переживания по поводу тех или иных событий.

Ключевые слова: К.Э. Гриневич, археология, репрессии, Томский университет, Басандайка.

В истории отечественной археологии личность Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970) (рис. 1) является весьма примечательной. Биография ученого наполнена сюжетами, отражающими общественно-политическую ситуацию и условия развития науки в стране в последние предреволюционные годы и первые десятилетия советской власти. Рассмотрению личности К.Э. Гриневича посвящены отдельные публикации. Среди них можно выделить работы В.И. Кадеева (1991), В.А. Латышевой (2004), С.В. Дьячкова и О.А. Ручинской (2016), где представлена биография ученого в целом. Разные периоды жизни К.Э. Гриневича отражены в трудах А.А. Непомнящего (2017), С.В. Дьячкова (2017), Е.Г. Муратовой и Ю.А. Ортановой (2021), а также других исследователей. Стоит отметить, что основная часть публикаций о К.Э. Гриневиче посвящена анализу его работы в сфере античной археологии и истории, ведущей области интересов ученого. Значительно меньше рассмотрен один из наиболее драматичных периодов жизни Константина Эдуардовича, а именно ссылка в Новосибирск

и заключение в Карагандинский лагерь, работа в Томске. В данной статье предпринята попытка восполнить некоторые пробелы его биографии в 1933–1948 гг.

К началу 1930-х гг. К.Э. Гриневич добился больших успехов в научной, педагогической и административной деятельности. В 1926 г. он получил звание профессора. После переезда в 1927 г. в Москву ученый с 1928 по 1931 г. занимал должность заместителя заведующего Музейным отделом Главнауки (с 1930 г. – Сектор науки) Наркомпроса РСФСР. Гриневич преподавал в нескольких столичных вузах, состоял действительным членом Института археологии и искусствознания РАНИОН и Государственной академии искусствознания (ГАИС), ученым секретарем музейно-археологической секции ВОКС, заведовал отделом скульптуры в Музее изящных (с 1932 г. – изобразительных) искусств (*Дьячков, Ручинская*, 2016. С. 182). Относительно благополучный московский период жизни К.Э. Гриневича был прерван ссылкой профессора. В ряде публикаций отмечается, что К.Э. Гриневич был репрессирован еще в 1932 г. (*Формозов*, 1998. С. 198; *Латышева*, 2004. С. 288; *Дьячков, Ручинская*, 2016. С. 183), хотя ученый оставался на свободе и занимал ряд должностей в Москве вплоть до 1933 г., когда Коллегией ОГПУ он был осужден за шпионаж на три года ссылки в Западную Сибирь (*Муратова, Ортанова*, 2021. С. 193).

Поводом для столь серьезного обвинения могли стать участие К.Э. Гриневича в поиске «подводного Херсонеса» и другие исследования памятников Северного Причерноморья. Как писал М.А. Миллер, свои изыскания у Маячного полуострова К.Э. Гриневич «широко рекламировал в то время и в заграничной прессе, за что был осужден в советской археологической литературе» (*Миллер*, 1954. С. 82). Именно в связях с иностранцами А.А. Формозов видит причину ареста К.Э. Гриневича и ряда других ученых в начале 1930-х гг. (*Формозов*, 1998. С. 198) Не последнюю роль в опале К.Э. Гриневича сыграло противостояние московского и ленинградского археологических центров. В печати критиковалась деятельность сектора археологии ГАИС, работой которого «руководили не марксисты (которых там “раз-два – да обчелся”), а Башкировы, Гриневичи и др.» (*Мишулин*, 1932. С. 73). При преобразовании в 1932 г. сектора археологии ГАИС в Московское отделение ГАИМК ленинградский центр потребовал исключения из членов отделения К.Э. Гриневича и некоторых других ученых (*Городцов*, 2015. С. 325).

В 1933 г. К.Э. Гриневич оказался в Новосибирске, где работал преподавателем всеобщей истории в ИПККНОЗС, консультантом Западно-Сибирского краевого музея (Кадеев, 1991. С. 120). 23 апреля 1935 г. ученый был арестован по обвинению в причастности к «К/Р [контрреволюционной. – В.Г.] фашистской группе, которая проводила антисоветскую агитацию, направленную на ослабление мощи Советского государства» (Папков, 2019. С. 2–3). Особое Совещание при НКВД СССР издало постановление от 2 декабря 1935 г., по которому его осудили по ст. 58-10,11 УК РСФСР на 5 лет ИТЛ (Персональный список..., 2018. С. 23). К.Э. Гриневич проходил по делу сотрудников краевого музея, которым, помимо антисоветской агитации, также приписывалось участие «в спиритических сеансах, на которых вызывался дух штурмовика Рема» (Латышева, 2004. С. 288). В научной литературе приводятся и другие поводы для ареста в 1935 г. К.Э. Гриневича: за знакомство с сосланным коллегой по музею (Литвинов, 1998. С. 126); за выдачу иностранным разведкам подходов к бухтам Севастополя, о которых ученому могло стать известно при поиске «подводного Херсонеса» (Дьячков, Ручинская, 2016. С. 183).

С декабря 1935 г. по весну 1940 г. К.Э. Гриневич отбывал наказание в Карагандинском лагере (Карлаг) НКВД. Профессор преподавал ряд дисциплин детям сотрудников лагеря в Долинской средней школе (Дьячков, 2017. С. 137). Стоит отметить, что в указанное время в Карлаге находились крупные силы историков, музееведов, художников, которым во главе со смоленским краеведом А.Ф. Палашенковым в 1935 г. поручили создать лагерный музей. Позднее, в 1962 г., А.Ф. Палашенков в письме к краеведу С.М. Яковлеву в числе сотрудников музея в Карлаге назвал «проф. Харьковского Университета, бывш. завед. музейным отделом Наркомпроса П.И. Гриневич», правда, с неверными инициалами (Лосунов, 2008. С. 315). В октябре 1938 г. К.Э. Гриневич направил письмо на имя наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, в котором упомянул о тысяче невинно осужденных людях при прежнем наркоме Г.Г. Ягоде и просил пересмотреть дела и дать возможность заниматься научным трудом (Папков, 2019. С. 6–7). Ответ на свое письмо К.Э. Гриневич не получил, оставаясь в Карлаге вплоть до истечения срока приговору, что серьезно подорвало здоровье ученого (Дьячков, Ручинская, 2016. С. 183).

После освобождения К.Э. Гриневич не был реабилитирован ни в 1940 г. (Литвинов, 1998. С. 126; Дьячков, Ручинская, 2016.

С. 183), ни в 1943 г. (Латышева, 2004. С. 288), а только уже после смерти ученого, в 1989 г. (Персональный список..., 2018. С. 23). В письме В.А. Городцову от 11 мая 1940 г. К.Э. Гриневич указал, что «выбрал себе на жительство Белгород Курск. области – ближе к Харькову. С осени надо будет где-нибудь устраиваться. Я все время следил за литературой, которая была мне доступна, написал две работы – 1) Солон и Писистрат (7 лист.); 2) Греко-персидские войны (10 лист.)» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 25). В другом письме В.А. Городцову от 6 июня 1940 г. Гриневич написал о предложенных ему из Наркомпроса местах в учительских институтах в Чистополе или Шадринске, что не могло удовлетворить Константина Эдуардовича, желавшего «приступить к серьезной работе над докторской диссертацией, а в этих городах, конечно, нет библиотек». К.Э. Гриневич рассчитывал преподавать в Белгородском учительском институте и получить место в Харьковском университете, где имела научная библиотека (Там же. Л. 27–28).

В итоге К.Э. Гриневичу не удалось остаться в Белгороде и Харькове и пришлось переехать на работу в Томск. По воспоминаниям археолога В.И. Матющенко, К.Э. Гриневич прибыл в Сибирь из Днепропетровска (Сизов, 2001. С. 181), хотя из писем к В.А. Городцову видно, что Константин Эдуардович после освобождения находился именно в Белгороде. В томской газете «Красное знамя» от 22 августа 1940 г. К.Э. Гриневич упоминается преподавателем восстановленного в том же году исторического факультета (ИФ) Томского государственного университета (ТГУ) (Новый..., 1940. С. 2). В письме к В.А. Городцову от 9 ноября 1940 г. К.Э. Гриневич писал, что ему до приезда в Томск удалось побывать в Москве, где он узнал, что его личная библиотека была продана бывшей женой О.К. Гриневич. Это стало невозможной утратой для ученого, поскольку в Томском университете «истфак 1-ый год и книг в научной библиотеке по истории очень мало». Тем не менее, Томск понравился профессору, хотя он и опасался зимы, «так как нет теплой одежды» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 29).

В Томске К.Э. Гриневич преподавал в ТГУ, педагогическом институте (Там же. Л. 29). В письме к В.А. Городцову от 1 февраля 1941 г. он отмечал, что университет «предложил мне представить два-три отзыва о моих работах для представления в В. Аттестационную комиссию для получения докторской сте-

пени без защиты». К.Э. Гриневич просил Василия Алексеевича написать на свои работы отзыв (Там же. Л. 31). В марте 1941 г. В.А. Городцов прислал отзыв. Несмотря на возможность получения ученой степени без защиты, К.Э. Гриневич продолжал работать над диссертацией «История обороны Херсонеса Таврического», но признавался, что «очень трудно вести эту работу здесь, вдали от Крыма» (Там же. Л. 33). На ИФ ТГУ ученый стал заведующим кафедрой древней истории, музеем истории материальной культуры (МИМК) (Хаминов, 2011. С. 52). По инициативе студентов и под его руководством при музее был открыт археологический кружок. Летом 1941 г. планировалось организовать две археологические экспедиции: в Крым и на реку Яя (Генов, 1941. С. 3). К 1 мая 1941 г. для посетителей была открыта археологическая экспозиция МИМК ТГУ (Открытие музея..., 1941. С. 4).

С началом войны помещение, где располагался МИМК, было передано под эвакуированный завод, а занятия в археологическом кружке прервались до 1944 г. (Хаминов, 2011. С. 57, 61). К.Э. Гриневич, имея большую учебную нагрузку, продолжал готовить диссертацию (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 35). В письме от 22 февраля 1942 г. К.Э. Гриневич сообщил В.А. Городцову, что собирается летом того же года защищаться в Ташкенте (Там же. Л. 38). Однако защита диссертации по теме «Стены Херсонеса Таврического» состоялась в 1944 г. в Москве. Оппонентами К.Э. Гриневича выступили В.А. Городцов, Б.Н. Граков и Н.А. Машкин (Кадеев, 1991. С. 125). Стоит согласиться с С.В. Дьячковым в том, что защита этой диссертации являлась неординарным событием, учитывая прошлое ученого и условия военного времени (Дьячков, 2017. С. 137).

Осенью 1943 г. К.Э. Гриневич понес тяжелую утрату: скончалась его жена Н.А. Викторова, которая с 1934 г. всюду следовала за мужем (ОПИ ГИМ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 39). Как писал Константин Эдуардович, «она разделяла со мной все невзгоды несколько лет, терпя лишения, жила в Караганде, чтобы быть ближе ко мне, извелась за эти годы до неузнаваемости» (Там же. Л. 27). В ноябре 1945 г. К.Э. Гриневич написал П.С. Богословскому, что женился на В.Н. Минаевой, ассистентке кафедры древней истории ТГУ, занимавшейся классической филологией, а впоследствии и археологией (ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 160. Л. 1). В период проживания в Томске К.Э. Гриневич поддерживал контакты со своими коллегами и друзьями. Ученый переписывался с В.А. Городцовым,

А.И. Неусыхиним, П.С. Богословским, П.Н. Шульцем и другими (Кадеев, 1991. С. 121).

Отдельной страницей в биографии К.Э. Гриневича являлись организация и проведение совместных археологических экспедиций ТГУ и ТГПИ в урочище Басандайка под Томском в 1944–1946 гг. (рис. 2). В газетах и научных отчетах он подчеркивал факт малоизученности территории Сибири в археологическом отношении, писал о необходимости практического ознакомления студентов с методикой полевых исследований, поиска аналогий неапатризованным находкам из коллекций МИМК ТГУ (НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4; № 39). «Это были первые по-настоящему научные и целенаправленные археологические работы на территории Томской области» (Косарев, 1980. С. 233). Под руководством К.Э. Гриневича в ходе трехлетних исследований были раскопаны 20 курганов средневекового Басандайского курганного могильника I и 437 м² Басандайского городища I (материалы от эпохи камня до Средневековья), а результаты этих работ опубликованы в сборнике «Басандайка» в 1948 г. (Гриневич, 1948. С. 12, 19; Ожередов, 1993. С. 134–138).

В последние военные и первые послевоенные годы К.Э. Гриневич планировал реализацию ряда мероприятий, направленных на археологическое изучение как Томской области, так и памятников за ее пределами. В 1944 г. созданная при ТГУ комиссия выработала пятилетний план изыскания памятников археологии в Томской области, на основе которых предполагалось составить историко-археологическую карту региона (Гриневич, 1944. С. 2). В 1945 г. Гриневич участвовал в Москве во Всесоюзном археологическом совещании, на котором ученый добился утверждения пятилетнего плана исследований (Хаминов, 2011. С. 68). Его предложение об организации экспедиции Томского университета в Крым не было поддержано Ученым советом вуза (Могильницкий, 2008. С. 136), хотя профессору удалось совершить многоплановые научные поездки в этот регион в 1946 и 1948 гг. (Кадеев, 1991. С. 121). К.Э. Гриневич также занимался подготовкой необходимых кадров по археологии. У Константина Эдуардовича был аспирант Е.М. Пеняев, первые археологические изыскания под руководством профессора делали Г.В. Трухин, З.Я. Бояршинова, В.С. Синяев и Р.А. Ураев (Матющенко, 2009. С. 187).

К.Э. Гриневич успешно руководил работой кафедры древней истории ИФФ ТГУ, музея и студенческого кружка, активно

публиковался (Борисов, 1947. С. 1), однако деятельность ученого в Томске прервалась осенью 1948 г. Он стал жертвой кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом». Как вспоминал В.И. Матющенко, профессор был уволен из ТГУ за «пренебрежение успехами советской науки и отсутствие творческого подхода в изучении марксизма-ленинизма» (Сизов, 2001. С. 181). Данное обвинение было следствием проводимой в то время государственной политики в отношении интеллигенции и той критики, что испытал К.Э. Гриневич от своих коллег по ИФФ ТГУ. Особенно сильные нападки на ученого были со стороны доцента Р.Е. Кугеля (Могильницкий, 2008. С. 139–140). Доцент А.И. Данилов обвинял К.Э. Гриневича в немарксистской трактовке реформ Солона (Овладеть..., 1947. С. 2). Ю.В. Куперт, бывший в те годы студентом ИФФ ТГУ, писал, что К.Э. Гриневич, получив предписание покинуть Томск через 48 часов, пришел за помощью к его отцу, В.И. Куперту, тогда влиятельному партийному деятелю. По воспоминаниям Ю.В. Куперта, за устранением К.Э. Гриневича из города стояло руководство обкома партии и университета, из-за чего В.И. Куперту не удалось помочь остаться профессору в Томске (Куперт, 2008. С. 168–169).

К.Э. Гриневич, уехав из Сибири, осенью 1948 г. оказался в г. Нальчике, где, как писал профессор, «устроился весьма неплохо». Он стал работать в местном педагогическом институте, заниматься археологическим изучением Кабардино-Балкарии (ГАПК. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 160. Л. 2). Начался новый этап в жизни ученого.

Литература

- Борисов Я., 1947. Лучшая кафедра историко-филологического факультета // За советскую науку. № 3. С. 2.
- Генов Л., 1941. Добиваются высокой успеваемости // Красное знамя. № 11 (6115). С. 3.
- Городцов В.А., 2015. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 1: 1928–1935 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: Триумф принт. 687 с.
- Гриневич К.Э., 1944. Историко-археологическая карта Томской области // Красное знамя. № 74 (7013). С. 2.
- Гриневич К.Э., 1948. Археологическое исследование урочища Басандайка близ гор. Томска, проведенное в 1944–46 гг. объединенной экспедицией ТГУ им. В.В. Куйбышева и ТГПИ // Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск. С. 7–49.
- Дьячков С.В., Ручинская О.А., 2016. Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970).

- Страницы биографии // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 14. С. 178–198.
- Дьячков С.В., 2017. Профессор К.Э. Гриневич: после Сибири // Вестник ТГУ. История. № 49. С. 137–141.
- Кадеев В.И., 1991. Костянтин Едуардович Гриневич // Археологія. № 4. С. 119–129.
- Косарев М.Ф., 1980. А.П. Дульзон как археолог // Народы и языки Сибири / Отв. ред. Е.И. Убрятова. Новосибирск: Наука. С. 233–235.
- Куперт Ю.В., 2008. Штрихи былого // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет ТГУ в воспоминаниях и документах / Сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск: ТГУ. С. 161–172.
- Латышева В.А., 2004. К.Э. Гриневич как археолог // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 5. С. 284–294.
- Литвинов А.В., 1998. Константин Эдуардович Гриневич // Профессора Томского государственного университета. Библиографический словарь / Гл. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: ТГУ. Т. 2. С. 125–127.
- Лосунов А.М., 2008. «Исповедь» краеведа // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / Сост. П.П. Вибе, Т.М. Назарцева; науч. ред. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей. № 14. С. 311–320.
- Матющенко В.И., 2009. 300 лет истории сибирской археологии / Вступ. статья, отв. ред. С.С. Тихонов, И.В. Толпеко. Омск: ОмГУ. 550 с.
- Миллер М.А., 1954. Археология в СССР. Мюнхен. 159 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://annales.info/rus/ussr/arhsu.htm#_Toc344874747 Дата обращения 30.05.2022.
- Мишулин А.В., 1932. К открытию отделения ГАИМК в Москве // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3/4. С. 72–74.
- Могильницкий Б.Г., 2008. Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет ТГУ в воспоминаниях и документах / Сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск: ТГУ. С. 135–159.
- Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А., 2021. Из истории археологического изучения Кабардино-Балкарии: профессор КГПИ Константин Эдуардович Гриневич // Электронный журнал «Кавказология». № 3. С. 189–205. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2021-3__soderzhanie/muratova-e-g-ortanova-ju-a-iz-istorii-arheologicheskogo-izuchenija-kabardino-balkarii-professor-kgpi-konstantin-jeduardovich-grinevich/ Дата обращения 31.05.2022.
- Непомнящий А.А., 2017. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К.Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Т. 3 (69). № 2. С. 111–122.
- Новый..., 1940. Новый факультет ТГУ // Красное знамя. № 149 (6030). 2 с.
- Овладеть..., 1947. Овладеть марксистско-ленинской философией // За советскую науку. № 15. С. 2.
- Ожередов Ю.И., 1993. Памятники бассейна р. Томи // Археологическая карта Томской области. Томск: ТГУ. Т. 2. С. 87–156.
- Открытие музея..., 1941. Открытие музея истории материальной культуры // Красное знамя. № 66 (6170). С. 4.
- Папков С.А., 2019. «Дело» работников Новосибирского краевого музея (1935 г.) // Исторический курьер. № 1 (3). Статья 3. 9 с.

- Персональный список..., 2018. Персональный список жертв политических репрессий в Новосибирской области // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 5 / Сост. и отв. ред. С.А. Папков. Новосибирск: ООО «К-2». С. 8–320.
- Сизов С.Г., 2001. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). В 2-х ч. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). Омск: СибАДИ. 224 с.
- Формозов А.А., 1998. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3. С. 191–206.
- Хаминов Д.В., 2011. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: ТГУ. 270 с.

КАЗАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ЛИЦАХ: НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ КАЛИНИН¹

Резюме. Археология в Казани имеет богатую научную традицию. Среди видных представителей казанских археологов особое место занимает Николай Филипповича Калинин (1888–1959). Ученый соединил в себе традиции дореволюционной археологии и принял участие в формировании археологии советского образца. На научную стезю Н.Ф. Калинин вступил в 1920-е гг., именно на этом этапе он сформировался как исследователь. В период 1930–1950-х гг. Николай Филиппович был единственным местным специалистом-археологом. Среди основных направлений его деятельности можно выделить: проведение раскопок и наблюдений на территории г. Казани и охрана памятников культурного наследия; разработка и публикация первых обобщающих работ по древнейшей истории и археологии Волго-Камья; организация и проведение работ по созданию археологической карты ТАССР. Благодаря целенаправленной деятельности ученого в КГУ и ИЯЛИ были сформированы условия для создания функционирующей системы по подготовке местных профессиональных археологов.

Ключевые слова: Н.Ф. Калинин, Республика Татарстан, археология в ТАССР, история археологии, биография.

К числу людей, оставивших заметный след археологии Татарстана, бесспорно, относится Н.Ф. Калинин (1888–1959) (рис. 1, 2). Свидетельством признания научным сообществом заслуг Николая Филипповича могут служить работы, посвященные его личности и многогранной деятельности. В республиканскую историографию Н.Ф. Калинин вошел как основатель казанской школы археологии (*Бельтикова и др.*, 2000. С. 245; *Ситдииков, Старостин*, 2002; *Хузин, Ситдииков*, 2014. С. 10; *Хузин*, 2011. С. 251–256; 2018). К его биографии и научному наследию обраца-

¹ Работа выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 СевГУ (стратегический проект № 5).

лись и продолжают обращаться исследователи, творчество которых связано с древней и средневековой историей региона. Среди них – А.Х. Халиков, К.А. Руденко, А.Г. Ситдиков, П.Н. Старостин, В.Ф. Харитонович и Ф.Ш. Хузин. В последние годы изучением личности ученого занимается и автор этих строк.

В жизни и деятельности Н.Ф. Калинина можно выделить несколько этапов. В основе нашей периодизации² лежат ключевые события и конкретные задачи, повлиявшие на характер и направленность его творчества.

I этап – 1888–1910 гг. Детство и студенчество. Николай Филиппович Калинин родился в Саратове 24 мая 1888 г. в семье врача-ветеринара. Его отец был выходцем из крестьян Тульской губернии. Мать – уроженка Ижевска, швея по профессии, была дочерью рабочего-оружейника на Ижевском заводе. В связи с работой отца семья часто переезжала: в 1897 г. – в Нижний Новгород; в 1900 г. – в Симферополь; а в 1902 г. семья оказалась в Казани, где молодой Калинин стал учеником I Казанской гимназии. Учебное заведение он закончил в 1906 г. с серебряной медалью. (Ситдиков, Старостин, 2002. С. 3; АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 1. Л. 1). В ранние годы у будущего ученого под влиянием отца, «...который самоучкой занимался русской историей и написал большую работу “О происхождении Руси”»³, зародился интерес к истории (Там же. Ех. 9. Л. 32). От матери же унаследовал склонность к искусствам – с детства Н.Ф. Калинин занимался фигурным вырезанием из бумаги и лепкой из глины. В гимназические годы, а именно с 1904 г., он стал «довольно систематически» интересоваться литературой по истории Казани и Поволжья в целом, совершать первые археологические экскурсии (Там же. Л. 7–7 об.).

В период 1906–1910 гг. Николай Филиппович проходит обучение в Императорском Казанском университете на историко-филологическом факультете. Этот выбор не был случайным – по воспоминаниям ученого, поступая, он «имел определенное намерение

² Мы придерживаемся позиции, что любая периодизация является искусственной конструкцией, созданной автором для удобства изучения объекта исследования. В виду ограниченного объема статьи, информация дана тезисно. В развернутом виде интересующийся читатель может почерпнуть сведения в работах, на которые даются ссылки.

³ Данную работу Николай Филиппович хранил на протяжении всей жизни. Текст рукописи «К вопросу о происхождении Руси» можно найти в личном фонде ученого (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 5. Ех. 30, 31).

стать историком». В студенческие годы внимание юный Калинин уделяет вопросам средневековой истории, а особенно, средневековой истории местного края (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9. Л. 18–19). Из архивных данных известно, что научным руководителем Н.Ф. Калинина был М.М. Хвостов. Курс средневековой истории читал В.К. Пискорский, а курс русской истории – Н.Н. Фирсов (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 26. Л. 134; Зоря, 2021а. С. 66–67).

II этап – 1910 – начало 1920-х гг. Педагогическая практика.

В автобиографиях исследователь указывал, что планировал продолжить научную деятельность и остаться при университете в г. Казани – в этом стремлении его поддерживала профессура. Однако учебный округ, ввиду «политической неблагонадежности»⁴, назначил молодого Калинина учительствовать в «медвежий угол» – г. Царёвококшайск (совр. Йошкар-Ола) (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9. Л. 33). Последующие годы Николай Филиппович преподавал в Ульяновске (1911–1912) и Тетюшах (1912–1914), где создал школьный кружок и гимназическую библиотеку и регулярно отслеживал новую педагогическую и научную литературу (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 26. Л. 41 об.). Однако тяга к науке и знаниям сыграла с ним злую шутку: «От перегрузки в занятиях и от разбора библиотеки после умершего от туберкулеза директора гимназии я получил туберкулез⁵ и, подлечившись летом 1914 г., просил о переводе меня на юг...» – пишет об этом событии ученый (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9. Л. 10 об.–11). В 1914 г. он получил назначение в Мариуполь, где преподавал историю и географию в старших классах самой престижной школы города, в Мариупольской Александровской мужской гимназии⁶. После установления советской власти Николаю Филипповичу удалось в августе 1921 г. вернуться в Казань – город, который он считал своей второй Родиной, где начал работать учителем в школах № 15 и № 3 (Там же. Л. 18).

⁴ В университетские годы Н.Ф. Калинин принимал участие в студенческих сходках и выступлениях, направленных против урезания автономии университетов и упразднения института вольнослушателей. За участие в протестах он был арестован сроком на месяц (Там же. Оп. 3. Ех. 9. Л. 10, 32).

⁵ Последствия этого недуга будут преследовать Николая Филипповича на протяжении всей жизни.

⁶ С 1921 г. объединена с Мариинской женской гимназией и переименована в Единую трудовую образцовую школу.

Таким образом, после окончания университета практически на десять лет Н.Ф. Калинин оказался оторванным от крупных академических центров. В Казань он вернулся как профессиональный педагог. Этот опыт будет успешно применен в дальнейшей работе со школьниками и студентами. Наступает новый период в его жизни, связанный с научно-исследовательской деятельностью.

III этап – 1920-е гг. Становление ученого. Интерес Н.Ф. Калинина к истории и древностям края не остался незамеченным. По приглашению своего университетского профессора Н.Н. Фирсова Николай Филиппович 21.10.1923 вступает в Общество археологии, истории и этнографии, а спустя 5 лет становится ученым секретарем секции археологии и искусства (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 21. Л. 1; Оп. 3. Ех. 25. Л. 3). Помимо ОАИЭ Николай Филиппович в 1925–1928 гг. состоял в Татарском бюро Краеведения и Обществе изучения Татарстана (ГАРТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 16. Л. 3, 6).

По предложению М.Г. Худякова Николай Филиппович с 1924 г. начал музейную деятельность в должности младшего научного сотрудника, и практически вся экспозиционная, учетная и фондовая работа легла на его плечи. (Руденко, 2019. С. 298; Харитонович, 2013. С. 209). Следствием отъезда М.Г. Худякова в Ленинград и плодотворной работы Н.Ф. Калинина стало назначение последнего на должность заведующего историко-археологического отделом. В таком качестве он проработает до 1936 г. (Кузьминых, 2004. С. 25–46; АИЯЛИ АН РТ Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9. Л. 13 об.). В музее ученый занимается вопросами охраны культурного наследия (Казань, Свияжск), учетно-фондовой и экспозиционной работой.

Одной из первых тем, которая привлекла внимание Н.Ф. Калинина, было бытовое искусство и история русского крестьянства (Калинин, 1925). Интересовала ученого и татарская эпиграфика (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 347). Значимым направлением в его исследованиях становится история и топография г. Казани, причем для решения некоторых вопросов ученый использовал помимо письменных и археологические данные (Калинин, 1927. С. 33–38). Прием сочетания и сопоставления их друг с другом будет применяться исследователем во всех его последующих работах (Зоря, 2021б. С. 24). Особое внимание уделял Калинин и созданию археологических карт.

В эти же годы Николай Филиппович постигает ремесло археолога:

- с 1924 г. ведет археологические наблюдения на улицах г. Казани, привлекает членов школьного краеведческого кружка (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 320. Л. 1–2).

- работает в составе экспедиций В.Ф. Смолина (1925), И.Н. Бороздина и А.С. Башкирова (1928–1929), М.Г. Худякова (1929), участвует в разведках по Волге и Свияге (1927–1928) (Калинин, 1928. С. 8–13; Кузьминых, Белозёрова, 2017. С. 199–200; Ситдиков, 2016. С. 173; АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 88. Л. 1–17; Ех. 289. Л. 114).

На формирование основного круга научных интересов ученого оказали влияние его товарищи и коллеги по Центральному музею ТАССР и краеведческим сообществам. В результате совместного сотрудничества с ними Николай Филиппович приобщился к академической науке, получил богатую практику полевой работы и ведения различной археологической документации, опыт публичных выступлений и написания трудов.

IV этап – 1931–1938 гг. После разгрома краеведческого движения и роспуска краеведческих обществ в 1931 г., единственным археологом в Казани остается Н.Ф. Калинин. К началу 1930-х гг. он был известен в научных кругах как специалист по истории и топографии г. Казани, о чем свидетельствует обращение к нему Б.Д. Грекова в связи с подготовкой издания материалов по истории Казанского края (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 4. Ех. 13). Сформировался Николай Филиппович и как исследователь-полевик. Уже в 1930 г. он возглавлял разведывательный отряд в совместной экспедиции музея Центрального музея и Антропологического института МГУ (рук. Б.С. Жуков) (Там же. Оп. 2. Ех. 86. Л. 1–2).

Хотя ученый продолжал преподавать в школе, его основная работа была сосредоточена в стенах Центрального музея, который, по сути, являлся местным центром историко-краеведческой деятельности. Николай Филиппович занимается организацией выставок и реэкспозицией музея, проведением экскурсий и учетом экспонатов, осуществляет инспекцию памятников культурного наследия и составляет план археологического изучения Болгарского городища (Зоря, Ситдиков, 2021. С. 347–361).

Крупных академических экспедиций в Республике практически не было⁷, а для организации собственных исследований ба-

⁷ Исключение составляет Суварская экспедиция под рук. А.П. Смирнова, участие в которой Н.Ф. Калинин не принимал.

нально не хватало средств и кадров. В 1931–1936 гг. единственными полевыми изысканиями, которые проводил Н.Ф. Калинин, были охранные раскопки и наблюдения в черте Казани (Зоря, 2021б. С. 20–22).

В этот же период происходит резкое ухудшение отношений Николая Филипповича с некомпетентными руководителями музея, которое в итоге привело к увольнению исследователя в 1936 г. После этого непродолжительное время он сотрудничал с Горьковским областным государственным краеведческим музеем и Евпаторийским краеведческим музеем. Впрочем, Н.Ф. Калинин смог уже в августе 1938 г. восстановиться и в Центральном музее ТАССР в должности старшего научного сотрудника исторического отдела⁸ (Зоря, 2021а. С. 66–80).

У этап – конец 1930-х – 1959 г. Наиболее активный и плодотворный период в научной, преподавательской и организационной деятельности Н.Ф. Калинина условно можно разделить на несколько периодов.

У. 1. 1938/1939–1945 гг. Знаковыми событиями для научной общественности и Николая Филипповича были организация и начало широкомасштабных раскопок Болгарского городища⁹ под общим рук. А.П. Смирнова¹⁰ с 1938 г.), а также создание в Казани ИЯЛИ и открытие исторического факультета КГУ (1939 г.), на котором с 1941 г. начинает преподавать исследователь (Ситдиков, Старостин, 2002. С. 8).

В связи с запланированным строительством Куйбышевской ГЭС предполагалось изучение территорий, попадающих в зону затопления. План археологических работ в Республике был представлен на Первой Всероссийской археологической конференции музеев системы НКП РСФСР (10–13 апреля 1939 г.). Как справедливо отметил К.А. Руденко, это событие оказало значительное влияние на казанскую археологию (Руденко, 2014. С. 379–380).

Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществить намеченное. С января 1942 по сентябрь 1944 г. препода-

⁸ В этой должности он проработал до 7 февраля 1947 г., но даже после увольнения принимал активное участие в жизни музея.

⁹ На Болгарском городище Н.Ф. Калинин проработал в 1938–1940, 1943, 1945, 1946 гг.

¹⁰ Между учеными складываются плодотворные рабочие и межличностные отношения, которые будут поддерживаться на протяжении всей жизни.

вание на историческом факультете приостановлено. Н.Ф. Калинин участвует в организации агитационных выставок музея, выступает с патриотическими докладами в Казани. В рамках созданной в ИЯЛИ комиссии по болгаро-татарской эпиграфике ученый проводит археологические работы на Болгарском (Татарстан) и Альменевском (Чувашия) городищах (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 42. Л. 1–5 об.).

V. 2. 1945 – начало 1950-х гг. Ключевое значение для казанской археологии имело 1 Всесоюзное археологическое совещание (февраль–март 1945 г.). Была создана рабочая группа, Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов сформулировали первостепенную для татарской археологии задачу – создание научно-документальной карты ТАССР (Руденко, 2014. С. 83). Для ее достижения необходимо было решить ряд проблем, среди основных – нехватка местных специалистов.

Развитие археологии в КГУ было запланировано Николаем Филипповичем как устойчивая система с далеко идущими задачами и целями, а создание археологического кружка и музея в 1946 г. стало важной частью преподавательской деятельности ученого. Это позволило приобщить молодое поколение к науке и привлечь студентов в археологические экспедиции, где они получали практические навыки. Не мало усилий было приложено при разработке учебных программ по археологии, отдельных курсов и лекций, предпринимались попытки введения «археологической спецификации» (Зоря, 2021в. С. 270–281).

Важным событием явилось получение Н.Ф. Калининым степени кандидата исторических наук в 1947 г. Текст диссертации «Древнейшая история Татарии» был опубликован в сокращенном виде в «Материалах по истории Татарии» (Калинин, 1948. С. 23–96). Это была первая работа, в которой сведены небольшие археологические статьи, опубликованные в период с конца 50-х гг. XIX вв. по первую половину 40-х гг. XX в. Помимо них автор привлек и обработал обширные археологические коллекции и разрозненные находки, хранившиеся в фондах Центрального музея ТАССР. На основании их анализа, ученый составил, по сути, первую обобщающую работу по древней истории и археологии ТАССР (от палеолита до раннего средневековья).

V. 3. Начало 1950-х – 1959 гг. Ученый продолжает активно участвовать в работах в составе V отряда Куйбышевской археологической экспедиции. В 1954 г. в виде совместной моногра-

фии были опубликованы основные итоги полевых изысканий за 1945–1952 гг., в результате которых обследовано 447 памятников разных эпох (Калинин, Халиков, 1954). Проведенные в послевоенное время под началом Н.Ф. Калинина исследования дали мощный толчок для развития археологии региона. Итогом открытия новых объектов и их изучения стало выделение приказанской (Калинин, Халиков, 1954. С. 245–246), восточнобуртаской¹¹ (Н.Ф. Калинин), азелинской (В.Ф. Генинг) культур (Халиков, 1989. С. 162).

Одним из крупных изданных трудов автора этого периода были I, II и IV главы в «Истории Татарской АССР» (История..., 1955. С. 11–74, 99–147). Раздел, посвященный древнейшему населению ТАССР, был дополнен новыми данными, полученными в результате археологического обследования 1945–1955 гг., хотя концептуальных изменений, по сравнению с публикацией 1948 г., не претерпел.

Продолжается работа по изучению истории г. Казани. В 1952 г. вышла в свет монография автора «Казань. Исторический очерк», которая имела успех и была переиздана в 1955 г. (Калинин, 1955). Вплоть до 1957 г.¹² Николай Филиппович не прекращает археологических изысканий на территории города и его окрестностей. На основании полученных материалов он подготовил рукопись докторской диссертации, которую, к сожалению, так и не успел защитить (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Ех. 202–234). Интенсивной в этот период была и педагогическо-организационная работа Н.Ф. Калинина. В 1952 г. последовал очередной отказ в создании кафедры археологии и этнографии (Там же. Оп. 2. Ех. 103. Л. 77–81). По всей видимости, руководство университета¹³ не придавало должного значения необходимости создания археологических кадров. Николай Филиппович же необходимость подготовки археологов-профессионалов прекрасно осознавал.

¹¹ Позже была обоснована В.Ф. Генингом и получила название именьковской (*Генинг и др.*, 1962. С. 81).

¹² В 1954 г. ученый перенес инфаркт, однако после лечения продолжил работу. Судя по сохранившимся в архиве фотографиям, он выглядел значительно старше своих лет (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 173. Л. 54). В 1958 и 1959 гг. у Калинина случаются очередные сердечные приступы, в результате чего он «становится прикованным лекарствами к дому» (Там же. Оп. 4. Ех. 3. Л. 9).

¹³ В 1937–1951 гг. ректором КГУ был К.П. Ситников, в 1951–1954 гг. – Д.Я. Мартынов.

Единственным крупным научно-исследовательским и координационным центром по гуманитарным наукам и в Поволжье являлся ИЯЛИ. После вхождения института в состав КФАН СССР, в нем была открыта аспирантура, которая давала возможность получить законченное археологическое образование. Обучение предусматривало работу над диссертацией и получение степени было логическим завершением в цепочке подготовки местных научных кадров. Под руководством Н.Ф. Калинина были завершены диссертации Г.В. Юсупова, А.Х. Халикова и В.Ф. Генинга. С 1956 г. аспиранты руководили собственными археологическими экспедициями, работали со студентами в КГУ, где формировали круг собственных учеников (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 14. Л. 7–9).

Под началом Николая Филипповича в составе сектора истории работала археологическая группа, которая состояла, в основном, из его учеников. Благодаря активной деятельности ученого к 1958 г. состав группы расширился до 8 человек. По инициативе Николая Филипповича на регулярной основе начинают проходить совещания археологической группы. Разработанная Н.Ф. Калининым схема ведения протоколов и планы проведения заседаний легли в основу дальнейшей работы коллектива. Завершающим этапом в институциональном оформлении казанской археологии должно было стать создание самостоятельного сектора археологии и этнографии в ИЯЛИ КФАН. Однако этому не суждено было сбыться при жизни ученого¹⁴ (Зоря, 2021г). Незадолго до смерти он пишет «Письмо-завещание...», которое, по сути, явилось программным документом для казанских археологов. В нем сформулированы главные научные проблемы и определено общее направление исследований в последующие годы. После очередного обострения болезни, 16 июня 1959 г. Н.Ф. Калинин скончался (Ситдииков, Старостин, 2002. С. 16–19).

В многочисленных характеристиках разных лет Николай Филиппович описывается, в основном, с положительной стороны. Он «всегда является исполнительным, аккуратным и дисциплинированным, постоянно участвует в соцсоревнованиях, перевыполняя план», «проявляет большую активность, его деятельность стоит на высоком уровне политических требований. Его высту-

¹⁴ В качестве самостоятельной единицы сектор был выделен в 1961 г.

пления в докладах, лекциях, при проведении экскурсий отличаются политической выдержанностью» (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9. Л. 25–25 об., 40 об.). Любили ученого студенты и школьники. Значительную часть своего времени «Дядя Коля» уделял и детям, проводя увлекательные экскурсии по г. Казани (Там же. Оп. 2. Ех. 169. Л. 15). Н.Ф. Калинин был хорошим педагогом и оратором. По воспоминаниям Н.И. Воробьева, Николай Филиппович – «... неутомимый и весьма талантливый докладчик <...> и всегда, где бы он не выступал, его доклады точно приспособлены к интересам и уровню слушателей. Они всегда интересны и доходчивы. Н.Ф. великолепно владеет даром заинтересовать людей, зажечь в них энтузиазм к тому делу, за которое он сам борется» (Там же. Л. 10).

Как и всякий творческий человек, не был Николай Филиппович лишен и некоторых недостатков. Так, в одной из характеристик содержатся следующие сведения: «Планирует работу хорошо, но иногда бывает рассеян <...> В культурном отношении был бы образцом, если бы не игнорирование своей внешности, отчасти связанное с рассеянностью» (Там же. Оп. 3. Ех. 9. Л. 16). Проблемы с самоорганизацией в сочетании со слабым здоровьем иногда приводили к несвоевременной сдаче отчетов и материалов (Там же. Оп. 4. Ех. 13. Л. 5–7).

Н.Ф. Калинин очень болезненно пережил конфликт с руководством Центрального музея и связанное с этим свое увольнение в 1936 г. Он оказался практически в полной изоляции в музее в период судебно-следственных мероприятий. Доподлинно установить, почему исследователь не получил поддержки со стороны коллег не представляется возможным. Можно предположить, что основной причиной был банальный страх перечить руководству (описываемые события происходили в годы репрессий, когда возражать было в принципе опасно для жизни). Кроме того, после чисток и сокращения штата в музее, по всей видимости, не осталось коллег, близких Калинин. В целом, эти события привели к душевному надлому и негативно отразились на характере – ученый стал более закрытым, меньше доверял людям. После возвращения в штат музея в 1938 г. у Николая Филипповича иногда случались конфликты и возникали разногласия с сотрудниками Н.Д. Аксёновой, А.М. Ефимовой, О.С. Хованской (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 11. Л. 1–8; Руденко, 2011. С. 358–360).

В научной литературе также можно встретить точку зрения, о существовании личного конфликта Н.Ф. Калинина

и А.П. Смирнова (Овчинников, 2010. С. 267–272). На наш взгляд, нет объективных оснований для определения существовавших между ними отношений как конфликт. Это были сугубо научные разногласия. Стоит отметить, что исследователи поддерживали личную переписку на протяжении всей жизни, в которой помимо научной составляющей обсуждались неформальные темы (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 4. Ех. 3; Ех. 36). Ученые довольно часто обменивались литературой и своими трудами, что нередко сопровождалось «дружеской дискуссией», в которой имел место и археологический юмор. Так, обсуждая в письме монографию Алексея Петровича «Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания)», среди прочего, Николай Филиппович писал: «Прекрасные памятники искусства <...> – прекрасные для многих археологов, едва ли так можно их характеризовать. Скорее выразительные или как-то иначе. Что “прекрасного” в костёнковских женских статуэтках?..» (Там же. Ех. 3. Л. 2). Во встречном письме А.П. Смирнов ответил: «Вы хорошо сказали <...> В вашем толковании моей фразы столько юмора, что не один я смеялся над моим определением» (Там же. Ех. 36. Л. 35). При возникших у ученого проблем с защитой докторской диссертации, он неоднократно обращался за помощью к Алексею Петровичу, который всегда его поддерживал и давал советы (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 4. Ех. 3. Л. 5–10; Ех. 36. Л. 67–75).

По своей натуре Н.Ф. Калинин был романтиком – помимо научных направлений его привлекала литература, музыка, поэзия, живопись. В архиве ИЯЛИ сохранились альбомы рисунков Николая Филипповича (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 47; Ех. 48) и обширная (более 3 тыс. карточек!) библиографическая картотека по истории, археологии, этнографии, искусству, литературе и другим наукам (Там же. Оп. 1. Ех. 462). В личных письмах и блокнотах исследователя можно встретить наброски стихов собственного сочинения (Там же. Оп. 4. Ех. 1. Л. 2–5; Оп. 3. Ех. 9. Л. 68). Известно так же, что во время неформальных встреч со своими учениками он нередко музицировал (Ситдиков, Старостин, 2002. С. 10).

Однако даже в периоды отпуска, во время своих многочисленных поездок, Н.Ф. Калинин всегда оставался исследователем. В Крыму он собирал материалы для археологического кабинета КГУ, делал зарисовки с исторических памятников (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 7. Л. 84). Николай Филиппович любил составлять исторические заметки о тех местах, где бывал (Там же.

Ех. 37. Л. 2–21). Даже находясь на лечении в Литве, он собирал факты местной истории. Так, в одном из писем жене сохранилась тезисно написанная история происхождения и развития города Друскининкай (Там же. Оп. 4. Ех. 2. Л. 11–14).

Ученый прожил нелегкую, но насыщенную событиями и научными исследованиями жизнь. Можно констатировать, что Н.Ф. Калинин сыграл большую роль в развитии исторических и археологических знаний в XX в. Во многом благодаря его педагогической, организаторской и научной работе местная археологическая традиция в Республике не угасла.

Литература

- Бельтикова Г.В., Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., 2000. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова (1934–1999) // РА. № 4. С. 245–248.
- Генинг и др., 1962. Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологическое памятники у села Рождествено. Казань. 128 с.
- Зоря Р.С., 2021а. «Прошу защитить меня, в конце концов, просто от физической гибели...»: новые факты к биографии Н.Ф. Калинина // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Т. 7 (73). № 2. Симферополь. С. 66–80.
- Зоря Р.С., 2021б. Археологические наблюдения Н.Ф. Калинина на территории г. Казани в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (50). Элиста. С. 16–24.
- Зоря Р.С., 2021в. Развитие археологической школы ТАССР в послевоенные годы: фонды казанских архивов // Современные Востоковедческие исследования. Т. 3. №. 2. Казань. С. 270–281.
- Зоря Р.С., 2021г. Научно-педагогическая работа и организационная деятельность Н.Ф. Калинина в КФАН ИЯЛИ СССР. // Аспирантские чтения – 2021: Сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 22–23 апреля 2021 г.) / Науч. ред. Р.М. Валеев. Казань. С. 59–69.
- Зоря Р.С., Ситдииков А.Г., 2021. Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // АЕС. № 2. Казань. С. 347–361.
- История., 1955. История Татарской АССР. Т. I / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань. 556 с.
- Калинин Н.Ф., 1925. О русском крестьянском зодчестве // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. I. С. 93–104.
- Калинин Н.Ф., 1927. Археологические наблюдения на улицах Казани // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 4. С. 33–38.
- Калинин Н.Ф., 1928. От Сюкеева к Камскому Устью: археологические разведки // ЗТМ. Вып. 3. С. 8–13.
- Калинин Н.Ф., 1948. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань: Татгосиздат. Вып. 1. С. 23–96.

- Калинин Н.Ф., 1995. Казань. Исторический очерк. 2-е, исп. и доп. изд. Казань. 414 с.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань. 126 с.
- Кузьминых С.В., 2004. Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов и др. Л.; Казань: Школа. С. 25–46.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В., 2017. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. № 1. Казань. С. 196–218.
- Овчинников А.В., 2010. Конфликт Н.Ф. Калинина и А.П. Смирнова: к истокам формирования научных школ в болгароведении (по материалам писем А.П. Смирнова) // Вестник Казанского технологического университета. Казань. № 3. С. 267–272.
- Руденко К.А., 2011. Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: Личности, научное творчество и модели поведения (к постановке проблемы) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск. С. 356–361.
- Руденко К.А., 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: РИЦ «Школа». 767 с.
- Руденко К.А., 2019. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 277–304.
- Ситдигов А.Г., Старостин П.Н., 2002. Николай Филиппович Калинин. 1888–1959 / Науч. ред. С.И. Валиуллина. Казань. 24 с.
- Ситдигов А.Г., 2016. Калинин Николай Филиппович // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань: Астер Плюс. С. 173–182.
- Халиков А.Х., 1989. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР / 50 лет поисков и открытий. Казань. С. 149–173.
- Харитонович В.А., 2013. Деятельность Н.Ф. Калинина в Центральном музее ТАССР в 1920-е гг. (по материалам Национального архива РТ) // Филология и культура. № 1 (31). С. 209–213.
- Хузин Ф.Ш., 2011. Н.Ф. Калинин – основатель казанской школы археологии / Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолиант. С. 251–256.
- Хузин Ф.Ш., 2018. Основатель казанской школы археологии (к 130-летию со дня рождения Н.Ф. Калинина) // Из истории и культуры народов Поволжья. № 8. С. 200–210.
- Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г., 2014. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы // Поволжская археология. № 3 (9). С. 6–40.

М.В. Медведева

ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ГАИМК: СУДЬБА АСПИРАНТА А.Х. МАРГУЛАНОВА¹

Резюме. Аспирантура ГАИМК в 1920–1930-е гг. выпустила целую плеяду блестящих ученых – археологов, этнографов, историков, востоковедов, архитекторов, искусствоведов. Активно развернувшееся советское национальное строительство на территории СССР открыло большие возможности молодых специалистов союзных республик для обучения в ведущих университетах и научных учреждениях страны. В рамках этой программы в аспирантуру ГАИМК был принят А.Х. Маргулан – будущий основатель школы археологии и этнографии Казахстана. О ленинградском периоде жизни ученого было известно немного, но в последние годы удалось обнаружить комплекс документов, связанных с его учебой в аспирантуре ГАИМК и ИИМК АН СССР (1931–1938). На основе их анализа появилась возможность уточнить детали биографии А.Х. Маргулана в 1930-е гг.

Ключевые слова: А.Х. Маргулан, аспирантура ГАИМК, архивные документы, археология Средней Азии, национальная политика СССР, востоковедение.

Аспирантура ГАИМК в 1920–1930-е гг. выпустила целую плеяду блестящих ученых, составивших интеллектуальную элиту не только советской археологической науки, но и этнографии, русской истории, востоковедения и других гуманитарных наук. Среди них были Н.Н. Воронин (1904–1976), Г.Ф. Корзухина (1906–1974), А.А. Иессен (1896–1964), М.П. Грязнов (1902–1984), П.Н. Шульц (1900–1983), Б.Б. Пиотровский (1908–1990), М.И. Артамонов (1898–1972), П.Н. Третьяков (1909–1976), П.И. Борисковский (1911–1991), А.Н. Бернштам (1910–1956), С.А. Семёнов (1898–1978) и многие другие. Современным археологам прекрасно известны

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФ 22-28-00063. В документах 1930-х гг. используется русское написание фамилии исследователя с окончанием на «-ов».

их имена, ведь каждый из них стоял у истоков основания научной школы или нового научного направления в археологии. В самые сложные для российской истории 1930-е гг. они начинали свой путь в науку с обучения в аспирантуре ГАИМК.

На рубеже 1920–1930-х гг. происходил активный перевод всей российской науки на марксистские рельсы, и Академия истории материальной культуры тоже оказалась вовлечена в этот процесс. Помимо преобразований организационной структуры учреждения потребовались глобальные перемены и в штате: в первую очередь стали необходимы «идеологически правильные» сотрудники, нужно было срочно «улучшить социальный и партийный» кадровый состав и воспитать смену молодых ученых-марксистов. Выполнение последней задачи возложили на аспирантуру ГАИМК: «на плечи молодой пролетарской аспирантуры и выдвиженцев наших вузов и научно-исследовательских учреждений ложится выполнение исторической задачи – не просто перенять научное наследство из рук старого поколения буржуазных ученых и технических специалистов, рабски копируя их методы мышления и исследования, <...> а критически его переработать и перестроить в соответствии с задачами социалистического строительства, с требованиями пролетарской революционной методологии. Растущее поколение пролетарских ученых-революционеров не может попросту завоевать «буржуазную» науку и технику, оно должно их критически переработать и революционно преобразовать. Только в этих условиях новые научные кадры явятся революционными воспитателями кадров будущих красных специалистов и организаторами победоносной борьбы пролетариата на одном из последних классовых фронтов – идеологическом фронте» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1930. Д. 73. Л. 52). Безотлагательными мерами для реорганизации работы аспирантуры должны были стать следующие: увеличение количества аспирантов; усиление социального состава обучающихся за счет выдвиженцев и освобождения от «классово-чуждых элементов»; коренная реорганизация руководства аспирантурой, которое должно было обеспечить проведение четкой классовой линии; укрепление материально-технической базы; улучшение подготовки и планирования (Там же. Л. 5). В научной работе с этого времени аспирантам следовало руководствоваться коллективными формами обучения. Индивидуальная работа с профессором, существовавшая в предыдущие годы, была признана неэффективной, так как отрывала молодых специали-

стов от общественной жизни и социалистического строительства. По типовому плану обучения аспирантов предметы в программе распределялись таким образом, что тридцать процентов отводилось на совершенствование марксистской методологии и штудирование диамата и истмата. Остальное время делилось между специальностью, языками, полевой практикой и педагогикой, с преобладанием занятий по специальности.

Следуя заявленному плану, количество мест в аспирантуре ГАИМК в 1930-е гг. значительно увеличили, и, если в 1925–1926 гг. там обучалось тринадцать человек, то в 1932 г. числилось уже сорок аспирантов. Активно развернувшееся советское национальное строительство на территории СССР выявило нехватку национальных «марксистских» научных кадров на местах, поэтому для привлечения в аспирантуру работников из числа «националов» было добавлено большое количество мест для выходцев из коренных народов как в республиканских учебных учреждениях, так и в центральных институтах и университетах. Претенденты могли подавать документы для поступления практически в любые институты страны. Академия истории материальной культуры также присоединилась к этой программе. С 1931 г. аспирантура по распоряжению Наркомпроса должна была уже включать не менее пятнадцати процентов представителей национальных меньшинств, поэтому в более чем сорок различных учебных учреждений от имени ГАИМК было разослано приглашение для их работников в аспирантуру, где сообщалось, что Академия чрезвычайно заинтересована в приеме «националов» для обеспечения молодыми специалистами союзных республик (Медведева, 2020).

Благодаря такому повороту в кадровой политике представители разных национальностей получили возможность обучаться в 1930-х гг. в аспирантуре ведущего археологического учреждения России – Государственной академии истории материальной культуры. Среди них выдающееся место занимал будущий основоположник казахской школы археологии и этнографии Алькей Хаканович Маргулан (рис. 1). О жизни и деятельности ученого издано множество публикаций (Алькей Хаканович Маргулан..., 1984; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017; Исмагулов, 2004; Кызласов, 1997; Мананова, 1998, 2002; Маргулан Алькей Хаканович..., 1998; Маргулан, 1997 и др.), но о периоде его учебы в Ленинграде в 1930-х гг., когда он был аспирантом ГАИМК, до сих пор известно мало. В основном, информация происходила из воспоминаний

самого А.Х. Маргулана и его родных и коллег. В последние годы удалось обнаружить ряд документов того времени, которые позволяют расширить наши представления о биографии исследователя. В Научном архиве ИИМК РАН сохранились материалы, характеризующие обучение А.Х. Маргулана в аспирантуре ГАИМК (Медведева, 2020). Среди них протоколы заседаний различных подразделений ГАИМК, аспирантские бумаги, трудовая книжка, отчеты об учебе, план диссертации, финансовые ведомости о получении им стипендии, командировки. Однако в архиве ИИМК не было основного комплекса документов – личного дела аспиранта А.Х. Маргулана, хотя изначально оно было сформировано, как и для всех остальных аспирантов. В учетных документах архива ИИМК значилось, что в 1938 г. личное дело А.Х. Маргулана было передано в Москву в Управление подготовки научных кадров АН СССР на основании распоряжения заместителя директора ИИМК АН СССР. В результате проведенных поисков обнаружилось, что дело сейчас хранится в Архиве РАН². В нем содержатся личные листки по учету кадров разных лет, написанные собственноручно А.Х. Маргуланом жизнеописания и заявления, материалы для зачисления в аспирантуру ГАИМК, различные характеристики, медицинские справки, переписка о восстановлении его в аспирантуре в 1937 г. и другие документы. В результате их анализа появилась возможность еще более точно конкретизировать биографические данные А.Х. Маргулана и охарактеризовать период его жизни, связанный с ГАИМК/ИИМК АН СССР не только в Ленинграде (1931–1934), но и в Москве (1937–1939). Собранные вместе данные архивов ИИМК РАН и Академии наук дали довольно типичную картину обучения аспиранта из «националов» в 1930-е гг.

В 1932 г. А.Х. Маргулан подробно расписал всю свою жизнь, учебу и опыт работы до поступления в аспирантуру:

«МОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ»

Я родился в бедной семье сельского батрака в 1902 г.³ на Чидертах (Казахстан). Отец, будучи грамотным по-арабски, в мо-

² Благодарю коллег из Архива РАН за возможность ознакомиться с материалами дела.

³ Во всех документах, связанных с обучением в ГАИМК, в том числе и в собственноручно написанных А.Х. Маргуланом автобиографиях и заполненных листках кадров, 1902 г. значится как год его рождения, тогда как во всех официальных опубликованных после войны биографиях ученого указан 1904 г.

лодости занимался с детьми односельчан, которых бесплатно научил писать и читать на родном языке. Однако, ввиду тяжелого материального положения, он не мог продолжить это занятие, и он целиком перешел на добывание себе средств для существования. Словом, с 25 лет до смерти (1919 г.) отец жил крайне бедным, периодически занимаясь батрачеством.

Вот на этом фоне родился я. До 12-летнего возраста находился на иждивении отца, потом перешел в семью дяди.

По определению отца с 8 до 13 лет учился в туземной школе, где я научился читать и писать по-арабски, и где все школьники занимались только чтением произведений среднеазиатских поэтов и писателей. Но получить европейское образование тогда еще не мог, потому что попасть в русскую школу было очень трудно и, главное, не было средств. Поэтому, не имея возможности продолжать свою учебу, я пошел по другой линии, а именно, с 1916 г. по 1919 г. работал на железной дороге в качестве чернорабочего, одновременно (зимнее время) занимаясь в частной школе по русскому языку и арифметике. Так провел 1916 г. в Екатер. губ. по постройке Ирбитской железной дороги, и так провел 1917, 18 и 1919 гг. на Южно-Сибирской жел. дороге, строительство которой было прекращено в 1921 г.

После того, как советская власть заняла Сибирь, я отправился в гор. Павлодар, где окончил Педагогические курсы по квалификации учителей школы I и II ступени. Пробыв на педагогической работе 1½ года, потом (1921 г.) поступил в Семипалатинский Педтехникум, который окончил в 1924/25 учебном году. После окончания Техникума Семипалатинский Губпрофсовет меня командировал в Ленинградский Вост. Институт, который окончил через 4½ года, т.е. в 1929 г.

Окончив означенный Институт, поехал в Казахстан, и там работал в Казнаркомпросе в качестве научного сотрудника и преподавателем в Университете (1929/1930 г.). Затем по настоянию Каз. Университета я был командирован в Ташкентский университет, где я состоял сначала аспирантом, потом ассистентом по кафедре Ср.-Аз. языков. После реорганизации САГУ – в Технические вузы – меня командировали сюда в Ленинград в аспирантуру.

Вот и вся моя жизнь до 1932 г.

А. Маргуланов» (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 6–7) (рис. 2).

Уже во время обучения в Ленинградском восточном институте он столкнулся со всем цветом русского востоковедения –

Н.Я. Марром, В.В. Бартольдом, С.Ф. Ольденбургом и другими выдающимися учеными. В листках по учету кадров А.Х. Маргулан указывает, что к моменту попадания в ГАИМК он знал русский, казахский, кумыкский, узбекский, татарский, крымско-татарский, башкирский, хакасский, киргизский, каракалпакский, уйгурский, балкарский, туркменский языки. Конечно, с таким образованием и знанием языков молодому исследователю была прямая дорога в Институт лингвистики АН СССР. Именно туда ему и выдал направление САГУ, однако там не оказалось мест в аспирантуре. Поэтому 24 октября 1931 г. А.Х. Маргулан обратился с просьбой о зачислении в аспирантуру ГАИМК в сектор археологии:

«Получив командировку от среднеазиатского университета в аспирантуру Академии наук, я не имел возможности попасть к ним, так как все места по линии аспирантуры Академии наук переполнены.

Поэтому, имея желание специализироваться в одном из научных учреждений Ленинграда, прошу зачислить меня в аспирантуру Вашей Академии по сектору археологии. Расширить квалификацию в Средней Азии невозможно, что там нет соответствующих научных учреждений, тем более, что отсутствие на местах литературы по избранной области тоже не дает возможности специализироваться.

Приложение: 1. Командировочное удостоверение 2. Ходатайство (телеграфное) САГУ 3. Трудовой список 4. Анкета 5. Справка об общественной работе

А. Маргуланов» (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 45).

В итоге А.Х. Маргулан был принят и обучался в Ленинграде в аспирантуре ГАИМК с 1931 по 1934 г., где исправно посещал все семинары, в том числе истмат и диамат, учебные курсы по специальности, технике раскопок, черчению, фотоделу, учил немецкий и английский, летом участвовал в археологических работах ГАИМК. В 1932 г. в качестве полевой практики он попросил администрацию Академии направить его в Казахстан:

«В связи с болезнью матери прошу командировать меня в Казахстан, чтобы там вести работу по линии ГАИМК и, с другой стороны, оказать помощь матери. Предварительно мною намечены и согласованы с моим научным руководителем А.Ю. Якубовским следующие темы работы: 1) Как протекает процесс перехода казаха и киргиза от полуфеодального строя в социализм (колхозы),

2) Колхозная торговля в Казахстане и Средней Азии,

3) Регистрация встречаемых в процессе работы памятников материальной культуры.

Чтобы выполнить эту работу прошу обеспечить фотопринадлежностью и деньгами, в крайнем случае стипендией за лето (июнь, июль, август).

Маргуланов

24/III-32 г.»

(АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 50).

Письмо аспиранта было удовлетворено, и он получил командировочное удостоверение ГАИМК «в Восточный Казахстан и прилегающие к нему районы Средней Азии для научно-исследовательской работы по изучению колхозов, социально-экономическом бытовом и надстроечном явлениях» с 10 апреля по 1 сентября 1932 г. (Там же). К сожалению, рукописного отчета об этой поездке А.Х. Маргулан так и не представил, зато сохранилась интересная серия фотографий, которые он там сделал (Медведева, 2020).

Подготовка диссертации проходила сложно. Постоянно чередовались научные руководители (А.Ю. Якубовский, С.Е. Малов, Н.Х. Калемин), в какой-то момент аспирант и вовсе остался без руководства. Несколько раз менялась и тема самой диссертации: «Разложение родового общества в Средней Азии в XI–XIII вв. в Восточном Туркестане», «Барщинное хозяйство по уйгурским документам X–XIV вв.», «Рентные отношения по уйгурским документам XI–XIV вв.» (Медведева, 2020). Параллельно с учебой А.Х. Маргулан сотрудничал также с редакцией иностранных словарей в Москве и работал в Институте восточных языков, где преподавал на курсах по подготовке редакторов-переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма на национальные языки (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 34, 59, 62–63). В результате чехарды с темами и руководителями, а также из-за значительной дополнительной нагрузки к моменту запланированного окончания срока аспирантуры А.Х. Маргулан диссертацию подготовить не успел. В его характеристике для направления на дальнейшую работу, указывалось: «Имеет лингвистическую подготовку. Академически подготовлен, знает фактический материал. Методологически недостаточно силен. В теории склонен к пан-тюркизму. В общественной работе мало участвовал. Может быть использован на научной работе при условии руководства со стороны историка-марксиста, и на педагогической работе преподавателем на родном языке в вузе /киргизский, туркменский/. Оканчивает аспирантуру в октябре 1934 г.» (РО НА

ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1934. Д. 98. Л. 5). По решению Наркомпроса А.Х. Маргулана распределили в Казахский университет.

Именно в этот момент происходят трагические события, которые вырвали исследователя из научной жизни на несколько лет. Материалы обнаруженного личного дела аспиранта не дают полноценных ответов на все вопросы о причинах произошедшего. Документально известны лишь факты, которые указывают на причину его отчисления из аспирантуры осенью 1934 г. В течение всего июня 1934 г. А.Х. Маргулан принимал участие в заседаниях сектора Средней Азии, а 27 июня 1934 г. вышло распоряжение о его отпуске с 1 июля. На летнюю практику молодого специалиста предполагали отправить на Северный Кавказ или в Саркел. Однако в октябре 1934 г. ГАИМК сообщает в Наркомпрос: «По плану подготовки аспирантов Академии истории материальной культуры аспирант Маргуланов должен был окончить аспирантуру 1 октября т.г.; как Вам известно, после попытки покончить жизнь самоубийством 29 июня т.г. он был помещен в больницу, а затем переведен в психиатрическую больницу и находится в ней до настоящего времени» (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 71). Сообщая об этом, Академия просила указаний, как поступить с аспирантом в дальнейшем. После письма им разрешили отчислить А.Х. Маргулана с 1 октября 1934 г.

Как и при каких обстоятельствах все это случилось, можно пока только предполагать. В одной из своих биографий сам А.Х. Маргулан писал: «Напряженная и непрерывная работа, соединенная с аспирантской учебой, несколько расшатала мое здоровье, и на почве болезни мне пришлось около года лечиться в больнице и санаториях» (Азаров, 2019). По воспоминаниям его родных и друзей поводом для такого страшного поступка мог послужить арест. В материалах ГАИМК нет прямых указаний на арест А.Х. Маргулана, однако документы свидетельствуют о напряженной обстановке, сложившейся вокруг него в 1934 г. Весной проверяли его происхождение, и в личном деле аспиранта сохранилась справка о том, что его отец «Хакан Маргуланов является настоящим бедняком, выходцем из бедняцкой среды, и его основная профессия – пастух байских табунов» (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 65). В 1935 г. «Маргуланов» был причислен к «антисоветчикам», «ведущим вредительскую деятельность», в обращенном к А.А. Жданову «заявлении» В.Ф. Зыбковца, после чего последовали аресты всей руководящей верхушки ГАИМК и некоторых научных сотрудни-

ков учреждения как «врагов народа» (Панкратова, Смирнов, 2022. С. 150, 152). Так или иначе, 29 июня 1934 г. А.Х. Маргулан оказался в психиатрической клинике, где оставался довольно долго.

Период восстановления и возвращения к нормальной жизни тоже был длительным. Впервые А.Х. Маргулан обратился за подтверждением своего обучения в ГАИМК в октябре 1936 г. (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 69). В 1937 г. Академия истории материальной культуры была преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК), вошедший в состав Академии наук СССР. Вопросы подготовки научных кадров перешли в сектор спецаспирантуры АН СССР, затем – в Управление подготовки научных кадров Академии наук. В декабре 1937 г. А.Х. Маргулан направил туда просьбу восстановить его в аспирантуре для завершения работы над диссертацией, приложив врачебные справки о том, что он может заниматься научной деятельностью с осторожностью и не перенапрягаясь (Там же. Л. 12–14). Директору ИИМК АН СССР И.А. Орбели сразу же сообщили в письме от 9 декабря 1937 г., что в отдел спецаспирантуры «обратился б. аспирант ГАИМК т. Маргуланов с просьбой восстановить его в аспирантуре АН. Тов. Маргуланов по болезни был отчислен из аспирантуры ГАИМК 1/Х-1934 года.

Диагноз: Шизофрения (параноидная форма).

В случае положительного ответа врачебной комиссии заявление т. Маргуланова в ближайшее время будет рассмотрено. С получением сего прошу распорядиться переслать нам его личное дело и высказать Ваше мнение о возможности восстановления т. Маргуланова» (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 16).

Ответ от Института долго не поступал, и в этот момент судьбу аспиранта решил академик И.И. Мещанинов, который знал А.Х. Маргулана еще со времени учебы в Восточном институте. Он охарактеризовал степень готовности диссертации: «Работает по рукописи и памят[никам] мат[ериальной] культ[уры.] Руков[одителем] был Якубовский, по языку (уйгурскому) был Малов. В настоящее время материал (частично 60%) собран. Дочитать надо, системат[изировать] и написать. Специалисту потребуется 1–1½ года. Специал[изируется] по истории мат[ериальной] культ[уры] Сред[ней] Азии начиная от разлож[ения] среднего родового общества до разл[ожения] кап[итализма], главным образом, по Казахст[ану] и Восточ[ному] Туркестану. Тема дисс[ертации]: "История уйгуров восточного

Туркестана". Возможна диссертация на тему казахского словаря» (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 8–10).

В результате в феврале 1938 г. А.Х. Маргулана восстановили в аспирантуре Московского отделения ГАИМК, не дожидаясь мнения ленинградских коллег. Постоянно находясь в болезненном состоянии, он и в Москве не сумел защитить диссертацию. Текст исследования А.Х. Маргулана на тему «Историческое значение ярлыков и пайзе» обсуждался в Институте языка и мышления АН СССР в июне 1938 г. Крайне негативный отзыв на филологическую составляющую работы дал его бывший научный руководитель С.Е. Малов, он же предложил защищать диссертацию не по языковедению, а по историческому направлению. Из рецензии становится ясно, что «сочинение Маргулана» состояло из 103 страниц. Первая часть работы была посвящена анализу ярлыков как первоисточника и исторического памятника, во второй содержалось «филологическое истолкование текста ярлыков», затем шел их русский перевод. А.Х. Маргулану предложили перенести защиту работы на 1939 г. с условием внесения всех необходимых дополнения и исправлений (АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 27–30). В августе того же года текст его диссертации был отправлен на рассмотрение директору Института истории АН СССР академику Б.Д. Грекову. Неизвестно как развивались бы события далее, но в декабре 1938 г. «Комитет по заведыванию филиалов и баз АН» командировал А.Х. Маргулана для продолжения научной работы в Казахский филиал Академии наук, с которым была связана вся его последующая плодотворная научная жизнь. Там он успешно защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, и стал ключевой фигурой в формировании школы академической археологии в Казахстане. Годы обучения в аспирантуре ГАИМК/ИИМК АН СССР были очень непростыми для А.Х. Маргулана, но, тем не менее, сыграли решающую роль в формировании его как археолога и дали импульс всей его дальнейшей археологической деятельности.

Литература

Азаров А., 2019. Алькей Маргулан и жернова репрессий. Трудные отношения ученого с советской властью // Радио Азаттык. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-soviet-scientist-alkey-margulan/30101609.html> (дата обращения: 27.01.2021)

- Алькей Хаканович Маргулан, 1984. Материалы биобиблиографии ученых Казахстана. Алма-Ата: Наука. 67 с.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., 2017. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: «Бегазы-Тасмола». Т. 1. С. 11–64.
- Исмагулов О., 2004. Выдающийся исследователь историко-культурного наследия казахского народа: (Об А. Маргулане) // Мысль. № 12. С. 11–15.
- Кызласов Л.Р., 1997. Алькей Хаканович Маргулан. К портрету ученого и человека // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. № 3 (19). С. 161–167.
- Мананова А., 1998. Алькей Хаканович Маргулан – археолог // Известия Академии наук республики Казахстан. Серия общественных наук. 1 (213). С. 91–94.
- Мананова А., 2002. Ученый с мировым именем – Алькей Хаканович Маргулан // Azerbaijan Archeology. Vol. 4. № 3–4. С. 142–146.
- Маргулан Алькей Хаканович, 1998. [Краткая биограф.] // Казахи: Десятитом. попул. справ. Алматы: Казакстан даму ин-ты. Т. 2. Исторические личности. С. 488–490.
- Маргулан Д., 1997. Научное наследие А.Х. Маргулана (заключительное слово) // Евразийское сообщество. № 3. С. 244–245.
- Медведева М.В., 2020. «В упорной борьбе за марксистскую историю материальной культуры...»: документы аспиранта ГАИМК Алькея Маргуланова из архивного собрания ИИМК РАН // ЭНОЖ «История». Т. 11. М. № 5 (91) [Электронный ресурс] DOI:10.18254/S207987840010316-6 (дата обращения 12.01.2021)
- Панкратова Е.Г., Смирнов Н.Ю., 2022. К истории ликвидации ГАИМК: «заявление» В.Ф. Зыбковца А.А. Жданову // РА. № 1. С. 144–156.

А.А. Непомнящий

**ОРГАНИЗАТОР СОВЕТСКОГО КРЫМОВЕДЕНИЯ
НИКОЛАЙ ЭРНСТ**

Резюме. На фоне обзора основных процессов в историческом крымоведении 20–30-х гг. XX в. восстановлена научная биография крупного советского археолога и историка-крымоведа Николая Львовича Эрнста (1889–1956) – одного из организаторов Центрального архива Крыма, профессора Крымского университета (педагогического института) им. М.В. Фрунзе, директора Центрального музея Тавриды, первого заведующего Академической библиотекой Таврического университета, последнего председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии. На основе выявленного автором эпистолярного наследия Н.Л. Эрнста представлены малоизвестные сюжеты, связанные с межличностными коммуникациями среди крымоведов, показана интеллектуальная напряженность в среде крымоведов в 1920-е годы. Восстановлена география и содержание археологических разысканий Эрнста, раскрыто содержание его конфликта с Н.И. Репниковым из-за раскопок на Эски-Кермене.

Ключевые слова: Н.Л. Эрнст, крымоведение, Эски-Кермен, Центральный музей Тавриды, библиотеки.

Имя крупного советского археолога и историка-крымоведа Николая Львовича Эрнста (1889–1956) – создателя и первого директора Центрального музея Тавриды, первого заведующего Академической библиотекой Таврического университета, одного из организаторов Центрального архива Крыма, профессора Крымского университета (педагогического института) им. М.В. Фрунзе, приемника А.И. Маркевича на посту председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии – все еще остается малоизвестным, несмотря на появившиеся в последнее десятилетие работы, посвященные его деятельности (Непомнящий, 2012; 2016). Н.Л. Эрнста часто путают с родным братом Федором (Теодором-Рихардом) Людвиговичем Эрнстом (1891–1942) – специалистом в области изучения и охра-

ны историко-культурного наследия (см. о нем: *Верезомська*, 2005; *Білокінь*, 2006).

Предки ученого-крымоведа со стороны отца переселились в Российскую империю из Германии в начале XIX в. Дед Николая Львовича со стороны отца с 1815 г. работал на помещичьих суконных фабриках в Волынской, Киевской и Полтавской губерниях. Его отец – Людвиг, так и не получив школьного образования, мальчиком служил приказчиком в киевских торговых фирмах, а позже стал сотрудником страхового общества «Надежда» (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 18, 26). По социальному положению он считался купцом второй гильдии. В Глухове Людвиг Эрнст имел в собственности небольшую фабрику по производству веревок (*Білокінь*, 2006 С. 12). Дед со стороны матери – Даниил-Николай Николаевич Неезе – родился в 1818 г. в Риге. В 1854 г. Совет киевского Университета Святого Владимира избрал его ученым аптекарем со званием адъюнкт-профессора (Там же. 2006. С. 12). Мать Н.Л. Эрнста – Кристина – получила домашнее образование (Там же. Л. 18–21). В семье Эрнстов было шестеро детей. Дочери Евгения (родилась около 1877 г.), Елена (родилась около 1880 г.), сын Георгий (родился около 1883 г.), дочь Вера (родилась около 1887 г.). Самым младшим был брат Теодор-Рихард (родился в 1891 г.). Николай Львович родился 23 сентября 1889 г. (именно эту дату он указывал в собственноручно заполненных анкетах) в Киеве (СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 80). В 1900 г. семья потеряла отца. Им пришлось переехать в Глухов, чтобы следить за состоянием дел на фабрике. Эти обязанности легли на плечи матери (*Білокінь*, 2006. С. 13–14). В Глухове Николай обучался в гимназии, которую окончил в 1907 г. с золотой медалью. Вместе с братом Федором Николай участвовал в нелегальном «Союзе учащихся города Глухова». Участием в революционном ученическом движении Н.Л. Эрнст объяснял в дальнейшем невозможность поступить в «русский университет» (*Непомнящий*, 2012. С. 29–30).

Не имея достаточно средств для продолжения образования сыновей в России, семья вынуждена была согласиться с предложением дяди – известного киевского врача-окулиста Эрнста Николаевича Неезе (1850–1930), который предложил финансовую помощь братьям Николаю и Федору для получения высшего образования. Однако он выдвинул обязательное условие о том, что учиться они будут в Германии. С 1907 г. Николай обучался в этой стране. Сначала год в Марбургском, следующий год в Мюнхенском

университетах, а с 1909 по 1911 г. являлся студентом Берлинского университета, где изучал историю на историческом отделении философского факультета. В дальнейшем в анкетах он указывал только Берлинский университет, как основной вуз, который закончил (СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83 об.). Николай участвовал в семинаре по истории Восточной Европы. Студенту посчастливилось слушать лекции таких блестящих историков как Ганс Дельбрюк, Эдуард Майер, Теодор Шиманн.

В эти годы вместе с братом Теодором (Федором), который после окончания гимназии также стал студентом этого же факультета, он объехал множество европейских старинных городов, познакомился с всемирно известными музейными коллекциями Германии и Австрии (*Непомнящий*, 2012. С. 32). Выпускной диссертацией Николая (1911 г.) стало исследование «*Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Ivan III und Vasilij III*» («Отношение Москвы к крымским татарам при Иване III и Василии III»).

Теодор Шиманн снабдил талантливого выпускника, возвращавшегося на родину, рекомендательными письмами к профессорам Университета Святого Владимира в Киеве М.В. Довнар-Запольскому, В.С. Иконникову и Т.Д. Флоринскому, где просил российских коллег оказать молодому человеку содействие в устройстве на работу и в дальнейшем научном развитии. Т. Шиманн знал этих ученых лично, неоднократно встречался с ними при своих посещениях России, переписывался. Уже после отъезда Н.Л. Эрнста из Германии, в 1912 г. в берлинском научном издании была напечатана его статья «Первые набеги крымских татар на Южную Россию» (*Ernst*, 1912. С. 1–58).

В 1911 г., сразу по окончании университетского курса, Николай Львович переехал в Киев. Здесь он поступил в аспирантуру. Под руководством профессоров М.В. Довнар-Запольского, В.С. Иконникова, Т.Д. Флоринского молодой специалист проводил семинарские занятия для студентов историко-филологического и юридического факультетов по проблемам возникновения Древнерусского государства, своду законов «Русская Правда». В это время Николай – активный участник заседаний Исторического общества Нестора Летописца (*Непомнящий*, 2019а. С. 176–177).

Николай и Федор, который в сентябре 1910 г. перевелся в Университет Святого Владимира, стали активными членами Студенческого историко-этнографического кружка, работавшего при университете. Этим студенческим семинаром руководил

М.В. Довнар-Запольский. На заседаниях заслушивались наиболее удачные, по мнению профессора, доклады, которые впоследствии публиковались в специальном ежегоднике». В третьем томе такого сборника были опубликованы тезисы дипломной работы Н.Л. Эрнста. Соответствующий доклад «Первые набеги крымских татар на Украину» был прочитан им на заседании кружка 2 марта 1912 г. (*Эрнст*, 1914б. С. 25–26).

В дальнейшем, работая по указанному профессором М.В. Довнар-Запольским новому направлению, Николай Львович занялся изучением прошлого Путивля – города, расположенного в непосредственной близости от Глухова. В «Юбилейном сборнике статей» Студенческого историко-этнографического кружка, посвященного М.В. Довнар-Запольскому, Николай Львович опубликовал статью «Путивль и его посад в первой половине XVII-го века» (*Эрнст*, 1914в. С. 57–79). Основным источником для него стали писцовые книги 1626–1627 и 1628–1629 гг.

Владимир Степанович Иконников, председатель библиотечного комитета Университета Святого Владимира, порекомендовал молодого немца директору библиотеки вуза В.А. Кордту. Благодаря этой протекции Николай Львович получил должность библиотекаря в Университете. Так судьба привела Эрнста на библиотечное поприще, которому он отдался со всей душой, как истинный ценитель культуры. Результатом научной и библиотечной деятельности Н.Л. Эрнста в киевский период, общения с профессорами-славистами и специалистом по истории Великого Княжества Литовского М.В. Довнар-Запольским стало исследование «Библиотека графов Хрептовичей: к передаче ее Университету Св. Владимира», опубликованное в популярном петроградском периодическом издании «Русский библиофил» (*Эрнст*, 1914а. С. 16–21). Статья посвящена одному из крупнейших собраний университетской библиотеки – коллекции древнего и влиятельного литовского рода Графа Литавора Хрептовича. Николай Львович выделил наиболее ценные рукописи и старопечатные книги, среди которых – «Острожская Библия», дневники Марии Мнишек, письма Богдана Хмельницкого. По данным Н.Л. Эрнста, в библиотеку Университета Святого Владимира было передано около 4500 названий документов из собрания Хрептовичей.

Начало Первой мировой войны прервало работу Николая Львовича в киевском университете. Хотя Эрнсты еще в октябре 1913 г. подавали прошение про переход в российское подданство,

получить его до вступления Российской империи в войну они не успели. 7 августа 1914 г. братьев Николая и Федора Эрнстов как граждан Германии арестовали. До 23 августа их держали в Киеве в «дворцовом участке», а затем выслали на проживание в организованном в селе Куртамыш под Томском в лагере для немцев. Позже Николай проживал в Оренбургской губернии под Верхне-Уральском (*Непомнящий*, 2012. С. 46). Из Киева были высланы все представители семьи Эрнст, даже его престарелая мать. Они смогли вернуться в Киев только в августе 1917 г. (*Білокінь*, 2006. С. 29) и приняли присягу на верность России и ее Временному правительству. Начало революционной неразберихи в Киеве, организация Украинской Центральной Рады, заявления нового украинского правительства об автономии повлияли на решение Николая Львовича не оставаться на Украине.

В ссылке среди российских немцев с ностальгией звучали имена соотечественников, которые остались в столицах, добились признания властей, достигли значительных высот на научном поприще. Среди иных, для Николая Эрнста знакомым было имя Эрнеста Львовича (Леопольдовича) Радлова, работавшего в столичной Императорской Публичной библиотеке. Найдя в ссылке общих знакомых, Н.Л. Эрнст решил обратиться к нему с рекомендациями от них и просьбой об устройстве на работу в этот «храм книжной культуры». Так судьба свела Николая Львовича с крупным ученым той эпохи, который в сложный период лихолетья помог ему выжить.

В августе 1917 г. Николай Львович Эрнст направил письмо Э.Л. Радлову в Петроград, где справлялся о возможности устроиться служащим в Российскую Публичную библиотеку. Отправленное им 23 августа прошение в Совет Библиотеки оставалось длительное время без ответа. Э.Л. Радлов, которому Николай Львович переслал рекомендательные письма, не мог сразу помочь ему с трудоустройством. Выбранный директором на общем собрании коллектива, он только с марта 1918 г. был утвержден Наркоматом просвещения (*Непомнящий*, 2010. С. 141–143). Лишь 6 апреля 1918 г. (по другим данным с 8 апреля) Николай Львович был принят сотрудником читального зала Библиотеки (РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 – 1917. Приказы и распоряжения. Л. 27. № 16).

В холодных и полутемных залах отделения «Rossica» Публичной библиотеки Николай Львович занимался каталогизацией новых поступлений сочинений о России, изданных на западноевропейских языках. Служба давала ему возможность избегать мобилиза-

ций на различные общественные работы для «нетрудовых элементов», получать паек, предназначенный для советских служащих, а также свидетельство о лояльности в отношении к новой власти.

Окончание трудового поприща Н.Л. Эрнста в Петрограде было внезапным и непосредственно связано с политической ситуацией на Украине. Там произошел государственный переворот, приведший к власти Павла Скоропадского. 12 июня в 1918 г. между Советской Россией и Украиной был подписан мирный договор, согласно которому Россия признала независимость Украинского государства. Кроме того, были приняты постановления о прекращении военных действий на фронтах, взаимной эвакуации граждан, об обмене консульскими представительствами. Н.Л. Эрнсту импонировали перспективы союза правительства П. Скоропадского с германскими властями, как и значительное немецкое присутствие на Украине. Николай Львович обратился в Украинское генеральное консульство в Петрограде, где 14 сентября 1918 г. получил удостоверение № 5667 для выезда на Украину.

На заседании Малого Комитета Библиотеки было принято решение об увольнении Н.Л. Эрнста «в связи с распоряжением властей о выезде его на Украину как украинского гражданина». В служебной документации библиотеки выявлены разночтения в дате окончательного увольнения Николая Львовича. Наиболее позднее из встречающихся распоряжений о его увольнении из Российской Публичной библиотеки с 1 ноября 1918 г. датировано 20 декабря (РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 – 1917. Приказы и распоряжения. Л. 45. № 59; *Непомнящий*, 2010. С. 146).

Николай Львович вернулся в Киев периода гетманата Павла Скоропадского и значительного немецкого политического влияния и военного присутствия в Украине. Он планировал продолжить работать в библиотеке Университета Святого Владимира. В.А. Кордт проинформировал коллегу об учреждении в Симферополе, где также в это время господствовали немцы, филиального отделения Университета Святого Владимира. В связи с острой необходимостью в Крыму квалифицированного специалиста для университетской библиотеки, которую только формировали из собраний местной гимназии, Таврической духовной семинарии и пожертвований из частных собраний, он порекомендовал Н.Л. Эрнсту продолжить именно там свою деятельность (*Непомнящий*, 2020. С. 397–399). В.А. Кордт снабдил решившегося на переезд Н.Л. Эрнста рекомендательными письмами.

Николай Львович попал в Крым в октябре 1918 г. – период власти здесь немецких оккупационных войск и поставленного ими краевого правительства М.А. Сулькевича (1865–1920), когда только открылся Таврический университет. Отдельной причиной, способствовавшей к переезду Н.Л. Эрнста в новый, но хорошо знакомый по историческим источникам и литературе край, было то, что он приятельствовал с довоенных лет с ректором Таврического университета Романом Ивановичем Гельвигом. В Университете Святого Владимира до этого профессор Р.И. Гельвиг преподавал анатомию. Роман Иванович тепло встретил своего старого знакомого по университетской библиотеке. А письмо В.А. Кордта, безусловно, способствовало принятию решения о назначении Н.Л. Эрнста заведующим Академической библиотекой нового вуза.

Как заведующий Академической библиотекой Н.Л. Эрнст в эти годы много сделал для пополнения ее незначительных еще тогда фондов бесценными книжными богатствами, оставленными во дворцах и дачах Южного берега Крыма эмигрировавшей знатью. Эти собрания реквизировались новыми властями. Значительная их часть разбиралась жителями окрестных сел для растопки печей, просто уничтожалась. В это время Николай Львович постоянно выезжал с подводой в Ялту, где на спецскладе и созданной там из конфискованных в имениях Южного берега Крыма Объединенной библиотеке подбирал литературу для университета.

С этой деятельностью ученого связана первая из известных его крымских публикаций. 26 июля 1919 г. он сообщал в газете «Таврический голос» о проведенной в Ялте выставке реквизированных ценностей из бывших имений окрестностей Ялты (*Эрнст*, 1919а). Еще одна его публикация 1919 г. – статья в однодневной газете, изданной в связи с годовщиной Таврического университета, где историк рассказал о немецких студенческих традициях (*Эрнст*, 1919б). Именно благодаря деятельности Н.Л. Эрнста в библиотеку Таврического университета была передана часть книг из Алушкинского майората семьи Воронцовых (периодика XVIII столетия, издания по точным наукам, истории). Заведующий добился и передачи университету книг коллекции бывшего таврического губернатора А.И. Казначеева, которая была изъята у его наследников.

Н.Л. Эрнст активно включился в подвижническую деятельность местной интеллигенции по охране культурного наследия. В ноябре 1920 г. при Крымском отделе по делам музеев и охране

памятников искусства, старины, природы и народного быта было создано Ученое совещание, призванное обеспечивать научное руководство работой КрымОХРИСа по изучению, систематизации и охране памятников истории и культуры. Одним из его участников и активных деятелей стал Николай Львович (*Непомнящий*, 2019в.). Это было сложное в политическом плане, голодное, во многом опасное время, когда приходилось реализовывать себя в разных сферах, чтобы выжить (см. подробнее: *Непомнящий*, 2019б). Молодой энергичный немец быстро влился в круг местной интеллектуальной элиты, стал членом Таврической ученой архивной комиссии. Одновременно с работой в университетской библиотеке он получил должность приват-доцента, а вскоре – профессора сразу на двух кафедрах вуза: российской истории и немецкого языка.

В конце 1920 г. Николай Львович, благодаря протекции первого руководителя КрымОХРИСа Г.А. Бонч-Осмоловского, поступил также на работу заведующим в Центральный музей Тавриды (ЦМТ). Базой создания этого первого универсального музейного учреждения Крыма, возникшего благодаря инициативе КрымОХРИСа, стали коллекции Естественно-исторического музея Таврического губернского земства (основан в 1899 г.) и Археологического музея Таврической ученой архивной комиссии (основан в 1887 г.). 8 мая 1921 г. в помещении бывшего Общества взаимного кредита состоялось открытие ЦМТ. На Н.Л. Эрнста легла вся тяжелая ноша организации нового музея. В ОПИ ГИМ нами выявлен интересный документ, относящийся к этому периоду жизни ученого. Это написанная им справка «О возникновении и состоянии Центрального музея Тавриды в Симферополе» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп 1. Ед. хр. 995. Л. 1–2). В этом документе, подготовленном для Главнауки Наркомпроса, дана общая характеристика фондов и экспозиций, штата музея.

Николай Львович активно добивался выделения музею здания, чтобы свести воедино разбросанные в разных местах коллекции, которые в большинстве своем из-за отсутствия помещения не могли выставляться и просто были складированы. Благодаря энергии директора новым адресом учреждения стала Долгоруковская улица – помещение бывшего Офицерского собрания, которое после установления советской власти использовалось как военный комиссариат и, конечно, не отвечало всем требованиям музейного учреждения. 8 ноября 1922 г., после долгих задержек, состоялся

переезд музея. Фонды ЦМТ тогда насчитывали около девяти тысяч экспонатов, включали библиотечные собрания Естественно-исторического музея и библиотеку «Таврика» – более 7000 томов (Хливнюк, 2008. С. 51).

Прослужив заведующим музеем до конца 1922 г., Эрнст был переведен на должность заведующего Археологическим отделом этого учреждения (СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83). Важной составной его работы с 1923 г. стали многочисленные выставки, которые устраивались неоднократно каждый год по случаю годовщины Октября, партконференций, съездов Советов, колхозников-ударников. Николая Львовича раздражала обстановка постоянной «спешности, неразберихи, неумелости» (Непомнящий, 2012. С. 88–89), которая сопровождала подготовительные работы. Всю организационную часть он старался брать на себя с целью наибольшей эффективности работы. Сам ходил по предприятиям, учреждениям, изучал и подбирал материал для экспозиций, делал фотографии, грузил и переносил экспонаты.

Назначение Эрнста именно в Археологический отдел местного музея было неслучайным. С самых первых дней появления в Крыму он увлекся изучением памятников материальной культуры. Систематические раскопки он начал проводить после установления советской власти. В 1921 г. совместно с Г.А. Бонч-Осмоловским Эрнст занимался исследованием поселения раннего железного века у пещеры Кизил-Коба Симферопольского района. Обнаруженный здесь археологический материал впоследствии был выделен как кизил-кобинская археологическая культура, соотносимая в современных исследованиях с этнической историей тавров. В 1923 г. Г.А. Бонч-Осмоловский, С.И. Забнин, Н.Л. Эрнст и Ф.А. Фиельструп начали раскопки в районе деревни Тав-Кипчак Симферопольского района (В археологическом..., 1923. С. 6; Эрнст, 1931. С. 14). С 5 по 11 июня того же года Николай Львович находился в деревне Лимены под Алупкой, где обследовал самовольные раскопки, произведенные местными жителями с целью поиска драгоценностей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1923. Д. 88. Л. 2). Сохранился составленный им отчет об этой командировке (машинопись с собственноручной подписью) (Там же. Л. 2–3 об.).

С 1923 г. Г.А. Бонч-Осмоловский и Н.Л. Эрнст на базе практики студентов географического факультета Ленинградского государственного университета при финансировании Русского музея и Главнауки Наркомпроса РСФСР начали систематические

исследования доисторических культур Крымского полуострова. С 1923 по 1926 г. археологи осмотрели свыше 80 пещер и открытых стоянок. «Благоприятные результаты были получены в 8-ми пунктах» (*Бонч-Осмоловский*, 1926. Стб. 59–66; *Эрнст*, 1923. С. 2). По мнению исследователей, наиболее древними следами человека не только в Крыму, но и в СССР, оказались культура пещеры Киик-Коба, расположенная около с. Кипчак в предгорной части Крыма (долина реки Зуя, в 25 верстах на восток от Симферополя).

Информативным источником о деятельности Николая Львовича в Крыму в 20-е годы стала хорошо сохранившиеся его письма к брату Федору. Документы выявлены нами в личном архивном фонде Ф.Л. Эрнста. Бумаги были не атрибутированы и значились в описи как «Письма некоего Коли». В послании от 21 мая 1924 г. Н.Л. Эрнст сообщал: «Дома писал понемногу, да все вещи, которых нельзя напечатать. Никак не могу пересилить себя и писать разную плоскую популярщину для экскурсантов, а это теперь единственный товар в спросе. Читал спорадически лекции, регулярно в Университете не читал – раздражает атмосфера» (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56 Л. 9 об.). В это время выходит несколько научно-популярных работ ученого. В 1923 г. Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины и искусства издал «Путеводитель по Крыму», который редактировали знаковые фигуры крымского краеведения той поры – А.И. Маркевич, А.И. Полканов и Н.Л. Эрнст (*Путеводитель...*, 1923). Последний также был и среди авторов, состав которых гарантированно способствовал успеху справочника. Спустя два года свет увидело второе издание этого историко-краеведческого справочника. Редакторы остались те же, а разделы, написанные ранее Н.Л. Эрнстом, передали А.С. Башкирову, И.Н. Бороздину и К.Э. Гриневичу (*Путеводитель...*, 1925).

В 1924 г. Крым посетила группа немецких ученых, членов Германского общества сближения с СССР – аграрники, географы, экономисты. Делегацией руководил сотрудник немецкого посольства в Москве Аугаген (курировал вопросы закупок сельскохозяйственных товаров). Николаю Львовичу как свободно владеющему немецким было поручено проведение для них экскурсий (*Непомнящий*, 2012. С. 89).

Газета «Красный Крым» в августе 1924 г. подробно освещала ход раскопок Н.Л. Эрнста близ деревни Бахчи-Эли, где было обнаружено скифское погребение (*Археологические...*, 1924а; 1924б;

1924бв.; -И, 1924). О своих археологических «подвигах» Николай Львович постоянно информировал родных. 23 октября 1924 г. он сообщал в Киев брату Федору Людвиговичу: «КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым. Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые ушедшие в землю надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими, и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции» (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 13–13 об.; *Непомнящий*, 2018б).

В археологический сезон 1924 г. Н.Л. Эрнст также изучал городища в окрестностях Симферополя (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 Оп. 1 – 1924. Д. 110. Л. 1). Сохранился его неопубликованный доклад «Городище у дер. Ягмурча у Симферополя» (автограф) (Там же. Л. 1–3). Летом Николай Львович во главе собственной экспедиции, организованной Центральным музеем Тавриды при содействии КрымОХРИСа, копал курганы в окрестностях крымской столицы (Там же. Д. 109. Л. 8). Сохранился написанный Н.Л. Эрнстом карандашом «Дневник раскопок курганов у Симферополя летом 1924 г.» с фотографиями находок и участников исследования (Там же. Л. 8–34), машинописный отчет о работах с подписью Н.Л. Эрнста и «Опись коллекции древностей из раскопок Центрального музея Тавриды, г. Симферополь летом 1924 г.» (Там же. Л. 4–7; Л. 41–42).

В сезон 1924 г. Николай Львович также традиционно не преминул поучаствовать в исследованиях своего ленинградского друга Г.А. Бонч-Осмоловского, который изучал древности пещер Кизил-Коба и Кош-Коба (*Эрнст*, 1924б. С. 3). Согласно плану исследования КрымОХРИСа по изучению культуры крымских татар были также проведены раскопки кладбища XIV–XV вв. в Бахчисарае (*Эрнст*, 1924а. С. 4).

По «Плану раскопок Симферопольского Центрального музея крымоведения» на 1925 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1925. Д. 116. Л. 2–2 об.) Эрнст продолжал исследования курганов в окрестностях Симферополя. В газете «Красный Крым» он поместил информацию об этих раскопках, проведенных экспедицией ЦМТ под его руководством, в частности – в районе Бахчи-Эли –

Красная горка (Эрнст, 1925а. С. 3). Сохранились «Дневник раскопки кургана у Симферополя в 1925 г.» (автограф) и отчет о произведенных работах (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1925. Д. 116. Л. 9–10; Л. 11–25). Кроме запланированных раскопок ученый занялся в 1925 г. обследованием остатков укрепления Кыз-Кермен. О них в ЦМТ сообщил краевед Е. Вавилов, который «набрел на это место» и настоятельно рекомендовал музейщикам провести там охранные мероприятия (Эрнст, 1925б. С. 2).

В 1925 г. в Крым приехали московские профессора кафедры антропологии МГУ Виктор Валерианович Бунак (1891–1979) (одновременно – директор Антропологического института) и Борис Сергеевич Жуков (1892–1933) – специалисты по первобытной археологии, с которыми Н.Л. Эрнст был к этому времени уже знаком. В качестве членов комиссии Главнауки Наркомпроса РСФСР они должны были ознакомиться с раскопками в пещере у Тав-Кипчака близ села Зуя, которыми руководил Г.А. Бонч-Осмоловский с участием Н.Л. Эрнста. С того времени между учеными завязалось тесное сотрудничество. В том же году Николай Львович приезжал к Б.С. Жукову в Москву в Антропологический музей МГУ с отчетами о находках в Крыму. Б.С. Жуков неоднократно после этого бывал в Крыму, проводил здесь раскопки: летом 1927 г. (совместно с О.Н. Бадером), летом 1928 г. на Яйле, в заливе Ласпи и на Ай-Тодоре, летом 1929 г. в рамках Черноморской палеоэтнологической экспедиции (Анциферов, 1928. С. 210; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 113. Л. 1–141; Д. 115. Л. 1–31; Оп. 1 – 1928. Д. 153. Л. 1–29; Оп. 1 – 1929. Д. 188. Л. 1–11). В этих же исследованиях постоянно участвовал Н.Л. Эрнст (Непомнящий, 2012. С. 133–134).

Совместные раскопки 1926 г., проведенные Г.А. Бонч-Осмоловским и Н.Л. Эрнстом в Биюк-Сюрени Бахчисарайского района, широко освещались в научной периодике тех лет (Археологические..., 1926. С. 4; Археологические раскопки..., 1927. С. 219–236). Собранные там артефакты эпохи палеолита были переданы в московские и ленинградские музеи. В этом же году Н.Л. Эрнст провел исследования византийских склепов у деревни Скеля в Байдарской долине и городища Неаполь (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2 ОП. 1 – 1926. Д. 149. Л. 5–8), которые принесли комплексы ценных находок, переданных в Центральный музей Тавриды. Археологу удалось проследить на Неаполе участок южной оборонительной стены с воротами, остатками каменных построек

и полуземлянок, хозяйственные ямы. Для материальной культуры Неаполя, по его мнению, была характерно смесь как местных (скифских и таврских), так и греческих, и римских элементов. Основным результатом работ стала первая стратификация культурных отложений городища и формирование понятия «неапольская культура» (Там же. Д. 198. Л. 1–3; Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 49–50).

Безусловно, Н.Л. Эрнст активно участвовал в подготовке и проведении самых ярких археологических форумов, прошедших в постреволюционное время – конференций археологов СССР в Керчи (1926 г.) и Севастополе (1927 г.). Ученый принял участие в работе сразу трех секций конференции археологов СССР в Керчи в 1926 г. На заседании «Доисторической секции» он выступил с сообщением «Раскопки Центрального музея Тавриды в области доистории 1921–26». На «Средневековой секции» его выступление было обозначено как «Эски-Кермен и пещерные города Крыма». Однако особенный резонанс вызвал его доклад о «железных дверях» Бахчисарайского ханского дворца (*Непомнящий*, 2017).

Удачный опыт проведения Всесоюзной конференции археологов в Керчи сподвиг крымоведов на съезд в следующем 1927 г. в Херсонесе 10–13 сентября. В самой конференции Николай Львович, не занимавшийся непосредственно изучением древностей Херсонеса, принял участие с оговоркой. Вот что он сообщал специальной запиской в оргкомитет: «Принося искреннюю благодарность за приглашение меня на празднование юбилея Херсонесских раскопок и на Совещание, сообщая, что я принял участие в Совещании и, если будут читаться доклады, не относящиеся непосредственно к Херсонесу, то прочитаю доклад под заглавием «Неаполь Скифский». Приеду я с женой. С искренним приветом, Н. Эрнст» (ГИАМЗХТ НА. Д. 266. Л. 74).

К открытию конференции Н.Л. Эрнст опубликовал в севастопольской газете «Маяк Коммуны» небольшую заметку о проведенных им совместно с Г.А. Бонч-Осмоловским исследованиях Сюреньской пещеры и раскопках у деревни Уркуста. Совместно с К.Э. Гриневичем и А.Н. Деревицким Н.Л. Эрнст вошел в редакционную коллегию сборника трудов конференции, которые первоначально собирались издать в полном объеме. Однако землетрясение, произошедшее в Крыму, как раз в дни конференции (в ночь с 11 на 12 сентября) потребовало перераспределения средств в крымском бюджете. Смогли издать лишь сборник тезисов (*Вторая...*, 1927).

Доклад Н.Л. Эрнста, заслушанный 12 сентября, был посвящен столетию начала первых раскопок на Неаполе Скифском. Археолог остановился на разновременных исследованиях памятника Ф. Дюбуа де Монпере, А.С. Уварова, Х.П. Ящуржинского, Н.И. Веселовского и собственных раскопках (Вторая..., 1927. С. 23–28). Доклад вызвал бурное обсуждение. В прениях приняли участие К.Э. Гриневич, А.Н. Кантупалов, Н.Е. Макаренко, Н.И. Новосадский, С.Ф. Платонов. Была принята резолюция о необходимости продолжения археологического исследования Неаполя (*Непомнящий*, 2018а).

Согласно «Плану археологических раскопок и разведок Центрального музея Тавриды на 1927 год» 22–23 апреля были проведены археологические разведки у деревни Топчи-кой). 13–15 июня Н.Л. Эрнст занимался обследованием случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у колонии Нейзац. Уже осенью (2–6 октября) были продолжены археологические разведки погребальных склепов на Неаполе (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 146. Л. 2–2 об.; Л. 11; Л. 13–13 об.).

В археологический сезон 1927 г. Н.Л. Эрнст принял участие в руководимой Г.А. Бонч-Осмоловским Крымской экспедиции Зоологического музея АН СССР. Основным занятием ученых было окончить исследования стоянки Кукрек вблизи с. Кипчак и скалистого навеса Сюрень I у реки Бельбек, раскопки которого начаты были в 1926 г. (К возобновлению..., 1927. С. 2). По указанию Н.Л. Эрнста проводилась и разведка окрестностей. Под его руководством студентами С.Н. Бибиковым, Е.К. Борисевичем и Е.В. Жировым вблизи Сюреньской башни был открыт новый пещерный монастырь, до того времени неизвестный. Николай Львович занимался его исследованием (*Бонч-Осмоловский*, 1927. С. 42; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 146).

В этот период началось сотрудничество Николая Львовича в Крымской комиссии ГАИМК, которую возглавлял Д.В. Айналов (1862–1939). Д.В. Айналов в 1919 г. работал заслуженным ординарным профессором кафедры теории и истории искусства Таврического университета и хорошо знал тогдашнего директора Академической библиотеки вуза Н.Л. Эрнста (*История...*, 2018. С. 20–24). Перед нами протоколы заседания Комиссии от 26 января 1928 г. 17 часов. Председатель – К.К. Романов (в связи с болезнью Д.В. Айналова), секретарь – М.А. Тиханова-Клименко. По рекомендации Д.В. Айналова К.К. Романов внес предложе-

ние, «согласно постановления Крымской Комиссии (совещания) ГАИМК привлекать к работе Комиссии местных крымских деятелей – избрать в члены Комиссии заведующего Археологическим отделом Центрального музея Тавриды и действительного члена Московской секции ГАИМК Н.Л. Эрнста» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1928. Д. 37. Л. 10). При проведении закрытого голосования Н.Л. Эрнст был избран единогласно. На следующем заседании Крымской комиссии 16 февраля было заслушано «заявление члена Комиссии Н.Л. Эрнста от 30 января 1928 г. с просьбой принять к протоколу заседаний следующие резолюции.

1) К заседанию с докладом «Эски-Кермен и пещерные города Крыма»: Заслушав доклад Н.Л. Эрнста об Эски-Кермене и пещерных городах Крыма, Крымская Комиссия, принимая во внимание чрезвычайное научное значение памятников Эски-Кермена, постановила: 1. просить Правление Академии обратиться к Главнауке РСФСР и КрымНаркомпросу с указанием на крайнюю необходимость установления охраны этих памятников в виде 1) ограждение городища в тех местах, где имеется на него доступ и в особенности ограждение 3-х пещерных храмов с остатками византийской живописи при помощи установки запирающихся калиток во входах, 2) учреждение должности сторожа памятников Эски-Кермена с местожительством его в деревне Черкес-Кермен.

Считать необходимым продолжение докладчиком его работ по изучению Эски-Кермена, то есть дальнейшей фиксации его памятников в виде обмеров и фотографирования, а также зондажных разведок на территории городища и его некрополя.

2) К заседанию с докладом «Неаполь Скифский».

Заслушав доклад Н.Л. Эрнста о Неаполе Скифском, Комиссия, принимая во внимание большое научное значение симферопольского городища, постановила: 1. просить Правление Академии обратиться к Главнауке РСФСР, КрымНаркомпросу и Центральному Музею Тавриды с указанием на необходимость продолжения научной охраны этого городища и недопустимость снятия его с учета.

Считать необходимым продолжение докладчиком его работы по изучению этого городища и его Некрополя, а также других пунктов с памятниками той же культуры в Крыму.

Постановлено: 1) поддержать просьбу Н.Л. Эрнста. 2) просить Правление Академии сообщить означенные резолюции Главнауке, КрымНаркомпросу, Центральному Музею Тавриды и Бахчиса-

райскому Дворцу Музею» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1928. Д. 37. Л. 19–19 об.).

Из неопубликованных трудов Н. Л. Эрнста, выявленных нами в рукописном отделе Научного архива ИИМК, написанных в 1928 г., назовем уже упомянутый на Крымской комиссии доклад «Неаполь-Скифский» (Там же. Л. 6–8 об.), специально подготовленный для ГАИМК «Обзор археологических раскопок и разведок, производящихся в Крыму в 1928 г.» (Там же. Оп. 1 – 1929. Д. 150. Л. 3–3 об.), «Отчет о раскопках медресе у мечети т. н. Узбека в г. Старом Крыму (Солхате) в 1928 году» (Там же. Д. 164. Л. 17–19 об.).

В начале 1928 г. Николай Львович женился на Софии Николаевне Олтаржевской – представительнице фамилии известного алуштинского просветителя, народного учителя Алуштинской школы Тихомировых, почетного гражданина Алушты Николая Ивановича Олтаржевского. Его дом был культурным центром Алушты.

Согласно «Плану археологических исследований Центрального музея Тавриды в 1928 г.», Н.Л. Эрнст намеревался продолжить разведки на территории Бахчисарайского, Джанкойского и Карасубазарского районов и раскопки на Неаполе, для чего просил выдать открытый лист (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1928. Д. 134. Л. 3). Этот год ознаменовался для Крыма крупной научной экспедицией по изучению археологических памятников крымскотатарской культуры, инициатором проведения которой стал Совнарком Крымской АССР. В течение второй половины лета Николай Львович совместно с О.А. Акчокраклы и У.А. Боданинским работал по программе Государственного музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Эрнст руководил работами по расчистке медресе около мечети Узбека в Старом Крыму. В исследовании также приняли участие архитектор П.И. Голландский, стажер Меметов, а также «молодые краеведы» Н. Мяксютенко и Б. Маринович. Работы проводились трудами десяти сотрудников Союза «Рабземлес», «приобретших определенную квалификацию на раскопках предыдущих городов» (Там же. Д. 164. Л. 4 об.). Экспедиция финансировалась по линии Наркомата просвещения Крымской АССР. Расходы составили 1500 рублей.

В августе 1928 г. Н.Л. Эрнстом совместно с О.А. Акчокраклы и У.А. Боданинским была продолжена работа по фиксации, изучению и реставрации памятников крымскотатарской старины в районах Карасубазара и Солхата. Сохранились акты «Об осмотре исторических памятников города Кара-Су-Базара» от 8 августа

и Старого Крыма – от 10 августа 1928 г. (Там же. Ф. 2. Оп. 1 – 1929. Д. 164. Л. 20–20 об.). В 1928 и 1929 гг. Н.Л. Эрнст, наравне с работой в ЦМТ, трудился в качестве «действительного члена» в Крымском научно-исследовательском институте, который функционировал при местном пединституте. На средства Главнауки, выделенные этому учреждению, П.А. Двойченко и Н.Л. Эрнст занимались раскопками реликтовых гротов и останков ископаемых слонов в Крыму (Там же. Д. 220. Л. 2).

Говоря об археологических исследованиях Н.Л. Эрнста в Крыму, нельзя не обойти вниманием конфликт вокруг Эски-Кермена, который возник между ним и археологом Н.И. Репниковым. Н.Л. Эрнст начал эпизодические исследования на плато Эски-Кермен еще в 1921 г. (РО НА РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1929. Д. 97. Л. 1). В 1923–1926 гг. работы на памятнике проводил Севастопольский музей краеведения (Архив Межшкольного краеведческого музея г. Севастополя. Ф. «Севастопольский музей краеведения». Оп. 1. Д. 65. Л. 2). В 1927 г. Центральные государственные реставрационные мастерские совместно с Главнаукой Наркомпроса СФСР организовали специальную Эски-Керменскую экспедицию, во главе которой был поставлен Н.И. Репников. В 1928 г. в ходе работ были обнаружены следы крупного поселения с остатками крепостной стены. Как заведующий археологическим отделом ЦМТ Н.Л. Эрнст обратился в курирующее научные исследования учреждение – Главнауку – с разъяснениями о том, что Эски-Кермен разрабатывает его экспедиция. Главнаука, в свою очередь, в апреле 1927 г. обратилась с официальным письмом в ГАИМК, где предлагалось Н.И. Репникову предоставить для исследований только Мангуп и Сюрень, а изучение Эски-Кермена закрепить за Н.Л. Эрнстом (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 153. Л. 3). Однако Н.И. Репников в специальной записке от 9 мая, отправленной в Академию, резко выступил против такого разделения «полномочий» (Там же. Л. 4). В борьбу за право изучать памятник был втянут и Наркомпрос Крымской АССР. За Н.Л. Эрнста вступился нарком просвещения Крыма У.В. Балич, который отстаивал право на исследование памятника экспедицией ЦМТ (Там же. Л. 5, 8). Н.Л. Эрнст специально ездил в Ленинград, в ГАИМК и 16 февраля 1928 г. выступил на заседании Крымской комиссии с докладом «Эски-Кермен и пещерные города Крыма», где предлагались меры по охране памятника (Там же. Оп. 1 – 1928. Д. 134. Л. 1–1 об.).

Не сидел сложа руки и Н. И. Репников. В феврале 1929 г. в Москве было проведено совместное заседание Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения Общества по изучению Крыма по вопросу «изучения пребывания готов в Крыму». С докладами выступили А.И. Анисимов, Ю.В. Готье, Н.И. Репников. К заседанию была открыта выставка из материалов экспедиций Н.И. Репникова. Историк отождествлял Эски-Кермен с Доросом – столицей Крымской Готии. Н.Л. Эрнст же считал эту версию ошибочной и связывал Дорос с Мангупом. В марте 1929 г. Комиссия по истории знаний, Византийская и Археографическая комиссии АН СССР провели совместное заседание по «вопросу об открытии в Эски-Кермен (Крым) готского города». Были заслушаны доклады А.И. Анисимова «Росписи Эски-Кермена», В.А. Брима «Изучение готской культуры в русской историографии», Б.Н. Вишневого «Антропологический материал Эски-Кермена», Н.И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 года» (Тункина, 2008. С. 249–250).

Между тем, при содействии С.Ф. Платонова энергично готовилась совместная германско-советская экспедиция по изучению памятников Эски-Кермена. Перед ее началом Н.Л. Эрнст опубликовал в «Красном Крыму» информацию «Готские раскопки и исследования в Крыму» (Эрнст, 1929. С. 2), где подвел итог изучению «пещерных городов» и обозначил ближайшие перспективы продолжения работ. 23 сентября 1929 г., сообщая С.Ф. Платонову нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, А.И. Маркевич заметил, что «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки» (РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 21 об.; *Непомнящий*, 2018в. С. 162–190).

Занимая центральное место и структуре крымоведческих историко-археологических исследований, Н.Л. Эрнст нажил в Симферополе немало завистников, которые не могли терпеть его высокий ученый уровень, знание языков, изысканные манеры, не могли простить ему обилие открытий и публикаций. Антиэрнстовский центр возник в Крымском педагогическом институте им. М.В. Фрунзе, где к середине 1930-х гг. был восстановлен историко-филологический факультет. До определенного времени эти деятели, сгруппировавшиеся вокруг специалиста по истории Гражданской войны Ф.С. Загородских (1893–1985), на-

блюдали и накапливали компромат на ничего не подозревавшего археолога.

В 1930-х годах была значительно усилена лекционно-пропагандистская работа. Н.Л. Эрнст выступал много, перед разными социальными аудиториями. Он показал впоследствии на допросах: «Такие лекции на курортах я читал главным образом в промежутки 1933–1937 гг. преимущественно в Алуште, Кучук-Ламбате, Ялте, Гаспре, Алушке и особенно в Евпатории. В Евпаторию я ездил для этой цели летом 1936 и 1937 гг. каждую шестидневку и читал подобные лекции во многих санаториях, взрослых, детских, а также для педагогов-руководителей детских санаториев. <...> В 1936 и 1937 гг. ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий) проводило курсы для переподготовки своих экскурсоводов, к коим присоединялись также экскурсоводы музеев. На этих курсах, проводившихся в экскурсбазах в Симферополе, Ялте и Севастополе, я читал экскурсоводам обширные циклы лекций по истории Крыма. <...> Читал в 1936 г. лекции в Симферополе для преподавателей-историков школ 2-й ступени по истории Крыма» (*Непомнящий*, 2012. С. 312).

По заданию Крымского радиокомитета музейный работник Н.Л. Эрнст выступил по местному радио с циклом бесед по истории Крыма с древнейших времен. Эти обзоры и привлекли внимание бдительных коллег Эрнста. Особенное возмущение вызвал материал о периоде «римского владычества» в Крыму. Созданная экспертная комиссия гневно заклеимила «профашистскую направленность» лекции, после чего их дальнейшее чтение по крымскому радио было прекращено. Этот факт оказался не таким безобидным, как изначально предполагал Николай Львович. В Центральном музее Крымской АССР (директором этого учреждения А.И. Коллабук) по указанию свыше было собрано научно-методическое совещание, которое оперативно обсудило текст изъятой из радиокомитета «лекции Эрнста, которую он собирался читать». В решении этого собрания значилось, что «методический совет считает невозможным дальнейшее пребывание Эрнста на музейном фронте» (*Непомнящий*, 2012. С. 318). В июне 1937 г. Николай Львович в результате описанных событий был уволен из Центрального музея Крымской АССР «за фашистскую пропаганду». Только в конце лета ему удалось поступить на работу в Симферопольскую картинную галерею. Однако его трудовой стаж там был недолгим. Уже в конце осени директор картинной галереи Зинин уволил его «как неблагонадежного элемента».

Уже 15 февраля 1938 г. было подписано постановление об избрании меры пресечения и предъявлении (объявления) Н.Л. Эрнсту обвинения в шпионаже «в пользу одного иностранного государства». На суде над Николаем Львовичем присутствовали и «эксперты», обнаружившие в научном наследии Н.Л. Эрнста проявления профашистских идей: научный сотрудник Центрального музея Крымской АССР В.А. Аббасов, директор музея А.И. Коллабук, сотрудник С.Н. Чукин, доцент Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе Ф.С. Загородских, его коллеги по кафедре А.Г. Максимович, А.С. Рабинович, Феличкин.

Особое совещание при НКВД определило наказание Н.Л. Эрнсту за «фашистскую пропаганду» – 8 лет исправительно-трудовых лагерей, считая началом отбытия этого срока день его ареста – 15 февраля 1938 г. Археолог отбывал наказание в Унжинском исправительно-трудовом лагере (Горьковская область) (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26. Л. 4). Крымский ученый осваивал профессию лесоруба. Однако состояние здоровья не позволило использовать его в этом качестве долго. И тогда Николай Львович получил навыки работы истопником, ассенизатором, медбратом (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26. Л. 5).

После отбытия срока заключения в 1948 г. Н. Л. Эрнст не мог сразу вернуться домой. Он находился в статусе спецпоселенца. Его супруга в это время предпринимала отчаянные попытки доказать беспочвенность обвинений мужа и добиться его реабилитации. София Николаевна обращалась ко многим бывшим сослуживцам Н.Л. Эрнста, кого миновала суровая волна политических репрессий и выживших в годы Великой Отечественной войны. Откликнулись известные ученые – профессора И.И. Пузанов и Е.Ф. Скворцов. Хватило гражданского мужества поддержать своего бывшего коллегу по Таврическому университету и совместной работе в Центрархиве Крыма крупнейшему советскому историку Борису Дмитриевичу Грекову (*Непомнящий*, 2019г).

Как спецпоселенец Николай Львович проживал в городе Прокопьевске Кемеровской области. Однако спокойное его там пребывание было недолгим. 11 апреля 1949 г. Прокопьевским отделом Министерства госбезопасности он был вновь арестован «за восхваление образа жизни в Германии» (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 21. Л. 4). Согласно постановлению Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР от 14 сентября 1949 г. «Эрнста Николая Львовича за подозрительные по шпиона-

жу связи и антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок с 11 апреля 1949 года» (Там же. Д. 25. Л. 1). Местом отбывания наказания был определен Озерный лагерь (Озерлаг) (Тайшет Иркутской области), где Эрнст служил библиотекарем (Там же. Л. 1–1 об.).

Утром 20 марта 1956 г. Николай Львович получил документ о снятии с него статуса спецпоселенца и о разрешении вернуться в Крым. Не выдержав эмоционального перенапряжения, он скончался от инфаркта.

Литература

- Анциферов Н.П.*, 1928. Особенности краеведческого движения в Крыму // Краеведение. Т. 5. № 4. С. 210.
- Археологические...*, 1924а. Археологические раскопки // Красный Крым. № 188 (1104). 17.08. С. 5.
- Археологические...*, 1924б. // Красный Крым. № 192 (1110). 22.08. С. 5.
- Археологические...*, 1924в. Археологические раскопки у Симферополя // Красный Крым. № 183(1101). 12.08. С. 5.
- Археологические...*, 1926. Археологические раскопки в Крыму // Известия ЦИК СССР. № 159 (2790). 14.07. С. 4.
- Археологические раскопки...*, 1927. Археологические раскопки в 1926 г. в СССР // Краеведение. № 2. С. 219–236.
- Білокінь С.І.*, 2006. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст / Ін-т історії України НАН України. Київ. 356 с.
- Бонч-Осмоловский Г.А.*, 1926. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму // Природа. № 5/6. Стб. 59–66.
- Бонч-Осмоловский Г.А.*, 1927. Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции Зоологического музея Академии наук СССР в 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А.Н. Деревицкого, К.Э. Гриневича, Н.Л. Эрнста. Севастополь. С. 42.
- В археологическом...*, 1923. В археологическом обществе // Красный Крым. № 290 (915). 25.12. С. 6.
- Везомська С.Ж.Ф.*, Эрнст у пам'яткоохоронному русі України 1917–1933 рр.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / 07.00.01 – Історія України; Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2005. 17 с.
- Вторая...*, 1927. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А.Н. Деревицкого, К.Э. Гриневича, Н.Л. Эрнста. Севастополь. 67 с.
- История...*, 2018. История Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А.А. Непомнящий, А.С. Кравчук. Белгород: Константа. 352 с.

- Й., 1924. Скифское погребение у Бахчи-Эли // Красный Крым. № 188 (1104). 17.08. С. 5.
- К возобновлению..., 1927. К возобновлению раскопок в Сюреньской пещере // Красный Крым. № 147 (1967). 30.06. С. 2.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю., 2004. От Скифии к Готии: очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в до н.э. – VII н.э.) / Крымский филиал ИА НАН Украины. Симферополь: Сонат. 248 с.
- Непомнящий А.А., 2010. Николай Эрнст и Российская Публичная библиотека: неизвестная страница биографии крымоведа // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Т. 23 (62). № 1. С. 140–147.
- Непомнящий А.А., 2012. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стилос. 464 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 15)
- Непомнящий А.А., 2016. Эрнст Николай Львович // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс. С. 183–201.
- Непомнящий А.А., 2017. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. Т. 14. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprov_e-ast14-1.2017.31.pdf
- Непомнящий А.А., 2018а. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Т. 4 (70). № 1. С. 33–53.
- Непомнящий А.А., 2018б. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Т. 4 (70). № 4. С. 40–83.
- Непомнящий А.А., 2018в. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. Белгород: Константа. 216 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 27)
- Непомнящий А.А., 2019а. Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии // Вопросы истории. № 11. С. 175–185.
- Непомнящий А.А., 2019б. «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 219–236.
- Непомнящий А.А., 2019в. Ученое совещание при КрымОХРИСе: становление научного памятниковедения в регионе (1920–1921) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы межд. науч. конф., 26–27 февр. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 31–33.
- Непомнящий А.А., 2019г. «Многие теперь прячутся...»: Б.Д. Греков и крымоведение 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». № 58. С. 112–116.
- Непомнящий А.А., 2020. Боспорский университет: «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 72. М.: ИВИ РАН. С. 391–404.

- Путеводитель..., 1923. Путеводитель по Крыму: Симферополь – Бахчисарай – Севастополь – Южный берег / Под ред. А.И. Маркевича, А.И. Полканова, Н.Л. Эрнста; Крымский обл. комитет по делам музеев и охране памятников старины и искусства. Симферополь. 100 с.
- Путеводитель..., 1925. Путеводитель по Крыму / Крымский обл. комитет по делам музеев и охране памятников старины искусства / Под ред. А.И. Маркевича, А.И. Полканова, Н.Л. Эрнста; Очерк революционного движения под ред. В. Камшицкого. 2-е изд.: испр. и доп. Симферополь: Крымгосиздат. 268 с.
- Тункина И.В., 2008. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всесоюзного археологического съезда в Суздале. Т. 3 / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 249–250.
- Хливнюк А.В., 2008. Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта (КрымОХРИС) и памятникоохранительная работа // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк / Под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины. Симферополь. С. 41–59. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 11)
- Эрнст Н., 1914а. Библиотека графов Хрептовичей: к передаче ее Университету Св. Владимира // Русский библиофил. № 6. Октябрь. С. 16–21.
- Эрнст Н., 1914б. Первые набеги крымских татар на Украину // Сборник статей / Студенческий историко-этнографический кружок при имп. Университете Св. Владимира под руководством профессора М.В. Довнар-Запольского. Киев. Вып. 3. С. 25–26.
- Эрнст Н., 1914в. Путивль и его посад в первой половине XVII-го века // Юбилейный сборник статей / Студенческий историко-этнографический кружок при имп. Университете Св. Владимира под руководством профессора М.В. Довнар-Запольского. Киев. С. 57–79.
- Эрнст Н.Л., 1919а. Спасенные сокровища искусства // Таврический голос. № 5 (155). 26 июля.
- Эрнст Н.Л., 1919б. Немецкие студенческие традиции // Vivat Akademia!: однодневная газета, посвященная первой годовщине Таврического университета. № 1. 1 окт.
- Эрнст Н., 1923. Археологическое открытие в Крыму // Красный Крым. № 257. 16.11. С. 2.
- Эрнст Н., 1924а. Раскопки татарских древностей в Бахчисарае: Кладбище XIV – XV веков // Красный Крым. № 245 (11163). 23.10. С. 4.
- Эрнст Н., 1924б. Раскопки древнейших культур Крыма // Красный Крым. № 232 (1150). 08.10. С. 3.
- Эрнст Н., 1925а. Археологические раскопки у дер. Красная Горка // Красный Крым. № 243 (1461). 22.10. С. 3.
- Эрнст Н., 1925б. Кыз-Кермен, девичья крепость // Красный Крым. № 276 (1494). 02.12. С. 2.
- Эрнст Н., 1929. Готские раскопки и исследования в Крыму // Красный Крым. № 118. 29.05 С. 2.
- Эрнст Н.Л., 1931. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930). Симферополь. С. 14.
- Ernst N., 1912. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // Zietschrift für Osteuropäische Geschichte. Berlin. Bd. 3. H. 1. S. 1–58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозёрова Ирина Валентиновна – Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: irina.belozero@yandex.ru

Бессуднов Александр Николаевич – Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова–Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия, e-mail: bessudnov_an@mail.ru

Вайтович Александра Владимировна – Белорусский государственный университет, ул. Красноармейская, 6, корп. 43, Минск, 220030, Беларусь, e-mail: vaitovich.aliaksandra@gmail.com

Вдовин Александр Сергеевич – Красноярский краевой краеведческий музей, ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия, e-mail: vdovin2002@bk.ru

Гайдуков Петр Григорьевич – Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: russianchange@narod.ru

Галкин Тимур Олегович – Музей-заповедник «Зарайский кремль», ул. Музейная, Кремль, Зарайск, 140600, Россия, e-mail: timyrgalkin@gmail.com

Ганенок Владимир Юрьевич – Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия, e-mail: vova.ganенок.96@mail.ru

Евгеньев Андрей Александрович – Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия, e-mail: oren-arch@mail.ru

Жукова Елена Николаевна – Тверской государственный университет, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Россия, e-mail: p000401@mail.ru

Застрожнова (Панкратова) Евгения Григорьевна – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Университетская наб., 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия, e-mail: pankratova0484@yandex.ru

Захарова Елена Юрьевна – Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1, Воронеж, 394018, Россия, e-mail: ez@hist.vsu.ru

Зоря Роман Станиславович – Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Россия, e-mail: romanzorya@bk.ru

Каргин Юрий Юрьевич – независимый исследователь, Балаково, Россия, e-mail: karginyu@mail.ru

Канторович Анатолий Робертович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27, корп. 4, Москва, 119191, Россия, e-mail: kantorovich@mail.ru

Кизилов Михаил Борисович – историк, Симферополь, Республика Крым, Россия.

Китова Людмила Юрьевна – Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия, e-mail: lyudmila.kitova@mail.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич – Институт археологии РАН, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: dkorobov@mail.ru

Кудрявцев Андрей Алексеевич – Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

Левченко Валерий Валерьевич – Одесский национальный морской университет, ул. Мечникова, 34, Одесса, 65029, Украина, e-mail: levchenkolav8@gmail.com

Макаров Николай Поликарпович – Красноярский краевой краеведческий музей, ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия, e-mail: mnp1955@bk.ru

Медведева Мария Владимировна – Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: marriyam@mail.ru

Мельникова Ольга Михайловна – Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, Ижевск, 426034, Россия, e-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Непомнящий Андрей Анатольевич – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань); пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия, e-mail: dr.aan@mail.ru

Руденко Константин Александрович – Казанский государственный университет культуры и искусств, ул. Оренбургский тракт, 3, Казань, 420059, Россия, e-mail: murziha@mail.ru

Савенко Сергей Николаевич – Пятигорский краеведческий музей, ул. Братьев Бернардацци, 2, Пятигорск, 357503, Россия, e-mail: sovos57@mail.ru

Сорокина Ирина Анатольевна – Институт археологии РАН, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: iasorokina@yandex.ru

Тихонов Игорь Львович – Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия, e-mail: iltikhonov@mail.ru

Ткачёв Алексей Николаевич – Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия, e-mail: alexey_tk@mail.ru

Шамукарамова Феруза Шакировна – Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, пр. Шахризабз, 5, Ташкент, 100060, Узбекистан, e-mail: shferuza@yandex.com

Щавелёв Сергей Павлович – Курский государственный медицинский университет, ул. К. Маркса, 3, Курск, 305041, Россия, e-mail: sergej-shhavelev@yandex.ru

Юрочкин Владислав Юрьевич – Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Россия, e-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

SUMMARY
ARCHEOLOGY IN THE REGIONS

A.V. Vaitovich

AT THE ORIGINS
OF BELARUSIAN ARCHAEOLOGICAL EDUCATION
(1921–1944)

Summary. The article deals with the development of archaeological education in Belarus in the 1920–1940s. After the reorganization of archaeological institutions, the archaeological disciplines had been taught at the Belarusian State University (BSU). The students studied selected aspects of archaeology and history of primitive society. In the 1920s the educational process was constrained by personnel problems and restricted material resources. At the turn of the 1920s–1930s the high educational training was complicated due to the ideologization of science and education. A positive trend in the development of university archaeology was outlined in the middle of 1930s, but it was interrupted by the repressions of 1937. During the Great Patriotic War BSU continued its work in evacuation. Moscow scholars were invited for teaching. It turns out that in the 1920–1940s the general vector of the development of Belarusian archaeological education conformed to the trends of formation of Soviet one.

Keywords: archaeology, history of primitive society, education, archaeological institute, university, Belarus.

Vaitovich Alexandra V. – Belarus State University, ul. Krasnoarmeyskaya, 6, building 43, Minsk, 220030, Republic of Belarus; e-mail: vaitovich.aliaksandra@gmail.com

A.S. Vdovin, N.P. Makarov

ARCHAEOLOGY OF THE YENISEI SIBERIA:
THE '30s – '40s OF THE 20th CENTURY

Summary. The new archival materials presented in the article make it possible to look at the history of the archaeology of the Yenisei Siberia

in a broad sociocultural context. The forms of interaction between the Center and the provinces in the archaeological research organization under the conditions of Stalin's political repressions are shown. The article presents the most significant results of the expeditions of S.V. Kiselev, G.P. Sosnovsky, A.P. Okladnikov, V.P. Levasheva, E.R. Rygdylon in the Krasnoyarsk Territory. Particular attention is paid to the activities of the Krasnoyarsk and Minusinsk museums.

Keywords: archaeology, Yenisei Siberia, Krasnoyarsk Territory. Levasheva V.P., Okladnikov A.P., Kiselyov S.V., Sosnovsky G.P., political repressions, Krasnoyarsk Museum, Minusinsk Museum.

Vdovin Alexander S. – Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, ul. Dubrovinskogo, 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; e-mail: vdovin2002@bk.ru

Makarov Nikolai P. – Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, ul. Dubrovinskogo, 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; e-mail: mnp1955@bk.ru

A.A. Evgeniev

SPECIAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE ORENBURG CIS-URALS IN THE 1920s–1930s

Summary. The article deals with the organization of archaeological research in the Orenburg region in the 1920–1930s. The role of various institutions and personalities in the study of the archaeology of the Southern Cis-Urals is revealed. A set of factors that negatively affected the degree of knowledge of the region is analyzed.

Keywords: history of archaeology, regional archaeology, Southern Cis-Urals, Orenburg region, V.V. Holmsten, B.N. Grakov, K.V. Salnikov, Orenburg Museum of Local Lore.

Evgeniev Andrey A. – Orenburg State Pedagogical University, ul. Sovetskaya, 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; e-mail: oren-arch@mail.ru

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE KALININ REGION
IN THE 1930s–1940s**

Summary. The article is devoted to the study of archaeology on the territory of the Kalinin (modern Tver) region by lecturers of the Pedagogical Institute and employees of the local history museums under auspices of State Academy of the History of Material Culture (later Institute of the History of Material Culture). The ratio of participants in the work compared with the first post-revolutionary decade has changed in favor of professional archaeologists (O.N. Bader, L.Ya. Krizhevskaya, M.V. Talitsky, S.A. Tarakanova, N.P. Milonov). The number of amateur local historians conducting archaeological research has sharply decreased (N.I. Gumilevsky, F.I. Ivanov). Expeditionary research was made systematic, directly dependent on the implementation of the construction of national economic facilities: hydraulic structures, urban reconstruction. The Great Patriotic War interrupted the continuity of the traditions of studying the regional archaeology by local researchers.

Keywords: archaeological local history, Kalinin State Pedagogical Institute, Moscow-Volgostroy expedition, Middle Volgostroy expedition, A.S. Bashkirov, V.S. Tarasenko, F.I. Ivanov, N.I. Gumilevsky.

Zhukova Elena N. – Tver State University, ul. Zhelyabova, 33, Tver, 170100, Russian Federation; e-mail: p000401@mail.ru

E.Yu. Zakharova

**«...WHEN THE MARXIST-LENINIST TREND PREVAILED
IN HISTORICAL SCIENCE...»
(VORONEZH ARCHAEOLOGY. 1930s–1940s)**

Summary. In the first half of the 1930s in Voronezh, the base for the development of archaeology was practically destroyed: a real threat of disbandment hung over the university; museums were purposefully turned into «political education complexes»; local lore movement acquired a utilitarian character. The only local researcher who had a license was N.V. Valukinsky. The article shows that under these conditions, the archaeological study of the region was provided by systematic studies of the State Academy of the History of Material Culture (later Institute of the History of Material Culture), the main merit in organizing which

belongs to P.P. Efimenko. A significant event was the Voronezh plenum of the Soviet section of INQUA (May 22–29, 1941). During the war in the evacuation P.P. Efimenko and V.I. Ravdonikas taught the students of the revived Faculty of History of Voronezh University. In the postwar years, as before, the direction and level of development of Voronezh archaeology was determined by the work of the metropolitan (academic and museum) expeditions, but at the same time, there was an increase in the archaeological activity of local museums and universities. The name of A.N. Moskalenko is associated with the formation of archaeological studies at Voronezh State University.

Keywords: history of archaeology, State Academy of the History of Material Culture, Voronezh State University, P.P. Efimenko, V.I. Ravdonikas, N.V. Valukinsky, A.N. Moskalenko, I.N. Borozdin.

Zakharova Elena Yu. – Voronezh State University, Universitetskaya pl., 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: ez@hist.vsu.ru

Yu.Yu. Kargin

**«FROM A CLEAN SLATE», OR, ARCHAEOLOGY
IN THE STALINGRAD REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE
DURING ITS STAY IN KAMYSHIN (1946–1954)**

Summary. The article highlights a number of unknown facts related to the archaeological direction of activities of the Stalingrad Regional Museum of Local Lore during its evacuation to Kamyshin in 1946–1954. The main merit in the revival of regional archaeology belonged to the director of the institution A.I. Mitrofanov. After the loss of the archaeological collection during the evacuation, he did a lot to restore the museum in Kamyshin, established systematic work with children, local historians and educational institutions of the region, as well as collecting work, in fact laying the foundation for the development of local history, regional tourism and teenage archaeology. He also successfully insisted on the return of the museum to Stalingrad, which further contributed to the development of regional archaeology.

Keywords: Stalingrad Regional Museum of Local Lore, archaeological exploration and excavations, expedition-excursions, archaeological collection, A.I. Mitrofanov.

Kargin Yury Yu. – independent researcher, Balakovo, Saratov region, Russian Federation; e-mail: karginyy@mail.ru

**SIBERIAN ARCHAEOLOGY
IN THE SECOND HALF
OF THE 1930s – THE FIRST HALF OF THE 1940s**

Summary. The development of Siberian archaeology in this period was based on the research of scientists from Moscow and Leningrad, mostly former graduates of B.E. Petri's archaeological school. After the destruction of local history, repressions against museum workers and the closure of departments and faculties of the Tomsk and Irkutsk universities, where students listened to lectures on archaeology and participated in archaeological expeditions, only V.P. Levasheva and S.M. Sergeev remained to work. Of course, these events interrupted the development of local archaeological centers in Siberia. Despite all the difficulties of this period, a great amount of archaeological sources was collected and studied in different regions, which made it possible to create detailed archaeological periodization of the Sayano-Altai Highlands, the Angara and the Baikal regions, and Yakutia; to discover and explore the most ancient stages of the history of Siberia.

Keywords: archaeological research by S.V. Kiselev, G.P. Sosnovsky, M.M. Gerasimov, A.P. Okladnikov, M.P. Gryaznov, V.P. Levasheva.

Kitova Lyudmila Yu. – Kemerovo State University, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: lyudmila.kitova@mail.ru

V.V. Levchenko

**THE ARCHAEOLOGICAL INSTITUTIONS' ACTIVITIES
IN ODESSA
IN THE SECOND HALF OF THE 1930s – 1940s**

Summary. The article is devoted to the activities of archaeological institutions in Odessa in the second half of the 1930s – 1940s, a period that was associated with many radical transformations in the life of the country. The author analyzes the main features of the changes in the forms of archaeological research organization in the period under review. It has been established that the Soviet government, which perceived science, in particular archaeology, as the main driving force of not only cultural, but also social and political progress, formed new

requirements for it and the scientific community on the basis of Marxist-Leninist ideology. The early Soviet period and the time of the Romanian-German occupation of Odessa in the development of archaeology were characterized not only by the formation of new institutional forms, but also by the repressive actions of the authorities, who wanted to make science a mechanism for realization of their political goals, and not a sphere for the development of knowledge. Despite the negative aspects in the development of archaeology in this period, many scientists continued their work in this area.

Keywords: archaeology, history, science, institutions, Odessa, regional archaeology, excavations, expeditions.

Levchenko Valeriy V. – Odessa National Maritime University, ul. Mechnikova, 34, Odessa, 65029, Ukraine; levchenkolav8@gmail.com

O.M. Melnikova

**AT THE ORIGINS
OF THE PERM SCIENTIFIC ARCHAEOLOGICAL SCHOOL
(BASED ON O.N. BADER'S CORRESPONDENCE)**

Summary. The article is devoted to a general description of the development of the Ural archaeology in the pre-war decade, during the Great Patriotic War and the first post-war decade. On the basis of archival sources, mainly epistolary, the author demonstrates the role of scientific institutions in Moscow and Leningrad in determining the key problems of the Ural archaeology. The preconditions for the development of the post-war stage of archaeological research are determined. For the first time, letters addressed to O.N. Bader in the first post-war years are introduced into scientific circulation. They are gathered in the collections of the Rare Book Department of the Perm State National Research University and refer to the organization of the Second Ural Archaeological Conference. The key principles of the organization of the Ural archaeology were formulated by O.N. Bader in Perm and determined the development of Ural archaeology for several decades.

Keywords: archaeology of the Urals, O.N. Bader, correspondence, Ural Archaeological Conference.

Melnikova Olga M. – Udmurt State University, ul. Universitetskaya, 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; e-mail: superlvovich2012@yandex.ru

**ARCHAEOLOGY IN THE TASSR
IN THE SECOND HALF OF THE 1930s – LATE 1940s**

Summary. The article deals with the situation in Kazan archaeology in the pre-war and first post-war years. Whilst in the late 1920s – the first half of the 1930s due to the lack of archaeological personnel archaeological activity was weak, in the second half of the 1930s the situation changed. The Central Museum of Tatarstan became the centerpiece of archaeological forces with its employees familiar with archaeological practice (A.M. Efimova, O.S. Khovanskaya, N.F. Kalinin). A new form of archaeological cooperation for Tatarstan was born there – joint expeditions of Museum, State Historical Museum and State Academy of the History of Material Culture (SAHMC). The initiator of this project was Moscow archaeologist A.P. Smirnov, who since 1933 worked in the SAHMC, on the site of Suvar. This was just in time, since in the near future significant security and rescue work was planned in the territories that fell into the flood zone of the Kuibyshev hydroelectric power station, including the Bolgar settlement. All plans were interrupted by the Great Patriotic War. In post-war years, research continued. In 1945–1949 Kazan archaeology has undergone significant changes both organizationally and scientifically.

Keywords: A.P. Smirnov, A.M. Efimova, N.F. Kalinin, O.S. Khovanskaya, Z.A. Akchurina, Kazan Museum, Bolgar settlement, TASSR.

Rudenko Konstantin A. – Kazan State University of Culture and Arts, ul. Orenburgsky tract, 3, Kazan, 420059, Russian Federation; e-mail: murziha@mail.ru

S.N. Savenko

**TRENDS AND FEATURES OF DEVELOPMENT
OF NORTH CAUCASIAN ARCHAEOLOGY
IN THE SECOND HALF OF THE 1930s – 1940s**

Summary. The article clarifies the data on the state and features of the development of archaeological research in the regions of the North Caucasus on the eve, during the Great Patriotic War and in the first

post-war years. Factors are reported that influenced the archaeological practice: the development of new lands; development of legislation protecting archaeological monuments; difficult situation in personnel due to repressions; war and restoration of the country. A characteristic feature of the period was a planned character of archaeological work. During the war, archaeological Caucasian studies suffered heavy losses. Most of the region was under occupation. In 1943–1944 a number of North Caucasian peoples were deported, and the reformed institutions of the abolished autonomies did not study their history. But even in these difficult conditions, the expeditions of the central organizations of the archaeological profile continued to work in the region. Curtailed during the war, they were resumed since 1947. Local survivors of the war also became active. Even during the war, they conducted field archaeological work. The identification and study of key objects of different eras, the preservation of some of the old specialists and the emergence of new figures in Caucasian archaeology determined the positive results of the period and outlined the potential for the future.

Keywords: archaeology of the North Caucasus, pre-war, war and initial post-war periods.

Savenko Sergey N. – Museum of Local Lore, ul. Bratiev Bernardazzi, 2, Pyatigorsk, 357503, Russian Federation; e-mail: sovos57@mail.ru

A.N. Tkachev

ARCHAEOLOGY OF THE KUBAN IN THE 1930s–1940s

Summary. The period of the 1930–1940s marked a new stage in Kuban archaeology history. The Krasnodar Museum of Local History became the largest research center and conducted scientific work in accordance with the approved work plan, mostly at the sites of new facilities' construction. Field research was carried out mainly under the guidance of N.V. Anfimov, whose name is associated with an entire era in the Kuban archaeology. In the pre-war and post-war years, excavations were carried out at such important sites as the Ust-Labinsky burial ground No. 2, the Semibratne settlement, the settlement on Dubinka, the Ubinsky and Ladoga burial grounds. The first generalizing works of local scientists on the archaeology of the early Iron Age of the Kuban region appeared. At the same time, a large array of materials and photographic documents on excavations in the second half of the 1930s – 1940s is

stored in the Scientific Archive of the Krasnodar Museum of Local History named after E.D. Felitsyn and up to the present day is published to a very small extent.

Keywords: N.V. Anfimov, Krasnodar Museum of Local History, settlements, security archaeology, new buildings, Meotian culture.

Tkachev Aleksey N. – Kuban State University, ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: alexey_tk@mail.ru

F.Sh. Shamukaramova

INSTITUTIONAL AND ORGANIZATIONAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGY OF UZBEKISTAN (1920s–1930s)

Summary. The article is devoted to the institutional and organizational processes in the development of archaeological science in Uzbekistan in the 1920–1930s. Archaeological research in the Turkestan region began in the last quarter of the 19th century. The political events of 1917 radically changed the course of scientific research and the approach to its organization. In the '20s of the 20th century in Uzbekistan, more effective foundations of institutional forms, raised to the state level, began to form. These processes, starting with the discovery of the remains of certain objects, culminated in the emergence of systematic complex archaeological expeditions in the second half of the 1930s, which laid the foundation for the formation of archaeological science in the republic.

Keywords: Turkomstaris, Sredazkomstaris, Uzkomstaris, Uzbekistan, Central Asia, Afrasiab, Termez, Zarafshan valley, Tashkent.

Shamukaramova F.Sh. – Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, pr. Shakhrisabz, 5, Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; e-mail: shferuza@yandex.com

V.Yu. Yurochkin, M.B. Kizilov

EXPEDITIONS THAT NEVER HAPPENED: FOREIGNERS IN CRIMEAN GOTHIA (1920–1940s)

Summary. The article deals with aspects of the activities of representatives of foreign states related to the archaeology of the Crimean

Gothia: the German delegation to Eski-Kermen in 1929; participation of a US citizen, Russian emigrant A.E. Golomshtok in the State Academy of the History of Material Culture expedition in 1933; Nazi occupiers in 1942–1944. Based on the established facts, it is concluded that all of them were limited only by plans and intentions and did not make any real contribution to the study of the «Gothic question». However, they contributed to its politicization in the USSR. Modern conspiracy myths are not documented.

Keywords: Eski-Kermen, Mangup, Crimean Gothia, University of Pennsylvania, A. Rozenberg Headquarters, Ahnenerbe.

Yurochkin Vladislav Yu. – Institute of Crimean Archaeology RAS, pr. Academica Vernadskogo, 2, Simferopol, 295007; Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

Kizilov Mikhail B. – historian, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federatio

GENERAL QUESTIONS OF THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

A.R. Kantorovich

LECTURE COURSES BY A.V. ARTSIKHOVSKY AT THE FACULTY OF HISTORY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY AS ONE OF THE MOST IMPORTANT STAGES OF ARCHAEOLOGICAL EDUCATION

Summary. Based on archival materials, the article analyzes the innovative teaching activity of the founder of the Department of Archaeology of the Faculty of History of Moscow University (MSU), Professor Artemy Vladimirovich Artsikhovskiy. Relying on the best domestic and foreign traditions, A.V. Artsikhovskiy developed a general educational lecture course «Fundamentals of Archaeology», which had a global thematic scope, addressed to all students of the Faculty of History of MSU and later reflected in the author's study guide and his fundamental textbook on archaeology. The content and structure of «Fundamentals of Archaeology», as well as closely related course «Historiography of Archaeology» for specialized students, are analyzed. The unique and innovative nature of these lecture courses is emphasized.

Keywords: A.V. Artsikhovsky, Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow State University, «Fundamentals of Archaeology», «Historiography of Archaeology».

Kantorovich Anatoly R. – Moscow State University, Lomonosovsky pr., 27, building 4, Moscow, 119192; Russian Federation; e-mail: kantorovich@mail.ru

M.V. Medvedeva, E.G. Zastrozhnova (Pankratova)

**«WITHDRAWN DOCUMENTS
OF STATE ACADEMY
OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE»:
THE PROBLEM OF INTERPRETATION
AND PROSPECTS OF STUDY**

Summary. Political repression in academic institutions in the 1930s led to destruction of scientific schools and reorganization of institutions. Many prominent scientists were arrested as «enemies of the people», and the fate of their archival heritage is still unknown. At the Academy of the History of Material Culture in 1936, a significant part of the employees were shot, expelled from Leningrad or imprisoned in labor camps. In 1937 the institution lost its independent status and became a part of the Academy of Sciences as an ordinary institute with the renaming as the Institute of History of Material Culture (IHMC) of the Academy of Sciences of the USSR (now RAS). According to the policy of the Main Archive Directorate of the NKVD, the documents of the repressed employees were classified and confiscated from the Academy for special storage. This can be clearly seen on the example of photographs from the archives of the IHMC RAS and letters from the collection of Academician N.Ya. Marr at St. Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Sciences. The transfer certificates and archival descriptions have been preserved. According to them it was possible to establish the composition of the documents and the date of withdrawal, but the photographs and letters themselves have not yet been found. The search and return to the scientific field of declassified photographs and documents on the activities of repressed researchers and graduate students of the Academy is an urgent task of modern science. In addition to memorial significance it will provide new opportunities for studying the difficult period of the 1930s in the Leningrad academic institutions' history.

Keywords: political repressions, Department of Secret Funds of the USSR Academy of Sciences, archival materials, history of science, NKVD.

Medvedeva Maria V. – Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marriyam@mail.ru

Zastrozhnova (Pankratova) Evgenia G. – St. Petersburg Branch of the Archive Russian Academy of Science, Universitetskaya nab., 1, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: pankratova0484@yandex.ru

I.A. Sorokina

ORGANIZATION AND REGULATION OF FIELD RESEARCH BEFORE AND AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR (1930–1940s)

Summary. The article deals with the organization of field research in Russia in the 1930–1940s. The regulation system is analyzed, that is, the definition of the rights and obligations of the archaeologist in the process of their implementation, as well as the procedure for issuing license and the rules for submitting scientific reporting documentation. In 1935, the People's Commissariat of Education of the Russian Soviet Federative Socialist Republic transferred the right to issue licenses to a scientific institution – the State Academy of the History of Material Culture. In this regard, to ensure this process special departments in the structure of the Academy were formed. At the same time, the tasks of regulating field work on construction of new facilities were solved. After the Academy reorganization in 1937 into the Institute of the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR, field research was regulated by this institution. After the Institute was transferred to Moscow in 1945, the Field Research Committee (now a Department) was also transferred there, and is still functioning. During the entire period under review the methodology of archaeological excavations and exploration has been improved, and instructions and manuals for their implementation were issued.

Keywords: State Academy of the History of Material Culture, Institute of the History of Material Culture, license, field archaeological research.

Sorokina Irina A. – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: iasorokina@yandex.ru

**«HE BEHAVES AS A PROFESSOR, NOT AS A BOLSHEVIK»:
TO THE HISTORY OF THE PARTY ORGANIZATION
OF STATE ACADEMY
OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
IN THE 1930s (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)**

Summary: Based on archival documents, the article highlights the activities of the communist party organization of the State Academy of the History of Material Culture in the 1930s. From the moment of its creation in 1931, it busily took control of all spheres of activity of the leading archaeological institution of the USSR in that time, significantly increasing the politicization and ideologization of all aspects of its work. By the end of 1933, the party organization numbered eighteen members, three deputy chairmen of the Academy among them. Most of the members of the party cell were administrative, technical workers and graduate students. Few of them were engaged in the study of archaeological sites and materials, preferring more general historical themes developed on the basis of the formational approach and Marxist methodology. After the change of political attitudes of the USSR leaders in 1935–1938 the majority of party members who followed the principles of the sociological school of M.N. Pokrovsky, was repressed.

Keywords: State Academy of the History of Material Culture, party organization, archaeology, 1930s, political repressions.

Tikhonov Igor L. – St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: iltikhonov@mail.ru

PERSONALIA

I.V. Belozerova

**ALEXANDER YAKOVLEVICH BRYUSOV IN THE 1930–1940s
(ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE DEPARTMENT OF WRITTEN SOURCES
OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM)**

Summary. The article gives details of the scientific activity of A.Ya. Bryusov in the 1930–1940s, based on materials from his personal

archive in the Department of Written Sources of the State Historical Museum. The activities of the scientist in the Historical Museum, Moscow Department of State Academy of the History of Material Culture (later the Institute of the History of Material Culture / Institute of archaeology), archaeological research in the north of the European part of the USSR and in the central regions of the Russian Plain are considered. Particular attention is paid to the little-known facts of his biography during the Great Patriotic War and the post-war years.

Keywords: A.Ya. Bryusov, Historical Museum, Russian North, archaeological exploration and excavations, sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages.

Belozeroва Irina V. – State Historical Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: irina.belozero@yandex.ru

A.N. Bessudnov, S.P. Shchavelev

**PETR NIKOLAEVICH CHERMENSKY:
LIFE PATH, MUSEUM, LOCAL HISTORY
AND ARCHAEOLOGICAL ACTIVITIES**

Summary. Petr Nikolayevich Chermensky (1884–1973) is a well-known researcher of antiquities, local historian and organizer of museum work in the Central Chernozem region. Successful work in Tambov (1919–1928) and Voronezh (1928–1931) was interrupted by the verdict on the «Case of local historians» of the region. After his release, he taught in Lebedyan (1939) and Kursk (1940–1941), where he worked during the occupation and after the Great Patriotic War. Since 1950 he lived and worked in Lebedyan. He acquired field research skills at the St. Petersburg Archaeological Institute. P.N. Chermensky was one of the most trained and productive specialists in the Central Chernozem region in the historical and archaeological field. But due to various political and life troubles, he was not able to realize his full potential.

Keywords: P.N. Chermensky, St. Petersburg Archaeological Institute, Central Chernozem Region, Tambov Provincial Museum, Kursk Regional Museum of Local Lore, archaeology.

Bessudnov Alexander N. – Lipetsk State Pedagogical University, ul. Lenina. 42, Lipetsk, 398020; Russian Federation; e-mail: bessudnov_an@mail.ru

Shchavelev Sergey P. – Kursk State Medical University, ul. K. Marksa, 3, Kursk, 305041, Russian Federation; e-mail: sergej-shhavelev@yandex.ru

P.G. Gaidukov, A.A. Kudryavtsev

**ARTEMY VLADIMIROVICH ARTSIKHOVSKY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON CORRESPONDENCE
WITH COLLEAGUES AND STUDENTS)**

Summary. The article presents the milestones of A.V. Artsikhovskiy's life in 1941–1945 and reviews his correspondence with colleagues and students. The wartime letters discuss everyday life at the front and in evacuation, projects of future scientific activity, new books and conferences, different events at Moscow University and the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences. Epistolary heritage of A.V. Artsikhovskiy is a significant source on the history of Soviet archaeology and on the archaeologists' daily life during the war years.

Keywords: A.V. Artsikhovskiy, history of archaeology, wartime letters, epistolary heritage, All-Union Archaeological Conference.

Gaidukov Petr G. – Corresponding Member RAS, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: russianchange@narod.ru

Kudryavtsev Andrey A. – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

T.O. Galkin

**ANGELINA VASILYEVNA DMITRIEVSKAYA:
THE DIFFICULT LIFE OF V.A. GORODTSOV'S STUDENT**

Summary. The work is devoted to the life and scientific activity of Angelina Vasilievna Dmitrievskaya, a little-known student of A.V. Gorodtsov, whose archaeological activity fell on the '20s – '40s of the 20th century.

Keywords: A.V. Dmitrievskaya, V.A. Gorodtsov, Paletsky mounds, Paletsky settlement, war years, besieged Leningrad, excavations in Ukraine.

Galkin Timur O. – Museum-Reserve «Zaraisky Kremlin», ul. Museynaya, Kremlin, Zaraysk, 140600, Russian Federation; e-mail: timyrgalkin@gmail.com

V.Yu. Ganenok

KONSTANTIN EDUARDOVICH GRINEVICH IN 1933–1948: TWISTS AND TURNS OF HIS BIOGRAPHY

Summary. The article deals with one of the dramatic periods in the life of the archaeologist and museum worker K.E. Grinevich (1891–1970): his exile to Novosibirsk, imprisonment in the Karaganda camp and work in Tomsk. It is shown that in the 1930–1940s the scientist repeatedly became the object of repression and attacks on accusations that had no real basis. Some circumstances of K.E. Grinevich's biography are clarified: his job after release from the camp in 1940, preparations for the defense of his doctoral thesis. The author draws on new sources – letters from K.E. Grinevich to V.A. Gorodtsov and P.S. Bogoslovsky, reflecting both the activities of the addresser and his personal life, his feelings about certain events.

Keywords: K.E. Grinevich, archaeology, repressions, Tomsk University, Basandaika.

Ganenok Vladimir Yu. – Kemerovo State University, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: vova.ganenok.96@mail.ru

R.S. Zorya

KAZAN ARCHAEOLOGY IN PERSONS: NIKOLAY FILIPPOVICH KALININ

Summary. Archaeology in Kazan has a rich scientific tradition. Nikolai Filippovich Kalinin (1888–1959) occupies a special place among prominent Kazan archaeologists. The scientist appreciated the traditions of pre-revolutionary archaeology but also took part in the formation of Soviet-style archaeology. N.F. Kalinin began his scientific career in the 1920s, when he developed into a researcher. In 1930–1950s Nikolai Filippovich was the only local archaeologist. Among the main

directions of its activity were excavations and observations on Kazan territory and protection of cultural heritage objects; development and publication of the first encompassing works on ancient history and archaeology of the Volga-Kama region; formulization and working-out of the archaeological map of the TASSR. Thanks to the purposeful activity of the scientist at Kazan State University and IYaLI¹, conditions were formed for creation of a functioning system for the local professional archaeologist training.

Keywords: N.F. Kalinin, Republic of Tatarstan, archaeology in the TASSR, history of archaeology, biography.

Zorya Roman S. – Sevastopol State University, ul. Universitetskaya, 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; e-mail: romanzorya@bk.ru

M.V. Medvedeva

**TRAINING OF NATIONAL PERSONNEL
IN STATE ACADEMY
OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE:
THE FATE OF POSTGRADUATE STUDENT A.Kh. MARGULAN**

Summary. Postgraduate training program at State Academy of the History of Material Culture in the 1920–1930s released a whole galaxy of brilliant scientists – archaeologists, ethnographers, historians, orientalists, architects, art critics. The actively unfolding Soviet nation-building on the territory of the USSR opened a great opportunities for young specialists from the Union republics to study at the leading universities and scientific institutions of the country. Within the framework of this program, A.Kh. Margulan, the future founder of the archaeological and ethnographical school of Kazakhstan, was admitted to SAHMC as a postgraduate student. Little was known about the Leningrad period of the scientist's life, but in recent years a set of documents related to his postgraduate studies at the State Institute of SAHMC and IHMC² of the USSR Academy of Sciences (1931–1938) has been discovered. Basing on their analysis, it became possible to clarify the details of A.Kh. Margulan's biography in the 1930s.

Keywords: A.Kh. Margulan, archival documents, archaeology of Central Asia, USSR national policy, oriental studies.

¹ Institute of Language, Literature and Art.

² Institute of the History of Material Culture

Medvedeva Maria V. – Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marriyam@mail.ru

A.A. Nepomnyashchy

**ORGANIZER OF SOVIET CRIMEAN STUDIES
NIKOLAI ERNST**

Summary. Against the background of a review of the main processes in the historical Crimean studies of the '20s – '30s of the 20th century the article restores the scientific biography of a prominent Soviet archaeologist and Crimean historian Nikolai Lvovich Ernst (1889–1956). He was one of the organizers of the Central Archive of Crimea, a professor at the Crimean University (Pedagogical Institute) named after M.V. Frunze, director of the Central Museum of Taurida, the first head of the Academic Library of the Tauride University, the last chairman of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography. Based on N.L. Ernst's epistolary heritage, little-known stories related to interpersonal communications among Crimean scientists are presented, showing intellectual tension among Crimean scientists in the 1920s. The geography and content of Ernst's archaeological research is restored, the content of his conflict with N.I. Repnikov due to excavations at Eski-Kermen became clear.

Keywords: N.L. Ernst, Crimean studies, Eski-Kermen, Central Museum of Taurida, library.

Nepomnyashchy Andrey A. – Crimean Federal University, pr. Academica Vernadskogo, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: dr.aan@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести
АДСВ – Античная древность и средние века
АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АИЯЛИ АН РТ – Архив Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии Наук Республики Татарстан
АМКМ – архив Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мар-
тьянова
АН СССР – Академия наук СССР
АН УССР – Академия наук УССР
АНВО – Археологическое наследие Волгоградской области
АРАН – Архив Российской академии наук
Архив БГУ – Отдел архивной работы, учета и использования документов
Белорусского государственного университета
Архив ОНУ – Архив Одесского национального университета имени
И.И. Мечникова
АТССР – Автономная Татарская Советская Социалистическая Респуб-
лика
БАН – Белорусская Академия наук
БГУ – Белорусский государственный университет
ВВ – Византийский временник
ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
ВГСПУ – Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВИ – Вопросы истории
ВК – Вопросы краеведения
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВоГРЭС – Воронежская гидроэлектростанция
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории
и культуры

ВТУЗ – Высшее техническое учебное заведение
ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ВФ – Вопросы философии
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАВО – Государственный архив Волгоградской области
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАИС – Государственная академия искусствознания
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАКО – Государственный архив Курской области
ГАЛО – Государственный архив Липецкой области
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРК – Государственный архив Республики Крым (г. Симферополь)
ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАТО – Государственный Архив Тверской области
ГАУ НКВД – Главное архивное управление НКВД
ГИАМЗХТ НА – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Научный архив
ГИМ – Государственный исторический музей
ГКО – Государственный комитет обороны
Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГМТР – Государственный музей Татарской Республики
ГМЭ – Государственный музей этнографии
ГорОНО – городской отдел народного образования
ГПУ УССР – Государственное политическое управление УССР
ГУБЗУ – Губернское земельное управление
ГУЛАГ – Государственное управления лагерями ОГПУ
ДВДС – Древности Волго-Донских степей
ДТК – Дом татарской культуры
ЗОИКК – Записки общества исследователей Коми Края
ЗТМ – Записки Тетюшского музея
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИД ВГУ – Издательский дом Воронежского государственного университета
ИААЭ – Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
ИИДО – Институт истории доклассового общества
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН
ИИФО – Институт истории феодального общества
ИКЗ – Историко-краеведческие записки
ИКП – Институт красной профессуры
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований
Инбелкульт – Институт белорусской культуры
ИНК – Историческое наследие Крыма
ИНЭУ – Институт экономики и управления – негосударственное образовательное учреждение
ИООИД – Императорское Одесское общество истории и древностей
ИПКНОЗС – Институт повышения квалификации кадров народного образования Западной Сибири
ИПЦ ВГУ – Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИСПБУ – Императорский Санкт-Петербургский университет
ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь
ИТОИПКМК – Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края
ИТУАК – Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
ИФФ – Историко-филологический факультет
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
КАССР – Киргизская автономная советская социалистическая республика
КГМУ – Курский государственный медицинский университет
КГПИ – Калининский государственный педагогический институт
КГПИ – Курский государственный педагогический университет
КГУ – Казанский государственный университет

КГУ – Курский государственный университет
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИАУ – Краткие сообщения института археологии Украины
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КФАН – Казанский филиал Академии наук
КФУ – Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
КЭИ – Комиссия экспедиционных исследований
ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт
ЛИТМО – Ленинградский институт точной механики и оптики
ЛИФЛИ – Ленинградский историко-философско-лингвистический институт

ЛКМ – Лебедянский краеведческий музей
ЛО ИИ – Ленинградское отделение Института истории
ЛОИИМК – Ленинградское отделение института истории материальной культуры

ЛОКМ – Липецкий областной краеведческий музей
МАИ – Московский археологический институт
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАЭ АН СССР – Музей антропологии и этнографии АН СССР (Кунсткамера)

МГПИ – Московский государственный педагогический институт
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИМК – Музей истории материальной культуры, Томск
МК – Местный комитет
МОГАИМК – Московское отделение ГАИМК
МОИИМК – Московское отделение ИИМК АН СССР
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
НА ККМ – Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея

НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь
Наркомпрос/НКП – Народный комиссариат просвещения
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НАУз – Национальный архив Узбекистана (ранее ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан)

НАФРФИИФЭ – Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рыльского НАН Украины (г. Киев)

НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция

НИИ – Научно-исследовательский институт

НИИКМР – Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКП УССР – Народный комиссариат просвещения УССР

НМРК КП – Национальный музей Республики Коми, Книга поступлений

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

НОТ – Научное общество татароведения

НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд Музея Археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ОГУ – Одесский государственный университет

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ОИ – Отечественная история

ОИАМ – Одесский историко-археологический музей

ОИКК – Общество изучения Киргизского края

ОИТ – Общество изучения Татарстана

ОКУ – Областное казенное учреждение

ОО МАИ – Оренбургское отделение Московского археологического института

ОИПЦ – областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОПИ НГМ – Отдел письменных источников Новгородского музея-заповедника

ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия

ПА – Поволжская археология

ПВХО – Противовоздушная и противохимическая оборона

ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПК – Поволжский край
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИАМЗ – Рязанский историко-культурный заповедник
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РНБ ОАД – Российская национальная библиотека. Отдел архивных документов (г. Санкт-Петербург)
РНФ – Российский научный фонд
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая партия (большевиков)
СА – Советская археология
САГУ – Средне-Азиатский государственный университет
САИ – Свод археологических источников
Самкомстарис – Самаркандский Комитет по охране памятников старины, искусства и природы
СВАЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический институт
СГУ – Саратовский государственный университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СМК – Севастопольский музей краеведения
СНК – Совет Народных Комиссаров
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СОКМ – Сталинградский областной краеведческий музей
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СПбф АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
Средазкомстарис – Среднеазиатский Комитет по охране памятников старины, искусства и природы
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТвГУ – Тверской государственный университет

ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТГУ – Тамбовский государственный университет
ТГУ – Томский государственный университет
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТКАЭ – Труды Куйбышевской археологической экспедиции
ТНИИЯЛИ Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТССАИЧП – Труды советской секции ассоциации по изучению четвертичного периода
ТУАК – Тамбовская ученая архивная комиссия
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия
Туркомстарис – Туркестанский Комитет по охране памятников старины, искусства и природы
УдНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт при Правительстве Удмуртской АССР
Узкомстарис – Узбекстанский Комитет по изучению и сохранению старины, искусства и природы
УК РСФСР – Уголовный кодекс Российской советской федеративной социалистической республики
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел СССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФМИ – фонды музея истории Пермского государственного национального исследовательского университета
ФОН – Факультет общественных наук
ФО НА ИИИМК РАН – Фотографический отдел Научного архива ИИМК РАН
ХакНИИЯЛИ – Хакаский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦГА СПб – Центральный государственный архив, г. Санкт-Петербург
ЦГАИПД – Центральный государственный архив историко-политических документов
ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, Ленинград
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦИК Туркеспублики – Центральный исполнительный Комитет Туркеспублики

ЦК – Центральный комитет
ЦКБ – Центральное бюро краеведения
ЦМТР – Центральный музей Татарской Республики
ЦЧО – Центрально-Черноземная область
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЭОН – Экспедиция особого назначения
ВА – Bundesarchiv
INQUA (англ. International Union for Quaternary Research) – Международный союз по изучению четвертичного периода
NARA – National Archives and Records Administration. Washington

ИЛЛЮСТРАЦИИ

**Белозёрва И.В. Александр Яковлевич Брюсов в 1930–1940-е годы
(по материалам Отдела письменных источников ГИМ)**

*Рис. 1. Члены археологического сектора ГАИС: сидят (слева направо) <...>, Н.И. Новосадский), П.А. Дмитриев, В.А. Городцов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, О.А. Гракова-Кривцова, <...>; стоят: О.Н. Бадер, А.В. Арциховский, (В.Д. Блаватский, П.С. Рыков, А.С. Башкиров, Г.Ф. Дебец, Л.А. Евтюхова, Н.А. Прокошев, А.Я. Брюсов, А.С. Смирнов. 17 октября 1931 г.
Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 470. Л. 53*

Рис. 2. Сотрудники ГИМ; слева направо: <...>, А.Я. Брюсов, А.В. Арциховский, Е.В. Веймарн, С.В. Киселев, Е.И. Крупнов, Д.А. Крайнов. 1931 г.
Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 431

Рис. 3. Школьники-кружковцы ГИМ на выставке музея. Справа: литературовед-пушкинист М.А. Цявловский и археолог А.Я. Брюсов. Середина 1930-х гг.
Фото. © Ведомственный архив ОПИ ГИМ

Рис. 4. Участники экспедиции в Карелии, у порога Шойрукша на р. Выге. Слева направо: А.М. Линевский, Д.А. Крайнов, Н.А. Прокошев, А.Я. Брюсов, С.В. Романовская, Ю.М. Пылаева, В.М. Подгорная. [1929-1930 гг.]. Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 129. Л. 83

Рис. 5. Участники раскопок Гонцовской палеолитической стоянки. Слева направо: И.Г. Пидопличко, А.Я. Брюсов, И.Ф. Левицкий. Гонцы. 1935 г. Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 150. Л. 23

*Рис. 6. Группа историков и археологов, работавших на раскопках во время строительства Московского метрополитена: сидят (слева направо): Д.Д. Букинич, А.Е. Алихова, Т.С. Пассек, В.А. Городцов, Л.А. Евтюхова, А.Я. Брюсов, А.В. Збруева, Д.Н. Эдинг; стоят: М.В. Талицкий, <...>, А.П. Смирнов, В.И. Лебедев, Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, С.В. Киселев, П.А. Дмитриев, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова. Середина 1930-х гг.
Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 368. Л. 53*

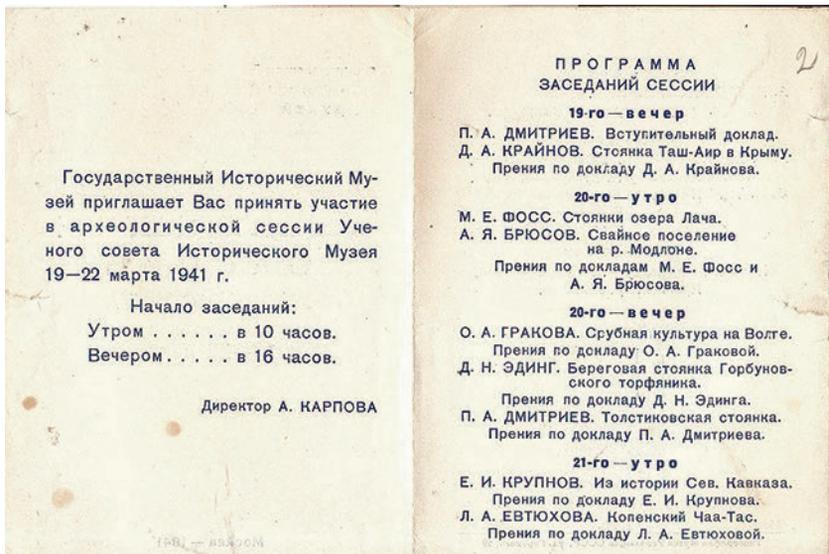
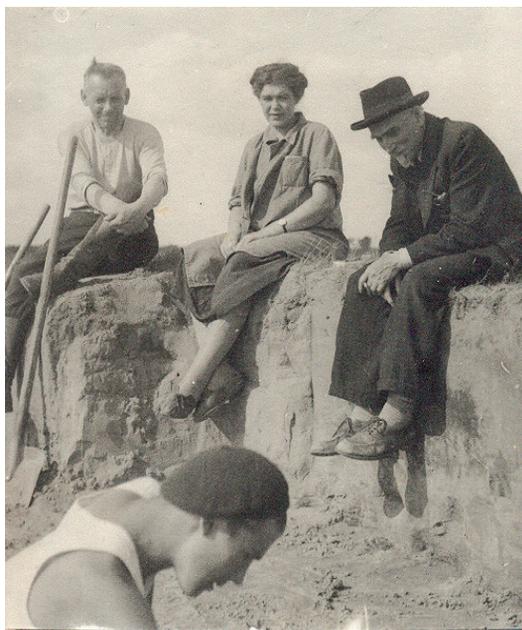

Рис. 7. Пригласительный билет А.Я. Брюсову на заседание сессии Ученого совета Исторического музея 19–22 марта 1941 года.
© ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 49. Л. 106–2

*Рис. 8. Участники раскопок в д. Большое Буньково Московской области.
Справа налево: А.Я. Брюсов, В.М. Раушенбах. 1949 г.
Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 191. Л. 1*

*Рис. 9. А.Я. Брюсов со студентами Карело-финского университета.
Петрозаводск. 1949 г. Фото. © ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 370. Л. 3*

Бессуднов А.Н., Щавелёв С.П. Петр Николаевич Черменский: жизненный путь, музейно-краеведческая и археологическая деятельность

Рис. 1. Петр Черменский – студент. ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского, б/н

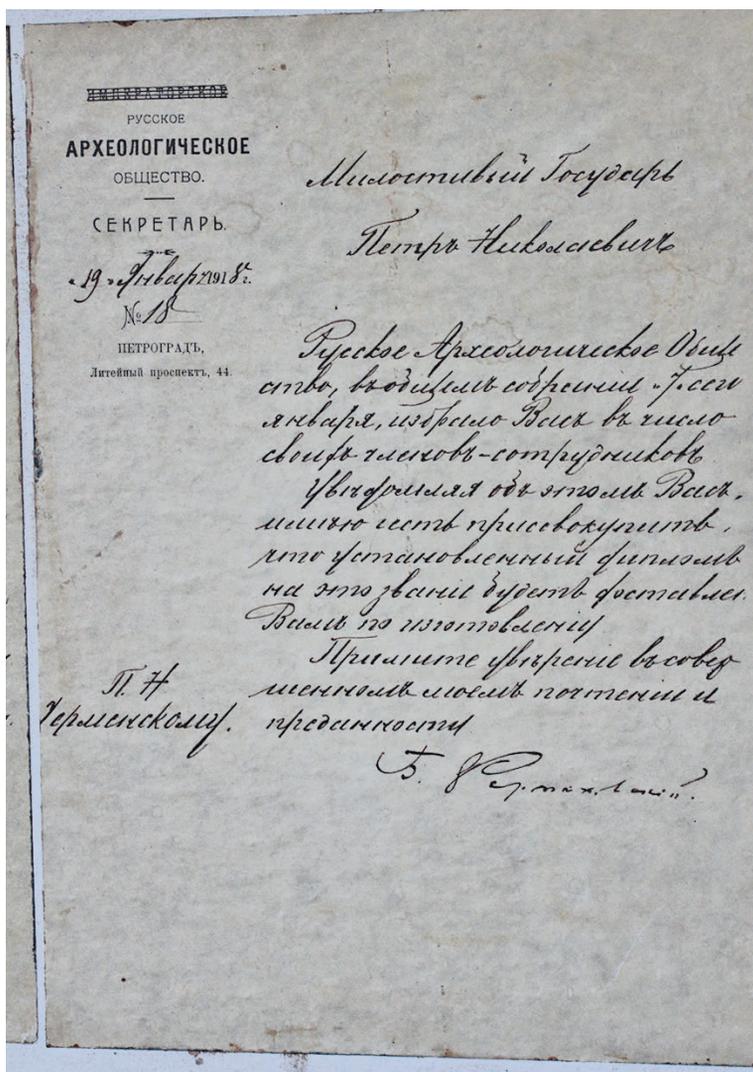
Рис. 2. Аттестат П.Н. Черменского об окончании Императорского Санкт-Петербургского археологического института от 8 мая 1911 г.
ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского, б/н

*Рис. 3. Петр Николаевич Черменский (предположительно 1918 г.).
ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского, б/н*

*Рис. 4. П.Н. Черменский: фото к 80-летнему юбилею.
ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского, б/н*

РУССКОЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.
СЕКРЕТАРЬ.

19. Февраля 1918г.
№ 18
ПЕТРОГРАДЪ,
Литейный проспект, 44.

Милостивый Государь
Петръ Никольевичъ

Русское Археологическое Обще-
ство, ввиду имъ сообщеннаго 7. сего
января, избраннаго Вася въ число
своихъ членовъ-сотрудниковъ,
устанавливая объ этомъ Вася,
имѣю честь присвоить
это установленный форматъ
на это званіе дублетъ формата
Вашаго по изготовленію
Примите утвержденіе въ совер-
шенномъ словесъ почтеніи и
преданности

П. Н.
Черменскому.

Г. И. Романовскій.

Рис. 5. Удостоверение об избрании П.Н. Черменского в число членов-сотрудников
Русского археологического общества.
ЛКМ. Личный фонд П.Н. Черменского, б/н

*Рис. 6. Бюст П.Н. Черменского у Лебедянского краеведческого музея.
Фото А.Н. Бессуднова*

**Вайтович А.В. У истоков белорусского археологического образования
(1921–1944)**

*Рис. 1. С.З. Каценбоген
(по: Максимчик, 2017)*

*Рис. 2. А.Н. Лявданский
(по: Асоба і помнік, 2021)*

Рис. 3. В.К. Щербаков (по: Яновский, 2017)

Рис 4. Первая археологическая практика студентов БГУ. Крым, 1939 г.
 © Архив кафедры археологии и специальных исторических дисциплин БГУ.
 Публикуется впервые

**Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археология Енисейской Сибири:
30–40-е годы XX века**

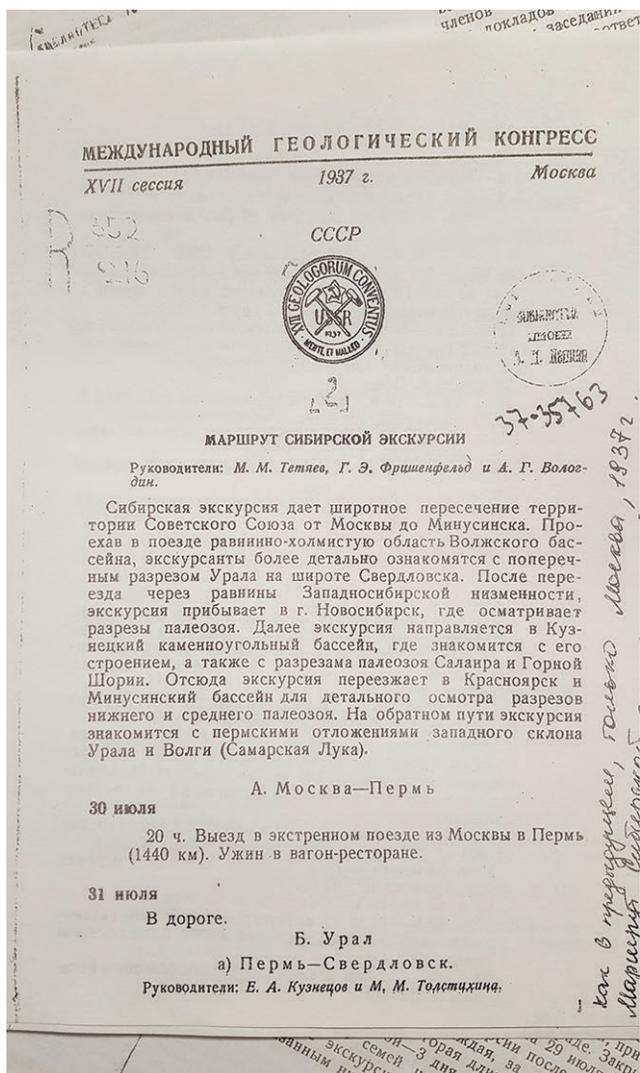

Рис. 1. Титульный лист издания трудов XVII сессии
Международного геологического конгресса

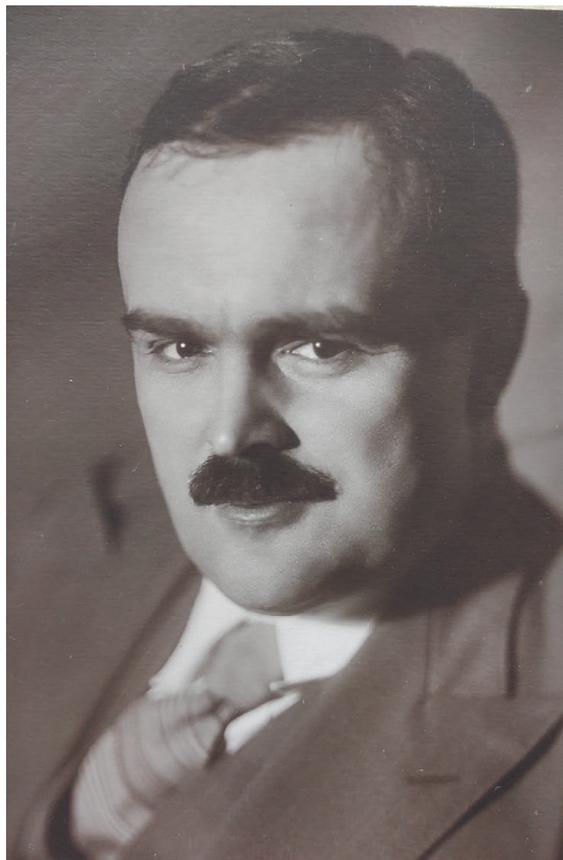

Рис. 2. Э.Р. Рыгдылон. Фрагмент выставки Музея истории Бурятии в Красноярске. 2016 г. Фото Макарова Н.П.

Рис.3. Э.Р. Рыгдылон в пещере Бирюсы.
Фото Малобицкого С.О. КККМ. НЭГ 14863

**Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А. Артемий Владимирович Арциховский
в период Великой Отечественной войны
(по материалам переписки с коллегами и учениками)**

*Рис. 1. Артемий Владимирович Арциховский. Май 1941 г.
НА ИА РАН. Ф. 12. Личный фонд С.В. Киселёва. Д. 13. Л. 209*

Zeichnung: Hans O. Wende

12.3.45г.

Здравствуйте глубокоува аспов Армений Радичеву
 Feldpost
 от. 45 а

Я никогда не рачивала
 и руководств армолинии
 но не для очень огня
 к великому козну
 Будущая прова.

Я пишу по старому, по-
 доверю от [redacted]
 и отбивает все удачи
 свое болло Ленинградной
 бы отпустил тыча зря
 русские. познечи. Ряд
 долей доисав. Но
 фрейрера разночтения
 на картина. Ортмашонис

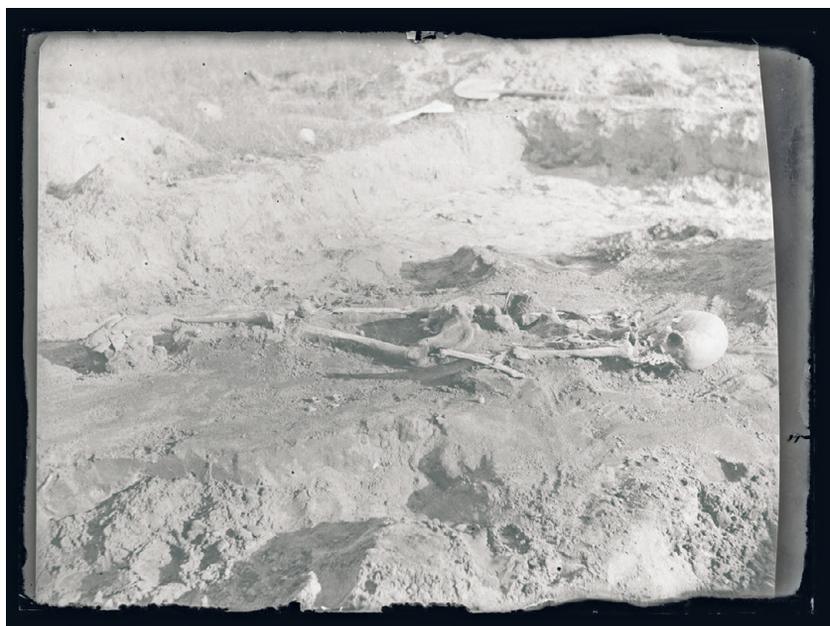
попыну. Знаютица ве-
 лежа, осажденные в городе
 инно. Ботаро бы поларит
 тинны. Голд озаочивает
 мило фронт ба
 истребительных истребителей и
 напрекаратнической
 фронте. Протиния следови. пологий
 Ортмашонис

Рис. 2. Письмо А.В. Никитина А.В. Арциховскому от 12 марта 1945 г.
 © НА РАН. Ф. 1804. Д. 185. Л. 3, 3об.

*Галкин Т.О. Ангелина Васильевна Дмитриевская:
непростая судьба ученицы В.А. Городцова*

*Рис. 1. А.В. Дмитриевская на Перевицком Торжке, обрыве к Оке. Лето 1927 г.
Фото Н.В. Ирошникова. КП-15369*

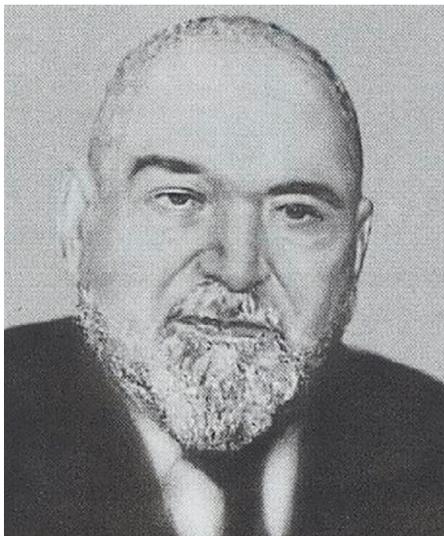

*Рис. 2. Женское погребение, вскрытое в Палецких курганах. Лето 1927 г.
Фото Н.В. Ирошникова. КП-15366*

Рис. 3. Раскопки на территории зарайского кремля. На заднем плане слева – здание бывших Присутственных мест, справа – собор Иоанна Предтечи и надгробие над могилами рязанских князей (ныне не сохранившееся). 1927 г. КП-15381

*Ганенок В.Ю. Константин Эдуардович Гриневич в 1933–1948 годах:
перипетии биографии*

*Рис. 1. Константин Эдуардович
Гриневич (1891–1970)*

Рис. 2. Участники экспедиции в урочище Басандайка близ Томска. Второй ряд, слева направо: Е.М. Пеняев, З.Я. Бояришинова, Г.В. Трухин, К.Э. Гриневич, А.П. Дульзон, В.Н. Минаева-Гриневич. 1945 г. © НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4. Л. 79

*Жукова Е.Н. Археологические исследования в Калининской области
в 1930–1940-е годы*

Рис. 1. Анатолий Николаевич Вершинский. 1943 г. © Фонд Музея истории ТвГУ

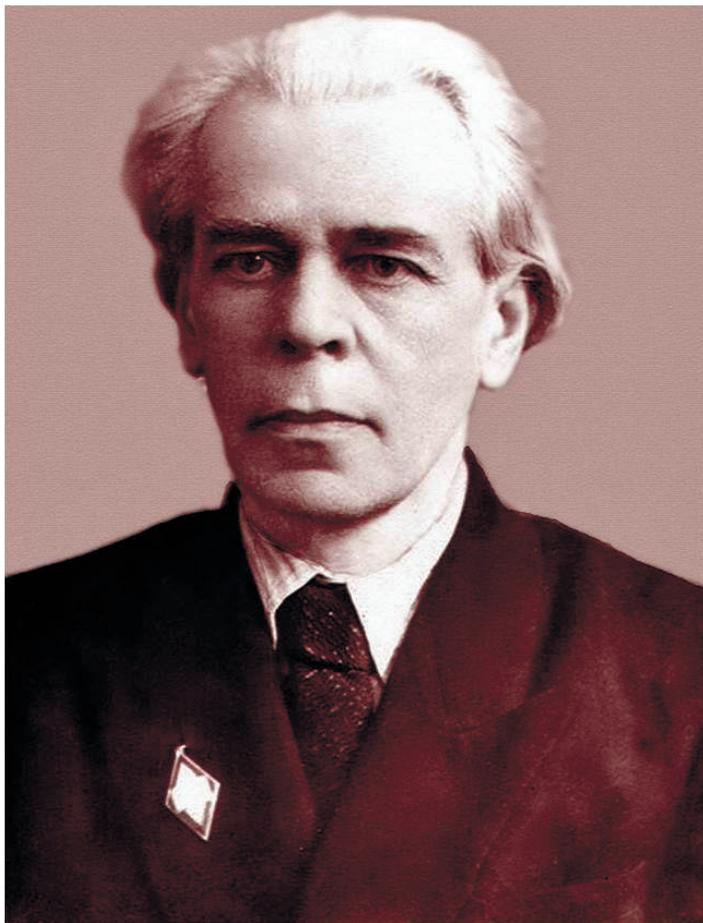

*Рис. 2. Экспедиция на р. Тьму, 1938 г. Руководитель А.Н. Вершинский.
© Фонд Музея истории ТвГУ*

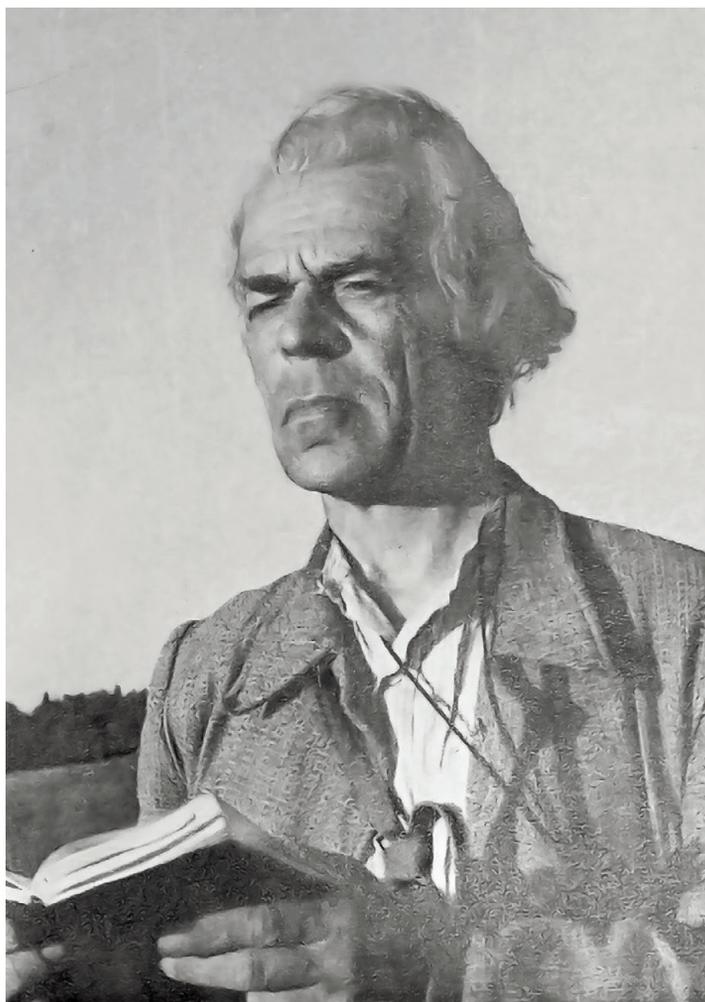

Рис. 3. Василий Сергеевич Тарасенко. 1962 г. © Фонд Музея истории ТвГУ

*Зоря Р.С. Казанская археология в лицах:
Николай Филиппович Калинин*

*Рис.1. Николай Филиппович Калинин (1950?).
© АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 47. Л. 3*

*Рис. 1. Н.Ф. Калинин на Чуру-Барашевском городище, август 1949 г.
© АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех. 173. Л. 1*

Канторович А.Р. Лекционные курсы А.В. Арциховского на историческом факультете МГУ как один из важнейших этапов археологического образования

Отчет по кафедре археологии Истфака МГУ за 1939-1940 учебный год.

I. Общий курс. На I курсе А. В. Арциховский прочел дифференциальный курс „Введение в археологию“ (60 часов) и прожаментовал по нему 290 студентов (270 человек и 20 жетерсов). С. В. ~~Жуков~~ Жиселев вел музейные занятия по этому курсу (7 групп по 2 часа, всего 4 часа). К сожалению, занятия эти были неадекватными, и ни одна лекция не привлекла студентов, что привело к недостаточной наглядности курса, по которому требуется знание вещей.

II. Специальные курсы. Для студентов, специализирующихся по кафедре археологии, прочтены следующие курсы:

на III курсе М. В. Введенский „Археология каменного века“ (40 часов лекций и 20 часов музейных занятий), С. В. Жиселев (столько же часов), „Археология бронзового и железного века“ (столько же часов), В. И. Гривов „Археология животного“ (2 часа)

на IV курсе М. В. Введенский „Археология каменного века“ (40 часов лекций и 20 часов музейных занятий), С. В. Жиселев „Археология бронзового и железного века“ (столько же часов), В. Д. Блаватский „Археология антиквариата“ (столько же часов), Б. П. Родаров „Археология древней Руси“ (10 часов лекций и 4 часа ~~на~~ музейных занятиях, окончание курса перенесено на осень), Е. П. Старицкий „История“ (24 часа).

Рис. 1. Автограф А.В. Арциховского: отчет от заседании кафедры археологии, с. 1.
© Архив кафедры археологии МГУ. Оп. 1. Д. 6. Л. 1

Каргин Ю.Ю. «С чистого листа» или археология в Сталинградском областном краеведческом музее в период пребывания в Камышине (1946–1954)

Рис. 1. Здание Сталинградского областного краеведческого музея в Камышине

*Рис. 2. Коллектив Сталинградского областного краеведческого музея, 1954 г.
В первом ряду слева направо: художник В.Я. Штальф, главный хранитель
В.Б. Митрофанова (Лившиц), директор А.И. Митрофанов*

*Медведева М.В. Подготовка национальных кадров в ГАИМК:
судьба аспиранта А.Х. Маргуланова*

*Рис. 1. А.Х. Маргулан. 1920-е гг.
(по: Азаров, 2019)*

*Рис. 2. А.Х. Маргулан (по: Бейсенов,
Джумабекова, Базарбаева, 2017)*

64/15
65

Мое Жизнеописание

Я родился в бедной семье сельхоз-
батрака в 1902 г. на Тидертах (Казахстан).
Отец будущи грамотным по арабски -
в молодости занимался с детьми одно-
сельчан, которых бесплатно научил
писать и читать на родном языке.
Однако, ввиду тяжелого материального
положения, он не мог продолжать
это занятие, и он целиком перешел
на добывание себе средств для суще-
ствования. Словом с 16 лет до смерти
(1919 г.) отец был крайне бедным, перво-
начально занимался батрачеством. Вот
на этом фоне родился я. В 16 летного
возраста находился на Икедибелинотеда,
затем перешел в Сельхозшкола.

По определению отца с 8-го до 13 лет учился
в туземной школе, где научился писать
и читать по арабски, и где все школь-
ники занимались только чтением
произведений Ср. Аб. поэтов и писателей.
Но получить европейское образование
тогда еще не мог, потому что покамест
в русскую школу было очень трудно и главное

Рис. 3. Фрагмент автобиографии А.Х. Маргулана, написанной в 1932 г.
© АРАН. Ф. 524. Оп. 3. Д. 127. Л. 6

Медведева М.В., Застрожнова (Панкратова) Е.Г. «Изъятые документы
ГАИМК»: проблема интерпретации и перспективы изучения

СПИСОК
книг передвижной библиотеки
99-46

№ по порядку	Автор	Заглавие	Инвентарн. номер	Шифр	ПРИМЕЧАНИЕ
		Колл. №209			
		Выставка ГАИМК к XV годовщине Октябрьской революции 1932г.: Иллюстрации к выставкам ГАИМК "Перелом" от 7/II 32г. (VI-IX) и к криту выставки Библиотеки ГАИМК.			
	св. И. Ф. Тислякова 1932г. (акт №2/32г.)		Фонд поступления: 10/ХI 32г. Комплексы: Н-13; О-11		
инвентар	№ колл. №/п				
	209 1	[REDACTED]			№209-1 и 209-2
	209 2	[REDACTED]			на 1/2) с 1/2) с 1/2) список от 3/2/37 Пись
Г-3591 761.13	209 √ 3	Портрет ^{ак.} С. А. Жвалова - фая (сн. окт. 1932г.)	Галерея ГАИМК		
Г-3592 0.761.22	209 4	Портрет М. Швидяка, файлы сестры, Галерея ГАИМК (сн. окт. 1932г.)	Галерея фото-галереи сестры, Галерея ГАИМК		
Г-10169 0.761.14	209 5	Портрет С. И. Ковалева мин. сестры, Галерея ГАИМК (сн. 3/31)	Галерея ак-мин. сестры, Галерея ГАИМК (сн. 3/31)		
Г-10170 0.761.15	209 6	Портрет Ф. Л. Шифта, Галерея ГАИМК (сн. 3/31)	Галерея мин. Кадров, Галерея ГАИМК (сн. 3/31)		
Г-10171 0.761.15	209 √ 7	Портрет В. Данилевского, Галерея ГАИМК (сн. 3/31)	Галерея мин. Кадров, Галерея ГАИМК (сн. 3/31)		

Рис. 1. Фрагмент описи фотоматериалов ГАИМК с изъятymi документами.
© ФО НА ИИМК РАН. Ф. 46. Кол. 209. Л. 1

*Рис. 2. Вынос гроба с телом Н.Я. Марра. Мраморный дворец (ГАИМК).
Второй слева от гроба – Ф.В. Кипарисов, третий справа в последнем ряду –
С.Н. Быковский. 1934 г. © СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 294. Л. 130*

Кабинет Н.Я.Марру ИИМК

Выписка из описи фонда В /письма к Н.Я.Марру/

Инв.	Шифр	Фамилия корреспондента	Количество	
			Писем	Листов
2862	В 46	Аптекарь, В.В.	10	15
2808	В 93	Бешинджагян, Л.Г.	21	30
2818	В 103	Бенешевич, В.Н.	21	30
2844	В 129	Боровко, Г.И.	2	3
2856	В 141	Бубнов, А.С.	3	3
2866	В 157	Бухарин, Н.И.	2	2
2868	В 153	Быковский, С.Н.	20	47
2842	В 227	Генко, А.Н.	4	6
2889	В 274	Гримм, Э.Д.	4	7
2895	В 280	Груздев, Э.Л.	3	5
2956	В 340	Дубровский, В.М.	1	2
2969	В 353	Енукидзе, А.С.	1	1
3029	В 413	Иованнисян, А.Г.	16	34
3054	В 438	Карахан, Л.М.	1	1
3057	В 441	Карев, Н.А.	1	1
3081	В 465	Кипарисов, Ф.В.	19	32
3115	В 469	Коркмязов	7	7
3225	В 618	Маторин, Н.М.	3	5
3241	В 624	Мегредзе, Н.Р.	11	20
3284	В 667	Мухарджи	1	1
3299	В 682	Невский, В.И.	2	4
3391	В 775	Пригожин, А.Г.	12	26
3404	В 788	Рафвил, М.А.	11	16

Рис. 3. Письма к Н.Я. Марру, изъятые по акту от 10 февраля 1939 г. в Спецотдел АН СССР. © СПбФ АРАН. Ф. 800. Учетная документация

Непомнящий А.А. Организатор советского крымоведения
Николай Эрнст

Рис. 1. Николай Львович Эрнст

Рис. 2. Коллектив Центрального музея Тавриды у фасада здания по ул. Долгоруковской. Симферополь, 1927 г. Фото из фондов Центрального музея Тавриды

Рис. 3. Киик-Коба, 1925 г. Стоят справа налево: В.В. Бунак, Б.С. Жуков, Н.Л. Эрнст. © РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1926. Д. 198. Л. 3

*Руденко К.А. Археология в ТАССР во второй половине 1930-х –
конце 1940-х годов*

*Рис. 1. А.М. Ефимова. 1930-е гг.
Из личного архива Н.Д. Аксёновой*

*Рис. 2. О.С. Хованская. 1930-е гг.
Из семейного архива Хованских*

*Рис. 3. А.П. Смирнов. 1941 г.
(по: Мельникова, Останина, 2020)*

*Рис. 5. А.М. Ефимова, заведующая
историческим отделом ГМТБ,
1946 г.*

© НМ РТ. № В-18598

Рис. 4. Н.Ф. Калинин. Экспедиция 1948 г. © Архив ИА АН РТ

*Рис. 6. З.А. Акчурина. Начало 1950-х гг. Болгарское городище.
Из личного архива Н.Д. Аксёновой*

*Рис. 1. Лагерь Варениковской археологической экспедиции, 1938 г.
Архив КГИАМЗ. Д. 54*

*Рис. 2. Раскопки Семибратнего городища Варениковской экспедицией под рук.
Н.В. Анфимова, 1938 г. © Архив КГИАМЗ. Д. 80*

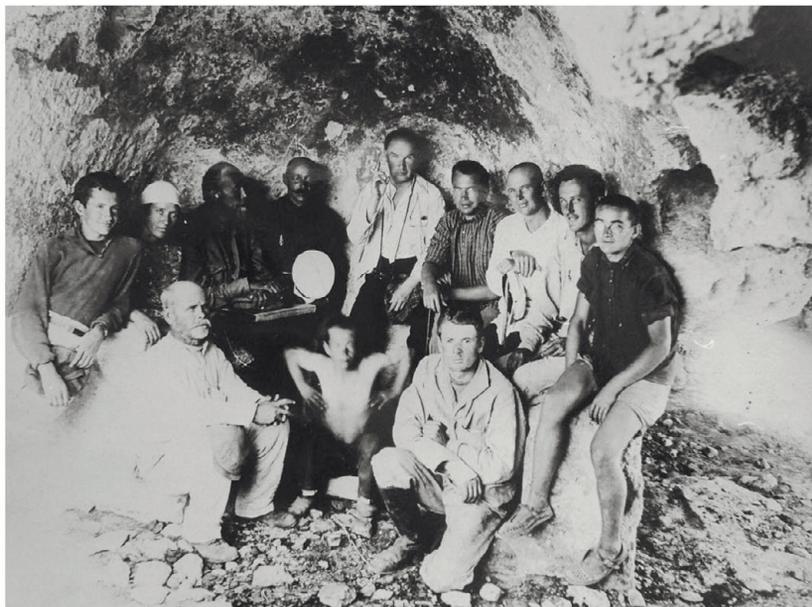

*Рис. 3. Н.В. Анфимов
в раскопе на Семибратнем
городище, 1938 г.
© Архив КГИАМЗ. Д. 80*

*Рис. 4 Н.В. Анфимов читает лекцию на раскопках Семибратнего городища,
1940 г. © Архив КГИАМЗ. Д. 148*

**Юрочкин В.Ю., Кизилов М.Б. Экспедиции, которых не было:
иностранцы в Крымской Готии (1920–1940-е гг.)**

*Рис. 1. Эски-Кермен. В верхнем ряду в центре – А.И. Анисимов, слева на право: третий – Н.И. Репников, четвертый – П.П. Бабенчиков, восьмой – Е.В. Веймарн, девятый – С.Ф. Стржелецкий. В нижнем ряду слева – Н.З. Федоров (?)
(по: Акимченков, 2012)*

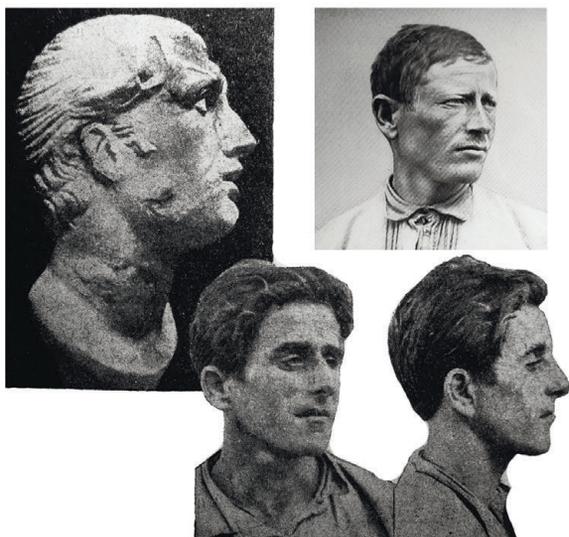

Рис. 2. Коллаж (по: Петров, 1929)

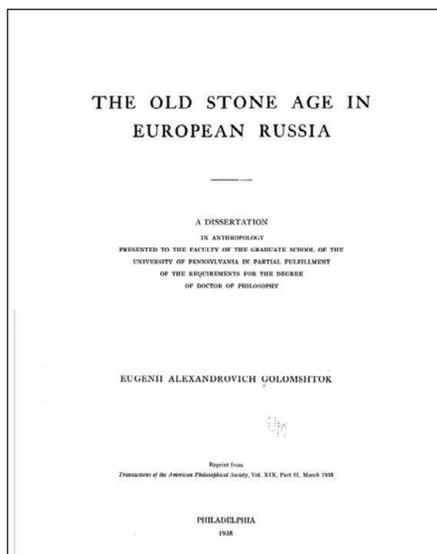

Рис. 3. Титульный лист издания: Golomshtok, 1938

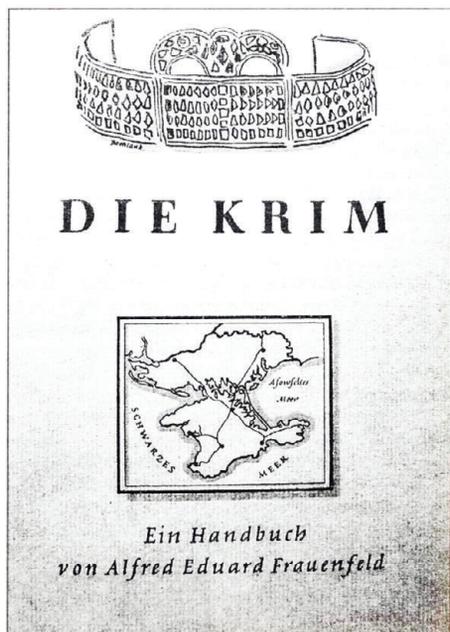

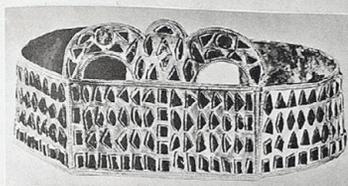
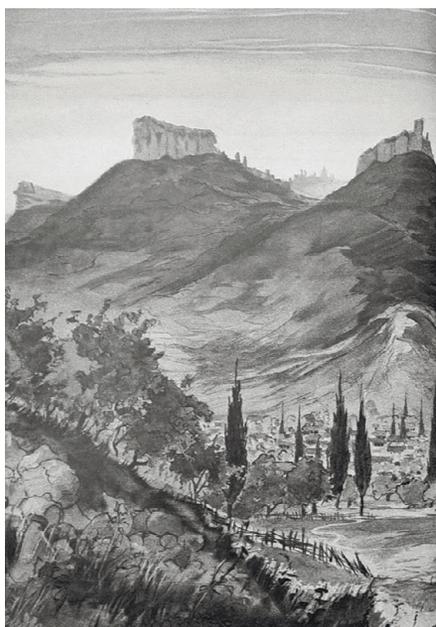
Рис. 4. Титульный лист издания:
Frauenfeld, [1942(?)]

Рис. 5. Немецкие военные (предположительно Л. фон Альвенслебен, Г. Кальк
и В. Боймельбург) на Мангуте (по: Pringle, 2006)

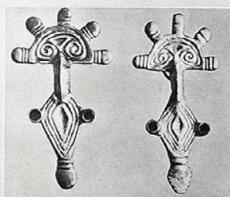

Рис. 6. Немецкий военный (предположительно, В. Боймельбург) с черепом на кладбище Мангунской цитадели (no: Pringle, 2006)

Aus einem Grab bei Kertsch stammt die sogenannte Königskrone

GOTENSCHMUCK

Silberne Fünfzinnenfibel aus Kertsch

Schnalle mit stilisiertem Adlerkopf aus Kertsch

Рис. 7. Рисунок Мангуна и артефакты из Крыма (no: Wir kämpften..., 1942)

Рис.8. Оккупанты
в Черкес-Кермене
(по: Юрочкин, 2017)

Рис. 9. Эски-Кермен в нацистских изданиях
(по: Stampfuß R., 1942; Eski-Kermen, 1942)

Рис. 10. Немецкие военные (научная группа?) в пещере Эски-Кермена. Семейный архив И. Боума (г. Вена). Публикуется впервые

Рис. 11. Немецкий военный на Эски-Кермене. Семейный архив И. Боума (г. Вена). Публикуется впервые

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск VI

Отв. редактор: И.А. Сорокина
Верстка: Г.С. Пузакова
Дизайн обложки: Н.С. Сафронова

Подписано в печать 30.11.2022

Формат 60x90/16

Уч.-изд.л. 30,6

Бумага офсетная

Тираж 300. Заказ №

ИА РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в

ISBN 978-5-94375-386-2

9 785943 753862